

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiyvasily.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zhukovskiyvasily.ru/> Приятного чтения!

Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Друг мой любезный, князь тупоносый,
В мире сем тленном все пустяки,
Все привиденье, призрак минутный!
Это вчерашний я вечер узнал!
Я, разлучившись, милый, с тобою,
Вздумал поехать, так и сказал,
К нашему басней творцу Лафонтену,
О Провиденье! Тайны твои
Кто из безумных двуногих животных
Может рассудком слепым изъяснить!
Я но дороге вздумал заехать
Для корректуры прочтенья домой!
Сел и читаю... читаю... читаю...
Глядь на часы! Десять часов!
Шубу и шляпу – в сани скорее...
Вихрем, собака, извозчик, лети!
Скачем... несем... трех баб задавили,
Шавку измяли – в спину иона
Толкнули оглоблей... Семь поросенков
Наскоком зашибли... Кота наповал
В тот час, как он кошке мяуканьем нежным,
Хвостом помавая, любовь изъяснял.
Примчались... О небо!.. Запор на ворота!
Ни свечки не видно сквозь светлые окна...
Поэт мой, конечно, подумал я, спит,
Иль, палец нроставя ко лбу стихотворну,
Над рифмами сидя, кусает перо;
Иль в кипу указов, экстрактов, докладов,
Коиышась, кивает сквозь сон головой!..
з° Назад, быстроногий, наемный пегас!
Сказал я, закутав свой красный нос в шубу,
И с сердцем стесненным помчался домой,
В досаде великой, что я потерял
Сей вечер, который я мог бы приятно
С тобою в том доме любезном про весть,
Где я – несмотря на то, что краснею
От каждого слова –и счастлив, и весел,
Журнал посылаю, читай и зевай!

К ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ Б. В. ПОЛУЕКТОВУ,
НА ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПОХОД 1815 г. 17 ФЕВРАЛЯ
Наш кульмский богатырь, ура! счастливый путь!
Лети с полками в поле брани,
Сбирай с покорной славы дани,
И новые кресты нанизывай на грудь!
Твоя судьба – парить под небом за орлами,
А наша –за твоё здоровье робко пить,
Хвалить исподтишка дела твои стихами,
И вслух тебя любить!

СТИХИ,
ВЫРЕЗАННЫЕ НА ГРОБЕ А. Д. ПОЛТОРАЦКОЙ
Как радость чистая, сердца влекла она;
Как непорочная надежда расцветали
Была невинность ей в сопутницы дана,
И младость ей свои все блага обещала.
Но жизнь ея – призрак! Пленил нас и исчез.
Лишь плачущим о ней гласит ея могила,
Что совершенное судьба определила
Не для земли, а для небес.
II

К Т. Е. БОКУ

Мой друг, в тот час, когда луна
Взойдет над русским станом,
С бутылкой светлого вина,
С заповедным стаканом
Перед дружиной у огня
Ты сядь на барабане –
И в сонме храбрых за меня
Прочти Певца во стане.
Песнь брани вам зажжет сердца!
И, в бой летя кровавый,
Про отдаленного певца
Вспомнят чада славы!
ФУРМАНУ ОТ ЖУКОВСКОГО
В корыстолюбии себя ты упрекаешь,
Но бескорыстия являешь образец:
За бедные стихи ты щедро предлагаешь
Богатый дружбы дар. Но знай, что твой певец,
Тобою прозванный славянским Оссианом,
Любя небесных муз, не любит жить обманом:
Он дружбу добрую дает в придачу сам
Тебе к дурным своим стихам.
В АЛЬБОМ КН. Е. И. ГОЛЕНИЩЕВОЙ–КУТУЗОВОЙ
Я счастлив был неизъяснимо!
Семью вождя великого я зрел,
И то, что я смиренной лирой пел
В честь памяти его боготворимой,
Теперь вдове его дерзаю посвятить!
Дерзаю гордое в душе питать желанье:
С воспоминанием о нем соединить
И обо мне воспоминанье!

* * *

Здравствуй, новый гость земной!
К счастью в мир тебя встречаем!
И в восторге над тобой
Небеса благословляем!
За минуту все в слезах:
Мать растерзана страданьем!
Близ нее безмолвный страх
С безнадежным ожиданьем!
Вдруг всё тихо – всё для нас
Полно жизни и надежды;
Твой раздался первый глас;
И твои раскрылись вежды!..
Там грядет с востока к нам
Утро, гость небес прекрасный,
И спокойным небесам
День пророчествует ясный!
Ободримся! в добрый час,
Новый жизни посетитель!
Небеса его – для нас!
А над нами наш хранитель!
СТАРЦУ ЭВЕРСУ
Вступая в круг счастливых молодых,
Я мыслил там – на миг товарищ их –
С веселыми весельем поделиться
И юношей блаженством насладиться.
Но в сем кругу меня мой Гений ждал!
Там Эверс мне на братство руку дал...
Благодарю, Хранитель–Провиденье!
Могу ль забыть священное мгновенье,
Когда, мой брат, к руке твоей святой
Я прикоснуть дерзнул уста с лобзаньем,
Когда стоял ты, старец, предо мной
С отеческим мне счастья желаньем!
О старец мой, в прекрасных днях твоих
Не пропадет и сей прекрасный миг,

Величием души запечатленный, –
Но для тебя я был пришлец мгновенный;
Как друг всего, и мне ты другом был;
Ты с нежностью меня благословил,
Нечаянно в сей жизни повстречавши!
Уже отсель ты в лучший смотришь свет,
И мой тебе незнаем будет след!
Но я, едва полжизни испытавши,
Едва сошед с предела ранних лет,
Не с лучшею, не с легкою судьбою
(И может быть, путь долгий предо мною)
Мысль о тебе, о брат священный мой,
Как божий дар, возьму на жизнь с собой!
Врат Эверса!.. так! я сказать дерзаю,
Что имени сего всю цену знаю!
В сем имени мой долг изображен!
Не беден тот, кто свойства не лишен
Пред добрыми душою согреваться;
Кто мыслию способен возвышаться,
Зря благости величественный лик.
О! сладкий жар во грудь мою проник,
Когда твоя рука мне руку сжала!
Мне лучшею земная жизнь предстала,
Училищем для неба здешний свет!
„Не унывать, хотя и счастья нет;
Ждать в тишине и помнить Провиденье;
Прекрасному – текущее мгновенье;
Грядущее – беспечно небесам;
Что мрачно здесь, то будет ясно талл
Земная жизнь, как странница крылата,
С печалюми от гроба улетит;
Что было здесь для доброго утрата,
То жизнь ему другая возвратит!"
Вот правила для дверсова брата.
Я зрел вчера: сходя на край небес,
5° как божество, нас солнце покидало;
Свершив свой день, прощальный луч бросало
Оно с высот на холм, и дол, и лес,
И, тихий блеск оставя на закате,
От нас к другим скатилось небесам.
О! сколько мне красот явилось там!
Я вспомню о небом данном брате;
О дне его, о ясной тишине
И сладостном на вечере сиянье;
Я вспомню о нежном завещанье,
бо Оставленном в названье брата мне, –
И мужество мне в душу пробежало!..
Благослови ж меня, священный друг!
Что б на пути меня ни ожидало,
Отныне мне, как благотворный дух,
Сонутником твое воспоминанье.
Где б ни был я, мой старец брат со мной!
И тихое вечернее сиянье,
С моей об нем беседа душой, –
Таинственный символ его завета, –
7° Учителем отныне будет мне:
„Свой здешний путь окончить в тишине!" –
И вестником прекраснейшего света.
Ю. А. НЕЛЕДИНСКОМУ–МЕЛЕЦКОМУ
Друзья, стакан к стакану!
Парнаса капитану
Я, рядовой поэт,
Желаю многих лет!
Бессмертье уж имеет
За песни он давно,
И, в свой черед, оно
За жизньнюю поспеет!
Но в свете будет он

10 Жить долго нам на радость!
Ему Анакреон
Души веселой младость
С струнами завещал!
Хоть Крон и насчитал
Ему с тремя годами
Уж полных шестьдесят!
Но все под сединами
Глаза его блестят!
И в сердце молодое
Хлад жизни не проник:
Младой с ним молод вдвое!
Старик с ним не старик!
Для бога Аполлона
Стократ Анакреона
Милей быть должен он!
И чем Анакреон
Известен? Лишь стихами.
Он сладко ел и пил
И звонкими струнами
В хмелю сквозь сон хвалил
Вино, Кинриду, радость
И быстротечну младость!
То так ли добр он был,
Как наш поэт бесценный?
Не верится! Плененный
Той милой простотой,
Той нежностью родного,
С какой певца младого,
Меня, сравнив с собой!
Забывши сан и лета,
Он был товарищ мой
При входе скользком света:
За доброго поэта
Я душу рад отдать!
Теперь же хоть сказать
В задаток: многи лета!
К КН. ВЯЗЕМСКОМУ
Благодарю, мой друг, тебя за доставленья
Твоих пленительных стихов!
На Волге встретилось с тобою вдохновенье!
Ты, с крутизны ее лесистых берегов
Смотря на пышные окрестностей картины,
С природы список нам похожий написал.
И я тебе вослед мечтою пробежал
Прибрежных скал вершины;
Смотрел, как быстрые крылатые струга,
10 Сокровищ земледельца полны,
Рулями острыми разрезы вал и волны;
Как селы между рощ пестрили берега;
Как дым их, тонкими нодъемляся столбами,
Взвивался и белел на синеве лесов
И, медленно всходя, сливался с облаками, –
Вот что, но милости твоих, мой друг, стихов,
Как наяву, я видел пред собою.
Прочел я их один, потом прочли со мною
Тургенев с Гнедичем, и Блудов, и Дашков.
20 Потом и критику-богиню пригласили
Их с хладнокровием, ей сродным, прочитать.
Мы, слушая ее, стихи твои херили,
Тебе же по херам осталось поправлять!
Вот общий приговор богини беспристрастной:
„Ваш Вяземский прямой поэт!
Он ищет простоты, но простоты прекрасной;
И вялости в его стихах признака нет.
Дар живописи он имеет превосходный!
Природу наблюдать его умеет взор!
3° Презревши вымыслов блистательный убор,

Он в скромной простоте, красам природы сродный,
Живописует нам природы красоты!
Он в ней самой берет те сильные черты,
Из коих создает ее изображенье
И списка точностью дивит воображенье".
Такой был общий приговор!
Потом перебирать свободно
Богиня принялась стихи поочередно,
И вышел строгий перебор!
Послушай и поправь, когда тебе угодно!
Благоухает древ
Трепещущая сень. Богиня утверждает
(Я повторяю то, поэту не во гнев),
что худо делает, когда благоухает,
Твоя трепещущая сень\
Переступившее ж последнюю ступень
Па небе пламенном вечернее светило –
В прекраснейших стихах ее переступило,
да жаль, что в точности посбилося на пути;
Нельзя ль ему опять на небеса взойти,
Чтоб с них по правилам грамматики спуститься,
чтоб было ясно все на небе и в стихах?
И скатерть синих вод сравнялась в берегах:
Равняться в берегах твоих ей не годится,
Когда в моих она сравнялась давно
Не синей скатертью, а попросту рекою:
Мой стих перед тобою,
Но красть у бедняка богатому грешно!
О сем стихе, где живописи много:
кто в облачной дали конец тебе прозрит?
Богиня говорит,
И справедливо, хоть и строго:
Прозреть, предвидеть – все равно!
Прозреть нам можно то одно,
что не сбылось еще, чему лишь можно сбыться;
Итак, сие словцо не может пригодиться
К концу реки\
Он есть давно, хотя и скрыт,
Ты вместо вялого словечка различит,
Великолепное прозрит вклеил не к месту
и безобразную с ним сочетал невесту:
И неподвижный взор окованный стоит!
Как хочешь стой, но он в жестоком положении!
Из одинаких весь сей стих лоскутьев шит:
Стоит, оковы, недвиженье –
Одно! Такой халат читателя смешит!
Огромные суа в медлительном паренье:
Запрещено, мой друг, –и нечем пособить! –
Указом критики судам твоим парить:
Им предоставлено смиренное течение;
А странное: столбы на них –
Простым словцом: и мачты их
Сама своей рукой богиня заменила!
Но те твои стихи она лишь похерила,
В которых ты, внимая гласу волн,
Нам говорить: люблю гнать резво челн
По ропотным твоим зыбям и, сердцем весел,
Под шумом f/ружных вё'сел
И прочее: зво... челн– ей неприятный звук,
А вёсел рифма ли на весел, милый друг?
Жаль! Ведь последний стих разительно прекрасен
Воображению он сильно говорит;
Но рифма вздорная косится и брюзжит!
Как быть? Она деспот, и гнев ее ужасен!
Нельзя ли рифму нам другую приискать,
чтобы над веслами беспечно задремать,
Не опасался, чтоб вздорщицу смутили,
И также, чтобы нас воздушные мечты,
А не тяжелые златые веселили?..

Но наше дело – хер! Поправки ж делай ты.
Покаты гор крутых! – не лучше ли пещеры?
Воспрянувших дубрав! – развесистых дубрав,
Или проснувшихся! Слова такой же меры,
А лучше! В этом вкус богини нашей нрав!
Воспрянувших, мой друг, понятно, да не ясно.
Все прочее прекрасно!
Но я б весьма желал, чтоб своды глас забав
Не галлицизмами окрестности вверяли,
А русским языком волнам передавали.
Младое пенье их – прекрасная черта!
Их слава ясная, как вод твоих зеркало!
Стих сильный, а нельзя не похерить начало!
Поставь, прошу тебя: и слава их чиста,
Чтоб следующим трем был способ приютиться.
О двух других стихах – прекрасных, слова нет –
Ни я, ни критика не знаем, как решиться:
В них тьма, но в этой тьме скрывается поэт!
Гремящих бурь боец, он ярости упорной
Смеется, опершись на брег, ему покорный!
Боец не то совсем, что ты хотел сказать.
Твой Гений, бурь боец, есть просто бурь служитель,
Наемный их боец; а мне б хотелось знать,
Что он их победитель]

Нельзя ли этот стих хоть так перемарать:
Презритель шумных бурь, он злобе их упорной
Смеется, опершись на брег, ему покорный!
Презритель – новое словцо; но признаюсь:
Не примешь ты его, я сам принять решусь!
К фетиде с гордостью... Твоей, мой друг, фетиде
Я рад бы из стихов дорогу указать.
В пучину Каспия приличней бы сказать.
Сравнение полней, и каспий не в обиде!
А бег виющийся ручья –
Неловко – власть твоя;
Я б смело написал: журчащего в дубраве,
Спроси о том хоть музу ты свою,
Виющийся идет не к бегу, а к ручью.
Вот все!.. Согласен будь иль нет, ты в полном праве!

СЛАВЯНКА

Элегия

Славянка тихая, сколь ток приятен твой,
Когда, в осенний день, в твои глядятся воды
Холмы, одетые последнею красой
Полуотцветшия природы.
Спешу к твоим брегам... свод неба тих и чист;
При свете солнечном прохлада повеваает;
Последний запах свой осыпавшийся лист
С осенней свежестью сливает.
Иду иод рощею излучистой тропой;
Что шаг, то новая в глазах моих картина;
То вдруг, сквозь чашу древ мелькает предо мной,
Как в дыме, светлая долина;
То вдруг исчезло все... окрест сгустился лес;
Все дико вокруг меня, и сумрак и молчанье;
Лишь изредка, струей сквозь темный свод древес
Прокравшись, дневное сиянье
Верхи поблеклые и корни золотит;
Лишь, сорван ветерка минутным дуновеньем,
На сумраке листок трепещущий блестит,
20 Смущая тишину паденьем...
И вдруг пустынный храм в дичи передо мной:
Заглохшая трона; кругом кусты седые;
Между багряных лип чернеет дуб густой
И дремлют ели гробовые.
Воспомианье здесь унылое живет;
Здесь, к урне преклонясь задумчивой главою,
Оно беседует о том, чего уж нет,

С неизменяющей Мечтою.

Все к размышленью здесь влечет невольно нас;

3° Все в душу томное уныние вселяет;

Как будто здесь она из гроба важный глас

Давно минувшего внимает.

Сей храм, сей темный свод, сей тихий мавзолей,

Сей факел гаснувший и долу обращенный,

Все здесь свидетель нам, сколь блага наших дней,

Сколь все величия мгновены.

И нечувствительно с превратности мечтой

Дружится здесь мечта бессмертия и славы:

Сей витязь, на руку склонившийся главой;

4° Сей громоносец двоеглавый,

Под шуйцей твердою сидящий на щите;

Сия печальная семья кругом царицы;

Сии небесные друзья на высоте,

Младые спутники денницы...

21

О! сколь они, в виду сей урны гробовой,

Для унывающей души красноречивы;

Тоскуя ль полетит она за край земной –

Там все утраченные живы;

К земле ль наклонит взор – великий ряд чудес;

Борьба за честь; народ, покрытый блеском славным;

И мир, воскреснувший но манию небес,

Спокойный под щитом державным.

Но вокруг меня опять светлеет частый лес;

Опять река вдали мелькает средь долины,

То в свете, то в тени, то в ней лазурь небес,

То обращенных древ вершины.

И вдруг открытая равнина предо мной:

Там мыза, блеском дня под рощей озаренна;

Спокойное село над ясною рекой,

Гумно и нива обнаженна.

Все здесь оживлено: с овинов дым седой,

Клубяся, по браздам ложится и редеет,

И нива под его прозрачной пеленой

То померкает, то светлеет.

Там слышен на току согласный стук цепов;

Там песня пастуха и шум от стад бегущих;

Там медленно, скрипя, тащится ряд возов,

Тяжелый груз снопов везущих.

Но солнце катится беззнойное с небес;

Окрест него закат спокойно пламенеет;

Завесой огненной подернут дальний лес;

Восток безоблачный синеет.

Спускаюсь в дол к реке: брег темен надо мной,

И на воды легли дерев кудрявых тени;

Противный брег горит, осыпанный зарей;

В волнах блестят прибрежны сени;

То отраженный в них сияет мавзолей;

То холм муравчатый, увенчанный древами;

То ива дряхлая, до свившихся корней

80 Склонившись гибкими ветвями,

Сенистую главу купает в их струях;

Здесь храм между берез и яворов мелькает;

Там лебедь, притаясь у берега в кустах,

Недвижим в сумраке сияет.

Вдруг гладким озером является река;

Сколь здесь ее берегов пленительна картина;

В лазоревый кристалл слиясь вокруг челнока,

Яснеет вод ее равнина.

Но гаснет день... в тени склонился лес к водам;

9° Древа облечены вечерней темнотою;

Лишь простирается по тихим их верхам

Заря багряной полосой;

Лишь ярко заревом восточный брег облит,

И пышный дом царей на скате озлащенном,

Как исполин, глядясь в зеркало вод, блестит
В величии уединенном.
Но вечер на него покров накинул свой,
И рощи и брега, смешавшись, побледнели;
Последни облака, блиставшие зарей,
100 С небес, потухнув, улетели.
И воцарилася повсюду тишина;
Все спит... лишь изредка в далекой тьме промчится
Невнятный глас... или колыхнется волна...
Иль сонный лист зашевелится:
Я на берегу один... окрестность вся молчит...
Как привидение, в тумане предо мною
Семья молодых берез недвижимо стоит
Над усыпленною водою.
Вхожу с волнением под их священный кров:
Мой слух в сей тишине приветный голос слышит;
Как бы эфирное там веет меж листов,
Как бы невидимое дышит;
Как бы сокрытая под юных древ корой,
С сей очарованной мешаясь тишиною,
Душа незримая подьемлет голос свой
С моей беседовать душою.
И некто урне сей безмолвный приседит;
И, мнится, на меня вперил он темны очи;
Без образа лицо, и зрак туманный слит
С туманным мраком полуночи.
Смотрю... и, мнится, все, что было жертвой лет,
Опять в видении прекрасном воскресает;
И все, что жизнь сулит, и все, чего в ней нет,
С надеждой к сердцу прилетает.
Но где он?... Скрылось все... лишь только в тишине
Как бы знакомое мне слышится призыванье,
Как будто Гений путь указывает мне
На неизвестное свиданье.
О! кто ты, тайный вождь? душа тебе вослед!
Скажи: бессмертный ли пределов сих хранитель
Иль гость минутный их? Скажи: земной ли свет
Иль небеса твоя обитель?..
И ангел от земли в сиянье предо мной
Взлетает; на лице величие смиренья;
Взор к небу устремлен; над юною главой
Горит звезда преображенья.
Помедли улетать, прекрасный сын небес;
Младая жизнь в слезах простерта пред тобою...
Но где я?.. Все вокруг молчит... призрак исчез,
И небеса покрыты мглою.
Одна лишь смутная мечта в душе моей:
Как будто мир земной в ничто преобразился:
Как будто та страна знакомей стала ей,
Куда сей чистый ангел скрылся.

ПЕСНЬ РУССКОМУ ЦАРЮ

ОТ ЕГО ВОИНОВ

Гряди, наш Царь, Твоя дружина
Благословляет Твой возврат;
Вселенной решена судьбина,
И ниспровергнут супостат.
Гряди, гряди к стране своей,
Наш Царь, наш славный вождь царей.
К Его стонам мечи кровавы;
К Его стонам и шлем и щит;
Его главу да знамя славы
При кликах славы осенит;
Ему венцы готовьте в дань –
Решившему святую брань.
Наш Царь, в отчизну с ноля чести
Твою мы славу принесли;
Вот гром, Твоей свершитель мести;
Вот знамена еще в ныли;

Вот нашей верности алтарь;
Пред ним обет наш: честь и Царь!
Младый Наследник полвселенны –
Меж нас впервой Ты меч приял;
Наш Царь – ко брани ополченный,
Ты путь нам к славе указал;
Наш вождь – Ты был предтечей нам
Везде во сретенье врагам.
Скажи ж, о вождь, где изменилась
Твоя дружина пред Тобой?
Погибель нас пожрать стремилась –
Ре отбил наш твердый строй.
Нам взор Царя, как Божий луч,
Светил во мгле громовых туч.
Ко мщенью Ты воззвал народы;
Ты спас владычество царям;
Ты знамена святой свободы
Покорным даровал врагам;
И Твой покрыв вселенну щит;
И брань окован на молчит.
От Немана до океана
Твоих трофеев славный ряд;
И где парил орел тирана,
Там днесь орлы твои парят;
И гром, безмолвный в их когтях,
На брань и бунт наводит страх.
Но кто на Русь Твою восстанет?
Противных нет полкам Твоим;
Твой страшный гнев с престола грянет,
И север грянет вслед за ним;
И, казни вестник, грозный страх,
Врагов умчит, как дым и прах.
Гряди, наш Царь, Твоя дружина
Благословляет Твой возврат;
Вселенной решена судьбина,
И ниспровергнут супостат.
Гряди, гряди к стране своей,
Наш Царь, наш славный вождь царей.

ПЕСНЯ

Где фиалка, мой цветок?
Прошлою весною
Здесь поил ее ноток
Свежую струею?..
Нет ее; весна прошла,
И фиалка отцвела.
Розы были там в сени
Рощицы тенистой;
Оживляли дол они
Красотой душистой...
Лето быстрое прошло,
Лето розы унесло.
Где фиалку я видал,
Там ноток игривой
Сердце в думу погружал
Струйкой говорливой...
Пламень лета был жесток;
Истощенный, смолк поток.
Где видал я розы, там
Рощица, бывало,
В зной приют давала нам...
Что с приютом стало?
Ветр осенний бушевал,
И приютный лист опал.
Здесь нередко по утрам
Мне певец встречался,
И живым его струнам
Отзыв откликался...
Нет его; певец увял;

С ним и отзыв замолчал.

ИРИНЕ ДМИТРИЕВНЕ ПОЛТОРАЦКОЙ

при посылке стихотворений в первом издании 1815 г.

Певцом невинности, любви и красоты
Назвал меня поэт, к стихам моим пристрастной.
Когда б владел его я лирой сладкогласной,
Когда б моих стихов была предметом ты –
Я пел бы, всё забыв, одним собой счастливой,
И был бы наречен от славы справедливой:
Певцом невинности, любви и красоты.

ВОСПОМИНАНИЕ

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобных вам уж сердцу не нажить!
Ваш след в одной тоске воспоминанья!
Ах! лучше б вас совсем мне позабыть!
К вам часто мчит привычное желанье –
И слез любви нет сил остановить!
Несчастье – об вас воспоминанье!
Но более несчастье – вас забыть!
О, будь же грусть заменой упованья!
Отрада нам – о счастье слезы лить!
Мне умереть с тоски воспоминанья!
Но можно ль жить, – увы! и позабыть!
НА ПЕРВОЕ ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ПРЕСТОЛА БОНАПАРТЕ
Стихи, петые на празднике, данном в С.–Петербурге
английским послом, лордом Каткартом
Сей день есть день суда и мщенья!
Сен грозный день земле явил
Непобедимость Провиденья
И гордых силу пристыдил.
Где тот, пред кем гроза не смела
Валов покорных воздымать,
Когда ладья его летела
С фортуной к берегу пристать?
К стопам рабов бросал он троны,
10 Срывал с царей красу порфир,
Сдвигал народы в легионы
И мыслил весь заграбить мир.
И где он?.. Мир его не знает!
Забыт разбитый истукан!
Лишь пред изгнанником зияет
Неумолимый океан.
И все, что рушил он, природа
Уже красою облекла,
И но следам его свобода
20 С дарами жизни протекла!
И честь тому – кто, верный чести,
Свободе меч свой посвятил,
Кто в грозную минуту мести
Лишь благодатию отмстил.
Так! честь ему: и мир вселенной,
И царские в венцах главы,
И блеск Лютеции спасенной
И прах низринутой Москвы!
О нем молитва Альбиона
3° Одна сынов его с мольбой:
„Чтоб долго был красой он трона
И человечества красой!“

К Т. Е. БОКУ

Любезный друг, гусар и Бок!
Планетам изменять нимало нам не стыдно!
Их путь от нас далек;
К тому ж, мой друг, для звезд небесных не обидно,
Когда забудешь их на час для звезд земных!
Для беспредельности одной они сияют,
И в гордости своей совсем не замечают
Слепцов, которые из мрачности земной
Их куртизируют иодзорною трубой!

Хоть я и не гусар, но клясться рад с тобой
Священным именем пророка,
Что, встретившись, как ты, с прекрасною четой,
Забыл бы звезды все, Жуковского и Бока!
В осьмом часу тебя готов я ждать!
Но завяжи глаза, чтоб к нам дойти вернее,
Чтобы опять сирены не видать!
Близ пропасти слепой всегда пройдет смелее.
ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО
Легкий, легкий ветерок,
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный ноток?
Чем опять душа полна?
Что опять в ней пробудилось?
Что с тобой к ней возвратилось,
Перелетная весна?
Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сияют
И, сияя, улетают
За далекие леса.
Иль опять от вышины
Весть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голос старины?
Или там, куда летит
Птичка, странник поднебесный,
Все еще сей неизвестный
Край желанного сокрыт?..
Кто ж к неведомым брегам
Путь неведомый укажет?
Ах! найдется ль, кто мне скажет,
Очарованное 77м/?
Сон– утешитель! Пусть образу смерти твой образ подобен,
Я призываю тебя! посети одинокое ложе!
Дай мне покоя! Сколь сладко нам в жизни не чувствовать жизни,
Столько ж нам сладко и в смерти не чувствовать смерти.
<К Т. Е. БОКУ)
Мой милый Бок!
Не думай, чтоб я был ленивый лежебок!
Или пренебрегал твоим кабриолетом,–
Нет, нет! но как гусар ты поступил с поэтом!
(Как друг–гусар, прошу меня понять):
Как друг ты, согласив с своим мое желанье,
Спешешь скорей меня обнять,
Скорее разделить со мной очарованье,
Которое сестра прелестная твоя
Своим присутствием вокруг нас разливает –
И дружба этому прямую цену знает.
Но как гусар ты все смутил, душа моя:
Ты хочешь приступом взять мирного поэта;
Ты силою кабриолета
Затеял, в миг один, весь план его взорвать!..
Послушай: сняв мундир, привычку разрушать
Оставь с мундиром и усами!
Капитуляция была уж между нами;
Стояло в ней: тебе от друга вести ждать;
Дождавшись же, за ним в своем кабриолете
И налицо во весь опор скакать.
Но, видно, это все ты предал жадной Лете
И в памяти одну лишь дружбу сохранил!
Итак, чтоб памяти ты вновь не утопил,
Вот для тебя рецепт от сей чумы ужасной,
Вот план мой письменный, по пунктам, точный, ясный:
Пункт первый: подождать!
Ты знаешь, до Печор я еду провожать
Своих друзей –на то дней семь иль восемь срока.
Коль скоро возвращусь, тотчас записку к Боку,

И в этом пункт второй – но как ее послать?

Не лучше ли тебе меня уж в Дерите ждать?

Мы вместе славно прокатимся!

Мой план не весь! еще есть пунктов пять,

Но на словах мы лучше объяснимся!

Прости! завидуя моим дурным стихам,

На месте их теперь желал бы быть я сам.

P. S. Когда ты через десять дней,

По обстоятельствам, за другом и поэтом

Не можешь сам скакать с своим кабриолетом,

То хоть одних пришли с ним лошадей.

ВЕРНОСТЬ ДО ГРОБА

Млады и Рогер свой острый меч берет:

За веру, честь и родину сразиться!

Готов он в бой... Но к милой он идет:

В последний раз с прекрасною проститься.

„Не плачь: над нами щит Творца;

Еще нас небо не забыло;

Я буду верен до конца

Свободе, мужеству и милой”.

Сказал, свой шлем надвинул, поскакал;

Дружина с ним; кипят сердца их боем;

И скоро строй неустрашимых стал

Перед врагов необозримым строем.

„Сей вид не страшен для бойца;

И смерть ли небо мне судило –

Останусь верен до конца

Свободе, мужеству и милой”.

И, на врага взор мести бросив, он

Влетел в ряды, как пламень-истребитель;

И вспыхнул бой, и враг уж истреблен;

Но... победив, сражен и победитель.

Он почесть бранного венца

Приял с безвременной могилой,

И был он верен до конца

Свободе, мужеству и милой.

Но где же ты, певец великих дел?

Иль песнь твоя твоей судьбою стала?..

Его уж нет; он в край тот улетел,

Куда давно мечта его летала.

Он пал в бою – и глас певца

Бессмертно дело освятило;

И он был верен до конца

Свободе, мужеству и милой.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ

Дети, овсяный кисель на столе; читайте молитву;

Смирно сидеть, не марать рукавов и к горшку не соваться;

Кушайте: всякий нам дар совершен и даяние благо;

Кушайте, светы мои, на здоровье; Господь вас помилуй.

В поле отец посеял овес и весной заскородил.

Вот Господь Бог сказал: поди домой, не заботься;

Я не засну; без тебя он взойдет, расцветет и созреет.

Слушайте ж, дети: в каждом зернышке тихо и смирно

Спит невидимкой малютка-зародыш. Долго он, долго

10 Спит, как в люльке, не ест, и не пьет, и не пикнет, доколе

В рыхлую землю его не положат и в ней не согреют.

Вот он лежит в борозде, и малютке тепло под землею;

Вот тихомолком проснулся, взглянул и сосет, как младенец,

Сок из родного зерна, и растет, и невидимо зреет;

Вот уполз из пелен, молодой корешок пробуравил;

Роется вглубь, и корма ищет в земле, и находит.

Что же?.. Вдруг скучно и тесно в потемках... „Как бы проведать,

что там, на белом свете, творится?..” Тайком, боязливо

выглянул он из земли... Ах! царь мой небесный, как любо!

20 Смотришь-Господь Бог ангела шлет к нему с неба:

„Дай росинку ему и скажи от Создателя: здравствуй”.

Пьет он... ах! как же малюточке сладко, свежо и свободно.

Рядится красное солнышко; вот нарядилось, умылось,

На горы вышло с своим рукодельем; идет по небесной
Светлой дороге; прилежно работая, смотрит на землю,
Словно как мать на дитя, и малютке с небес улыбнулось,
Так улыбнулось, что все корешки молодые взыграли.
„Доброе солнышко, даром вельможа, а всякому ласка!“
В чем же его рукоделье? Точит облачко дождевое.
3° Смотришь: посмеркло; вдруг каплет; вдруг полилось, зашумело.
Жадно зародышек пьет; но подул ветерок – он обсохнул.
„Нет (говорит он), теперь уж иод землю меня не заманят.
Что мне в потемках? здесь я останусь; пусть будет что будет“.
Кушайте, светы мои, на здоровье; Господь вас помилуй.
Ждет и малюточку тяжкое время: темные тучи
День и ночь на небе стоят, и прячется солнце;
Снег и метель на горах, и град с гололедицей в поле.
Ах! мой бедный зародышек, как же он зябнет! как ноет!
Что с ним будет? земля заперлась, и негде взять пищи.
4° „Где же (он думает) красное солнышко? Что не выходит?
Или боится замерзнуть? Иль и его нет на свете?
Ах! зачем покидал я родимое зернышко? дома
Было мне лучше; сидеть бы в уютном тепле под землею“.
Детушки, так-то бывает на свете; и вам доведется
Вчуже, меж злыми, чужими людьми, с трудом добывая
Хлеб свои насущный, сквозь слезы сказать в одинокой печали:
„Худо мне; лучше бы дома сидеть у родимой за печкой...“
Бог вас утешит, друзья; всему есть конец; веселее
Будет и вам, как был и ночке. Слушайте: в ясный день майский
Г>° Свежесть повеяла... солнышко яркое на горы вышло,
Смотрит: где наш зародышек? что с ним? и крошку целует.
Вот он ожил опять и себя от веселья не помнит.
Мало-помалу оделись ноля муравой и цветами;
Вишня в саду зацвела, зеленеет и слива, и в ноле
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо;
Наша был и ночка думает: „Я назади не останусь!“
Кстати ль! листки распустила... кто так прекрасно соткал их?
00 вот стебелек показался... кто из жилочки в жилку
Чистую влагу провел от корня до маковки сочной?
Вот проглянул, налился и качается в воздухе колос...
Добрые люди, скажите: кто так искусно развесил
Почки на гибкому стеблю на тоненьких шелковых нитях?
Ангелы! кто же другой? Они от былинки к былинке
По нолю взад и вперед с благодатью небесной летают.
Вот уж и цветом нежный, зыбучий колосик осыпан:
Наша былинка стоит, как невеста в уборе венчальном.
Вот налилось и зерно и тихохонько зреет; былинка
Шепчет, качая в раздумье головкой: я знаю, что будет.
Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую поздравить,
7° Пляшут, толкутся кругом, припевают ей: многие лета;
В сумерки ж, только что мошки, жучки нозаснут и замолкнут,
Тащитесь в травке светляк с фонарем посветить ей в потемках.
Кушайте, светы мои, на здоровье; Господь вас помилуй.
Вот уж и Троицын день миновался, и сено скосили;
Собраны вишни; в саду ни одной не осталось сливки;
Вот уж пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо;
Уж и на жниво собирать босиком ребятишки сходились
Колос оброшенный; им помогла тихомолком и мышка.

2*
35

Что-то былиночка делает? О! уж давно пополнела;
Много, много в ней зернышек; гнется и думает: „Полно;
Время мое миновалось; зачем мне одной оставаться
В ноле пустом меж картофелем, пухлою репой и свеклой?“
Вот с серпами пришли и Иван, и Лука, и Дуняша;
Уж и мороз покусал им утром и вечером пальцы;
Вот и снопы уж сушили в овине; уж их молотили
С трех часов поутру до пяти пополудни на риге;
Вот и Гнедко потащился на мельницу с возом тяжелым;
Начал жернов молоть; и зернышки стали мукою;
Вот молочка надоила от нестрой коровки родная

Полный горшочек; сварила кисель, чтоб детушкам кушать;
Детушки скушали, ложки обтерли, сказали: „спасибо“.

Там небеса и воды ясны!

Там песни птичек сладкогласны!

О родина! все дни твои прекрасны!

Где б ни был я, но все с тобой

Душой.

Ты помнишь ли, как под горою

Осеребряемый росю,

Белелся луч вечернею порою

И тишина слетала в лес

С небес?

Ты помнишь ли наш пруд спокойный,

И тень от ив в час полдня знойный,

И над водой от стада гул нестройный,

И в лоне вод, как сквозь стекло,

Село?

Там на заре пичужка пела;

Даль озарялась и светлела;

Туда, туда душа моя летела:

Казалось сердцу и очам –

Все там!..

ПЕВЕЦ В КРЕМЛЕ

Певец

Бегите в Кремль! На холме том,

Где пели наши деды

Побед ну песнь пред Божеством,

Мы грянем песнь победы.

Зовет Кремля священный глас,

Как древле вестник славы;

С его высот глядит на нас

Орел наш двоеглавы;

Бегите в Кремль и стар и млад!

При гимнах ликования,

Объемся, как брата брат

Объемлет в час свиданья.

Народ

Бегите в Кремль и стар и млад!

При гимнах ликования,

Объемся, как брата брат

Объемлет в час свиданья!

Певец

О, Кремль отеческий! твой праг

Лобзаем в умиление.

Смотрите: на его стенах

Отчаянное мщенье

След черный впечатлело свой.

Казня в безумстве камень,

Губитель трепетной рукой

На них свой бросил пламень.

„Не будь Кремля!“ изрек злодей;

Но Кремль стоит священный;

Вспылал лишь древний дом Царей,

Убийцей оскверненный.

Но ты, Царя венчавший храм!..

РУКОЙ небес хранимый,

Светлей вознес ты к небесам

Свой крест непобедимый.

И ты, Царей минувших прах,

Твои сон не возмутился,

Когда в пожаре и громах

Дух злобы разразился

Над тихой сению твоей...

О, наш Сион священный,

О, Кремль, свидетель славных дней

Красуйся, обновленный!

Народ

О, наш Сион священный,

О, Кремль, свидетель славных дней
Красуйся, обновленный!

Певец

С хвалою первой к Богу сил,
Друзья, подыдем длани;
Он здесь, в Кремле Себя явил
ужасным Богом брани;
Он, в заревах но небесам
Над рдеющей Москвою
Промчавшись, стал в лице врагам
Карающей бедою.

Он в дым Москвы себя облек,
И знаменем мести,
Как пред Израилем, потек
Перед полками чести.

И славою Ему вослед
Шумели их знамена;
При звучном клике их побед
Распались цепи плена;
На брань пошли рука с рукой
Владыки и народы;
И грянул страшный Божий бой,
И гимн Его свободы...

Греми ж торжественно в Кремле
Днесь: „Богу в вышних слава!
Живущим радость! мир земле!
И Вечному держава!"

Народ

Греми ж торжественно в Кремле
Днесь: „Богу в вышних слава!
Живущим радость! мир земле!
И Вечному держава!"

Певец

Тебе Россию, Царь земли!
Народ Твой уповает:
Прими ее и новели,
Да славою процветает!
Да сила, иноземным страх,
Брежет ее пределы;
Да на святых ее полях
Сияет мир веселый;
Да нравов древних чистотой
Союз семей хранится;
Да в них с невинной простотой
Свет знаний водворится.

О! повели, чтоб наш Орел,
Вселенной страж могучий,
Спокоен на громах сидел;
А в брани вражьи тучи,
Как ныне, грудью пробивал,
И иод небесны своды
Всегда при кликах возлетал
Спасенья и свободы.
Вели, да восшумят моря
Под русскими рулями,
И слава русского Царя
Восцарствуй над водами.
Вели, да помнит Славянин,
Что он наследник славы,
Что он великих предков сын,
Которых меч кровавый
И древле был противным страх...

Друзья! отцы пред нами;
На тех же мы цветом полях,
Под теми ж небесами,
Где чада славы расцвели;
Пред нами та ж дорога,
По коей деда протекли

За Русь, Царя и Бога.
О Русь, да наш язык прильшет
Иссохнувший к гортани,
Да крепость древняя спадет
С увядшей нашей длани,
Когда престанешь ты для нас –
И в час борьбы кровавой,
И в ночь, и в день, и в смертный час –
Быть радостью и славой!..
А Ты, Всевышний, наш обет
Прими в Твою десную,
И горней благодати свет
Пролей на Русь святую.
Народ
Прими, всевышний, наш обет,
Прими в Твою десную,
И горней благодати свет
Пролей на Русь святую.
Певец
Храни Царя! Царю пошли
Твое благословенье.
Ему все радости земли!
Тебе ж благодаренье
За царственную высоту
Его души благия;
13° За чистой славы красоту,
В какой им днесь Россия;
За первенство среди Царей,
Отъятое не бранью,
Но искуплением людей
И миротворной дланью;
За твердое презренье бед;
За благодать в правой мести;
За кротость на верху побед
И верность Царской чести;
и° За блеск, в каком умел явить
Он доблесть Славянина;
За сладкий жребий наш: любить,
Как друга, Властелина –
О всемогущий Царь земли,
Тебе благодаренье!
Храни Его, Ему пошли
Твое благословенье!
Храни Его! то общий клик
С Кремлевския вершины...
15° и угасающий старик,
В виду своей кончины
Молящий ясных дней сынам,
И брани сын ретивый,
Привыкший, к трепету врагам,
Знамена горделивы,
Царем ведомый, воздвизать;
И юноша цветущий,
Минутой славы заблестать
В волненьи сердца ждущий;
100 и безмятежный селянин,
Воспитанник природы,
И смелый просвещенья сын,
Алкающий свободы
Воспламенить во благо свой
Светильник вдохновенный –
Все, все с молитвою одной
К Тебе, Царю вселенны:
Твою щедроту посели
Над Царскою главою,
170 чтоб долго был красой земли,
И трона красотою.
Народ

Твою щедроту посели
Над Царскою главою,
Чтоб долго был красой земли,
И трона красотю.
Певец
Тебе спасительную рать!
Тебе вождей спасенья!
На них да снидет благодать;
На них благословенья
180 С Кремлевских благодарных стен.
Их груди, как твердыни,
От нас отбили срам и плен,
И бешенство гордыни.
Москва, они твоим стенам
Рекли: „оденьтесь в пламень;
Взлетите гибелью врагам;
Будь ратник – каждый камень”
И мщенье – грозный их обет;
Ему не изменили:
100 Твоей дружиной, Царь побед,
Они себя явили.
Бестрепетны сквозь зной и хлад,
Сквозь пепельны пустыни,
Пронзая силой сильных ряд,
Перунами твердыни,
На мышцу мышцу, грудь на грудь,
И брань самой природе,
Кровавый протоптали путь
И чести и свободе.
Везде, во славу Бога сил,
Воздвиглись их значена;
Орел свободных – раздробил
Орла рабов, и Сена,
Послышав гром их, чрез ноля
Помчала обновленье –
И за развалины Кремля
Парижу мзда: спасенье.
И се на родину стеклись;
В ножнах уж меч кровавый.
О Кремль священный, оживись!
Яви им пепел славы!
Стеkitесь, чада и отцы,
Младые девы, жены,
На их главы надеть венцы,
Их увенчать знамени,
С рамен могучих снять щиты,
Принять из рук их громы,
Узреть возлюбленны черты,
Услышать глас знакомый.
Се на Кремлевской высоте,
Еще под прахом брани,
Стоят в смиренной красоте,
И к вам простерли длани...
Благословляем ваш возврат
В отчизну с ноля чести!
Святое титло верных чад
Ценой кровавой мести,
Ценою ран купили вы...
Здесь, на скале пожарной,
На ваши бодрые главы
Рукою благодарной
Отчизна славная кладет
Печать любви и славы,
И слезы исцеленья льет
На раны их кровавы...
На них, на них Твой крепкий щит
Склони, о Вседержитель,
Да и пред мирными дрожит,

Как в бранный день, губитель.
Народ
24° На них, на них Твой крепкий щит
Склони, о Вседержитель,
Да и пред мирными дрожит,
Как в бранный день, губитель.
Певец
Простри, всевышний, длань Твою
На бранным сном почивших,
За Русь главы свои в бою,
За правду положивших;
Введи их в ту бессмертну сень,
Где мир Твой обитает,
25° Да Твой незаходимый день
Им радостью сияет;
Да там для них о жизни сей
Живет воспоминанье;
Да будут родины своей
И щит и упованье.
Друзья, с молитвою о нем,
О старце, о великом!..
О наш герой, когда с мечом,
С покойным светлым ликом,
200 Во храме, об руку Царя,
Младый под сединами,
Перед святыней алтаря,
Внимаем небесами,
Обет спасенья ты изрек,
Мы мнили, ослепленны –
Забыв, что вождь наш человек –
Что дни твои нетленны...
И где же ты, о вождь побед?
Мы гимн поем спасенья:
27° Почто ж спасителя здесь нет?
На праздник Провиденья
Мы ныне в Кремль свой притекли...
А наш герой не с нами?
Здесь громы вражески в пыли
Безмолвными рядами;
Здесь их разбитые щиты,
Их знамена кровавы;
Здесь наша слава... где же ты,
Создатель нашей славы?..
280 Друзья? сей день да освятит
О нем воспоминанье;
Да к тени бранной долетит
Отечества призыванье;
На верхних славы ступенях
Ему рука судьбины,
При блеске молний, при громах,
Постлала одр кончины;
На нем простерт, он угасал,
Как вечер светозарной,
29° И, угасающий, внимал
Отчизне благодарной...
Почий же в славе, наш герой!
Да при твоей гробнице
Архистратиг, соратник твой,
С мечом небес в деснице,
Страж пепла твоего, сидит;
Пред ней, неугасимый,
Да пламенник любви горит,
Отчизною хранимый.
300 ц Будь сец огонь священный знак,
Что свыше Провиденье
На Русь, сквозь самый бедствий мрак,
Сияет во спасенье.
И вы, которых бурный бой

Похитил средь полета,
Вы, быстро за рубеж земной
Утекшие из света,
Друзья, благословенье вам!
Вы нал и за отчизну;
И здесь, прискорбная, сынам
Она свершает тризну;
И Кремль ее нреобращен
В алтарь благодаренья;
На нем был первый воспален
Светильник Провиденья.

Вы, в намять чадам поздних лет,
Своим геройским прахом
Спасенный одарили свет;
И враг свободы с страхом
От зеленеющих холмов,
Где пепел ваш хранится,
Как от карающих богов,
Смятенный, отстранится;
Они народам будут весть,
Сколь шатки зданья силы –
Вы проповедовать им: честь!
Оставили могилы.

Здесь всё в воспоминанье вам;
Сей пир Кремля священный;
Сей гимнами гремящий храм;
Сей град, за честь сожженный;
И сей народ, толпа семей,
Ликующих в покое –
Все вы! всё нам от ваших дней
Наследие святое!..

Простри ж, Всевышний, длань Твою
На бранным сном почивших,
За Русь главы свои в бою,
За правду положивших.

Народ
34° Простри, Всевышний, длань Твою
На бранным сном почивших.
За РУСЬ главы свои в бою.
За правду положивших.

Певец
Тебе России верных чад.
Подпор МОГУЩИХ трону!..
О! как их двинул царский взгляд
Отчизне в оборону!

Летят! огню дома, ноля!
Перунам грудь и длани!
35° И грозно Русская земля
Встает гигантом брани!
Гремит ее призывный щит...

И, гневом мести рдея,
Войной Иртыш и Дон шумит,
Войной скалы Рифея.
Калмык, Башкир, Черкес и Финн
К знаменам побежали,
И все оградой из дружин
Кругом престола стали...

36° Где ж враг?.. о Русская земля,
Готов твой пир священный!
И се! на высоте Кремля,
И селянин смиренный,
И верный славных предков сын,
И алтаря служитель,
К Тебе, ликуя, глас един
Возносят, Вседержитель!
Вы, чада бодрственных сынов,
Потомки знаменитых,
37° Близ их изрубленных щитов,

Близ их кольчуг разбитых,
Свои кольчуги и щиты
Повесьте в отчем доме;
На них чудесных дел черты,
Для чад, при бранном гrome,
Мечом кровавым врезал враг;
Пускай на их обломках
Хранится повесть об отцах
Великая в потомках.
38° Вам подвиг новый предлежит:
Величие в покое.
Да сладкий мир не изменит
Вас, неизменных в бое;
Да вокруг вас тишина цветет,
Устройство и свобода;
Да вам покорная дает
Сторичну дань природа;
К зеркалу – совесть и закон;
В семействе – чисты нравы;
3° Вез рабства верность – перед трон;
Пред бога – души нравы.
Ты ж, чудо верности, народ,
Покорностью могущий,
Цвети! да заградится вход
В твои смиренны кущи
Судьбы посланницам-бедам;
Да плуг трудолюбивый
Дарует жизнь твоим полям.
Умеренным счастливый,
400 Чужд развратительных сует,
Презрев роскошных негу,
Теки беспечно через свет
К спасительному берегу.
А Ты их, Вышний, осени
Отеческой рукою:
Да будут благ Твоих они
Достойны пред Тобою.
Народ
детей, Всевышний, осени
Отеческой рукою:
*10 Да будут благ Твоих они
Достойны пред Тобою.
Певец
Тебе народов и Царей!..
Да знает всяк властитель,
Что он лишь мудрости Твоей
Безвластный совершитель..
Вы, неподвижные в ныли,
Невольники могилы,
Цари – смутители земли,
Цари – земли светилы,
420 Призраки! встаньте из гробов
На голос, к вам зовущий!
Кто были вы: друзья богов,
Иль боги всемогущи?
О нет! орудие одно
В деснице Провиденья...
Внимай! внимай! летит Оно
С жезлом миронравленья
Над темной бездною времен,
И с вечной колесницы
43° Судьбы держав, судьбы племен
Бросает из десницы.
Кто быстрый переменит ток?
Чья сила? чья упорность?
Летит... а нам Вго урок:
„Умеренность, покорность!“
О! совершись, святой завет!

В одну семью, народы!
Цари, в один отцев совет!
Будь, сила, щит свободы!
44° Дух благодати, пронесись
Над мирною вселенной,
И вся земля совокупись
В единый град нетленный!
В совет к царям, небесный царь!
Символ им: Провиденье!
Трон власти, обратись в алтарь!
В любовь повиновенье!
Утихни, ярый дух войны;
Не жизни истребитель,
45° Будь жизни благ и тишины
И вечных прав хранитель.
Ты, мудрость смертных, усмирись
Пред мудростию Бога,
И в мраке жизни озарись,
К небесному дорожа.
Будь, Вера, твердый якорь нам
Средь волн безвестных рока,
И ты, в нерукотворный храм
Свети, Звезда востока.
Певец и народ
46° Свети, свети, Звезда небес!
К ней взоры! к ней желанья!
К ней, к ней, за тайну сих завес,
Земные упованья!
Там всё, что здесь пленило нас
Явлением мгновенным,
Что взял у жизни смертный час,
Воскреснет обновленным.
Рука с рукой! вождю вослед!
В одну, друзья, дорогу!
47° И с нами в братском хоре, свет,
Пой: слава в вышних Богу!
СОН
Заснув на холме луговом,
Вблизи большой дороги,
я унесен был легким сном
Туда, где жили боги.
Но я проснулся наконец
И смутно озирался:
Дорогой шел молодой певец
И с пеньем удалялся.
Вдали пропал за рощей он –
Но струны все звенели.
Ах! не они ли дивный сон
Мне на душу напели?
ПЕСНЯ БЕДНЯКА
Куда мне голову склонить?
Покинут я и сир;
Хотел бы весело хоть раз
Взглянуть на божий мир.
И я в семье моих родных
Когда-то счастлив был;
Но горе спутник мой с тех пор,
Как я их схоронил.
Я вижу замки богачей
И их сады кругом...
Моя ж дорога мимо их
С заботой и трудом.
Но я счастливых не дичусь;
Моя печаль в тиши;
Я всем веселым рад сказать:
Ног помочь! от души.
О щедрый Бог, не вовсе ж я
Тобою позабыт;

Источник милости твоей
Для всех равно открыт.
В селенье каждом есть твой хра
С сияющим крестом,
С молитвой сладкой и с твоим
Доступным алтарем.
Мне светит солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовест, с тобой,
Создатель, говорю.
И знаю: будет добрым пир
В небесной стороне;
Там буду праздновать и я;
Там место есть и мне.
СЧАСТИЕ ВО СНЕ
Дорогой шла девица;
С ней друг ее младой;
Болезненны их лица;
Наполнен взор тоской.
Друг друга лобызают
И в очи и в уста –
И снова расцветают
В них жизнь и красота.
Минутное веселье!
Двух колоколов звон:
Она проснулась в келье;
В тюрьме проснулся он.
ЯВЛЕНИЕ БОГОВ
Знайτε, с Олимпа
Являются боги
К нам не одни;
Только что Бахус придет говорливый,
Мчится Эрот, благодатный младенец;
Следом за ними и сам Аполлон.
Слетелись, слетелись
Все жители неба,
Небесными полно
Земное жилище.
Чем угощу я,
Земли уроженец,
Вечных богов?
Дайте мне вашей, бессмертные, жизни!
Боги! что, смертный, могу поднести вам?
К вашему небу возвысьте меня!
Прекрасная радость
Живет у Зевеса!
Где нектар? налейте,
Налейте мне чашу!
Нектара чашу
Певцу, молодая
Геба, подай!
Очи небесной росой окропите;
Пусть он не зрит ненавистного Стикса,
Быть да мечтает одним из богов!
Шумит, заблестала
Небесная влага,
Спокоилось сердце,
Провидели очи.
В АЛЬБОМ КНЯЖНЫ М. А. ЩЕРБАТОВОЙ
О грустном написать я должен в твой альбом.
Могу ль желанию такому покориться?
При мысли о тебе, неволью под пером
Одно веселое родится;
При мысли о тебе, неволью твой поэт
Воображеньем жизнь земную украшает;
Жилищем радости он видит здешний свет
И имя грусти забывает.
<К КАРЛУ ПЕТЕРСЕНУ)

я предсказатель! Радость за горем пришла! Заменяю
Небо, что отнято им! Вудь же утешен, отец!
Двух ты имеешь сынов! Твой младший с тобою, твой старший
Вудет, как ангел, с небес милого брата хранить.

ТРИ ПУТНИКА

В свой край возвратяся из дальней земли,
Три путника в гости к старушке зашли.

„Прими, приюти нас на темную ночь;
Но где же красавица? Где твоя дочь?“

„Принять, приютить вас готова, друзья;
Скончалась красавица дочка моя“.

В светлице свеча пред иконой горит:
В светлице красавица в гробе лежит.
И первый поднявший покров гробовой
На мертвую смотрит с унылой душой:

„Ах! если б на свете еще ты жила,
Ты мною б отныне любима была!“

Другой покрывало опять наложил,
И горько заплакал, и взор опустил:

„Ах, милая, милая, ты ль умерла?
Ты мною так долго любима была!“

Но третий опять покрывало поднял
И мертвую в бледны уста целовал:

„Тебя я любил; мне тебя не забыть;
Тебя я и в вечности буду любить!“

ГОЛОС С ТОГО СВЕТА

Не узнавай, куда я путь склонила,
В какой предел из мира перешла...

О друг, я все земное совершила;
Я на земле любила и жила.

Нашла ли их? Сбылись ли ожиданья?

Без страха верь; обмана сердцу нет;

Сбылося все; я в стороне свиданья;

И знаю здесь, сколь ваш прекрасен свет.

Друг, на земле великое не тщетно;

Будь тверд, а здесь тебе не изменят;

О милый, здесь не будет безответно

Ничто, ничто: ни мысль, ни вздох, ни взгляд.

Не унывай: минувшее с тобою;

Незрима я, но в мире мы одним;

Будь верен мне прекрасною душою;

Сверши один начатое вдвоем.

• АРЗАМАССКИЕ ПРОТОКОЛЫ •

I

ПРОТОКОЛ ДВАДЦАТОГО АРЗАМАССКОГО ЗАСЕДАНИЯ

Месяц Травный, нахмурясь, престол свой отдал Изоку;

Пылкий Изок появился, но пасмурен, хладен, насуплен;

Был он отцом посаженным у мрачного Грудня. Грудень, известно,

Очень давно за Зимой волочился; теперь уж они обвенчались.

С свадьбы Изок принес два дождя, пять луж, три тумана.

(Рад ли, не рад ли, а надобно было принять их в подарок).

Он разложил пред собою подарки и фыркал. Меж тем собирался

Тихо на берегу Карповкн (славной реки, где водятся карпы,

Где, по преданию, Карп-Богатырь кавардак по субботам

Ел, отдыхая от славы), на берегу Карповки славной

В семь часов ввечеру Арзамас двадцатый. Под сводом

Новосозданного храма, на коем начертано имя

Вещего Штейна, породой германца, душой арзамаспа,

Сел Арзамас за стол с величавостью скромной и мудрой наседки;

Сел Арзамас –и явилось в тот миг небывалое чудо:

Нечто пузобразное, пупом венчанное вздулось,

Громко взбурчало, и вдруг гармонией Арфы стало бурчанье.

Члены смутились, Рейн дернул за кофту Старушку,

С страшной перхотой Старушка бросилась в руки Варвику,

Журка клюнул Пустынника, тот за хвост Асмодея,

Начал бодать Асмодеи Громобоя, а этот облапил,

Сморщась, как дряхлый сморчок, Светлану. Одна лишь Кассандра

Тихо и ясно, как пень благородный, с своим протоколом,

Ушки сжавши и рыльце подняв к милосердому небу,
В креслах сидела. „Уймись, Арзамас!–возгласила Кассандра.–
Или гармония пуза Эоловой Арфы тебя изумила?
Тише ль бурчало оно в часы пресыщенья, когда им
Водка, селедка, конфеты, котлеты, клюква и брюква
Быстро, как вечностью годы и жизнь, поглощались?
Знай же, что ныне пуза бурчит и хлебещет недаром;
Мне –дельфийский треножник оно. Прорицаю, внимайте!"
Взлезла Кассандра на пузо, села Кассандра на пузе;
Стала с пуза Кассандра, как древле с вершины Синая
Вождь Моисей ко евреям, громко вещать к арзамасцам:
„Братья-друзья арзамасцы! В пузе Эоловой Арфы
Много добра. Не одни в нем кишки и желудок.
Близко пуза, я чувствую, бьется, колышется сердце!
Это сердце, как весты лампада, горит не сгорая.
Бродит, я чувствую, в темном Дедале, поблизости пуза,
Честный отшельник –душа; она в своем заточенье
Все отразила прельщенья бесов и душиста добротой!
(Так говорит об ней Николай Карамзин, наш историк).
Слушайте ж, вот что душа из пуза инкогнито шепчет:
Полно тебе, Арзамас, слоняться бездельником! Полно
Нам, как портным, сидеть на катке и шить на халдеев,
Сгорбась, дурацкие шапки из пестрых лоскутьев Беседных;
Время проснуться!.. Я вам пример. Я бурчу, забурчите ж,
Братцы, и вы, и с такой же гармонией сладкою. Время,
Время летит. Нас доселе собирала беспечная шутка;
Несколько ясных минут украла она у бесплодной
Жизни. Но что же? Она уж устала иль скоро устанет.
Смех без веселости – только кривлянье! Старые шутки –
Старые девки! Время прошло, когда по следам их
Рой обожателей мчался! теперь позабыты; в морщинах,
Зубы считают, в разладе с собою, мертвы не живши.
Бойся ж и ты, Арзамас, чтоб не сделаться старою девкой.
Слава –твой обожатель; скорее браком законным
С ней сочитайся! иль будешь бездетен, иль, что еще хуже,
Будешь иметь детей незаконных, не признанных ею,
Светом отверженных, жалких, тебе самому в носрамление.
О арзамасцы! все мы судьбу испытали; у всех нас
В сердце хранится добра и прекрасного тайна; но каждый,
Жизнью своей охлажденный, к сей тайне уж веру теряет;
В каждом душа, как светильник, горящий в пустыне,
Свет одинокий окрестия мгли не осветит. Напрасно
Нам он горит, он лишь мрачность для наших очей озаряет.
Что за отрада нам знать, что где-то в такой же пустыне
Так же тускло и тщетно братский пылает светильник?
Нам от того не светлее! Ближе, друзья, чтоб друг друга
Видеть в лицо и, сливши пламень души (неприступной
Хладу убийственной жизни), достоинства первое благо
(Если уж счастья нельзя) сохранить посреди измененья!
Вместе – великое слово! Вместе, твердит, унывая,
Сердце, жадное жизни, томяся бесплодным стремленьем.
Вместе! Оно воскресит нам наши молодые надежды.
Что мы розно? Один, увлекаем шумным потоком
Скучной толпы, в мелочных затерялся заботах. Напрасно
Ищет себя, он чужд и себе и другим; каменеет,
К мертвому рабству привыкнув, и, цепи свои презирая,
Их разорвать не стремится. Другой, потеряв невозвратно
В миг единый все, что было душою полжизни,
Вдруг меж развалин один очутился и нового зданья
Строить не смеет; и если бы смел, то где ж ободритель,
Дерзкий создатель –Младость, сестра Вдохновенья?
Над грудой развалин
Молча стоит он и с трепетом смотрит, как Гений унывший
Свой погашает светильник. Иной самому себе незнакомец,
Полный жизни мертвец, себя и свой дар загвоздивший
В гроб, им самим сотворенный, бьется в своем заточенье:
Силен свой гроб разломить, но силе не верит –и гибнет.
Тот, великим желаньем волнуемый, силой богатый,

Рад бы разлить но вселенной – в сиянье ль, в пожаре ль –
свой пламень;
К смелому делу сзывает дружину, но... голос в пустыне.
Отзыва нет! О братья, пред нами во дни упования
Жизнь необъятная, полная блеска, вдали расстилалась.
Близким стало далекое! Что же? Пред темной завесой,
Вдруг упавшей меж нами и жизнью, каждый стоит безнадежен;
Часто трепещет завеса, есть что-то живое за нею,
Но рука и поднять уж ее не стремится. Нет веры!
Будем ли ж, братья, стоять перед нею с ничтожным нокорством?
Вместе, друзья, и она разорвется, и путь нам свободен.
Вместе– наш Гений–хранитель! при нем благодатная Бодрость;
Нам оно безопасный приют от судьбы вероломной;
Пусть налетят ее бури, оно для нас уцелеет!
С ним и Слава, не рабский криков толпы повторитель,
Но свободный судья современных, потомства наставник;
С ним и Награда, не шумная почесть, гремушка младенцев,
Но священное чувство достоинства, внятный не многим
Голос души и с голосом избранных, лучших согласный.
С ним жизнедательный Труд с бескорыстной целью – для пользы;
С ним и великий Гений – Отечество. Так, арзамасцы!
Там, где во имя Отечества но две руки во едину
Слиты, там и оно соприсутственно. Братья, дайте же руки!
Все минувшее, все, что в честь ему некогда жило,
С славного царского трона и с тихой обители сельской,
С поля, где жатва на пепле падших бойцов расцветает,
С гроба певцов, с великанских курганов, свидетелей чести,
Всё к нам голос знакомый возносит: мы некогда жили!
Все мы готовили славу, и вы приготовьте потомкам! –
Вместе, друзья! чтоб потомству наш голос был слышен!"
Так говорила Кассандра, холя десницею пузо.
Вдруг наморщилось пузо, Кассандра умолкла, и члены,
Ей поклонясь, подошли приложиться с почтеньем
К пузу в том месте, где пуп цветет лесной сыроежкой.
Тут осанистый Рейн разгладил чело, от власов обнаженно,
Важно жезлом волшебным махнул – и явилось нечто
Пышным вратам подобное, к светлomu зданью ведущим.
Звездная надпись сияла на них: Журнал арзамасский.
Мощной рукою врата растворил он; за ними кипели
В светлом хаосе призраки веков; как гиганты, смотрели
хз° Лики славных из сей оживленные тучи; над нею
С яркой звездой на главе гением тихим неслося
В свежем гражданском венке божество – Просвещение, дав руку
Грозной и мирной богине Свободе. И все арзамасцы,
Пламень ночуя в душе, к вратам побежали... Всё скрылось.
Рейн сказал: „Потерпите, голубчики! я еще не достроил;
Будет вам дом, а теперь и ворот одних вам довольно".
Члены, зная, что Рейн – искусный строитель, утихли,
Сели опять по местам, и явился, клюкой подпираясь,
Сам Асмодей. Погонял он бичом мериносов Беседы.
н° Важен пред стадом тащился старый баран, волочивший
Тяжкий курдюк на скрипящих колесах, – Шишков седорунный;
Рядом с ним Шутовской, овца брюхатая, охал.
Важно вез назади осел Голенищев–Кутузов
Тяжкий с притчами воз, а на козлах мартышка
В бурке, граф Дмитрий Хвостов, тряслась; и, качаясь на дышле,
Скромно висел в чемодане домашний тушканчик Вздыхалов.
Стадо загнавши, воткнул Асмодей на вилы Шишкова,
Отдал честь Арзамасу и начал китайские тени
Членам показывать. В первом явленье предстала
15° С кипой журналов Политика, рот зажимая Цензуре,
Старой кокетке, которую тощий гофмейстер Яценко
Вежливо под руку вел, нестерпимый Дух издавая.
Вслед за Политикой вышла Словесность; платье богини
Радужным цветом сияло, и следом за ней ее дети:
С лирой, в венке из лавров и роз, Поэзия–дева
Шла впереди; вокруг нее как крылатые звезды летали
Светлые пчелы, мед свой с цветов чужих и домашних

В дар ей собравшие. Об руку с нею поступью важной
Шла благородная Проза в длинной одежде. Смиренно
100 Хвост ей несла Грамматика, старая нянька (которой,
Сев в углу на словарь, Академия делала рожи).
Свита ее была многочисленна; в ней отличался
Важный маляр Демид-арзамасец. Он кистью, как древле
Тростью Цирцея, махал, и пред ним, как из дыма, творились
Лица, из видов заемных в свои обращенные виды.
Все покорялось его всемогуществу, даже Беседа
Вежливой чушкой лезла, пыхтя, из-под докторской ризы.
Третья дочь Словесности: Критика с плетью, с метелкой
Шла, опираясь на Вкус и смелую Шутку; за нею
Λ° Князь Тюфякин нес на закорках Театр, и нещадно
Кошками секли его Пиериды, твердя: не дурачься.
Смесь последняя вышла. Пред нею музы тащили
Чашу большую с ботвиньей; там все переболтано было:
Пушкина мысли, вести о курах с лицом человечьим,
Письма о бедных к богатым, старое заново с новым.
Быстро тени мелькали пред взорами членов одна за другою.
Вдруг все исчезло. Члены захлопали. Вилы пред ними
Важно склонил Асмодей и, стряхнув с них Шишкова,
В угол толкнул сего меринуса; он комом свернулся,
180 к стенке прижался и молча глазами вертел. Совещанье
Начали члены. Приятно было послушать, как вместе
Все голоса слились в одну бестолковщину. Бегло
Быстрым своим язычком работала Кассандра, и Рейн
Громко шумел; Асмодей воевал на Светлану; Светлана
Бегала взад и вперед с протоколом; впившись в Старушку,
Криком кричал Громовой, упрямясь родить анекдотец.
Арфа курныкала песни. Пустынник возился с Варвиком.
Чем же сумятица кончилась? Дело: журнал состоялся.

II

ПРОТОКОЛ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ЗАСЕДАНИЯ. ИЮНЬ 1817 г.
Был Арзамас в день Изока и в день, я не знаю, который,
Был Арзамас как не был, ибо все члены от Арфы
Вплоть до Светланы священным сумбуром друг друга душили,
Вот почему Прото(ко)ла не вышло, а вышел с натугой
Карлик один, протоколец незнатной, достойный беседы.
Есть же тому и другая причина: жарко Светлане?
А в жар протоколы писать не безделка. Итак, не взыщите.

б1

III

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ. НАЧАЛО ИЮЛЯ 1817 г.
В доме важного Рейна был Арзамас не на шутку,
В том Арзамасе читали законы, читали Вадима;
В том Арзамасе Эоловой не было Арфы; слонялась
Арфа беспутная, мучась жестоким, увы! геморроем.
Так как сие заседанье не в счет заседаний обычных,
То и об нем протокол дурной необычно и краткий;
Есть же тому и другая причина; Светлана поела
Плотно весьма земляники в доме Кассандры грекини
С Резвым Котом, служащим в коллегии дел иностранных,
Есть же тому и третья причина: какая? – Не знаю!
Если ж не знаю, то и писать мне не должно, – и так перестанем.

IV

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ. 14 или 15 июля 1817 г.
Пламенный месяц Нервен явился, лягнул во Изока,
Сбил его с неба и сам нарядился в парик лучезарный,
Гордо потек по эфиру, сказав арзамасцам: Собирайтесь!
Но арзамасцы не вдруг собрались; спустя две седмицы
С той норы, как Нервен воцарился, они у великого Рейна
В кучку сошлись поболтать о законах; и впрямь поболтали;
Взяв рукописное оных законов святилище, то есть тетрадку,
Где регистратор коллежский Нагибин их написал узорочно,
Рейн прочел их внятно, понятно, приманчивым гласом.
Смирно слушали члены, дослушав, во всем согласились;
Дан был Светлане приказ к нодписанью законы представить.
Вот Светлана представила их! Дело с концом: Подпишите!

К ПОРТРЕТУ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ
Для нас рука судьбы в сей мир ее ввела;
Для нас ее душа цвела и созревала;
Как гений радости, она пред нами стала,
И всё прекрасное в себе нам отдала!
С веселой младостью мила, как упованье!
В ней дух к великому растет и возрастет;
Она свой трудный путь с достоинством пройдет;
В ней не обманется России ожиданье!

К МЕСЯЦУ

Снова лес и дол покрыл
Блеск туманный твой:
Он мне душу растворил
Сладкой тишиной.
Ты блеснул... и просветлел
Тихо темный луг:
Так улыбкой наш удел
Озаряет друг.
Скорбь и радость давних лет
Отозвались мне,
И минувшего привет
Слышу в тишине.
Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь уж отцвела;
Так надежды пронеслись;
Так любовь ушла.
Ах! то было и моим,
Чем так сладко жить,
То, чего, расставшись с ним,
Вечно не забыть.
Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
С одинокою моей
Лирой согласуй.
Счастлив, кто от хлада лет
Сердце охранил,
Кто без ненависти свет
Бросил и забыл,
Кто делит с душой родной,
з^о втайне от людей,
То, что презрено толпой
Или чуждо ей.

МЕЧТА

Ах! если б мой милый был роза-цветок,
Его унесла бы я в свой уголок;
И там украшал бы мое он окно;
И с ним я душой бы жила заодно.
К нему бы в окно ветерок прилетал
И свежий мне запах на грудь навевал;
И я б унывала, им сладко дыша,
И с милым бы, тая, сливалась душа.
Его бы и ранней и поздней норой
Я, нежа, поила струей ключевой;
Ко мне прилипая, живые листья
Шептали б: „Я милый, а милая ты”.
Не села бы пчелка на милый мой цвет;
Сказала б я: „Меду для пчелки здесь нет;
Для пчелки-летуньи есть шелковый луг;
Моим без раздела останься, мой друг”.
Сильфиды бы легкой слетелись толпой
К нему любоваться его красотой;
И мне бы шепнули, целуя листья:
„Мы любим, что мило, мы любим, как ты”.
Тогда б вострепнулся мой милый цветок,
С цветка сорвался бы румяный листок,
К моей бы щеке распаленной пристал
И пурпурным жаром на ней заиграл.

Родная б спросила: „Что, друг мой, с тобой?

Ты вся разгорелась, как день молодой".–

„Родная, родная,– сказала бы я,–

Мне в душу свой запах льет роза моя".

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Откуда, звездочка-краса?

Что рано так на небеса

В одежде праздничной твоей,

В огне блистающих кудрей,

В красе воздушно-голубой,

Умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше нас?

Ан нет! мы жнем уж целый час;

Не счесть накиданных снопов.

Кто встал до дня, тот днем здоров;

Бодрей глядит на Божий свет;

Ему за труд вкусней обед.

Другой привык до полдня спать;

Зато и утра не видать.

А жнец с восточною звездой

Всегда встает перед зарей.

Работа рано поутру –

Досуг и песни ввечеру.

А птички? Все давно уж тут;

Играют, свищут и поют;

С куста на куст, из сени в сень;

Кричат друг дружке: „Добрый день!

И томно горлинки журчат;

Да чу! и к заутрене звонят.

Везде молитва началась:

„Небесный царь, услыши нас;

Твое владычество приди;

Нас в искушенье не в бед и;

На путь спасения наставь

И от лукавого избавь".

Зачем же звездочка-краса

Всегда так рано в небеса?..

Звезда-подружка там горит.

Пока родное солнце спит,

Спешат увидеться оне

В уединенной вышине.

Тайком сквозь дремлющий рассвет

Она за милюю вослед

Бежит, сияя, на восток;

И будит ранний ветерок;

И, тихо вея с высоты,

Он милой шепчет: „Где же ты?"

Но что ж? Увидеться ли?.. Нет.

Спешит за ними солнце вслед.

Уж вот оно: восток зажгло,

Свой алый завес подняло,

Надело знойный свой убор

И ярко смотрят из-за гор.

А звездочка?.. Уж не блеснит;

Печально-бледная, бежит;

Подружке шепчет: „Бог с тобой!"

И скрылась в бездне голубой.

И солнце на небе одно,

Великолепно и красно.

Идет по светлой высоте

В своей спокойной красоте;

Затеplился на церкви крест;

И тонкий нар встает окрест;

И взглянет лишь куда оно,

Там миглом все оживлено.

На кровле аист нос острит;

И в небе ласточка кружит,

И дым клубится из нечей;

и будит мельницу ручей;
и тихо рдеет темный бор;
и звучно в нем стучит топор.
Но кто там в утренних лучах
мелькнул и спрятался в кустах?
С ветвей посыпалась роса.
Не ты ли, девица-краса,
душе сказалася моей
веселой прелестью своей?
Вудь я восточною звездой
и будь на тверди голубой,
моя звезда-подружка, ты
и мне сияй из высоты –
О звездочка, душа моя,
не испугался б солнца я.
К НЕЙ

Имя где для тебя?
не сильно смертных искусство
выразить прелесть твою!
Лиры нет для тебя!
Что песни? Отзыв неверный
поздней молвы об тебе!
Если бы сердце могло быть
им слышно, каждое чувство
выло бы гимном тебе!
Прелесть жизни твоей,
сей образ чистый, священный,
в сердце, как тайну, ношу.
я могу лишь любить,
сказать же, как ты любима,
может лишь вечность одна!
* * *

кто слез на хлеб свой не ронял,
кто близ одра, как близ могилы,
в ночи, бессонный, не рыдал, –
тот вас не знает, вышние силы!
на жизнь мы брошены от вас!
и вы ж, дав звать нам с виною,
страданью выдаете нас,
вину преследуете мздую.

ПЕСНЯ

кольцо души-девицы
я в море уронил;
с моим кольцом я счастье
земное погубил.
мне, дав его, сказала:
„носи! не забывай!
пока твое колечко,
меня своей считай!“
не в добрый час я невод
стал в море полоскать;
кольцо юркнуло в воду;
искал... но где сыскать!..
с тех пор мы как чужие!
приду к ней – не глядит!
с тех пор мое веселье
на дне морском лежит!
о ветер полуночный,
проснись! будь мне друг!
схвати со дна колечко
и выкати на луг.
вчера ей жалко стало:
нашла меня в слезах!
и что-то, как бывало,
зажглось у ней в глазах!
ко мне подседа с лаской,
мне руку подала,
и что-то ей хотелось

Сказать, но не могла!
На что твоя мне ласка!
На что мне твой привет!
Любви, любви хочу я.
Любви-то мне и нет!
Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне мое колечко
С надеждою моею.
УТЕШЕНИЕ В СЛЕЗАХ

„Скажи, что так задумчив ты?
Все весело вокруг;
В твоих глазах печали след;
Ты, верно, плакал, друг?“
„О чем грущу, то в сердце мне
Запало глубоко;
А слезы... слезы в сладость нам;
От них душе легко“.
„К тебе ласкаются друзья,
10 Их ласки не дичись;
И что бы ни утратил ты,
Утратой поделись“.
„Как вам, счастливым, то понять,
Что понял я тоской?
О чем... но нет! оно мое,
Хотя и не со мной“.
„Не унывай же, ободрись;
Еще ты в цвете лет;
Ищи – найдешь; отважным, друг,
20 Несбыточного нет“.
„Увы! напрасные слова!
Найдешь – сказать легко;
Мне до него, как до звезды
Небесной, далеко“.
„На что ж искать далеких звезд?
Для неба их краса;
Любуйся ими в ясну ночь,
Не мысли в небеса“.
„Ах! я люблюсь в ясный день;
3° Нет сил и глаз отвести;
А ночью... ночью плакать мне,
Покуда слезы есть“.

МИНА

РОМАНС

Я знаю край! там негой дышит лес,
Златой лимон горит во мгле древес,
И ветерок жар неба холодит,
И тихо мирт и гордо лавр стоит...
Там счастье, друг! туда! туда
Мечта зовет! Там сердцем я всегда!
Там светлый дом! на мраморных столбах
Поставлен свод; чертог горит в лучах;
И ликов ряд недвижимых стоит;
И, мнится, их молчанье говорит...
Там счастье, друг! туда! туда
Мечта зовет! Там сердцем я всегда!
Гора там есть с заоблачной тропой!
В туманах мул там путь находит свой;
Драконы там мутят ночную мглу;
Летит скала и воды на скалу!..
О друг, пойдем! туда! туда
Мечта зовет!.. Но быть ли там когда?

ЖАЛОБА ПАСТУХА

На ту знакомую гору
Сто раз я в день прихожу,
Стою, склоняся на посох,
И в дол с вершины гляжу.
Вздыхнув, медлительным шагом

Иду вослед я овцам
И часто, часто в долину
Схожу, не чувствуя сам.
Весь луг по-прежнему полон
Младой цветов красоты;
Я рву их –сам же не знаю,
Кому отдать мне цветы.
Здесь часто в дождик и в грозу
Стою, к земле пригвожден;
Все жду, чтоб дверь отворилась...
Но то обманчивый сон.
Над милой хижинкой светит,
Видаю, радуга мне...
К чему? Она удалилась!
Она в чужой стороне!
Она все дале! все дале!
И скоро слух замолчит!
Бегите ж, овцы, бегите!
Здесь горе душу томит!
РЕЧЬ В ЗАСЕДАНИИ „АРЗАМАСА“
Братья-друзья арзамасцы! Вы протокола послушать,
Верно, надеялись. Нет протокола! О чем протоколировать?
Всё позабыл я, что было в прошедшем у нас заседание!
Всё! да и нечего помнить! С тех нор, как за ум мы взялися,
Ум от нас отступился! Мы перестали смеяться –
Смех заступила зевота, чума окаянной Беседы!
Даром что эта Беседа давно околела – зараза
Все еще в книжках Беседы осталась –и нет карантиннов!
Кто-нибудь, верно, из нас, не натершись „Опасным соседом“,
Голой рукой прикоснулся к „Чтению“ в Беседе иль вытер,
Должной не взяв осторожности, свой анфедрон рассуждением
Деда сегого о слоге седом – я не знаю! а знаю
Только, что мы ошалели! что лень, как короста,
Нас обленила! дело не любим! безделью ж отдались!
Мы написали законы; Зегельхен их переплел и слупил с нас
Восемь рублей и сорок копеек –и всё тут! Законы
Снят в своем переплете, как мощи в окованной раке!
Мы от них ожидаем чудес – но чудес не дождемся.
Между тем, Рейн усастый, нас взбаламутив, дал тягу
В Киев и там в Днепре утопил любовь к Арзамасу!
Рейн давно замолчал, да и мы не очень воркуем!
Я, Светлана, в графах таблиц, как будто в тенетах,
Скорчась сижу; Асмодей, распростившись с халатом свободы,
Лезет в польское платье, поет мазурку и учит
Польскую азбуку; Резвый Кот всех умнее; мурлычет
Нежно люблю и просится в церковь к налою; Кассандра,
Сочным бивстексом пленяся, коляску ставит на сани,
Скачет от русских метелей к британским туманам и гонит
Челн Очарованный к квакерам за море; Чу в Цареграде
Стал не Чу, а чума, и молчит; Ахилл, по привычке,
Рыщет и места нигде не согреет; Сверчок, закопавшись
В щелку проказы, оттуда кричит к нам в стихах: я ленюся.
Арфа, всегда неизменная Арфа, молча жиреет!
Только один Вот-я-вас усердствует славе; к бессмертью
Скачет он на рысях; припряг в свою таратайку
Врата Кабуда к Пегасу, и сей осел вот-я-васов
Скачет, свернувшись кольцом, как будто в „Опасном соседе“!
Вслед за Кабудом, друзья! Перестанем лениться! быть худу!
Выть бычку на веревочке! быть Арзамасу Веседой!
Вы же, почетный наш баснописец, вы, нам доселе
Вывший прямым образом и учителем русского слога,
Вы, впервой заседающий с нами под знаменем Гуся,
О, помолитесь за нас, погруженных бесстыдно в пакость Беседы!
Да спадет с нас беседная пакость, как с гуся вода! Да воскреснем.
листок
От дружной ветки отлученный,
Скажи, л исток уединенный,
Куда летишь?.. „Не знаю сам;

Гроза разбила дуб родимый;
С тех нор, но долам, но горам
По воле случая носимый,
Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете все стремится,
Куда и лист лавровый мчится
И легкий розовый листок".
НОВАЯ ЛЮБОВЬ – НОВАЯ ЖИЗНЬ
Что с тобой вдруг, сердце, стало?
Что ты ноешь? Что опять
Закипело, запылало?
Как тебя растолковать?
Все исчезло, чем ты жило,
Чем так сладостно грустило!
Где беспечность? где покой?..
Ах, что сделалось с тобой?
Расцветающая ль младость,
10 Речи ль, полные душой,
Взора ль пламенная сладость
Овладели так тобой?
Захочу ли ободриться,
Оторваться, удалиться –
Бросить томный, томный взгляд!
Ах! я к ней лечу назад!
Я неволен, очарован!
Я к неволе золотой,
Обессиленный, прикован
Шелковинкою одной!
И бежать очарованья
Нет ни силы, ни желанья!
Рад тоске! хочу любить!..
Видно, сердце, так и быть!
ПЕРВАЯ УТРАТА
Вы промчались, дни прекрасны,
Время первой любви и счастья!
Ах! когда б хотя мгновенье
Жизни прошлой воротить!
Я грущу в уединенье!
Трачу жалобы напрасно!
Счастьем милому не быть!
Вы промчались, дни прекрасны!
И душа отвыкла жить.
ЦВЕТЫ
С приветом ласки нас встречайте!
Мы к вам идем из глубины!
Но, видя нас, не вопрошайте,
Какой страной мы рождены.
Как семя каждую весною
Цветком восходит вас пленять
Благоуханной красотой –
Не тщитесь тайны сей познать.
Мы спим во тьме уединения,
Недостижимой для очес;
Выводит нас из заточения
Одно могущество небес!
Лишь тронет солнце нас сиянием,
Нам станет тесен хладный дом;
И сладким двинуты призыванием
К веселой жизни восстаем!
Любовь как цвет –никто не знает,
Когда бывает рождена;
Глубоко в сердце ожидает
Лучей создательных она!
И только к сердцу прикоснулось
Очарованье милых глаз –
Желанье смутное проснулось
И жизнь в нем страстию зажглась.
Цветы умрут –когда сияния

С небес им солнце не прольет.

Когда любовь без упования –

Душа любовьию умрет.

* * *

В ту минуту, когда ты в белой брачной одежде,
Вышнего, тайного мира невеста, земную корону
Тихо сняла и земле возвратила, и в свежем из зрелой
Жатвы венце от нас полетела... всё зарыдало;
Плакал – кто только слышал о тебе, но более плакал
Знавший тебя; а те, кого прижимала ты к сердцу,
Слез найти не могли, а после уж их не считали.
Время придет; нам завидовать станут в великом, в прекрасном,
Станут завидовать в счастье, нас посетившем, а скорби,
Скорби, с какой от себя мы его проводили, не вспомнят.
В час тот, когда бытие на земле для нея начиналось,
Ангел жизни ея прилетел пред Судьбу и сказал ей:
Много венцов у меня для младенца: из лилий сплетенный
Свежий венец красоты, и брачный из мирт, и корона,
Есть и дубовый венец героической чести германской;
Есть и терновый – который избрать повелишь для младенца?
Все избираю, сказала Судьба. Но остался единый,
Всё награждающий. В день испытанья, когда появился
Смерти венец на высоком челе, унывающий ангел
Снова предстал... и одне лишь слезы его вопрошали.
Голос раздался: воззри! Он воззрел – перед ним Искупитель.

ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖ В ПОЛНОЧЬ

Полночь било; в добрый час!

Спите, Ног не спит за нас!

Как все молчит!.. В полночной глубине
Окрестность вся как будто притаилась;
Нет шороха в кустах; тиха дорога;
В пустой дали не простучит телега,
Не скрипнет дверь; дыханье не провеет,
И коростель замолк в траве болотной.
Все, все теперь под занавесом спит;
И легкою ль, неслышною стопою
Прокрался здесь бесплотный дух... не знаю.
Но чу... там пруд шумит; перебираясь
По мельничным колесам неподвижным,
Сонливою струёй бежит вода;
И ласточка тайком ползет по бревнам
Под кровлю; и сова перелетела
По небу тихому от колокольни;
И в высоте, фонарь ночной, луна
Висит меж облаков и светит ясно,
И звездочки в дали небесной брезжут...
Не так же ли, когда осенней ночью,
Измокнувший, усталый от дороги,
Придешь домой, еще не видишь кровель,
А огонек уж там и тут сверкает?..
Но что ж во мне так сердце разгорелось?
Что на душе так радостно и смутно?

Как будто в ней но родине тоска!

Я плачу... но о чем? И сам не знаю!

Полночь било; в добрый час!

Спите, Ног не спит за нас!

Пускай темно на высоте;

Сияют звезды в темноте.

То свет ро(им ой стороны;

Про нас они там зажжены.

Куда идти мне? В нижнюю деревню,

Через кладбище?.. Дверь отворена.

Подумаешь, что в полночь из могил

Покойники выходят навестить

Свое село, проведать, все ли там,

Как было в старину. До сей норы,

Мне помнится, еще ни одного

Не встретил я. Не прокричать ли: полночь!

Покойникам?.. Нет, лучше но гробам
Пройду я молча, есть у них на башне
Свои часы. К тому же... как узнать!
Прошла ль уже их полночь или нет?
Быть может, что теперь лишь только тьма
Сгущается в могилах... ночь долга;
Быть может также, что струя рассвета
Уже мелькнула и для них... кто знает?
Как смирно здесь! знать, мертвые покойны?
дай бог!.. Но мне чего-то страшно стало.
Не все здесь умерло: я слышу, ходит
На башне маятник... ты скажешь, бьется
Пuls времени в его глубоком сне.
И холодом с вершины дует полночь;
В лугу ее дыханье бродит, тихо
Соломою на кровлях шевелит
И пробирается сквозь тын со свистом,
бо и сыростью от стен церковных пашет –
Окончины трясутся, и норой
Скрипит, качаясь, крест –здесь подувает
Оно в открытую могилу... Бедный фриц!
и для тебя готовят уж постелю,
и каменный покров лежит при ней,
и на нее огни отчизны светят.
Как быть! а всем одно, всех на пути
Застигнет сон... что ж нужды! все мы будем
На милой родине; кто на кладбище
Нашел постель –в час добрый; ведь могила
Последний на земле ночлег; когда же
Проглянет день и мы, проснувшись, выйдем
На новый свет, тогда пути и часу
Не будет нам с ночлега до отчизны.
Полночь било; в добрый час!
Спите, ног не спит за нас!
Сил/от звезды с вышины,
То свет родимой стороны:
Туда через могилу путь;
80 в могиле ж... только отдохнуть.
Где был я? где теперь? Иду деревней;
Прошел через кладбище... Все покойно
И здесь и там... И что ж деревня в полночь?
Не тихое ль кладбище? Разве там,
Равно как здесь, не снят, не отдыхают
От долгия усталости житейской,
От скорби, радости, под властью Бога,
Здесь в хижине, а там в сырой земле,
до ясного, небесного рассвета?
9° А он уж недалёко... как бы ночь
ни длилась а я и неба ни темнила,
А все рассвета нам не миновать.
Деревню раз, другой я обойду –
И петухи начнут мне откликаться,
И воздух утренний начнет в лицо
Мне дуть; проснется день в бору, отдернет
Небесный занавес, и утро тихой
Струёй прольется в сумрак; наконец
Посмотришь: холм, и дол, и лес сияют;
Все встрепенулося; там ставень вскрылся,
Там отворилась дверь; и все очнулось,
и всюду жизнь свободная взыграла.
Ах! царь небесный, что за праздник будет,
когда последняя промчится ночь!
когда все звезды, малые, большие,
и месяц, и заря, и солнце вдруг
в небесном пламени растают, свет
до самой глубины могил прольется,
и скажут матери младенцам: утро!
и всё от сна пробудится; там дверь

Тяжелая отворится, там ставень;
И выглянут усопшие оттуда!..
О, сколько бед забыто в тихом сне!
И сколько ран глубоких в самом сердце
Исцелено! Встают, здоровы, ясны;
Пьют воздух жизни; он вливает крепость
Им в душу... Но когда ж тому случиться?
Полночь било; в добрый час!
Спите, Бог не спит за нас!
Еще лежит на небе тень;
Еще далеко светлый день;
Но жив Господь, он знает срок:
Он вышлет утро на восток.

ТЛЕННОСТЬ

Разговор на дороге, ведущей в Базель,
в виду развалин замка Ретлера, вечером
Внук
Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если то ж случится
И с нашей хижинкой?.. Как страшно там!
Ты скажешь: смерть сидит на этих камнях.
А домик наш?.. Взгляни: как будто церковь,
Светлеет на холме, и окна блещут.
Скажи ж, как может быть, чтобы и с ним
Случилось то ц, что с этим старым замком?
Д е д у ш к а
Как может быть?.. Ах! друг мой, это будет.
Всему черед: за молодостью вслед
Тащится старость: все идет к концу
И ни на миг не постоит. Ты слышишь:
Без умолку шумит вода; ты видишь:
На небесах сияют звезды; можно
Подумать, что они ни с места... нет!
Все движется, приходит и уходит.
Дивись, как хочешь, друг, а это так.
Ты молод; я был также молод прежде,
Теперь уж все иное... старость, старость!
И что ж? Куда бы я ни шел – на наш ню,
В деревню, в Базель–все иду к кладбищу!
Я не тужу... и ты, как я, созреешь.
Тогда посмотришь, где я?.. Нет меня!
Уж вокруг моей могилы бродят козы;
А домик, между тем, дряхлей, дряхлей;
И дождь его сечет, и зной налит,
И тихомолком червь буравит стены,
И в кровлю течь, и в щели свищет ветер...
А там и ты закрыл глаза; детей
Сменили внуки; то чини, другое;
А там и нечего чинить... все сгнило!
А поглядишь: лет тысяча прошло –
Деревня вся в могиле; где стояла
Когда-то церковь, там соха гуляет.

Внук

Ты шутишь: быть не может!
Дедушка
Будет, будет!
Дивись, как хочешь, друг; а это так!
Вот Базель наш... сказать, прекрасный город!
Домов не счесть–иной огромней церкви;
Церквей же боле, чем в иной деревне
Домов; все улицы кипят народом;
И сколько ж добрых там людей!.. Но что же?
Как многих нет, которых я, бывало,
Встречал там... где они? Лежат давно
За церковью и снят глубоким сном.
Но только ль, друг? Ударит час – и Базель
Сойдет в могилу; кое-где, как кости,

Выглядывать здесь будут из земли:
Там башня, там стена, там свод у падший
На них же, но местам, береза, куст,
И мох седой, и в нем на гнездах цапли...
Жаль Базеля! А если люди будут
Все так же глупы и тогда, как нынче,
То заведутся здесь и привиденья,
И черный волк, и огненный медведь,
И мало ли...

Внук

Не громко говори;
Дай мост нам перейти; там у дороги,
В кустарнике, прошедшею весной
Похоронен утопленник. Смотри,
Как пятится Гнедко и уши поднял;
Глядит туда, как будто что-то видит.

Дедушка

Молчи, глупец; Гнедко пужлив: там куст
Чернеется – оставь в покое мертвых,
Нам их не разбудить; а речь теперь
О Базеле; и он в свой час умрет.
И много, много лет спустя, быть может,
Здесь остановится прохожий: взглянет
Туда, где нынче город... там все чисто,
Лишь солнышко над пустырем играет;
И спутнику он скажет: „В старину
Стоял там Базель; эта груда камней
В то время церковью Петра была...
Жаль Базеля”.

Внук

Как может это случиться?

Дедушка

Не верь иль верь, а это не минует.
Придет пора – сгорит и свет. Послушай:
Вдруг о полуночи выходит сторож –
Кто он, не знают – он не здешний; ярче
Звезды блестит он и гласит: Проснитесь!
Проснитесь, скоро день!.. Вдруг небо рдеет
И загорается, и гром сначала
Едва стучит; потом сильнее, сильнее;
И вдруг отсюда загредело; страшно
Дрожит земля; колокола гудят
И сами свет сзывают на молитву:
И вдруг... все молится; и всходит день –
Ужасный день: без утра и без солнца;
Все небо в молниях, земля в блистанье;
И мало ль что еще!.. Все, наконец,
Зажглось, горит, горит и прогорает
До дна, и некому тушить, и само
Потухнет... Что ты скажешь? Какова
Покажется тогда земля?

Внук

Как страшно!

А что с людьми, когда земля сгорит?

Дедушка

С людьми?.. Людей давно уж нет: они...
Но где они?.. Будь добр; смиренным сердцем
Верь Богу; береги в душе невинность –
И все ТУТ!.. Посмотри: там светят звезды;
И что звезда, то ясное селенье;
Над ними ж, слышно, есть прекрасный город;
Он невидим... но будешь добр, и будешь
В одной из звезд, и будет мир с тобою;
А если Бог посудит, то найдешь
Там и своих: отца, и мать, и... деда.
А может быть, когда идти случится
По Млечному Пути в тот тайный город, –
Ты вспомнишь о земле, посмотришь вниз

И что ж внизу увидишь? Замок Ре пи ер.
Все в уголь сожжено; а наши горы,
Как башни старые, чернеют; вокруг
Зола; в реке воды нет, только дно
Осталось пустое – мертвый след
Давнишнего потока; и все тихо,
Как гроб. Тогда товарищу ты скажешь:
„Смотри: там в старину земля была;
Близ этих гор и я живал в ту пору,
И нас коров, и сеял, и нахал;
Там деда и отца отнес в могилу;
Был сам отцом, и радостного в жизни
Мне было много; и Господь мне дал
Кончину мирную... и здесь мне лучше".

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно;
Луч погашает за лучом
И, алым тонким облачком
Задержав лик усталый свой,
Уйти готово на покой.
Пора ему и отдохнуть;
Мы знаем, летний долог путь.
Везде ж работа: на горах,
В долинах, в рощах и лугах;
Того согрей; тем свету дай
И всех притом благословляй.
Буди заснувшие цветы
И им расписывай листы;
Потом медвяною росой
Пчелу–работницу напой
И чистых капель меж листов
Оставь про резвых мотыльков.
Зерну скорлупку расколи
И молодую из земли
Былинку выведи на свет;
Пичужкам приготовь обед;
Тех приюти между ветвей;
А тех на гнездышке согрей.
И вишням дай румяный цвет;
Не позабудь горячий свет
Рассыпать на зеленый сад,
И золотистый виноград
От зноя листьями прикрыть,
И колос зрелостью налить.
А если жар для стад жесток,
Смани их к роще в холодок;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой с небес
Сойди на темный луг и лес.
А где под острою косою
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сияй
И сено в копны собирай,
Чтоб к ночи луг от них пестрел
И с ними ряд возов скрипел.
Итак, совсем немудрено,
Что разгорелось оно,
Что отдыхает на горах
В полупотухнувших лучах
И нам, сходя за небосклон,
В прохладе шепчет: „Добрый сон”.
И вот сошло, и свет потух;
Один на башне лишь петух
За ним глядит, сияя, вслед...
Гляди, гляди! В том пользы нет!
Сейчас оно перед тобой

Задернет алый завес свой.
Есть и про солнышко беда:
Нет ладу с сыном никогда.
Оно лишь только в глубину,
А он как раз на вышину;
Того и жди, что заблестит;
Давно за горкой он сидит.
Но что ж так медлит он вставать?
Все хочет солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло в сумерках оно.
И вот он всходит; в дол глядит
И бледно зелень серебрит.
И ночь уж на небо взошла
И тихо на небе зажгла
Гостеприимные огни;
7° И все замолкнуло в тени;
И по долинам, по горам
Все спит... Пора ко сну и нам.

<ОБЕТЫ>

Будьте, о духи лесов, будьте, о нимфы потока,
Верны далеким от вас, доступны близким друзьям!
Нет их, некогда здесь беспечною жизнью живших;
Мы, сменя их, им вслед смиренно ко счастью идем.
С нами, Любовь, обитай, богиня радости чистой!
Жизни прелесть она, близко далекое с ней!

ГОРНАЯ ДОРОГА

Над страшною бездною дорога бежит,
Меж жизнью и смертью мчится;
Толпа великанов ее сторожит;
Погибель над нею гнездится.
Страшись пробужденья лавины ужасной:
В молчанье пройди по дороге опасной.
Там мост через бездну отважной дугой
С скалы на скалу перегнулся;
Не смертною был он поставлен рукой –
Кто смертный к нему бы коснулся?
Поток под него разъяренный бежит;
Сразить его рвется и ввек не сразит.
Там, грозно раздавшись, стоят ворота:
Мнишь: область теней пред тобою;
Пройди их –долина, долин красота,
Там осень играет с весною.
Приют сокровенный! желанный предел!
Туда бы от жизни ушел, улетел.
Четыре потока оттуда шумят –
20 Не зрели их выхода очи.
Стремятся они на восток, на закат,
Стремятся к полудню, к полночи;
Рождаются вместе; родясь, расстаются;
Бегут без возврата и ввек не сольются.
Там в блеске небес два утеса стоят,
Превыше всего, что земное;
Кругом облака золотые кипят,
Эфира семейство младое;
Ведут хороводы в стране голубой;
3° Там не был, не будет свидетель земной.
Царица сидит высоко и светло
На вечно незыблемом троне;
Чудесной красой обвивает чело
И блещет в алмазной короне;
Напрасно там солнцу сиять и гореть:
Ее золотит, но не может согреть.
К ВАРВАРЕ ПАВЛОВНЕ УШАКОВОЙ
И ГР. ПРАСКОВЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ХИЛКОВОЙ
В Гатчине

1
Не грех ли вам, прекрасная графиня,

С Варварой Павловной соседа забывать?
Ее высочество великая княгиня
Сейчас за тайну мне изволила сказать,
Что вы давно уж прочитали
Тот розовый роман,
В котором нехристи так мучат христиан,
Где есть Малек-Адель, Матильда, Лузиньян,
И прочее. Вам нет заботы. Вы узнали,
Чем кончилась беда в Рихардовых шатрах:
Соединился ль он с женою,
И что случилось с той чудесною сестрою,
Которой нравится герой Малек-Адель,
Как итальянцу вермишель.
Но я, признаться вам, в великом затрудненье
И только что успел войти в Птолемаис,
Вокруг меня еще и драки и волненье,
И нехристи еще шуметь не унялись;
В таком опасном положении
Кому приятно быть?
К тому ж, хотел бы я (готов и в том признаться)
Скорей до свадьбы дочитать,ся,
Малек-Аделя окрестить
И на монахиняе женить.
Прошу вас, горю помогите
И розовый роман Жуковскому пришлите.

II

Варвара Павловна! графиня! помогите,
От вас одних отрады жду!
Хотите ль знать мою беду?
Прочтите:
Вчера, известно вам, мы вместе за столом
Ее высочества великия княгини
Обедали; был спор о том и о другом;
Потом
Мне помнится, упал из рук графини
(Любезнейшей из всех любезных Катерин)
Неосторожный апельсин;
Потом наш граф Моден, с приятнейшим приветом,
Назло соседкам злым, мне в шляпу положил
Матильду и с причетом:
С Агнесой, Глостером, с угрюмою толпой
Степных разбойников, с святым анахоретом,
С Малек-Ад ел ем и с войной.
И я подумал: в шляпе дело!
Пришел домой,

20 Но что же? Боже мой!
Уж в шляпе у меня несчастье скипело.
Матильда, чтоб спасти Рихардову жену,
Осталась в плену,
Глазами плакала, а сердцем восхищалась,
Что пленницей осталась;
Герой Малек-Адель, как ветреный дитя,
Пустился в разные проказы:
Рассудка здравого послушать не хотя,
Забыв султановы указы,
3° Матильду он с собой на шлюпку посадил;
И в первый раз тогда великолепный Нил
Увидел, как деспот Востока
К ногам невольницы смиренно положил
Могущество, любовь, желанье и пророка.
Но были б все его труды но пустякам,
Когда б не вздумалось Матильде по пескам
Пустынным прогуляться,
Чтоб незнакомому отшельнику признаться
В такой вине, в которой без вины
4° Мы были, будем, быть должны
Обвинены!

Матильда каялась –но, к счастью, не успела

Докаяться; толпа разбойников степных
В час добрый налетела,
Чтоб исповедь прервать; и тут все следом им,
Как будто по звонку, явился
Малек-Адель герой
С мечом, с верблюдами, палаткой и водой.
С разбойниками он нимало не чинился,
5° Он попросту их всех оставил без голов;
Матильду ж взял; с отцом духовным не простился
И был таков!

И на пути, в степи, под страшным зноем
Полумонахиня была обручена
С пол у крести вш имея героем,
И рад был этому проказник сатана!
Но это ли беда? беда над головою!
Султан, разгневанный сей свадьбою степною,
Отправил палачей за мужем и женою.
Матильда, правда, спасена,
Но друг Малек-Адель!.. Что будет он несчастной?
Я в шляпе роюсь напрасно:
В ней ничего уж боле нет.
Соседки, сжальтесь! мне третий том пришлите;
Или... тогда уж не шутите –
Сойдет с ума сосед!

III

Графиня, можно ль так неблагодарной быть!
Такое качество ужели вас достойно!
Могли ль, скажите, вы так жестоко забыть
То, что служило вам, себя позабывая!
Я нынче поутру, окончив свой урок
И красный свой портфель смиренно запирая,
Уж шляпу в руки брал и в темный уголок
Из светлого дворца готов был перебраться,
Как вдруг пред зеркалом на мраморной доске
Увидел – что? нельзя самим вам догадаться!
Малек-Аделя? Нет! Но то, что на руке
Малекаделевой, я думаю, бывало;
Что в тот сердитый век, когда существовал
Блаженной памяти Малек-Адель, давало
Знак к бою, что теперь годится лишь на бал;
Что с места не сойдет, хоть десять ног имеет;
Что страшно сморщится, лишь только опустеет,
Но что, наполнившись, умеет все: играть
В пикет, вязать чулки, записочки писать,
В романах, не читав, листы перебирать,
Бить по щекам, подчас трепать их с нежной лаской;
Что служит, так сказать, спасительною маской,
Но только не к лицу, не с тем, чтобы в обман
Вводить смиренных христиан,
Но с тем, чтоб прелестей не тронул злой, сердитый,
Еще скажу: оно всегда кое-как сшито
Из тонкой кожицы бывает всех цветов.

3° И то, которое теперь в руках поэта,
Есть бледно-палевого цвета,
И он уж этот цвет своим признать готов.
Скажу вам: долго я стоял в недоуменье,
Смотря, как бедное бездушное творенье
В морщинах скомкавшись, измятое, одно
На мраморном столе забытое лежало
И жизнь ничтожную собой изображало.
Давно ль, подумал я, оно
4° Одеждой красоты одушевленно было
И с нею жизнью нераздельной жило?
Но что ж теперь? Не то ль, что будет всяк из нас
В тот неизбежный час,
Когда рука судьбины,
Измяв и скомкав нас, набив на нас морщины,
Сперва положит нас на стол,

Потом нас со стола отправит в заточенье
На вечное забвенье.

5° Забвенье! можно ль? Нет! Но то, что я нашел,
Не будет позабыто!

Для славы вечная оно из лайки сшито!

И не износится в моих стихах оно!

Но чувствую давно,

что время объяснить, графиня, мне загадку.

Извольте ж знать:

Нашел я вашего сиятельства перчатку!

Но знайте, вам ее до тех пор не видать,

60 Пока четвертого мне тома не пришлете

Матильды – признаюсь (вы, верно, назовете

меня глупцом или, учтивей, чудачком),

чтоб разлюбить любовь, довольно попытаться

Прочесть Матильду раз:

Каких наделала любовь смешных проказ!

Агнесу не она ль заставила подраться?

Герой Монморанси не ею ли убит?

Но только ль? Тот, кто всех и учит, и бранит,

7° Не спасся от ее магического хмеля:

Преосвященнейший Гильом

К неверным в стан отправился пешком

В глазах у нехристей крестить Малек-Аделя.

Смирясь, в сватовство пустился Солиман,

Малек-Адель, зайдя тайком в Рихардов стан,

Матильду испугал, словами нокусался,

С соперником хотел подраться и не дрался,

Потом, хоть рад, хотя не рад,

Туда, где ждал его величественный брат,

80 Отправился, но с тем, чтоб с ним прийти назад,

чтоб над могилою с Матильдой повидаться,

примерно полежать во гробе мертвецом,

и с Лузиньяном не подраться,

и за святым отцом

Гильомом побежать, его из заточенья

снасти, при весть назад, затем, чтоб он в совет

войдя, сказал сердито: нет!

и не дал бы ему на брак благословенья!

(>° Посмотрим, что-то мне последний скажет том!

Признаться, голова от первых трех кружится.

Послушайте, в свой час любовь к вам постучится

и к вам дотронется магическим крылом.

Тогда – прошу вас об одном –

Матильду вспомните: пример ее бесценный!

В предосторожность же примите мой совет:

Узнайте наперед, крещен ли или нет

Малек-Адель, вам обреченный!

ГОСУДАРЫНЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ

НА РОЖДЕНИЕ В. КН. АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

Послание

Изобразю ль души смятенной чувство?

Могу ль найти согласный с ним язык?

Что лирный глас и что певца искусство?..

Ты слышала сей милый первый крик,

Младенческий привет существованью;

Ты зрела блеск проглянувших очей

и прелесть уст, открывшихся дыханью... .

О, как дерзну я мыслию моею

приблизиться к сим тайнам наслажденья?

Он пролетел, сей грозный час мученья;

Его сменил небесный гость Покой

и тишина исполненной надежды;

и, первым сном сомкнув беспечны вежды,

как ангел, спит твой сын перед тобой... .

О мать! кто, какой язык земной

изобразит сие очарованье?

что с жизнью прекрасного дано,

Что нам сулит в грядущем упование,
Чем прошлое для нас озарено,
И темное к неизвестному стремленье,
И ясное для сердца Провиденье,
И что душа небесного досель
В самой себе неведомо скрывала –
То всё теперь без слов тебе сказала
Священная младенца колыбель.
Забуду ль миг, навеки незабвенный?..
Когда шепнул мне тихой вести глас,
Что наступил решительный твой час, –
Безвестности волнением стесненный,
Я ободрить мой смутный дух спешил
На ясный день животворящим взглядом.
О, как сей взгляд мне душу усмирил!
Безоблачны, над пробужденным градом,
Как благодать лежали небеса;
Их мирный блеск, молодой зари краса,
Всходящая, как новая надежда;
Туманная, как таинство, одежда
Над красотой воскреснувшей Москвы;
Бесчисленны церквей ее главы,
Как алтари, зажженные востоком,
И вечный Кремль, протекшим мимо Роком
Не тронутый свидетель божества,
И всюду глас святого торжества,
Как будто глас Москвы преображенной...
Все, все душе являло ободренной
Божественный спасения залог.
И с верою, что близко Провиденье,
Я устремлял свой взор на тот чертог,
Где матери священное мученье
5° Свершалось как жертва в оный час...
Как выразить сей час невыразимый,
Когда еще сокрыто все для нас,
Сей час, когда два ангела незримы,
Податели конца иль бытия,
Свидетели страдания безвластны,
Кще стоят в неведение, безгласны,
И робко ждут, что скажет Судия,
Кому из двух невозвратимым словом
Иль жизнь, иль смерть велит благовестить?..
60 О, что в сей час сбывалось там, под кровом
Царей, где миг был должен разрешить
Нам промысла намерение тайно,
Угадывать я мыслью не дерзал;
Но сладкий глас мне душу проникал:
„Здесь Божий мир; ничто здесь не случайно!“
И верила бестрепетно душа.
Меж тем, восход спокойно соверша,
Как ясный Бог, горело солнце славой;
Из храмов глас молений вылетал;
7° И, тишины исполнен величавой,
Торжественно державный Кремль стоял...
Казалось, все с надеждой ожидало.
И в оный час пред мыслию моей
Минувшее безмолвно воскресало:
Сия река, свидетель давних дней,
Протекая меж стольких поколений,
Спокойная меж стольких изменений,
Мне славною блистала стариной;
И образы великих привидений
80 Над ней, как дым, взлетали предо мной;
Мне чудилось: развертывая знамя,
На бой и честь скликал полки Донской;
Пожарский мчал, сквозь ужасы и пламя,
Свободу в Кремль но трупам поляков;
Среди дружин, хоругвей и крестов

Романов брал могущество державы;
Вводил полки бессмертья и Полтавы
Чудесный Петр в столицу за собой;
И праздновать звала Екатерина
Румянцева с вождями пред Москвой
Ужасный пир Кагула и Эвксина.
И, дальние лета перелетев,
Я мыслию ко близким устремился.
Давно ль, я мнил, горел здесь Божий гнев?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрели мы?.. Во прахе дом Царей;
Бесславию разбитых алтарей;
Святылища, лишённые святыни;
И вся Москва как гроб среди пустыни.
И что ж теперь?.. Стою на месте том,
Где супостат ругался над Кремлем,
Зажжённую любуюся Москвою, –
И тишина святая надо мною;
Москва жива; в Кремле семья Царя;
Народ, теснясь к ступеням алтаря,
На празднике великом воскресенья
Смирённо ждёт надежды совершенья,
Ждёт милого пришельца в Божий свет...
О, как у всех душа заликовала,
Когда молва в громах Москве сказала
Исполнённый Создателя обет!
О, сладкий час, в надежде, в страхе жданный!
Гряди в наш мир, младенец, гость желанный!
Тебя узрев, колёнопреклонен,
Младой отец пред матерью спасённой
В жару любви рыдает, слов лишён;
Перед твоей невинностью смирённой
Безмолвная праматерь слёзы льёт;
Уже Москва своим тебя зовет...
Но как понять, что в час сей непонятный
Сбылось с твоей, младая мать, душой?
О, для неё открылся мир иной.
Твое дитя, как вестник благодатный,
О лучшем ей сказало бытию;
Чистейшие зажглись в ней упованья;
Не для тебя теперь твои желанья,
Не о тебе днесь радости твои;
Младенчества обвитый пелёнами,
Ещё без слов, незрящими очами
13° В твоих очах любовь встречает он;
Как тишина, его прекрасен сон;
И жизни весть к нему не достигала...
Но уж Судьба свой суд об нём сказала;
Уже в её святылище стоит
Ему испить назначённая чаша.
Что скрыто в ней, того надежда наша
Во тьме земной для нас не разрешит...
Но он рождён в великом граде славы,
На высоте воскресшего Кремля;
Здесь возмужал орёл наш двоеглавый;
Кругом него и небо и земля,
Питавшие Россию в колыбели;
Здесь жизнь отцов великая была;
Здесь битвы их за честь и Русь кипели,
И здесь их прах могила приняла –
Обманет ли сие знаменованье?..
Прекрасное Россия упованье
Тебе в твоём младенце отдаёт.
Тебе его младенческие лета!
И от их пелен ко входу в бури света
Пускай тебе вослед он перейдёт
С душой, на все прекрасное готовой;
Наставлённый: достойным счастья быть,

Великое с величием сносить,
Не трепетать, встречая рок суровый,
И быть в делах времен своих красой.
Лета пройдут, подвижник молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Он полетит в путь опыта и славы...
160 Да встретит он обильный чеством век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: человек.
Жить для веков в величии народном,
Для блага всех – свое позабывать,
4–295

97

Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать:
Вот правила царей великих внуку.
С тобой ему начать сию науку.
17° Теперь, едва проснувшийся душой,
Пред матерью, как будто пред Судьбой,
Беспечно он играет в колыбели,
И Радости младые прилетели
Бе покой прекрасный оживлять;
Житейское от ней еще далеко...
Храни ее, заботливая мать;
Твоя любовь – всевидящее око;
В твоей любви – святая благодать.

ОТВЕТ КН. ВЯЗЬМСКОМУ НА ЕГО СТИХИ „ВОСПОМИНАНИЕ4

Ты в утешители зовешь воспоминанье;
Глядишь без прелести на свет!
И раззнакомилось с душой твоей желанье!
И веры к будущему нет!
О друг! в твоём мне сердце отозвалось:
Я понимаю твой удел!
И мне вожатым быть желанье отказалось,
И мой светильник побледнел!
Сменил блестящие мечтательного краски
10 Однообразной жизни свет!
Из-под обманчиво смеющихся маски
Угрюмый выглянул скелет.
На что же, друг, хотеть призвать воспоминанье?
Мечты не дозовемся мы!
Без утоления пробудим лишь желанье;
На небо взглянем из тюрьмы!

МОЛИТВА РУССКОГО НАРОДА

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Всё ниспошли!
Перводержавную,
Русь православную,
10 Боже, храни!
Царство ей стройное!
В силе спокойное!
Всё ж недостойное
Прочь отжени!
Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинам-мстителям,
Чести спасителям,
20 Миротворителям
Долгие дни!
Мирных воителей,
Правды блюстителей,

Боже, храни!
Жизнь их примерную,
Нелицемерную,
Доблестям верную
Вспомяни!
О Провидение!
3° Благословение
Нам ниспошли!
К благу стремление,
В счастье смирение,
В скорби терпение
Дай на земли!
Будь нам заступником!
Верным Сопутником
Нас провожай!
С ветло-п релестная
4° Жизнь наднебесная,
Сердцу известная,
Сердцу сияй!
(БАСНИ ИЗ ЛЕССИНГА)

[1]

Лисица и Обезьяна

„Можешь ли мне ты назвать столь искусного зверя, Лисица,
Коему б я подражать не умела?“ – Так говорила
Умной Лисице хвастунья Мартышка. „Нет ты назови мне, –
Ей отвечала Лисица, – столь глупого зверя, который
Вздумал бы в чем тебе подражать!..“ Стихотворцы, поймите!

[2]

Конь и Бык

Быстро на жарком коне летел Малютка отважный.
То увидя, с досадой Бык коню закричал: „Как не стыдно!
Я б не позволил Мальчишке собой управлять“, – „Я напротив! –
Конь отвечал на лету, – что за слава сбросить Мальчишку!“

[3]

Журавль и Лисица

„Ты, Журавль, путешествовал много! Скажи мне, что видел?“
Так говорила Журке Лисица. И начал ей Журка
Все те лужи, все те луга описывать, где он
ЛУЧШИХ нашел червяков и таскал вкуснейших лягушек.
Ты в Париже бывал! Скажи ж, у кого там находят
лучший обед и какие там пил ты лучшие вина.

[4]

Алкид

В небо вступивши, Алкид поклонился гордой Юноне
Прежде, чем прочим богам. Изумились Олимп и Юнона.
„Можно ль? – к нему возопили, – врагу от тебя предпочтенье?“
„Так! врагу! – отвечал Геркулес – Не ее ли гоненьям
Был я обязан делами, мне отворившими небо?“
Весь Олимп одобрил ответ, и Юнона смирилась.

[5]

Дуб

В бурную ночь разъяренный Северный ветер обрушил
всю свою силу на дуб величавый. И дуб повалился.
Он лежал на земле, задавивши страшным паденьем
Множество мелких кустов. Лисица в соседнем овраге
Нору имевшая, то узрев поутру, удивилась.
„Что за дерево! – так рассуждала Лисица. – До сих нор
Мне и в мысль не входило, чтоб он такой был великий“.

[в]

Соловей и Павлин

Жил в лесу Соловей: он был обходителен, ласков;
Но напрасно он к певчим птицам ласкался – меж ними
Друга себе не нашел, зато ненавистников – куча!
„Лучше у птиц другой породы попробовать счастья!“ –
Так он сказал и спорхнул доверчиво с ветки к Павлину.

ЮИ

„Как ты прекрасен, Павлин! Я тебе удивляюсь!“ – „Я также,
Милый певец, удивляюсь тебе!“ – „Так будем друзьями!“

Нам друг другу завидовать не в чем: ты восхищаешь
Взоры; я – слух!" – Соловей и Павлин с тех пор подружились.
Кне.иер с Попом были дружнее, чем Поп с Аууисоном.

[7]

Пастух и Соловей

Ты негодуешь, Поэт, на Парнасскую шумную сволочь?
Слушай же: вот, что однажды певцу Соловью говорили.
„Что ты так смолкнул?" – спросил в один приятный, весенний
Вечер Пастух Соловья. Соловей отвечал: „Как возможно
Петь мне? Лягушки так раскричались, что мне не до песней!
Разве не слышишь?" – „Конечно!–Пастух отвечал ему,–Слышу!
Но какая причина тому? –не твое ли молчанье?"

[8]

Меропс

„Хочется мне узнать,–спросил Орел любопытный
Раз у премудрой соседки Совы,– говорят, что на свете
Есть какая-то птица Меронс, что она все летает
Вверх хвостом, а вниз головою. Правда ли это?" –
„Зх! неправда! –Сова отвечала.–Вымысел глупый
Глупых людей! Меронс – человек! Он хотел бы подняться
К небу, но с тем, чтоб земля ни на миг не пропала из виду".

[9]

Дар волшебниц

Две благородные феи однажды пришли к колыбели
Принца, который впоследствии стал великим Монархом.
„Дар мой младенцу,–сказала одна,–будь орлиный всезрящий
Взор: перед ним ни одна в его обширных владеньях
Мошка не скроется".–„Дар твой прекрасен,–сказала друга
фея,–и милый питомец наш будет Монарх дальновидный;
Но орел не одни лишь зоркие очи для мелких
Мошек имеет; он одарен и способностью Царской
Их примечать, не преследуя. Сим дарованьем высоким
Я наделяю младенца!" – „Хвалю твою осторожность,–
Та отвечала.–Ты права! Много великих Монархов
Были бы выше, когда бы свой пронизательный разум
Меньше вниманьем к ничтожным пустым мелочам унижали"

ПЕСНЯ

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минуту стало
Незримое с давнишних пор.
О милый гость, святое Прежде,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: живи надежде?
Скажу ль тому, что было: будь?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?
Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится,
Не узрит он минувших лет;
Там есть один жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.
ЕКАТЕРИНЕ ФЕДОРОВНЕ ВАДКОВСКОЙ
О той, которой боле нет,
И с ней о счастье прекрасных ею лет
При вас воскреснуло о ней воспоминанье;
Мне драгоценное, но скорбное мечтанье,
Я здесь в моих стихах для вас изобразил.
Что вы произвели, то вам я посвятил,–

Вы были для души, согретою умиленьем,
Воспоминанием и милым вдохновеньем.

(А. А. ПЛЕЩЕЕВУ)

Друг милый, оставь прихотливой судьбе
Беду посылать за бедою!
В замену ниспослан тебе от небес
Прекраснейший дар: быть любимым!
И горе, и счастье как тени летят,
Всечасно сменялся в жизни!
Но то, в чем прямое для нас бытие,
Чем мир перед нами прекрасен,
Священное сердце...—над сердцем судьба
Бессильна! Оно неизменно!
О друг, в нем богатство прямое твое!
Ты им, как волшебною силой,
Всех добрых собираешь в согласный твой круг!
Ты царствуешь в милом семействе,—
Счастливым мечтою, любовью друзей!
Им сладко читать в твоём взоре.
В нём видят они, что хранится в душе,
Он светел, желанием блага!
Им сладостно руку твою пожимать —
Она лишь покорствует чувству.
Им сладостно слышать приветный твой глас —
Он верный души изъяснитель!
В сем круге и я! Пусть язык мой не твой!
Но сердце твое — и навеки!
Я знаю, что будет приятен тебе
От искренней дружбы подарок!
Желал бы веселья златого при несть
Иль влить утешения каплю
В ту чашу, в которой судьба подала
З^о Тебе безотрадную горесть,
Но кто переменит, и можно ль сказать
Не будь невозвратному тѣмъ ро!
<В АЛЬБОМ Е. Н. КАРАМЗИНОЙ)>
Будь, милая, с тобой любовь небес святая;
Иди без трепета, в тебе — открытый свет!
Прекрасная душа! цветы, не увядая.
Для светлыя души в сей жизни мрака нет!
Нее для души, сказал отец твой несравненный;
В сих двух словах открыл нам ясно он
И тайну бытия и наших дел закон...
Они тебе — на жизнь завет священный.
СМЕРТЬ ИИСУСА

Кантата Карла Вильгельма Рамлера

ХОР

Ты, ливший от печали
Потоки горьких слез,
Воззрев на святотатный
И гибнущий Сион,
Где сени, где пещера,
Сокрывшие тебя?
Или уже губитель
Небесного сразил?
РЕЧ ИТАТИ В
Святой приют! гора Олив!
Кто иод твоею сенью
Столь скорбен, столь покинут плачет?
Кто борется с медлительным концом?
Ужель Исус мой?.. Лучший! лучший из рожденн
Дрожишь, метешься, как преступник,
Внимая смертный приговор!
Увы! Он пал, обременяемый грехами
Преступиыя земли!
И грудь Его разорвана тоскою;
Кровавый пот бежит
С Его лица. Речет: „Прискорбна и печальна

Моя душа!"

АРИЯ

Герой, ты стрелы смерти
Без трепета встречал;
Но смертью устранным
Ты бодрость подаешь!
О, будь всегда защита им!
Когда на крае смертной жизни
Узрю я бездны, и не будет
От них приюта мне;
Когда послышится Грядущий
С весами, с громом и природа
Встреищет перед Ним...
О, кто тогда меня спасет?

ХОР

О, кто же? кто, когда не Ты,
Меня в последний, тяжкий час
Наставит, подкрепит, утешит?
Кто силу даст душе моей,
Когда без силы будет жизнь,
Когда в борьбе с ужасной смертью
Я буду крепости лишен? –
Не Ты ли, Бог, Спаситель мой?

РЕЧИТАТИВ

О, мой Эммануил! Терзаясь, он простерт
Во прахе; видит ужас смерти; взор
Подъемля, вопиет: „Всевышний! страшен час сей!
Вели, да пройдет он!
Прими, прими от уст моих ужасну чашу!
Не внемлешь Ты?.. Отец! Твоя да будет воля!"
И ясен восстает с земли Он изумленной,
Подъятый Ангела рукой!

5° И зрит: учеников сон тяжкий обуял!
Лежат; но смутен сон и лица их печальны!
Задумчиво Небесный говорит,
На них склоня с любовью светлый, скорбный лик:
„Дух бодр и крепок; но бессильна плоть!.."
Склонившись тихо, он берет Петрову руку:
„И ты, мой Петр, заснул!
О, бодрствуйте! молитесь, братья!"

АРИЯ

Умиленная молитва
О свершеньи дел прекрасных
Проникает небеса,
И Господь доступен ей.
Восхожу ль крутой дорогой
К добродетели святой:
О! на трудном сем пути
Я, как странник утомленный,
Ожидая, уповая
Скоро видеть на вершине
Благодатные места,
И молюсь и гимн пою!

РЕЧИТАТИВ

7° Но слышен топот; копыта блещут при огнях
Полночных; зрю толпу убийц.
Идут убийцы!.. Ах, Его судьба свершилась!..
Но Он, неустрашимый, приступил
ю7

К своим врагам. Он им вещает: „Я готов!
Но вы моих друзей не троньте!"
Товарищи, смятенны, со словом сим бегут...
И в узах Он; влекут Его;
И Петр за Ним, единственный из братии,
Идет, без сил спасти, вдали.
За другом вслед к Кайяфе он
Идет в слезах. Что слышу я? какое слово?
Ах! Петр! ужели? Ты ль сказал:

„Не знаю, кто сей человек!"
Как низко ты с величия упал, несчастный!
И зрит он: кротко на него
Исус взглянул. Он понял взор,
И прочь идет;
И горько плачет он!

АРИЯ

О, вы незлобны души,
Ваш сон недолго длится!
Во слух ваш загремит
Карающая совесть –
И вас предаст слезам!
А вы, злодеи, трепещите!
Змеей из ваших роз подымет
Свою раскаянье главу
И угрызенья острым жалом
Изрежет душу вам.

ВСЕ

Скорбью сердце в нас объято; унывает!
О горе! горе нам, преступникам злобным!

ХОР

Я душу к Богу вознесу
С покорным покаяньем!
Ты Сам и помощь и совет
Подашь мне, Утешитель!
И мощный благодати дух,
В нас обновляющий сердца,
Пребудет надо мною.

РЕЧИТАТИВ

Иерусалим убийственно возониял:
„Будь кровь Его на нас! на нас и наших чадах!
Ликуй, Иерусалим! Его пролита кровь!
Поставлен в пурпуре толпе на норуганье,
Чтоб утешителя в мученьях не иметь,
Чтоб духом пасть от носрамленья...
Но в Нем одна любовь; незлобен, предстоит
С венцом, вонзившимся в чело. И дерзновенно
Преступная рука Его разит
Жезлом в главу; и кровь стремится на лицу.
„Се человек!.." Напрасно жалость
Тирана гласом говорит:
„Се человек!" Иуда глух к нему.
Окровавленному на плечи возложили
Уже тот крест, на коем в муках Он умрет.
Он принял крест свой, но бессильный нал.
И добрые сердца своей не скрыли скорби;
Давно таимы слезы льются;
А он, взглянув на плачущих, сказал:
„Друзья, не плачьте обо мне!"

АРИЯ

Тверда гора Господня!
Стопой в гремящих бурях,
Главой в небесной славе –
Таков герой твой, Ханаан!
Пусть грозно смерть на громах мчится,
Пускай из пенной бездны воет,
Пускай земную твердь ломает –
Муж праведный неколебим.

ВСЕ

Светлый нам Он Свой образ оставил,
Чтоб мы им душу питали с чистой любовью.

ХОР

На всё дерзну я в честь Твою и славу!
Что мне страданья? Что мне стыд и бедность?
но что цне гоненье? Что мне ужас смерти?
Тронут ли сердце?

РЕЧИТАТИВ

Стоит погибельный, судьбами полный крест!..

О, Праведный! Невинный! он уж наступил –
Сей неизбежный час для Тебя!.. Горе! горе!
Не цени вижу я, готовят
Ужасны гвозди!.. Руки Он им подает,
Святые руки, милость лившие на нас.
Ударил в них жестокий млат; пронзилось
Святое тело жадным острием. С терпеньем
15° Он сносит всё. Он ясен; се подъят
Поруганный, в крови, в терзаньях смерти,
На страшный крест!..
Израиля сыны! воскликните к страдальцу:
„Помилуй!“ Усмирите скорбью месть!
Вотще! Ругаются над Ним,
С холодным смехом, с дерзким ликованьем злобы.
И молит он: „Отец мой! Ах! прости безумцам!
Они не знают, что творят!“

ДУЭТ

А.

160

В.

Враг мой, утеснитель мой,
Зри, сколь я люблю тебя:
Всё простить – мое отмщенье!
Ты, ругающийся мне,
Я молюся небесам,
Да пошлют тебе все блага!
А. В. В том пример нам дал Христос!
А. Царь, Иегова, трисвятой,
Ты виновным отпускаешь
Их вины!

В. Царь, Иегова, Бог любви!

И порочным и злодеям

Ты любовь!

А. В. Счастлив, кто тебе вослед!

РЕЧИТАТИВ

О, кто сей праведный, висящий на кресте,
Меж двух злодеев, к древу казни пригвожденный?
Узнайте в благостях Его.
Стыд, муку, смертный час забыл Он; в мыслях видя,
Мария, твой печальный жребий, завещать
Спешит Он другу сердца должность драгоценну:
„О, брат мой! здесь свою зришь мать!“ Верный друг
Идет учителя святой завет исполнить.

И зрит его Иисус, –

И полн веселья Он, и ран своих не слышит.

Еще Его душа отраду в час кончины

Томимому тоской преступнику дает:

Он, лик свой обратив к терзаемому смертью,

Распятому злодею, благостно прорек:

„Вещаю я! со Мною, грешник,

Со Мной днесь в рае будешь ты!“

АРИЯ

Пой небесного пророка,

190 Утешеньем, упованьем

Возвышающего душу, –

Пой в восторге, вся земля!

Ты, из праха улетевший,

Ты, сияющие звезды

Низко под собою зрящий,

Наслаждайся новой жизнью,

Мчись по л ест вице творений

ш

К Серафимам, выше, выше,

Дух мой... Бог будь песнь твоя!

ВСЕ

Радуйся, духом смиренный!

Что Господь нам рек, то свершится!

Что нам Он назначил, то нам Он пошлет.

ХОР

Создатель! сколь прекрасен Твой
Обетованный добрым свет!
Но кто к нему достигнет?
О, Примиритель! Бог любви!
Твоя рука туда ведет...
Простри, простри мне руку!

Дай единым

Сладким взглядом
В мир прекрасный
Облегчить мне расставанье
С жизнью здешней.

РЕЧИТАТИВ

И силой вдруг с последней мукой смерть
В святую душу ворвалась; всю грудь
Ему вздымает боль; все жилы проникает
Огонь – и тело на кресте
Всё извилось. Тоскует
Он в тяжком трепете кончины; целый ад
На Нем лежит –и Он, изнеможенный
От мук, напавших на Него,
Воззвал: „Отец! Отец! почто Меня оставил!"
И се... утихло. Страшный час
Протек. Он возопил: „Я жажду!" В поруганье
Несут вино, отравленное желчью.
Уже молчит страданье в Нем,
И, торжествуя, Он изрек:
„Свершилось всё!.. Прими, Всевышний, в руце дух Мой!"
И, преклонив главу на грудь –отшел!
23° Со всех слетели звезд смятенны серафимы,
И вопиют: „Его уж нет!"

И в безднах грянуло подземных:

Его уж нет!

Голгофа, трепещи! Ты кровь Его прияла!
Затмися, день! и миру в час сей не свети!
Ты разорвись, земля, убийц носяща!
Тьма гроба, расступись! воздвигнитесь, отцы!
Земля, где скрыты вы,
Вся кровью облита.

240 Цго уж нет; Поведай

В печали утро утра:

Его уж нет!

И вечность, трепетно ответствуй:

Его уж нет!

ХОР

Скорби, душа!

Уж друг людей

Земную жизнь покинул!

Нам уж боле не слышать

Сладких уст ученья!

СОЛО

25° Ободришь! Всё уж ниспровергнул

Мощный лев Иуды!

ХОР

Скорби, душа!

Где друг людей?

Погиб среди мучений!

Нежну грудь разорвала

Скорбь неодолима!

из

СОЛО

Ободришь! Всё уж ниспровергнул

Мощный лев Иуды!

ХОР

Скорби, душа!

Се друг людей,

Смиранный, непорочный,

В поруганье, в униженье,

Казнь рабов приемлет!

СОЛО

Ободришь! Всё уж ниспровергнул

Мощный лев Иуды!

ХОР

Простерты мы в слезах, в молитвах,

Спаситель, пред Тобой!

И наши слезы в прах л и юте я,

Облитый крови ю Твоей –

О, вечно славим будь!

Защитник, друг и примиритель,

Ты вечные свои законы

Печатью смерти утвердил –

Прославлен будь вовеки!

Вовек боготворим!

Простерты и нр.

(К М. Ф. ОРЛОВУ)

О Рейн, о Рейн, без волненья

К тебе дерзну ли подступить?

Давно уж ты – река забвенья

И перестал друзей поить

Своими сладкими струями!

На „Арзамас“ тряхнул усами –

И Киев дружбу перемог!

Начальник штаба, педагог –

Ты но ланкастерской методе

Мальчишек учишь говорить

О славе, пряниках, природе,

О кубарях и о свободе –

А нас забыл... Но так и быть!

На страх пишу к тебе два слова!

Вот для души твоей обнова:

Письмо от милой красоты!

Узнаешь сам ее черты!

Я шлю его через друга,

Санктпетербургского Орлова –

Чтобы верней дошло оно.

Прости! Но для сего послан ья,

Орлов, хоть тень воспоминанья

Дай дружбе, брошенной давно!

УТЕШЕНИЕ

Светит месяц; на кладбище

Дева в черной власянице

Одинокая стоит,

И слеза любви дрожит

На густой ее реснице.

„Нет его; на том он свете;

Сердцу смерть его утешна:

Он достался небесам,

Будет чистый ангел там –

И любовь моя безгрешна”.

Скорбь ее к святому лику

Богоматери подводит:

Он стоит в огне лучей,

И на деву из очей

Милость тихая нисходит.

Пала дева пред иконой

И безмолвно упованья

От Пречистыя ждала...

И душою перешла

Неприметно в мир свиданья.

НАДГРОБИЕ И. П. и А. И. ТУРГЕНЕВЫМ

Судьба на месте сем разрознила наш круг:

Здесь милый наш отец, здесь наш любимый друг;

Их разлучила смерть и смерть соединила;

А нам в святой завет святая их могила:

„Их утраченной любви не изменить;

Ту жизнь, где их уж нет, как с ними, совершить,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
чтоб быть достойными об них воспоминанья,
чтоб встретить с торжеством великий час свиданья".

НАКОНЧИНУ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ

Элегия

Ты улетел, небесный посетитель;
Ты погостил недолго на земли;
Мечталось нам, что здесь твоя обитель;
Навек своим тебя мы нарекли...
Пришла Судьба, свирепый истребитель,
И вдруг следов твоих уж не нашли:
Прекрасное погибло в пышном цвете...
Таков удел прекрасного на свете!
Губителем, неслышным и незримым,
10 На всех путях Беда нас сторожит;
Приюта нет главам, равно грози мы м;
Где не была, там будет и сразит.
Вотще дерзать в борьбу с необходимым:
Житейского никто не победит;
Гнетомы все единой грозной Силой;
Нам всем сказать о здешнем счастье: былл
и7

Но в свой черед с деревьев обветшалых
Осенний лист, отвянувши, падет;
Слагая жизнь старик с рамен усталых,
20 Ее, как долг, могиле отдает;
К страдальцу Смерть на прах надежд увялых,
Как званый друг, желанная, идет...
Природа здесь верна стезе привычной:
Без ужаса берем удел обычной.
Но если вдруг, нежданная, вбегае
Беда в семью играющих Надежд;
Но если жизнь изменою слетает
С веселых, ей лишь миг знакомых вежд,
И Счастье младое умирает,
3° Еще не сняв и праздничных одежд...
Тогда наш дух объемлет трепетанье,
И силой в грудь врывается ронтанье.
О наша жизнь, где верны лишь утраты,
Где милому мгновенье лишь дано,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты
И где навек минувшее одно...
Почто ж мы здесь мечтами так богаты,
Когда мечтам не сбыться суждено?
Внимая глас Надежды, нам ноющей,
40 Не слышим мы шагов Беды грядущей.
Кого спешить ты, Прелесть молодая,
В твоих дверях так радостно встречать?
Куда бежишь, ужасного не чая,
Привыкшая с сей жизнью лишь играть?
Не радость – Весть стучится гробовая...
О! подожди сей нраг переступить;
Пока ты здесь –ничто не умирало;
Переступи –и милое пропало.
Ты, знавшая житейское страданье,
5° Постигшая все таинства утрат,
И ты спешить с надеждой на свиданье...
Ах! удались от входа сих палат;
Отложено навек торжествованье;
Счастливыцы там тебя не угостят;
Ты посетишь обитель уж пустую...
Смерть унесла хозяйку молодую.
Из дома в дом но улицам столицы
Страшилищем скитается Молва;
Уж прорвалась к убежищу царицы;
60 Уж шепчет там ужасные слова;
Трепещет все, печалью бледны лица...
Но мертвая для матери жива;

В ее душе спокойствие незнанья;
Пред ней мечта недавнего свиданья.
О Счастье, почто же на отлете
Ты нам в лицо умильно так глядишь?
Почто в своем предательском привете,
Спеша от нас: // вечно] говоришь;
И к милому, уж бывшему на свете,
7° Нас прелестью нежнейшею манишь?..
Увы! в тот час, как мать ты пленяло,
Ты только дочь на жертву украшало.
И, нас губя с холодностью ужасной,
Еще Судьба смеяться любит нам;
Ее уж нет, сей жизни столь прекрасной...
А Мать, склонясь к обманчивым листам,
В них видит дочь надеждою напрасной,
дарует жизнь безжизненным чертам,
В них голосу умолкшему внимает,
80 В них воскресить умершую мечтает.
Скажи, скажи, супруг осиротелый,
Чего над ней ты так упорно ждешь?
С ее лица приветное слетело;
В ее глазах узнанья не найдешь;
И в руку ей рукой оцепенелой
Ответного движенья не вождешь.
На голос чад зовущих недвижима...
О! верь, отец, она невозвратима.
Запри навек ту мирную обитель,
90 Где спутник твой тебе минуту жил;
Твоей души свидетель и хранитель,
С кем жизни долг не столько бременил,
Советник дум, прекрасного делитель,
Слабейших очарователь сил –
С нолунути ушел он от земного,
От бытия прелестно-молодого.
И вот –сия минутная царица,
Какую смерть ее нам отдала;
Отторгнута от скипетра десница;
юо Развенчано величие чела;
На страшный гроб упала багряница,
И жадная судьбина пожрала
В минуту все, что было так прекрасно,
Что всех влекло, и так влекло напрасно.
Супруг, зовут! иди на расставанье!
Сорвав с чела супружеский венец,
В последнее земное провожанье
Веди сирот за матерью, вдовец;
Последнее отдайте ей лобзанье;
по у та^ Где всем свиданиям конец,
Невнемлющей прости свое скажите
И в землю с ней все блага положите.
Прости ж, наш цвет, столь пышно восходивший,
Едва зарю успел ты перецвесть.
Ты, Жизнь, прости, красавец не доживший;
Как радости обманчивая весть,
Пропала ты, лишь сердце приманивши,
Не дав и дня надежде перечесть.
Простите вы, благие начинанья,
120 Вы, славных дел напрасны упованья...
Но мы... смотря, как наше счастье тленно,
Мы жизнь свою дерзнем ли презирать?
О нет, главу подставивши смиренно,
Чтоб ношу бед от Промысла принять,
Себя отдав руке неоткровенной,
Не мни Творца, страдалец, вопрошать;
Слепцом иди к концу стези ужасной...
В последний час слепцу все будет ясно...
Земная жизнь небесного наследник;
Несчастье нам учитель, а не враг;

Спасительно-суровый собеседник,
Безжалостный разитель бранных благ,
Великого понятный проповедник,
Нам об руку на тайный жизни праг
Оно идет, все руша перед нами
И скорбию дружа нас с небесами.
Здесь радости – не наше обладанье;
Пролетные пленители земли
Лишь но пути заносят к нам преданье
н° О благах, нам обещанных вдали;
Земли жилец безвыходный – страданье;
Ему на часть Судьбы нас обрекли;
Блаженство нам по слуху лишь знакомец;
Земная жизнь – страдания питомец.
И сколь душа велика сим страданьем!
Сколь радости при нем помрачены!
Когда, простясь свободно с упованьем,
В величии покорной тишины,
Она молчит пред грозным испытаньем,
Тогда... тогда с сей светлой вышины
Вся Промысла ей видима дорога;
Она полна понятного ей Бога.
О! матери печаль непостижима,
Смирятся все мысли пред тобой!
Как милое сокровище, таима,
Как бытие, слиянная с душой,
Она с одним лишь небом делима...
Что ей сказать дерзнет язык земной?
Что мир с своим презренным утешеньем
160 Перед ее великим вдохновеньем?
Когда грустишь, о Мать, одинока,
Скажи, тебе не слышится ли глас,
Призывное несущий издалика,
Из той страны, куда все манит нас,
Где милое скрывается до срока,
Где возвратим отнятое на час?
Не сходит лик душе благовеститель,
Земных утрат и неба изъяснитель?
И в горнее унынием влекома,
Λ° Не верю ль душа твоя полна?
Не мнится ль ей, что отческого дома
Лишь только вход земная сторона?
Что милая небесная знакома
И ждущую семьей населена?
Все тайное не зрится ль откровенным,
А бытие великим и священным?
Внемли ж: когда молчит во храме пенье,
И вышних сил мы чувствуем ни сход;
Когда в алтарь на жертвосовершенство
180 Сосуд любви сияющий грядет;
И на тебя с детьми благословенье
Торжественно мольба с небес зовет;
В час таинства, когда союзом тесным
Соединен житейский мир с небесным, –
Уже в сей час не будет, как бывало,
Отшедшая твоя наречена;
Об ней навек земное замолчало;
Небесному она передана;
Задержнулось за нею покрывало...
*9° В божественном святилище она,
Незрима нам, но, видя нас оттоле,
Безмолвствует при жертвенном престоле.
Святой символ надежд и утешенья!
Мы все стоим у таинственных врат;
Опущена завеса Провиденья;
Но проникать ее дерзает взгляд;
За нею скрыт предел соединенья;
Из-за нее, мы слышим, говорят:

„Мужайтеея; душою не скорбите!
С надеждою и с верой приступите!“

ПАВЛОВСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

я с благодарностью сердечной извещаю,
Что, выпивши у вас три полных чашки чаю
И съев полдюжины тартин и сухарей, –
Не умер я, а сделался живей,
И сверх того, мне сон привиделся чудесной...
Мне снилось: будто я стал муж жены прелестной,
что будто счастливо с ней прожил я сто лет,
и что когда пришло покинуть здешний свет –
Мы умереть, как должно, поленились,
А так, как Филемон с Бавкидой, превратились
В две липы свежие, у вас перед крыльцом,
и что под нашими согласными ветвями,
За круглым, дружеским столом
Сидите весело вы в летний жар с гостями
и пьете крепкий чай с салэ и сухарями.
Я только что хотел гонца к вам посылать,
чтоб попросить у вас условного обеда
Для вашего соседа –
Как ваш гонец пришел меня к вам звать.
Ваш дар: в любезности других предупредить,
и я, благодаря любезность вашу,
В исходе трех часов явлюсь к вам на обед,
чтобы, отведав кашу,
Сказать, сидя близ вас: я счастливый сосед!
PS. Прошу вас извинить рассеянность поэта!
я так был рад тому, что буду видеть вас,
что проглядел в записке вашей час
и ветрено, в конце ответа,
Назначил свои
(не справясь с стрелкою дворцовой).
что мы, поэты, все хвораем головой,
вы знаете; но вам и то уже не ново,
что есл и видеть вас –
Какой час ни пошел, все будет добрый час!
ГРАФИНЕ С. А. САМОЙЛОВОЙ
Графиня, признаюсь, большой беды в том нет,
что я, ваш павловский поэт,
на взморье с вами не катался,
а скромно в кол н и не спасался
от искушения той прелести живой,
которою непобедимо
Пленил бы душу мне вечернею норой
и вместе с вами зримый,
Под очарованной луной,
Безмолвный берег Моннлезира!
Воскреснула б моя покинутая лира...
Но что бы сделалось с душой?
Не знаю! Да и рад, признаться, что не знаю!
и без опасности все то воображаю,
что так прекрасно мне описано от вас:
Как полная луна, в величественный час
Всемирного успокоенья.
Над спящею морской равниною взошла
и в тихом блеске потекла
Среди священного небес уединенья;
С какою прелестью но дремлющим брегам
Со тьмою свет ее мешался,
Как он сквозь ветви лип на землю пробирался
и ярко в темноте светился на корнях;
Как вы на камнях над водою
Сидели, трепетный подслушивая 1нум
Волны, дробимыя пред вашею ногою,
и как толпы крылатых дум
Летали в этот час над вашей головою...

3° Всё это вижу я и видеть не боюсь,
И даже в шлюпку к вам сажусь
Неустрашимую мечтою!
И мой беспечно взор летает по волнам!
Любуюсь, как они кругом руля играют;
Как прядают лучи по зыбким их верхам;
Как звучно веслами гребцы их расшибают;
Как брызги легкие взлетают жемчугом
И, в воздухе блеснув, в паденье угасают!..
О мой приятный уголок!

4° Сей прелестью в тебе я мирно усладился!
Меня мой Гений спас. Графиня, страшный рок
Неизбежимо бы со мною совершился
В тот час, как изменил неверный вам платок.
Забыв себя, за ним я бросился в пучину
И утонул. И что ж? теперь бы ваш певец
Пугал на дне морском балладами Ундину,
И сонный дядя Студенец,
Склонивши голову на влажную подушку,
Зевал бы, слушая Старушку*.

5° Платок, спасенный мной в подводной глубине,
Надводных прелестей не заменил бы мне!
Пускай бы всякий час я мог им любоваться,
По все бы о земле грустил исподтишка!
Платок ваш очень мил, но сами вы, признаться,
Милее вашего платка.

Но только ль?.. Может быть, подводные народы
(которые, в своей студеной глубине
Не зная перемен роскошныя природы,
В однообразии, во скуке и во сне
60 Туманные проводят годы),

в моих руках увидя ваш платок,
Со всех сторон столпились бы в кружок,
И стали б моему сокровищу дивиться,
И верно б вздумали сокровище отнять!
А я?.. Чтоб хитростью от силы защититься,
Чтоб шуткой чудаков чешуйчатых занять,
Я вызвал бы их всех играть со мною в жмурки,
Да самому себе глаза б и завязал!

Такой бы выдумкой платок я удержал,
7° зато бы все моря мой вызов взбунтовал!
Плыло бы все ко мне: из темных конурки
Морской бы вышел рак, кобенясь на клешнях;
Явился бы и кит с огромными усами,
И нильский крокодил в узорных чешуях,
И выдра, и мокой, сверкающий зубами,
И каракатицы, и устрицы с сельдями,
Короче – весь морской содом!

И начали б они кругом меня резвиться,
И щекотать меня, кто зубом, кто хвостом,
80 А я (чтобы с моим сокровищем-платком
На миг один не разлучиться,

чтоб не досталось мне глаза им завязать
Ни каракатице, ни раку, ни мокою)

Для вида только бы на них махал рукою,
И не ловил бы их, а только что пугал!
Итак –теперь легко дойти до заключенья–,
я в жмурки бы играл

до светонреставленья;
И разве только в час всех мертвых воскресенья,

9° Платок сорвавши с глаз, воскликнул бы; пойма А
Ужасный жребий сей поэта миновал!

Платок ваш странствует по царству Аквилона,
Но знайте, для него не страшен Аквилон, –
и сух и невредим на влаге будет он!

Самим известно вам, поэта Ариона
Услужливый дельфин донес до берегов,
Хотя грозилася на жизнь певца пучина!

И нынче внук того чудесного дельфина
Лелеет на спине красу земных платков!
юо Пусть буря бездны колыхает,
Пусть рушит корабли и рвёт их паруса,
Вокруг него ее свирепость утихает,
И на него из туч сияют небеса
Благотворящей теплотою;
Он скоро пышный Бельт покинет за собою,
И скоро донесут покорные валы
Его до тех краев, где треснули скалы
Перед могущею десницей Геркулеса,
Минует он брега старинного Гадеса,
по И –слушайте ж теперь, к чему назначил рок
Непостоянный ваш платок! –
Благочестивая красавица принцесса,
Кунаяся на взморье в летний жар,
Его увидит, им пленится,
И ношу милую иоднестъ прекрасной в дар
Дельфин услужливый в минуту согласится.
Но здесь неясное пред нами объяснится.
Натуралист Бомар
В ученом словаре ученых уверяет,
12о хјТО НИКОГДА дельфинов не бывает
У петергофских берегов
И что поэтому потерянных платков
Никак не может там ловить спина дельфина!
И это в самом деле так!
Но знайте: наш дельфин ведь не дельфин – башмак!
Тот самый, что в Москве графиня Катерина
Петровна вздумала так важно утопить
При мне в большой придворной луже!
Но что же? От того дельфин совсем не хуже,
13о что счастье имел он башмаком служить
Ее сиятельству и что угодно было
Так жестоко играть ей жизнью башмака!
Предназначение судьбы его хранило!
Башмак дельфином стал для вашего платка!
Воротимся ж к платку. Вы слышали, принцесса,
Красавица, у берегов Гадеса
Кунаяся на взморье в летний жар,
Его получит от дельфина;
Красавицу с платком умчит в Алжир корсар;
н° Продаст ее наше; паша назначит в дар
Для императорова сына!
Сын императоров –не варвар, а герой,
Душой Малек-Адель, учтивей Солимана;
Принцесса же умом другая Роксолана
И точь-в-точь милая Матильда красотой!
Не трудно угадать, чем это все решится!
Принцессой деев сын пленится;
Принцесса в знак любви отдаст ему платок;
Руки ж ему отдать она не согласится,
15° Пока не будет им отвергнут лжепророк,
Пока он не крестится,
Не снимет с христиан невольничьих цепей
И не предстанет ей
Геройской славой озаренный.
Алжирец храбрый наш терять не станет слов:
Он вмиг на все готов –
Крестился, иго снял невольничьих оков
С несчастных христиан и крикнул клич военный!
Платок красавицы, ко древку пригвожденный,
100 Стал гордым знаменем, предшествующим в бой,
И Африка зажглась священной войной!
Египет, Фец, Марок, Стамбул, страны Востока –
Все завоевано крестившимся вождем,
И нала пред его карающим мечом
Империя Пророка!

Свершив со славою святой любви завет,
Низринув алтари безумия во пламя
И Богу покорив весь мусульманский свет,
Спешит герой при несть торжественное знамя,
27° То есть платок, к ногам красавицы своей...

Не трудно угадать развязку:
Перевенчатся, велят созвать гостей;
Подымут пляску;
И счастливой чете
Воскликнут: многи лета!
А наш платок? Платок давно уж в высоте!
Взлетел на небеса и сделался комета,
Первостепенная меж всех других комет!
Ее влияние преобразует свет!
180 Настанут нам другие
Благословенны времена!
И будет на земле навек воцарена
Премудрость – а сказать по-гречески: Софшл
НЕВЫРАЗИМОЕ
(Отрывок)

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разнovidное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью...
Но лъзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святыя таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто лив величественный час
Вечернего земли преображенья,
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена, –
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим названье дать –
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам – сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката –
Сии столь яркие черты –
Легко их ловит мысль крылата,
И есть слова для их блестящей красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотой –
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,
Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее незапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упованье),
Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,
4° Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие Создателя в создание –
Какой для них язык?.. Горе душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.
В КОМИТЕТ, УЧРЕЖДЕННЫЙ ПО СЛУЧАЮ ПОХОРОН
ПАВЛОВСКОЙ ВЕКШИ, ИЛИ БЕЛКИ,
ОТ ДЕПУТАТА ЖУКОВСКОГО
Прошу меня не осуждать,

что я промедлил суд свой дать
О надписях покойной бел не!
Здесь дело шло не о безделке!
я прежде должен был узнать
О том, какой была породы
Покойница с большим хвостом,
Как жизнь вела, и как потом
Лишившись своей свободы
10 (Выть может за грехи свои),
С домашней веточки вскочила
В карман безжалостный Ильи,
Как сделался карман могила,
И прочее. Вот мой ответ!
Зверок покойный был поэт
За то, что он явиться в свет
дерзнул с своею музой мелкой,
Обиженный им Аполлон
велел, чтобы по смерти он
20 Еще бродил по свету белкой,
Безумным рифмачам в урок!
Но феб и в гневе своенравен:
Поэт был как поэт бесславен,
Зато стал славен как зверок!
Илья искал в лесу забавы,
Но всё на свете сем обман!
Он белку спрятал в свой карман!
Потом карман стал храмом славы
Для осужденного певца!
3° Пока поэт искал венца
Себе в горячке вдохновенья,
Он был добычею забвенья!
Но только что он белкой стал
И равнодушно променял
На рощу, волю и орехи
Все стихотворные утехи –
Судьбе разгневанной назло
Его бессмертие нашло!
О ты, задохшийся в кармане
4° Неумолимого Ильи,
Хотя, бедняк, стихи твои
И скрыты навсегда в тумане
Забвенья для грядущих лет,
Но для тебя забвенья нет!
Судьбы напрасно вероломство!
Ты белкой перейдешь в потомство!..
Теперь, как избранный судья,
Осмелюсь вам представить я
На беспристрастное решенье
5° Мое о надписях сужденье.
Их шесть готово нумеров –
Все хороши] без дальних слов!
Но похвалой, признайтесь сами,
Не должно бременить могил:
Илья же белку задушил;
На что ж ее душить стихами!
К тому ж – скажу на всякий страх –
Не всё в прекрасных сих стихах
Для всех покажется прекрасно:
00 Вот, например, в одних есть Dreck!
Но в наш благопристойный век
К могиле подойти опасно
С такой душистой похвалой;
В сем слове, правда, смысл простой,
Оно и кратко, и понятно;

5*

131

И знаем мы, что человек
И все его надежды – Dreck!

Но Dreck для вкуса неприятно! –
В других есть nadzy-padzy... Нет,
7° Таких стихов не примет свет!
Они и черствы и не гладки!
К тому ж на камнях гробовых
Мы ищем надписей простых:
На них не нужны нам загадки.
Чтоб nadzy-padzy объяснить,
В веках грядущих, может быть,
Ученость завела бы споры,
И доброй белки мирный прах
Надолго б поселил в умах
8о Недоуменье и раздоры!
На что ж могилой белки нам
Времен грядущих докторам
Давать несчастный случай драться
За смысл неизъяснимых слов
И в толкованьях завираться.
Короче – выбор мой готов:
Для блага докторов почтенных
Из надписей, мне порученных,
Назначил я одну – и вот
9° Ве смиренный перевод:
„Веселое дитя природы,
В лесу беспечно я жила,
И в нем довольства и свободы
Изображением была.
Но бросил неизбежный камень
Судьбою посланный Илья,
И вмиг, как будто легкий пламень,
Потухла быстро жизнь моя!
И мне приют могила стала,
юо j| Каиень тяжкий надо мной;
Но счастье здесь, и я знавала:
Жила и Ножи свет был мои!"

ЦВЕТ ЗАВЕТА

Мой милый цвет, былинка полевая,
Скорей покинь приют твой луговой:
Теперь тебя рука нашла родная;
Доселе ты с непышной красотой
Цвела в тиши, очей не привлекая
И путника не радуя собой;
Ты здесь была желанью неприметна,
Чужда любви и сердцу безответна.
Но для меня твой вид – очарованье;
В твоих листах вся жизнь минувших лет;
В них милое цветет воспоминанье;
С них веет мне давнишнего привет;
Смотрю... и все, что мило, на свиданье
С моей душой, к тебе, родимый цвет,
Воздушною слетелось толпою,
И прошлое воскресло предо мною.
И всех друзей душа моя узнала...
Но где ж они? На миг с путей земных
На север мой мечта вас при кликала,
Сонутников младенчества родных...
Вас жадная рука не удержала,
И голос ваш, пленив меня, затих.
О, будь же вам заменой свиданья
Мой северный цветок воспоминанья!
Он вспомнит вам союза час священный,
Он возвратит вам нрошлы времена...
О сладкий час! о вечер незабвенный!
Как Божий рай, цвела там сторона;
Безоблачен был запад озаренный,
И свежая на землю тишина,
Как ясное предчувствие, сходила;
Природа вся с душою говорила.

И к нам тогда, как Гений, прилетало
За песнею веселой старины
Прекрасное, что некогда бывало
Товарищем младенческой весны;
Отжившее нам снова оживало;
Минувших лет семьей окружены,
Все лучшее мы зрели настоящим;
4° И время нам казалось нелетающим.
И верная была незримо с нами...
Сии окрест волшебные места,
Сей тихий блеск заката за горами,
Сия небес вечерних чистота,
Сей мир души, согласный с небесами,
Со всем была, как таинство, слита
Ея душа присутствием священным,
Невидимым, но сердцу откровенным.
И нас Ея любовь благословляла;
г>° И ободрял на благо тихий глас...
Друзья, тогда Судьба еще молчала
О жребиях, назначенных для нас;
Неизбранны, на дне ея фиала
Они еще таились в оный час;
Играли мы на тайном нраге света...
Тогда был дан вам мною цвет завета.
И где же вы?.. Разрознен круг наш тесный;
Разлучена веселая семья;
Из области младенчества прелестной
00 Разведены мы в розные края...
Но розно ль мы? Повсюду в поднебесной,
О верные, далекие друзья,
Прекрасная всех благ земных примета,
Для нас цветет наш милый цвет завета.
Из северной, любовь избранной
И промыслом указанной страны,
К вам ныне шлю мой дар обетованный;
Да скажет он друзьям моей весны,
Что выпал мне на часть удел желанный:
7° Что младости мечты совершены;
Что не вотще доверенность к надежде
И что Теперь пленительно, как Прежде.
Да скажет он, что в наш союз прекрасный
Бще один товарищ приведен...
На путь земной из люльки безопасной
Нам подает младую руку он;
К го лицо невинностию ясно,
И жизнь над ним как легкий веет сон;
Беспечному предав его веселью,
80 Судьба молчит над тихой колыбелью.
Но сладостным предчувствием теснится
На сердце мне грядущего мечта:
Младенчества веселый сон промчится,
Разоблачат житейское лета,
Огнем души сей взор воспламенится
И мужески созреет красота;
Дойдут к нему возвышенные вести
О праотцах, о доблести, о чести...
О! да поймет он их знаменованье,
9° И жизнь его да будет им верна!
Да перейдет, как чистое преданье
Прекрасных дел, в другие времена!
Что б ни было судьбы обетованье,
Лишь благом будь она освящена!..
Вы ж, милые, товарища примите
И путь его земной благословите.
А ты, наш цвет, питомец скромный луга,
Символ любви и жизни молодой,
От севера, от запада, от юга
100 Летай к друзьям желанною молвой;

Будь голосом, приветствующим друга;
Посол души, внимаемый душой,
О верный цвет, без слов беседуй с нами
О том, чего не выразить словами.

– СТИХОТВОРЕНИЯ 1819 ГОДА –

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ В ИГРУ, НАЗЫВАЕМУЮ СЕКРЕТАРЬ

I

ЗВЕЗДА И КОРАБЛЬ

Звезда небес плывет пучиною небесной,
Пучиной бурных волн земной корабль плывет!
Кто по небу ведет звезду – нам неизвестно;
Но по морю корабль звезда небес ведет!

II

БЫК И РОЗА

Задача трудная для бедного поэта.
У розы иглы есть, рога есть у быка –
Вот сходство. Разница ж: легко любви рука
Совет из роз букет для милого предмета;
А из быков никак нельзя связать букета!
ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ, ВАРВАРЕ ПАВЛОВНЕ УШАКОВОЙ,
ИХ СИЯТЕЛЬСТВАМ, ГРАФИНЕ САМОЙЛОВОЙ,
ГРАФИНЕ ШУВАЛОВОЙ, КНЯЖНЕ КОЗЛОВСКОЙ
И КНЯЖНЕ ВОЛКОНСКОЙ,

ОТ НЕКОТОРОГО ЖАЛКОГО СТИХОТВОРЦА ПРОШЕНИЕ

Больной, покинутый поэт
Напомнить о себе дерзает.
Шесть дней, похожих на шесть лет,
Болезнь упрямая мешает
За царским быть ему столом.
Он лакомка, как все поэты;
Но дскулановым жрецом
Запрещены ему конфекты;
Зато позволены плоды.

10 Увы! с прошедшей середи
В глаза он не видал клубники
И только запах земляники
Дразнил его унылый нос.

А апельсин? а абрикос?

Он их теперь и не узнает!

Итак, смиренно умоляет
Из душной гошпитал и он
Варвару Павловну, княжон,
Графинь, здоровья им желая,
Вздыхнуть об участи его,
Да и прислать того-сего
Из царского земного рая:
Десяток вишен в башмаке,
Клубники в носовом платке,
Малины в лайковой перчатке
И просто на тарелке слив.

Такую милость получив,
Укажет двери лихорадке
И мигом вылечится он.

Пускай искусен наш Крейтон –

Хвала и честь его латыни! –

Его достойно славит свет,

Но для поэта факультет

Теперь – две милые графини;

Две добродушные княжны,

Варвара Павловна. Властны

Они одной своей подачкой,

Назло рецептам, победить

Простуду с желчною горячкой

И даже мертвых воскресить!..

ГР. С. А. САМОЙЛОВОЙ

Уж думал я, что я забыт,

Что рифмы жалкого посланья

Не пробудили состраданья,

И что пора мне за Коцит,
Сказав „прости“ земному свету,
Где нет и жалости к поэту!..
С тоски я потащился в сад, –
А скука прогнала назад;
Но подхожу к дверям с кручиной,
10 А у дверей уж радость ждет,
И с очарованной корзиной
Мне, улыбаясь, подает
Здоровье, силы, вдохновенье!
Не думайте, чтоб сновиденье
Сшутило так с душой моей
И чтоб придворный ваш лакей,
Отправленный с корзиной вами,
Моими принят был глазами
За милую царицу фей,
20 За жизнедательную радость!
Нет! не обманчивая сладость
Мечты пленила душу мне!
Могу ль так грубо обмануться?
Когда б случилось то во сне –
я не подумал бы проснуться!
Сама богиня то была!
Сосуд судьбы она дала
Мне в скромном образе корзины!
В задаток всех житейских благ,
3° В бумажке свернуты, в листах,
В ней золотые апельсины,
Янтарный, сочный виноград,
Душистых абрикосов ряд,
И ананасы с земляникой,
И сливы пухлые с клубникой
Явились в блеске предо мной!
я принял трепетной рукой –
И мнилось, таинство судьбины
На дне лубочных корзины
4° Разоблачилось для меня,
И жизнь уж стала не загадка!
О, ты прелестная перчатка,
Тебя я знаю! ты родня
Перчатки той честолюбивой,
Которую поэт счастливой
Весной прошедшею, в Кремле,
Поймал на мраморном столе,
Когда, гордясь сама собою,
И в ссоре с милою рукою,
На волю рока отдана,
Гляделась в зеркало она!
А ты, башмак, ты брат Дельфину!
Отправим брата-близнеца
За странником-платком в пучину,
Найди для странника-певца
На суше верную дорогу,
Хотя и сшит для красоты,
Хотя ему не в нору ты,
Хотя пожмешь немного ногу!
Но как тебя назвать, платок?
Как ты зашел в мой уголок?
В час добрый! гость, судьбою данный
я знаю, тот непостоянный
Платок-изменник и беглец,
Не может быть твоей роднёю!
Пускай сияет он звездою, –
Ты будь моим] тебе певец
Себя отныне поверяет!
Когда он жизнью заскучает,
И мрачным путь найдет земной –
лицо закроет он тобой;

Под сей завесою чудесной
Всё станет вдруг опять прелестно
Для добровольного слепца!
А всё, что оскорбляет око, –
Незримо будет и далёко *
От нокровенного лица!
Когда ж в страну воображенья
Сберется полететь поэт,
А рифм и жарких мыслей нет,
И вялы крылья вдохновенья –
Тебя лишь только разостлать,
Ты будешь коврик окрыленной,
И можешь за предел вселенной
Певца и музу неремчать!

ПЕРОВСКОМУ

Счастливец! Ею ты любим!
Но будет ли она любима так тобою,
Как сердцем искренним моим,
Как пламенной моей душою!
Возьми ж их от меня, и страстию своей
Достоин будь своей судьбы прекрасной!
Мне ж сердце и душа и жизнь и всё напрасно,
Когда всего нельзя отдать на жертву ей.

* * *

Варвара Павловна, Элиза и Лизета,
Не позабыла вас вам верная Анета!
Плещеев здесь, и будет он готов
В одиннадцать часов
Исполнить вашу волю,
То есть вам прочесть как должно вашу ролю.

К ЭММЕ

Ты вдали, ты скрыто мглою,
Счастье милой старины,
Неприступною звездою
Ты мелькаешь с вышины!
Ах! звезды не приманить!
Счастьем бывшему не быть!
Если б жадною рукою
Смерть тебя от нас взяла,
Ты была б моей тоскою,
В сердце всё бы ты жила!
Ты живешь в сиянье дня!
Ты живешь не для меня!
То, что нас одушевляло,
Эмма, как то пережить?
Эмма, то, что миновало,
Как тому любовью быть?
Небом в сердце зажжено,
Умирает ли оно?

К ГРАФИНЕ ШУВАЛОВОЙ

После ее дебюта в роли мертвеца
Графиня, не забудьте слова,
Оставьте маску мертвеца!
Какая страшная обнова
Для столь прелестного лица!
Как наряжаться в ваши лета,
С такою милой красотой –
По образцу другого света,
По страшной моде гробовой?
Вчерашняя, скажу вам, шутка
Была разительный урок,
Урок для сердца и рассудка!..
И этот тихий уголок,
Где предо мной, в одно мгновенье,
На место прелести молодой,
Явилось грозное виденье,
Унылый призрак гробовой –
Его я не забуду вечно.

Нет! так шутить бесчеловечно!
И это будь в последний раз!
Когда, оставив в свете нас,
Вы в темноту ночную скрылись,
С веселым прелести лицом –
И вдруг на нас оборотились
Из тьмы ужасным мертвецом,
Неволью сердце взволновалось,
И в быстрой перемене сей
Ему житейское сказалось
Всей ненадежностью своей:
„Как всё желанное неверно!
Как упованье лицемерно,
Как счастья переменчив вид!
Душа ли вслед за ним порвется,
Оно лицом к ней обернется, –
И перед ней мертвец стоит“.
Графиня! ваше превращение
Меня в сей бросило испуг;
Но, вдруг сразив воображенье,
Оно ж и ободрило вдруг:
И я забыл свою ошибку,
Когда веселую улыбку
Вы отдали своим устам;
Когда номеркнувшим глазам
Очаровательную ласку
Позволили изображать,
Свободней начали дышать
И сняли привиденья маску.
Графиня! будьте просто вы!
Забудьте страшное искусство,
И – в сердце зарождая чувство,
Не убивайте головы...
Графиня, ваше превращенье,
Ужель оно изображенье
Для нас всей участи земной?
Как? этой прелести живой
Назначено так измениться,
Сим ясным взорам помутиться,
Ланитным розам побледнеть,
Младым устам охолодеть
И не манить души улыбкой?
Итак, прекрасное ошибкой
На землю к нам заведено!
Поспешным странником оно
Нас посещает ненароком,
Минуты здесь не отдохнет,
Лишь повернется и уйдет
Переживаемое роком.
А то, к чему так манит он,
Столь часто тайное стремленье,
Оно нам только заблужденье
7° и лишь изменчивости глас?
С душой от странствия усталой
О бреге жизни небывалой
[Нрзб.] несчастий говорит,
А наша лучшая надежда
Одна лишь тленности одежда,
И лишь мертвец иод нею скрыт.
* * *

Циркулярное послание к чувствительным сердцам, в котором изображается горестное состояние некоего стихотворца, принужденного употребить собственные две ноги для путешествия в жаркое время на званый обед и желающего переменить сие горестное состояние на радостное и роскошно прокатиться в императорской линейке, усладившись, в ожидании земного обеда, небесным завтраком разговора с любезными грациями двора их императорских величеств и высочеств

Известно всем, что Аполлон
Всё ведает, всё хочет ведать:
Теперь узнать желает он,
Званы ли фрейлины обедать
К графине Бобринекоей? и в чем
Собираются туда: в карете,
В линейке, дрожках иль верхом?
И просит их он о поэте, –
Которому в жары пешком
10 На званный пир идти накладно!
Ему от рифм довольно чадно;
Им поэтический угар
Давно владеет своевольно;
Одной горячки уж довольно,
И солнечный не нужен жар.
Надежду робкую приносит
Он к нежным фрейлинским сердцам
И места на линейке просит,
Когда найдется место там!
20 Земные милые Богини,
Хариты царского дворца,
Возьмете ль вы с собой певца
На дачу Бобринекоей графини?
Скажите в двух словах ответ.
Когда нельзя, то просто: пет\
Но если может рок решиться
Из тайной урны вынуть да,
Тогда примолвите когда
Поэт ваш должен к вам явиться,
3° чтоб граций не заставить ждать
И на обед не опоздать?..
ВАСИЛИЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ ПЕРОВСКОМУ
Товарищ! Вот тебе рука!
Ты другу вовремя сказался;
К любви душа была близка:
Уже в ней пламень загорался,
Животворитель бытия,
И жизнь отцветшая моя
Надеждой снова зацветала!
Опять о счастье мне шептала
Мечта, знакомец старины...
10 Дорогой странник утомленный,
Узрев с холма неотдаленный
Предел родимой стороны,
Трепещет, сердцем оживает,
И жадным взором различает
За горизонтом отчий кров,
И слышит снова шум дубов,
Которые давно шумели
Над ним, игравшим в колыбели,
В виду родительских гробов.
20 Он небо узнает родное,
Под коим счастье молодое
Ему сказалося впервой!
Прискорбно-радостным желаньем,
Невыразимым упованьем,
Невыразимую мечтой
Живым утраченное мнится;
Он снова гость минувших дней,
И снова жизнь к нему теснится
Всей милой прелестью своей...
3° Таков был я одно мгновенье!
Прелестно-быстрое виденье,
Давно не посещавший друг,
Меня внезапно навестило,
Меня внезапно уманило
На первобытный в жизни луг!
Любовь мелькнула предо мною.

С возобновленною душою
я к лире бросился моей,
И под рукой нетерпеливой
4° Бывалый звук раздался в ней!
И мертвое мне стало живо,
И снова на бездушный свет
я оглянулся как поэт!..
Но удались, мой посетитель!
Не у меня тебе гостить!
Не мне о жизни возвестить
Тебе, святой благовеститель!
Товарищ! мной ты не забыт!
Любовь – друзей не раздружит.
5° Сим несозревшим упованьем,
Едва отведенным душой,
Подорожу ль перед тобой?
Сравню ль его с твоим страданьем?
я вижу, молодость твоя
в прекрасном цвете умирает
И страсть, убийца бытия,
тебя безмолвно убивает!
давно веселости уж нет!
Где остроты приятной живость,
с которой ты являлся в свет?
Угрюмый спутник – молчаливость
ПОВСЮДУ следом за тобой.
Ты молча радостных дичишься
и, к жизни охладев, дружишься
с одной убийственной тоской,
владельцем сердца одиноким.
мой друг! с участием глубоким
я часто на лице твоём
ловлю души твоей движенья!
болезнь любви без утоленья
изображается на нём.
Сие смятение во взоре,
склоненном робко перед ней;
несвязность смутная речей
в желанном сердце разговоре;
перерывающийся глас;
к тому, что окружает нас,
задумчивое невниманье;
присутствия очарованье,
и неприсутствия тоска,
и трепет, признак страсти тайной,
когда послышится случайно
любимый глас издалека,
и это все, что сердцу ясно,
а выраженью неподвластно,
сии приметы знаю я!..
мой жребий дал на то мне право!
но то, в чем сладость бытия,
должно ли быть ему отравой?
нет, милый! ободрись! она
столь восхитительна не даром:
души глубокой чистым жаром
сия краса оживлена!
сей ясный взор – он не обманчив:
не прелестью ума одной,
он чувства прелестью приманчив!
под сей веселостью живой
задумчивое что-то скрыто,
ун ыл о-сладостное сл и то
с сей оживленной красотой;
в ней что-то искреннее дышит,
и в милом голосе ея
доверчиво душа твоя
какой-то звук знакомый слышит,

Всему в нем лучшему родной,
В нее участие лиющий
И без усилия дающий
Ей убежденье и покой.
О, верь же, друг, душе прекрасной!
Ужель природою напрасно
Ей столько милого дано?
Люби! любовь и жизнь – адша
Отдайся ей, забудь сомненье
И жребий жизни соверши;
Она поймет твоё мученье,
Она поймет язык души!

к * * *

Едва на миг один судьба нас породнила,
И вдруг младенец наш, залог родства исчез!
Любовь Создателя его переселила
С неверных земли в приятный край небес!
Воспоминанием будь прошлое хранимо!
Но рок... им правит Божество!..
Для нас же всё ещё осталось родство –
В утрате, дружбою делимой.
К МИМОПРОЛЕТЕВШЕМУ ЗНАКОМОМУ ГЕНИЮ
Скажи, кто ты, пленитель безымянной?
С каких небес примчался ты ко мне?
Зачем опять влечешь к обетованной,
Давно, давно покинутой стране?
Не ты ли тот, который жизнь младую
Так сладостно мечтами усыплял
И в старину про гостью неземную –
Про милую надежду ей шептал?
Не ты ли тот, кем всё во дни прекрасны
10 Так жило там, в счастливых тех краях,
Где луг душист, где воды светло-ясны,
Где весел день на чистых небесах?
Не ты ль во грудь с живым весны дыханьем
Таинственной унылостью влетал,
Ее теснил томительным желаньем
И трепетным весельем волновал?
Поэзии священным вдохновеньем
Не ты ль с душой носился в высоту,
Пред ней горел божественным виденьем,
20 Разоблачал ей жизни красоту?
В часы утрат, в часы печали тайной,
Не ты ль всегда беседой сердца был,
Его смирял утехой случайной
И тихую надежду целил?
И не тебе ль всегда она внимала
В чистейшие минуты бытия,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь во г свидетель был ея?
Какую ж весть принес ты, мой пленитель?
3° Или опять мечтой лишь поманишь
И, прежних дум напрасный пробудитель,
О счастья шепнешь и замолчишь?
О Гений мой, побудь еще со мною;
Бывалый друг, отлетом не спеши;
Останься, будь мне жизнью земною;
Будь ангелом-хранителем души.

К ПОРТРЕТУ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

I

Кто на блистательной видал ее чреде,
Тот всё величия постиг очарованье;
Тому, как тайный друг, спутником везде
Благотворящее о ней воспоминанье.

II

В царицах скромная, любовь страны своей,
И в бурю бед она душой была спокойна;

И век ея свой суд потомству даст об ней:

„Была величия и счастья достойна“.

К ПОРТРЕТУ БАТЮШКОВА

С ним дружен бог войны, с ним дружен Аполлон

Певец любви, отважный воин,

По дарованию достоин славы он,

По сердцу счастья достоин.

К ПОРТРЕТУ ГЁТЕ

Свободу смелую приняв себе в закон,

Всезрящей мыслию над миром он носился.

И в мире все постигнул он—

И ничему не покорился.

ЖИЗНЬ

Отуманенным потоком

Жизнь унылая плыла;

Берег в сумраке глубоком;

На холодном небе мгла;

Тьмою звезды обложило;

Бури нет —один туман;

И вдали ревет уныло

Скрытый мглою океан.

Было время —был день ясный

Были пышны берега.

Были рощи сладкогласны,

Были зелены луга.

И за ней вились толпою

Светлокрылые друзья:

Юность легкая с Мечтою

И живых Надежд семья.

К ней теснились, услаждали

Мирный путь ее игрой

И над нею расстилали

Благодатный парус срой.

К ней фантазия летала

В блеске радужных лучей

И с небес к ней прикликала

Очарованных гостей:

Вдохновение с звездой

Над возвышенной главой

И Хариту с молодою

Музой, Гения сестрой;

И она, их внемля пенье,

Засыпала в тишине

И ловила привиденье

Счастья милого во сне!..

Все пропало, изменило;

Разлетелися друзья;

В бездне брошена унылой

Одинокая ладья;

Року странница послушна,

Не желает и не ждет

И прискорбно—равнодушна

4° в беспредельное плывет.

Что же вдруг затрепетало

Над поверхностью зыбей?

Что же прелестью бывалой

Вдруг повеяло над ней?

Легкой птичкой встрепенулся

Пробужденный ветерок;

Сонный парус развернулся;

Дрогнул руль; быстрее челнок.

Смотрит... ангелом прекрасным

5° Кто-то светлый прилетел,

Улыбнулся, взором ясным

Подарил и в лодку сел;

И запел он песнь надежды;

Жизнь очнулась, ожила

И с волненьем робки вежды

На красавца подняла.
Видит... мрачность разлетелась;
Снова зеркальна вода;
И приветно загорелась
00 В небе яркая звезда;
И в нее проникла радость,
Прежней веры тишина,
И как будто снова младость
С упованием отдана.
О хранитель, небом данный!
Пой, небесный, и ладьей
Правь ко пристани желанной
За нопутную звездой.
Будь сиянье, будь ненастье;
7° Будь, что надобно судьбе;
Все для жизни будет счастье,
Добрый спутник, при тебе.

К СТОЛЫПИНУ
Вот вам, слуга Фемиды верной,
Записка с просьбою усердной,
Состряпать маклерский патент,
По просьбе ж Зверева смиренной,
Здесь в копии вам приложенной.
Неприхотливый мой клиент
Получит всё с сим даром скромным.
Он с маклерством головоломным
Давно на опыте знаком;
Он мещанином был в Белеве
Или купцом; имел свой дом
И торговал. Но рок во гневе
Судил клиенту моему
Безжалостно проторговаться,
Войти в долги и взять суму,
Чтоб только с честностью остаться.
Защитой будьте вы ему!
Слуга закона правосудный,
Я знаю, согласить не трудно
Для вас с достоинством закон.
Прекрасный будет маклер он,
Белёвскому полезный свету.
Судья, поверьте в том поэту!
При нервом ходе на Парнас,
С торжественным всех лир трезвоном
Перед блаженным Аполлоном –
Поставлю свечку я за вас!

* * *

Графиня, будьте вы спокойны!
Счастливы-рыцари, которых жребий вас
Так нежно занимал, здоровы в добрый час,
И быть здоровыми достойны
За то, что в вас могли участие возбудить!
Приятно умереть, слышал я, на дуэли!
Но тот, о ком бы вы с минуту пожалели,
Тот будет жизнью дорожить.

* * *

Считаю вызов ваш я милостью судьбы!
Как отказаться от обеда,
К которому зовет соседа –
Любезность милая на дружбу и грибы]
я только что хотел гонца к вам посылать,
Чтоб попросить у вас условного обеда
Для вашего соседа –
Как ваш гонец пришел меня к вам звать.
Ваш дар: в любезности других предупреждать,
и я, благодаря любезность вашу,
в исходе трех часов явлюсь к вам на обед,
чтобы, отведав кашу,
сказать, сидя близ вас: я счастливый сосед!

P. S. Прошу вас извинить рассеянность поэта!

я так был рад тому, что буду видеть вас,
что проглядел в записке вашей час
и ветрено, в конце ответа,
назначил свой,
(не справясь с стрелкою дворцовой).
Что мы, поэты, все хвораем головой,
вы знаете; но вам и то уже не ново,
что, если видеть вас –
какой час ни пошел, всё будет добрый час!

ПРАМАТЕРЬ ВНУКЕ

Мое дитя, со мною от купели
твой первый шаг житейский соверши;
твои глаза едва еще прозрели;
едва зажжен огонь твоей души...
но ризой ты венчальной уж одета,
обручена с священным бытием;
тебя несет праматерь к прагу света:
отведать жизнь пред вечным алтарем.
не чувствуя, не видя и не зная,
ты на моих покоишься руках;
и благодать, младенчеству родная,
тебя принять готова в сих вратах;
с надеждою, с трепещущим моленьем
я подхожу к святыне их с тобой:
тебя явить пред вечным Провиденьем,
его руке поверить жребий твой.
о, час судьбы! о, тихий мой младенец!
пришед со мной к пределу двух миров,
ты ждешь, земли недавний уроженец,
чтоб для тебя поднялся тот покров,
за коим всё, что верно в жизни нашей.
приступим... дверь для нас отворена;
не трепещи пред сею тайной чашей –
тебе несет небесное она.
пей жизнь, дитя, из чаши Провиденья
с младенчески-невинною душой;
мы предстоим святилищу спасенья,
и здесь его престол перед тобой;
к сей пристани таинственно дорога
з° проложена сквозь опыт бытия...
о, новое дитя в семействе Бога,
прекрасная отчизна здесь твоя.
сюда иди покорно и смиренно
со всем, что жизнь тебе ни уделит;
небесному будь в сердце неизменно –
небесное тебе не изменит.
что ни придет с неизвестным грядущим –
все будет дар хранительной руки;
мы на земле повсюду с вездесущим;
4° везде к Нему душой недалеки.
свершилось!.. ты ль, посол небес крылатый,
исходишь к ней из таинственных врат?
ты ль, промыслом назначенный вожатый,
земной сестре небесный, верный брат?
прими ж ее, божественный хранитель;
будь в радости и в скорби с сей душой;
будь жизни ей утешный изъяснитель
и не покинь до родины святой.

ЭПИТАФИЯ МИМИ

в могиле сей покоится Мими,
веселая природы гость мгновенной!
он образцом был дружбы неизменной
меж птицами и даже меж людьми.
пока был жив товарищ легкокрылый,
Мими играл, и жизнь любил, и пел;
но верный друг из света улетел –
Мими за ним покинул свет постылый.

Покойся ж здесь, пленительный певец!
Нам доказал нежданный твой конец,
Что без любви – могила жизни краше,
Что наша жизнь лишь там, где сердце наше.

НА СМЕРТЬ ЧИЖИКА

В сем гробе верный чижик мой!

Природы милое творенье,
Из мирной области земной
Он улетел, как сновиденье.
Он для любви на свете жил,
Он нежной песенкой ответной

За ласку нежную платил,
И подлетал к руке приветной.

Но в свете страшно и любить:

10 Ему был дан дружок крылатый;

чтоб милого не пережить,

Он в гробе скрылся от утраты!

И, верный, вместе с ним угас.

Они здесь веют дружной тенью.

1Г> И здесь нередко в поздний час

Внимаешь грустному их пенью.

ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕДОРОВНЕ

От вашего величества давно

я высочайшее имею повеленье –

О Павловской луне представить донесенье.

Спеша исполнить то, что мне новелено,

И надлежащее окончив обозренье,

КБ

я всеподданнейше теперь имею честь

стихами вашему величеству донести

о том, что прозой скудной

описывать и совестно и трудно.

10 С послушной музою, с усердною мечтой

по берегам Славянки я скитался,

и ночью за луной

присматривать старался;

но с горем должен я признаться, что луна

лишь для небес теперь сияет красотою!

Знать, исключительно желает быть она

небесною, а не земной луною;

иль солнце, может быть, в досаде, что для нас

она пленительней своей красой заемной,

20 чем пышный блеск его, столь тягостный для глаз,

преобратило ночь в прозрачную из темной,

дабы чрез то лишить всей яркости луну.

Изгнанница луна теперь на вышину

восходит нехотя, одним звездам блистает,

и, величался прозрачностью ночей,

неблагодарная земля ея лучей

совсем не замечает;

едва, едва при них от сосен и дубов

ложатся на траву сомнительные тени;

3° Едва трепещет блеск на зелени лугов,

едва сквозь зыбкие, решетчатые сени

прозрачным сумраком наполненных лесов

печальный полусвет неверно проникает,

едва туманит он верхи густых деревьев;

и словом, жить луне мешает

ревнивый свет ночных небес!

не изменили ей одни лишь только воды;

в них отражается но-прежнему она:

то полумесяцем всходя на тихи своды;

4° то пламенным щитом катясь, окружена

разорванными облаками;

то одинокая, то с яркими звездами;

по-прежнему она –то в зеркале реки

недвижима сияет,

и в ней нагбенный лес, прибрежны челноки

И тихо шепчущий тростник изображает;
То вдруг, когда порхнет над спящею волной
Пролетный ветерок, с волною затрепещет,
И воды огненной подернет чешуей,
Иль ярко в них блеснет излучистой змеей,
Иль раздробленная заблещет!
Короче: на водах пленительна она,
А на земле как будто не луна,
И солнце гордое, затмив ее собою,
Тирански властвует и небом и землею.
Но как ни жаль луны, а надобно отдать
И солнцу справедливость!
Не безрассудная хвастливость
И не надменное желание блистать
Теченьем пылкого светила управляют:
Прямым достоинством оно
На небесах воцарено, –
Его лучи палят, но вместе и пленяют.
Свидетелем тому сама Славянка нам;
И если вашего величества желанье
Исполнить я не мог, представив описание
Прекрасной Павловской луны, то смею вам
О солнце Павловском прекрасном
В изображенье беспристрастном
Стихами верными донести!
Оно приветливо (за то ему и честь!)
К приятной Павловской природе.
Я здесь его видал и в пламенном восходе,
И на полдневной вышине,
И в светозарной тишине
Великолепного с лазури снисхожденья.
Какие пышные творит оно явленья
На очарованных Славянки берегах!
Но величавое в младых лучах рассвета
И неприступное в полуденных лучах,
В спокойном вечере оно с душой поэта
Красноречивей говорит.
Сколь милы в Павловске вечерние картины!
Люблю, когда закат безоблачный горит;
Пылая, зыблются древесные вершины,
И ярким заревом осыпанный дворец,
Глядясь с полугоры в водах, покрытых тенью,
Мрачится медленно, и купол, как венец,
Над потемневшею дерев окрестных сенью
9° Заката пламенем сияет в вышине
И вместе с пламенем заката угасает.
Люблю смотреть, когда дерновый скат в огне
И сеть багряная во мраке лип сияет;
Когда на падший храм, прорезав ткань листов,
Лучи бросаются златыми полосами,
Горят на белизне разрушенных столпов,
И иеной огненной с кипящими волнами
По камням прядают и гаснут на лету.
Разнообразнее становятся картины,
юо Когда идем рекой вдоль Красный долины,
Так названной за красоту.
То рощей молодой веселые осины
Стопились на берегу, и легкие листы,
Завесой редкою задернув солнце, блещут
* и неколеблемы трепещут;
То воду зеленают прибрежные кусты,
И пламень запада, сквозь чащу их прорвавшись,
В их лиственной сети сверкает из реки;
То ива, разметавшись
110 и ветви дряхлые оперши на клюки,
Поток завесила своей обширной сенью;
То одинокий вяз с холма через реку
Огромною перетянулся тенью;

То, парус свой отдав на волю ветерку,
Между зелеными берегами
Плывет сияющий челнок,
Куда несет его поток
Одушевленными волнами,
И воздух флагом шевелит,
120 И рядом тень его бежит,
И струйка следом за кормою
Блестящей тянется змеюю;
Там светится в кустах полусокрытый храм,
И тень молодых берез, решеткой по стенам
Раскинувшись, чернеет;
А там у башни мост, отважною дугой
159
Реку перескочив, на зыби вод белеет.
Но место есть – туда вечернею норой
Приходишь следом за мечтой
Влеком неволей сладкой;
Порхает там украдкой
С листочка на листок
Вечерний ветерок.
Там тихо волны плещут,
И трепетные блещут
Сквозь тень лучи небес;
Там что-то есть живое,
Там что-то неземное
За тайну занавес,
Невидимой рукою
Опущенных, манит:
Над юной сей главою
Пророчески горит
Звезда огнем заката;
А жизнь сия крылата,
Молящая в слезах
Невнемлющую младость,
А тихой веры сладость
В сих пламенных очах,
И вечера молчанье,
И мирное сиянье
Сих гаснувших небес
С задумчивою тенью
Недвижимых древес>..
Как все воображенью
Здесь душу придает!
Ей слышится полет
Недвижимых прелестных –
Одних уже небесных,
Других еще земных;
И блага лет молодых,
И поздних лет утраты,
Товарищи крылаты –
В бывалой красоте
Слетаются к мечте!
Но чувствую, что я забылся,
И что мой вашему величеству отчет
Из описания в поэму превратился;
Напомнить смею вам: о солнце речь идет,
170 Итак, немудрено, что мысль им разогрета,
Что пламенный предмет воспламенил поэта.
Меня еще картина ждет:
Сей павильон уединенный,
Мечте безмолвной посвященный,
Столь милый именем своим. –
Как он приманчив красотою,
Когда вечернею норою
Долина блещет перед ним!
Когда багряными водами,
180 Равна с отлогими берегами,

Сверкает тихая река,
Прибрежный бархат тростника
На солнце ярко отликает,
И, приливая, опеняет
Его веселая волна,
И в лоне вод лазурь видна,
И но лазури тихо рея,
То загораясь, то бледнея,
Как дым, вечерни облака
100 Минуту на небе играют!
Играя с неба улетают
За дуновеньем ветерка.
Здесь милы вечера картины!
В конце раздавшейся долины,
Сквозь пламень запада, село
Глядится в зыбкое стекло
Реки, извившейся дугою;
Там челн, качаемый волною
У берега в чаще тростника,
200 мелькает с тенью рыбака;
Там, на дороге, воз скрипучий,
Передвигаясь, пылит;
Там, над рекою, мост зыбучий;
А здесь, иод сводами ракиг,
Каскад дымится и шумит,
6–295
161

Разбрызнув млечной пеной воды!
Приятно здесь в вечерний час
Подслушивать последний глас
Полузаснувшия природы,
Когда шептанье ветерка,
Иль звучный рог издалека,
Иль говор птиц, иль шум от стада
Перезываются порой
С унылым шумом водопада;
Приятно об руку с мечтой
Здесь, на площадке павильона,
Прохладой вечера дышать
И солнце взором провожать
В его нисходе с небосклона,
Когда безоблачно оно!
Пред ним полнеба зажжено,
Земля в лучах благоухает,
И мнится, ангел отверзает
Ему спокойствия чертог;
Оно, взглянув, как светлый Бог,
На тихое уединенье
Им покидаемых небес,
Последнее благословенье
Из-за таинственных завес
Им, исчезая, посылает,
И долго сладостно сияет
Воспоминанием святым
Его, оставленная им
В залог возврата багряница...
Не благотворная ль царица
Тогда является мечте?
Ты видишь день ее прекрасной,
Всходящий прелестию ясной
И заходящий в красоте!
Его веселие встречает,
Его надежда провожает,
И провожающая ждет,
Что он по-прежнему взойдет
Для уповающих усладой,
Для сирых верною отрадой,
Для всех приветной красотой;

И все с молитвою одной:
Не изменяйся, день прекрасный!
БУДЬ ДОЛГО радостью очес
25° И, вечно тихий, вечно ясный,
Не покидай родных небес!
Post-scriptum
Вашему величеству в отчете
Представил с точностью я то, что видел сам;
И ежели моим стихам
Не много удалось сказать о лунном свете,
То не моя вина:
В июне месяце луна,
Как я уже донес, едва-едва сияет;
Ее сонливый свет
260 воображения совсем не пробуждает,
И, глядя на нее, лишь сердится поэт.
Но то, что ныне да, бывает завтра нет,
И строгая велит признаться справедливость,
что поубавилась уже луны сонливость,
что донесение мое десятком дней
и боле опоздало;
Пришел июль; ленивей солнце стало,
А ночи сделались темней.
Вчера, имея честь в саду быть вместе с вами,
27° Заметил мельком я луну за облаками,
И смею утвердить, что сделалась она
Почти по-старому луна,
И что по-старому кругом ее носились
Младые облака воздушною толпой,
То, разлетаясь, серебрились,
То вдруг, слиянные, тянулись грядой,
То волновались, то рделись, то дымились.
А должно вспомнить, что она
Едва лишь только рождена
280 у что лиц|ць миг – тогда, как запад догорает –
Серпом серебряным на западе сияет!

163
Когда же полною заблещет красотой,
То будет, как была, и музе вдохновеньем,
И ночи милым украшеньем,
И павловских небес достойною луной.
Еще postscriptи пи я, сбирая замечанья
Для составления отчета о луне,
Нашел, чего не ждал: счастливый случай мне
Открыл забытый след старинного преданья.
Однажды позднею норой
я к павильону шел рекой.
Уж всё в окрестности дремало,
И день давно уже погас;
я был один... вдруг прозвучало!
На крепости пробило час!
Иду... к развалинам дорожка
Вдоль брега привела меня.
Взглянул... и что ж увидел?... Кошка
В дупле растреснутого пня
Между унадшими столпами,
Как привидение, сидит
И блещет яркими глазами,
И ярко на меня глядит;
я от нее – она за мною;
Назад я – и она назад;
И все но-нрежнему звездю
Сверкает неподвижный взгляд!
Но я к дуплу – и легкой тенью
Она пропала предо мной!
Лишь искры брызнули струей.
Чудяся страшному виденью,
„Тут тайна есть“, подумал я;

Не без труда рука моя
Большой корнистый пенъ разрыла...
И что же, что же наконец,
Его разрыв, она открыла?
Не тяжкий кованный ларец,
Не золота огромный слиток –
Пергаментный истлевший свиток,
320 ц что-то писано на нем
Славянским древним языком;
Но разобрать рукописанье
До сих нор я еще не мог;
Язык старинный, грубый слог...
Однако, знаю, в нем преданье
Какое-то заключено
О князе древняя Герсики,
Которого Альберт Великий,
Епископ, сжег (как то давно
330 из летописцев нам известно);
Еще упоминают в нем
О сыне князя молодом.
О розе, о любви чудесной
Какой-то девы неземной,
И прочее... Итак, быть может,
Когда фантазия поможет
Мне подружиться с стариной,
Я разгадаю список мой,
Быль небылицю приправлю.
340 jj всеподданнейше представлю
Вам, государыня, в стихах,
О том, что было в древни леты
На тех счастливых берегах,
Где павильон Елизаветы.
29 июля
Я должен вашему величеству признаться;
В неудовольствии большом я на луну.
Возможно ли? Вчера ее на вышину
На ферме ждали мы и не могли дожждаться!
Упрямство вижу лишь одно.
350 JJg небесам ночной норою
С своею прежней красотой
Она гуляет уж давно,
И я довольно часто в саде
Встречался с нею но ночам;
Мне кажется, она в досаде
За то, что в донесеньи вам
Не поместил я грубой лести
И ей незаслуженной чести
Не отдал, совесть позабыв;
И, солнцу лиру посвятив,
К го прославил в воздаянье
За постоянное сиянье...
Еще догадка есть верней:
Ей показаться было стыдно
В одежде скромной и невидной
Последней четверти своей;
К тому ж, и свет ее не ярок:
Вчерашний день был очень жарок,
Сквозь душный дым паров она
Едва туманисто сияет
И, знойным днем распалена,
Во мгле туманной исчезает
С своей напрасной красотой.
Но если истинной луной
(Застенчивой или упорной)
Мы любоваться не могли,
Зато замену мы нашли
В луне прекрасной стихотворной.
Небесную, в небесной мгле

Оставим странствовать с звездами,
Мы стихотворную в столе,
Между летучими листками
Открывши, вызвали на свет.
Любезный грациям поэт
Ей прелесть мильми стихами,
Неизменяемую даль
И тайны все ее сказал
Душе немногими словами;
Как верно он изобразил
Лучей пленительных сиянье!
Он с милой кротостью сравнил
Их животворное влиянье!
Как на лазурной вышине
К очаровательной луне,
Манимы светлой красотой,
Младой игривою семьею
Бегут, летят издалика
Одушевленны облака:
Так все неволею приятной

400 летит к богине благодатной.
С веселой нежностью в очах,
С приятной лаской на устах,
Дав руку молодой свободе,
Она приветная стоит,
И радость вокруг нее шумит
В непринужденном хороводе.
Как жаль, что наш Анакреон,
Парнасский баловень, счастливец,
Не в пору сделался ленивец,
410 и к верной музе на поклон
Стихов пленительных не носит,
Как то бывало встарину,
И что на Пинда вышину
Его и случай не забросит:
Ему бы петь нам про луну,
Мое же бедно дарованье.
Когда б меня он научил,
я то б воспел, что он забыл:
Священное воспоминанье!

420 „Как на душу его привет
Унылой думою находит,
Когда безмолвная наводит
Луна свой робкий полусвет
На лик уснувшая природы,
Как сладостно средь тишины
Из блеска трепетной луны
На нас глядят минувши годы –
Бывалых радостей земных
Умчавшееся поколенья!

430 Как узнает воображенья
Там лица милые родных,
Когда-то мир наш украшавших
И вместе с нами в нем выдавших,
что видим мы теперь без них".

3 августа

я должен признаться, в(аше) в(еличество), что мне стоило большого
труда разобрать ту рукопись, которую нечаянный случай открыл
мне между развалинами павильона Елизаветы.

Считаю должностью святой
Вам, государыня, признаться,
что я один не мог добраться
до смысла рукописи той,
которую судьба зарыла
44° таинственно под древний пень,
и где ее донныне тень
волшебной кошки сторожила;
но Ливии Севера помог

Понять мне непонятный слог
И выбрать золото из сора;
При свете опытного взора
Проникнуть сумрак старины,
И силою воображенья
Из сей священной глубины
450 исторгнуть древние виденья.
И вот я сделал перевод
Старинного руконисанья...
Но слова два истолкованья
Сказать мне нужно наперед.
Была Герейка, город славный,
В сем граде Всеволод державный,
Супруг Литовския княжны,
Герой славянския породы,
Княжил пред сим за шесть веков!
4°° Союзник верный, бил врагов,
На все соседние народы
Он страх и трепет наводил!
И сын у Всеволода был
Прекрасный видом, милый нравом,
Неустрашимый, как отец, –
Любовь очей, любовь сердец,
Достоин сльвиши Радославом.
{13 сентября)
В Литву отец войной ходил;
В Литве он девицу пленил;
47° Она ж его пленила сына.
Свежа как молодость была
И девой-розою слыла
Между красавиц всей долины.
И душу ей свою отдав,
Жених любимый, Радослав,
Уж близким видел час желанный,
В который стал бы он супруг.
Уж брачный пир готов был – вдруг
Грозою зашумело бранной,
48° И сына в бой новел отец,
Альберт, Епископ и боец,
Перед Гере и кою явился
С полками рыцарей меча;
Главу шеломом облача,
Он сам в рядах как ратник бился.
Разил противников мечом
И в буйном мужестве крестом,
Символом мира и спасенья,
Стремил своих в огонь сраженья.
49° Герсика в пепел сожжена.
Погибла Князева жена,
И с ней погибла вся долина,
И царству славному конец.
И князь, изгнанник и вдовец,
(Спасла судьба ему лишь сына)
Взглянув, рыдая, на Двину,
Над коей град его дымился,
Один в далекую страну
С печальным Радославом скрылся.
500 год все? что верный Клии сын,
Наш вдохновенный Карамзин
О разорении Герсики
И о судьбе ее владыки
Нашел в преданьях для меня!
Итак, без кошки и без пня
Мы вечно были бы в незнанье
О том, что делал князь в изгнанье,
О том, что делал Радослав.
Итак, мой свиток прочитав,
510 Открыл я то, что утаила

От любопытных старина,
Что муза рассказать забыла
В истории Карамзина.
Близ холмика, где видим ныне
Клизаветин павильон,
По всем приметам жил в пустыне
Святой отшельник; келью он
Себе на том построил месте,
Где, трон и славу потеряв,
520 Жил Всеволод, где Радослав
О милой сетовал невесте.
Отшельник, может быть, застал
Еще изгнанника в пустыне
И, с ним спознавшись, написал
Нам повесть об отце и сыне.
Он свиток скрыл под древний пень,
К нему приставил кошки тень,
Чтобы сберечь его от света
Для обреченного поэта.
530 я обреченный сей поэт,
Но Биограф-анахорет
Еще нам в повести чудесной
За правду говорит о том,
Что скажут с правдой несовместно
И что давно уже умом
Передано воображенью.
Хвала всезрящему уму,
Пускай властно бросать ему
На истребление сомненью
54° Созданья светлыя мечты
И быть убийцей красоты –
я верю верю поэта
Сказаниям анахорета!
Но что ж сказал анахорет?
Он в повести своей правдивой,
Изобразив красноречиво
Двух витязей минувших лет,
Рукою сильной отверзает
Нам область тайную духов
55° и для земных очей снимает
С непостижимого покров.
И все то ложно, что чудесно?
Не то одно, что нам известно,
Что внемлет ухо, видит глаз,
Уму доступное, земное,
Имеет бытие прямое,
Есть и незримое для нас.
Ужель земля все истощила,
И вне ее созданий нет,
560 j | темного стремленья сила
Влечет нас в небывалый свет?
О нет! он есть, сей свет чудесный,
Язык предчувствия небесный
С душой не тщетно говорит.
Душа невидимое зрит!
Ее великая порода
В родстве с невидимым видна,
И жизнью для нее полна
Неистоощимю природа!
570 цет мертвого! все населил
Бессмертным бытием Создатель,
И самый жадный прах могил
Есть бытия знаменователь.
Взгляните на поблеклый цвет
Во гроб одетого младенца –
То ясный вид переселенца
Прекрасного в прекрасный свет!
Он смерти душу раскрывает

И тихим ангелом летает.
58° Над ним, столь мило спящим, весть,
Что верой знаемое есть,
И сей глагол, душе понятный,
Толь сладостный, толь благодатный
Нетщетоной вымышлен мечтой!
Всегда кругом души летают,
Ее живят и ободряют
Жильцы обители иной,
И самый трепет, с коим внемлет
Она незримого привет,
59° Создатель занавес нодъемлет,
За коим скрыт нездешний свет,
Своим томительным волнением
Ей убедительно гласит,
Что прорицательным видением
Ей кто-то близкий предстоит.
Уж миру отдана другому

<
Во дни блаженные отцов
Все было полно красотою,
Все жило жизнью двойною
600 И область светлая духов
Выла союзница с земною.
А в наши дни, ум все убил!
(
Фантазия лишилась крил,
История сменила сказки,
А истины все нет как нет!
О прародители, ваш свет
Прекрасней нашего был света!
Земля была землей поэта
И не была разорена
010 Очарований сторона.
В каком пределе поднебесной
Она цвела – нам неизвестно,
Но чудеса ея хранит,
Не изменялся, преданье.
Теперь на западе горит
Одно лишь мертвое сиянье,
И, взором следуя за ним,
Мы равнодушно говорим:
Садится солнце! к в ту нору
020 Иное там являлось взору:
Земля волшебников и фей
Сквозь тонкий занавес заката
Манила прелестью своей!
Чертоги зрелись там из злата;
Из них но светлым ступеням,
По разноогненным коврам
Младые феи выбегали
Вперед царицы молодой
И в кладези воды живой
Златые чаши наполняли,
И пили молодость из них,
И разлетались и слетались,
И облака вокруг загорались
От риз эфирно-золотых...
* * *

Хотя по-русски я умею
И сам иное сочинить –
Но признаюсь, переводить
Irresistible я не смею!
Глубокий смысл таится в нем,
Пугающий воображенье.
Во всяком случае другом
Я для него бы выраженье
Свободно в словаре нашел,

Но здесь хотят, чтоб неревел
И с ясностью и с полнотою
Для вас такое слово я.
Здесь муза робкая моя
Мне не поможет, как бывало!
Она иль скажет слишком мало,
Иль слишком станет говорить!
К тому ж, бывает и опасно
То вслух для всех переводить,
Что самому тихонько ясно.
Но если б слово, как ни есть,
Я принужден был иеревесть,
Я б не задумался нимало,
Его б мне сердце подсказало
И не спросясь у головы.
Для той, которая как вы
Мила, достойна быть любима,
Да и должна любима быть!
Всего верней переводить
Irresistible, неизбежима.
* * *

О дивной розе без шипов
Давно твердят в стихах и прозе;
Издравле молим мы богов
Открыть нам путь к чудесной розе:
Ее в далекой стороне
Цветущею воображаем;
На грозной мыслим вышине,
К которой доступ охраняем
Толпой драконов и духов,
Средь ужасов уединенья –
Таится роза без шипов;
Но то обман воображенья –
Очаровательный цветок
К нам близко! В райский уголок,
Где он в тиши благоухает,
Дракон путей не заграждает:
Его святилище хранит
Богиня–благость с ясным взором,
Приветливость – сестра харит –
С приятным, сладким разговором,
С обворожающим лицом –
И скромное Благоворенье
С тем очарованным жезлом,
Которого прикосновение
Велит сквозь слез сиять очам
И сжатым горестью устам
Улыбку счастья возвращает.
Там невидимкой расцветает
Созданье лучшее богов –
Святая Роза без шипов.

С ТОГО СВЕТА

Он прав, наш Вяземский! Я думал, что он льстец
Я в истине его катрени сомневался!
Но в свой последний час вчера я сам признался,
Что он тебя хвалил, спросясь у всех сердец!
И чтоб его стихи не оправдать собою,
Чтоб подле мудрости свой ум не погубить,
Чтобы хоть умереть со здоровою душою –
Себя я поскорей решил уморить!..
Самоубийство мне, увы! не пособило!
Я уморил себя... но то уж поздно было!

ГРАФИНЕ С. А. САМОЙЛОВОЙ

I

Напрасно я мечтою льстился,
Напрасно я вчера просился,
Графиня, к вам, поздравить вас!
Что в поздравлен ье, вы сказали

И холодно мне отказали –
Благодарю и за отказ!
Не до меня вам – вы с гостями!
Я знаю, повидаться с вами
Теперь небесные пришли
Очарователи земли,
Вас посещавшие и прежде!
Любовь и вера – благодать,
Подруга молодой надежде,
И мудрость, милая их мать,
Вам давшая свое названье
И вас нарекшая своею
Я ваше не дерзну вниманье
Отвлечь от светлых сих гостей;
А разве тайное желанье
Шепну вам издали душой!
И в нем вам нужды нет, я знаю!
Но я вам благ земных желаю,
Как верный, вшедший в храм святой.
На жертвеннике Провиденья
Приносит теплые моления
Не для небес, а для себя;
Моляся душу возвышает,
И все в молитве заключает,
И мысль награды истребя!
3° И кто же запретит мне сладость
Жить с вашим благом, как с мечтой,
Души сонутницей родной,
Желать, чтоб все, что ваша младость
Так обещает нам, сбылось,
Чтоб счастье жизни вам далось
Достойным вас и неизменным,
Не тем ничтожным и пустым
Рассеянн о-обькно венным,
Которое так часто зрим
4° Желаний ветреных предметом,
Которое – один обман,
К молитвам хладный истукан,
Вотще боготворимый светом!
Кто вашу душу прочитал,
Тот сердца тайным упованьем
Иное счастье вам создал;
Тому любезнейшим желаньем
Сия прекрасная мечта,
И ободряющей звездой
5° Сияет над его тропею
Любимой жизни красота!
Вас небо, верьте, отличило!
Оно не даром отворило
Вам область опыта, сей свет!
Прекрасного в сем мире нет:
В него прекрасное с собою
Мы вносим с нашим бытием!
Мы жишь в себе его найдем!
О, ваше сердце верно встретит
00 Прямую прелесть жизни сей,
И ряд веселых фонарей
Дорогу вашу всю осветит!
Пусть друга-ангела рука
Их зажигает перед вами!
А я, хотя издали
За вами следуя глазами,
Вас буду сердцем провожать
И благодарно их считать!
II
Вчера я вас не убедил
Свою прозою убогой;
С холодностью внимали строгой

Вы все, что я ни говорил.
Не знаю, быть красноречивым,
Умел ли б Цицерон при вас;
Но только знаю, что подчас
Хотя и рад бы стать болтливим,
Но все растеряны слова,
И бродит кругом голова!
Но дело не о том –стихами
Позвольте то мне повторить,
О чем уж я дерзнул просить
Вас прозы скучными словами.
Вот самый верный вам рассказ:
На этих днях –в последний раз,
Когда из Павловского сада
Так быстро я перескочил
На мостовую Петрограда,
Когда я в Петербурге был –
я шел фонтанкой, в размышленье,
И ваше божество, забвенье,
Ваш верный, неразлучный друг,
Не шло, к несчастью, со мною,
я был один или с мечтою
Вдвоем –не помню! только вдруг
У Семионовского моста
Служивый Марса молодой,
Приятный, небольшого роста,
3° С лицом, блестящим остротой,
В измайловском мундире, словом –
Черкасов встретился со мной;
И вижу я, что под покровом
Его веселости живой
Как будто грустное таилось!
Он руку дружески мне дал;
И слово за слово открылось
Мне то, что взор мой угадал!
Увы! по виду он виною
4° Тяжелою обременен;
Но вправду – виноват ли он?
Зачем коварною судьбою
Ему был тот альбом вручен,
Который вы своей рукою
Весь потрудились исписать?
Его ужасно в руки брать!
Волшебство –каждая там строчка!
Там каждая в линейках точка
Коварным хвостиком своим,
5° Как талисман, об во рождает,
И сердцу глас тот повторяет,
Который, раз быв слышан им,
С ним познакомит вдохновенье,
И раззнакомит с ним – забвепья
Чем виноват Черкасов мой?
Поверьте, долго он сражался
С неизбежимою судьбой,
И ей бы, верно, не поддался,
Когда бы не поддаться мог!
60 Враждующий какой-то бог
Его невольно в преступленье
Увлек. Отвергнув подозренье,
Сестре любезной в угожденье,
Неосторожным он пером
Ваш переписывал альбом!
А рядом с ним мечта сидела,
И шепотом по нотам пела
Все то, что вслух певали вы!
г/8
И сердце слушало невольно!
А сердца слишком уж довольно

Для потрясения головы!
Ему всегда победа в споре
С напрасно-гордой головой:
Но что ж, когда еще с судьбой
Она в коварном заговоре?
Неосторожный витязь мой,
Занявшись милой перепиской,
Не мог беды заметить близкой
И лишь тогда ее узнал,
Когда ее добычей стал!
Судьбы постигнувши коварство,
Он вздумал, что найдет лекарство
От яда, выпитого им,
В сообществе с подругой думы,
Которую часы угрюмы
Так часто мы животворим,
Которой действие чудесно,
Которая в досужный час
Приводит неприметно нас
К приятному самозабвению,
Нас покоряет размышленью
И нам, обманутым тщетой,
Тщеты обманчивость являет –
И призрак, узанный душой,
С летучим дымом исчезает;
Короче – в помощь слабым сил,
Совсем расстроеным борьбою
С неборимую судьбою,
Черкасов трубку закурил!
Судьба того-то и желала!
Коварная очаровала
Непостоянный трубки дым!
Все мысли вдруг слиялись с ним!
Как легкий гений, подымался
Он над сверкающим огнем –
И милый образ отражался
Душе обрадованной в нем!
И вместе с ним душа летала,
И, с ним летая, прилипала
К тем очарованным листам,
Которых вид, очам опасной,
Ее пленил так самовластно...
Она с ним и осталась там!
Итак, судьбою побежденный,
Черкасов, вам боясь отдать
Альбом ваш, дымом окуранный,
Опять для вас переписать
Его своей рукой решился!
Ужель напрасно он трудился?
Графиня! Умоляю вас:
Не требуйте оригинала!
Его судьба уж наказала!
К тому ж – сказать бы в добрый час! –
То в первый и в последний раз!
* * *

Взошла заря. Дыханием приятным
Сманила сон с моих она очей;
Из хижины за гостем благодатным
Я восходил на верх горы моей;
Жемчуг росы но травкам ароматным
Уже блистал младым огнем лучей,
И день взлетел, как гений светлокрылый!
И жизнью все живому сердцу было.
Я восходил; вдруг тихо закурился
Туманный дым в долине над рекой;
Густел, редел, тянулся, и клубился,
И вдруг взлетел, крылатый, надо мной,
И яркий день с ним в бледный сумрак слился,

Задержалась окрестность пленой,
И, влажною пустыней окруженный,
Я в облаках исчез, уединенный...

ПУТЕШЕСТВЕННИК И ПОСЕЛЯНКА
Путешественник
Благослови Господь
Тебя, младая мать,
И тихого младенца,
Приникшего к груди твоей;
Здесь, иод скалою,
В тени олив твоих уютных,
Сложивши ношу, отдохну
От зноя близ тебя.

Поселянка
Скажи мне, странник,
10 Куда в палящий зной
Ты пыльною идешь дорогой?
Товары ль городские
Разносишь по селеньям?..
Ты улыбнулся, странник,
На мой вопрос.

Путешественник
Товаров нет со мной.
Но вечер холодеет;
Скажи мне, поселянка,
Где тот ручей,
20 В котором жажду утоляешь?

Поселянка
Взойди на верх горы;
В кустарнике тропинкой
Ты мимо хижины пройдешь,
В которой я живу;
Там близко и студёный ключ,
В котором жажду утоляю.

Путешественник
Следы созидательной руки
В кустах передо мною;
Не ты сии образовала камни,
Обильно-щедрая природа.

Поселянка
Иди вперед.
Путешественник
Покрытый мохом архитрав,
Я узнаю тебя, творящий Гений;
Твоя печать на этих мшистых камнях.

Поселянка
Всё дале, странник.
Путешественник
И надпись под моей ногою;
Ве затерло время:
Ты удалилось,
Глубоко врезанное слово,
Рукой Творца немому камню
Напрасно вверенный свидетель
Минувшего богопочтенья.

Поселянка
Дивишься, странник,
Ты этим камням?
Подобных много
Близ хижины моей.

Путешественник
Где? где?
Поселянка
Там, на вершине,
В кустах.
Путешественник
Что вижу? Музы и хариты.
Поселянка

То хижина моя.
Путешественник
Обломки храма.
Поселянка
Вблизи бежит
И ключ студень,
В котором воду мы берем.
Путешественник
Не умирая, веешь
Ты над своей могилой,
О Гений; над тобою
Обрушилось во прах
Твое прекрасное созданье...
А ты бессмертен.
Поселянка
Помедли, странник, я подам
Кувшин, напиться из ручья.
Путешественник
И плюц обвесил
Твой лик божественно прекрасный.
Как величаво
Над этой грудой обломков
Возносится чета столбов.
А здесь их одинокий брат.
О, как они,
В печальный мох одев главы священи,
Скорбя величественно, смотрят
На раздробленных
У ног их братии;
В тени шиновников зеленых,
Под камнями, под прахом
Лежат они, и ветер
Травой над ними шевелит.
Как мало дорожишь, природа,
Ты лучшего созданья своего
Прекраснейшим созданьем!
Сама святилище свое
Бесчувственно ты раздробила
И терн посеяла на нем.
Поселянка
Как спит младенец мой.
Войдешь ли, странник,
Ты в хижину мою
Иль здесь, на воле отдохнешь?
Прохладно. Подержи дитя;
А я кувшин водой наполню.
Спи, мой малютка, спи.
Путешественник
Прекрасен твой покой...
Как тихо дышит он,
Исполненный небесного здоровья.
Ты, на святых остатках
Минувшего рожденный,
О, будь с тобой его великий Гений;
Кого присвоит он,
Тот в сладком чувстве бытия
Земную жизнь вкушает.
Цвети ж надеждой,
Весенний цвет прекрасный;
Когда же отцветешь,
Созрей на солнце благодатном
И дай богатый плод.
Поселянка
Услышь тебя Господь!.. А он все спит.
Вот, странник, чистая вода
И хлеб; дар скудный, но от сердца.
Путешественник
Благодарю тебя.

Как все цветет кругом
И живо зеленеет!

Поселянка

Мой муж придет
Через минуту с ноля
Домой; останься, странник,
И ужин с нами раздели.

Путешественник

Жилище ваше здесь?

Поселянка

Здесь, близко этих стен
Отец нам хижину построил
Из кирпичей и каменных обломков.

Мы в ней и поселились.

Меня за пахаря он выдал

И умер на руках у нас...

Проснулся ты, мое дитя?

Как весел он! Как он играет!

О милый!

Путешественник

О вечный сеятель, природа,
Даруешь всем ты сладостную жизнь;
Всех чад своих, любя, ты наделила
Наследством хижины приятной.

хз° Высоко на карнизе храма

Селится ласточка, не зная,

Чье пышное созданье застилает,

Лепя свое гнездо.

Червяк, заткав живую ветку,

Готовит зимнее жилище

Своей семье.

А ты среди великих

Минувшего развалин

Для нужд своих житейских

4° Шалаш свой ставишь, человек,

И счастлив над гробами.

Прости, младая поселянка.

Поселянка

Уходишь, странник?

Путешественник

Да Бог благословит

Тебя и твоего младенца!

Поселянка

Прости же, добрый путь!

Путешественник

Скажи, куда ведет

Дорога эту горою?

Поселянка

Дорога эта в Кумы.

Путешественник

25° Далеко ли путь?

Поселянка

Три добрых мили.

Путешественник

Прости! О, будь моим вождем, природа;

Направь мой страннический путь;

Здесь, над гробами

Священной древности, скитаюсь;

Дай мне найти приют,

От хладов севера закрытый,

Чтоб зной полдневный

Тополевая роща

Веселой сенью отвевала.

Когда ж в вечерний час,

Усталый, возвращусь

Под кров домашний,

Лучом заката позлащенный,

Чтоб на порог моих дверей

Ко мне навстречу вышла
Подобно милая подруга
С младенцем на руках.

ПРИЗВАНИЕ

В робком сердце ожиданье –
Пред святилищем стою;
Благодатное сиянье
Оживит ли грудь мою?
Приступить иль удалиться?
Снять иль нет с дверей затвор?
Недостойному ль явиться
К посвященным в братский хор?
Расступились, зашумели
Словом спертые врата;
Очи тайный мир узрели,
И печать с него снята;
Взор, ко мраку приученный,
В неприступное летит;
Но бесплодно дерзновенный
Меркнет, пламенем облит.
Вдруг простерлось покрывало
Над моею головой;
Тише в смутном сердце стало;
Нежной взяв меня рукой,
Тайный вождь путем священным
К той стране меня ведет,
Где пред взором откровенным
Мрак последний пропадет.

ПЕРСИДСКАЯ ПЕСНЯ

Все глядят и все дивятся:
Что в глазах ее сверкает!
Я молчу, но молча знаю
То, что блеск их выражает.
Ясно, ясно говорит он:
„Одного люблю я страстно!“
Перестаньте ж, добры люди,
Ждать любви ее напрасно.
Скажешь: пламенные духи!
Видя глаз ее сверканье.
Нет! Они лишь обещают
Другу тайное свиданье!

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ ВОСПИТАНИЦ ИНСТИТУТА,
ПРИ ВЫПУСКЕ

1-й голо с
Подруги! час разлуки наступил –
Покинут нам приют наш безопасной!
Беспечно здесь, со младостию ясной,
Играли мы... то сон прекрасный был!
И улетел наш сон прекрасный!

2-й голос

Хранительная сень,
Приют весны мјаун!
Здесь годы золотые
Для нас прошли, как день!
Здесь нам подругой было
Веселье каждый час,
И счастье у нас
Незванное гостило.
Надежда нам была
Знакома без волненья,
Душа без нетерпенья
Грядущего ждала!
Когда же долетала
О горе весть до нас:
То был нам чуждый глас,
Душа не постигала.
Покой наш сторожил,
Сам ангел наш хранитель,

И он нам изъяснитель
Судьбы земная был.
3-й г о л о с
Подруги! мы еще не разлучились,
Но близок неизбежный час!
Уж двери нам исхода отворились
И ждет судьба за ними нас!
Мы здесь ее не знаем грозной воли,
Ей чужд был наш приют святой,
Но там... увы! какие вынем доли
Себе из чаши роковой?

Три голоса
Приступим без смятенья
К сей чаше роковой,
То чаша Провиденья,
А не судьбы слепой!
К знакомому нам Богу
Смирненно воззовем
И с верою в дорогу
Житейскую пойдём.

1-й голос
Легко нам верить в Провиденье!
Младым понятное сердцам,
Оно давно открылось нам
В святом лице благотворенья.

2-й голос
Как часто здесь видали
Мы ту перед собой,
Которой имя дали
Сердечное: роднош
От нас она таила
Величество царей
И мать ввходила
В семью своих детей.
И зримо и незримо –
Хранитель наш была,
И мыслию любимой
В душе у нас жила.
И мы, на расставанье
С приютом детских лет,
Об ней воспоминанье
Возьмем, как благо, в свет.
Оно нам откровенье,
Им жизнь объяснена;
Подруги! Провиденье
Не то же ль, что она?
И мы в печальный час разлуки,
Поднимем вместе к небу руки,
Соединим в последний раз
Сердца в один молящий глас!

Хор
О, Провидение святое!
Тебя, в торжественный сей час,
Когда свершается для нас
Определение земное,
Когда мы в новый путь идем, –
Тебя с надеждою зовем!
В твою хранительную руку
Нам сладостно себя предать,
О, дай во благо нам узнать
Сей жизни трудную науку!
И твой для нас да будет свет,
Что был приют сей с детских лет.
Услышь, Хранитель-Провиденье,
Услышь молитвы нашей глас!
И ту, которая для нас
Была твое изображение –
Благослови! благослови

Бе рукой твоей любви!
А мы, прощаясь со слезами
С своею милою родной,
Ей, в дар за всё, обет святой
Приносим детскими сердцами:
В любви к добру –ее любить,
И жизнью –ей не изменить!
БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ
На небе тишина;
Таинственно луна
Сквозь тонкий нар сияет;
Звезда любви играет
Над темною горой;
И в бездне голубой
Бесплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Приветствуют весну.
К ГРАФИНЕ ШУВАЛОВОЙ
20 мая 1820. В исходе 11-го часа ввечеру
Уже одиннадцатый час!
Графиня, поздравляю вас
С веселым вашим возвращеньем
Из той печальной стороны,
Куда вы были сновиденьем
Обманчивым отвлечены
От милых света наслаждений,
От ясной младости своей,
От жизни, счастья и друзей!
10 Поверьте мне, тот мрачный гений,
Который весть вам приносил
О вашей трате невозвратной,
Не грозный гений смерти был,
Но жизни гений благодатный!
Он вашу душу испытал!
Ея невинности прекрасной
Изображением ужасной
Могилы он не испугал!
Вы с тихой твердостью взглянули
20 На чашу, поданную вам,
О свете, может быть, вздохнули,
Но поднесли ее к устам
С покорной верой в Провиденье...
Итак, забудьте сновиденье,
Смутившее напрасно вас!
Теперь вы заживо узнали,
Сколь мало страшен смертный час!
Вы на пороге том стояли,
3° К которому идет наш путь,
К которому неволью мчимся,
Но за который так боимся
Из бытия перешагнуть!
Смотрите! ген и й-испытатель
На сем пороге роковом
Стоит уж в образе ином!
Веселый блага прорицатель,
Дав руку младости живой,
Обнявшись с милою надеждой,
4° Он ужас двери гробовой
Своей волшебною одеждой
Для взора вашего закрыл!
Он факел жизни воспалил,
Он светит вам к земному счастью!
Он вас к прекрасному влечет
Своею дружественной властью!
Идите же, куда зовет
Его священное призванье!
Живите, веря небесам!

5° Для добрых жизнь очарованье –
Кому ж и жить, когда не вам!
* * *

Минуту нас она собой пленяла!
Как милый блеск, пропала из очес!
Рука Творца ее образовала
Не для земли, а для небес.
7–295

193

ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТ О ЛУНЕ
Послание к Государыне Императрице Марии Федоровне

Хотя и много я стихами
Писал про светлую луну,
Но я лишь тень ее одну
Моими бледными чертами
Неверно мог изобразить.
Здесь, Государыня, пред вами
Осмелюсь вкратце повторить
Все то, что ветреный мой гений,
Летучий невидимка, мне
10 В минуты светлых вдохновений
Шептал случайно о луне.
Когда с усопшим на коне
Скакала робкая Людмила,
Тогда в стихах моих луна
Неверным ей лучом светила;
По темным облакам она
Украдкою перебегала;
То вся была меж них видна,
То пряталась, то зажигала
20 Края волнующихся туч;
И изредка бродящий луч
Ужасным блеском отражался
На хладной белизне лица
И в тусклом взоре мертвеца. –
Когда ж в санях с Светланой мчался
Другой известный нам мертвец,
Тогда кругом луны венец
Сквозь завес снежного тумана
Сиял на мутных небесах;

3° И с вещей робостью Светлана
В недвижных спутника очах
Искала взора и привета...
Но, взор на месяц устремив,
Был неприветно-молчалив
Пришелец из другого света. –
Я помню: рыцарь Адельстан,
Свершитель страшного обета,
Сквозь хладный вечера туман
По Рейну с сыном и женою

4° Плыл, озаряемый луною;
И очарованный челнок
По влаге волн, под небом ясным
Влеком был лебедем прекрасным;
Тогда роскошный ветерок,
Струи лаская, тихо веял
И парус пурпурный лелеял;
И, в небе плавая одна,
Сквозь сумрак тонкого ветрила
Сияньем трепетным луна

5° Пловцам задумчивым светила,
И челнока игривый след,
И пышный лебедя хребет,
И цепь волшебную златила. –
Но есть еще челнок у нас;
Под бурю, в полночный час
Пловец неведомый с Нарвиком
По грозно воющей реке

Однажды плыл в том челноке;
Сквозь рев воды протяжным криком
60 Младенец их на помощь звал;
Ужасно вихорь тучи гнал,
И великанскими главами
Валы вставали над валами,
И все гремело в темноте;
Тогда рог месяца блестящий
Прорезал тучи в высоте
И, став над бездною кипящей,
Весь ужас бури осветил:
Засеребрилися вершины
7° Встающих, падающих волн...
И на скалу помчался челн;
Среди сияющей пучины
На той скале Варвика ждал
Младенец – неизбежный мститель,
И руку сам невольно дал
Своей гибели губитель;
Младенца нет; Варвик исчез...
Вмиг ужас бури миновался;
И ясен посреди небес,
Вдруг успокоенных, остался
Над усмиренною рекой,
Как радость, месяц молодой. –
Когда ж невидимая сила
Вез кормщика и без ветрила
Вадима в третьем челноке
Стремилась по Дненру-реке:
Над ним безоблачно сияло
В звездах величие небес;
Река, надводный темный лес,
Высокий берег – все дремало;
И ярко полная луна
От горизонта подымалась,
И одичалая страна
Очам Вадимовым являлась...
Ему луна сквозь темный бор
Лампадой таинственной светит;
И все, что изумленный взор
Младого путника ни встретит,
С его душою говорит
О чем-то горестно-ужасном,
О чем-то близком и прекрасном...
С невольной робостью он зрит
Пригорок, храм, могильный камень;
Над повалившимся крестом
Какой-то легкий веет пламень,
И сумрачен сидит на нем
Недвижный ворон, сторож ночи,
Туманные уставив очи
Неотвратимо на луну;
Он слышит: что-то тишину
Смутило: древний крест шатнулся,
И сонный ворон встрепенулся;
И кто-то бледной тенью встал,
Пошел ко храму, помолился...
Но храм пред ним не отворился,
И в отдаленье он пропал,
Слиясь, как дым, с ночным туманом.
И дале трепетный Вадим;
И вдруг является пред ним
120 На холме светлым великаном
Пустынный замок; блеск луны
На стены сыплется зубчаты;
В кудрявый мох облечены
Их неприступные раскаты;
Ворота заперты скалой;

И вот уже над головой
Луна, достигнув полуночи;
И видят пути и ковы очи
Двух дев: одна идет стеной,
130 Другая к ней идет на стену,
ДР.УГ ДР.УГ.У Р.УК,У «<>лают»
Прощаются и врозь идут,
Свершив задумчивую смену...
Но то, как девы спасены,
Уж не касается луны.—
Еще была воспета мною
Одна прекрасная луна:
Когда пылала пред Москвою
Святая русская война —
н° В рядах отечественной рати,
Певец, но слуху знавший бой,
Стоял я с лирой боевой
И мщенье пел для ратных братии.
Я помню ночь: как бранный щит,
Луна в небесном рдела мраке;
Наш стан молчаньем был покрыт,
И ратник в лиственном биваке,
Вооруженный, мирно спал;
Лишь стражу стража окликал;
15° Костры дымились, пламенея,
И кое-где перед огнем,
На ярком пламени чернея,
Стоял казак с своим конем,
Окутан буркою косматой;
Там острых копий ряд крылатой
В сиянье месяца сверкал;
Вблизи уланов ряд лежал;
Над ними их дремали кони;
Там грозные сверкали брони;
100 Там пушек заряженных строй
Стоял с готовыми громами;
Стрелки, припав к ним головами,
Дремали, и под их рукой
Фитиль курился роковой;
И в отдаленье полосами,
Слиянны с дымом облаков,
Биваки дымные врагов
На крае горизонта рдели;
Да кое-где вблизи, вдали
Λ° Тела, забытые в пыли,
В ужасном образе чернели
На ярких месяца лучах...
И между тем на небесах,
Над грозным полем истребленья,
Ночные мирные виденья
Свершались мирно, как всегда:
Младая вечера звезда
Привычной прелестью пленяла;
Неизменяема сияла
180 Луна земле с небес родных,
Не зная ужасов земных;
И было тихо все в природе,
Как там, на отдаленном своде:
Спокойно лес благоухал,
И воды к берегам ласкались,
И берега в них отражались,
И ветерок равно поржал
Над благовонными цветами,
Над лоном трепетных зыбей,
Над бронями, над знаменами
И над безмолвными рядами
Объятых сном богатырей...
Творенье Божие не знало

О человеческих бедах
и беззаботно ожидало,
что ночь пройдет и в небесах
опять засветится денница.
А Рок, меж тем, не засыпал;
над ратью молча он стоял;
200 держала жребии десница;
и взор неизбежимый лица
им обреченных замечал.–
Еще я много описал
картин луны: то над гробами
кладбища сельского она
катится но небу одна,
сиянием неверным бродит
по дерну свежему холмов,
и тени шаткие дерев
210 на зелень бледную наводит,
мелькает быстро но крестам,
в оконницах часовни блещет
и, внутрь ее закравшись, там
на золоте икон трепещет;
то вдруг, как в дыме, без лучей,
когда встают с холмов туманы,
задумчиво на дуб Минваны
глядит, и, вея перед ней,
четой слиянною две тени
220 спускаются к любимой сени,
и шорох слышится в листьях,
и пробуждается в струнах,
перстам невидимым послушных,
знакомый глас друзей воздушных;
то вдруг на взморье– где волна,
плеская, прыщет на каменья
и где в тиши уединенья,
вспоминанью предана,
привыкла вслушиваться дума
23° в гармонию ночного шума,–
она, в величественный час
всемирного успокоенья,
творит волшебные для глаз
на влаге дремлющей виденья;
иль, тихо зыблясь, в ней горит,
иль, раздробившись, закипит
с волнами дрогнувшей пучины,
иль вдруг огромные морщины
по влаге ярко проведет,
24° иль огненной змеей мелькнет,
или иод шлюпкою летящей
забрызжет иеною блестящей...
довольно; все пересчитать
мне трудно с музою ленивой;
к тому ж, ей долг велит правдивый
вам, государыня, сказать,
что сколько раз она со мною,
скитаясь в сумраке ночей,
ни замечала за луною:
25° но все до сей поры мы с ней
луны такой не подглядели,
какою на небе ночном,
в конце нрошедшия недели,
над чистым Павловским прудом
на колоннаде любовались;
давно, давно не наслаждались
мы тихим вечером таким;
казалось все преображенным;
по небесам уединенным,
260 полуиотухшим и пустым,
ни облачка не пролетало;

Ни колыхания в листьях;
Ни легкой струйки на водах:
Все нежилось, все номеркало;
Лишь ярко звездочка одна,
Лампадою гостеприимной
На крае неба зажжена,
Мелькала нам сквозь запад дымный,
И светлым лебедем луна
27° По бледной синеве востока
Плыла, тиха и одинока;
Под усыпительным лучом
Все предавалось усыплению –
Лишь изредка пустым путем,
Своей сопутствуемой тенью,
Шел запоздалый пешеход,
Да сонной пташки содроганье,
Да легкий шум плеснувших вод
Смущали вечера молчанье.
280 В зеркало ровного пруда
Гляделось мирное светило,
И в лоне чистых вод тогда
Другое небо видно было,
С такой же ясною луной,
С такой же тихой красотой;
Но иногда, едва бродящий,
Крылом неслышным ветерок,
Дотронувшись до влаги спящей,
Слегка наморщивал ноток:
29° Луна звездами рассыпалась;
И смутною во глубине
Тогда краса небес являлась,
Толь мирная на вышине...
Понятное знаменованье
Души в ее земном изгнанье:
Она небесного полна,
А все земным возмущена.
Но как назвать очарованье,
Которым душу всю луна
300 Объемлет так непостижимо?
Ты скажешь: ангел невидимо
В ее лучах слетает к нам...
С какою вестью? Мы не знаем;
Но вестника мы понимаем;
Мы верим сладостным словам,
Невыражаемым, но внятными;
Летим неволею за ним
К тем благам сердца невозвратным,
К тем упованиям святым,
310 Которыми когда-то жили,
Когда с приветною мечтой,
Еще не встретившись с Судьбой,
У ясной Младости гостили.
Как часто вдруг возвращено
Каким-то быстрым мановеньем
Все улетевшее давно!
И видим мы воображеньем
Тот свежий луг, где мы цвели;
Даруем жизнь друзьям отжившим
320 Былое кажется небывшим
И нас манящим издали;
И то, что нашим было прежде,
С чем мы простились навсегда,
Нам мнится нашим, как тогда,
И вверенным еще надежде...
Кто ж изъяснит нам, что она,
Сия волшебная луна,
Друг нашей ночи неизменный?
Не остров ли она блаженный

33° И не гостиница ль земли,
Где, навсегда простясь с землею,
Душа слетается с душою,
Чтоб повидаться издали
С покинутой, но все любимой
Их прежней жизни стороной?
Как с прага хижины родимой
Над брошенной своей клюкой
С утехой странник отдохнувший
Глядит на путь, уже минувший,
340 j| думает: „Там я страдал,
Там был уныл, там ободрялся,
Там утомленный отдыхал
И с новой силою сбирался".
Так наши, может быть, друзья
(В обетованное селенье
Переведенная семья)
Воспоминаний утешенье
Вкушают, глядя из луны
В пределы здешней стороны.
350 Здесь и для них была когда-то
Прелестна жизнь, как и для нас;
И их манил надежды глас,
И их испытывала тратой
Тогда им тайная рука
Разгаданного Провиденья.
Здесь все их прежние волненья,
Чем жизнь прискорбна, чем сладка,
Любви счастливой упоенья,
Любви отверженной тоска,
3° Надежды смелость, трепет страха,
Высоких замыслов мечта,
Великость, слава, красота...
Все стало бедной горстью праха;
И прежних темных, ясных лет
Один для них приметный след:
Тот уголок, в котором где-то,
Под легким дерном гробовым,
Спит сердце, некогда земным,
Смятенным пламенем согрето;
37° Да, может быть, в краю ином
Еще любовью незабытой
Их бытие и ныне слито,
Как прежде, с нашим бытием;
И ныне с милыми родными
Они беседуют душой;
И, знавшись с тратами земными,
Деля их, не смущаясь ими,
Подчас утехой неземной
На сердце наше налетают
38° И сердцу тихо возвращают
Надежду, веру и покой.
ПИСЬМО К А. Г. ХОМУТОВОЙ
Благодарю вас всей душою!
Вчера мне милою рукою
Графини Бобр и некой был дан
Сей мрачный том, сей чемодан,
Набитый туго мертвецами,
Предчувствиями, чудесами,
И всем, что так пугает нас.
Люблю я страшное подчас!
Но этот том теперь сто раз
Милей мне милыми стихами,
Которые шепнул шутя
Вам бог парнасский мимоходом,
Лишь для того, чтоб, их прочтя,
Я стал счастливым сумасбродом
И веселился, как дитя.

Я очень рад, что я ваш крестник;
Благодаря моим духам –
Без них пришло ли б в мысли вам
Мне титул: гробовой прелестник
Прелестными стихами дать!
Он мой теперь навек, но праву!
Бго ни за какую славу
Не соглашуся променять.
Бще ж прибавлю я: вы нравы –
Искатели парнасской славы
Мне все завидовать должны.
Они, венцом ее пленяясь,
К нему но кочкам, задыхаясь,
Карабкаться осуждены.
Моя ж судьба совсем иная:
Сама Харита молодая
Своим магическим пером
Мне написала мой диплом
На сей венец, поэту лестный,
С улыбкой славе подала,
С улыбкой слава приняла
И полетела в путь небесный;
К нему я бабочкой прильнул
И вслед за славою порхнул...
Хоть я венца и недостойн,
Но мной он получен от вас;
Пускай бранит меня Парнас –
Я буду в совести спокоен!
P.S. Я честь имею вам послать
Тафту для траурного платья.
Не думайте, что наша братья,
Певцы, не знают исполнять,
В жару небесных вдохновений,
Простых земных препоручении.
Поверьте совести моей,
Здесь виноват не сын ваш крестный,
Не Феб, отец его небесный,
Но попросту земной лакей.
Третьеводни довольно ясно
Я Санхе моему сказал,
Чтоб он с тафтой к вам побежал...
Но проповедовал напрасно
В пустыне я глухим ушам!
Служитель мой был непокорен,
Как Феб, который так упорен
Приискивать к моим стихам
И смысл и рифму. В уверенье,
Что он приказ исполнил мой,
Я прихожу вчера домой –
И что ж? Тафта, как привиденье
Ужасное, предстала мне
В бумаге на моем окне!
Я, с неожиданной досады,
Перекувыркнулся раз пять
И уж хотел было кусать
Слугу-ленивца для отрады...
Но я его не укусил.
Зачем же медлил он? – Забыл?
Всё утро дождик ливмя лил,
Нет, не забыл; совсем другое:
И мой посланник рассудил,
Что существо его земное
Небесной смочится водой,
Что лучше для него в покое
Погоды подождать сухой,
И что страшнее простудиться,
Дождем гуляя проливным,
Чем быть здоровым и сухим

И с сыном Феба побраниться.
Что радость? – Бабочка вдали, вблизи лягушка.
Судьба? – Капризная и вздорная старушка.
Надежда? – легкая вертушка.
А жизнь? – их жалкая игрушка.

ПЕСНЯ

Отымают наши радости
Без замены хладный свет;
Вдохновенье пылкой младости
Гаснет с чувством жертвой лет;
Не одно ланит пылание
Тратим с юностью живой –
Видим сердца увядание
Прежде юности самой.
Наше счастье разбитое
Видим мы игрушкой волн,
И в далекий мрак сердитое
Море мчит наш бедный челн;
Стрелки нет путеводительной.
Иль вотще ее магнит
В бурю к пристани спасительной
Челн беспарусный манит.
Хлад, как будто ускоренная
Смерть, заходит в душу к нам;
К наслажденью охлажденная,
Охладев к самим бедам,
Без стремленья, без желанья,
В нас душа заглушена
И навек очарования
Слез отрадных лишена.
На минуту ли улыбкою
Мертвый лик наш оживет,
Или прежнее ошибкою
В сердце сонное зайдет –
То обман; то плющ, играющий
3° По развалинам седым;
Сверху лист благоухающий –
Прах и тление под ним.
Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старине;
Иль оплакивать бывалое
Слез бывалых дайте мне.
Сладко, сладко появление
Ручейка в пустой глуши;
Так и слезы– освежение
4° Запустевших души.

ПИСЬМО К А. Л. НАРЫШКИНУ
Нарышкин, человек случайный,
Действительный советник тайный,
Гофмаршал русского царя
И заслуженный царедворец,
Вас просит русский стихотворец,
Жуковский (просто говоря),
Чтоб в Петергофе вы призрели
Его земное существо,
И в теплом уголке согрели
С ним то младое божество,
Которое за ним летает,
Ему покоя не дает
И в свете музою слывет.
Он вам богиню поверяет,
Сказав за тайну, что она
Причудлива и прихотлива,
В просторе жить приучена,
Зябка и временем ленива!
Богиня – женщина, и ей
Дана причудничать свобода!
А петергофская природа

Известна сыростью своей!
Легко ей дать певцу потачку
И в нем восторг воспламенить,
Легко певца и простудить,
И за небесную горячку
Земной горячкой заплатить!
Итак, прошу вас о квартире,
Такой, чтоб мог я в ней норой
Ненростуженною рукой
Не но студенной бегать лире!
Нельзя ль, чтоб был и камелек!
На севере, где часто вьюга
Сменяет теплый ветерок,
Поэту важная услуга
В камине яркий огонек!
Другую тайну вам открою:
Да я и не один собираюсь к вам;
Вся сволочь Пинда вслед за мною
Воздушной тянется толпою;
Привыкнув к теплым небесам,
И на земле тепло мне нужно!
К тому же, сверх моих богов,
На всякий случай в Петергоф
Беру семью крылатых снов,
Товарищей мечты досужной,
Волшебниц, лешиев, духов,
Да для моих стихотворений
Запас домашних привидений
И своекоштных мертвецов!
Короче, еду целым домом!
Хотя меня с таким содомом
Вам и трудненько поместить –
Но, знаю, вы найдете средство!
Позвольте, например, спросить:
Нельзя ль мне море дать в соседство!
Нельзя ль найти мне уголок
(Но не забыв про камелек)
В волшебном вашем Монилезире!
Признаться, вспомнишь лишь об нем,
Душа наполнится огнем,
И руки сами рвутся к лире.

Объяснение
Когда без смысла к Монплезиру
Я рифмою поставил лиру,
Тогда сиял прекрасный день
На небе голубом и знойном,
И мысль мою пленила тень
На взморье светлом и спокойном.
Но всем известно уж давно,
Что смысл и рифма не одно –
И я тому примером снова!
Мне с неба насмурно-сырова
Рассудок мокрый доказал,
Что Моннлезир приют прекрасный,
Но только в день сухой и ясный,
Что от дворца он далеко,
Что хоть поэту и легко
За вымыслами, за мечтами,
За привиденьями, чертями
Воображенья посылать,
Но что на прочие посылки –
Чтоб утром кофе для певца
Принести из царского дворца,
Чтоб попросить ножа иль вилки,
Чтоб просто сбегать за водой –
Необходим посол другой,
Что на сии ирепорученья
Небесный гений слишком дик,

И что последний истопник
Проворнее воображенья!
Итак, сказав мое прости
Пленительному Монплезиру,
И дав ему для рифмы лиру,
Спешу для смысла перейти
Поближе к царскому жилищу!
И здесь, как там, найдет поэт
Свою мечтательную пищу!
Зато здесь ужин и обед
Верней – ведь не одной мечтою,
А делом братья я их привык;
К тому же здесь, ходя за мною,
Не уморится истопник.
К ГОЛИЦЫНУ
Я слова, князь, не позабыл,
Я ваш должник за Каталани!
И если я не заплатил
Еще обещанной вам дани,
То всё я перед вами прав!
Собачий верный биограф,
Я ждал от вас нетерпеливо
Записок точных, чтоб на них
Сослаться в надписи правдивой
И честь воздать в стихах моих,
Согласно с истиною строгой,
Покойнице четвероногой!
Но я напрасно ожидал:
Князь Федор, в шумном круге света,
Среди веселий пировал,
Забыв собаку и поэта.
Пора напомнить вам об ней!
Чтоб в эпитафии моей
Напрасно пышными стихами
Перед потомством не солгать,
Чтоб о собаке не сказать
Того, что часто над гробами
Временщиков и богачей
И полководцев и царей
Чертят бесстыдными резцами
На гордых бронзовых досках.
Короче, чтобы мог в стихах
Я пса покойного представить
В его, а не в чужой красе, –
Прошу мне полную доставить
Записку о покойном псе.
У вас, я думаю, остался
В бумагах список послужной.
Во-первых: как он назывался?
Потом: породы был какой:
Дворовый, гончий иль лягавой?
Иль пудель с головой курчавой?
Иль мопс, изнеженный храпун,
С наморщенной арапской мордой?
Иль шпиц? иль дог, флегматик гордой?
Иль быстрый английский прыгун?
Иль, может быть, он мышеловкой
Коротконогой вам служил?
Иль триксой желтопузой был?
Или с кудрявою головкой,
С обритой спинкой и хвостом,
Для шутки назывался львом?
Выл детям мирною игрушкой,
И редко ссорился с подушкой?
Еще знать хочет Аполлон:
Чему покойник был учен?
Умел ли подавать он лапку?
Умел ли по приказу шапку

С прохожих невзначай срывать?
Умел ли, морду приподнявши,
Моргая носом, хвост поджавши,
На задних лапочках стоять?
Да, сверх того, каков был свойством:
Приветен был ли для своих?
Умел ли лаять на чужих?
И отличался ли геройством,
Когда случалось вызывать
Ему на рыцарскую драку
За кость соперницу-собаку?
Короче, я желаю знать
В подробность всё, что с ним случалось,
Какою смертью умер он,
Когда и где похоронен,
И много ли сирот осталось,
Чтобы об нем воспоминать,
Чтобы для вас, ворча и лая,
Покойника изображая,
Его утрату заменять?
К КН. А. Ю. ОБОЛЕНСКОЙ
Итак, еще нам суждено
Дорогой жизни повстречаться,
И с милым прошлым заодно
В воспоминанье повидаться.
Неволею, внимая вам,
К давно утраченным годам
Я улетал воображеньем;
Душа была пробуждена –
И ей нежданным привиденьем
Минувшей жизни старина
В красе минувшей показалась.
И вам и мне – в те времена,
Когда лишь только разгоралась
Денница младости для нас –
Одна прекрасная на час
Веселой гостьей нам являлась;
Не живая красота,
Пленительная, как мечта
Души, согретой упованьем,
В моей душе с воспоминаньем
Всего любимого слита;
Как сон воздушный мне предстала
На утре дней моих она
И вместе с утром дней пропала
Воздушной прелест и ю сна.
Но от всего, что после было,
Что невозвратно истребило
Стремленье невозвратных лет,
Ее, как лучший жизни цвет,
3° Воспоминанье отделило...
Идя назначенным путем,
С утехой тайной видит странник,
Как звездочка, зари посланник,
Играет в небе голубом,
Пророчествуя день желанный;
Каков бы ни был день потом,
Холодный, бурный иль туманный –
Но он о звездочке своей
С любовью вспомнит и в ненастье.
4° Нашлось иль нет земное счастье –
Но милое минувших дней
(На ясном утре упованья
Нас веселившая звезда)
Милейшим будет завсегда
Сокровищем воспоминанья.
К КНЯГИНЕ А. Ю. ОБОЛЕНСКОЙ
Княгиня! для чего от нас

Вы так безжалостно спешите?
На годы скрыться вы хотите,
Нам показавшись на час.
Я знаю: что, какую властью
К Москве старинной вас манит!
Я знаю дивный сей магнит:
По почте скачете вы к счастью.
Нельзя ль мне на ухо шепнуть,
Когда вы сей открыли путь,
И как его открыть возможно?
Нельзя ль маршрута показать
И мне на случай подписать
Своей рукою подорожной?
О благодатной стороне,
Где это счастье таится,
Известно по преданью мне;
Порою же об нем и снится!
Но милый сон, как ни зову,
20 Прийти не хочет наяву,
Хотя прийти бы и не трудно!
В нем всё и просто и не чудно,
И сверхъестественного нет!
Об этом счастье вздорный свет
Имеет ложные познания;
Его жилищу описанья
В печатных книгах не найдем;
Любимцы же его о нем
Рассказывать весьма ленивы:
3° Счастливы вечно молчаливы,
Одно несчастье – крикун!
Но мой домашний говорун –
Досужное воображенье –
Мне сочинило наугад!
Хотя сей бог на первый взгляд
Очаровательной приманкой
И не коснется до души,
Но нечувствительно, в тиши,
Приятностью, лицом, осанкой
4° Сдружит вас нехотя с собой!
Он жить привык в ладу с природой;
Любовь с доверчивой свободой
И верный спутник их покой
Гостят безвыходно у бога
И отгоняют от порога
Его им вверенных дверей
Душегубительную ревность.
Стыдливость, пред которой древность,
Не воздвигая алтарей,
5° В молчании благоговела –
Прелестный сторож красоты,
Без блеска риз, без наготы,
Сего счастливого предела
Очарование хранит,
И, угощая в нем харит,
Узнать препятствует Г имен у
Подругу скуки – перемену.
Умеренность, довольства друг,
Порядок, их животворитель,
Занятие, души хранитель,
Приятный брат его досуг,
С ним неразлучное веселье
И легкокрылое безделье,
Товарищ резвости молодой,
Живут там дружною семьей.
И в сем приюте всё земное
Приемлет существо иное:
Надежда радостнее там,
Живее вера в Провиденье,

Печаль находит утolenье
В сердечном слове: пополам!
Там даже смерть, пришлец жестокий,
Склонясь на одр неодинокий,
Теряет хладный ужас свой;
Жизнь, уводя одной рукою,
Спешит разоблачить другою
Лицо грядущего для нас
И платит нам за быстрый час
Мучительного расставанья
Надеждой вечного свиданья!..
Но виноват!.. Без нужды вам
Высокопарными стихами
Описываю то, что сами,
Назло и музе и стихам,
Верней вы опытом узнали!
Назвать бы имя божества,
И вы бы вмиг, без колдовства,
Всё остальное угадали!
Сей бог – докончу в двух словах –
Есть бог – семейственного счастья;
Его могу я без пристрастья
Хвалить и в прозе и в стихах:
Я от него благодеений
До сей поры не получал,
А что я знаю, то узнал
Из сновидений и преданий.
Известно: должно быть двоим,
Чтоб сметь явиться перед ним –
Для одиноких нет приема!
100 Княгиня! вас прошу теперь! –
К нему дорога вам знакома! –
Нельзя ль, чтоб отворилась дверь
В его пристанище святое
И для меня, – чтоб в добрый час
Вдруг // преобразился в нас,
Чтоб я один вдруг стал нас двое!
Прошу мне спутника найти
Такого, чтоб к жилищу бога
Была приятна с ним дорога,
по чтоб не пришлось с иолунути
Назад бежать, не озираясь!
Хоть, вам доверчиво вверяясь,
И не боюсь я не дойти;
Но все на всякий страх желаю
(чтоб легче было выбирать)
Попутчика вам описать,
Каким его воображаю.
Скажу вам: он, иль нет, она
Уж не ребенок быть должна:
120 Ребенку надобен учитель!
А я, мечтательного зритель,
Глядел до сей поры на свет
Сквозь призму сердца, как поэт!
С его прекрасной стороною
я неиспорченной душою
Знаком, но в тридцать с лишком лет
я всё дитя, и буду вечно
дитя, жилец земли беспечной;
Могу товарищем я быть
13° Во всем, что в жизни сей прекрасно;
С душой невинною и ясной
Могу свою я душу слить:
Но неспособен зорким взглядом
Приманок света различать;
Могу на счастье руку дать,
Но не вперед идти, а рядом.
Что вам сказать о красоте?

я не желаю идеала,
Одной знакомого мечте;
Хочу, чтобы она пленяла
Не тем, что может взор пленять,
Чему легко названье дать,
На что есть в лексиконе слово,
Но что умчит стремленье лет...
Но тем, чему названья нет,
Что вечно молодо и ново
И что прекрасней красоты!
Какие б ни были черты,
Желаю только, чтоб сияло
^° Сквозь их живое покрывало
Мне сердце, чистое, как день!
Нет совершенства, и напрасно
Его желать нам! Здесь прекрасно
Лишь то, в чем слиты свет и теш?.
Боюсь разборчивости строгой!
Чтобы идти земной дорогой,
Большой не надобен запас...
Любовь к добру – и в добрый час!
Еще б я много здесь прибавил;
160 Но нас в Москву зовущий рок,
К несчастью, слишком малый срок
Моей болтливости оставил!
Итак, желаю, чтоб она
Со мной в дурном была сходна,
А в добром разнилась со мною;
Страдая вместе злом одним,
Скорее зло мы истребили;
Добро ж, согласною душою
Деля, в одно соединим;
^° Рассудок ясный и надежный
я предпочту неосторожной,
Хотя и милой, остроте;
Хочу, чтоб свет она судила
В спокойной сердца простоте,
И мыслью верною светила,
Не ослепляя, в тишине,
Как друг-путеводитель мне!
Не пылкого воображенья,
живого я желаю ей;
Одно –товарищ заблужденья,
Другое –гений наших дней,
На всех путях цветы находит
И краски свежие наводит
На жизнь, поблекшую от лет...
Княгиня, вас уж с нами нет!
Мелькнули вы, как привиденье!
И, бедный сирота-поэт,
я остаюсь теперь в сомненье:
Вы сами ль показались мне,
100 Иль только ваша тень во сне
являлась мне с воспоминаньем
О днях веселыя Москвы,
С любезностью, с очарованьем,
Каким тогда пленяли вы,
И с милостивым обещаньем
Необходимой мне жены?
Как жаль, что нас такие сны
Лишь мимоходом навещают,
Лишь только дразнят счастьем нас,
200 и прочь летят в тот самый час,
Когда остаться обещают!
Как жаль, что с вами суждено
Моей судьбою своенравной
Мне быть знакомым –так давно,
А быть коротким –так недавно!

Умом бы ясным и живым
Вы сонный ум мой разбудили
И зоркость опыта сдружили
С слепым ребячеством моим,
210 Не испугав воображенья!
Как жаль, что ваши наставленья
Не могут мне компасом быть!
Я признаюсь: опасно плыть
Мне по морю большого света
С обманчивой звездой поэта:
Любуясь милой сей звездой
И следуя мечтой послушной
За прелестью ее воздушной,
Я руль позабываю мой,
220 Не знаю камней, жертвы ждущих,
И в обольстительных лугах
Зрю призрак берегов цветущих
На неприступных берегах...
Но вас здесь нет, и вас напрасно
В путеводители мне звать!
Кое-как буду путь опасный,
Судьбе отдавшись, продолжать!
Беречь свой челн от потопленья
Среди неверной глубины,
23° И терпеливо доставленья
Ждать мне обещанной жены.

ПЕСНЯ

Птичкой певицею
Быть бы хотел;
С юной денницею
Я б прилетел
Первый к твоим дверям;
В них бы порхнул
И к молодым грудям
Милой прильнул.
Будь я сиянием
Дневных лучей,
Слитый с пыланием
Ярких очей,
Щеки б румяные
Жарко лобзал,
В перси бы рдяные,
Вкравшись, пылал.
Если б я сладостным
Выл ветерком,
Веяньем радостным
20 Тайно кругом
Милой летал бы я;
С долов, с лугов
К ней нривевал бы я
Запах цветов.
Стал бы я, стал бы я
Зхом лесов;
Всё повторял бы я
Милой: любовь...
Ах! но напрасное
3° Я загадал;
Тайное, страстное
Кто выражал?
Птичка, небесный цвет,
Бег ветерка,
Эха лесной привет
Издалека –
Быстры, но ясное
Нам без речей,
Тайное, страстное
4° Всё их быстрее.
ПЕСНЯ

Розы расцветают,
Сердце, отдохни;
Скоро засияют
Благодатны дни,
Все с зимой ненастной
Грустное пройдет;
Сердце будет ясно;
Розою прекрасной
Счастье расцветет.
Розы расцветают –
Сердце, уповай;
Есть, нам обещают,
Где-то лучший край.
Вечно молодая
Там весна живет;
Там, в долине рая,
Жизнь для нас иная
Розой расцветет.

ПЕСНЯ

К востоку, все к востоку
Стремление земли –
К востоку, все к востоку
Летит моя душа;
Далеко на востоке,
За синевой лесов,
За синими горами
Прекрасная живет.
И мне в разлуке с нею
Все мнится, что она –
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мне она явилась
Когда-то в древни дни,
Чтоб мне об ней остался
Один блаженный сон.

1821

ЛАЛЛАРУК

Милый сон, души пленитель,
Гость прекрасный с вышины,
Благодатный посетитель
Поднебесной стороны,
Я тобою наслаждался
На минуту, но вполне:
Добрый вестником явился
Здесь небесного ты мне.
Мнил я быть в обетованной
10 Той земле, где вечный мир;
Мнил я зреть благоуханной
Безмятежный Кашемир;
Видел я: торжествовали
Праздник розы и весны
И при шел и цу встречали
Из далекой стороны.
И блистая и пленяя –
Словно ангел неземной –
Непорочность молодая
20 Появилась предо мной;
Светлый завес покрывала
Отенял ее черты,
И застенчиво склоняла
Взор умильный с высоты.
Все –и робкая стыдливость
Под сиянием венца,
И младенческая живость,
И величие лица,
И в чертах глубокость чувства
3° С безмятежной тишиной –
Все в ней было без искусства

Неописанной красой!
я смотрел – а призрак мимо
(Увлекая душу вслед)
Пролетал невозвратно;
я за ним – его уж нет!
Посетил, как упованье;
Жизнь минуту озарил;
И оставил лишь преданье,
Что когда-то в жизни был!
Ах! не с нами обитает
Гений чистый красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты;
Он поспешен, как мечтанье,
Как воздушный утра сон;
Но в святом воспоминанье
Неразлучен с сердцем он!
Он лишь в чистые мгновенья
Бытия бывает к нам
И приносит откровенья,
Благотворные сердцам;
Чтоб о небе сердце знало
В темной области земной,
Нам туда сквозь покрывало
Он дает взглянуть порой;
И во всем, что здесь прекрасно,
Что наш мир животворит,
Убедительно и ясно
Он с душою говорит;
А когда нас покидает,
В дар любви у нас в виду
В нашем небе зажигает
Он прощальную звезду.
* * *

Теснятся все к тебе во храм,
И все с коленопреклонением
Тебе приносят фимиам,
Тебя гремящим славят пеньем;
я одинок в углу стою,
Как жизнью, полон я тобою,
И жертву тайную мою
я приношу тебе душою.
ЯВЛЕНИЕ ПОЭЗИИ В ВИДЕ ЛАЛЛА РУК
К востоку я стремлюсь душою!
Прелестная впервые там
явилась в блеске над землею
Обрадованным небесам.
Как утро юного творенья,
Она пленительна пришла
И первый пламень вдохновенья
Струнами первыми зажгла.
Везде любовь ее встречает;
10 цветет ей каждая страна;
Но всюду милый сохраняет
Обычай родины она.
Так пролетела здесь, блистая
Востока пламенным венцом,
Богиня песней молодая
На паланкине золотом.
Как свежей утренней порою
В жемчуге утреннем цветы,
Она пленяла красотю,
20 Своей не зная красоты.
И нам с своей улыбкой ясной,
В своей веселости младой,
Она казалась прекрасной
Всеобновляющей весной.
Сама гармония святая –

Ее нам мнилось бытие,
И мнилось, душу разрешая,
Манила в рай она ее.
При ней все мысли наши – пенье!
З^о и каждый звук ее речей,
Улыбка уст, лица движенье,
Дыханье, взгляд – все песня в ней.

ВОСПОМИНАНИЕ

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сонутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.
В АЛЬБОМ Е. А. АЛЯБЬЕВОЙ,
рожденной Римской–Корсаковой
Кто вас случайно в жизни встретит,
Тот день нечаянный такой
Меж днями счастья заметит,
И скажет случаю спасибо всей душой!
И я ему, причудливому богу,
Спасибо всей душой сказал
За то, что мне он на дорогу
Попутчиком любезным дал
Приятное об вас воспоминанье!
На чуже страннику сей дар –благодаянье!
С таким товарищем не скучен скучный путь,
Веселый веселее вдвое!
Кто ж раз увидел вас, тому невольно в грудь
Вселяется желание живое:
Чтоб в жизни встретить вас еще когда–нибудь,
Чтоб, стоя счастья, вы и счастливы были,
Но чтоб и нового знакомца не забыли!

МОРЕ

Элегия

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожную думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:
Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земныя неволи
Далекое светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же собираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя –
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращенных небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

* * *

Узрев черты сии пленительно–живые,
Как можно тайну угадать!
Всяк скажет: две сестры прелестно–молодые!
Никто не скажет: дочь и мать!
В АЛЬБОМ А. А. В. (ОЕЙКОВОЙ)
Ты свет увидела во дни моей весны,

Дни чистые, когда всё в жизни так прекрасно,
Так живо близкое, далекое так ясно,
Когда лелеют нас магические сны;
Тогда с небес к твоей спокойной колыбели
Святые Радости подругами слетели –
Их рой сном утренним кругом тебя играл;
И Ангел прелести, твоя родня, с любовью
Незримо к твоему прикинул изголовью
И никогда тебя с тех нор не покидал.
Лета прошли – твои все спутники с тобою;
У входа в свет с живой и ждущею душою
Ты в их кругу стоишь, прелестна, как они.
А я, знакомец твой в те радостные дни,
Я на тебя смотрю с веселием унылым;
Теснишься в сердце ты изображеньем милым
Всего минувшего, всего, чем жизнь была
Так сладостно полна, так пламенно мила,
Что вдохновением всю душу зажигало,
Всего, что лучшего в ней было и пропало...
О упоение томительной мечты,
Покинь меня! желать безжалостно ты учишь;
Не воскрешая, смерть мою тревожишь ты;
В могиле мертвеца ты чувством жизни мучишь.

I

Сладостно было принять мне табак твой, о выпренный Гнедич!
Буду усердно, прижавши перстами, к преддвериям жадного носа
Прах сей носить благовонный и, сладко чихая, сморкаться!
Будет платкам от него помаранье, а носу великая слава!
Где ты сегодня? Что Алексей Николаевич? Лучше ль
Стало ему? Постараюсь ныне с ним видеться утром.
Бели б ты, Николай, взгомозился зайти по дороге за мною:
Вместе б пошли мы, дорогой вещая крылатые речи друг другу!

ПОБЕДИТЕЛЬ

Сто красавиц светлооких
Председали на турнире.
Все – цветочки полевые;
А моя одна как роза.
На нее глядел я смело,
Как орел глядит на солнце.
Как от щек моих горячих
Разгоралось забрало!
Как рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый, твердый панцирь!
Светлых взоров тихий пламень
Стал душе моей пожаром;
Сладкошепчущие речи
Стали сердцу бурным вихрем;
И она – младое утро –
Стала мне грозой могучей;
Я помчался, я ударил –
И ничто не устояло.

II

Я также, Николай Гомерович почтенный,
Имею честь поздравить вас
С тем, что когда-то в этот час
Вы были Николай новорожденный.

НОЧЬ

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дороге эфирной,
И Геспер летит перед ней
С прекрасной звездой своей.
Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрывалом,
С целебным забвенья фиалом.

Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явленьем,
Своим усыпительным пеньем
Томимую душу тоской,
Как мать дитя, успокой.

9 МАРТА 1823

Ты предо мною
Стояла тихо.
Твой взор унылый
Был полон чувства.
Он мне напомнил
О милом прошлом.
Он был последний
На здешнем свете.
Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О небе мысли.
Звезды небес,
Тихая ночь!..

* * *

Ты всё жива в душе моей!
Нет, не покинула ты землю...
Ты предо мной! Тебе я внемлю,
О светлый ангел прежних дней!
Но, ах! все та же в сердце младость!
А жизнь давно уж отцвела;
Я испытал любви сладость,
Но не воротится она!

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

на скоропостижную кончину именитого ПАУКА ФАДЕЯ, служившего
целые сутки комнатным пауком у Ея превосходительства Варвары
Павловны Ушаковой, отличного благонравием, обжорством и пузом
и кончившего дни свои в пузырьке, в котором Ея превосходительству
благоугодно было его закупорить и поминутно кувыркать.

1823-го года сентября 13

И так ты кончил жизнь, почтеннейший наш друг!

фадей-паук!

Досель обременен ты был тяжелым грузом!
Ты в одиночестве, на тоненьких ногах,
Таскался по земле с большим узорным пузом
И часто, часто мог затоптан быть во врах!
Но счастием судьба на миг тебя прельщала!
Варвара Павловна в саду тебя нашла,
В великокняжеский дворец перевела
10 И там-увы! –тебя до смерти заласкала!
Прости! ты кончил жизнь в ея прекрасном цвете!
И будут многие завидовать на свете
Кончине счастливой твоей,
фадей!

АНГЕЛ И ПЕВЕЦ

Кто ты, Ангел светлоокой,
С лучезарною звездой?
Из какой страны далекой
Прилетел на север мой?
– „Прилетел я из прекрасной
Полуденной стороны,
Где без зноя небо ясно,
Где предел молодой весны!
Сладко мне твое явленье!
10 Гость воздушный, в добрый час!

Полюбуйся на творенье
И на севере у нас;
Но пленительному югу

Для чего ж ты изменил?..
– „Небом данную подругу
я на север проводил!
Где над Неккаром дубровы
Сеннолиственны шумят,
Где на холме пурпуровый
20 Созревает виноград.
Там, сердца обворожая
Тихой прелестью своей,
Непорочно молодая
Расцветала дочь царей!
Спутник ей от колыбели
Тайно зрел я, как в тиши
Родилися и созрели
Красоты ее души.
Провидение судило
3° Вам питомицу мою!
Дар примите! Всё, что мило,
С нею вам передаю!"
Светлый Ангел с лучезарной
Путеводною звездой!
Милый дар твой благодарно
Принимает север мой!
Здесь, иод сению державы
Благотвориыя, живет
Верный ей, достойный славы
4° И прославленный народ.
И любима им младая
Будет спутница твоя!
Здесь готова ей родная
С нежной матерью семья!
И с доверчивым участием.
С сердцем, где добро живет,
Здесь ее делиться счастьем
Дружба радостная ждет!
И молодой душе супруга
Жизнь другую даст она,
И, союза их подруга,
Будет радость им верна!..
Ты же, Ангел, проводивший
К нам ее в полночный край,
Ты, досель ее хранивший,
И отныне сохраняй!
– „Навсегда с ее душою
Будет верный Ангел жить
И хранительной звездою
Неизменно ей светить!
И уже в стране лазурной,
За границу земной,
Духи жизни с тайной урной
Собрались перед судьбой!
Умоляют, уповают,
С умиленной верой ждут,
И цветами обвивают
Полный жребиев сосуд".
Дай обетам исполненье!
О, судьба, не измени!
Провиденье, Провиденье!
Защити и сохрани!
* * *
я Музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И Вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На все земное наводило
Животворящий луч оно –
И для меня в то время было
Жизнь и Поэзия одно.

Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?
Но все, что от времен прекрасных,
Когда он мне доступен был,
Все, что от милых темных, ясных
Минувших дней я сохранил –
Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы, –
Кладу на твой алтарь священный,
О Гений чистой красоты!
Не знаю, светлых вдохновений
Когда воротится чреда, –
Но ты знаком мне, чистый Гений!
И светит мне твоя звезда!

Пока еще ее сиянье
Душа умеет различать:
Не умерло очарованье!
Былое сбудется опять.

ПРИВИДЕНИЕ

В тени дерев, при звуке струн, в сиянье
Вечерних гаснущих лучей,
Как первья любви очарованье,
Как прелесть первых юных дней –
Явилась она передо мною
В одежде белой, как туман;
Воздушною лазурной пеленою
Выл окружен воздушный стан;
Таинственно она ее свивала
И развивала над собой;
То, сняв ее, открытая стояла
С темнокудрявой головой;
То, вдруг всю ткань чудесно распустивши,
Как призрак, исчезала в ней;
То, перст к устам и голову склонивши,
Огнем задумчивых очей
Задумчивость на сердце наводила.
Вдруг... покрывало подняла...
Трикраты им куда-то поманила...
И скрылася... как не была!
Вотще продлить хотелось упоенье...
Не возвратилась она;
Лишь грусти к) но милом привиденье
Душа оста л ася полна.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ,

петая воспитанницами Общества благородных девиц,
при выпуске 1824 года
Прости, убежище святое,
Где наше утро золотое
Так мирно радовало нас!..
В защитном здесь уединенье
Мы зрели райское виденье,
Небесный слышали мы глас!
Но райский призрак улетает,
Небесный голос умолкает...
Спешит, спешит разлуки час!
10 О ты, младенчества обитель,
Да будет гений твой хранитель –
Всегда хранитель верный твой!
Да будет всё, что здесь бывало,
Что нас лелеяло, пленяло –
Невинность, радостный покой,
И легкий труд, и отдых ясный,

И детских лет союз прекрасный –
Неизменяемо с тобой!
Мы, уводимые судьбою,
20 С благословеньем и мольбою
Стремим к тебе последний взгляд,
Предел покоя и свободы,
Вы, древни стены, пышны воды,
Забав свидетель, мирный сад!
Для нас прошли беспечны лета!
Мы покидаем вас для света!
Мы не придем уже назад!
Еще мы здесь –рука с рукою!
Но близок час – и за судьбою
Путями розными пойдем!
Здесь вместе мы вверялись счастью,
А там, под тайной рока властью,
Мы все иное обретем!
Готовит свет нам испытанье!
Да будет же воспоминанье
Для вас хранящим божеством.
Минувшее не миновалось!
Во глубине души осталось
Оно сокровищем святым!
И мы, не розно и в разлуке,
К житейской приступив науке,
Надеждой сердце ободрим!
Здесь, в тишине уединенья,
Мы были дети Провиденья –
И в шуме света будем с ним!
Его, его мы призываем!
Его храненью поверяем
Здесь покидаемых друзей!
Живите, радуйтесь, играйте,
И, нам подобно, расцветайте,
Подруги наших лучших дней!
И нашу мать – нашу радость –
Да утешая, ваша младость –
Об вас напоминает ей.
О, наша милая родная,
Твою обитель покидая,
Уносим в сердце образ твой!
И что б в грядущем нас ни ждало,
Повсюду будет, как бывало,
Для нас любимую мольбой:
„Чтоб Небо милую хранило!
Чтоб долго дней ее светило
Сияло радостью земной!"
ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ
Кто ты, призрак, гость прекрасной?
К нам откуда прилетал?
Безответно и безгласно
Для чего от нас пропал?
Где ты? Где твое селенье?
Что с тобой? Куда исчез?
И зачем твое явленье
В поднебесную с небес?
Не Надежда ль ты младая,
Приходящая порой
Из неведомого края
Под волшебной пеленой?
Как она, неумолимо
Радость милую на час
Показал ты, с нею мимо
Пролетел и бросил нас.
Не любовь ли нам собою
Тайно ты изобразил?..
Дни любви, когда одною
Мир для нас прекрасен был,

Ах! тогда сквозь покрывало
Неземным казался он...
Снят покров; любви не стало;
Жизнь пуста, и счастье – сон.
Не волшебница ли Дума
Здесь в тебе явилась нам?
Удаленная от шума
И мечтательно к устам
Приложивши перст, приходит
К нам, как ты, она порой
И в минувшее уводит
Нас безмолвно за собой.
Иль в тебе сама святая
Здесь Поэзия была?..
К нам, как ты, она из рая
Два покрова принесла:
Для небес лазурно-ясный,
Чистый, белый для земли:
С ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что вдали.
Иль Предчувствие сходило
К нам во образе твоём
И понятно говорило
О небесном, о святом?
Часто в жизни так бывало:
Кто-то светлый к нам летит,
Подымает покрывало
И в далекое манит.
МОТЫЛЕК И ЦВЕТЫ
Поляны мирной украшение,
Благоуханные цветы,
Минутное изображение
Земной, минутной красоты;
Вы равнодушно расцветаете,
Глядяся в воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
В непостоянстве мотылька.
Во дни весны с востока ясного,
Младой денницей пробужден,
В пределы бытия прекрасного
От высоты спустился он.
Исполненный воспоминанием
Небесной, чистой красоты,
Он вашим радостным сиянием
Пленился, милые цветы.
Он мнил, что вы с ним однородные
Переселенцы с вышины,
Что вам, как и ему, свободные
20 И крылья и душа даны;
Но вы к земле, цветы, прикованы;
Вам на земле и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вам не разогреть.
Не рождены вы для внимания;
Вам непонятен чувства глас;
Стремись к вам без упования;
Вез горя забываешь вас.
Пускай же к вам, резвясь, ласкается,
3° Как вы, минутный ветерок;
Иною прелестью пленяется
Бессмертья вестник мотылек...
Но есть меж вами два избранные,
Два ненадменные цветка:
Их имена, им сердцем данные,
К ним привлекают мотылька.
Они без пышного сияния;
К два приметны красотой:
Один есть цвет воспоминания,

*° Сердечной думы цвет другой.

О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
О дума сердца –упование
На лучший, неизменный свет!
Блажен, кто вас среди губящего
Волненья жизни сохранил
И с вами низость настоящего
И пренебрег и позабыл.
ПОЕЗДКА НА МАНЕВРЫ
Вчера был день прекрасной доле:
По царской чудотворной воле
Я дам и фрейлин провожал
Туда, где на широком поле
Учтивый Марс увеселял
Гостей несмертоносным боем:
Там гром гремел, но не разил;
Там каждый, кто в войне героем
Не для одной игрушки был,
Героем мог быть для игрушки;
Там залпами стреляли пушки
И одиночные стрелки,
Там быстрым шагом шли полки
По барабану, чтоб без драки
Сломить мечтательных врагов;
Там были сшибки казаков,
Тяжелой конницы атаки, •
Там было всё, чем страшен бой, –
Лишь смерти не было одной.
Едва блеснул небес светильник,
Из облака прокрался свет,
Проснулся проводник-поэт;
В докучный обратясь будильник,
Пугнул и дам и фрейлин он,
Сказав, что сонный Аполлон
Велел к крыльцу небес златому
Коней небесных подводить, –
Что князь Гагарин, может быть,
К дворцовому крыльцу простому
Простых извозчичьих коней
С тремя ландо, с одной коляской,
Велит подвезть еще скорей;
Но предвещанье было сказкой:
Проспал неверный ездовой!
Земные кони опоздали
(Не часто фрейлинам давали),
А сновидения летали;
Что им до солнечных лучей?
От милых фрейлинских очей
Сон удалил поэт докучный;
В болезни ожиданья скучной,
Нахмурясь, князь Гагарин был,
Махал с досады он руками,
И но дороге он ходил
Нетерпеливыми шагами,
Надеясь, верно, что скорей
Он, ходя, выходит коней.
Уже шестого половина,
Шестого сорок пять минут:
Поэт вздыхал, а дамы ждут.
Вот улыбнулась судьбина –
И три ландо с коляской тут!
Все радостно перекрестились;
Садятся... сели... Что ж? помчались?
Нет, с новой встретились бедой:
Один задорливый ландо
Вдруг заупрямился раскрыться;
Туда, сюда, ландо упрямят;

Он всех переупрямил дам,
Принудил их переселиться
Вез церемонии в другой,
А сам отправился пустой,
И чуть трагической развязки
В сем фарсе не увидел свет:
Чтоб дамам угодить, поэт
Полез неловко из коляски,
И так себя заторопил,
Что при неловкости проворной
Едва, с отвагой стихотворной,
Себе он шею не сломил, –
А всё ландо не отворил!
Но тем и кончилось страданье
Гагарина, певца и дам,
И небо, внявши их мольбам,
Вознаграждая ожиданья,
Вез остановки привело
Нас прямо в Красное Село.
Среди равнины там широкой
Воздвигнут рукотворный холм;
Скамьи дерновые на нем;
С него всё ноле видит око.
Лишь дамы на него взошли,
Едва лишь сесть на нем успели, –
Перуны Марса загремели,
И за клубился дым вдали;
Вблизи же нас, среди равнины
Стояли тихие дружины,
Сомкнувшись, зрелись в тишине;
Был слышен грохот барабанов;
На горизонте, в стороне,
Недвижно грозный строй уланов
Из-за кустарника сверкал,
И ветер быстрый колыхал
Их орифламмы боевые, –
А влеве, изготовясь в бой,
Колонны конницы густые
Стояли тучей громовой.
Кони под всадниками ржали,
И яркой молнией сверкали
Лучи но медным шишкам!
И артиллерии летучей
Громады грозно вслед полкам
Шумящей двигались тучей...
Но ближе гром, и ближе дым...
И вдруг, на высотах, мы зрим:
Строй необъятный появился,
Как будто вырос из земли!
Весь горизонт вдруг задымился,
И в пламени, в дыму, в ныли,
На всех концах зажглось сраженье!
В ужасно-тихом отступленьи
Всё войско потянулось к нам,
Чтоб наступающим врагам
Дать строем, вмиг перемещенным,
Неожидаемый .удар!
Открылся взорам изумленным
Сраженья весь ужасный жар;
Вдруг артиллерия вскакала
В раздвинувшийся интервал!
120 дым облаками побежал,
Земля от грома задрожала!
Остановился мнимый враг;
Под барабан удвоив шаг,
Полки колоннами густыми
Пошли, ружье наперевес,
Вперед, вперед! –и враг исчез!

Вдруг воинства как не бывало!
И вся окрестность замолчала.
Не слышен боле пушек гром,
*з° Лишь дым вился еще кругом,
И дамы на холме шли сами
В свои ландо, и за полками
Тихонько им пустились вслед;
Стрелков уже не видно боле...
А князь Гагарин и поэт
Через пустое битвы иоле
Пошли, хоть солнце их и жгло,
Пешочком, в Красное Село.
(ГР. А. Е. КОМАРОВСКОЙ)
Давно уж нет мне вдохновенья!
Мы раззнакомились давно!
Не откликается оно,
Не пробуждает песнопенья!
А смертно хочется писать
Стихи на ваши именины!
Но что ж, неужли пожелать,
Как водится, вам от Судьбины
Того, что может дать она! –
10 ведь это будет старина!
Мне надоели мадригалы –
Товар Парнасский обветшалый, –
Не могут быть достойны вас!
Как жаль, что Гений мой погас!
Ваш Ангел –если бы хоть мало
Как прежде жив покойник был –
я в этом слове всё б открыл!
Оно б для сердца музой стало.
Но как же случай потерять,
20 Позвольте что-нибудь сказать.
я свет не часто посещаю,
Но в свете вас когда встречаю,
Всегда люблюся на вас!
Для самых беспристрастных глаз
Вы Грация; люблю за вами,
Таясь в толпе, летать глазами,
Когда летите в вальсе вы,
Не прикасался к паркету;
Тогда не трудно головы
з° И не поэту и поэту
Лишиться надолго –и я
До сей поры не понимаю,
Как не потеряна моя.
Когда ж об вас воспоминаю,
Всегда передо мной стоит
Прелестно-милое виденье
И радует воображенье
И что-то сердцу говорит.
Харитой вас всегда являла
4° Мне постоянная мечта.
С последнего ж, признаться, бала
Картина сделалась не та.
Не в вихре вальса, не живую
Очаровательницей глаз
Воображаю нынче вас...
Но одинокою, хромою!
Все вижу я, как вы тишком,
С блестящим свежестью лицом,
Наморщенным от мнимой боли,
5° Хромаете из доброй воли
И, опершись на костыль,
Для взора кажетесь милее,
Чем в те часы, когда как фея
Одушевляете кадрили.
* * *

друзья, без горести на гроб взирайте мой!
Да он питает в вас не скорбь, а упованье!
В нем – ненарушимый покой!
За ним – свиданье!

ХОР ДЕВИЦ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ИНСТИТУТА
на последнем экзамене, по случаю выпуска их,

1826 года февраля 20 дня
Расстаемся, расстаемся
Мы с пределом детских лет!
Мы судьбе, зовущей в свет,
Невозвратно предаемся.

Будь, что нам пошлет она...
В этот час не упованьем,
Но святым воспоминаньем
В нас душа напоена.

Здесь спокойно протекали
10 Золотые наши дни –
Как младенчество, они
Сном пленительным пропали!
Часто в наш беспечный круг
Мать милая являлась,
К нам приветливо ласкалась,
Нам была нежнейший друг!
Был у нас другой хранитель,
Честь земли, земли краса;
Он уж взят на небеса!

20 Небеса его обитель!
И напрасно мы хотим
Возвратить его мольбами:
Он невидимо над нами,
Но для нас невозвратим.
Ах, из той небесной сени,
Где таишься ты от нас,
Преклонись на детский глас,
Удалившийся наш гений!
Утешением слети
К сердцу матери томимой!
Будь сонутник ей незримой,
Снова мир ей возврати!

? * *

Был у меня товарищ,
Уж прямо брат родной.
Ударили тревогу,
С ним дружным шагом, в ногу
Пошли мы в жаркий бой,
Вдруг свистнула картечь...
Кого из нас двоих?
Меня промчалось мимо;
А он... лежит, родимой,
В крови у ног моих.
Пожать мне хочет руку...
Нельзя, кладу заряд.
В той жизни, друг, сочтемся;
И там, когда сойдемся,
Ты будь мне верный брат.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ,
петая воспитанницами Общества благородных девиц,
при выпуске 1827 года
миновались, миновались
дни младенчества для нас!
Сами прежде расставались
Мы с подругами не раз;
Со слезами провожали
Их в незнаемый нам свет
И молитвы посылали
Удалившимся вослед.

Ах! пришло и наше время
10 Слышать грустное прости!

Взять заботой жизни бремя,
В свет незнаемый идти!
О друзья! друзья! внимлите
Удаляющихся глас:
Сохраните, сохраните
Память верную об нас!
Мы идем, куда отселе
Небеса нас поведут!
Там на жизненном пределе
20 Два спутника нас ждут:
Ободрител ь – упованье,
Гений младости живой,
И любовь – воспоминанье,
Страж земного неземной.
О, святое упованье!
Озаряй нам жизни даль!
Счастью будь очарованье,
Заговаривай печаль:
Мир невидимо–небесный
3° В мире видимом являй,
И в предел, душе известный,
По земле нас провожай!
Ты же, друг – воспоминанье,
С нами будь! Пролей свое
Благодатное сиянье
На земное бытие!
Говори о том, что было
Счастьем наших лучших лет,
Чтоб для нас хоть в сердце жило
4° То, чего уж в жизни нет!
Лик твой душу утешает!
Он ей сладостно знаком!
Нам хранительно сияет
Покидаемая в нем!
Ты – она\ в твоей святыне
Всё для нас заключено!
Где ни будем, нам отныне
Мысль о ней и жизнь –одно!
ПРИНОШЕНИЕ
Тому, кто Арфою чудесный мир творит!
Кто таинства покров с Создания снимает,
Минувшее животворит
И будущее предрешает!
К ГЁТЕ
Творец великих вдохновений!
Я сохраню в душе моей
Очарование мгновений,
Столь счастливых в близи твоей!
Твое вечернее сиянье
Не о закате говорит!
Ты юноша среди созданья!
Твой гений, как творил, творит.
Я в сердце уношу надежду
Еще здесь встретиться с тобой:
Земле знакомую одежду
Не скоро скинет гении твой.
В далеком полуночном свете
Твоею Музою я жил.
И для меня мой гении Гете
Животворитель жизни был!
Почто судьба мне запретила
Тебя узреть в моей весне?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоём огне.
Тогда б вокруг меня созданся
Иной, чудесно–пышный свет;
Тогда б и обо мне остался
В потомстве слух: он был поэт!

НА МИР С ПЕРСИЕЮ

Мы вспомнили прекрасно старину!
Через Кавказ мы пушки перемчали;
В один удар мы кончили войну,
И Арарат, и мир, и славу взяли!
И Русской – в том краю, где был
Утешен мир дугой завета –
Свои знамена утвердил
Над древней колыбелью света!
(ЗАПИСКА К Н. И. ГНЕДИЧУ)

III

Здравствуй, мой друг, Николай Иванович Гнедич! Не сетуй,
Долго так от меня не имея ни строчки ответной;
Ведаешь, милый Гомеров толмач, что писать я не падок!
Ведаешь также и то, что и молча любить я умею;
Можешь об этом узнать от одесской новой знакомки;
Рад я весьма за тебя, что с нею ты встретился. Верь мне,
Дружба ее целительней воздуха. Крымское небо,
Память древности светлой, величие Понта, беседу
Женщины милой, с душой поэтической, песни Гомера,
Мир души, беззаботность – всё это смешай хорошенько
В чистой воде Иппокрены, и пей ежедневно, и будешь
Снова здоров. Честь имею пребыть с совершенным почтеньем,
Милостивый Государь, покорным слугою: Жуковский.

ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ
АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ

Ты памятник себе святой соорудила,
Бездомным отворив приют сей, дочь царей!
Голодных царскою рукой ты накормила;
Нагих одела ты порфирию своей.
С величием земным небесное смиренье
Слияла ты, приняв Христа за образец;
Престолу царскому – краса благотворенье,
И светел благостью властителей венец.
Из сердца твоего любви вода живая
Льет исцеление в сосуд скорбен земных,
И взор сияет твой, страдальца ободряя,
Светлее всех твоих алмазов дорогих.
Бог дал тебе твой сан наград своих залогом;
Ты знаешь: сеем здесь, а жнем на небесах;
Здесь данный нищему стакан воды – пред Богом
Заступнее за нас, чем славы гордый прах.
Ты гласу Божию смиренно покорилась
И бесприютного причла к семье своей,
Призрела сироту, с вдовицею сдружилась –
Благословенна будь пред Богом, дочь царей!
Ты знаешь: на земле прекрасней чем богатство,
Прекрасней почестей, прекрасней красоты
Благотворения с несчастьем робким братство
И за богатого молитва нищеты.
И созданный тобой сей дом благотворенья
Великолепных всех прекрасней он палат:
Там для скорбящего ты ангел утешенья,
Там благость Божию в твоей боготворят;
Там Богу молятся –и те мольбы доступны
Чтобы от бед земных тебя он оградил,
Чтобы он в вечности покой свой неподкупный
В твоей душе, ему здесь верной, водворил.
Но, сердцем женщина, а мыслию царица,
И здесь уж прочную ты славу обрела:
Убогий, сирота, недужный и вдовица
В потомках возвестят любви твоей дела;
И их история внесет в одну страницу
С делами славными супруга твоего:
Он бодрою рукой взял предков багряницу,
Сравнилась благостью ты с бодростью его.
У ГРОБА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРИИ ФЕДОРОВНЫ

В ночь накануне Ея погребения
Итак, Твой гроб с мольбой объемлю;
Итак, покинула Ты землю,
Небесно-чистая душа;
Как Божий ангел, соверша
Меж нами путь благотворящий,
Как день, без облак заходящий,
Ты удал ил ася от нас.
Неизъяснимый смертный час!
Еще досель не постигаем,
10 Что на земле Тебя уж нет...
Тобой был так украшен свет!
Еще так тесно мы сливаем
Тебя со всем, что в мире есть
Нам драгоценного, святого;
Еще привычкою обрести
Тебя всё мним среди земного;
А ты?.. О! каждого из нас
Часть жизни умерла с тобою;
С Твоей отшедшею душою
Какой-то сладкий свет угас,
Которым сердце ободрялось,
В котором таинство являлось
Святого Промысла ему.
Тобою радуясь беспечно,
Мы жизнь твою считали вечной...
И вдруг ко гробу твоему
Идем на вечную разлуку.
Твою ль целуем мы в слезах,
Досель подательницу благ,
Теперь бесчувственную руку?
Ты ль в багрянице, иод венцом
С сим безответственным лицом
На глас любви, на глас печали?
Такою ль мы тебя видали?..
Сей погребальный фимиам;
Сей лик, едва в нем зримый нам;
Сия возвышенная рака,
Среди таинственного мрака
Одна стоящая в лучах,
Блистанье гробового трона,
Главы лишенная корона,
Порфира, падшая на прах...
Невыразимое виденье!
Трепещет здесь воображенье
Пред ужасом небытия...
Но здесь же умиленно я
Отрадным ангелом на землю
Сходящий сладкий голос внемлю:
Не возмущайтесь душой!
О! это ты; сей голос твой.
Заутра пышность сей гробницы,
Сей прах минувшия царицы
Земле навеки отдадут –
Но что же, что в ней погребут?
Лишь гроб, лишь скрытое во гробе,
Лишь смерти безымянный знак;
В земной таинственной утробе
От глаз сокроет вечный мрак
Один лишь вид уничтоженья,
60 Один символ небытия...
Но жизнь прекрасная Твоя,
Символ прекрасный Провиденья,
Меж нами будет, как была,
Всегда жива, чиста, светла,
Воспоминаньем благодатна,
И сердцу вечно безутратна.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

В решительный прощанья час
С любовью, с горьким сокрушеньем,
С невыразимым умилением,
7° Я надаю в последний раз
Перед гробницу Твою...
О! я дерзаю перед нею
За всю Россию говорить,
И голос мой соединит
Все голоса, в сие мгновенье
В одно слиянное моление:
„Благодарим, благодарим
Тебя за жизнь Твою меж нами!
За трон Твой, царскими делами
80 И сердцем благостным твоим
Украшенный, превознесенный;
За образец Тобой явленный
Божественныя чистоты;

С. А. Матяш
СТИХ ЖУКОВСКОГО–ЛИРИКА

Еще в 1970-е гг., под эгидой ИМЛИ СССР им. А. М. Горького, в рамках программы по созданию коллективной истории русского стиха, автором данной статьи был составлен «Алфавитный метрический и строфический индекс стихотворных произведений В. А. Жуковского»¹ и на его основе – «Справочник по метрике и строфике» поэта². Стати-стические материалы «Справочника» позволили представить стих Жуковского как целостную систему и обрисовать ее общие контуры. Спроецированные на фон русского стихосложения XVIII–первой по-ловины XIX в., они дали возможность приблизиться к пониманию места Жуковского в истории русского стиха³. Так, статистический ана-лиз показал, что высокий уровень его неклассического стиха (32,9% строк на фоне почти 100 классики XVIII – начала XIX в.)⁴, катастро-фическое падение ямба (56,6% на фоне 82% ямба в XVIII в., 83,4%–1 см.: Матяш С. А. Стих Жуковского / Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1974. С. 241–304 (Приложение).

2 См.: Матяш С. А. Метрика и строфика В. А. Жуковского // Русское стихосло-жение: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979. С. 14–96. Здесь же содержатся справочники по метрике и строфике Батюшкова (С. А. Ма-тяш), Востокова (М. Ю. Лотман), Пушкина (М. Ю. Лотман, С. А. Шахвердов), Дель-вига (Л. Т. Сенчина), Баратынского (С. А. Шахвердов), Кольцова (А. Н. Беззубое), Тютчева (Л. П. Новинская), Полонского (О. А. Орлова), материалы которых ис-пользовались при определении своеобразия стиха Жуковского.

3 См.: Матяш С. А. Жуковский и русская стиховая культура XVIII – первой по-ловины XIX в. // Ж. и русская культура. С. 80–95.

4 Данные по метрике и строфике XVIII в.– первой половины XIX в. (общие показатели) взяты из работ: Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века // Во-просы литературы XVIII в. Пенза, 1972. С. 129–228; Гаспаров М. Л. Очерк исто-рии русского стиха. М., 1984. С. 53–160.

у Пушкина, 92,3%–у Баратынского, 91%–у Лермонтова, 80,7%–у Тютчева), резкое снижение доли рифмованного стиха (39,1%–при 86,2%–у Пушкина, 93,9% – у Батюшкова, 98,0%–у Баратынского, 88,2% – у Лермонтова, 95,3%–у Тютчева) и др.–свидетельствуют о том, что Жуковский уходит от норм XVIII в., а в XIX в. занимает осо-бое место, образуя своеобразное противостояние пушкинской традиции. Названные и многие другие особенности стихосложения Жуковско-го объясняются его жанрово–стилистическими исканиями, в частности значительной ролью драматургических опытов в его творчестве⁵, оби-лием эпических форм⁶–отсюда приверженность к гекзаметру (свое-образному русскому дольнику античного происхождения), распростра-нение белого стиха (5–стопного и вольного ямбов) и др. Естественный вопрос в этой связи – как будет выглядеть стихосложение Жуковско-го–лирика, освобожденное от груза гекзаметров «Одиссеи» и других крупных форм⁷? Как стих одной лирики соотносится с общим фоном стиховой культуры эпохи, названной М. Л. Гаспаровым «временем Жуковского и Пушкина»?

Метрический облик Жуковского–лирика определяется такими общими показателями: ямбы составляют 72,9 (77,9%), хореи–11,5 (9,1%), 3–слож–ники–5,2 (5,3%), неклассический (не силлабо–тонический) стих–8,9 (4,0%), полиметрические (из разных размеров) композиции–1,4 (3,7%)⁸.

5 Об этом см.: Лебедева. С. 103–173.

6 См.: Янушкевич. С. 235–264 и др.

7 В «Метрическом справочнике» нам приходилось очень коротко характеризо-вать

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский и стихосложение Жуковского-лирика в рамках его «малых жанров». Однако ранее опубликованные статистические данные несколько расходятся с данными настоящей работы, поскольку первоначально в «малые жанры» мы включали баллады, куплеты комических опер, посвящения и другие инометрические вставки в эпических и драматических произведениях. Кроме того, для настоящего исследования корпус лирических текстов пополнен ранее не учтенными стихотворениями из «Бумаг А. А. Воейковой» и «Пушкинского музея А. Ф. Онегина» (добавлено 22 текста, 687 строк). Всего настоящим исследованием охвачено 494 произведения (22139 строк).

8 Мы используем методику «двойной статистики» (произведений и строк в данных произведениях), позволяющую судить об объеме текстов (см.: Руднев П. А. Из истории метрического репертуара русских поэтов: Некрасов. Тютчев. Фет. Брюсов. Блок // Теория стиха. Л., 1968. С. 113. Одна цифра без дополнительных оговорок означает подсчет произведений).

Всего в лирике употребляется 46 размеров (в том числе 4 в составе полиметрических произведений, 23 разноstopных). Если считать разноstopные размеры за один (разноstopный яmb, хорей и т. д.), то в лирике самостоятельно употребляются 22 размера, на каждый из которых в среднем приходится 4,5 %. Размеры, чей показатель превышает эту величину, образуют основу метрического репертуара. Это (в порядке убывания частотности произведений): 1) вольный яmb (23,8–18,7%), 2) 4-stopный (18,6–24,8%), 3) 6-stopный (11,1–8,3%), 4) 4-stopный хорей (10,3 – 8,2%), 5) разноstopный яmb (6,9–9,0%), 6) 3-stopный (6,5 – 9,2%), 7) 5-stopный (5,5 – 7,4%), 8) гекзаметр (5,3 – 3,4%). Все остальные размеры составляют периферию, куда попали 2-stopные ямбы, 3-stopные и 6-stopные хорей, каждый из 3-сложных размеров, все формы неклассического стиха (кроме гекзаметра), а также полиметрические структуры.

Приведенные данные позволяют отметить два принципиально важных для стиховой системы момента:

1) Хотя своеобразие жуковского (как и любого стихотворца) определяется ядром его метрического репертуара, для него очень важной оказывается и периферия. Так, единичные случаи таких форм стиха, как логаяд (дольник со строго фиксированным расположением ударений), в стихотворениях «К ней» (Имя где для тебя? // Не сильно смертных искусство // Выразить прелесть твою! // Лиры нет для тебя! // Что песни? Отзыв неверный // Поздней молвы об тебе!..10) 1817 г., «К Фи-лону» 1813 г., «Жалоба пастуха» 1817 г.; а также 3-сложные с переменной анакрузой (т. е. вариацией числа слогов до первого интервала) в стихотворении «Звезды небес» (1831) имеют, несмотря на свою мало-численность, большое значение для представления о новаторских устремлениях Жуковского и означают начало одного из плодотворных путей тонизации русской поэзии – пути создания аналогов западноевропейских дольников. Эти опыты имели продолжение в русской поэзии XIX в. (Лермонтов, Тютчев, Фет) и явились прологом расцвета

9 Термин «метр» в работе употребляется как родовое понятие, термин «размер» – как видовое. См. об этом: Руднев П. А. Единство и теснота стиховедческой концепции // ВЛ. 1973. № 11. С. 245.

10 СС 1. Т. 1. С. 106. Далее текст цит. по этому изд.

11 Дольников у символистов. Второй, аналогичный, случай – с экзотическими короткими и длинными хорейми. Жуковский создал всего два образца 3-stopного хорей («Песня» («Розы расцветают, // Сердце, отдохни...», 1820 г.) в рифмованном варианте, «К сестрам и братьям», 1838 – в белом) и один образец 6-stopного («Царскосельский лебедь», 1851), а во второй половине XIX в., как показал в упомянутом труде М. Л. Гаспаров, оба размера ждало большое будущее: 3-stopный хорей (размер «Горных вершин» Лермонтова) активно разрабатывался Плещеевым, Суриковым и др., 6-stopный – Некрасовым, Фетом, Полонским и др. В обоих случаях (их число можно было бы увеличить) видна поэтическая чуткость Жуковского и его дар предвидения: то, что у поэта было экспериментом и находилось на периферии стиховой системы, в следующую эпоху диалектикой литературного процесса выдвигалось на центральный путь истории русского стиха.

2) Метрический репертуар лирики Жуковского настолько отличается от метрического репертуара всей его поэзии, что может создаться впечатление, будто речь идет о другом поэте. И дело не только в том, что лирический репертуар не досчитывает нескольких размеров, функционирующих в балладе и в эпосе (4- и 5-stopных дактилей, разноstopного анапеста, свободного стиха), – дело в более принципиальных различиях. Резко (по строкам) повышается показатель классического стиха, так что в лирике поэт остается прочно в границах силлабо-тоники. Столь же резко увеличен показатель основного метра русского классического стиха – ямба. Внутри ямба изменены пропорции размеров, что особенно видно на положении «любимца» поэта – 5-stopного ямба, который обогнали все другие ямбические размеры, в том числе 3- и 6-stopные ямбы, имеющие в репертуаре лирики более значительный вес. Сближает же два сопоставляемых репертуара уже

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh от-меченная периферия и высокий показатель вольного ямба, лидирующего и в лирике, что является признаком широкого распространения у поэта говорных¹² жанров и стилей.

11 Подробно об этом: Матяш С. А. К вопросу о генезисе русского дольника (дольник В. А. Жуковского) // Филологический сборник. Алма-Ата, 1972. Вып. 11. С. 82–92.

12 В настоящей работе термин «говорной» применяется для указания на при-надлежность стихотворения к говорному типу интонации, который, по В. Е. Хол-Последний вывод был бы неожиданным для современников поэта, для которых, как это подчеркнул еще в 1920-е гг. Б. М. Эйхенбаум, его самой отличительной особенностью была «музыка языка» (Н. По-левой)¹³. Эту особенность Эйхенбаум интерпретировал как напевный тип интонации (или напевный стиль) и показал многочисленные син-таксические приемы его создания (приемы «мелодизации»)¹⁴. Современному читателю, которому Жуковский известен в более полном объеме текстов, не кажется, что поэт «наладил одну песню»¹⁵, как это каза-лось П. А. Вяземскому или В. К. Кюхельбекеру¹⁶, а исследователи уделяют, пожалуй, больше внимания говорным жанрам и стилям как ме-нее изучаемым¹⁷. И, тем не менее, «пленительная сладость» стихов по-эта все-таки связана не с говорным Жуковским, а с мелодичным. Так что же, статистика неадекватно отражает особенности стиховой систе-мы Жуковского? Нет, напротив, она выявляет ее главную особенность – многогранность.

Нам уже приходилось писать о том, что в стиховой системе Жуков-ского есть метрические и строфические формы, специфические для на-певного и говорного стилей. Для большей убедительности такого про-тивопоставления посмотрим на метрический репертуар «песен и ро-мансов»¹⁸ Жуковского, поскольку надо полагать, эти жанры, более чем какие-либо другие, являются показательными для напевного стиля. Из 8 размеров, перечисленных выше в составе основных, в «романсах и песнях» отсутствуют вольный ямба и гекзаметр, что придает этим раз-мерам статус специфически говорных. Из 6 оставшихся 4-стопный ямба, шевникову, в противоположность напевному тину (несенному и романсному) вби-рает широкий спектр стиховых интонаций–от ораторских до разговорных. См.: Холшевников В. Е. Стиховедение и поэзия. Л., 1991. С. 91.

13 См. об этом: Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха // В его кн.: О поэзии. Л., 1969. С. 350.

14 Там же. С. 351–390.

15 ОА. Т. 1. С. 305.

16 См. Кюхельбекер В. К. Дневник. Л., 1929. С. 73.

17 См., например: Янушкевич. С. 94–113, Незуитова. С. 207–238.

18 Корпус текстов романсов и песен (63 стихотворения, 2196 строк) составлен на основании соответствующего раздела в издании, подготовленном И. М. Семен-ко (СС 2. Т. 1) и дополнен несколькими стихотворениями, которые указал сам по-эт в «Общем оглавлении» (См.: Матяш. С. 154).

на долю которого приходится пятая часть всех романсов и песен, мы сразу выводим из рассмотрения, точнее–ставим за скобки, поскольку этот размер, согласно данным К. Д. Вишневого, уже в XVIII веке приобрел универсальный характер. В лирике Жуковского 4-стопный ямба–высокочастотный размер, постоянно соперничавший с вольным ямбом, а по статистике строк его обгонявший (это означает, что воль-ным ямбом Жуковский писал чаще, но стихотворения в 4-стопных ям-бах были длиннее),–является жанрово нейтральным размером (ср. романс «Цветок», 1811, «Песня» (Минувших дней очарованье...», 1818), послание «К Плещееву», 1814, альбомная мелочь «Добрый со-вет. В альбом В. А. Азбукину», 1814 и др.). Еще 3 размера кажутся в «песнях и романсах» как бы случайными. Это 3-стопный ямба («Песня» («К востоку, все к востоку...», 1820), «Счастье во сне», Песня («Кольцо души-девицы», 1817), 5-стопный («Голос с того света», 1817, «Воспоми-нание», 1816, «К мимопролетевшему знакомому Гению», 1819), 6-стоп-ный («Песня» («Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье...», 1806, «К нине», 1808). Случайными они кажутся не столько потому, что употреблены всего в 2–3 стихотворениях, сколько потому, что сфера их более активного применения–совсем другая. У 3-стопно-го ямба–дружеское послание В. А. Жуковского (к вопросу о жанро-вой системе поэта) («К Блудову», 1810, «К ив. ив. Дмитриеву», 1813, «Д. В. Давыдову при посылке издания „Для немногих“», 1835 и др.); 5-стопного ямба, знаменитого романтического размера западноевро-пейской поэзии, внедренного в русскую поэзию самим Жуковским,– элегия («На кончину Ея Величества королевы Виртембергской», 1819) и элегическое послание («Государыне йеликой княгине Александре Федоровне. На рождение в. кн. Александра Николаевича», 1818); у 6-стопного ямба–элегия («Сельское кладбище», 1802), идиллия («Идил-лия», 1806), патетическое послание («Императору Александру», 1814 – с парным рифмованием, «Государыне Императрице Александре Федо-ровне», 1828 – с перекрестным рифмованием, «Князю Дмитрию Вла-димировичу Голицыну», 1833–с вольным рифмованием), а также мно-гочисленные

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
мадригалы, эпиграммы, надписи и т. п. малые жанры, в которых мерность 6-стопного ямба нейтрализовалась перекрестным или вольным рифмованием («Брутowa смерть», 1805, «При посылке альбома», 1807 и др.). Таким образом, из основного фонда размеров специфически «музыкальными размерами» являются 4-стопный хорей и разностопный ямб¹⁹. Первый из них – самый частотный размер этой жанровой группы: 30,2 и 33,3% (что в 3 раза больше, чем во всей лирике!). 4-стопный хорей («Желание», «Жалоба», 1811, «Пловец», 1812, «Песнь бедуинки», 1831 и др.) вместе с упомянутым 3-стопным хореем и разностопным (4343 – «К месяцу», 1817, 434344–«Песня» («Где фиалка, мой цветок?..», 1815) образуют прочный метрический каркас песенно-романсной лирики²⁰. Это обстоятельство не исключает возможности использования 4-стопного хорей в балладах, посланиях («К Воейкову», 1814), стихотворениях элегического плана («Ангел и певец», 1823), а также в произведениях с размытыми жанровыми границами («Приход весны», «Елизавете Рейтерн») и др.).

Аналогичная ситуация с разностопным ямбом, который имеет большую интонационную амплитуду, благодаря чему может быть употреблен в произведениях говорного, в частности ораторского, стиля (см. ранние оды Жуковского «Мир», «Человек» и более поздние ораторские стихотворения «Певец во стане русских воинов», «Певец в Кремле», «Русская слава», продолжающие традицию XVIII в. в использовании этого размера). Однако строгая закреплённость конфигурации разностопных строк (главное отличие разностопного ямба от вольного) создает порой очень сложную, но все-таки симметрию, и следовательно, – интонационную инерцию, необходимую для песен, романсов и других произведений напевного стиля. Ср.:

Там небеса и воды ясны! (4)
Там песни птичек сладкогласны! (4)
О родина! все дни твои прекрасны! (5)
Где б ни был я, но всё с тобой (4)
Душой. (1)

¹⁹ Не случайно Б. М. Эйхенбаум для иллюстрации приемов мелодизации привлекает стихотворения Жуковского, написанные 4-стопным хореем («Весеннее чувство») и разностопным ямбом («Вечер», «Песня» («О милый друг, теперь с тобою радость...»), «Певец»). См.: Эйхенбаум Б. М. Указ. соч. С. 365–366, 372–376, 386–387).

²⁰ Относительно высокий показатель хорей в «романсах и песнях» был отмечен О. А. Орловой. См.: Орлова О. А. Интонационный строй песенно-романсной лирики // Стихovedение, лингвистика и поэтика. М., 1996. С. 106.

Тм помнишь ли, как под горою, Осеребряемый росой,
под горою, (4)
(4) (5)

Белелся луч вечернею порою И тишина слетала в лес
лес (4)
(1)

.....)
С небес.

<
(«Там небеса и воды ясны...», 1816)

Из 25 форм разностопного ямба Жуковского в лирике употребляется 17, из них 8 – в романсах и песнях. Только размер 3443 встречается в трех песнях («Сон», «Песня бедняка», «Утешение в слезах»), остальные выступают в качестве метрических неологизмов, созданных для одного стихотворения: 44444343 («Песня в веселый час»), 555545 («Мина»), 55554444 («Верность до гроба»), 55566664 («О милый друг! Теперь с тобою радость!..») и др.

В разработке 4-стопного хорей и разностопного ямба Жуковский опирался на опыт русской поэзии XVIII в., где эти размеры были уже достаточно представлены, а также на эксперименты немецких поэтов XVIII – начала XIX в., у которых и 4-стопный хорей и разностопный ямб были очень популярны (например, в лирике Шиллера разностопный ямб, по нашим подсчетам, составляет 15,8%, а 4-стопный хорей обгоняет 4-стопный ямб; показатели двух последних соответственно – 9,1 % и 8,7%).

Помимо рассмотренных основных размеров, в метрическом репертуаре романсов и песен Жуковского есть несколько периферийных – 2-стопный дактиль («Птичкой певичкою...», 3-стопный амфибрахий («Ночь»), 4-стопный («Мечта»), разностопный («Тоска по милому») и 3-стопный анапест («Слава на небе солнцу высокому...»). Они, при всем их различии, образуют группу так называемых 3-сложников и в таком единении составляют 15,9 – 9,7%, что позволяет им стать заметным явлением напевного стиля. В этой связи уместно вспомнить суждение Б. М. Эйхенбаума, который полагал, что «периоды развития напевного стиля совпадают с расцветом трехдольных размеров, ритмическое разнообразие которых очень ограничено по

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
сравнению с ямбом»²¹.

Новаторство Жуковского–стихотворца проявилось не только в том, что он увеличил общее число 3–сложников в два раза по сравнению с

21 Эйхенбаум Б. М. Указ. соч. С. 332–333.

XVIII в. (где они составляли 2,1–0,7 %) ²², но и в том, что кроме уже освоенных предшествующей эпохой дактилей внедрил в русскую поэзию амфибрахий, который был для нее размером экзотическим и в таком качестве использовался для создания аналога западноевропейских дольников. С особой экспрессией это проявилось в романах и песнях. Возможно, экзотические 3–сложники были наиболее адекватной метрической формой для передачи необычных лирических ситуаций, в которых раскрывалась жизнь сердца открытой Жуковским суверенной личности ²³. Ср.:

Над страшною бездною дорога бежит,
Меж жизнью и смертью мчится; Темпа великанов ее сторожит;
Погибель над нею гнездится. Страшись пробужденья лавины ужасной: В молчанье
пройди по дороге опасной.

(«Горная дорога», 1818)

Вот почему периферийные размеры сыграли такую большую роль в формировании напевного (романтического) стиля Жуковского, став главной его стиховой приметой.

Дополняют представление о «напевном» Жуковском его полиметрические произведения: из 11–ти семь принадлежат к лирике (828 строк). Они включают 17 размеров, причем 4 из них функционируют в монометрическом творчестве: 4–стопный дактиль («Явление богов»), вольный хорей, 6–стопный дактиль, дольник («Смерть Иисуса»), – за счет чего увеличивается метрический диапазон всей лирики. Самое примечательное, что в полиметрии показатель 3–сложников увеличивается на 8%, что свидетельствует о тяготении этих структур к напевному стилю. Об этом же говорит и их жанровая принадлежность.

В XVIII – начале XIX в. полиметрия была, в терминологии М. Л. Гаспарова, «музыкальной», т. е. полиметрическими были главным образом произведения, рассчитанные на музыкальное сопровождение, – кантаты, дифирамбы, куплеты комических опер и т. п. Жу-

²² См.: Вишневский К. Д. Становление трехсложных размеров в русской поэзии // Русская советская поэзия и стиховедение М., 1969. С. 208–210.

²³ Об этом подробнее см.: Кану нова. С. 171–182.

ковский хорошо усвоил законы музыкальных жанров, о чем говорит тот факт, что когда поэт решил «Песнь барда над гробом славян–победителей», 1806, написанную вольным ямбом, представить с музыкой Д. Н. Кашина «на театре» (т. е. фактически превратить стихотворение в кантату), он счел нужным добавить хор в 4–стопном хоре: «Росс! и щит и меч во длань! // Враг за гибелью притек!..» ²⁴ Это фактически означало бы создание «музыкальной полиметрии».

Неосуществленный ранний замысел Жуковского, возможно, дал импульс его дальнейшим опытам. Из 7 полиметрических произведений 5 являются «музыкальными» жанрами: вошедшая в «романсы и песни» «Песнь араба над могилою коня», а также «Явление богов» (перевод «Дифирамба» Шиллера), «Смерть Иисуса. Кантата Карла Вильгельма Рамлера», «Прощальная песнь воспитанниц Института, при выпуске», 1820 (с тремя «голосами», оформленными разными размерами). К ним примыкает «Деревенский сторож в полночь» (из Гебеля), имеющий ярко выраженную рефренную композицию. Если все перечисленные произведения как бы продолжали традиции «музыкальной полиметрии» XVIII в., то два оставшихся – «Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения» (1812) и «На мир с Персией» (1828) – свидетельствуют о стремлении Жуковского выйти за ее пределы и использовать возможности «разнометрии» (А. Х. Востоков) для маркирования композиционных звеньев говорных жанров (ср. аналогичный путь А. С. Пушкина от «музыкальной» полиметрии кантаты «Леда», 1814 к «лирической» – в терминологии М. Л. Гаспарова – полиметрии «Андрея Шенье», 1825).

Выявляя метрические формы напевного говорного Жуковского, мы по существу сделали обзор всех его метров и размеров–основных и периферийных. Понятно, что наша дифференциация метрических форм (3–сложники, 4–стопный хорей, разностопный ямб, полиметрия – с одной стороны, 3–5–6–стопные ямбы, гекзаметр, вольный ямб – с другой) относительно. Речь идет в большинстве случаев о тяготениях, более или менее выраженных. Исключение составляют гекзаметр и вольный ямб, которые в лирике Жуковского употребляются только в говорных жанрах.

Жуковский не открыл гекзаметр для русской поэзии. В первой четверти XIX в. к этому размеру обращались Воейков, Гнедич, Мерзля-

²⁴ См.: ПЖТ. С. 28–29.
ков, Дельвиг и др. ²⁵, но только Жуковский придал ему такое жанрово–стилистическое многообразие. Гекзаметр нашел применение в элегии (второй вариант «Сельского кладбища», 1839), произведениях повествовательного плана («Овсяный кисель», 1816), баснях (переводы прозаических басен Лессинга) ²⁶,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh посланиях и записках (к А. О. Россет-Смирновой, Н. И. Гнедичу), юмористических арзамасских протоколах и т. д.

Такая жанровая широта явилась следствием творческих экспериментов Жуковского с древним размером. В предисловии к «Красному карбункулу» поэт писал, что размер, который «доселе был посвящен единственно важному и высокому», он употребляет «в простом рассказе»²⁷. По аналогии с выводом Ц. С. Вольпе о двух типах гекзаметра в эпосе («эпическом» и «сказочном»)²⁸, отметим и в лирике два полярных типа: первый – мерный, с редкими «стяжениями» (хорейми в дактиле) и переносами, второй – разговорно-простодушный, с обилием «стяжений», внутристриховых пауз и переносов. Первый тип сочетается, как правило, с высокой лексикой, второй – с бытовой. Ср. гекзаметры в посланиях разной тональности:

Тм унываешь о днях, невозвратно протекших, Горестной мыслью, тоской безнадежной их призывая, – Будь настоящее твой утешительный гений! Веря ему, свой день проводи безмятежно! (...)

(«К самому себе», 1813)

(...) Я на всё решиться готов! Прикажете ль – кожу дам содрать с своего благородного тела, чтоб сшить вам Дюжину теплых калошей, дабы, гуляя по травке, Ножек своих замочить не могли вы? Прикажете ль – уши дам отрезать себе, чтоб в летнее время хлопущей Вам усердно служа, колотили они дерзновенных Мух, досаждающих вам, недоступной, своею любовью (...)

(А. О. Россет-Смирновой), 1831)

²⁵ Об этом подробнее см.: Бонди С. Пушкин и русский гекзаметр // Его же. О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1978. С. 310–371.

²⁶ Подробно об этом: Реморова. С. 246–248.

²⁷ Труды общества любителей российской словесности при Московском уни-верситете. М., 1817. Ч. IX. Кн. XIV. С. 49.

²⁸ См.: Вольпе Ц. В. А. Жуковский // Стихотворения. Т. 1. С. XXXIV.

Между этими полярными типами множество переходных форм, создающих основу для применения гекзаметра в разных жанрах.

Еще больший жанровый диапазон у второго говорного размера – вольного ямба. Вольный ямб по существу не прижился только в элегии: в отличие от Пушкина и Баратынского Жуковский в элегии отдавал предпочтение разностопному ямбу (6664 – «Вечер», «На смерть фельдмаршала Каменского», «Славянка»), который переводил произведение в напевный стиль²⁹. В остальных жанрах вольный ямб царил: им писались басни, эпиграммы, мадригалы, послания, произведения альбомной лирики, внежанровые лирические стихотворения. Его функционирование демонстрирует возможности размера в передаче разнообразия говорных интонаций – торжественно-патетических («Песнь барда над гробом славян-победителей», «Пиршество Александра, или Сила гармонии», сказовых (басни), медитативных («Невыразимое»), фамильярно-разговорных («Т. Е. Боку») и др.

Жуковского, как известно, ценившего «разнообразие метров», вольный ямб привлекал обилием модификаций, которые возможны за счет: а) диапазона стопностей, б) пропорций входящих в вольный ямб размеров, в) степени урегулированности (величины группы одной стопности). Диапазон стопностей вольного ямба Жуковского – 1–6 стоп. Соотношение стопностей выражается формулой 6–4–3, т. е. основу составляет 6-стопный ямб, а его ведущими спутниками являются 4- и 3-стопные. Коэффициент урегулированности вольного ямба лирики – 2.0.

Облик вольного ямба Жуковского меняется в зависимости от жанра. Так, например, басенный вольный ямб отличается максимальным диапазоном стопностей, относительно большим удельным весом ульт-ракоротких (1–2-стопных) строк, которые в сочетании с длинными (6-стопными) создают резкие ритмические перепады, необходимые для басенного сказа. Ср.: «Проворно, // Смекнувши, что беда, // Давай бог ноги! „Господа, // Слуга покорный!..“» («Каплун и сокол», 1806).

В вольном ямбе эстетического манифеста, отрывке «Невыразимое», напротив, диапазон стопностей сокращен; отсутствие 1–2–3-стопных ямбов и сочетание более близких стопностей дают мягкую пульсацию

²⁹ Вольным ямбом написана только ранняя, в традициях XVIII в., элегия «От-рывок перевода элегии» («В разлуке я искал смягченья тяжких бед...») из Пар-ни, 1806. ритма медитации: «... Но где, какая кисть ее изобразила? // Едва-едва одну ее черту...» (6–5); «Что видимо очам-сей пламень облаков, // По небу тихому летящих...» (6–4) и т. д.

Стих посланий Жуковского сохранил 3-стопный ямб, от которого в этом жанре отказались Пушкин и Баратынский³⁰. За счет 3-стопного ямба и разной степени урегулированности поэт создал два вида стиха посланий: первый – с частой сменой

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
разностопных строк, отвечающей «непринужденности живого разговора» («Ареопагу», «К Кавелину», «Послания кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину», «К Варваре Павловне Ушаковой» и гр. Прасковье Александровне Хилковой. В Гатчине» и многие другие); второй – с чередованием больших звеньев разной стопности. Этот (более редкий) вид ярко представлен в шутовском послании о павловской луне «Государыне Императрице Марии Федоровне», 1819, в котором 8 метрических звеньев 3–4–6–стопных ямбов от 18 до 80 строк оформляют многочисленные темы этого гигантского (634 строки) послания. По существу первый тип вольного ямба – это переходная метрическая форма, приближающаяся к полиметрии с «кусковым» принципом композиции. Между двумя полярными видами множество переходных форм, сочетающих «пестроту» с небольшими (до 16 строк) звеньями одной стопности («К Вяземскому. Ответ на его послание друзьям», «Поэту Ленепсу, в ответ на его послание ко мне» и др.). Все названные разновидности вольного ямба были в пределах, в нашей терминологии, контрастного (французского) типа – на 6–стопной основе. Особый тип вольного ямба представляет стих трех нерифмованных стихотворений Жуковского – «Путешественник и поселянка», 1819, «То место, где был добрый, свято...», 1829, «Орел и голубка», 1833. В них «унифицирующая» (подводящая строки слева под один ранжир) графика 31, 4– или 5–стопная (а не 6–стопная) основа, частые переносы, которые вместе с «белизной» создавали уникальную стихотворную конструкцию, подготавливающую в лирике самого Жуковского стих «Рустема и Зораба», 1846–1847, а в масштабах всей русской поэзии ставшую прообразом верлибра. Ср.:

30 См.: Винокур Г. О. Вольные ямбы Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 38–39. Л., 1930. С. 26.

31 Унифицирующую графику имеет также «Невыразимое», но вольный стих его – на 6–стопной основе.

(...) Там он томился Три долгих дня, Три долгих ночи И содрогался; наконец Выл исцелен

Живительным бальзамом Всеисцеляющей природы (...)

(«Орел и голубка»)

Обзор метрических форм показал «могущество и разнообразие» (Пушкин) слога Жуковского. Это разнообразие определяется и их большим количеством, и тем, что они формируют различные стили его поэзии. Аналогичную картину можно видеть в строфике поэта. Для понимания особенностей строфического репертуара лирики важно отметить три принципиально важных для поэта новации в каталектике. Первая касается соотношения белых и рифмованных стихов, вторая – дактилических окончаний, третья – отношения к правилу альтернанса.

Нерифмованных стихов в лирике Жуковского предсказуемо намного меньше, чем во всей его поэзии, где они за счет драмы и эпоса составляют 60,9%. Однако и в лирике, что уже менее предсказуемо, показатель белых стихов очень высок – 19,2%, т.е. почти пятая часть стихотворений Жуковского – лирика не имеет рифмы. Белыми стихами написаны его пронзительные любовные признания: «9 марта 1823», «К ней», «(Елизавете Рейтерн)», эстетический манифест – «Теон и Эс-хин», классическая романтическая элегия «Море» и др. Однако белый стих был не экзотической формой для отдельных лирических шедевров, а формой, которую Жуковский хотел сделать нормой для русской поэзии. В белом варианте мы находим у него почти все употребляемые самостоятельные размеры, кроме 6–стопного ямба, 6–стопного и разностопного хореев. В то же время доля белых стихов в каждом размере разная, и можно увидеть вполне определенную тенденцию: белый стих «поддерживает» необычность метрической формы.

Так, нерифмованными были 63,3% 3–сложников (в ямбе и хорее белого стиха в 8–9 раз меньше). Без рифмы у Жуковского не только гекзаметр и элегический дистих, но и все остальные формы неклассического стиха (кроме «Жалобы пастуха», где стих полурифмован); белые

400
ми являются вольные ямбы унифицирующего типа. Во всех случаях отсутствие рифмы как бы маркировало экзотичность формы, усиливало ее выразительные возможности. В белом стихе резко увеличена доля женских клаузул (окончаний): если в рифмованном мужские и женские составляют примерное равновесие, то в белом стихе их соотношение 36,4% – 57,2% за счет гекзаметра и небольшой (в лирике) доли пятистопного астрофического ямба. Оставшиеся 6,4% приходятся на долю белых дактилических окончаний (три «Народные песни», «Боже, Царя храни...» и т.д.). Белые дактилические окончания были уже известны русской поэзии по фольклорным стилизациям. Новаторство Жуковского проявилось в том, что он в трех стихотворениях («Птичкой певичею...», «Отымает наши радости...», «Мотылек и цветы») употребил рифмованные дактилические окончания, что было для русской поэзии открытием. Ср.: «Поляны мирной украшение, // Благоуханные цветы, // Минутное изображение // Земной, минутной красоты (...)

Мужские и женские рифмы в русской поэзии XVIII – первой четверти XIX в.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

менялись по давнему, идущему из XVI в. французскому правилу альтернанса, запрещавшему ставить рядом нерифмуемые слова с однородными клаузулами (типа абаб или АБАБ). Жуковский также обычно соблюдал это правило, даже в произведениях вольной рифмовки. Однако в 37-и произведениях, в том числе 24-х лирических, он это правило сознательно нарушает.

Нарушение альтернанса в лирике идет по четырем линиям: 1) при создании строфы со сплошными мужскими окончаниями (6 стихотворений: «К месяцу», «Утренняя звезда», «Мина», «Мечта», «Летний вечер», «Три путника»); 2) при создании строфы с перемежающимися без правила альтернанса окончаниями (4 стихотворения: «Тоска по милым», «Обет», «Весеннее чувство», «Горная дорога»); 3) при чередовании стрóf (8 стихотворений, в том числе октавы 1819 г., – «На кончину Ея Величества королевы Виртембергской», «Цвет завета», «Взошла заря. Дыханием приятным...»); 4) при парной рифмовке, как мужских («Мой милый друг...», «Смертный и боги» и др. – всего 5 стихотворений), так и женских («Царскосельский лебедь») клаузул. Из беглого обзора видно, что разнообразные пути преодоления французского канона означают переориентацию Жуковского на англо-немецкий стиль рифмовки, выразившийся особенно ярко во внедрении сплошных мужских окончаний. Последнее обычно связывалось с переводом «Шильонского узника» Байрона. Оказывается, что в лирике новаторские опыты в этом направлении были более ранними и не менее эффективными.

Новаторство Жуковского в области каталектики коснулось его разных стилей, но по-разному. Отсутствие рифмы более характерно для разговорных жанров (в романах и песнях, напротив, показатель белых стихов значительно ниже, чем во всей лирике (12,6–7%); эти жанры предпочитают рифмованный стих или полурифмовку). «Мужские» строфы и дактилические окончания дают новую окраску напевному стиху. Еще более рельефна жанрово-стилистическая дифференциация в строфических формах.

В строфике лирики Жуковского пять основных групп со следующими показателями: 1) однострофические произведения (18,7 – 2,2%); 2) строфические (36,2–37,5%); 3) произведения парной рифмовки (5,5– 7,7%); 4) произведения вольной рифмовки (30,1–46,8%); 5) астрофические нерифмованные стихи (9,5 – 5,8%). По этим показателям строфика лирики Жуковского отличается от строфики всей его поэзии, но не так резко, как метрика. Различия сводятся к следующим моментам: во-первых, в лирике (по статистике строк) значительно больше строфических произведений (соответственно 37,5% и 22,0%); по числу произведений обе группы примерно равны; во-вторых, в астрофической части (2, 3, 4 группы) произведения вольной рифмовки и белые астрофические как бы поменялись местами: в лирике больше первых, во всей поэзии – вторых. Сближают два сопоставляемых репертуара близкие показатели однострофических произведений (высокие – по статистике текстов, мизерные – по числу строк).

Строфа лирики Жуковского обнимает от 2-х («Три путника») до 20-ти («Четыре сына Франции») строк. Поскольку строфа, помимо объема, определяется еще метрическим наполнением, каталектикой и конфигурацией рифм, то строфы лирики Жуковского образуют 104 типа.

32 Однострофическими, вслед за Б. В. Томашевским, считаем произведения объемом в 2–8 строк (см.: Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 2. М.; Л., 1958. С. 135), за исключением: а) стихотворений с двумя одинаковыми катренами (в этом случае стихотворение будет входить в группу строфических произведений); б) элегического дистиха; в) белого стиха с однородными окончаниями.

па (во всей поэзии их было 133). Тем не менее, определяющим для дальнейшей характеристики строфических произведений остается объем. Основу репертуара составляют 4-стишия, которыми написано больше половины строфических стихотворений (55,4%), 8-стишия по-являются в каждом четвертом стихотворении этой группы (24,3%) и сильно отстают 6-стишия (4,3 %). Оставшиеся 12 % принадлежат строфической периферии, включающей все экзотические строфы. Если в балладах особой экспрессией обладали 2-стишия, то в лирике – 3-стишия. Все они используются в стихотворениях, отличающихся лаконизмом и остротой лирического переживания («К ней», «Замок на берегу моря», «Stabat mater»). Кроме 3-стиший в лирике Жуковского есть и другие строфы нечетного объема: 5-стишия («Утешение»), 7-стишия («Молитва русского народа»), 9-стишия («Розы расцветают...»). Они, как и 3-стишия, ограничиваются единичными примерами. Более распространены и заметны 12-стишия, объединяющие, как правило, три катрена одинаковой рифмовки («Могущество, слава и благоденствие России», «Любовная карусель...» и др.). Шесть стихотворений состоят из сложных стрóf, самая известная из которых 12+4 ст. в «Певце во стане русских воинов», повторенная в «Певце в Кремле», но в обоих стихотворениях некоторые 12-стишия не имеют 4-стишного «сопровождения». Соотношение основных строфических групп и набор стрóf, рассмотренных, как и в случае с метрикой, на фоне строфического репертуара романсов и песен, позволяет

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
сделать вывод, что напевный стиль Жуковского функционирует только в строфическом варианте. Говорный стиль использует все 5 видов строфической организации, причем одно-строфические и три группы асстрофических произведений могут оформлять только говорные жанры. Таким образом, строфика еще более, чем метрика, выявляет обилие говорных жанров и стилей у Жуковского.

Можно отметить и более частные тяготения романсно-песенного стиля Жуковского. Среди строфических произведений этой жанровой группы 2/3 приходится на 4–6–8-стишия. Как видим, лидеры те же, что и во всей лирике, однако пропорции их существенно отличаются. Значительно увеличена доля 6-стиший (с 4 % до 11,5 %), так что можно говорить об их относительном преобладании в песнях и романсах, а 4-стишия и 8-стишия меняются местами: 8-стиший больше половины, а 4-стишия составляют только треть (а по строкам даже четверть) стихотворений этих жанров. Таким образом, самой частотной моделью романсно-песенного стиля является хореическое 8-стишие (см. цикл «Эолова арфа»), а самыми экстравагантными моделями оказываются 8-стишие, состоящее из трехсложников («Ночь»), разноstopное «муж-ское» 6-стишие («Мина») и полурифмованный разноstopный катрен («Песня бедняка»).

В начале статьи мы задались вопросом, как соотносится лирика Жуковского с общим фоном стихосложения его времени. Но время Жуковского – это полвека. И стихосложение русской поэзии в эти 50 лет существенно менялось. Менялось ли стихосложение лирики Жуковского? Если да, то как? С «веком наравне» или по-другому? Попробуем ответить на эти вопросы, коротко рассмотрев метрические и строфические формы 3-х основных периодов его творчества.

Первый период (1797–1807) – от первых литературных опытов до появления первой романтической баллады.

Интенсивность творчества этого периода – 8,2 стихотворения, 262 строки в год. Средняя величина стихотворения – 32,2 строки. Самый плодотворный год – 1806-й (58 стихотворений, 1481 строка). Метрика этого периода находится в пределах классического стиха: 94–96% стихотворений написано ямбом. Из 46 употребляемых им в лирике размеров в этот период используется только 8. Самый частотный из них – вольный ямб: он абсолютный лидер (49,4–41,4%). 4-stopного ямба в это время в 2 с лишним раза меньше (15,7–27,0%). 6-stopному ямбу принадлежит лишь третье место (21,7–71,3%): здесь его вершина. Из хореических размеров употребляется только 4-stopный, из 3-сложников – самый архаический: 2-stopный дактиль. Только к концу периода появляется «Тоска по милому», написанная разно-stopным амфибрахием. В структуре вольного ямба максимально высок показатель 6-stopного ямба (63 %). Строфика представлена 4 группами стихотворений: однострофические (32,9%), строфические (30,5%), вольной рифмовки (35,4%), парной рифмовки (1,3–4,1%). Однострофические поддерживаются миниатюрой, строфические – элегией (первый вариант «Сельского кладбища») и одой, вольнорифмованные – басней. Парная рифмовка не развита (ее небольшие опыты – «Опустевшая деревня», «Послание Элоизы к Абеляру»). Среди строфических произведений больше половины написано 4-стишиями. Остальные строфические варианты (5–8–10-стишия) все связаны с одой.

Второй период (1808–1824) начинается с появления баллады «Людмила», 1808 и заканчивается выходом 3-томного собрания стихотворений в 1824 г., которое подвело первый итог поэтической деятельности Жуковского.

Прежде всего, обращает на себя внимание повышение интенсивности творчества до 18,1 стихотворения (947 строк) в год. Наиболее производительный год – 1814 (71 стихотворение, 3342 строки). Средняя величина стихотворения (52,5 строки) – самая большая за все время творчества, что связано с созданием крупных патетических стихотворений (два «Певца»), гигантского послания «к Батюшкову» (678 строк), появлением сюжетных стихотворений (переводы из Гебеля).

В этот период происходит расцвет метрических и строфических форм, который особенно впечатляет после скудости метрики и строфики предшествующего периода. Здесь сосредоточены все самые употребительные размеры Жуковского. Ямб по-прежнему преобладает, но количество ямбических строк уменьшается на 20 %. Внутри ямбического массива происходят существенные изменения, из них самые важные: 1) выдвижение в лидеры 4-stopного ямба, который в это время обгоняет вольный ямб, сократившийся вдвое (при этом в структуре вольного ямба происходят изменения: уменьшается доля 6-stopного ямба и увеличивается доля 4-stopного, поскольку размер из басни перешел в послание); 2) появление романтического 5-stopного ямба, который сначала вытеснил 6-stopный из высокого послания («Вождю победителей», 1812; «Старцу Эверсу», 1815 и др.), а потом освоил элегию и элегическое послание; доля лирического 5-stopного ямба здесь самая большая из всех трех периодов (7,2–8,7%); 3) сокращение вдвое доли 6-stopного ямба (10,1–7,5%); 4) существенное увеличение пропорции 3-stopного ямба, по строкам занимающего десятиую часть репертуара: им пишется множество посланий. Разноstopные ямбы по числу стихотворений увеличиваются (с 6% до 8,5%), но

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
главная их особенность – разнообразие модификаций. В этот период активно разрабатываются 3-сложники: общее их число увеличивается вдвое, среди 3-сложников лидирует амфибрахий. Картину этого метрического разнообразия завершает появление форм неклассического стиха (гекзаметра, элегического дистиха, логэдов) и поэмности (6 из 7 полиметрических стихотворений созданы в это время).

В строфике второго периода присутствуют все 5 видов строфической организации: добавились белые астрофические произведения в гекзаметрах, белом вольном, а также пятистопном ямбе. Начало пятистопного ямба без рифмы и без постоянной цезуры – тоже здесь («Тленность», 1818). Соотношение остальных видов строфики изменилось: почти вдвое уменьшилось число однострофических стихотворений (эпиграммы и другие миниатюры отступили под напором романсов и песен); слегка (на 8 %) увеличилась доля строфических произведений; вольная рифмовка осталась столь же популярной, но связана она теперь не с басней, а с дружеским посланием. В строфических произведениях представлены все виды строф, кроме 20-стишия. Лидеры первого периода, 4-стишия несколько отступили (50,9%), зато 8-стишия решительно заняли треть строфических произведений, в этот период наступает их пик. Появились 6-стишия, которых здесь вдвое больше, чем во всей лирике. В это время создана большая часть произведений с нарушением правила альтернанса. Все стиховые новации этого периода, рассмотренные в контексте оппозиции «классицизм – романтизм», показывают, что стиховые формы Жуковского явились результатом становления романтического метода Жуковского и, в свою очередь, участвовали в его формировании.

Третий период (1825–1852) включает в себя все оставшееся лирическое творчество Жуковского, совмещавшееся с педагогической деятельностью и работой над крупными эпическими произведениями. Интенсивность лирического творчества резко сократилась – до 4,2 стихотворения (126 строк) в год. Исключение составляет только 1831 г., когда написано 22 стихотворения (669 строк). Средняя длина стихотворения уменьшилась до показателя первого периода (30,2). Метрика и строфика стали богаче, чем в первое десятилетие, но уступают буйству форм второго периода и выглядят скромными на его фоне. И в метрике, и в строфике происходят существенные изменения. Ямб продолжает быть основным метром классического стиха, но его доля сильно сокращается – с трех четвертей предшествующего периода до половины. Зато увеличивается доля хорей (23,1–27,1%) и 3-сложников (10,6–7,7%), а также неклассического стиха (22,1–12,2%). В пропорциях ямбических размеров усиливаются уже наметившиеся тенденции: продолжают падать вольный ямб (8,6–5,4%) и ямб 6-стопный (2,9–4,8%). К ним присоединяется и разностопный ямб, сократившийся до 2,9–4,8%. Немного уменьшилась и доля 5-стопного ямба: он теперь, освободившись от цезуры и рифмы, осваивает эпос.

Строфика отражает и тенденцию стабилизации, и тенденцию эволюции. Три группы – однострофические, строфические, парной рифмовки – остались примерно равными с показателями предшествующего периода. Новшество касается двух оставшихся астрофических групп: вольной рифмовки стало значительно меньше (по строкам в два раза), а астрофических стихов однородной и перемежающейся каталектики («Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне приветствие от русских...», 1851) – значительно больше (26,6–32,6 %) зн, в чем явно сказывается влияние работы над эпосом. Существенные изменения произошли в строфических произведениях: доля 8-стишия сократилась почти в 3 раза (13%), а доля 4-стишия возросла до *А (73,9–56,0%), что свидетельствует об упорности строфики позднего Жуковского.

Если теперь соотнести стиховые характеристики рассмотренных выше трех периодов творчества поэта со стихосложением XVIII – первой половины XIX в., обрисованным в уже упомянутых работах К. Д. Вишневого и М. Л. Гаспарова, то становится очевидно, что Жуковский первого периода – по набору и пропорциям метров и размеров, структуре вольного ямба, строфическому репертуару – ориентирован на опыт XVIII в., из которого усваивается наиболее характерное.

Жуковский второго периода отражает многие тенденции стихового развития первой четверти XIX в., в частности, по ряду показателей (лидерство 4-стопного ямба, преобладание амфибрахий среди 3-сложников, процент разностопного ямба и др.) стих Жуковского – лирика близок пушкинскому канону. Вывод этот не является непредсказуемым, поскольку Жуковский второго периода, лирического по преимуществу, активная фигура литературной жизни, стих его не только отражает тенденции времени, но и формирует их.

Гораздо неожиданнее оказался вывод, что более скромное лирическое творчество третьего периода, при всем его очевидном своеобразии (завышенный показатель неклассического стиха; заниженный –

33 За счет увеличения астрофических стихов показатель строфических произведений

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh отстает от аналогичного показателя по второй четверти XIX в. (57,8). См.: Вишневский К. Д. Введение в строфику // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 55. 6-стопного ямба, переживающего в русской лирике этих лет второе рождение; большая доля белого астрафического стиха и др.), тем не менее отчетливо отражает глобальные тенденции стихового развития второй четверти XIX в., выразившиеся в падении ямба, росте хорей и 3-сложников, упрощении строфики, что говорит о феноменальном ощущении «форм времени» Жуковским-лириком. Эволюция Жуковского в аспекте соотношения напевного и говорного стилей предстает как движение от говорного стиля первого периода к напевному второго и третьего. Напевные стили Жуковского всегда уравнивались большими массивами говорных стилей, что и создало не только «пленительную сладость», но и «могущество и разнообразие» стиха первого русского романтика.

Рифма Жуковского

Хотя Жуковский в своей эволюции двигался к белому стиху, связывая с ним «сущность поэзии»³⁴, и 2/3 всех его стихов (* / 5 лирических) написаны без рифм, он был искусным «рифмователем», что отмечалось еще современниками: «Не ты за ней бежишь, она тебе вослед (...) Не спотыкаешься ты на конце стиха // И рифмою свой стих венчаешь без греха» (П. А. Вяземский. «К В. А. Жуковскому: Подражание сатире III Дездемо», 1819). Сам Жуковский неоднократно упоминал рифму в стихах, а «(Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину)» превратил в самостоятельный стихотворный трактат по рифмологии, что говорит о большом внимании поэта к рифме. Однако рифма Жуковского изучена гораздо меньше, чем метрика и строфика. Правда, рифме Жуковского посвятил небольшую главку Д. Самойлов в «Книге о русской рифме» (М., 1982), о рифме Жуковского писали В. М. Жирмунский, В. Е. Холщевников, М. Л. Гаспаров³⁵, но всякий раз в связи с теорией или историей русской рифмы. Предметом специального изучения она еще не была.

³⁴ См. дневниковую запись от 27 октября (8 ноября) 1838 г.: «Разговор (...) о тенденции нынешней поэзии. Белые стихи. Сущность поэзии» (Дневники. С. 434).

³⁵ См.: Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория. Пг., 1929 (ср.: Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975. С. 324–362); Холщевников В. Е. Еще раз об истории русской рифмы от Ломоносова до Лермонтова // Холщевников В. Е. Стихословение и поэзия. Л., 1991. С. 150–165; Гаспаров М. Л. Эволюция русской рифмы // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 3. М., 1997. С. 326–339.

Рифма, как известно, многоаспектный компонент стиха. Традиционные аспекты ее изучения – фонетический, морфолого-грамматический, семантический.

Некоторые фонетические особенности рифмы Жуковского были отмечены уже современниками поэта, оценившими прежде всего ее точность, выразившуюся, по словам С. П. Шевырева, в рифмовке «не для одного слуха, но и для глаза»³⁶. На языке научных категорий эта отличительная особенность означает, что Жуковский переходит на точную рифму, отталкиваясь от опытов неточной рифмы своего ближайшего предшественника Державина и возвращаясь к традиции точной рифмы сумароковской школы (последняя, как известно, в русской рифмологии вообще принимается за точку отсчета точности рифмы)³⁷. Следует, однако, отметить у Жуковского немногочисленные случаи отступления от этой традиции.

У поэта, согласно современным стиховедческим дефинициям, встречаются приблизительные рифмы (когда тождественны заударные согласные и различаются заударные гласные) и неточные (когда гласные тождественны, а согласные различаются). В отмеченных 14 приблизительных рифмах³⁸ (всегда женских) чередуются:

1) чаще всего е–я: мгновенье–разрушенья, Провиденья–определены, воображенья–определенье («Человек»), ржанье–стенанья («Песнь барда...»), разделенья–уничтоженья («К Филалету»), уединенья–поколенья («Царскосельский лебедь»);

2) е–и: ищет–слышит («Мир»), хочет–проскочит («Что такое закон?»);

3) о–а: обильна–сильно («Бородинская годовщина»).

Неточными в собственном смысле слова у Жуковского могут быть и женские, и мужские рифмы. В женских неточных – три типа:

1) замена (термин Гаспарова) согласных в заударной части слова: поникнет–возникнет («Добродетель»), великосердный–превознесенный

³⁶ Цит. по кн.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 144.

³⁷ См.: Гаспаров М. Л. Указ. соч. С. 142–146; Заиладов В. А. Державин и русская рифма XVIII в. // Державин и Карамзин в литературном движении конца XVIII – начала XIX в. Л., 1969. С. 54–78.

³⁸ Подсчеты сделаны по изданию: Жуковский В. А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.; Л., 1959 (с. 1).

(«Мир»), стремишься–льстится, неправосудной–неприступной («Человек»), рокот–хохот («К Воейкову»;

2) прибавление дополнительного звука (в терминологии Гаспарова: «пополнение»)

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

– а) в конце клаузулы: героем–бое («Мир»), благо–датном–приятна («Стихи, сочиненные в день моего рождения»); б) в середине клаузулы: благодатный–крылатый («Мир»);

3) замена согласного йотом: блаженном–примиренный («Мир»). В мужских неточных также три типа:

1) мужские открытые неточные с заменой предударного (так называемого опорного) согласного: сыны–львы («Мир»), земли–твои («Чело–век»), стекло–никого («Кот и зеркало»), скривя–себя («Мартышки и лев»);

2) мужские закрытые – а) с заменой заударных согласных: небес – сердце («Добродетель»), б) с пополнением: сонм–кругом, сонм–гром («Песнь барда...»), в) с рифмовкой твердого и мягкого согласного: брань–тиран («Человек»), быть–устрашит («Стихи, сочиненные в день моего рождения»), любовь–листов («1-ое июля 1842»);

3) мужские закрыто–открытые неточные: мне–ней («Любовная ка–русель»–единственный случай).

Неточные рифмы Жуковского (приблизительные и собственно не–точные) занимают незначительное место в стиховой системе поэта, од–нако их разнообразие неожиданно для поэта с репутацией рифмующе–го «для глаз». Все виды неточных рифм сконцентрированы главным образом в раннем творчестве³⁹: в высоких (оды «Добродетель», «Мир», «Человек» и «Песнь барда над гробом славян–победителей») и низких (басни) жанрах, что вполне соответствует жанровому диапазону неточ–ной рифмы середины XVIII в. и Державина.

После 1806 г. неточные рифмы практически полностью исчезают; отдельные образцы появляются уже в самом конце творчества («Боро–динская годовщина», «Царскосельский лебедь»), и это доказывает: не–точные рифмы раннего Жуковского–не поэтически погрешности, а усвоение державинской традиции⁴⁰, которую Жуковский быстро пре–

39 На неточные рифмы молодого Жуковского впервые указал В. М. Жирмун–ский. См.: Жирмунский В. М. Указ. соч. С. 358.

40 О неточной рифме Державина и его предшественников см.: Занадов В. А. Указ. соч. С. 69–91.

одолеет, но к которой вернулся, завершая свой творческий и жизнен–ный путь. Появление нескольких приблизительных, неточных, а также, как будет показано дальше, множества йотированных рифм среди «дол–бинских стихотворений» 1814 г. свидетельствует о том, что жанры, на–ходящиеся на грани литературы и быта (дружески–фамильярные по–сылания, записки и т. п.), были для Жуковского ареной всякого рода «вольностей» в области рифмы.

Среди рифм Жуковского особое место занимают рифмы типа: вели–кий–владыки, увиты–знаменитый («Пиршество Александра»), кото–рые долгое время именовались «усеченными», а в последнее время, после работ М. Л. Гаспарова по истории русского стиха, чаще называются йотированными. Йотированные в поэзии Жуковского, по Гаспарову, со–ставляют 7–8%. Подтверждая статистические данные М. Л. Гаспарова, мы предлагаем дифференцировать йотированные по степени неточно–сти: 1–я степень–когда йотированные рифмы различаются только йотом (драгоценный–священны, достойно–спокойной –«К Батюшко–ву»); 2–я степень – когда рифмы различаются и гласным и йотом (на–прасно–ужасный – «Желание», оливой–счастливы – «К Тибуллу»).

Первый тип назовем «собственно йотированные», второй–«йоти–рованные неточные» (логически применяем типологию неточных рифм). Понятно, что 2–я степень неточности – это большая свобода («деканонизация», по жирмунскому) рифмы. Процентное соотношение перечисленных типов–60,3: 26,6: 13,1, т. е. у Жуковского рифм типа «милый–могилы» («Ареопагу») вдвое больше, чем рифм типа «милый–силой» («К Батюшкову»), и в четыре раза больше, чем рифм типа «милый–светило» («Вспомни, вспомни, друг мой милый...»).

В диахронии три типа йотированных рифм ведут себя по–разному. Наиболее равномерно (в пределах 25–30%) на протяжении всего творчества Жуковский употребляет приблизительные рифмы. Исключе–ние составляют только 1815–1819 гг., когда доля их резко сокраща–ется. Неточных (самых раскованных) рифм у Жуковского больше при–веденного выше среднего показателя в 20–30–е гг. (16,1 %). Особенно много их в ранний период творчества (первое десятилетие)–до 22,2 %. Таким образом, судьба неточных йотированных рифм повторяет судь–бу собственно неточных: они обрамляют творчество поэта.

Составляющие основной массив (2/3) йотированных рифм собствен–но йотированные (1–й тип) слегка сокращаются только в первое десяти–летие и в 20–30–е гг., зеркально отражая поведение неточных. Замет–ными йотированные стали с 1808 г.– после того как рифма «единый – Мальвина» выразительно завершила песню «Мальвина» и сразу 4 риф–мы («дубравой–величаво», «Серафимы–боготворимый», «Серафимы – зримый», «воспаленный–оглашенны») появились в «Гимне». С той поры, неизменно

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh оставаясь в репертуаре рифм поэта, йотированные именно этого типа стали выразительной приметой его стиля.

Не случайно в «Царскосельском лебедя», в котором Жуковский ог-лядывается на все свое творчество, он употребляет 6 йотированных рифм («глубоко–одинокой», «стройно–спокойной», «лебединый–Екате-рины», «чудесно –поднебесной», «защиты–позабытый», «Екатерины – лебединый»), которые вместе с двумя уже вышеупомянутыми приблизи-тельными составляют почти четвертую часть рифм этого стихотворе-ния. Очевидно, это–своеобразная формулировка вклада в историю стихотворного стиля русской поэзии: державин в «Памятнике» на-помнил современникам и потомкам о своем «забавном русском стихе», а Жуковский – о своих йотированных рифмах.

Фонетическая характеристика рифмы непосредственно связана с вопросом о богатстве рифмы. В. А. Западов показал, что для поэтов XVIII в. «богатой» и «звонкой» рифмой была, прежде всего, рифма точная. В этом смысле рифма Жуковского богатая и звонкая уже пото-му, что она точная. Однако в стиховедении есть еще один традицион-ный показатель богатства рифмы–совпадение или несовпадение опорных (предударных) звуков. Так, например, из двух точных рифм «Царскосельского лебедя» (звездами–водами, звездами–крылами), со-гласно общепринятым дефинициям, первая является богатой, а вто-рая– бедной (хотя семантика терминов, особенно второго, не вполне адекватно отражает существо явления).

В исследовании по рифмологии не раз отмечалось, что увлечение совпадением опорных звуков является результатом ориентации на французскую школу рифмовки, а сдержанное отношение к ним – на английскую и немецкую⁴¹. Жуковский свободно следовал и той и дру-

⁴¹ См.: Жирмунский В. М. Указ. соч. С. 306–308; Жовтис А. Л. Опорный соглас-ный в рифме // Исследования по теории стиха. Л., 1978. С. 75–84; Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 3. М., 1997. С. 295–298.

гой традициям. Техника его рифмовки в этом плане предстает разно-образной. Он мог рифмовать с интенсивным совпадением опорных звуков и мог вполне обходиться без него. Ср., например, последнюю строфу «Горной дороги», где опорные звуки совпадают во всех рифмах (мужской открытой, женской, мужской закрытой):

Царица сидит высоко и светло

Па вечно незыблемом троне; Чудесной красой обвивает чело

И блещет в алмазной короне; Напрасно там солнцу сиять и гореть:

Ее золотит, но не может согреть.

и «Стихи, сочиненные в день моего рождения», где среди 20 рифм только одна с совпадением опорного звука (пройдет – найдет).

Статистический анализ позволяет обрисовать следующую картину эволюции стихотворной техники поэта по этому параметру. В первые годы рифма с совпадающими опорными звуками составляет 10–11 %. Уже в 1806 г. их показатель вырастает до 13%. В 1812 г. в объемном послании «к Батюшкову» он поднимается до 15%. Кульминация риф-мовки с опорными звуками – романсы и песни 1815–1818 гг.– 27%. Вышеприведенный пример из «Горной дороги» красноречиво иллюст-рирует эту тенденцию. Затем у Жуковского начинается постепенное охлаждение к богатым рифмам: в лирике 1819 г. они составили 19,5%, в 20-е гг.– 17 %, в 30-е – всего 13%.

Рассматривая вопрос о точности рифмы Жуковского, мы анализиро-вали главным образом правую (по отношению к ударному слогу) часть рифмы. Анализ опорных звуков переключил наше внимание на ее левую часть, и мы таким образом сталкиваемся с проблемой «левизны рифмы», поставленной, как известно, В. Я. Брюсовым применительно к рифмам Пушкина. Брюсов показал, что помимо опорных звуков Пушкин «согла-совывал также ряд других доударных звуков»⁴². К аналогичному выводу пришли и мы, анализируя левую часть рифмующихся слов Жуковского.

Доударные звуковые переключки Жуковского очень разнообразны. Самыми характерными для него (как и для Пушкина, насколько мож-но судить по наблюдениям Брюсова) представляются две рифмы из

⁴² Брюсов В. Я. Левизна Пушкина в рифмах // Брюсов. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М., 1975. С. 156.

«Певца во стане русских воинов»: «смелый–стрелы» и «смелый–весе-льгй»: В первой согласуются начальные звуки рифмующихся слов, во второй – начальный с опорным. Первый тип в стиховедении получил название звуковой анафоры. Звукбвые анафоры могут быть на фоне совпадающих опорных звуков (кусты – красоты, волны–вышины), а могут (как бывает чаще всего у Жуковского) давать компенсацию их отсутствия (надежды–невежды, спаситель–смиритель, песнопенье–Провиденье, досуга–друга и т.п.– все примеры взяты из послания «К Батюшкову»).

Звуковые анафоры Жуковского возникают на совпадении не только первых звуков (как в вышеприведенных примерах), но и первых двух рядом: пропал–призвал («Человек»),

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
услаженье–успокоенье («Сон мо–гольца»), ползущих–падуших,
неумолимый–неотразимый («К Батюшко–ву») и др.; первых трех рядом:
простота–правота («Певец во ста–не...»), созерцатель–создатель («К кн.
Вяземскому»), молодой–молвой («Цвет завета») и др., и даже четырех первых рядом:
неправосудной– неприступной («Человек»).

Отмеченное согласование начального звука с конечным одинаково успешно
разрабатывается Жуковским в двух вариантах: как «поваре–нок–ребенок» и как
«ребенок–поваренок» (оба примера из «Плача о Пиндаре»). В первом случае опорный
звук верхнего рифмующегося слова как бы делает акцент на начальном звуке нижнего
слова; во вто–ром– начальный звук верхней строки как бы находит отзвук в
опор–ном нижней строки. В обоих случаях «левые» созвучия делают рифму Жуковского
«глубокой».

У каждого из рассматриваемых основных типов левых созвучий Жуковского существует
множество разновидностей. Так, у первого ти–па два начальные звука могут
образовать не симметричные согласова–ния, а с зеркальной перестановкой звуков:
встать–сверкать («Ареопа–гу»); созвучия могут образовывать как сплошные массивы
текста: ти–шине–вышине («Песнь барда...»); божества–торжества («К Воейко–ву»),
пробудно–правосудно («Вечер»); невозвратно–развратной («К Ба–тюшкову»), так и
раздвинутые: взгляд–возвестят («Мальвина»), правди–вых– несправедливых,
Провиденья–определенье («Человек»), Бородина – собрана («Бородинская
годовщина»).

У второго типа–опорный звук согласуется не с первым звуком, а со вторым (певец –
Творец, пугал–играл, Спаситель–истребитель, вели–кап–океан) или с третьим
(прах–струнах, листов–мотыльков) или по–вторяться в рифмующемся слове несколько
раз (не писал–просвистал).

Особо отметим способность рифмы Жуковского подтягивать звуки стоящих рядом слов.
Так, в «Певце во стане...» рифма «Багратион – он»–явно бедная. Однако она
воспринимается как богатая благодаря контексту: «И ты, и ты, Багратион? (...)»
Вотще их плач... во гробе он». Звуки, образующие имя прославленного полководца,
содержатся в части строки («во гробе»), прилегающей к рифме.

Рифма Жуковского может подпитываться звуками не только рядом стоящих слов, но и
звуковым комплексом нескольких строк. В этом от–ношении показательно
стихотворение «Весеннее чувство», типичное произведение напевной лирики с
характерными для нее мелодиче–скими ходами:

Легкий, легкий ветерок, что так сладко, тихо веешь? что играешь, что светлеешь,
Очарованный ноток?..

Рифменная пара «веешь–светлеешь» имеет в левой части звуковой комплекс в–т–л,
который является смещенным повторением набора этих же звуков (л–в–т) в первых
трех строках приведенного катрена. Яркие ал–литерации текста, усиленные рифмой,
вместе с лексическими и синтакси–ческими повторами и создают те эмоциональные
волны, в которых начи–наются знаменитые метаморфозы поэтического слова
Жуковскогс**3.

Проявлением богатства левых созвучий являются у Жуковского погло–щающие рифмы
(рифмы, в которых одно рифмующееся слово полностью входит в состав другого)44. К
ним у поэта было пристрастие, и пристра–

43 Целостный анализ «Весеннего чувства» см.: Матяш С. А. «Весеннее чувство» В,
А. Жуковского // Анализ одного стихотворения. Л., 1985, с. 90–98. См. также
интересные наблюдения над звукообразом–доминантой, включающим рифму
«крик–варвик» в кн.: Янушкевич. С. 93.

44 Кажется, впервые на поглощающие рифмы Жуковского обратил внимание
В. Е. Холшевников, отметивший их в балладе «Людмила» в качестве возможного
образца для Пушкина–лицеиста. См.: Холшевников В. Е. Стихосложение
Пушки–на–лицеиста // Пушкин А. С. Лирика лицейских лет. 1813–1817. спб., 1994.
С. 413. К наблюдениям исследователя мы можем добавить, что некоторые рифмы,
употребляемые Жуковским (такие как: век–человек, кумир–мир, след–лет, их– зatih,
он–Наполеон, луг–плуг, годы–оды, ночи–очи), можно встретить в перечне
стие длительное. Так, 4 поглощающих рифмы мы находим в одном из первых его
произведений–оде «Добродетель» (1798): природа–рода, предстала–стала,
видит–ненавидит, кумир–мир и столько же–в одном из последних–«1–е июля 1842»:
полночи–очи, победоносец–бедоносец, оргий–Георгий, бед–побед. А во всем
творчестве в среднем 2 поглощаю–щие рифмы на 100 рифмопар (с более крупными
массивами в 1806, 1812, 1814–1815 гг.). Максимум поглощающих рифм в лирике
1820–хгг. (3,6%).

При образовании поглощающих рифм в половине случаев жуков–ский использовал
односложные слова (лет–полет, велик–лик, дев – поседев, игрой–рой, дел–предел,
ждал–дал, мной–земной, стенам – нам, мы–тюрьмы, ты–мечты, крестам–там и др.).
Вторая половина–на поглощающих образована двух– (очень редко–трех–) сложными
словами: лики–клики, бою–собою, поруку–руку, прозе–розе, физик– метафизик и др.

Поглощающие рифмы могут быть не только с совпадающим опорным звуком (как в вышеприведенных примерах), но и без него (их–утих, ад – невпапад, он–Наполеон, закон–он, мы– тюрн–мы, бурны–урны и др.). Обилие и разнообразие поглощающих рифм у Жуковского свидетельствует об исключительном чувстве слова у поэта, о том чувстве слова, которое он демонстрировал в «(Посланиях кн. Вя–земскому и В. Л. Пушкину)», выясняя этимологию слова «вероломство»:

Но, друг, не правда ли, что здесь твое потолстев Не к смыслу привело, а к рифме вероломство! Скажи, кто этому словцу отец и мать?

Известно: девственная вера
И буйствснный глагол – ломать.

(В процессе этого выяснения возникла поглощающая рифма «мать – ломать».)

Поглощающая рифма в каждом конкретном случае имеет свою се–мантику (например, комический эффект имеют такие рифмы с имена–ми собственными, как: Бок–лежебок, нос–Минос и др.), однако уни–версальный смысл и значение поглощающих рифм – в своеобразной реализации метафоры, в возвращении слову его первоначальной об–разности (ср.: видение–Провидение, чист–многоречист, вольным–до–вольным, сила–согласила, творит–животворит и т. д.).

поглощающих рифм Пушкина, приведенном Брюсовым (см.: Брюсов В. Я. Указ. соч. С. 157–158).

Как уже было отмечено, рифма–многоаспектный компонент сти–ха, и следующая ее характеристика–с точки зрения соотношения рифм грамматически однородных, т. е. с принадлежностью рифмующихся слов к одной части речи (тишина–луна, пронзил–склонил, воен–ной–незабвенной и т. п.), и грамматически разнородных, т.е. с при–надлежностью рифмующихся слов к разным частям речи (круговой – рукой, хвала–увлекла, лет–вослед, нами–делами и т. п.– все примеры из «Певца во стане русских воинов»).

Как и во всей русской поэзии, у Жуковского преобладают однород–ные рифмы, но степень этого преобладания в разные периоды творче–ства и в разных жанровых группах различная. Наиболее высок пока–затель однородных рифм (свыше 90 %) в первое десятилетие творчест–ва. Далее показатель однородных неуклонно снижается, а разнород–ных–соответственно повышается: от уль в первом десятилетии до бо–лее 2/3 в 20–е гг., на которые приходится их пик; в 30–е гг. наблюдается некоторый спад разнородных, но ниже 25% они уже не опускаются. Поскольку общее направление эволюции рифмовки – «от однородных к неоднородным рифмам»⁴⁵, то совершенно очевидно, что полувеко–вой творческий путь Жуковского в данном аспекте совпадает с магист–ральным путем развития русской поэзии.

Поскольку, как отметил М. Л. Гаспаров, движение от однородных рифм к неоднородным означает движение «от подчеркнутого параллелизма к затушеванному»⁴⁶, априори можно предположить, что у Жу–ковского наиболее грамматическими (или менее разнородными) будут рифмы романсов и песен. И действительно, во всех периодах в роман–сах и песнях разнородных рифм меньше, чем в других жанрах. Харак–терные для напевной лирики мелодические ходы, основанные на раз–личных формах симметрии, способствуют появлению рифмы, грамма–тически однородной, подчеркивающей параллелизм ритмико–синтак–сических структур. Ср. «Песня», 1806:

Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье, Как сон пленительный, вся жизнь моя текла. Но я тобой забыт,–где счастья привиденье? Ах! счастием моим любовь твоя была!

⁴⁵ Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 3. С. 293.

⁴⁶ Там же.

Однако, по нашим наблюдениям, и в напевном стихе есть своя эво–люция техники рифмовки: достаточно сравнить процитированную «Песню» («Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье...») 1806 г. или романс «К Нине» (1808), где нет ни одной разнородной рифмы, с «Песней» («Минувших дней очарованье...») 1818г., где из 12 пар рифм 7 разнородных (ты–мечты, бывалой–стало, прежде–надежде, грудь – будь, новом–покровом, нет–лет, старины–положены). Эволюция сти–ля рифмовки в цифровом выражении выглядит как движение от 8,3% к 17–20% (исключение составляют романсы и песни 1818 г., в которых показатель разнородных поднимается до 36,1 %, что связано с изменениями ритмико–синтаксических контуров самой напевной лирики).

Проблема семантики рифмы – вообще область, мало разработан–ная в стиховедении. В конкретных исследованиях семантический ас–пект рифмы, как правило, включает вопрос об оригинальности риф–мы, функции рифмы в конкретных текстах и др. Начнем с вопроса об оригинальности. Надо полагать, что Жуков–ский, собиравшийся за авторским правом на рифму идти «к самому престолу Аполлона», завести «процесс за рифму» («(Послания к кн. Вя–земскому и В. Л. Пушкину)»), был далеко не безразличен к этому во–просу. Его решения он искал в разных направлениях. Рассмотренные поглощающие рифмы были, очевидно, первым (вполне успешным)

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский Zhu
направлением этих поисков! Другим направлением стали рифмы с включенными в них
именами собственными – мифологическими (Феба – неба, Орфей–Аре я, Фемиды–обида,
тестом – Орестом, Эвмениды–Ао–ниды, Альцидоной–золоченой, Элоизой–ризой,
Грея–лакея, Пиндар – пожар, взоров – Суворов, ударов–Кайсаров,
Платов–супостатов, ров – Чернышев и т. п.). И в том и в другом случае Жуковский
в своих поисках мог опереться на опыт своих предшественников – поэтов XVIII в.,
в частности на опыт Державина с поглощающими рифмами⁴⁷ и Муравьева–с именами
собственными⁴⁸.

Однако представляется, что для Жуковского не менее значимым был опыт Карамзина,
который, по наблюдениям Ю. М. Лотмана, «под–
47 Ср. рифму «мире–Кашемире» в «Фелице» (1782) Державина и «мир–Каше–мир» в
стихотворении «Лалла Рук» (1821) Жуковского.

48 Об этом приеме у М. Н. Муравьева и других поэтов XVIII в. см.: Западков В. А.
Указ. соч. С. 75–78.

черкнуто избрал наиболее доступные, тривиальные рифмы»⁴⁹. «Доступные,
тривиальные рифмы» были у Жуковского на протяжении всего творчества, в чем легко
можно убедиться, взяв наугад любое произведение. Ср., например, рифмы
моей–своей, скорей–моей, венки–уголок, рай–утешай в «Стихах, сочиненных в день
моего рождения», 1803 и рифмы нет–поэт⁵⁰, катался–спасался, живой–порой, вас–час
в послании «Графине С. А. Самойловой», 1819. При этом Жуковский никогда не
избегал глагольных рифм (которые во все времена считались самыми
элементарными): их показатель у него никогда не опускается ниже 10%.

Гениальность Жуковского–стихотворца и Жуковского–поэта заключается в том, что
он сделал рифму органической частью всей своей поэтической системы. Самые
обычные слова, объединенные звуковым созвучием, не только высвечивают
дополнительный смысл друг в друге, но и образуют новый смысл, по–разному
соотносимый с общим смыслом художественного целого. В то же время в
художественном мире Жуковского обычные слова, как было показано еще Г. А.
Гуковский, обрастают дополнительными обертонами, обретают семантическую
емкость и подчас знаковую (см., например, рифмы в «Таинственном посетителе»:
пеленой–порой, бывало–покрывало, покрывало – стало, связанные с романтическим
мотивом покрывала⁵¹, и др.).

Очевидно, можно говорить о «романтических» рифмах Жуковского, в которых
участвуют ключевые образы его поэтической системы – «воспоминанье»
(послания–воспоминанья, воспоминанья–свиданья), «душа» (душой–тобой,
душа–соверша, душой–иной, душой–судьбой, дыша–душа), «красота» (красоты–цветы,
высота–красота, ворота – красота, красоту–наготу, толпой–красотой,
красоты–черты), «невыразимое» («невыразимый–незримый»), «надежда»
(надежда–одежда, прежде–надежде), «очарование» (очарован–прикован,
очарованья–же–ланья, очарованье–воспоминанье, сиянье–очарованье). Последняя при–
49 Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Полное собрание
стихотворений. М.; Л., 1966. С. 30.

50 Среди многочисленных рифм Жуковского со словом «поэт» только одна рифма
«поэта–кабриолета» («Т. Е. Боку») имеет налет экзотики, а остальные –
«доступные, тривиальные»: поэт–свет, поэт–нет, поэт–найдет, поэт–сует и др.

51 О значении образа покрывала в связи с идеей романтического преображения мира
см.: Янушкевич. С. 117.

веденная рифма из «Привидения», 1823: сиянье–очарованье–спустя 30 лет появилась
в «Последней любви» Ф. И. Тютчева⁵².

Опираясь на исследование В. М. Жирмунского, В. Е. Холшевников противопоставил
функцию рифмы в напевном и говорном стихе: в первом она «играет роль по
преимуществу звуковую и маркирующую конец стиха», в говорном рифма приобретает
«еще и заметное смысловое значение»⁵³. По нашим наблюдениям, рифма Жуковского
не дает основания для такой дифференциации. Она и в говорном, и в напевном
стихе имеет большое «смысловое значение». Отметим несколько характерных случаев.
Рифма может почти буквально совпадать со строкой или частью строки, делая ее
особенно значимой, как в миниатюре «Смерть» (1814), где рифма «свет–нет»,
совпадающая с концом последней строки, многократно усиливает оптимистическую
концовку известного афоризма Сенеки («Пока на свете мы, она еще не с нами; //
Когда ж пришла она, то нас на свете нет!»).

Рифма может дать повторение заглавия произведения и тем самым участвовать в
формировании его идейно–эмоционального комплекса, как в стихотворении «Мотылек и
цветы» (1824), где весь смысл заглавия зеркально отражается в рифме
(цветка–мотылька), а кроме того каждое его слово дополнительно озвучивается
рифмой (цветы–красоты, ручейка–мотылька, красоты–цветы, ветерок–мотылек).
Рифма Жуковского может не только усилить эмоцию или идею, уже словесно
выраженную в произведении, но и самостоятельно предожить новую идею–как в
стихотворении «Новая любовь–новая жизнь», 1818, где название и все образы

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh развивают идею любви как обновления бытия, а последняя рифма «любить–быть» делает заявку на трактовку любви как символа самого бытия. Значение этой рифмы вряд ли можно переоценить, поскольку она завершает стихотворение, а по-следней строке Жуковский придавал особое значение: «Последний стих – огонь, над трепетной толпой // Глупцов, как метеор, ужасно светит он!» Рифма Жуковского может формировать идейно-эмоциональный комплекс не только конкретного произведения, но и всего творчества.

52 На реминисценции из Жуковского указывает не только рифма, но и заглавие: ср. у Жуковского–«Как первая любви очарованье...»

53 Холшевников В. Е. Стихосложение Пушкина–лицеиста. С. 414.

Так, в частности, о нравственных приоритетах поэта можно судить по таким рифмам, как «тленно–неизменный» («К Тибуллу»), «напрасно – самовластный» («Солнце и Борей») и даже по банальной, но любимой Жуковским рифме «слава–красавый», кочующей от стихотворения к стихотворению.

Мы, конечно, не исчерпали ни один из аспектов рифмы, тем более такой многогранный и сложный, как аспект семантический. Мы попытались показать только возможные пути изучения рифмы Жуковского. Анализ метрики и строфики в настоящее время может строиться на прочном фундаменте «Метрического и строфического справочника». Фундаментом для анализа рифмы должен стать «Словарь рифм», которого, к сожалению, пока нет. Будем надеяться, что настоящее издание Жуковского явится одним из стимулов подобного предприятия.

Светлой памяти Вадима Эразмовича Вацура посвящается

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ СТИХОТВОРЕНИЙ

Во второй том настоящего издания вошли стихотворения Жуковского 1815–1852 гг. Этот достаточно протяженный по времени период имеет два самостоятельных этапа. Первый (1815–1824) – наиболее интенсивный и творчески продуктивный – эпоха эстетических стихотворных манифестов Жуковского, когда его романтизм получил непосредственное выражение в лирике. От элегии «Славянка» (1815)–своеобразной «прогулки по садам Романтизма» (Д.С.Лихачев)–до цикла безжанровых стихотворений, с ярко выраженным символическим подтекстом («Таинственный посетитель», «К мимоиролетевшему знакомому Геню», «Цвет завета», «Невыразимое», «Лалла Рук», «Явление поэзии в виде Лалла Рук», «Воспоминание», «Мотылек и цветы», «Подробный отчет о луне», «Я Музу юную, бывало...» и др.), происходит формирование новой концепции жизнотворчества и мифологии романтизма, рождаются оригинальные лирические метатексты. Песенные подборки в специальных выпусках сборников «Für Wenige. Для немногих» (1818) и несобранный цикл «Павловских стихотворений» (1819–1820) своеобразно корреспондируют через соотношение переводного и оригинального, высокой лирики и бытового контекста, драматизма и озорной шутки, выявляя многообразие жизненных реалий и единство Поэзии и Жизни. Сам образ поэта–творца становится организующим центром всех произведений этого этапа.

Второй этап (1831–1852 гг.) дал немного лирических текстов. Жуковский последовательно и целенаправленно идет к стихотворному эпосу, что определяет его преимущественное внимание к лироэпосу и большим эпическим формам. Лирика этого периода обретает эпический потенциал, что проявляется в разработке исторических и религиозных сюжетов, в экспериментах с белым стихом и гекза-метром, в создании организованных лирических циклов.

Стихотворения этого периода нередко остаются в творческой лаборатории поэта. Жуковский не включает их в прижизненные собрания сочинений, а журнальные публикации (часто без его воли) носят, на первый взгляд, случайный характер. Даже готовя тексты для последнего прижизненного собрания сочинений (С 5), Жуковский, не имея возможности следить за их точностью и хронологией, строг в отборе. Из написанных в 1815–1852 гг. около 230 стихотворений он публикует всего 59, т. е. примерно четвертую часть.

Раздел «Из незавершенного и непечатанного» включает два тома лирики Жуковского. Здесь представлены лирические тексты Жуковского, которые не были закончены или же опубликованы без окончания в ПСС (Т. XI. С. 129–137) и

4*3 при описании архива поэта (Бумаги Жуковского). В настоящем издании сделана попытка представить эти тексты в максимально полном объеме, по возможности их датировать и прокомментировать. Как и в общем корпусе тома, тексты даны в хронологической последовательности.

Логическим завершением двух томов лирики является статья С. А. Матяш «Стих лирики Жуковского», позволяющая увидеть Жуковского–мастера стиха и реформатора в области стихосложения.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Об общих установках и некоторых текстологических принципах издания см.
вступительную статью к первому тому.

В список сокращений внесены некоторые дополнения по сравнению с первым томом, продиктованные обращением к новым источникам и появлением новой литературы о Жуковском.

Авторский коллектив выражает свою глубочайшую признательность главе ад-министрации Томской области В. М. Крессу, зам. главы администрации Томской области, начальнику департамента по образованию и научно-технической поли-тике В. И. Зинченко, ректору Томского государственного университета Г. В. Май-еру, зав. рукописным отделом ИРЛИ (Пушкинский Дом) Т. Г. Ивановой, сотруд-никам этого отдела Л. Н. Ивановой, М. В. Родюковой, Е. Б. Фоминой, М. М. Пав-ловой, Н. Н. Колесовой, Е. Р. Обатниной, зав. отделом рукописей и редких книг Научной библиотеки Томского университета Г. И. Колосовой за помощь и мате-риальную поддержку в подготовке этого тома.

1815

(П. А. Вяземскому)

(«Ах! весь я в хлопотах!..») (С. 9)

Автограф (РГАЛИ, он. 1, №5, л. 9)–беловой. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: ПМЖ. Вып. 13. Томск, 1986. С. 61–62. Публикация О. Б. Лебе-девой и А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: вторая половина января–первые числа марта (до 7-го) 1815 г.

Основанием для датировки послания служат прежде всего реалии текста, со-держашего недвусмысленные указания на то, что оно написано из Москвы в Мо-скву: на обороте л. 9 вместо подробного почтового адреса находится лаконичная надпись: «Князю Вяземскому». Ст. 31–34 («Мойки нет ~ Так в Москву-реку...») и 39–40 («я с Дмитревским уж вкушал // Трапезу...») также указывают на Москву как местопребывание Жуковского в момент создания послания.

Автограф послания «Ах! весь я в хлопотах!..» находится в контексте произве-дений Жуковского конца 1814–начала 1815 г. (послание «К Воейкову», три по-слания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину, беловая рукопись «Славянки» и т. д.). Поэтому наиболее вероятным временем создания послания представляется нача-ло 1815 г.– после 6 января, дата отъезда Жуковского из Долбина в Москву, до 7 марта, дата отъезда из Москвы в Дерпт (см. ПЖТ. С. 135–143),– время, прове-денное в Москве впервые после лета 1811 г., когда Жуковский безвыездно жил в Муратове, Холхе и Долбине.

Ст. 17. Надобны мне кеньги!..– Кеньги – «теплая обувь, меховая или кожаная» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1979. Т. 2. С. 105).

Ст. 39. Я с Дмитревским уж вкушал...– К фамилии «Дмитревский» Жуковский сделал в тексте послания примечание: «Т. е.: с Дмитриевым». Имеется в виду по-эт И. И. Дмитриев, с 1814 г., после окончательной отставки, поселившийся в Мо-скве, в новом доме вблизи Патриарших прудов. В 1860 г. П. А. Вяземский посвя-тил ему стихотворение «Дом Ивана Ивановича Дмитриева».

О. Лебедева

(П. А. Вяземскому)

(«Друг мой любезный, князь тупоносый...») (С. 10)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, №5, л. 10)–беловой. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: ПМЖ. Вып. 13. Томск, 1968. С. 62. Публикация О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: вторая половина января – первые числа марта (до 7-го) 1815 г.

Поскольку тексты посланий «Ах! весь я в хлопотах!..» и «Друг мой любезный, князь тупоносый...» непосредственно соседствуют в рукописи и изобилуют одина-ковыми реалиями московского периода жизни Жуковского в начале 1815 г., осно-вания для аналогичной датировки данного послания те же, что и для предыдуще-го. Послание написано редким для русской поэзии метром державинского стихо-творения «Снигирь»–дактило-хореическими логаядами.

Ст. 7. К нашему басней творцу, Аафонтену...– Имеется в виду поэт И. И. Дмит-риев, особенную популярность которому принесли басни, в том числе и переве-денные из Лафонтена. Сборник И. И. Дмитриева «Басни и сказки» (СПб., 1798)– особый этап в развитии этого жанра (см.: И. А. Крылов. Проблемы творчества. Л., 1975. С. 198–205, 237–250). В 1823 г. Вяземский посвятил творчеству И. И. Дмит-риева статью «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», в которой высоко оценил басенное творчество поэта (Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 70–75). А в стихотворении «Дом Ивана Ивановича Дмитриева» он

4*5

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский заметил: «За Лафонтеном вслед, он вымысла цветы, // С оттенком свежести и бле-ском красоты, // На почву русскую переносил удачно» (Там же. Т. 1. С. 330).

Ст. 12. Для корректуры прочтенья домой!..– Скорее всего, упоминаемая в этом стихе корректура является корректурой отдельного издания послания «Импера-тору Александру», напечатанного в пользу Жуковского по специальному распоря-жению ими. Марии Федоровны. Если это предположение верно, время создания послания можно установить еще более точно: ц. р. отдельного издания «Импера-тору Александру» – от 15 января 1815 г.; сигнальные экземпляры были готовы к 25 января этого же года.

Ст. 28. Иль в кипу указов, экстрактов, докладов...– Вероятно, Жуковский имеет в виду недавнее служебное прошлое И. И. Дмитриева: с 1810 по 1814 г. Дмитриев был членом Государственного совета и министром юстиции.

О. Лебедева

К генерал-майору Б. В. Полуектову, на выступление в поход 1815 г. 17 февраля («Наш Кульмский богатырь, ура! счастливый путь!..») (С. 11)

Автограф неизвестен.

Впервые: РМ. 1815. Ч. 2. №6. С. 269–с подписью: «Ж-ий». В прижизненные собрания сочинений не входило. Печатается по тексту первой публикации. Датируется: 17 февраля 1815 г.

Стихотворение адресовано генерал-майору, участнику Отечественной войны 1812 г. и всех заграничных походов русской армии, воспитаннику Московского университетского благородного пансиона Борису Владимировичу Полуектову (1778–1843). Его портрет см.: Военная галерея 1812 года. СПб., 1912. №214. Жуковский, вероятно, был знаком с Полуектовым еще в 1812 г., в ставке Куту-зова, но сблизился в Дерпте, где в 1814–1815 гг. стояла 3-я бригада 2-й гренадер-ской дивизии, командиром которой с 1-го сентября 1814 г. был назначен Б. В. По-луектов. Рассказывая о пребывании русских полков в Дерпте, М. А. Протасова в письме к А. П. Киреевской от 6 марта 1815 г. замечала: «Еще есть здесь один гене-рал, который мне довольно нравится, Борис Влад., генер. майор Полуектов, он очень полюбил маменьку, которая читает ему мораль и хочет женить на одной красавице; похож он на Гутальса фигурой и такой добрый, простой малый, что хо-чется ему счастья...» (УС. С. 142).

Поводом для создания послания было выступление бригады Полуектова в по-ход во Францию, где она участвовала «после побега Наполеона с острова Эльбы (...) в блестящих смотрах, происходивших в августе на равнинах Шамианьи под Вертю» (Русский биографический словарь. Плавильщиков – Примо. СПб., 1905. С. 450). Судя по свидетельству М. А. Протасовой, выступление в поход задержа-лось, и еще 6 марта генералы, в том числе и Полуектов, были в Дерпте. Только 12 марта Маша Протасова записывает в дневнике: «Бука [имеется в виду сослужи-вец Полуектова и претендент на руку Маши генерал А. И. Красовский] уехал» (УС. С. 140). Вполне возможно, что Жуковский, приехавший из Москвы в Дерпт около этого времени, еще застал Полуектова. Послание же, вероятно, он писал к дате предполагаемого выступления в поход Полуектова, возможно, по просьбе А. Ф. Воейкова.

Показательно, что в РМ вслед за стихотворением Жуковского помещено четверостишие, подписанное: «В-въ. Дерпт» (т. е. А. Ф. Воейков) и адресованное «К не-му же»:

Не слушая друзей, летишь на подвиг новый; Остановись, скажи, где странствиям конец? Когда сменяешь ты лавровый на золотой венец?

С Полуектовым Жуковский встречался и позднее, в 1817 г., когда 4 ноября он женился на свояченице Вяземского–Любови Федоровне Гагариной, причем первая встреча в «Дневниках» отмечена 26 октября, а следующая – 7 ноября: «Полуектов с женою (...) сидел рядом с Аіее [имеется в виду Л. Ф. Полуектова], которая мила, как птичка» (Дневники. С. 60).

Ст. 1. Наш Кульмский богатырь...– Имеется в виду участие Б. В. Полуектова в сражении под Кульмом, населенным пунктом в Чехии, 10(30) августа 1813 г., где русско-пруско-австрийские войска под командованием генерала М. Б. Баркляя-де-Толли разгромили французский корпус генерала Доминика Жозефа Рене Ван-дама. Полуектов за это сражение получил орден Красного Орла 2-й степени и знак Железного Креста, а вскоре был произведен в генерал-майоры (Русский био-графический словарь. Указ. том. С. 450).

А. Янушкевич

Стихи, вырезанные на гробе А. Д. Полторацкой («Как радость чистая, сердца влекла она...») (С. 11)

Автограф неизвестен.

Впервые: иллюстрация. 1846. Т. 2. №9. С. 132 – в примечании №24 к письму Н. М. Карамзина.

В прижизненные собрания сочинений не входило. Печатается по тексту первой

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
публикации. Датируется: 24 марта 1815 г.

В примечании редактора журнала «Иллюстрация» к письму Н. М. Карамзина от 12 апреля 1815 г. с выражением соболезнования отцу умершей Д. М. Полторацкой сообщается: «Смерть 17-летней дочери, ангела доброты, Агафоклеи Дмитриевны Полторацкой (р. 13 июня 1797 г., скончалась в Петербурге, 24 марта 1815). Она погребена в Александро-Невской лавре, и на памятнике ее вырезаны сочиненные на сей случай В. А. Жуковским следующие стихи, доселе нигде не напечатанные...» О ее смерти К. Н. Батюшков писал к П. А. Вяземскому 25 марта 1815 г.: «Ты знал Агату Полторацкую. Вчера ее не стало, et rose elle a vécu... [и как роза она прожила.–фр.]. Отец и бедная мать в слезах...» (Батюшков. Т. 2. С. 327). В это время Жуковский находился в Дерпте: в Петербург он приехал только 3 мая «в 12 часов ночи» (Гофман. С. 133). Поэтому о времени написания эпитафии можно только гадать: создал ли ее Жуковский по просьбе родных сразу же после смерти А. Д. Полторацкой или же по приезде в Петербург специально для надгробия. Датировка определяется временем смерти А. Д. Полторацкой. Эпитафия Жуковского выразила чувства всего окружения семейства Полторацких-Олениных (Д. М. Полторацкий был родным братом Е. М. Олениной).

А. Янушкевич

К Т. Е. Боку

(«Мой друг, в тот час, когда луна...») (С. 12)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, он. 2, №81, л. 2) – рукою неизвестного лица, с датой: «7 аире-ля 1815».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Летописи русской литературы и древности. М., 1859. С. 70 первой пагинации – в составе статьи Н. Лыжина «Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы», где ст. 8 опубликован неверно: «Прочти меня во стане» вместо: «Прочти Певца во стане».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: 7 апреля 1815 г.

Тимофей Эбергард (Егорович) фон Бок (1787–1836), лифляндский дворянин, известный общественный деятель, деритский знакомый Жуковского. Сохранилось письмо Жуковского к Боку от 18 февраля 1818 г., где он говорит: «Душа вездe и во всякое время тебе откликнется» (С 7. Т. 1. С. 472). Залогом этих отношений стали три стихотворных послания, приводимые в наст. томе.

Драматическая история Тимофея Эбергарда фон Бока, написавшего в 1818 г. откровенное и беспощадное письмо имп. Александру I с осуждением его внутренней политики и заключенного в мае этого же года в Шлиссельбургскую крепость, стала основой исторического романа Я. Кросса «Императорский безумец» (1977). Об этом подробнее см.: Салу пере М. Г. К биографии «Императорского безумца»: Т. Э. фон Бок в романе Я. Кросса и новонайденных архивных материалах // ПМИЖ. Вып. 19. Томск, 1997. С. 61–83.

1815–1817 гг. – апогей тесных дружеских связей Жуковского и Бока. В феврале-мае 1817 г. (весенний семестр) они вместе слушали в Дерпте лекции Г. Эверса по истории Средних веков. Их отношения развиваются в 1817–начале 1818 г., о чем свидетельствуют письма от 12 ноября 1817 г. (Бока) и ответное Жуковского от 18 февраля 1818 г. (см.: Лыжин Н. указ. соч. С. 71–72). В архиве Жуковского сохранились три выпуска его сборника «Für Wenige. Für wenige» (СПб., 1818), с дарственной надписью на обложке первого: «Другу Боку. 1818. Января 29» (РНБ, он. 2, №420).

Послание «Мой друг, в тот час, когда луна...» было подарено Жуковским на торжественном вечере в его честь, который устроил Т. Бок 7 апреля 1815 г. На полях с. 170 книги «Les Jardins. Poete par Jacques Delille. A Paris, 1801», находящейся в библиотеке Жуковского (см.: Описание. №892), А. Ф. Воейков, который по этому экземпляру перевел поэму Делиля «Сады» на русский язык, записал: «7.IV. 1815. У Бока ужин: Жуковский, фурман, Рамбах, Паррот, Эверс, Морген-штерн, Мойер, Гут, Штруве, Зенф». Оно было написано на обороте последнего листа экземпляра отдельного издания стихотворения Жуковского «Певец во стане русских воинов» (СПб., 1813). См.: В. А. Жуковский. Чествование его памяти в С.-Петербурге. 29 и 30 января 1883. Издание Н. И. Стояновского. СПб., 1883. С. 53–54. Ср. также: Сборник снимков с автографов русских деятелей 1801–1825 гг. СПб., 1873. С. 51.

А. Янушкевич

Фурману от Жуковского

(«В корыстолюбии себя ты упрекаешь...») (С. 12)

Автограф: (РНБ, он. 1, № 15, л. 5)–беловой, с заглавием: «Фурману от Жуковского» и датой: «Дерпт. 1815. Апреля 11». При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 42.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 11
апреля 1815 г.

Традиционно фамилия адресата этого послания сопровождалась эпитетом «не-кий». Так, автор статьи «В. А. Жуковский в Дерпте (1815–1817)» Е. В. Петухов писал: «Наконец, свидетельством о деритских сношениях Жуковского является стихотворение 1815 года „В корыстолюбии себя ты упрекаешь...“, обращенное к некоему фурману...» (Сборник в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, изд. Ими. Юрьевским университетом. Юрьев, 1902. С. 178). А. С. Архангельский в примечании к тексту стихотворения сообщает: «Фурман—лицо очень малоизвестное. С ним познакомился Жуковский, очевидно, в период своей деритской жизни; к этому времени, как видим, относится и посвященное ему стихотворение. С каким-то фурманом Жуковский позднее, в 1820 г., видится за границей, в Берлине» (ПСС. Т. 2. С. 142). В специальном исследовании о деритских друзьях Жуковского ничего не говорит о фурмане и М. Г. Салуиере (Ж. и русская культура. С. 431–455). Между тем в архиве К. Н. Батюшкова (РНБ, ф. 50, он. 1, №48) сохранился автограф стихотворения «Василию Андреевичу Жуковскому», вызвавшего ответное послание «Фурману от Жуковского». Стихотворение подписано: «Александр Фурман» и имеет дату: «6-го апреля 1815 года. Дерпт». По всей вероятности, оно было вручено Жуковскому на торжественном ужине у Тимофея Бока 7 апреля 1815 г., см. примеч. к стих. «К Т. Е. Боку» («Мой друг, в тот час, когда луна...»). Не исключено, что на этом ужине в честь Жуковского Фурман огласил свое послание. Приводим его текст, ранее не публиковавшийся:

Корыстолюбием водимый Давно вступить с тобой в связь дружбы я желал,—
Ужели тщетно я надеялся и ждал? — Скажи — певец Российских муз любимый! —
* * *

На шумных Волги берегах, В степях Киргизских Орд и при водах Урала,—
В уединенных тех местах, Где некогда мне жить судьба повелевала.
Утехой одной мне ты, Жуковский, был,— Твоею лирою мой слабый дух живился, Он Осе
и я на зреть на поле битвы мнил И в мыслях в Росский стан к тебе переносился! —
* * *

Позволь же мне себя надеждой ныне льстить, Желанья моего увидеть исполненье,—
Мой дар тебе есть: дружба—уваженье — Богатого чем бедный может подарить.

В том же архиве сохранилось и другое стихотворение с заглавием: «Жуковско-му от
фурмана на отъезд его в Петербург» и датой: «1815. 30-го апреля. Дерпт» (РНБ, ф.
50, он. 1, №48, л. 2).

Сведений об Александре Фурмане сохранилось немного. В воспоминаниях его
племянника Федора Адольфовича Оома, сына его сестры Анны Федоровны (в за-муж.
Оом; 1791–1850), сообщается: «Дед мой, отец моей матери, Фридрих Антон Фурман
(...); от первого брака с девицею Энгель были сыновья Роман, Антон, Александр,
Федор и дочери Елизавета, Екатерина и Анна (...). Третий сын Алек-сандр служил в
Генеральном штабе, отличался умом и любезностью, но рано умер, оставив вдову с
двумя сыновьями и дочь Е. А. Бенецкую» (Воспоминания Ф. А. Оома. М., 1896. С.
3–4). Двоюродным братом Александра Фурмана был из-вестный мореплаватель, адмирал
Ф. П. Литке (1797–1882), который так писал о нем в своей автобиографии:
«Александр Фурман, очень даровитый, начал службу по квартирмейстерской части,
йотом мыкался по разным ведомствам и умер в 1828 г. в Молдавии от чумы.
Беспутная жизнь и безумная женитьба помешали его карьере, которая, по его
талантам, могла бы быть недюжинная» (Безобразов

В. П. Граф Федор Петрович Литке: Приложения к LVII тому Записок Ими. Ака-демии
Наук. № 2. СПб., 1888. С. 48). Даты жизни А. Ф. Фурмана устанавливаются
предположительно: ок. 1793–1828. Известно, что один из его братьев, Андрей
Фурман (1795–1835), капитан Черниговского пехотного полка, был членом Об-щества
соединенных славян и после декабристского восстания сослан в Сибирь; другой —
Федор Федорович (1797–1845) был дипломатом, и, вероятно, с ним Жу-ковский
встречался в Берлине во время своего первого заграничного путеше-ствия в
1821–1822 гг. (Дневники. С. 78, 96, 119, 173).

О более поздних встречах Жуковского с Александром Фурманом не известно ничего.
Нахождение автографа (или копии) его посланий к Жуковскому в архиве Батюшкова
вполне объяснимо: в его сестру, Анну Фурман, воспитанницу Олени-ных, был
безнадежно влюблен К. Н. Батюшков (см.: Батюшков. Т. 2. С. 93, 343–344,
396–397).

Ст. 5. Тобою прозванный славянским Оссианом...—Эта характеристика Жуков-ского,
восходящая к посланию Александра Фурмана и повторенная в ответном по-слании
Жуковским, вошла в арсенал русской критики и литературоведения. Об этом см.:
Резанов. Вып. 2. С. 88–89; Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Л., 1980. С.
111–122.

Л. Янушкевич

В альбом кн. Е. И. Голенищевой-Кутузовой

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
(«Я счастлив был неизъяснимо!..») (С. 12)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: УС. С. 14.

Печатается по тексту первой публикации. Датируется: середина мая 1815 г.

История рождения этого экспромта в альбом Екатерины Ильиничны Голенищевой-Кутузовой (урожд. Бибиковой; 1754–1826), вдовы фельдмаршала М. И. Кутузова, подробно воссоздана в письме Жуковского к его долбинским друзьям, в том числе к А. П. Киреевской, от 11 июня 1815 г. «Кутузова, узнавши о моем приезде, сообщает поэт, требовала, чтобы меня к ней привели. Я но обыкновению своей дикости, давши ей слово быть к ней, не бывал; она было и рассердилась – это заставило меня, скомкав кой-как свою застенчивость, к ней ехать: приезжаю ввечеру, гостей пропасть, кое-как рекомендую и дело в шляпе. Вдруг подводит она ко мне своего маленького внука Оночинина – который, слышав, что я к ним буду, струсил и спрятался (вообразив, что всякий поэт по крайней мере крокодил), но увидя меня в образе человека, ободрился. Его заставили читать мне Светьяну, он сперва упирался, потом зачитал и наконец уж и унять его было нельзя. Признаюсь, в семье вождя победителей мне было приятно себя увидеть. Кутузова (которая

отправилась теперь в чужие края) дала мне свой альбом с тем, чтобы я написал в нем первый и те строфы из Нового певца, в которых говорю о Кутузове. Да нельзя ли что-нибудь и экспромтом? – сказала она и начала смешной размышкою декламировать мои стихи: Можно ль в жизни молодой II Сердце мучить ложной тенью. Мне было это приятно. А признаюсь, сцена эта стоила немного кис-ти Гогартовой. Я написал ей [далее идет текст стихотворения. – Л. Я.]» (УС. С. 14).

Сама встреча в доме Кутузовых на Гагаринской набережной вблизи Литейно-го проспекта (дом сохранился; ныне наб. Кутузова, д. 30) происходила в проме-жутке между 4 мая, когда Жуковский приехал в Петербург, и 11 июня 1815 г. – днем, которым датировано письмо к А. П. Киреевской. Так как в письме два со-бытия – представление императрице Марии Федоровне и визит к Кутузовой – стоят в одном ряду, то скорее всего речь может идти о середине мая 1815 г. Известно, что М. А. Протасова знала об этом визите еще до 7 июня: «Прошу вас, су-дарь, не хватать свиданием с Кутузовой, – ея светлость и для нас сияла!..» (УС. С. 147).

Ст. 2. Семью вождя великого я зрел... – Как явствует из цит. выше письма Жуков-ского к долбинским друзьям, кроме вдовы Кутузова и его внука, Константина Фе-доровича Оночинина (1808–1848), на вечере присутствовали дочери Кутузова – Дарья Михайловна (в замуж. Оночинина; 1788–1854) и Анна Михайловна (в за-муж. Хитрова; 1782–1846), которая «еще тем милее, что мои баллады читает с удивительным, как говорят, совершенством» (УС. С. 14). Вероятно, были и другие дочери Кутузовых (всего их было 5), но они в тексте письма не упомянуты. Гово-рится просто: «ее дочери очень милы».

Ст. 3–4. И то, что я смиренной лирой пел IV честь памяти его боготворимой... – Речь идет о написанных уже после смерти фельдмаршала М. И. Кутузова стихах, посвященных его деяниям, в послании «Императору Александру»: «И вождь наш, смертию окованные вежды...» и т. д., а также в стих. «Певец в Кремле» («Новый певец», как называет его Жуковский в вышецит. письме): «Друзья! с молитвою о нем, // О старце, о великом!..» и т. д.

Л. Янушкевич

«Здравствуй, новый гость земной!..»

(С. 13)

Автограф (РГАЛИ, он. 1, № 19) – белой, на отд. листке, с небольшой прав-кой в ст. 12 (вместо: «Твои раскрыл младые вежды» – «И твои раскрылись веж-ды»), без заглавия (вверху карандашом рукою неизвестного лица: «На рождение Екатер. А-ров. Воейковой») и датой: «26 июля 1815».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Загарин. С. LXVII (факсимильное воспроизведение текста указ. выше автографа) – с примечанием: «Стихотворение, являющееся в печати впер-вые, доставлено нам Екатериною Ивановною Елагиной. Прилагаем снимок с ав-тографа».

Печатается по автографу.

Датируется: 26 июля 1815 г.

Стихотворение написано на рождение дочери племянницы Жуковского А. А. Во-ейковой (урожд. Протасовой) и А. Ф. Воейкова Екатерины Александровны Воей-ковой (1815–1844).

Неправильное прочтение Загариным (Л. И. Поливановым) даты в автографе: «26 июня» вместо: «26 июля» привело к тиражированию этой ошибки во всех из-даниях сочинений Жуковского и в критико-биографической литературе. Между тем из переписки родных А. А. Воейковой очевидно, что Катя Воейкова родилась именно 26 июля. «Здравствуй, моя добрая сестра! – писала Маша Протасова к А. П. Киреевской 2 августа 1815 г. из Дерпта. – Вот уже 8-й день, как у нас роди-лась дочка. Слава

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
Богу, и она и мать здоровы совершенно, и Машка наша всякий день становится лучше и милее» (УС. С. 152). В этом же письме, посланном лишь 12 августа, читаем: «... наша Катенька-Маша есть всё, что ни есть лучше на свете» (Там же. С. 154). Из этого письма становится ясно, что первоначально дочь Воейковых хотели назвать Машей в честь тетки и что крестил ее Лоренц Эверс (о нем см. примеч. к стих. «Старцу Эверсу»).

Жуковский принимал самое активное участие в воспитании Кати Воейковой. После смерти ее матери в 1829 г. он берет на себя все заботы о ее детях (Зейдлиц. С. 146–147). Катя стала воспитанницей Екатерининского института, и Жуковский внимательно следит за ее образованием. Перед женитьбой и отъездом за границу в 1841 г. он продает свое имение на мызе Мейерсгоф, чтобы полученные 115 тысяч положить в банк на имя сестер Воейковых: Кате из них выделялось бо-лее 45 тысяч (УС. С. 107).

Внезапная ранняя смерть Е. А. Воейковой потрясла Жуковского. «Я ждал бе-ды с Запада, – пишет он 6 марта н. ст. 1844 г. из Дюссельдорфа А. И. Тургеневу, – а она пришла с Востока, и самая неожиданная. Вообрази: Катя Воейкова вдруг умерла. Сделалась какая-то сильная сыпь, кровь пришла в совершенное разложе-ние (decomposition), и в три дня ее молодая жизнь иссякла и исчезла. За себя мне ее очень жаль. Про тебя же скажу: страшен сон, да милостив Бог...» (ПЖТ. С. 295).

А. Янушкевич
Старцу Эверсу
(«Вступая в круг счастливых молодых...») (С. 13)
Автограф (РГБ, ф. 104, карт. 8, №53, л. 2–3 об.) – беловой, с заглавием: «Эверсу и Маше».

Впервые: С 1. ч. 1. СПб., 1815. С. 193–196 – в разделе «Послания», с загла-вием: «Старцу Эверсу» и примечанием на заглавном листе: «14 августа 1815 (Пи-сано после праздника, данного студентами Дерптского университета)».

В прижизненных изданиях: С 1–5 (в С 5–т. 2. С. 214–217 – как и в С1).

Датируется: 14 августа 1815 г.

В кругу дерптских знакомых Жуковского профессор богословия Дерптского университета Лоренц Эверс (1742–1830) занимает особое место. Он был для мо-лодого поэта реальным воплощением земной святости. Не случайно в письмах он называет его «святым» (ПЖТ. С. 167). Ему вторит и Маша Протасова, которую Жуковский прозвал своим «двадцатилетним Эверсом» (Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 202). Так, в письме к А. П. Киреевской от 6 сентября 1815 г. она гово-рит: «Первый человек (который заставляет благодарить Творца за то, что он соз-дал свет и на этом прекрасном свете его и меня) есть Лоренц Эверс. Вообрази, что этот прелестный старик заключает в себе всё, что мы с тобой видали, читали и во-ображали хорошего. (...) когда мне грустно или пройдет минута нетерпения, то я погляжу на его окошки, которые прямо против моего бюро, и опять всё станет хо-рошо! Эверс заставляет любить свет Божий и все его творения» (УС. С. 155).

В письме к А. И. Тургеневу от августа 1815 г. из Дерпта Жуковский сообщал: «Письмо твое пришло ко мне в хорошую минуту, в такую, в которую я был к тебе ближе, потому что писал стихи к доброму человеку, стихи не для печатания, но для облегчения сердца и для друзей. Прочту, когда приеду» (ПЖТ. С. 152).

Еще подробнее историю создания стихотворения «Старцу Эверсу» Жуковский излагает в письме к А. П. Киреевской от сентября 1815 г.: «Эверс, семидесятилет-ний старик, есть человек единственный в своем роде – он живет для добра, и во всем этом простота младенца. Он профессор. На празднике студентов, на который был приглашен и я, он вздумал со мной пить братство. Это меня тронуло до глу-бины души и... я от всей души поцеловал братскую руку. – На другой день после студентского праздника отправился я ввечеру за город. Солнце заходило самым прекрасным образом, и я вспомнил об Эверсе и о завещании Эверса. Я часто лю-бовался этим стариком, который всякий день ходил на гору смотреть на захожде-ние солнца. Заходящее солнце в присутствии старца, которого жизнь была свя-тая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрелище на свете. Мой добрый шептун принял образ добродетельного старика и утешил меня в этом виде. Я на-писал стихи к старцу Эверсу... они должны быть дерптские повторения моего Тео-на и Эсхина. В обоих много для меня добра» (РС. 1883. №4. С. 105).

Текст стихотворения органично входит в пространство дерптских писем-днев-ников 1814–1815 гг., обращенных к Маше Протасовой. Так, вслед за автографом с характерным заглавием: «Эверсу и Маше» идет дневниковая запись Жуковского, где он, в частности, обращается к Маше со следующим призывом: «Заглядывай всегда в окно, когда нужно будет тебе утешение; ты увидишь домик Эверсов – в этом уголку прекрасное, угодное Богу творение! Посмотри, как он спокойно смот-рит на прошедшую жизнь свою, как всё ему друг; это плод чистоты душевной!» (РГБ, ф. 104, к. 8, № 53, л. 5 об.). И далее поэт естественно развивает основные по-ложения своей нравственной философии, выражением которой были его

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh стихо-творения «Теон и Эсхин» и «Старцу Эверсу».

Л. Янушкевич

Ю. А. Нелединскому–Мелецкому

(«Друзья, стакан к стакану!..») (С. 15)

Автограф (РНБ, он. 1, №26, л. 91–92 об.)–черновой, без заглавия. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 61–ст. 1–18, без атрибуции адресата. Впервые

полностью: С 9. Т. 1. С. 531–532 – но автографу письма Жуков-ского к П. А.

Вяземскому от 19 сентября 1815 г.

Печатается по тексту С 9, со сверкой по автографу. Датируется: 6 сентября 1815 г.

Послание Жуковского написано ко дню рождения Ю. А. Нелединского–Мелец-кого.

Таким образом, дата создания стихотворения устанавливается по дню рож-дения адресата: 6 сентября 1815 г. Нелединскому–Мелецкому исполнилось 63 го-да (ср. ст. 15–16: «Ему с тремя годами // Уж полных шестьдесят...»).

Ю. А. Нелединский–Мелецкий (1752–1828) – поэт, близкий кружку М. М. Хе-раскова, а также И. И. Дмитриеву и Н. М. Карамзину, был особенно популярен своей любовной лирикой и песнями. Принадлежность к высшей аристократии обеспечила ему возможность придворной карьеры: с 1796 г. поэт занимал различ-ные придворные должности, а после смерти Павла I стал секретарем вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Жуковский до 1815 г. мог быть лично знаком с Нелединским–Мелецким через П. А.

Вяземского (последний посвятил Нелединскому, как близкому другу своей семьи,

мемуарный очерк «Ю. А. Нелединский–Мелецкий», 1848). На посредниче-ство

Нелединского в устройстве своих личных дел при помощи императрицы Ма-рии

Федоровны Жуковский рассчитывал в первой половине 1815 г., обращаясь к А. И.

Тургеневу с просьбой привлечь его на свою сторону в переговорах с Е. А.

Протасовой о ее согласии на брак с Машей (ПЖТ. С. 143, 151).

Вероятно, именно Нелединский представлял Жуковского вдовствующей импе-ратрице в

мае 1815 г.: хотя в письме А. П. Киреевской от 11 июня 1815 г. Жуков-ский не

упомянул имени Нелединского (УС. С. 15), но в письме последнему от 20 ноября

1828 г., посылая ему свое стихотворение «У гроба Государыни Импе-ратрицы Марии

Федоровны», Жуковский заметил: «Вы были первый, который меня ей представили» (С

7. Т. 6. С. 519).

Близкое знакомство Жуковского с Нелединским–Мелецким состоялось при вторичном

представлении Жуковского императрице в Павловске, в первых чис-лах сентября 1815

г. В письме к А. П. Киреевской от 16 сентября 1815 г. Жуков-ский описал его

следующим образом: «Дни через два но приезде моем сюда [Жу-ковский выехал из

Дерита в Петербург 24 августа–РС. 1883. Т. 38. С. 101] Неле-динский уведомил

меня, что надобно с ним вместе ехать в Павловск. Я отправил-ся туда один 4-го

числа поутру и пробыл там три дни (...). У меня был и провод-ник прелестный!

Нелединский редкое явление в нынешнем свете! Он взял меня на руки как самый

нежный родной и ни на минуту не забыл обо мне – ни на ми-нуту его внимание не

покидало меня. Где бы я ни был, он всюду следовал за мною глазами; все сам за

меня придумывал, предупреждал меня во всем и входил со мною в самые мелкие

подробности» (РС. 1883. Т. 38. С. 103).

Через несколько дней, в письме П. А. Вяземскому от 19 октября 1815 г., посы-лая

последнему текст стихотворения «Благодарю, мой друг, тебя за доставле-нье...»,

Жуковский повторил характеристику Нелединского: «По приезде моем из Дерита я был

в Павловске и прожил там три дни, в которые обедал и ужинал у государыни. (...)

Моим представителем был Нелединский. Я жил в его комнатах и три дня познакомили

меня с ним так, как три года. Не знаю, можно ли быть доб-родушнее Нелединского.

Он был самым нежным, самым заботливым моим род-ным. Не забыл обо мне ни на одну

минуту; и все это с такою простотою, с такою непринужденностью. Он привязал к

себе мое сердце» (С 9. Т. 1. С. 531).

Комментируемое стихотворение было, таким образом, написано во время трехдневного

пребывания Жуковского в Павловске. В дальнейшем, как об этом свидетельствуют

эпистолярно–мемуарные источники, Жуковский сохранил близ-кие, дружеские

отношения с Нелединским–Мелецким: одна из записей в дерит-ском дневнике (от 23

июня 1817 г.) посвящена ему (Гофман. С. 142–143); в 1819 г. Нелединский был

посвящен в обстоятельства увлечения Жуковского графиней С. А. Самойловой (см.: Хроника

недавней старины. Из архива кн. Оболенского–Нелединского–Мелецкого. СПб., 1876. С. 241–242); наконец, одно из последних писем Нелединскому,

написанное за два с небольшим месяца до смерти поэта, свидетельствует о

неизменности дружеских чувств Жуковского к адресату (письмо от 20 ноября 1828

г.–С 7. Т. 6. С. 519).

Ст. 5–6. Бессмертье уж имеет II За песни он давно...–Ср. в мемуарном очерке П.

А. Вяземского «Ю. А. Нелединский–Мелецкий»: «Особенно песни его приобре-ли

общенародную известность. Песня его: „Выйду ль я на реченьку" пета была и

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh красавицами высшего общества и поселянками посреди полевых трудов. Некотор-рые из песней его по верности и страсти выраженного в них глубокого, задушев-ного чувства остаются и поныне образцовыми в своем роде» (Вяземский П. А. Со-чинения: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 286).

Ст. 21. Младой с ним молод вдвое!..–Ср. в цит. статье Вяземского: «К тому же в свойствах Нелединского было много сочувственного молодости» (Там же. С. 283).

Ст. 37–39. Той нежностью родного ~ Меня, сравнив с собой!..– Ср. в статье Вя-земского: «К тому же, как поэт и страстно любивший стихи, он всегда сочувство-вал новичкам на поэтическом поприще» (Там же. С. 284).

О. Лебедева

К кн. Вяземскому

(«Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...») (С, 17)

Автограф (РГАЛИ, он. 1, №5, л. 14–15 об.)–беловой, без заглавия, с да-той: «Сентября 19».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1866. № 6. Стб. 869–873. Публикация П. А. Вяземского.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 19сентября 1815 г.

Стихотворение «Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...» посвящено лите-ратурно-критическому разбору стихотворения П. А. Вяземского «Вечер на Волге». Авторизованная копия «Вечера на Волге» с замечаниями Жуковского, нашедши-ми отражение в комментируемом послании, сохранилась в архиве поэта (РГАЛИ, он. 1, №47). По своей жанровой ориентации послание является типичным образ-цом литературно-критического дружеского послания, продуктивного в поэти-ческом кругу Жуковского (см.: Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974. С. 34–38), который сам поэт называл «Ареопагом» (см. примеч. к стих. «Ареопагу» в т. 1 наст. изд.).

П. А. Вяземский, впервые опубликовавший этот текст в подборке с двумя ана-логичными образцами жанра («Ргеатьше» и «Вот прямо одолжили...»–см. при-меч. в т. 1. наст. изд.), назвал их «почтовыми стихами», заметив при этом: «Впро-чем, поэт здесь отыскивается и в почтовых стихах. Вместе с поэтом отыскивается хладнокровный и дельный прозаик, тонкий и верный критик, грамматик, педа-гог, не только ценитель и судья содержания, но и строгий браковщик каждого выражения» (РА. 1866. № 6. Стб. 873).

Послание «Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...» было отослано Жуков-ским адресату вместе с письмом от 19 октября 1815 г., которое отчасти дублирует в эпистолярной прозе стихотворную критику: «(...) Прекрасные стихи – новый род стихотворения, то есть живописный (...). Твои стихи я читал и один и с арео-пагом. С первого же чтения они мне очень и очень понравились; поэтому после мы прочитали их с Блудовым и Тургеневым еще раз–прекрасно! Они полны свежести! Природа в них дышит! Посылаю мои замечания, написанные в поэти-ческих стихах!» (СС 1. Т. 4. С. 562–563). Ряд замечаний Жуковского был учтен Вяземским при публикации «Вечера на Волге» (СО. 1821. № 28).

Ст. 2. Твоих пленительных стихов!..– Имеется в виду стихотворение П. А. Вя-земского «Вечер на Волге».

Ст. 19. Тургенев с Гнедичем, и Блудов, и Дашков...– Ср. в письме Жуковского П. А. Вяземскому от 19 сентября 1815 г.: «Твои стихи я читал один и с ареопагом» (СС 1.Т. 4. С. 562).

Ст. 25. Ваш Вяземский прямой поэт!..– Реминисценция первого стиха послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» («Друзья, тот стихотворец–го-ре...», 1814) в первоначальной редакции, измененной по рекомендации Вязем-ского (см. примеч. в т. 1 наст. изд.). Этот стих перекликается также и с первым стихом послания «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям»: «Ты, Вязем-ский, хитрец, хотя ты и поэт...», четыре стиха которого процитированы в письме Жуковского к Вяземскому от 19 сентября 1815 г. (СС 1. Т. 4. С. 562).

Ст. 41–52. Благоухает древ ~ Чтоб было ясно всё на небе и в стихах?..– Эти заме-чания Жуковского Вяземский не учел в окончательной редакции «Вечера на Вол-ге», может быть, потому, что сам Жуковский в сопроводительном письме от них отказался. Ср.: «От некоторых отказываюсь! Сень благоухать может! Переступивше-му светилу позволяется не трудить себя новым восхождением на небо!» (СС 1. Т. 4. С. 563).

Ст. 54–55. Равняться в берегах твоих ей не годится, II Когда в моих она сравнятся давно...– Жуковский имеет в виду свой собственный стих из баллады «Громобой»: «Река сровнялась в берегах», к которому оказался близок но звучанию стих «Вечера на Волге»: «И скатерть синих вод сровнялась в берегах». Этого замечания Вяземский при правке своего стихотворения не учел, так же как и

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
следующего, относящегося к стиху: «Кто в облачной дали конец тебе прозрит?»
(ст. 60–69 комментируемого послания).

Ст. 71–75. И неподвижный взор окованный стоит ~ Одно! Такой халат читате-ля
смешит!..– В окончательной редакции «Вечера на Волге» стих читается: «И
по-раженный взор, оцепенев, стоит...»

Ст. 76–82. Огромные суда в медлительном паренье ~ Сама своей рукой богиня
за-менила!..– оставив без изменения стих: «Огромные суда в медлительном
паренье», Вя-земский поправил следующий, вызвавший замечания Жуковского, заменив
«стол-бы» на «мачты»: «Их мачты, как в водах бродящий лес, темнеют...»

Ст. 83–95. Но те твои стихи она лишь похерила ~ Чтобы над веслами беспечно
за-дремать...– Стихи «Вечера на Волге», о которых идет речь в данном фрагменте,
Вяземский оставил без изменений.

Ст. 97–98. И также, чтобы нас воздушные мечты, ИЛ не тяжелые златые
весели-ли?..– Это замечание Жуковский считал настолько важным, что продублировал
его в тексте сопроводительного письма: «Одно может показаться тебе
несправед-ливым, но оно тоже справедливо! Дремать в златых мечтах никак нельзя!
Златые мечты прекрасны, когда говоришь просто о мечтах и хочешь им дать
отвлечен-ный образ, но как скоро говоришь о мечтах в отношении к тому, кто их
имеет, то златые совсем не годятся: не оправдывай себя моим примером; я сказал в
„Кас-сандре“: в сновидениях златых-это такая же точно ошибка, какая у тебя!» (СС
1. Т. 4. С. 563). Вяземский поправил свой стих, убрав эпитет «златые»:
«Забывшись наяву, один дремать в мечтах».

Ст. 100–112. Покаты гор крутых!–не лучше ли пещеры?..– Поставь, прошу те-бя: и
слава их чиста...– Все стихи «Вечера на Волге», о которых речь идет в дан-ном
отрывке, Вяземский изменил в соответствии с предложениями Жуковского.

Ст. 120–133. Твой Гений, бурь боец, есть просто бурь служитель...– Неловко –
власть твоя...– За исключением последнего замечания, относящегося к
словосо-четанию «бег ручья (...), виющийся в дубраве», Вяземский учел все
поправки Жу-ковского, предложенные в этом фрагменте послания.

О. Лебедева

Славянка Элегия

(«Славянка тихая, сколь ток приятен твой...») (С. 20)

Автографы:

1) ПД. № 27807, л. 3–5 – черновой, с датами: в начале–«23 сентября 1815», в
конце – «28 сентября».

2) РГАЛИ, оп. 1, №5, л. 1–2 об.–беловой, с небольшой правкой и Примеча-нием (см.
ниже).

Впервые: с 1. ч. 2. СПб., 1816. С. 7–16–в разделе «Смесь» открывает том, с
примечанием и датой: «1815».

В прижизненных изданиях: с 1–5–с примечаниями автора (с 1–2 – отдел «Смесь»; с
3–4–«Элегии»); с 5 (т. 2. С. 221–229)–с подзаголовком «Эле-гия», датой: «1816» и
примечаниями в конце тома.

Датируется: 23–28 сентября 1815 г.

Элегия «Славянка» стала важным этапом в формировании романтической эс-тетике
Жуковского. Поездка поэта в Павловск в сентябре 1815 г. по приглаше-нию
императрицы Марии Федоровны имела для него большое значение: «одной из прогулок
Жуковского по живописным берегам реки Славянки русская поэзия обязана появлением
элегии „Славянка“, воссоздающей неповторимое своеобра-зие и красоту знаменитого
парка, в планировке и украшении которого принимали участие Ч. Камерон, П.
Гонзаго, В. Бренна, А. Воронихин, Тома де Томон и многие другие» (Иезуитова Р.
В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 89).

Но воссоздание реальной панорамы Павловского парка и окрестностей реки Славянки
было неразрывно связано с «дивным искусством (...) живописать карти-ны природы и
влагать в них романтическую жизнь. (...) Изображаемая Жуковским
природа–романтическая природа, дышащая таинственной жизнью души и серд-ца,
исполненная высшего смысла и значения» (Белинский. Т. VII. С. 215, 219). Это
была поистине «прогулка по садам Романтизма», воссоздающая особую «се-мантику
чувств» (об этом см.: Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых
стилей. Л., 1982. Гл. «Сады Романтизма»). В процессе работы над тек-стом (см.
автограф № 1) Жуковский последовательно добивался особой экспрес-сии в передаче
динамики чувств героя, его движения в пространстве (см.: Януш-кевич. С.
131–138).

В контексте «Воспоминаний в Царском Селе» А. С. Пушкина, исторических элегий
Батюшкова «Славянка» Жуковского открывала новые возможности элеги-ческого жанра
и языка поэзии: «блеск листка „на сумраке“, шум от его падения, внезапно
колыхнувшаяся волна, притаившийся в кустах и „сияющий“ там ле-бедь-те новые
конкретности мира, которые впервые „увидел“ Жуковский» (Се-менко. С. 105–106).
Как точно заметил Батюшков, «„Павловское“ [имеется в виду „Славянка“.–Л. Я.] и

„Греево кладбище"!.. Они глаза колют!» (Батюшков. Т. 2. С. 442).
Характерным дополнением к поэтической элегии стали «живописные элегии» Жуковского, воссоздающие картины Павловского парка. 18 видов Павловска, нарисованные и гравированные в 1823 г. и затем частично вошедшие в «Путеводитель по саду и городу Павловску» П. Шторха (СПб., 1843), явились постскрипту-мом к «Славянке» (об этом см.: РБ. 1912. Ноябрь–декабрь. С. 59, 84–85).

Славянка–река в Павловске. Здесь описываются некоторые виды ее берегов, и в особенности два памятника, произведения знаменитого Мартоса. Первый из них воздвигнут Государынею вдовствующею Императрицею в честь покойного Императора Павла. В уединенном храме, окруженном густым лесом, стоит пирамида: на ней медальон с изображением Павла, перед ним гробовая урна, к которой преклоняется величественная женщина в короне и порфире царской; на пьедестале изображено в барельефе семейство Императорское: Государь Александр представлен сидящим; голова его склонилась на правую руку, и левая рука опирается на щит, на коем изображен двуглавый орел; в облаках видны две тени: одна летит на небеса, другая летит с небес, навстречу первой.– Опустясь к реке Славянке (сливающейся перед самым дворцом в небольшое озеро), находишь молодую березовую рощу: эта роща называется семейственною, ибо в ней каждое дерево означает какое-нибудь радостное происшествие в Высоком Семействе Царском. Посреди рощи стоит уединенная урна Судьбы. Далее, на самом берегу Славянки, под тенью деревьев, воздвигнут прекрасный памятник Великой Княгине Александре Павловне. Художник умел в одно время изобразить и прелестный характер и безвременный конец ее; вы видите молодую женщину, существо более небесное, нежели земное; она готова покинуть мир сей; она еще не улетела, но душа ее смиренно покорилась призывающему ее гласу; и взор и рука ее, подъятые к небесам, как будто говорят: да будет воля Твоя. Жизнь, в виде юного Гения, простирается у ее ног и хочет удержать летящую; но она ее не замечает; она повинуется одному Небу и уже над головой ее сияет звезда новой жизни (Прим. Жуковского).

Ст. 33. Сей храм, сей темный свод, сей тихий мавзолей...– Речь идет о мавзолее, построенном в 1808 г. архитектором Жаном Тома де Томоном (1760–1813), с надгробной стелой работы И. П. Мартоса (1754–1835).

Ст. 58. Там мыза, блеском дня под рощей озаренна...–Далее следует описание маленькой фермы, построенной для царской семьи, где ими. Мария Федоровна принимала участие в уходе за коровами, а ее сыновья–в сенокосе.

Ст. 133–136. И ангел от земли в сиянье предо мной ~ Горит звезда преображенья...– Здесь Жуковский дает поэтическое описание памятника, созданного И. П. Мартосом в 1812–1814 гг. и представляющего собою женскую фигуру, осененную звездой. У ее ног склонился Гений жизни. Воспроизведение этой скульптуры Жуковский поместил на титульном листе второй части первого издания своих стихотворений.

А. Янушкевич

Песнь Русскому Царю от его воинов

(«Гряди, наш Царь, Твоя дружина...») (С. 25)

Автограф (ПД, №27807, л. боб.) – черновые строфы 1-я и 3-я. Впервые: СО. 1815.

№48. С. 95–96–с подписью: «Жуковский». В прижизненных изданиях: С

1–5(ВС1–4–отдел «Романсы и песни»). Датируется: между началом 10-х чисел ноября и 14 декабря 1815 г.

Датировка основывается на выражаемом Жуковским ожидании приезда Александра I в Россию и черновом варианте ст. 5: «Опять на родине своей // Наш царь...»

Очевидно, стихотворение написано между началом 10-х чисел ноября, когда стало известно о прибытии Александра I 8 ноября в Варшаву, и 14 декабря 1815 г., когда император появился в С.–Петербурге. В С 3 датируется 1815 г., в С 5 ошибочно 1816-м.

Первоначально стихи создавались с оиоясной рифмой, которая в публикации в СО сменилась на перекрестную.

Ст. 4. Черновой вариант: «Молчит покорный сопостат» – Имеется в виду Наполеон I Бонапарт, разбитый коалиционными войсками под Ватерлоо 18 июня 1815 г. и 22-го окончательно отрекшийся от французского престола.

Ст. 6. Наш Царь, наш славный вождь царей...– В 1813–1814 гг. Александр I выступал как глава антинаполеоновской коалиции и с сентября 1815 г. играл ведущую роль в им созданном Священном союзе европейских монархов.

Ст. 13–16. Черновой вариант: «Гряди! в отчизну с поля чести II Мы славу с миром принесли! II Се наши панцири в пыли, II Се гром, се знаменья мести».

Ст. 19–20. Младый наследник полвселенны–// Меж нас впервой Ты меч при-ял...–Александр с отрочества занимался фронтowymi учениями; в 1796 г. был назначен полковником лейб-гвардии Семеновского полка и в дальнейшем при императоре Павле I занимал высокие военные должности вплоть до назначения в

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский 1798 г. председателем Военного департамента.

Ст. 24. Везде во сретенье врагам...–Т. е. навстречу.

Ст. 31. Ко мгценью Ты воззвал народы...– 26 февраля 1815 г. на Венском кон-грессе Александр I объявил, что считает войну с вновь захватившим власть Напо-леоном неизбежной, дабы предотвратить очередное порабощение Европы.

Ст. 37. От Немана до океана...–Ареал заграничного похода русских войск: от рубежа России до Атлантического побережья.

Н. Серебренников

Песня

(«Где фиалка, мой цветок?..») (С. 27)

Автограф неизвестен.

Впервые: Славянин. 1827. №3. С. 350–с заглавием: «Фиалка».

В прижизненных изданиях: С 4–5. В С 4–отдел «Смесь», вместе с «Пес-ней»

(«Птичкой певичью...») иод общим заглавием «Две песни» (Т. 6. С. 22–25); в С 5 (Т. 2. С. 206–207) среди стихотворений 1815 г.

Датируется: конец 1815 г.

Авторская датировка, предложенная в последнем прижизненном издании (С 5), стала общепринятой. Она не подвергалась сомнению ни в одном из по-смертных изданий, хотя никаких существенных аргументов в ее пользу не было высказано. Думается, стихотворение было написано в самом конце 1815 г. и отра-зило настроения Жуковского после получения им письма Маши Протасовой от 8 ноября с просьбой разрешения «выйти замуж за Мойера» (РС. 1883. №5. С. 351).

«Песня» («Где фиалка, мой цветок...») – вольный перевод стихотворения не-мецкого поэта сентиментально-анакреонтической ориентации Иоганна Георга Якоби (Jacobi; 1740–1814) «Nach einem alten Liede» («Подражание старой песне»).

Воспользовавшись основным лирическим сюжетом о скоротечности жизни, Жуковский опустил в переводе все пасторальные образы: пастуха и пастушки, со-бирающих розы и украшающих ими себя и свои шляпы. Переводчик опустил и четырежды повторенный в оригинале риторический вопрос: «Sagt, wo (...)?» («Скажи, где (...)?») и дважды повторяющееся обращение к юношам и девушкам: «Jungling, ach!» и «Madchen, ach!» Отказавшись от многочисленных буколических реалий оригинала, Жуковский сосредоточил внимание на изображении природы, внося в него много новых де-талей и эпитетов, что сообщает его пейзажу живость и эмоциональность. У Жу-ковского поток-«игривый», «поит» фиалку, он «сердце в думу погружал», «смок», «истощенный»; струя – «свежая», «говорливая»; лист – «приютный» и т. д. Вместо упомянутой «беседки» (die Laube) в переводе появляется слово «приют» (трижды повторенное в одной строфе), а вместе с тем и мотив разрушения крова, утраты прибежища от бед для лирического героя и его фиалки.

Переводчик сокращает стихотворение, целиком опустив 5-ю строфу, а в 6-й, заключительной, развертывает тему певца, «живым струнам» которого «отзвук от-кликался». То, что в оригинале, благодаря обилию условных пасторальных моти-вов и образов, звучало игриво-анакреонтически, в переводе обрело более минор-ный тон, очевидно созвучный настроению русского поэта: «Нет его; певец увял; // С ним и отзыв замолчал».

Жуковский сохраняет метрическую схему строфы оригинала–разностопный хорей (434344) с чередованием мужской и женской рифмы (МЖМЖММ).

Положено на музыку А. Г. Вейраухом.

Н. Реморова

1816

Ирине Дмитриевне Полторацкой при посылке стихотворений в первом издании 1815 г. («Певцом невинности, любви и красоты...») (С. 28)

Автограф неизвестен. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: РС. 1888. Т. 60. Кн. 10. С. 84. Печатается по тексту первой публикации. Датируется: январь 1816 г.

Адресатом стихотворения является Ирина Дмитриевна Полторацкая, сестра Агафоклеи Дмитриевны, на смерть которой Жуковский написал эпитафию (см. примеч. к «Стихам, вырезанным на гробе А. Д. Полторацкой»). Вероятно, эта смерть сблизила Жуковского с семейством Д. М. Полторацкого. Имя его сына– Сергея Дмитриевича, будущего известного библиофила, приятеля А. С. Пушкина, неоднократно возникает на страницах «Дневников» Жуковского (см.: Дневники. С. 340, 349, 463).

О самой И. Д. Полторацкой и ее жизни известно немного. В примечании к первой публикации стихотворения сообщается следующее: «Это неизданное досе-ле стихотворение передано здесь с сохранением подлинника; оно собственноруч-но написано В. А. Жуковским на оборотной стороне переплета первого тома пол-ного собрания его стихотворений (СПб., 1815 г.), поднесенного им И. Д. Полто-рацкой (...). Ирина Дмитриевна Полторацкая, дочь Дмитрия Марковича Полто-рацкого и родная сестра известного Сергея Дмитриевича Полторацкого, вышла замуж около 1817 года за полковника Алексея Николаевича Дьякова и умерла еще в молодых годах,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh приближительно около 1824 года» (РС. 1888. Т. 60. Кн. 10. С. 84).

Первая часть «Стихотворений Василия Жуковского» (СПб., 1815) появилась в самом конце 1815 г.: в письме к А. П. Киреевской от 17 декабря Жуковский говорит о распространении экземпляров по подписке (УС. С. 24). Учитывая связь дарственной надписи с посланием П. А. Вяземского «К кн. Шаховской при посылке стихотворений Жуковского» (см. примеч. к ст. 1–2), относящимся к самому началу 1816 г., можно предположить, что стихотворение Жуковского, обращенное к И. Д. Полторацкой и записанное на форзаце первой части, появилось в январе 1816 г. Во всяком случае известно, что И. И. Дмитриев, живший в Москве, получил от Жуковского из Петербурга экземпляр первой части «Стихотворений Василия Жуковского» до 8-го января (см.: Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева. СПб., 1893. Т. 2. С. 221). Ст. 1–2. Певцом невинности, любви и красоты II Назвал меня поэт, к стихам моим пристрастной... – Речь идет о П. А. Вяземском, авторе послания «К кн. Шаховской при посылке стихотворений Жуковского» (СО. 1816. Ч. 29. С. 108). Но, по всей вероятности, стихотворение было известно Жуковскому еще до публикации. В его архиве (РНБ, оп. 1, № 15, л. 70) сохранился черновой автограф послания Вяземского на отдельном листке. Вот его текст, вызвавший отклик Жуковского: Кому, когда не вам, принадлежат творенья Певца невинности, любви и красоты? Вы оправдали кисть его воображенья, Одели истиной прелестные мечты. Когда он воспевал младую добродетель, И непорочность чувств, и тайну прелесть глаз, Не зря вас, он был ваш мечтательный свидетель, Не зная вас, писал для вас он и об вас. .Могуществом мечты в волшебном сновиденье Поэт вас угадал. Так греческий слепец Киприды верное создал изображение. Поэту древнему слава и венец! Пускай и в наши дни, из роз и лавров свитый, Венец приносит Жуковского главу: Счастливее его, но мене знаменитый, Вас вижу наяву. (Ср.: Вяземский П. А. Поли. собр. соч. СПб., 1882. Т. 3. С. 111. Курсив мой.–А. Я.)

А. Янушкевич

Воспоминание

(«Прошли, прошли вы, дни очарованья!..») (С. 28)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 218, к. 1338, №2, л. 4) – рукою неустановленного лица, без даты и подписи, с параллельным французским текстом, в альбоме Е. Ф. Кривцовой (урожд. Вадковской).

Впервые: ЕШДН. 1818. №2. С. 22 – с заглавием «Воспоминание» и указанием на источник перевода: «Из Монкрифа».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: начало 1816 г.

Датировка традиционная, принятая П. А. Ефремовым в С 7–9 согласно свидетельству К. К. Зейдлица о том, что Жуковский написал стихотворение «Воспоминание» по возвращении из Дерпта в начале 1816 г., после получения известия о согласии М. А. Протасовой на брак с И. Ф. Мойером (Зейдлиц. С. 103–104; см. также: РС. 1883. Т. 39. № 8. С. 233–236 – письмо А. П. Киреевской от 19 февраля 1816 г. с подробным описанием пребывания в Дерпте).

Стихотворение представляет собой перевод одноименного романса «Souve-papсе» французского поэта Франсуа Огюстена Паради де Монкрифа (Moncrif, 1687–1770), придворного поэта Людовика XV. О том, что этот романс был любим М. А.

Протасовой, свидетельствует наличие его текста в ее альбоме (ПД. №22726, л. 1).

Перевод романса Монкрифа, скорее всего, связан с чувством Жуковского к Маше Протасовой. Косвенным подтверждением такого предположения может служить тот факт, что несколько ранее, долбинской осенью 1814 г. (28–30 октября), Жуковский перевел иод заглавием «Алина и Альсим» еще один текст Монкрифа – романс «Les constantes amours stAlix et stAlenix» («Любовное постоянство Алике и Алексиса»), своим сюжетом напоминающий историю драматической любви Жуковского и Маши Протасовой.

Текст стихотворения «Воспоминание» положен на музыку композитором К.

Аг-реневым-Славянским.

О. Лебедева

На первое отречение от престола Бонапарте Стихи, петье на празднике, данном в С.-Петербурге английским послом, лордом Каткартом («Сей день есть день суда и мщенья!..») (С. 29)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, №26, л. 23 – черновой.

2) ПД. №27807, л. 7 – белой, без заглавия; сверху карандашом рукою Жуковского: «1816. Стихи, петье на празднестве английского посла лорда Каткарта».

Копия (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, №1104, л. 17 об.–18 об.) – рукою В. Ф. Вяземской, с

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский Zhu
заглавием: «Куплеты, петье за обедом у лорда Каткарта в присутствии го-сударя 28 марта 1816 года» и припиской П. А. Вяземского около заглавия: «Жу-ковского». Впервые: СО. 1816. ч. 29. № 14. С. 68–с заглавием: «Стихи, петье на празд-нестве английского посла лорда Каткарта, в присутствии Его Императорского Ве-личества» и примечанием: «Сей великолепный праздник дан был ныне, 28 марта, в день падения и отречения Бонапартова за два года перед сим. Все генералы, участвовавшие в той знаменитой кампании, были приглашены к оному». Перепечатано: Литературный Музеум на 1827 год. М., 1827. С. 308 (ц. р. от 28 декабря 1827 г.)–с заглавием: «Стихи. На случай первого отречения Бонапар-те, петье на празднике, данном Английским министром лордом Каткартом» и подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту последней прижизненной публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 28 марта 1816 г.

Стихотворение написано по просьбе английского посла лорда Уильяма Шоу Каткарта (Cathcart; 1755–1843). Так как последняя прижизненная публикация произведения – в альманахе Владимира Измайлова «Литературный Музеум», то она и является источником текста. Известно, что сам Жуковский одобрил ее и пи-сал издателю 27 ноября 1827 г. следующее: «Но вас благодарю за помещение в ва-шем альманахе моей песни о Наполеоне. Если Иван Иванович Дмитриев мог най-ти ее стоящую напечатания, то против этого приговора я не имею апелляции» (С 7. Т. 2. С. 516). Поводом для написания стихотворения явилась вторая годовщина первого от-речения Наполеона от французского престола. Оно произошло 28 марта (6 апре-ля) 1814 г. в фонтенбло. Перенесенная на территорию Франции война явилась ответной волной похода на Москву и закончилась поражением Наполеона. Успех военных действий иод Парижем 18 марта, а затем торжественное вступление Александра I «на белом коне (...) впереди блестящей свиты генералов, во главе несметной армии союзников, объединившей все державы Европы» (Шильдер. С. 219) означали конец наполеоновской кампании и предопределили неизбеж-ность отречения Наполеона. Оно состоялось 28 марта, в среду, в 2 часа ночи. «На-полеон подошел к столу и торопливым, неразборчивым почерком подписал акт отречения, в котором, между прочим, сказано: „Император Наполеон, верный своей присяге, объявляет то, что он отказывается от престола Франции и Италии, так как нет таких личных жертв, не исключая даже принесения в жертву своей жизни, перед которыми он отступил бы ради блага Франции"» (Там же).

Стихотворение Жуковского было высоко оценено друзьями. Так, А. И. Турге-нев в письме к Вяземскому от 3 апреля 1816 г. называл эти стихи «прекрасными» (ОА. Т. I. С. 41), а Пушкин даже собственноручно записал четыре строфы произ-ведения Жуковского (2, 3, 5, 6) в свою тетрадь. Запись была сделана по памяти и датируется началом июня 1824 г. (подробнее см.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л: Academia, 1935. С. 493–494). П. В. Анненков в «Сочинениях Пушкина» (Т. VII. СПб., 1857. С. 36 первой пагинации) напечатал эту запись как возможный вариант пушкинского «Наполеона» под заглавием: «Первые мысли стихотворения, обращенного к императору Александру I». На то, что пушкинская запись является стихами Жуковского, указал в 1878 г. П. А. Ефре-мов (С 7. Т. 2. С. 491).

Несомненно, что стихотворение Жуковского явилось одним из источников «Наполеона» Пушкина. По мнению М. А. Цявловского, «Стихотворение Жуков-ского припомнилось Пушкину в связи с тем, что написанными собственными стихами о Наполеоне. На предыдущем листе тетради (л. 7/1) имеется черновой текст стихотворения „Зачем ты послан был"» (Рукою Пушкина. С. 494).

Связь двух произведений проявляется на разных уровнях. Это касается, преж-де всего, несомненной близости в выражении патриотических чувств обоих по-этов и осуждении захватнической роли Наполеона. Достаточно сравнить стихо-творение Пушкина с записанными им строфами из Жуковского:

Жуковский

Пушкин

Давно ль орлы твои летали над обесславленной землей, Давно ли царства упали при громах силы роковой.

Где тот, пред кем гроза не смела валов покорных воздымать, Когда ладья его летела с фортуной к берегу пристать.

К стопам рабов бросал он троны, Срьши с царей красу порфир, Сдвигал народы в легионы и мыслил весь заgrabить мир.

Среди рабов до упоенья Ты жажду власти утолил (...)

Вослед тирану полетело, Как гром, проклятие племен (11.57–60).

Бесспорно близка Пушкину была мысль Жуковского о неизбежном возмездии Наполеону,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
о его «погибельном» счастье, «постыдном величии», «памяти крова-вой» и т. д.
Ср.:

Однако в оценке исторической роли Наполеона Пушкиным и Жуковским – видимая
разница. Объясняется это прежде всего разным поводом к написанию стихотворений.
Для Жуковского – это первое отречение Бонапарта от престола, воцарение мира и
торжество России и Александра I. Для Пушкина – это смерть Наполеона. Прошедшие 7
лет сняли остроту негодования и расширили историче-ский ракурс воззрения на
прошлое, да и сама смерть великого человека («угас ве-ликий человек») изменила
тональность произведения.

Кончина Наполеона, явившаяся поводом для стихотворения Пушкина, позво-лила ему
свободнее и диалектичнее оценить историческую роль незаурядной лич-ности. К
своей оценке Наполеона Пушкин будет возвращаться много раз и опре-деленным
образом наметит путь к Лермонтову (см.: Реизов Б. Г. Пушкин и Напо-леон // РЛ.
1966. №4. С. 49–56; Грунский Н. К. Наполеон в русской художествен-ной литературе
// Русский филологический вестник. Варшава, 1898. Т. 40. № 3–4. С. 193–324).
Стихотворение Жуковского стало во многом точкой отсчета наполеоновской темы в
русской литературе.

Ст. 21–22. И честь тому-кто, верный чести, II Свободе меч свой посвятил...–
Имеется в виду император Александр I, до конца оставшийся верным своему
убе-ждению в необходимости довести войну до полного низложения Наполеона: «Я не
заклучу мира, пока Наполеон будет находиться на престоле» (Шильдер. С. 191).

Ст. 27. И блеск Лютеции спасенной...– Речь идет об освобождении Парижа от
диктатуры Наполеона. Лютеция – древнее поселение паризиев, на месте которо-го
расположился современный Париж.

И где он?.. Мир его не знает. Забыт разбитый истукан! Лишь пред изгнанником
зияет Неумолимый океан.

Оцепенелыми руками Схватив железный свой венец, Он бездну видит пред очами, и
гибнет, гибнет наконец (II, 59).

Ф. Канунова

К Т. Е. Боку

(«Любезный друг, гусар и Бок!..») (С. 30)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 2, №81, л. 2 об.) – рукою неустановленного лица, под № 2, без
даты.

Впервые: Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т. 1. С. 67 – в
составе статьи Н. Лыжина «Знакомство Жуковского со взглядами романтиче-ской
школы».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии. Датируется:
предположительно вторая половина марта 1816 г.

В копии, где представлены все три послания Жуковского к Т. Боку, а также в
публикации Н. Лыжина данное послание имеет № 2, что позволяет датировать его
промежутком между 7 апреля 1815 г. и августом 1816 г. (см. примеч. к посла-ниям
«Мой друг, в тот час, когда луна...» и «Мой милый Бок...»).

По всей вероятности, послание-записка Жуковского относится ко времени пребывания
Бока в Петербурге (март-август 1816 г.), так как Жуковский пригла-шает его в
гости на правах хозяина, что вряд ли было возможно в Дерпте, где он сам был
гостем. Если учесть, что апрель-ноябрь 1816 г. Жуковский провел в Дер-ите (см.:
ПЖТ. С. 153–168), то наиболее реальной датой послания №2 к Боку становится
вторая половина марта 1816 г., когда после отставки 17 марта Т. Бок жил в
Петербурге.

Л. Янушкевич

Весеннее чувство

(«Легкий, легкий ветерок...») (С. 30)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, №26, л. 24 – черновой.

2) РНБ, он. 1, №26, л. 25 – белой.

3) ПД. № 27807, л. 7 об. – белой, с зачеркнутыми четырьмя последними сти-хами.

4) Кульман. С. 1087. № 25 – белой.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 42) – рукою М. А. Мойер.

Впервые: Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 13. №1. С. 88 – с
подписью: «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 3–5 (С 3–4 – отдел «Романсы и песни»; С 5 – в подборке
стихотворений 1815 г.).

Датируется: начало апреля 1816 г.

Положение автографов № 2 и 3 в рукописи (сразу же за датированным 28 мар-та 1816
г. стихотворением «Сей день есть день суда и мщенья...»), а также весен-ний
колотит позволяют датировать «Весеннее чувство» началом апреля 1816 г.

По мнению М. Г. Салупере, песня «Весеннее чувство» была написана в 1816 г. «на

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
заданную мелодию Вейрауха» (Ж. и русская культура. С. 452). Именно в начале
апреля 1816 г. Жуковский приезжает в Дерпт (см.: УС. С. 172–173), и
стихотворение отражает «весеннее чувство поэта».

Полный текст стихотворения приводится в письме к А. П. Киреевской из Дерпта от
7 ноября 1816 г. Ср.: «Воейков не любит моего „там“. Да уже и слишком много его
в моих стихах! А как без него обойтись? Кстати о „там“! Вот еще песня,
написанная мною по просьбе и на данный голос. Об ней будет объяснение...» (и
далее идет текст стихотворения–РС. 1883. №9. С. 542–543).

Песня представляет характерный образец романтической пейзажной лирики. Белинский
называет это стихотворение в числе лучших произведений поэта (Белинский. Т. 7.
С. 214), видя в нем основной пафос поэзии Жуковского–«стремление к
бесконечному» (Там же. С. 182). Как образец интимной лирики Жуковского с
характерной песенной композицией рассматривает это стихотворение Б. М.
Эйхенбаум (Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 372–376). И. М. Семенко,
говоря об особой ритмико-интонационной структуре произведения, подчеркивает его
«пантеистическое мироощущение», данное «в чувственно-конкретном образе»
(Семенко. С. 113). С. А. Матяш видит в «Весеннем чувстве» «не только пример
пейзажной лирики эпохи романтизма, но и образец русской философской лирики,
сформировавшейся на песенной основе» (Анализ одного стихотворения. Л., 1985. С.
98).

Переведено почти сразу же на немецкий язык К. Ф. фон дер Боргом для его
антологии «Poetische Erzeugnisse der Russen» (Dorpat, 1820. Bd. 1). Вошло в
первую часть антологии Джона Бауринга (Российская антология. Specimens of the
Russian Poets with Preliminary Remarks and Biographical Notices, transl. by John
Bowring. L., 1821. T. 1). По ней с лирикой Жуковского познакомился Гёте (см.:
Веселовский. С. 335).

Положено на музыку А. Вейраухом и А. Рубинштейном.

Ст. 12. После этого стиха в черновом автографе были следующие строки:

Лх, надежда за воспой Прилетала в ирежпн годы. Всё тогда, леса п воды, Всё имело
голос свой.

И. Поплавская

«Сон-утешитель! Пусть образу смерти твой образ подобен...»

(С. 31)

Автограф (ПД. № 27807, л. 8 об.)–два черновых варианта и беловой. При жизни
Жуковского не печаталось. Печатается впервые. Датируется: лето 1816 г.

IS – 295

449

Основанием для датировки является положение автографа в «Книге Александры
Воейковой» – рабочей тетради Жуковского сентября 1815–января 1819 г. Наброски
четверостишия и его окончательный вариант находятся после белого автографа
«Весеннего чувства» и перед вторым посланием к Т. Боку, т. е. в границах
апреля–августа 1816 г.

Это время пребывания Жуковского в Дерпте, когда он, решившись на жертву (дал
разрешение Маше Протасовой на свадьбу с И. Ф. Мойером), пытается найти
успокоение в философии самоотречения. По точному замечанию исследователя, это
было «испытанием, страдой веры» (Веселовский. С. 209).

Органической частью этой философии стал образ сна-утешителя. Уже после свадьбы
Маши с Мойером, которая состоялась 14 января 1817 г., Жуковский писал А. И.
Тургеневу: «Я хлебнул из Леты и чувствую, что вода ее усыпительна. Душа
смягчилась. К счастью, на ней не осталось пятна; зато бела она, как бумага, на
которой ничто не написано. Это–то ничто–моя теперешняя болезнь, столь же
опасная, как первая, и почти похожая на смерть. (...) Оно [равнодушие] похоже на
сон, который производит иногда прекрасная музыка. Музыка моя молчит, и я сплю!
Из этого–то сна должно непременно выйти...» (ПЖТ. С. 177). Переводы из Гёте
(«Кто слез на хлеб свой не ронял...», «Утешение в слезах», «К месяцу»), из
Уланда («Сон», «Песня бедняка», «Счастье во сне»), созданные в атмосфере
душевного разлада, лейтмотивно развивают тему сна и утешения во сне.

Не исключено, что дистих Гёте «Die Geschwister» («Братья», 1782) подсказал общую
мысль гекзаметрического четверостишия Жуковского. Заметим кстати, что дистих
Гёте входит в подборку стихотворений под общим заглавием: «Antiker Form sich
nahernd» («Приближаясь к античной форме»). Ср.:

Schlittiiiiincr uiid schlaf, zwei Briidcr, zuin Dienste dor Goiter bcnifcii, Vat
sich Prometheus hcrab, seinein Gesehlechte zuin Trost;

Abcr den Gottern so leicht, doch schwer zu ertragen den Menschen,

ward nun ihr Schluinincr uns schlaf, ward nun ihr schlaf uns ziim Tod.

Сои и Дремоту, двух братии, служенью богов обреченных, С неба низвел Прометей
роду людскому служить. Что было в нору богам, человеку пришлось не но силам:
(Тала Дремота их сном, смертью стал нам их Сон.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
(Перевод М. Михайлова. Цит. по: [Гербель Н. В.] Собрание стихотворений Гёте в
переводе русских писателей. 2-е изд. СПб., 1892. С. 228).

О. Лебедева у Л. Янушкевич

<К Т. Е. Боку>

(«Мой милый Бок!..») (С. 31)

Автограф (ПД. № 27807, л. 9об.)—черновой.

Копия (РНБ, он. 2, №81, л. 2 об.)—рукою неустановленного лица.

Впервые: Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т. 1. С. 71 – в
составе статьи Н. Лыжина «Знакомство Жуковского со взглядами романтической
школы».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется:
август 1816 г.

Основанием для датировки данного послания может быть местонахождение его
чернового автографа в «Книге Александры Воейковой»: непосредственно пе-ред
набросками 15–19 строф баллады «Вадим», имеющими авторскую датировку: 1 сентября
1816 г., и в окружении других произведений 1816 г., написанных в марте–мае 1816
г.

Как установлено М. Г. Салупере, «летом 1816 г. Жуковский с Протасовыми и женихом
Маши Мойером путешествовал по Лифляндии и Эстляндии. Возвра-титься в дерпт они
должны были также в августе, т. к. в университете, где препо-дал Мoyer,
начинались лекции» (ПМИЖ. Вып. 19. С. 67). Тимофей Бок 6 авгу-ста 1816 г. также
приезжает из Петербурга в свое имение Выйзику, недалеко от Дерита, куда и
приглашает Жуковского.

Трудно сказать, состоялась ли эта поездка в августе. Вполне вероятно, что
Жу-ковский посетил Бока в день его рождения, 13 ноября 1816 г., о чем
свидетельст-вует письмо Бока Жуковскому от 12 ноября 1817 г., начинающееся
словами: «Ров-но год, как мы Гомера читали и от стужи и метели спаслись к
доброму Василию в теплую избу...» (Там же. С. 69).

Ст. 9. ...сестра прелестная твоя...– Речь идет, как предполагает М. Г. Салупере,
о Юлии Бок, в которую был безнадежно влюблен Т. Бок (Там же. С. 67–68). См.
также примеч. к стих. «Голос с того света».

Л. Янушкевич

Верность до гроба

(«Младый Рогер свой острый меч берет...») (С. 33)

Автографы:

1) ПД. № 27807, л. 9–черновой, без заглавия.

2) ПД. № 10089–беловой. Впервые: ¥\мдн. 1818. №4. С. 26–29.

В прижизненных изданиях: С 3–5 (С 3–4–отдел «Романсы и песни»; в С 4–с
подзаголовком: «С немецкого»). В С 5 (Т. 3. С. 25–28)–в подборке сти-хотворений
1818 г.

Д а т и р у е т с я : апрель–август 1816 г.

Черновой автограф находится в «Книге Александры Воейковой» между стих. «Весеннее
чувство» и черновыми вариантами 15–19 строф баллады «Вадим». Как известно,
«Весеннее чувство» было закончено в начале апреля 1816г., а работа над
соответствующими строфами «Вадима» датирована самим поэтом 1-м сентяб-ря (л. 10
об.). Все это позволяет считать временем создания стихотворения «Вер-
ность до гроба» апрель–август 1816 г. Указание вС5на1818г. связано со време-нем
публикации текста в Р\УДН.

Перевод стихотворения «Tgeieг Tod» («Верная смерть») немецкого поэта и
драматурга Теодора Кернера (Korner, 1791–1813), погибшего в бою с
наполео-новскими войсками. Стихотворение, оказавшееся пророческим, было впервые
опубликовано в «Избранных произведениях поэта» (Vermischte Gedichte und
Er-zahlungen. Bd. 2. Leipzig, 1815). В стихотворении Кернера было три строфы.
Чет-вертая, содержание которой навеяно гибелью поэта, дописана Карлом Шалем
(Schall, 1780–1833) после смерти Кернера (см.: Галюн. С. 14) и издана вместе со
стихотворением Кернера отдельным оттиском. Жуковский, вероятно, работал по этому
изданию, переведя все строфы.

Стихотворение Кернера написано в форме популярной у романтиков народ-ной песни.
При этом система образов и понятий в нем носит условный характер. Так, герой
определен как рыцрь (Ritter), поднявший меч за «свободу, славу и ро-дину» («Für
Freiheit, Ruhm und Vaterland») и, далее,– «за свою любовь» («Für (...) meine
Liebe»). Но если сражение рыцаря «во имя славы и любви» было закрепле-но
поэтической традицией в кодексе рыцарской чести, то понятия свобода к родина
принадлежат иному, более позднему времени–эпохе Наполеоновских войн. По-этому
как рефрен в конце каждой строфы повторяются слова: «Dem Vaterland und meiner
Liebe» («За родину и мою любовь»), что было в высшей степени актуально в момент
написания стихотворения, и не случайно оно очень скоро было положе-но на музыку
и стало популярной песней (Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 596).

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

К моменту перевода стихотворения Жуковским тема битвы за родину перестала быть столь актуальной. К тому же русского поэта в стихотворении Кернера привлекала не историческая ретроспектива, а общечеловеческая тема–трагическая гибель человека, верного своим высоким идеалам и принципам, что и обусловило некоторые отступления переводчика от оригинала. Так, Жуковский убирает прямое упоминание о рыцаре, назвав героя «Младый Рогер»; он усложняет синтаксис, вводя многоточия и тире, что при сохранении размера и строфики оригинала несколько изменяет ритм стиха, делая его менее «песенным». Само заглавие звучит как присяга на верность любви, что было связано с мироощущением Жуковского этого периода, накануне брака Маши Протасовой с Мойером. Ослабив национально–патриотические настроения песни Кернера, Жуковский эмоционально усилил психологическую ситуацию.

Н. Реморова

Овсяный кисель

(«Дети, овсяный кисель на столе; читайте молитву...») (С. 34)

Автограф (ПД. №27807, л. 19–21)–черновой; л. 24 об.– прозаическое предисловие–датой: «1 ноября». Копии: 1) ПД. №9812.

2) ПД. №9678.

3) ПД. № 26305.

Впервые: Труды Общества любителей российской словесности. М., 1817. Ч. 10. С. 62–70–с примечанием и предисловием Жуковского.

В прижизненных изданиях: МДН. 1818. №2. С. 2–17; с 3–5 (в с 3–4–отдел «Сельские стихотворения», в с 5 – в подборке произведений

1816 г., с названием в оглавлении: «Овсяный кисель (Из Гебеля)»; предисловие опущено.

Датируется: сентябрь – начало ноября 1816г.

Перевод стихотворения «Das Habermus» представителя демократического крыла немецких идиалликов И. П. Гебеля (Hebel, 1760–1826), писавшего на алеманнском наречии (см. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1956). «Das Habermus» написан Гебелем в 1800–1801 гг. и вошел в его сборник «Алеманнские стихотворения» (Alemannische Gedichte. Karlsruhe, 1803), который был высоко оценен Гёте, затем Уландом, а в 1816 г. и Жуковским. Перевод Жуковского осуществлен по указанному изданию (см. примечание переводчика к стихотворению), с незначительным сокращением количества стихов (Жуковским опущено 3 последних стиха: «Un jetzt gohnt in d'Schuel; dort hangt der Oser am Simse! // Fall mer kais, gent Achtig, un lehret, was men ich ufgitt! // wenn der wider chommet, se chommet der Zibbertli uber»). В FW^IN стихотворение было разбито на 4 строфы (2–я–с 23–го ст., 3–я–с 29–го и 4–я–с 34–го ст.), в последующих публикациях, в том числе в с 5, Жуковский отказался от этого.

Традиционно исследователи и комментаторы считали первой по времени публикацию в МДН 1818 г. (см. СС. С. 449; Стихотворения. Т. 2. С. 506). Но реально Жуковский познакомил своих товарищей с данным стихотворением на одном из заседаний «Арзамаса» в 1816 г. В протоколе от 24 декабря читаем: «Секретарь Светлана представил членам донесение о своих поступках; и члены уверились, что он приобрел новые великие совершенства, документами сих новообретенных совершенств служат: 1–е. Очаровательный Овсяный кисель, который члены единодушно провозгласили райским кремом» (Арзамас–2. Кн. 1. С. 380). А в речи, произнесенной Жуковским в «Арзамасе» еще раньше (в середине декабря), в связи с его возвращением к обязанностям секретаря по приезду из Дерпта, читаем: «Муза моя сострепала из гекзаметров овсяный кисель. О друзья мои, отважусь дать ли вам киселя. Осмелюсь ли сказать вам вместе с доброю бабушкой, которая потчует ли своих внучков: Кушайте, светы мои, на здоровье! Господь вас помилуй!» (Там же. С. 384). Чуть позже, 29 ноября 1817 г. «Овсяный кисель» был прочитан П. С. Яковлевым на 31–м заседании Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. В «Трудах» Общества в 1817 г. и был впервые опубликован «Овсяный кисель» Жуковского. Уже в февральской книжке 1818 г. FW^IN это стихотворение было переиздано. И в этом же году оно было перепечатано в СО (№ 11. С. 190–194) и таким образом получило широкую читательскую известность.

Данные уточнения позволяют подчеркнуть программный характер произведения, являвшегося для Жуковского в этот период одним из его эстетических манифестов. Рожденное во многом в атмосфере арзамасских заседаний, оно демонстрирует новый тип поэтического мышления Жуковского. Сам поэт прекрасно осознавал, что он экспериментирует в «совершенно новом и нам еще неизвестном роде». Именно об этом он пишет А. И. Тургеневу 21 октября 1816 г.: «Между тем написал, т. е. перевел с немецкого пьесу под титулом Овсяный кисель; не думай, что этот кисель был для Арзамаса; нет, но надеюсь, что он покажется вкусным для Арзамасцев, хотя и не разведен на бессмыслице. Это перевод из Гебеля, вероятно, тебе неизвестного поэта, ибо он писал на Швабском диалекте и для поселян. Но я ничего лучше не

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
знаю. Поэзия во всем совершенстве простоты и непорочности! Переведу еще многое. Совершенно новый и нам еще неизвестный род» (ПЖТ. С. 164). Словно отвечая на бурную полемику вокруг своих баллад, которые якобы уводили от жизни, Жуковский обращается к жанру идиллии, демонстрируя свои возможности изображения «неодушевленной природы» «свежими яркими красками», конкретизации идиллического характера сообщением ему черт национальности и народности в гердеровском понимании (см.: Вацура В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978. С. 124–138).

В примечании к переводу Жуковский приводит выдержку из статьи Гёте о Гебеле: «Гебель, – говорит Гёте об авторе Алеманнских стихотворений, – изображая свежими яркими красками неодушевленную природу, умеет оживотворить ее милыми аллегориями». И далее Жуковский вслед за Гёте с восторгом пишет о том, что Гебель, в отличие от «древних поэтов и новейших их подражателей», наполнивших идиллию «существами идеальными», «видит во всех предметах одних знакомцев своих поселян». Положительная оценка этого факта обнаруживает связь Жуковского с гердеровской концепцией органического развития мира, с его ориентацией на народность. Перевод Жуковского, таким образом, прямо отвечал на вопрос времени – об обращении поэзии к национальным, народным истокам. «Das Habermus» было наименее локальным среди Алеманнских стихотворений и легко поддавалось русификации. Жуковский относит свой перевод в С 3, 4 в отдел «Сельские стихотворения», осторожно вводит в него русские имена, приметы русского национального быта, употребляет разговорную, простонародную и даже диалектную лексику, тогда как для Гебеля характерно употребление нейтральной лексики. При этом переводчик попытался воспроизвести сам способ мышления русской крестьянки. Ее образ, конечно, как и у Гебеля, идеализирован, ориентирован на тип, созданный сентименталистской литературой. Но Жуковскому важно сохранить дидактизм оригинала, передать характерную для народной концепции мира патриархальность, соотносимость жизни людей и жизни природы, осознание их органического единства. Это был первый практический шаг к созданию русской народной идиллии и одновременно к еще одному художественному открытию, имевшему огромные последствия. Это было открытие символического образа бытия: в обыкновенном и будничном открывалась поэзия жизни. Лиро-эпос Жуковского, таким образом, в «Овсяном киселе» обретает свои зримые формы. Показательно, что в «Общем оглавлении» последнего прижизненного собрания сочинений Жуковского «Овсяный кисель» был помещен в отдел «Смесь». На синтетическом характере образности в произведении, на слиянии эпического воссоздания бытия с его индивидуальным переживанием акцентирует внимание читателя сам Жуковский в своем предисловии к стихотворению: «Говоря о простой былинке, он (Гебель.–И. Л.) возбуждает в душе Читателя прекрасные мысли о Провидении. Все оживлено в его картине. Каждое растение имеет своего Ангела; жребий невидимого зародыша также занимает всеобъемлющую любовь Создателя, как и блистательный жребий планеты (...). И тленная былинка неприметно становится эмблемою человеческой жизни» (Труды Общества любителей русской словесности... С. 62–63).

Очень важно, что Жуковский сохраняет в переводе повествование от лица героини (старой крестьянки), когда ее самовыражение происходит в процессе рассказывания. Кроме того, подчеркивается ориентация на слушателя включением в размеренное детальное повествование лирических вставок-обращений, характерных для устной речи. Размерности рассказа вполне соответствует сохраненный Жуковским гебелевский ритм гекзаметра. Уже в самом факте-принципиальная позиция поэта. Перевод появляется в разгар полемики о гекзаметре, возникшей в связи с работой Н. Гнедича над переводом «Илиады» и, шире, – в связи с отказом русской поэзии от французской традиции, на защиту которой встали классики, – в пользу античной и немецкой. В. Кюхельбекер прямо заявлял об этом в 1817 г., видя здесь симптом поворота русской литературы к новой, т. е. к романтической, поэзии (см.: Егунов А. Н. Гомер в русских переводах. М.; Л., 1964. С. 174–178).

И. М. Семенко по поводу «Овсяного киселя» справедливо замечает: «Разговорно-сказовый гекзаметр привлекал Жуковского как одна из возможностей развития в России повествовательного стиля. Ему было важно при этом, что гекзаметрическая форма облагораживала бытовое содержание, придавала своего рода священность, значимость самым обыкновенным факторам жизни» (Семенко. С. 226–227). Сам Жуковский еще в примечании к переводу с восторгом говорил о простоте рассказа, о сочетании ее с высоким и важным содержанием. Проблема соединения поэзии и прозы явилась дополнительным стимулом обращения Жуковского к «Овсяному киселю», написанному гекзаметром, синтетическим метром, где существует ритмическая организация и повествовательная стихия (эпос Жуковского в гекзаметрах С. А. Матяш справедливо назовет «стихотворной прозой» – см.: Матяш С. А. Метрика и строфика В. А. Жуковского // Русское стихосложение XIX века. М., 1979. С. 91). «Овсяный кисель» соединил в себе

описательность и мело-дичность.

Ничего подобного до сих пор русская идиллия не знала. Может быть, поэтому опыт Жуковского не был оценен по достоинству даже в ближайших к нему лите-ратурных кругах. П. А. Вяземский писал о том, что переводами из Гебеля Жуков-ский роняет себя в общественном мнении (см.: ОА. Т. П. С. 226). А. Ф. Мерзляков даже глумился над переводами Жуковского, предпочитая идиллиям Гебеля идил-лии г-жи Дезульер (русский перевод их был сделан Мерзляковым еще в 1807 г.). В своей речи в московском Обществе любителей российской словесности в 1818 г. он называет «Овсяный кисель», наряду с «Красным карбункулом» и «Адельста-ном», «злоупотреблением поэзии и гекзаметра». Причем, по воспоминаниям М. А. Дмитриева речь была произнесена при большом стечении народа в присут-ствии Жуковского и получила резонанс (см.: Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 168–169). В кругах «классиков» переводы из Гебеля, и в частности «Овсяный кисель», рассматривались как уродливые порождения «ро-мантической моды». В письмах И. М. Муравьева-Апостола к Капнисту содержат-ся уже прямые ассоциации: Байрон – 3. Вернер–«Карбункул и Овсяная каша» (см.: Громова Т. Н. Литературные взаимоотношения И. М. Муравьева-Апостола и

В. В. Капниста // РЛ. 1974. № 1. С. 113). Однако романтику К. Н. Батюшкову тоже не нравилось, что Жуковский переводит Гебеля (см.: РА. 1884. Кн. 1. С. 236). Но Жуковский работы над Гебелем не прекращал и перепечатывал «Овсяный ки-сель» из издания в издание, сопровождая его высокой оценкой поэзии Гебеля в целом. Между тем по поводу идиллии в русской литературе конца 1810–начала 1820-х гг., как известно, развернулась бурная полемика, в которой участвовали Панаев, упорно переводящий Геснера, Гнедич–здесь достойным изображения объектом признавалось лишь «высокое», бытовая сфера была лишь слегка обозна-чена, оставался непреодоленным разрыв между формой и содержанием (см.: Ва-цуро В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978. С. 124–125). По другую сторону находятся идиллии Жуковского и близкого к не-му своим творческим устремлениям А. Дельвига. В них создавался лирический характер, обусловленный определенным типом культуры. Именно идиллии Жу-ковского и Дельвига оказались близки творческим устремлениям А. С. Пушкина, который высоко ценил переводы Жуковского из Гебеля, в частности «Овсяный кисель», и упрекал критику, не увидевшую в нем достоинств. «Овсяный кисель» был для него примером поэзии, «освобожденной от условных украшений стихо-творства» (Пушкин. Т. 11. С. 73). Неслучайно в своей речи, посвященной вступи-лению в «Арзамас», сохранившейся во фрагментах, Пушкин упоминает Жуковского именно как автора «Овсяного киселя»: «Венец желаньям! Итак, я вижу вас, // О други смелых муз, о дивный Арзамас! // Где славил наш Тиртей кисель и Алексан-дра» (Арзамас–2. Кн. 1. С. 438; см. также с. 588).

Следует сказать и о Ф. Н. Глинке, продолжателе или подражателе «Овсяного киселя» Жуковского. Его сказка «Бедность и труд» очевидно ориентирована на это произведение Жуковского самой структурой и даже интонационным строем (Ср., напр.: «Как же в светлице нам быть-то? Опять вы в бирюльки? Аль вечно // Руки поджавши сидеть, а работу иод лавку? Нет, дети! Боже спаси вас!..» // СО. 1818. №3. С. ПО). Глинка вслед за Жуковским стремится создать «простонарод-ный русский рассказ в гекзаметрах», по существу идиллию типа гебелевской в пе-реводе Жуковского. При этом, как это было для него обычным, он вводит не свойственные Жуковскому социальные аллегории, что и делало его сказку фактом литературной политики Союза благоденствия. Как и Жуковский, Глинка не огра-ничился одной гекзаметрической народной сказкой, за ней последовали и другие.

Примечательным откликом на «Овсяный кисель» была пародия О. Сомова, вышедшая из «самых недр» Вольного общества словесности, наук и художеств, ко-торое поддерживало нанаевскую идиллию. Она была написана в декабре 1820 г. и называлась «Соложеное тесто». Пронизанная парафразами из Жуковского и Глин-ки, она указывала на то, что именно у этих авторов считалось внеэстетическим. Сомов пародирует принцип детального эпического описания, иростонародность. Стремясь подчеркнуть «неприличие» своих «образцов», автор пародии сгущает натурализм описания («Дети! Ко мне все бегом: на столе соложеное тесто! // Пол-но дурить на дворе да гонять поросят но закутам. // Ну-тка, усядьтесь: да рыла, чур, не марать и ложкой не драться. // Кушайте, светуи мои, на здоровье: Христос вас помилуй ...»). Эта пародия намечала литературный водораздел, по одну сторо-ну которого стоит Жуковский и его сторонники, по другую–Панаев со своими і юслед ователя м и.

Ст. 5. Заскородил...–Заборонил.

Ст. 29. Точит облачко дождевое...– Точить: здесь – источать, изливать.

И. Айзикова

«Там небеса и воды ясны!..»

(С. 36)

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh Автограф (РНБ, оп. 1, №26, л. 25)–черновой, без двух последних стихов. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Москвитянин. 1853. Т. 1. №2. С. 142. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: сентябрь–октябрь 1816 г.

Положение автографа в рукописи после «Весеннего чувства» (начало апреля 1816 г.) и перед датированными строфами из «Вадима» позволяет отнести работу над стихотворением предположительно к сентябрю–октябрю 1816 г. Стихотворение написано в Дерите (см.: ЖМНП. 1869. Ч. 142. С. 377), где Жуковский был именно в это время. В сентябрьско–октябрьских письмах к А. И. Тургеневу он сообщает: «Начинаю понемногу писать. Что пишу, о том ни слова (...) Поэзия час от часу становится для меня чем–то возвышенным» (ПЖТ. С. 161, 163).

В с 5 (Т. 12 посмертный. С. 115–116) опубликовано под заглавием: «Вольное подражание романсу Шатобриана: *Combien j'ai douce souvenance...*» Озаглавлено, по всей вероятности, редактором тома Д. Н. Блудовым.

Стихотворение представляет вольную переработку романса французского писателя Франсуа–Рене де Шатобриана (Chateaubriand, 1768–1848) «Как сладко мне воспоминанье...» из его повести «*Les aventures du dernier Abencerage*» («История последнего из Абенсеражей», 1810). Ср.: Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 422–423.

Ц. С. Вольпе указывает, что романс Лотрека, героя повести, в свою очередь является обработкой одного из известных лирических произведений французского поэта–трубадура XII в. Оверна, к творчеству которого обращались Данте и Петрарка (Стихотворения. Т. 2. С. 525).

К творчеству Шатобриана Жуковский обращался и ранее, в 1804–1810 гг., переводя его прозу в ВЕ и штудируя «Гения христианства» (см.: Дневники. С. 18, 20; БЖ. Т. 3. С. 142; Янушкевич. С. 89–90). О личном знакомстве поэта с Шатобрианом, состоявшемся 7 января 1821 г., см.: Дневники. С. 98. Шатобриан в то время был французским посланником в Берлине, и встречи с ним в 1821 г. были достаточно часты. «Жуковский видит и хвалит Шатобриана»,– писал Карамзин И. И. Дмитриеву 10 марта 1821 г., рассказывая о берлинских впечатлениях поэта (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 304).

Жуковский действительно создал «вольное подражание» романсу Шатобриана. Он не перевел пятую строфу оригинала, снял все обращения к конкретному лицу («*та sceur*» – «моя сестра», «*та спёге*»– «моя дорогая»), заменив их неопределенно–личной формой («Ты помнишь ли...»). Все французские реалии были убраны, и стихотворение обрело колорит русского пейзажа. Не случайно в письме к А. П. Киреевской от 7 ноября 1816 г., приведя весь текст своего перевода, Жуковский добавил: «Я было начал давно стих к родине, в подражание Шатобриану...» (РС. 1883. №9. С. 542).

О связи этого стихотворения с пейзажами родного Мишенского упоминает П. М. Мартынов (ИВ. 1887. Т. 27. № 1–2. С. 111). Очень точно эту же связь выразил А. Н. Веселовский: «Это так задушевно, так веет тоской по родной русской деревне, а между тем и тон, и лирическая форма подслушаны у Шатобриана» (Веселовский. С. 217).

Ст. 6–15. Ты помнишь ли, как под горою ~ Село?..– Речь, по–видимому, идет о пейзажах с. Мишенского Белевского уезда Орловской губ., родине Жуковского. Подробнее см.: Афанасьев В. В. «Родного неба милый свет...»: В. А. Жуковский в Туле, Орле и Москве. М., 1980; Милонов Н. А. Тульский край в рисунках В. А. Жуковского. Тула, 1982.

Ст. 8. Белелся луг вечернею порою...– В рукописи первоначально было: «Белелся луг вечернею порою», затем исправлено на: «Светился луг вечернею порою», затем вновь зачеркнуто и исправлено на: «Белелся луг вечернею порою».

И. Поплавская

Певец в Кремле

(«Бегите в Кремль! На холме том...») (С. 37)

Автографы:

1) РГАЛИ, он. 1, № 13, л. 19–21, 23–25 об.–черновой, с заглавием: «Певец на Кремле посреди граждан Москвы» и датами: «12–27 декабря».

2) РНБ, оп. 1, № 78, л. 42 – прозаический набросок.

3) РНБ, оп. 1, №26, л. 20–21 об.–беловой (ст. 1–67, 192–243), с двумя зачеркнутыми строфами; л. 22–черновой.

4) 8

4) ПД. № 27807, л. 7 об.–прозаический набросок, рисунок стиха; л. 24–25 об.– от ст. 412 до конца, беловой, с датой: «1 ноября».

Впервые: Певец в Кремле. СПб.: Медицинская тип., 1816–с примечанием: «Сии стихи написаны в конце 1814 года. Автор представляет певца русских воинов, возвратившегося на родину и ноющего песнь освобождения на Кремле, среди граждан московских, в виде жертвы, принесенной за отчизну и в тот самый день [25 декабря], когда торжествующая Россия преклоняет с благодарностью колена пред

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Промыслом, спасшим чрез нее народы Европы и все блага свободы и про-свещения» и
гравированным С. Галактионовым видом московского Кремля.
В прижизненных изданиях: С 2–5 (С 2–с заглавием «Певец в Крем-ле» в отделе
«Смесь»; С 3–4–отдел «Лирические стихотворения»; С 5 – в под-борке стихотворений
1814 г. и с заглавием: «Певец в Кремле»).

Д ати руется: 12 декабря 1814–1 ноября 1816 г.
В письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г. из Долбина Жуковский сооб-щал:
«А я теперь принимаюсь за новый подвиг. Певец во Стане, предсказавший победы,
должен их воспеть; и где же лучше, как не на Кремлевских развалинах, посреди
народа, пришедшего благодарить Творца побед на то же самое место, где Он в
первый раз грянул на наших новых Ордынцев. Итак, жди нового Певца; ме-сто
Кремль; слушатели граждане Москвы; время-день Рождества Христова, день,
посвященный торжеству победы единственной. Жди, молчи и верь. План сделан;
начало сделано, всё скоро поспеет. Не знаю только, будет ли в твоих ру-ках к 25.
А хорошо бы! (...) Только ради Бога не разглашай. Это будет убийством. (...)»
теперь надобно заняться одним Певцом» (ПЖТ. С. 132).

Жуковский торопился завершить сочинение к Рождеству, на каковой день «было
назначено праздновать воспоминание избавления церкви и державы рос-сийской от
нашествия галлов» (Зейдлиц. С. 67), и к 22 декабря 1814 г. написал около 200
стихов, но все-таки не кончил. П. А. Вяземский вспоминал, как «у Дмитриева,
приезжавшего в Москву из Петербурга во время министерства сво-его, Жуковский
читал нам только что написанную поэму свою: „Певец на Крем-ле“. Карамзин слушал
со вниманием, но в середине чтения не вытерпел и сказал: „Вперед, вперед! Вы всё
на одном месте кружитесь“» (РА. 1868. Стб. 1836),–и здесь Вяземский явно сбился
в датировке событий, поскольку И. И. Дмитриев вышел в отставку 30 августа 1814
г. Вероятно, это происходило в январе 1815 г., и иод воздействием карамзинских
замечаний Жуковский 1 февраля 1815 г. дал знать А. И. Тургеневу: «„Певца“ я
написал почти совсем и дописал бы, когда бы не помешала зубная боль. Но я им не
весьма доволен» (ПЖТ. С. 140).

К возобновлению работы над «Певцом...» Жуковский вернулся спустя полтора года по
настоянию Д. А. Кавелина и А. И. Тургенева, которые «хотели упрочить положение
его» (Зейдлиц. С. 106) и поднести Александру I двухтомник Жуковско-го и
отдельное издание «Певца на Кремле» с приложением приветствия поэта. 21 октября
1816 г. Жуковский отвечал А. И. Тургеневу из Дерпта: «Если хочешь, чтоб я кончил
Певца, то пришли его мне; у меня нет списка; пришли скорее. Я пи-сал к тебе и
Вяземскому в Москву о причинах, которые мешали мне кончить эту пиесу, но моему
мнению слабую. Но... когда Государь должен узнать об ней, вижу, что кончить ее
надобно. Не надеюсь однако на большой успех. Вспомни, что она написана была в
одно время с Посланием [„Императору Александру“.–Н. С], в уе-динении... Того,
что уже написано, я бы теперь написать не мог; но слава Богу, что оно уже
написано, с искренним бескорыстным чувством, без всякой другой побудительной
причины, кроме удовольствия писать. Что осталось, то одно обще. Мне было бы
тяжело думать, что такая пиеса написана для каких-нибудь личных видов (...).
Присылай – я кончу! (...) нельзя ли попросить Алексея Николаевича Оленина
сделать виньетку для Певца? Вот мысль: Всевидящее око в небесах; лучи его ударили
на землю, и тучи разлетелись, и полшара в сиянии; в удаляющихся тучах гаснут
молнии» (ПЖТ. С. 163–164). 31 октября 1816 г. Жуковский писал ему же:
«Постараюсь Певца кончить и конец сделать получше. Не знаю, удастся ли. (...)»
Третий том должен состоять из новых пиес. Но из этого выключается Пе-вец II...»
(Там же. С. 166). Последние строфы помечены 1 ноября 1816 г.

Третий том С 1 Жуковский не составил, но изначальное исключение из его со-става
«Певца на Кремле» само по себе любопытно: видимо, неудовлетворенность сделанным
была достаточно велика, хотя по письму к А. И. Тургеневу от 6 ноября 1816 г.
можно судить иначе: «Посылаю тебе „Певца“, милой друг, и благодарю за то, что ты
принудил меня его кончить. Сам бы я этого не вздумал. У меня была в душе большая
против него антипатия; но он не заслужил сего проклятия. Он дос-тойный брат
своего тезки. Я многое выбросил, от этого всё сделалось сильнее. В нервом
„Певце“ более драматического; в последнем более единства, и одна высо-кая мысль
в нем царствует. Но оставим этот разбор критикусам. Я послал к Каве-лину
несколько денег на напечатание. Их не будет достаточно. Чего не достанет, добавь,
если можешь, из своего кармана; если твой пуст, загляни к Блудову или Жихареву.
После сочтемся. Но печатание и все заботы о распродаже „Певца“ пре-доставь
Кавелину. (...) О печатании, корректуре и прочем пиши к Кавелину. При-лагаю
здесь другой экземпляр для графа Румянцова: я обещал ему доставлять сти-хи свои;
особенно ж „Певца“ должен он иметь первый. (...) Думаю, что получить „Певца“
будет ему приятно. Не надобно ли прислать и к Нелединскому для Госу-дарыни? Ведь
она и первому „Певцу“ была восприемницею! (...) Титулом я недо-волен; подумаю об
нем с Блудовым и посоветуйся с Николаем Михайловичем» (Там же. С. 168). Немного

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
погода Жуковский вспомнил критику Карамзина и об-ратил внимание Тургенева на ст.
165, который так и не смог исправить: «Вдохно-венный светильник не нравится
моему почтенному учителю. Привычки к слепой ему покорности, я рад бы переменить
это выражение, но, право, не умею. По крайней мере теперь ничего не могу
придумать. Печатайте. Пусть Кавелин при-шлет мне корректуру (чего прошу
умиленно). В корректуре авось поправлю. При-сылайте только скорее. Непременно
надобно выставить, что пиеса писана в конце 1814. Будет ли виниета?» (РС. 1901.
№4. С. 133). И чуть позже ему же: «Что кор-ректурa Певца? Будет ли прислана?»
(Там же. С. 134).

Предполагаемое Жуковским изображение Всевидящего ока, выделяющее ре-лигиозную
идею «Певца...», воплотить не удалось, и на заглавном листе появился вид Кремля,
гравированный С. Ф. Галактионовым. Судя по пометам в рукописи (см. ниже),
значимой для Жуковского идее Провидения и иным характерным ак-центам,
уведомление-примечание для отдельного издания написано им самим.

Заглавие менялось по мере создания произведения и его публикации. В днев-никовой
записи после 1814 г. значится: «Вост.(очный) Пев.(ец)» (Дневники. С. 49); в
росписи сочинений отмечена «Песнь на торжество» (РНБ, оп. 1, №77, л. 25); в
рукописи, хранившейся у пансионского однокашника И. Ф. Золотарева: «Певец на
Кремле. В день Рождества Спасителя и воспоминания о спасении России» (РА. 1867.
Стб. 802). ВСЗ возникло каноническое заглавие: «Певец в Кремле».

П. А. Плетнев в статье «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского» вспоминал свое
восприятие «Певца...» как «радостный трепет» (Переписка. Т. 3. С. ПО). Иное
мнение сложилось у К. К. Зейдлица: «Как ни благозвучны стихи „Певца в Кремле" и
как ни разнообразны соответствующие обстоятельства мысли и кар-тины, но, читая
эти стихи, чувствуешь в них что-то искусственное и некоторый недостаток
сердечной искренности. Песнь певца в Кремле течет медленно, как широкий поток
лавы, который светится пурпуровым блеском лишь впотьмах. (...) Последняя строфа,
которая должна была бы греметь, как раскат грома, похожа на лирическую мечту,
напоминающую тоску по милой» (Зейдлиц. С. 67–68). Появи-лась даже эпитаграмма на
«Певца...», приписываемая Н. М. Шатрову:

В стане русских певец – Удалой молодец, Хоть и много оп пьет, Л пи слова не
врет. Но в Кремле наш певец – что болтливый скворец, Хоть нн капли не пьет, Л
что слово, то врет.
(Русская эпитаграмма: XVIII –начало XX века. Л., 1988. С. 138, № 385).

Ст. 8. Орел наш двоеглавый...– Византийский герб с двуглавым орлом был вве-ден
Иваном III в 1497 г. после женитьбы на царевне Софии Палеолог как знак
правопреемства Руси с Ромейской империей.

Ст. 19–28. Смотрите: на его стенах ~ Убийцей оскверненный...– При отступле-нии
из Москвы Наполеон велел уничтожить Кремль: 10 октября 1812 г. загоре-лась
Грановитая палата («древний дом Царей» – конец XV в.), а в ночь на 11-е были
взорваны в некоторых местах стены и башни Кремля (застройка конца XV в.), а
также звонница (начало XVI в.) и Филаретова пристройка (начало XVII в.)
колокольни «Ивана Великого», взорвана и сгорела часть Арсенала (нача-ло XVIII
в.).

Ст. 29. Но ты, Царя венчавший храм...–Успенский собор (конец XV в.), где
Александр I венчался на царство 15 сентября 1801 г.

Ст. 33–37. И ты, Царей минувших прах ~ Над тихой сению твоей...– В
Архан-гельском соборе (начало XVI в.), выстроенном на месте прежней церкви
архи-стратига Михаила, находится захоронение царей, удельных и великих князей с
1303 по 1730 гг. При попытке французов взорвать собор пострадали звонница и
пристройка (см. примеч. к ст. 19–28).

Ст. 38. О, наш Сион священный...– Кремлевский холм уподоблен Жуковским
Сионскому, одному из холмов, на которых построен Иерусалим, традиционно
воспринимаемому как святыня.

Ст. 44. С хвалою первой к Богу сил...– Под силами здесь, вероятно, понимается не
только мощь как таковая, но и высшие сущности, упоминаемые в Новом Завете наряду
с началами, господствами и властями (см.: 1 Петр 3: 22; Рим 8: 38; Еф 1: 21).

Ст. 52–54. Он в дым Москвы Себя облек ~ Как пред Израилем, потек...–Жуков-ский
сравнивает освобождение России от французского нашествия со спасением израильтян
из египетского плена (см. ст. 59), когда «Господь же шел пред ними днем в столпе
облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им» (Исх 13: 21)
и, облеченный в огонь и дым, появился на горе Синай (Исх 19: 18), а после помог
евреям расправиться с врагами.

Ст. 65–66. ...Богу в вышних слава!ИЖивущим радость!мир земле!–лк 2: 14.

Ст. 92–95. Вели, да восшумят моря ~ Восцарствуй над водами...– Параллель
анг-лийскому гимну «Правь, Британия, морями».

Ст. 117. Прими в Твою десную...–Т. е. иод охрану (буквально: в правую руку).

Ст. 132–135. За первенство среди Царей ~ И миротворной дланью...– Имеется в виду

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh главенствующая роль Александра! на Венском конгрессе (сентябрь 1814 – июнь 1815), где русский император взял на себя миссию миротворца.

Ст. 184–185. Москва, они твоим стенам II Рекли: «оденьтесь в пламень...» – Ко времени написания этих стихов стала наиболее популярной версия, что московский пожар, случившийся при вступлении французских войск 2–9 сентября 1812 г., был вызван поджогами, которые учиняли сами москвичи (см. ст. 331: «Сей град, за честь сожженный...»). 2 сентября главнокомандующий М. И. Кутузов и генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин действительно приказали поджечь обозы, не успевающие уйти из города.

Ст. 186. Взлетите гибелью врагам...– Подчеркивая в том же контексте, что взорванные стены пали на головы захватчиков, Жуковский вступает в противоречие с фактами: русские, в отличие от французов, ничего не взрывали. См. примеч. к ст. 19–28.

Ст. 207. Парижу мзда: спасенье...– Русские войска вошли в Париж 19 марта 1814 г.

Ст. 226. Святое титло верных чад...– Титло–здесь: знак. Ст. 235. После этого стиха в рукописи зачеркнуто:

Придите ж с бодрствсиим челом,
Сложив с себя перуны, Пред тем склонитесь алтарем,
Пред коим Царь наш юный, Прияв державл и венец,
Одетый в багряницу,
С обетом быть Царем сердец
Воздел горе десницу. Облобызайте сей алтарь!
Ом нам благодворитель! Им дан России добрый Царь,
Им дан земле хранитель!
Се праотцы над ним парят,
Светила полуночи! Утехой вечною горят
Их к вам склонен и ы очи! И он, сей вождь, который был
Меж вами столь недавно, Ужасный бог для вражьих сил –
Своей дружине славной Из света руку подает!
При коронации Александр I дал обет в том, что «счастье вверенного нам наро-да должно быть единым предметом всех мыслей наших и желаний» (Манифест от 15 сентября 1801 г.). «Вождь»–т. е. М. И. Кутузов (см. ниже).

Ст. 257. О старце, о великом!..– Имеется в виду Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745–1813), светлейший князь Смоленский, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий.

Ст. 260–264. Во храме, об руку царя ~ Обет спасенья ты изрек...–11 августа 1812 г., перед отъездом в действующие войска, М. И. Кутузов молился в Казанском соборе Санкт-Петербурга. Александр I при этом не присутствовал.

Ст. 285–287. Ему рука судьбины ~ Постлала одр кончины...– М. И. Кутузов умер в заграничном походе в г. Бунцлау 16 (28) апреля 1813 г. Военных действий в это время не было.

Ст. 293. Да при твоей гробнице...– Прах М. И. Кутузова находится в Казанском соборе Санкт-Петербурга.

Ст. 294. Архистратиг, соратник твой...–Архистратиг (греч.) – военачальник. Имеется в виду вождь небесного воинства архангел Михаил, коему М. И. Кутузов был тезоименит.

Ст. 330. Сей гимнами гремящий храм...– Молебны проводились во всех крем-левских церквах, но Жуковский, вероятно, имеет в виду Успенский собор, пред-назначавшийся для особых торжеств.

Ст. 352. Гремит ее призывный щит...–Образ восходит к античности, когда вой-ско в знак одобрения ударяло рукоятями мечей о щиты.

Ст. 355. ...скалы Рифея...– Горы Рифея–латинское название Урала.

Ст. 363–367. И селянин смиренный ~ Возносят, Вседержитель!..– Стихи соотно-сятся с изображением на памятной медали, где даны возносящие молитву офи-цер, священник, ополченец, крестьянин и значитс надпись: «Мы все в одну соль-емся душу. За веру, Царя и Отечество. 1812».

Ст. 388. К зеркалу–совесть и закон...– Зерцало–здесь: эмблема законности в виде увенчанной гербом треугольной призмы с наклеенными на ее стороны ука-зами Петра I – обычный атрибут судебных и государственных учреждений импе-раторской России.

Ст. 435. «Умеренность, покорность!» – В одной из публикаций писем Жуковско-го сообщается: «У И. Ф. Золотарева подлинная рукопись этих стихов. На обороте заглавного листа Жуковский обозначил: „Стихи сии написаны в конце 1814. В заключении некоторые мысли заимствованы из Иоганна Миллера"» (РА. 1867. Стб. 802). Речь идет именно об этих словах швейцарского историка. Жуковский неоднократно цитировал их в письмах и статьях. Так, уже в конце своей жизни он пишет: «Иоганн Миллер, заключив свою Всеобщую историю словами: умерен-ность, порядок, дал в них урок на все времена царям и народам» (статья «Самоот-вержение власти» // ПСС. Т. 10. С. 136). Подробнее см.: Веселовский. С. 374–375.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Ст. 446. Трон власти, обратись в алтарь!..–Согласно акту Священного союза, составленному Александром I, монархи должны были руководствоваться еван-гельскими заповедями.

Н. Серебренников

Сон

(«Заснув на холме луговом...») (С. 51)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, №27, л. 1)–беловой, с датой: «1816».

Впервые: Полярная звезда на 1823 г. СПб., 1822. С. 287–с подписью: «Жу-ковский», без разбивки на строфы и разночтением в ст. 3: «дивным сном» и ст. 9: «За роцей скоро скрылся он...»

В прижизненных изданиях: СЗ–5 (в С 3–с подзаголовком: «Сочине-ние Уланда»; в С 4 подзаголовок отсутствует; в отделе «Романсы и песни»). В С 5 (Т. 2. С. 231)–с подзаголовком: «Из Уланда», в подборке стихотворений 1816 г.

Датируется: 1816г.

Перевод стихотворения немецкого поэта–романтика Иоганна Людвига Уланда (Uhland, 1787–1862) «Sangers Voruberziehn» («Видение певца») с небольшими от-ступлениями от оригинала.

«Сон» – один из первых переводов Жуковского из Уланда, сделанный вскоре после выхода первого сборника стихотворений Уланда (1815).

Будучи верным в передаче содержания и общего настроения, перевод имеет иной мелодический строй, что обусловлено изменением размера (3–стопный ямб оригинала заменен в переводе на разностопный с чередованием 4343) и характе-ра рифмовки (в оригинале–ЖМ, в переводе – МЖ), что провоцирует слитность прочтения соседствующих строк и делает более плавным ритм всего стихотво-рения. Положено на музыку А. Рубинштейном.

Н. Реморова

Песня бедняка

(«Куда мне голову склонить?..») (С. 51)

Автограф (Кульман. С. 1037, №34)–беловой.

Впервые: Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. ч. 10. №6. С. 301–302–с подписью: «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: СЗ–5 (в С 3 с подзаголовком: «Сочинение Уланда»; в С 4–с заголовком: «Песня», подзаголовка не имеет; в отделе «Романсы и песни»). В С 5 (Т. 2. С. 232–233)–с подзаголовком: «Из Уланда», в подборке стихотворений 1816 г.

Датируется: 1816г.

Перевод одноименного стихотворения немецкого поэта Людвиг Уланда «Lied eines Agtep», впервые опубликованного им в сборнике «Стихотворения» (1815).

В переводе сохранены ключевые мотивы и образы, строфика, размер и харак-тер рифмовки оригинала. В то же время, как уже было отмечено комментаторами, Жуковский последовательно заменяет имеющиеся в немецком тексте понятия лю-теранской протестантской обрядности на православные. Так, в оригинале ст. 21–24 читаются: «Noch steigt in jedem Dorflein ja // Dein heilig Haus empor; // Die Orgel und der Chorgesang // Ertdnet jedem Ohr» («Еще в каждом селе непре-менно возвышается // Твой святой дом; // Орган и хоровое пение // Раздаются в ка-ждом ухе»). Жуковский передает это следующим образом: «В селенье каждом есть свой храм // С сияющим крестом, // С молитвой сладкой и с твоим // Доступным алтарем». Аналогично в ст. 28 вместо «Abendglocke» («вечернего колокольного зво-на») у Жуковского–«благовест».

Н. Реморова

Счастье во сне

(«Дорогой шла девица...») (С. 52)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, №27, л. 1)–беловой.

Впервые: Полярная звезда на 1823 год. СПб., 1822. С. 266–с подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: СЗ–5 (С 3–4–отдел «Романсы и песни»; в С 3–с подзаголовком: «Сочинение Уланда», в С 4–без подзаголовка). В С 5 (Т.. 2. С. 234)–с подзаголовком: «Из Уланда», в подборке стихотворений 1816 г.

Датируется: 1816г.

Вольный перевод стихотворения немецкого поэта Людвиг Уланда «Der Tгаит», что может быть в равной мере переведено, как «Сон», «Мечта» или «Грё-за». Все три значения по отношению к содержанию оригинала равноправны и предполагают рассказ о чем-то воображаемом, быть может, желанном, но нере-альном, пока не названном, о как бы интригующей читателя тайне.

Жуковский в переводе изменил заглавие, сделав слово «сон» равнозначным не-мецкому «der Tгаит», лишь обстоятельством действия к понятию «счастье», отсут-ствующему в оригинале. Это изменение вполне отвечало жизненной философии русского поэта данного периода, его концепции «сна-утешителя» (см. примеч. к

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh стих. «Сон – утешитель! Пусть образу смерти твой образ подобен...»).

При формальной близости в передаче сюжета, сохранении объема и строфиче-ского членения в переводе значительно ослаблен контраст, составляющий основу композиции стихотворения Уланда, контраст между мечтой двух влюбленных и жестокой реальностью их бытия.

У Уланда этот контраст создается посредством множества деталей и поэтиче-ских приемов. Так, представшее героям видение подается как прекрасная, испол-ненная жизненных красок, чувственная картина прошлого: влюбленные «в пре-красном саду бродили» («im schonsten Garten wallten») «рука об руку» («hand in hand»). В переводе иная, более отвлеченная и архаизированная лексика, другие образы и тон повествования. Из него исчезла принципиально важная для Уланда тема цветущей природы и прекрасного сада и земной любви.

Вместо них появился столь важный для Жуковского мотив дороги как жизнен-ного пути. Тема превратностей судьбы определяет весь образный строй перево-да Жуковского. «Минутное веселье!» – этот стих, открывающий заключительную строфу и отсутствующий у Уланда, является камертоном всего произведения Жу-ковского. Третья строфа стихотворения Уланда – изображение реальной судьбы любя-щих. Они разлучены. Она – монахиня, он – брошен в подземелье башни. Но меч-ты о прошлом соединяют их и сейчас. Кстати, в стихотворении Уланда нет ни од-ного слова, позволяющего считать это воспоминание сном. Глагол «проснуться», повторенный дважды: «Она проснулась в келье; II В тюрьме проснулся он», графиче-ское выделение слов, выражающих идею превратностей судьбы, не только бы-ли «запрограммированы» заглавием, которое Жуковский дал переводу, но и выра-зили его состояние разлуки с Машей Протасовой.

Н. Реморова

Явление богов

(«Знайте, с Олимпа...») (С. 53)

Автограф неизвестен.

Впервые: Славянин. 1827. ч. 3. №33. С. 268–269. В прижизненные собрания сочинений не входило. Печатается по тексту первой публикации. Датируется: 1816г. ч Достаточно верный перевод стихотворения Ф. Шиллера «Der Besuch»

(«Посе-щение»), написанного в 1796 г. и опубликованного иод этим названием в «Musen-almanach fur das Jahr 1797». Заглавие «Dithyrambe» появилось у стихотворения

при публикации его в первой части «Стихотворений» Шиллера (1800). О том, что Жуковский работал по тексту альманаха, говорит не только заглавие его перево-да, но и организация текста: членение стихотворных строк и строфика.

«Der Besuch» – 29-строчное полиметрическое стихотворение с использованием двух- и четырехстопных дактилических и амфибрахических строк с вариацией их чередования внутри строфы. При переводе Жуковский в основном воспроизводит ритмическую схему шиллеровского стихотворения, однако у Жуковского графиче-ски обособлены и превращены в самостоятельные строфы все двух- и четырех-стопные строки, а ст. 9 второй строфы (у Шиллера четырехстопная) приведен в соответствие с 1-й и 3-й строфами, – превращен в двуступище. В стихотворении стало 30 строк. «Явление богов» – одно из немногих переведенных Жуковским произведений Шиллера – лирика. Антифеодалная направленность и ораторский пафос штю-мерских произведений немецкого поэта, как и публицистичность большинства поздних его стихотворений, не импонировали меланхоличной лире русского по-эта. Судя по всему, Жуковского в данном стихотворении особенно привлекли за-ключительные строки, в которых Шиллер определяет вдохновение не как «бур-ный восторг» а как душевное спокойствие и высшее прозрение. Не случайно именно этим строкам Жуковский, прибегая к некоторой архаизации лексики, придает возвышенный тон, не свойственный основному тексту стихотворения: «Спокоилось сердце, // Провидели очи».

Поэт переводит стихотворение (вопреки оригиналу) белым стихом, что в боль-шей степени соответствует его антологическому содержанию. Тем не менее, ко-нечный результат, видимо, не удовлетворил переводчика. В «Явлении богов» яв-но слышались перешедшие из оригинала интонации героя-штюрмера, желавшего стать «одним из богов», свободно беседовать с жителями Олимпа. Вероятно, эта неудовлетворенность и стала причиной того, что стихотворения не было включе-но ни в одно из прижизненных собраний сочинений.

Н. Реморова

В альбом княжны М. А. Щербатовой

(«О грустном написать я должен в твой альбом...») (С. 54)

Автограф неизвестен.

Впервые: Москвитянин. 1852. т. 24. С. 21.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
Датируется: конец 1816 г.

В примечании к первой публикации стихотворения сообщается: «Мария Анд-реевна Поликарпова была в то время, когда эти стихи были к ней написаны (около 1817 г.) еще княжной Щербатовой и, будучи фрейлиной при покойной импе-ратрице Марии Федоровне, имела часто случай видаться с Жуковским» (Москви-тянин. 1852. т. 24. С. 21). Скорее всего, стихотворный экспромт Жуковского отно-сится ко второй половине декабря (после 16-го), когда он возвратился из Дерита в Петербург, а княжна Щербатова еще не вышла замуж. В 1817 г. у нее родился сын Евгений (см.: Черейский. С. 340), поэтому альбомное стихотворение можно рассматривать как своеобразное прощание Жуковского с Щербатовой перед ее за-мужеством: «О грустном написать я должен в твой альбом...»

М. А. Щербатова была родной сестрой жены Д. Н. Блудова Анны Андреевны (урожд. княжны Щербатовой), в доме которой жила до замужества. О знакомстве с ней именно в этом доме рассказывает Жуковский в дневниковой записи от 4 мая 1815 г.: «Рано поутру послал за Блудовым (...). Обедал у него. Жена его милая женщина; даже и лицом приятная; на этом лице написан тихой и нежный харак-тер с умом тонким. Мне нравится ее простота. Она милее и даже приятнее своей сестры, которая по своей молодости имела бы право на преимущество quant a Гех-terieur» (относительно внешности.–фр.\ Гофман. С. 134). Вероятно, последующие встречи с ней изменили отношение Жуковского к фрейлине, о чем свидетельству-ет, быть может, и фамильярно-ритуальное обращение: «в твой альбом», «при мыс-ли о тебе», «твой поэт».

Судя по воспоминаниям, М. А. Поликарпова была светской придворной дамой с весьма своеобразным темпераментом, что, возможно, выразилось и в альбомном заказе «написать о грустном». Так, ее племянница А. Д. Блудова вспоминает: «Моя тетушка (...) помнится мне красавицей, нарядною и гораздо важнее с виду, нежели матушка» (Блудова А. Д. Воспоминания и записки. СПб., 1871. С. 25), а Ф. Ф. Вигель дает характерную зарисовку ее реакции на происходящее: «(...) она была нрава веселого, но совсем не живого; столько флегма ни в ком не случилось мне находить. Один вечер (это было 6 марта (1815)) провели мы очень весело у старшей сестры ее. Она довольно поздно возвратилась из дворца от императри-цы; входя, очень равнодушно она сказала нам: „Слышали ли вы, что Наполеон бежал с острова Эльбы?“ Мы с изумлением посмотрели друг на друга. „Успокой-тесь,– продолжала она,– не знали, куда он девался, и были в тревоге, но получи-ли хорошее известие: он вышел на берег неподалеку от Фрежюса“.– „Ну, прав-да,– неволью усмехаясь сказал Блудов,–добрые вести привезли вы нам!“» (Ви-гель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 2. С. 48).

Надпись в альбом княжны М. А. Щербатовой, являясь, очевидно, типичным тематическим «заказом» – «о грустном написать я должен в твой альбом», тем не менее, и выполняет основную задачу альбомной миниатюры (point)–мадригаль-ную замену грустного на веселое, ибо радость вызвана прекрасным обликом хо-зяйки салона и в то же время воплощает основной лейтмотив лирики Жуковского конца 1810–х–начала 1820–х гг.–эстетизация земной жизни при помощи зем-ной красоты и преобразующей силы поэтического творчества.

Н. Вётגיעва

(К Карлу Петерсену)

(«Я предсказатель! Радость за горем пришла! Заменяло...»)

(С. 54)

Автограф (ПД. № 27807, л. 31)–черновой. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Петухов. С. 74–в примечании.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: начало декабря 1816 г.

Впервые опубликовавший это гекзаметрическое четверостишие Е. В. Петухов дал к нему следующий комментарий: «К этому именно Петерсену [„библиотекарь, местный поэт К. Ф. Петерсен“] и обращено было следующее четверостишие, на-писанное по поводу рождения у Петерсена сына и незадолго случившейся перед тем смерти другого его сына (...). Это четверостишие, до сих пор, сколько нам из-вестно, не помещенное в собрании сочинений Жуковского, сообщено было Петер-сеном своему другу пастору Вениамину Бергману, в письме от 10 декабря 1816 го-да: Eines Dichters Kind. Aus dem Briefwechsel Karl Petersens mit zweien Freunden, в „Baltische Monatsschrift“, V. XXXVI. 1889, стр. 149» (Петухов. С. 73–74, примеч. 2).

История дружеских отношений Жуковского с известным своими сатирами дерптским университетским библиотекарем, секретарем цензурного комитета и учителем немецкого языка Карлом Петерсеном (1775–1822/1823: умер в ночь на 1 января 1823 г.) подробно воссоздана М. Г. Салупере в статье «Забывтые друзья Жуковского» (Ж. и русская культура. С. 444–446). Как замечает автор статьи, го-воря о «четырех гекзаметрах Жуковского на рождение сына Петерсена», поэт крестил его и «отечески

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский Zhu
заботился после смерти отца» (Там же. С. 445). Внезапная смерть самого Карла Петерсена, о которой сообщила Жуковскому М. А. Мойер, вызвала следующую его реакцию: «Милый друг Маша, на что мне изъяснить сло-вами то чувство, которое произвело во мне твое ужасное письмо. Какой страшный конец прекрасной жизни (...). В то время, когда мы (...) были довольны всем, встречая Новый год, этот добрый, прекрасный милый Карл метался на смертной своей постели (...). Но я уверен, что он тогда вспомнил и о нас и обо мне! (...) Пока буду жив, сын Карлов будет иметь во мне и помощника и друга» (Соловьев. Т. 2. С. 96). М. Г. Салупере приводит многочисленные примеры материальной помощи Жуковского своему крестнику Фреймунду Петерсену (Ж. и русская культура. С. 446). С точки зрения эстетической данное четверостишие интересно как один из первых опытов «бытового» использования гекзаметра.

А. Янушкевич

Три путника

(«В свой край возвратяся из дальней земли...») (С. 54)

Автографы:

1) ПД. № 2806, л. 1 – черновой, без заглавия.

2) Кульман. С. 1087. № 31 – белой.

Впервые: Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. ч. 10. №5. С.

166–167–с заглавием: «Три путника» и подписью: «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: СЗ–5 (С 3–4–отдел «Смесь»; в СЗ–с указанием на источник перевода: «Из Уланда»). В С 5 – в подборке стихотворений 1821 г.; в «Общем оглавлении» отнесено в отдел «Смесь» и датировано 1822 г. (Матяш. С. 154).

Датируется: 1816г.

Перевод стихотворения Людвиг Уланда «Der wirtin Tochterlein» («Хозяйкина дочка»), опубликованный Жуковским иод заглавием «Три путника», традиционно датируется началом 1820 г. по времени первой публикации. Варианты датировки: 1821, 1822 и 1823 г. продиктованы соответствующими датировками С 5, «Общего оглавления» и вторичной публикации в «Полярной звезде на 1823 год».

Однако ряд фактов свидетельствует о том, что стихотворение было написано раньше. Во-первых, его черновой автограф записан на обороте листа с текстом чернового автографа баллады «Гаральд», переведенной Жуковским из Уланда в 1816 г.

Во-вторых, в альбоме гр. С. А. Самойловой тексты трех переводов из Уланда – «Три путника», «Гаральд» и «Три песни» – записаны подряд, причем два из этих текстов («Гаральд» и «Три песни»)–это переводы 1816 г. (см.: Кульман. С. 1087. № 31–33). Наконец, в-третьих, и опубликованы эти три перевода из Уланда подряд в трех номерах «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1820 г. (ч. 9, №3 – «Гаральд»; ч. 10, №4–«Три песни»; ч. 10, №5 –«Три путника»). Все это Позволяет датировать перевод стихотворения Уланда «Der wirtin Tochterlein» 1816–м г.

Перевод Жуковского довольно близок к тексту оригинала за исключением пер-вых четырех двустиший, где Жуковский снял немецкие реалии («dreі Bursche» – три студента; Rhein – Рейн) и, напротив, ввел в свой перевод русские детали быта: «В светлице свеча пред иконой горит...» Подробнее см.: Лотман Ю. М.

В. А. Жуковский. «Три путника» // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 778–783.

Ст. 1. В свой край возвратяся из дальней земли...– В автографе №2 из альбома гр. С. А. Самойловой: «В свой край воротяся из дальней земли» (Кульман. С. 1133).

Ст. 7–8. В светлице свеча пред иконой горит: II В светлице красавица в гробе

ле-жит...– В автографе № 2 вместо «светлица» оба раза «светёлка» (Там же).

Ст. 14. И горько заплакал, и взор опустил...– В автографе из альбома гр. С. А. Са-мойловой: «взор отвратил» (Там же).

О. Лебедева

1817

Голос с того света

(«Не узнавай, куда я путь склонила...») (С. 56)

Автограф (ПД. № 27807, л. 32)–черновой, без заглавия и даты.

Впервые: КШДН. 1818. №3. С. 30–31–с заглавием: «Юлия. Голос с того света» и указанием в скобках после заглавия: (Музыка: wo ich sei und wo mich hin-gewendet).

В прижизненных изданиях: С 3–5–с заглавием: «Голос с того света» (С 3–4–отдел: «Романсы и песни»; С 5 – в подборке стихотворений 1815 г.). Датируется: между 14 и 16 марта 1817 г.

Стихотворение «Голос с того света» традиционно считалось переводом стихо-творения Ф. Шиллера «Thekla. Ein Geisterstimme» («Текла. Голос духа»), тематиче-ски связанного с романсом Теклы из трагедии Шиллера «Пикколомини» (две стро-фы этого романса Шиллера «Des madchens Klage» Жуковский перевел в 1807 г. иод заглавием «Тоска по милом»–см. примеч. в т. 1 наст. изд.).

Источником этого мнения, общего для всех комментаторов (П. А. Ефремов, Ц. С.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Вольпе, В. П. Петушков, И. М. Семенко и др.), без сомнения, явился пер-вый стих
шиллеровского стихотворения «Thekla. Ein Geisterstimme», вынесенный в
подзаголовок первой публикации «Голоса с того света» Жуковского (см.: ЫЛДН. №3.
С. 30). Хильдегард Эйхштедт тоже анализирует «Голос с того света» как слишком
вольный перевод из Шиллера, трансформирующий оригинал (Eichstadt. S. 68–70).
Однако, как было установлено М. Г. Салупере, стихотворение является
оригинальным (шиллеровские мотивы варьируются только в первой строфе текста
Жуковского) и посвящено конкретному событию: смерти Юлии фон Бок (урожд. Берг,
1796–1817), бывшей замужем за Карлом фон Боком, младшим братом Ти-мофея фон
Бока, дерптского друга и адресата посланий Жуковского (см. примеч. к посланиям
«Т. Е. Боку»). Она скончалась 14 марта 1817 г., а на ее похоронах, 16 марта,
было прочитано стихотворение Жуковского «Голос с того света» (под-робнее см.:
ПМЖ. Вып. 19. Томск, 1997. С. 66–69).

Отсюда–уточненная датировка стихотворения, до сих пор относимого ком-ментаторами
к 1815 г. по указанию в С 5. Оригинальный характер текста жуков-ского доказывают
и такие факторы, как отсутствие параллельного текста подлин-ника в *ЛДН («Голос
с того света»–единственное стихотворение без параллель-ного текста в первых трех
выпусках этого сборника), принципиальное несовпаде-ние метра (5–стоинный хорей у
Шиллера и 5–стопный ямб у Жуковского) и, нако-нец, тот факт, что в архиве Бергов
сохранился перевод стихотворения «Голос с то-го света» Жуковского на немецкий
язык (Там же. С. 68, 81).

Собственно, единственный шиллеровский мотив в стихотворении «Голос с то-го
света»–это ст. 3–4: «О друг, я всё земное совершила, // Я на земле любила и
жила». В подлинных текстах романса Теклы («Des Madchens Klage») и «Thekla. Ein
Geisterstimme» это–реминисцентные мотивы, связывающие трагедию и лириче-ское
стихотворение. Ср.:

Des Madchens Klage

Ich ha Ik1 gcnossen das irdische Glick, Ich ha be gclebt und gel ie bet.

Я насладились земным счастьем, Я жила н любила.

Thekhi. Ein Ghtcrstimmc

Hab' ich nicht beschlossen und geendet, Hab' ich nicht geliebet und gelebt?

Разве я не свершила и не закончила, Разве я не любила и не жила?

Стихотворение «Голос с того света» положено на музыку А. Вейраухом и М. И.
Глинкой.

О. Лебедева

• АРЗАМАССКИЕ ПРОТОКОЛЫ •

Четыре гекзаметрических протокола Жуковского и примыкающая к ним «Речь в
заседании Арзамаса», написанные между июнем и концом 1817 г., относятся к
завершающей стадии существования литературного общества «Арзамас» и
харак-теризуются несколькими разнонаправленными тенденциями. Приходит конец
«разрушительному» началу: со смертью Г. Р. Державина перестала существовать
«Беседа любителей русского слова», объект литературной полемики «Арзамаса».
Возникает потребность в «созидательной» самореализации, воплотившейся в
рас-ширении круга арзамасцев за счет радикально настроенных Н. И. Тургенева, М.
Ф. Орлова, Н. М. Муравьева и предлагаемой ими реорганизации общества.
Важнейшей темой обсуждения становятся проекты журналов (Блудова, Жу-ковского,
Орлова) и создание «законов». См.: Арзамас–2. кн. 1. С. 461–464 (3 про-екта
журнала); С. 445–458 («Законы Арзамасского общества безвестных людей»). Несмотря
на создание проекта журналов и написание законов «Арзамаса», в 1818 г. его
существование прекращается, так как ряд ведущих арзамасцев получа-ют назначение
на службу за пределы России и оказываются «рассеянными по ли-ку земному». Но
более глубокую причину называет сам Жуковский, неизменный секретарь и летописец
«Арзамаса», имевший прозвище «Светлана»: «Мы разучи-лись смеяться», а в 1846 г.
он подтверждает свое мнение: «Буффонада явилась причиной рождения Арзамаса
(...). Мы объединились, чтобы хохотать во всё гор-ло, как сумасшедшие (...). До
тех пор пока мы оставались только буффонами, на-ше общество оставалось
деятельным и полным жизни; как только было принято решение стать серьезным, оно
умерло внезапной смертью» (письмо В. А. Жуков-ского канцлеру И. фон Мюллеру. 12
мая 1846 г. // Новый сборник по славяноведе-нию. СПб., 1905. С. 343. Подлинник
по-французски).

Гекзаметрические протоколы Жуковского–Светланы, являясь отчасти «перево-дом»
прозаических речей арзамасцев («Вступительной речи М. Ф. Орлова», «Сон-ного
мнения члена Эоловой Арфы»; ср.: Арзамас–2. кн. 1. С. 405–408, 416–420), в то же
время становятся воплощением новых этико–эстетических и художествен-ных
принципов.

Во-первых, с ними связано создание «арзамасского наречия», образующего
своеобразный шуточный мифологический универсум с устойчивой и одновремен-но
гибкой картиной мира, своими героями, метаморфозами и конфликтами, в центре

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh которого–борьба «Беседы» и «Арзамаса», старого и нового, мертвого и живого (подробнее см.: Краснокутский В. С. О своеобразии арзамасского наречия // Замысел, труд, воплощение... М., 1977. С. 20–42).

Во-вторых, гекзаметрические протоколы Жуковского берут на себя отчасти функции посредников между «серьезным творчеством» (чтение «Овсяного киселя» и «Красного карбункула» на 16-м ординарном заседании 24 декабря 1816 г.) и проблемой гекзаметра, его возможностей, дальнейшим использованием этого раз-мера (полемика о гекзаметре). В этом смысле арзамасские гекзаметры Жуковского становятся лабораторией стиля, сочетая вариативность и универсальность, серь-езное и шутовское, высокое и низкое, размывая границы между контрастными стилевыми и смысловыми рядами, способствуя развитию единого литературного и поэтического языка.

В-третьих, дружеская атмосфера общества привела к созданию особой фразео-логии и идеологии «арзамасского братства», что отразилось в создании возвышен-ного образа «братьев-друзей», объединенных не просто культом дружбы, но идеей служения Отечеству (аллегорические образы «Вместе», «Слава», «Труд», «Полезьа», «Отечество»). Всё это противостоит разочарованиям и утратам реальной жизни. Таким образом, Жуковский в арзамасских протоколах создает идеальную форму-лу бытия: в совместном дружеском и творческом труде на благо Отечества видит-ся ему смысл жизни. Об этом подробнее см.: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974.

Наконец, гекзаметрические арзамасские протоколы Жуковского–путь к по-вестовательной поэзии, к сближению поэзии и прозы, к формированию новой концепции эпоса, что определит эволюцию самого автора протоколов.

†

Протокол двадцатого арзамасского заседания («Месяц Травный, нахмурысь, престол свой отдал Изоку...») (С. 56)

Автограф (РНБ, он. 2, №69, л. 1–2)–черновой. Копии:

1) ПД, ф. 244, он. 17, №115, л. 108–110–авторизованная.

2) ПД. № 27728, л. 43 об.–44 (ст. 37–84)–рукою А. А. Воейковой.

Впервые: РА. 1868. № 4–5. Стб. 829–838.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: не позднее 8 июня 1817 г.

Основанием для датировки является письмо Н. И. Тургенева к С. И. Тургене-ву от 9 июня 1817 г. (приписка к письму А. И. Тургенева), где, в частности, гово-рится: «Арзамасское общество решилось создавать журнал (...). Орлов очень рад журналу и обещает много помещать в него» (декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 220). Протокол Жуковского воссоздает ат-мосферу принятия этого решения и споры о будущем журнале.

Ошибочно назван протоколом 20-го заседания, хотя по счету является 21-м. Очевидно, это связано с продолжением общей темы предыдущего (22 апреля 1817 г.) заседания, на котором обсуждались возможности обновления общества: «О, Арзамас! Не полно ль быть ребенком? (...) Беседа умерла в пленках. (...) Неу-жели и нам грозит судьба подобная? Ах, нет! (...) Я вижу Арзамас в величествен-ном собрании. Он определяет образ занятий, общий для всех, но разнovidный, как вкусы, труды, таланты каждого. Единство и разнообразие: вот девиз Арзамаса и журнала его» («Сонное мнение члена Эоловой Арфы, провозглашенное устами пупка его в исходе 20-го Арзамаса»–Арзамас–2. Кн. 1. С. 418).

Композиция протокола трехчастна: от хаоса через пародирование пророче-ских архетипов (Дельфийский оракул, Моисей на Синае) и воссоздания споров о путях развития «Арзамаса» и создания его журнала. Здесь, как и в прозаических протоколах, Жуковский использует такие традиционные приемы арзамасской га-лиматьи, как шутовская эпическая детализация, травестирование, игра противо-положностями, стилизация и т. и.

Стихотворному тексту в рукописи предшествует своеобразный прозаический конспект, дающий представление об опорных понятиях–образах будущего прото-кола: «Слава.

Связь. Работа. Беседа. Пир. Шум в Арзамасе. Рейн. Храм. Асмодей. Спор.

Результат. План. К (апо) д'истрия.– Забыли» (РНБ, оп. 2, №69, л. 1 об.).

Круг участников заседания обозначен следующими подписями под текстом протокола:

«Рейн. Ивиков Журавль. Асмодей. Эолова Арфа. Варвик. Кассандра. Кот (Резвый).

Светлана. Почетный гусь Михаил. Пустынный».

Ст. 1–3. Месяц Травный... ~ Пылкий Шок... ~ у мрачного Грудня...–Арзамас-ский календарь состоял из старославянских названий месяцев, пародируя архаи-стические пристрастия А. С. Шишкова. Имеются в виду май, июнь и ноябрь–декабрь.

Ст. 8. Тихо на берегу Карповки...– Река в Петербурге, на берегу которой находи-лась дача С. С. Уварова, где и состоялось заседание «Арзамаса». Ст. 9.... кавардак...– Окрошка, смесь.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

Ст. 12–13. Новосозданного храма ~ Вещего Штейна...– Имеется в виду павильон на даче Уварова, возведенный в честь барона Генриха Фридриха Карла фон Штейна (1756–1831), прусского государственного деятеля, известного своими антина-полеоновскими настроениями, лично знакомого с Уваровым и братьями Тургене-выми.

Ст. 16–17. Нечто пузообразное ~ гармонией Арфы стало бурчанье...– Эолова Арфа–прозвище А. И. Тургенева. Далее в протоколе обыгрывается его склонность к чревоугодию, сонливость и сопутствующие физиологические состояния («бурчанье в брюхе»).

Ст. 18. Члены смутились, Рейн дернул за кофту Старушку...– Рейн – прозвище М. Ф. Орлова (из баллады Жуковского «Адельстан»). В дальнейшем акцентируются черты его внешности («усастый Рейн», «осанистый Рейн», «чело, от власов обна-женно») и дар красноречия. Старушка–прозвище С. С. Уварова из «Баллады о старушке...»

Ст. 19. ...бросилась в руки к Варвику...– Варвик – прозвище Н. И. Тургенева из одноименной баллады Жуковского.

Ст. 20. Журка клюнул Пустынника; тот за хвост Асмодея...–Журка (Ивиков журавль) – прозвище Ф. Ф. Вигеля из баллады «Ивиковы журавли». Пустынник – Д. А. Кавелин (баллада «Пустынник»). Асмодей – П. А. Вяземский (баллада «Гро-мобой»).

Ст. 22. Сморгцась, как дряхлый сморчок, Светлану. Одна лишь Кассандра...– Светлана–В. А. Жуковский. Кассандра–Д. Н. Блудов. Прозвища взяты из одноименных баллад Жуковского.

Ст. 31. Мне–дельфийский треножник...– Пародийно изображается святилище Аполлона в Дельфах, а Кассандра предстает в роли дельфийской сивиллы–прорицательницы. Интересно, что именно дельфийские сивиллы давали пророчества в форме гексаметра.

Ст. 33–34. Стала с пуза Кассандра, как древле с вершины Синая II Вождь Моисей ко евреям, громко вещать к арзамасцам...– На горе Синай Моисею был дан закон и заключен союз между Богом и израильтянами. Имеет место пародийное смешение античной и ветхозаветной пророческой традиции.

Ст. 38. Это сердце, как Весты лампада, горит не сгорая...– В храме Весты, богини домашнего очага, жрицами (весталками) поддерживался вечный огонь.

Ст. 39. Бродит, я чувствую, в темном Дедале, поблизости пуза...– Вероятно, здесь «темный Дедал» – метонимическое обозначение лабиринта (знаменитый лабиринт Миноса на о. Крите был построен мифологическим художником и архитектором Дедалом).

Ст. 41–42. Все отразила прельщенья бесов и душиста добротой! II (Так говорит об ней Николай Карамзин, наш историк)...– Н. М. Карамзин, переехавший в 1816 г. для работы над «Историей государства Российского» и ее изданием в Петербург, сблизился с арзамасцами: «Здесь из мужчин всех любезнее для меня арзамасцы; вот истинная русская академия, составленная из молодых людей, умных и с талантом»; «Сказать правду, здесь не знаю ничего умнее арзамасцев: с ними бы жить и умереть» (из писем Н. М. Карамзина к жене от 28 февраля и 3 марта 1816 г. // Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 165).

В свою очередь, арзамасцы включили Карамзина в число почетных членов «Арзамаса» («почетный гусь Николай»), вручили ему на особом заседании обществу почетный диплом, «бумажный и бранный символ того, что вечно и нетленно (...) да послужит он для вас доказательством, что галиматья не всегда рождается от безумия и не всегда глаголет бессмыслицу» (Арзамас–2. Кн. 1. С. 349–350).

Ст. 45–46. Нам, как портным, сидеть на катке и шить на халдеев, II Сгорбись, дурацкие шапки из пестрых лоскутьев Беседных...– Халдеями арзамасцы называли членов Российской Академии и «Беседы любителей русского слова». Это сатирическое обозначение литературных противников многозначно: «земля халдеев» со столицей в Вавилоне–страна языческого идолопоклонства, «смешения и разврата»; халдеи–также жрецы и маги, объединенные тайным знанием в секту, под покровом которой процветают обман и шарлатанство («колдуны», «волхвы», «халдеи», «раскольники»).

Ст. 127. Звездная надпись сияла на них: Журнал арзамасский...–далее в образе «китайских теней» предстают разделы предполагаемого журнала. Ср.: Политика. (...) Словесность. (...) Сочинения и переводы в прозе. (...) Сочинения и переводы в стихах. Критика. (...) Театр. Смесь. Всякого рода известия. Письма. Статья для благотворения (Арзамас–2. Кн. 1. С. 461–462).

Ст. 141. Тяжкий курдюк на скрипящих колесах,–Шшков седорунный...–А. С. Шишков (1754–1841)–адмирал, президент Российской Академии и председатель «Беседы любителей русского слова», поэт, переводчик, автор «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка» (1803)–основной и постоянный объект полемических и пародийных выпадов арзамасцев («Дед Седой», «раскольник»), лице-творение ортодоксально-архаических литературных пристрастий.

Ст. 142. Рядом с ним Шутовской, овца брюхатая, охал...– князь А. А. Шаховской (1777–1846)–драматург, член «Беседы любителей русского слова», чьи пьесы («Новый

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
Стерн», «Расхищенные шубы» и «Липецкие воды») стали источником ли-тературной
полемики и арзамасской пародийной мифологии. Эпитет «брюхатая» имеет два
значения: Шаховской был очень толст и очень плодовит как драматург.
Ст. 143. Важно вез назади осел Голенищев-Кутузов...– П. И. Голенищев-Кутузов
(1767–1829)–сенатор, член «Беседы», переводчик античных авторов и Грея.
Ст. 144–145. ... а на козлах мартышка II В бурке, граф димитрий Хвостов...– Граф
Д. И. Хвостов (1757–1835)–поэт и переводчик, член «Беседы» и Россий-ской
Академии, чья стихотворная плодovitость и легендарное графоманство бы-ли
неизменным и любимым объектом пародий арзамасцев.
Ст. 146. Скромно висел в чемодане домашний тушканчик Вздыхалов...– Е. И.
Ста-невич (1775–1855), поэт, публицист и переводчик, член «Беседы», пропагандист
литературно-теоретических взглядов Шишкова. Комментаторы допускают, что
Вздыхалов – князь Шаликов, но при сходстве пародийных формул, отметим, что в
рукописи Жуковский имел в виду именно Станевича: «тушканчик (Станевич)
Вздыхалов» (РНБ, оп. 2, № 69, л. 2).
Ст. 152–153. ...тощий гофмейстер Яценко ~ ...нестерпимый Дух издавая...– Г. М.
Яценко (1780–1852)–цензор, издатель периодического издания «Дух жур-налов»
(отсюда каламбурное обыгрывание заглавия).
Ст. 161. Сев в углу на словарь, Академия делала рожи...– Имеется в виду
Россий-ская Академия, издавшая «Словарь...» на основе языковых принципов,
близких «Беседе».
Ст. 163. Важный маляр Демид-арзамасец...– По предположению М. С.
Боровко-вой-Майковой, имеется в виду почетный член «Арзамаса» Н. М. Карамзин
(ср. аналогичные формулы в «арзамасском дипломе» Карамзина). Имя Демид,
воз-можно, получил по имени управляющего П. А. Вяземского Демида Муромцева,
отличавшегося малярным искусством (Арзамас-2. Кн. 1. С. 290).
Ст. 170. Князь Тюфякин нес на закорках Театр...– Князь П. И. Тюфякин (1769–
1845), директор Императорских театров.
Ст. 171. Кошками секли его Пиериды...– Пиериды (т. е. музы) приобретают здесь
пародийные черты Эриний (богинь мщения). Кошками–т. е. «плетью об не-скольких
концах или хвостах» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорус-ского языка.
М., 1979. Т. 2. С. 182).
Ст. 174. Пушкина мысли...– намек на легкомыслие В. Л. Пушкина, обыгрываемое в
«Арзамасе», и на его сочинения «Мысли и характеры» (РМ. 1815. Ч. 4. № 12. С.
300–309). В качестве одной из мер наказания для Старосты (т. е. В. Л. Пушки-на)
собирались заставлять его «вместо лимона выжимать из головы своей мысли и
подсыпать толченых характеров вместо сахару» (Арзамас-2. Кн. 2. С. 478).
Ст. 174. ...вести о курах с лицом человечьим...–Ссылка на курьезную публика-цию:
«Описание курицы, имеющей в профиле фигуру человека, с присовокупле-нием
некоторых наблюдений и ее изображения, изданные профессором фише-ром» (М.,
1815).
Ст. 175. Письма о бедных к богатым...– Имеются в виду филантропические
объ-явления о сборе средств, помещаемые в разделе «Смесь».
Ст. 188. Чем же сумятица кончилась? Дело: журнал состоялся.– Решение изда-вать
арзамасский журнал было принято, но издание так и не осуществилось.

II

Протокол несостоявшегося заседания. Июнь 1817 г.

(«Был Арзамас в день Изока и в день, я не знаю, который...»)

(С. 61)

Автограф: ПД, ф. 244, оп. 17, № 115, л. 111–беловой. Копия: РГАЛИ, ф. 195, он. 1,
№ 1194–рукою В. Ф. Вяземской. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые:
Арзамас. С. 229.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется:
конец июня 1817 г.

Датируется концом (после 25) июня на основании указаний в дневнике Н. И.
Тургенева о двух заседаниях у М. Ф. Орлова, бывших между 25 июня – 17 июля.
Указание в протоколе («в день Изока», т. е. июня) уточняет время прове-дения
заседания.

Заседание по счету 22-е. Подписи иод текстом протокола: «Почетный гусь Ми-хаил.
Рейн. Ивиков Журавль. Светлана. Резвый Кот. Кассандра. Эолова Арфа. Пустынник»
определяют круг участников заседания.

III

Протокол заседания. Начало июля 1817 г.

(«В доме важного Рейна был Арзамас не на шутку...») (С. 62)

Автограф (ПД, ф. 244, оп. 17, № 115, л. 112)–беловой. При жизни Жуковского не
печаталось. В н е р в ы е: Арзамас. С. 229–230.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется:
около 14 июля 1817 г.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Основанием для датировки является дневниковая запись Н. И. Тургенева (см. примеч. к Протоколу II) и указание на чтение баллады «Вадим», законченной Жуковским 29 июня 1817 г.

Ст. 9. С Резвым котом у служащим в коллегии дел иностранных...–Д. П. Северин (1791–1865)–член «Арзамаса», чиновник Коллегии иностранных дел, дипломат, имевший прозвище из баллады Жуковского «Пустынный» (ср.: «Кружится резвый кот пред ними» – ст. 53).

IV

Протокол заседания. 14 или 15 июля 1817 г.

(«Пламенный месяц Червен явился, лягнул во Изока...») (С. 62)

Автограф (ПД, ф. 244, оп. 17, №115) –беловой. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Арзамас. С. 230–231.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датруется: предположительно концом июля (после 17-го) 1817 г.

Традиционно протокол этого заседания датруется 14 или 15 июля, на основе указания в тексте: «Пламенный месяц Червен явился...» (т. е. речь идет об июле).

Но так как арзамасцы не вдруг собрались, «спустя две седмицы» (недели), то датировка отодвигалась к 14–15 июля. Однако в этом стихе речь идет о втором заседании «у Рейна», которое описано в Протоколе III. Как явствует из письма А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 17 июля, было намечено новое собрание «Арзамаса», где должны были утверждаться написанные законы (ОА. Т. I. С. 76).

Гексаметры Жуковского–протокол именно этого собрания. Протокол подписан

следующими членами общества: «Варвик. Рейн. Пустынный. Почетный гусь Ми-хаил. Золова Арфа. Кассандра. Две Огромные руки. Светлана».

Ст. 7–8. Взяв рукописное оных законов святилище, то есть тетрадку, II Где регистратор коллежский Нагибин их написал узорочно...– Рукопись законов, сохранившаяся в бумагах С. С. Уварова, опубликованная и описанная А.

Кирпичниковым в 1899 г., состоит из переплетенной листовой тетради, на обложке

которой наклеен прямоугольник красного сафьяна, с вытисненными словами: «Законы арзамасско-го общества» (см.: РС. 1899. №6. С. 337–351). Ср.: Арзамас–2. Кн. 1.

С. 593–594.

Н. И. Нагибин (ум. 1819) – чиновник канцелярии Синода, затем департамента народного просвещения, выполнявший различные поручения А. И. Тургенева и П. А. Вяземского.

Н. Вè'тшева

К портрету великой княгини Александры Федоровны

(«Для нас рука судьбы в сей мир ее ввела...») (С. 63)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, №29, л. 22–беловой, с датой: «10 августа» и подзаголовком: «К Пор(трету) В.(еликой) К.(нягини)».

2) РНБ, он. 1, № 15, л. 8–беловой, с правкой ст. 5, вошедшей в печатный текст.

3) ПД. Р. I, он. 9, № 14–беловой.

4) Кульман. С. 1086, № 22.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 20 об.)–рукою М. А.

Мойер.

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: С 6. Т. 3. С. 379.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датруется: 10

августа 1817 г.

Адресат надписи к портрету–Александра Федоровна (урожд. принцесса прус–ская

фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина; 1798–1860), с 1 июля 1817 г.– великая

княгиня, жена великого князя Николая Павловича, с 1825 г.– русская императрица.

В апреле 1817 г. Жуковский получает предложение стать учителем русского языка

будущей великой княгини: «Третьего дня проезжал здесь Глинка. Он сде–лал мне от

себя следующее предложение. Для принцессы Шарлотты нужен был учитель русского

языка (...). Занятие: один час каждый день. Остальное вре–мя свободное (...)

обязанность моя соединена будет с совершенною независимо–стью. Это главное!» (Из

письма к А. И. Тургеневу от 25 апреля 1817 г. // ПЖТ. С. 177–178). 24 августа

1817 г. Н. М. Карамзин, по просьбе императрицы Марии Федоровны, приглашает

Жуковского для представления великой княгине: «Лю–безнейший! Императрица Мария

приказала вам послезавтра, то есть в воскресе–нье поутру, в 11 часов, перед

обеднею быть у нее в Павловске, чтобы познакомить вас с великою княгинею» (РА.

1868. Стб. 1829.– П.А.Вяземский, опубликовав–ший это письмо, отнес его к 1816

г., что противоречит фактам: принцесса Шар–лотта приехала в Петербург только 31

мая 1817 г.). См. также: Шильдер. Т. 1. С. 76.

Стихотворение, написанное еще до первой встречи учителя и ученицы, было заочное

пророческое напутствие будущей императрице. Вполне вероятно, что живописным

источником этой «надписи к портрету» стал портрет работы Ж.–А. Беннера,

гравированный его учеником Ж. Меку (см.: Ровинский Д. А. По–дробный словарь

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
русских гравированных портретов. СПб., 1886. Т. 1. №18). Он был выполнен именно
в 1817 г. и давал представление не только о внешности великой княгини, но и о
ее характере. Не исключено, что при первой встрече с ав-густейшей ученицей
Жуковский подарил ей свое стихотворение, а затем с ее раз-решения и напечатал
его.

То, что увидел Жуковский в чертах живописного портрета великой княгини– волю
Провидения и великое будущее, «дух к великому» и «гений радости»,– вы-звало
разноречивые отзывы современников и друзей. «Обнимаю тебя и Жуков-ского.
Поздравлять надобно не его, а великую княгиню»,–замечал А. Я. Булгаков в
приписке к письму П. А. Вяземского А. И. Тургеневу от 3 сентября 1817 г. (ОА. Т.
I. С. 83). 2 января 1818 г. Карамзин вопрошает Жуковского: «Скажите мне,
продолжается ли ваше благословенное очарование? Учительство так ли веселит вас
как прежде?» (РА. 1868. Стб. 1832–1833). Более радикальная оценка и
педаго-гической деятельности и непосредственно надписи к портрету содержится в
пись-ме А. И. Тургенева: «Посылаю тебе надпись его к портрету великой княгини
Алек-сандры Федоровны, которую он написал в альбоме Милорадовича. Последние
че-тыре стиха советовал я ему откинуть, тем более что четвертый оканчивает
хорошо надпись, а последние произведут толки и прения, и многие уже не
соглашаются с ним в том, что ей предстоит трудный путь и еще менее в ожиданиях
России, кото-рая ожидает или должна ожидать от нее только счастливой и,
следовательно, нравственной семейственной частной жизни; и в сем отношении мы
уверены, что не обманется России ожиданье. Жуковский за это сердится; но я не со
страхом, а с улыбкою встречаю его сердце» (Письмо к П. А. Вяземскому от 11
декабря 1817 г. //ОА. Т. I.С. 168).

А. И. Тургенев, предлагая сократить надпись, был, безусловно, прав, если
учи-тывать план реальный и заверченный на момент создания стихотворения. Но
Жуковский оказался нрав в перспективе, в справедливости поэтического
предчув-ствия: будущая императрица и мать великого князя Александра Николаевича,
«царя-освободителя», на долгие годы станет его задушевым другом, адресатом его
прозаических и поэтических манифестов («Рафаэлева мадонна», «Лалла Рук» и др.).
Н. Вётгиева

К месяцу

(«Снова лес и дол покрыл...») (С. 63)

Автограф (ПД. № 27807, л. 38) –черновой. Впервые: ГШДН. 1818. №2. С. 28–33.

В прижизненных изданиях: С 3–5 (за исключением ст. 33–36, вошед-ших в первую
публикацию). В С 3–с подзаголовком: «Сочинение Гёте», который снят в С 4. В С 5
(Т. 3. С. 23–24) – в подборке стихотворений 1818 г., с указани-ем: «Из Гёте».
Датируется: сентябрь–октябрь 1817 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи, среди
произведений, созданных в сентябре–октябре 1817 г. и напечатанных в РШДН.
Достаточно свободный перевод стихотворения Гёте «An den Mond», опублико-ванного
в 1789 г. с добавлением 3–х строф, отсутствовавших в первоначальном ва-рианте
(см.: Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 579).

Главное, что передано в переводе Жуковского,–это настроение грустного ночного
раздумья о прошедших днях радости и надежд, память о которых живет в тайных
глубинах сердца.

В первых пяти четверостишиях образная система оригинала и перевода очень близки,
норой (как в первой и второй строфах)–почти адекватны. Созданию
со-ответствующего минорного настроения способствует и точная передача
синтакси-ческого построения фразы внутри четверостишия. Вслед за оригиналом,
перевод написан хореическими катренами со сплошными мужскими рифмами по схеме
4343. Как указывает С. А. Матяш, подобную строфу в лирических стихотворениях
Жуковский не использовал ни до, ни после данного перевода (см.: Русское
стихо-сложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979.
С. 79).

В то же время перевод имеет много отступлений от оригинала, обусловленных
различием мироощущений поэтов. Стихотворение Гёте несет в себе целый ком-плекс
мыслей и чувств, связанных не только с личными переживаниями, но и с глубочайшим
разочарованием в результатах своей государственной деятельности. Образ
находящейся в вечном движении воды является для него ключевым и про-ходит в его
лирике от первых штурмерских опытов до поэзии «Западно-восточ-ного дивана». В
данном стихотворении река не только уносит печаль и «нашепты-вает» поэту
«мелодию для напева», но и трудится «без отдыха и покоя», «перепол-няется
яростью в зимние ночи».

Подобная трактовка явлений природы была чужда русскому поэту в это вре-мя, и при
переводе «An den Mond» он опускает целиком 7–ю строфу, «не подходя-щую», но
словом В. М. Жирмунского, к «элегической манере» Жуковского (Жир-мунский. С.
86). У Жуковского вместо реки появляется журчащий ручей, созвуч-ный одинокой

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
лире и мыслям о пролетевших и несбывшихся надеждах. Меняется и чувственная конкретика оригинала. Шутки, поцелуи заменяются элегическими формулами: «Жизнь уж отцвела», «Так надежды пронеслись», «Так любовь ушла».

16 – 295

481

Характерно, что первоначально Жуковский перевел 9-ю строфу стихотворения Гёте, но впоследствии изъял ее из прижизненных изданий. Она звучала так:

Что в полночный тихни час слышимо душой, очаровывает нас тайною мечтой.

Эта строфа была вариацией на тему, восходящую скорее к вольно переведенным собственным стихам (с 25 по 32), чем к оригиналу. Вероятно, эта осознаваемая Жуковским вольность привела к отказу от включения строфы в перевод, имевший указание на источник: «Из Гёте».

Положено на музыку А. С. Даргомыжским (от ст.: «Счастлив, кто от хлада лет...») в форме дуэта.

Н. Реморова

Мечта

(«Ах! если б мой милый был роза-цветок...») (С. 64)

Автограф (ПД. № 27807, л. 39 об.) – черновой, без заглавия. В первые: С 4. Т. 6. С. 53 – в разделе «Смесь», с заглавием: «Мечта». В прижизненных изданиях: С 4–5 (в С 5 – подборка стихотворений 1818 г.).

Датируется: сентябрь–октябрь 1817 г.

Основание датировки – положение автографа в рукописи (см. примеч. к стих. «К месяцу»). Стихотворение создавалось одновременно с переводами, вошедшими в сборники КШДН, но не включено в них, что и позволило говорить о его оригинальном характере.

Поэт намеревался поместить «Мечту» в С 3, однако, по совету Д. Н. Блудова, считавшегося законодателем вкуса в области поэзии, от намерения отказался, изъяв его вместе с несколькими другими из уже подготовленного тома, за что позднее (апрель 1825 г.) А. С. Пушкин упрекал Жуковского: «Зачем слушаешься ты маркиза Блудова? нора бы тебе удостовериться в односторонности его вкуса. К тому же не вижу в нем и бескорыстной любви к твоей славе. (...) „Надпись к Гё-те“, „Ах, если б мой милый“, „Гению“ – всё это прелесть; а где она? (...)» (Пушкин. Т. 13. С. 167).

Н. Реморова

Утренняя звезда

(«Откуда, звездочка-краса?...») (С. 65)

Автограф (ПД, № 27807, л. 38–39) – черновой. Впервые: КШДН. 1818. № 3. С. 16–25. В прижизненных изданиях: С 4, 5 (в С 4 отдел «Сельские стихотворения», в С 5 в подборке произведений 1818 г., в оглавлении с подзаголовком «(Из Гебеля)».

Датируется: конец 1817 г.

Перевод одноименного стихотворения И. П. Гебеля («Der Morgenstern»), в котором развиваются общие принципы идиллий, вошедших в ЕШДН, а позднее в отдел «Сельские стихотворения» (С 4): интерес к природе, сельской жизни, кото-рая наиболее близка природной красоте и гармонии. Как и в других переводах гебелевских идиллий, Жуковский уделяет в «Утренней звезде» особое внимание художественной детали, которая для лирического героя стихотворения включает в себя какую-то сущность, важный смысл. Самая обычная картина предстает в произведении высшей красотой и целесообразностью, мигом высшего единения человека с природой, мироздания с Богом. Не менее тщателен переводчик в передаче атмосферы подвижности, царящей и во внешнем мире, и в душе лирического героя.

Отсюда – одухотворение, оживотворение обычных картин, описанных в «Утренней звезде». Стихотворение, как и многие, вошедшие в ЕШДН, отличается мелодичностью.

Положено на музыку А. В. Муравьевым.

И. Лызикова

К ней

(«Имя где для тебя?...») (С. 67)

Автографы:

1) ПД. № 27807, л. 39 – черновой, без заглавия.

2) ПД. № 22727, л. 1 – белой, без заглавия.

3) РНБ, оп. 1, № 15, л. 10 – белой (строфы 4–5). Ср. копию рукою В. И.

Губарева.

4) Кульман. С. 1086. № 13 – белой. Копии:

1) РНБ, он. 1, № 15, л. 10 – рукою В. И. Губарева (строфы 1–3).

2) РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 19 об. – рукою М. А. Мойер.

Впервые: Памятник Отечественных муз на 1827 год, изданный Борисом Фёдоровым.

СПб., 1827. С. 12 – с заглавием: «К ней» и примечанием: «Стихи написаны несколько лет тому назад».

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: конец 1817 г.

Датировка стихотворения, данная в С 7 и закрепившаяся во всех последующих изданиях, –1810–1811 гг., представляется ошибочной. Не может быть принято и указание в С 6 (Т. 4. С. 412)–1827 г., так как это время первой публикации (см. выше).

16–

483

Во-первых, черновой автограф в «Книге Александры Воейковой» находится в контексте черновых вариантов стихотворений «К месяцу», «Утренняя звезда», «Новая любовь–новая жизнь» и т. д. Все эти произведения были созданы в конце 1817 – начале 1818 г. и опубликованы в первых номерах сборника К\УДН (ян-варь-февраль 1818 г.). Беловые автографы (№2–в альбоме А. А. Воейковой; №3 – в альбоме С. А. Самойловой) также вписаны среди произведений 1817–1819 гг. Альбом Воейковой, включающий записи 1815–1819 г., содержит, в частности, копию первой редакции стихотворения А. С. Пушкина «Жуковскому» («Когда к мечтательному миру...»), датируемую апрелем 1818 г. (см.: Ежегодник Рукописного отдела ПД. 1977. л., 1979. С. 23–24). В альбоме Самойловой вся подборка автографов Жуковского относится в основном к 1818–1820 гг. (см.: Кульман. С. 1085–1087). Наконец, в авторизованной копии текст стихотворения предшествует копии «К мимоиролетевшему знакомому Гению», написанному 7 августа 1819 г.

Во-вторых, первая публикация, относящаяся к 1827 г., является прижизненной, и издатель альманаха, делая примечание, что «стихотворение написано не-сколько лет тому назад», вряд ли мог иметь в виду время, большее, чем предшествующее десятилетие.

И, наконец, –ссылка П. А. Ефремова на авторитет биографа Жуковского К. Зейдлица при датировке стихотворения (см.: С 7–С 9) неубедительна, так как никакой датировки Зейдлиц не дает, а, приведя текст стихотворения целиком, продолжает: «В этом тихом расположении духа он [Жуковский] занимался обработкой старинной повести „двенадцать спящих дев“...» (Зейдлиц. С. 48). О какой (первой или второй) части повести идет речь, биограф не уточняет, но черновой автограф стихотворения «К ней» идет прямо вслед за последними черновыми строфами второй части – балладой «Вадим», работа над которой была закончена около 6 августа 1817 г., что и указано в рукописи (л. 36 об.– 37). Необходимо учитывать и тот факт, что Зейдлиц познакомился с Жуковским в Дерпте не ранее 1815 г., и, создавая свою книгу о предшествующем периоде его жизни и творчества, он мог опираться только на рассказы его близких друзей и родственников.

Всё это позволяет датировать стихотворение «К ней» концом 1817 г.

Долгое время бытовало мнение о том, что стихотворение «К ней» восходит к стихотворению Ф. Шиллера «Namen nennen dich nicht» (см. С 7–С 10), но, как установил венгерский исследователь Дьердь Сёке, стихотворение Жуковского является «оригинальным переложением» одноименного стихотворения «Ihr» немецко-го поэта Германа Вильгельма Фрица Ульцена (Ultzen, 1759–1808), напечатанного впервые в журнале «Gdttinger Musenalmanach» (1786), а в 1795 г. вошло в двухтомное издание стихотворений поэта (РЛ. 1971. № 1. С. 161–162). Стихотворение Ульцена написано белым стихом, трехстрочной строфой, редким в силлабо-тонической системе размером-логаэдами, строками, состоящими из двух- и трехсложных стон, в данном случае из хореических и дактилических. При этом в оригинале количество ударных слогов в строках каждой строфы чередуется: 4 2 3. В переводе сохранен белый стих, трехстрочная строфа, однако количество ударных слогов в логаядах упорядочено: 3 3 3. При этом во второй строке в дополнение к дактилической и хореической появилась амфибрахическая стопа. Для лирики Жуковского такая форма является уникальной: ни до, ни после данного стихотворения она не встречается.

В переводе достаточно близко передана основная мысль и господствующее настроение –строение подлинника –это песнь о тайной и вечной любви. Однако Жуковский заменяет повествовательно-описательную интонацию стихотворения Ульцена на вопросительно-восклицательную, привнес в текст элемент диалогизма и сделал его более эмоционально насыщенным и проникновенным. Так, в оригинале читаем: «Namen nenne dich nicht. Dich bilden // GrifTel und Pinsel // Sterblicher kunstler nicht nach» («Имени не назову тебе. Тебя не воплотят перо и кисть смертного художника»). Ср. у Жуковского: «Имя где для тебя? // Не сильно смертных искусство // Выразить прелесть твою!»

Эти и другие отступления от оригинала не изменяют общего смысла стихотворения, но расставляют иные эмоциональные акценты. Так, ощущение «тайны» присутствует в оригинале с первого слова, когда автор говорит, что не называет ее имени, что образ «драгоценнейшей девушки» («teuerstes Madchen») он носит только в сердце,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
но само слово «тайна» не произносится. Оно произнесено в переводе, но окружено
иными, более высокими, духовными понятиями: «Прелесть жизни твоей, // Сей образ
чистый, священный, // В сердце, как тайну, ношу».
По свидетельству биографа поэта, стихотворение «посвящено М. А. Протасовой, в
портфеле которой оно было найдено после ее смерти» (Зейдлиц. С. 47). То, что
стихотворение обращено к Марии Андреевне, несомненно. Но написано оно было
тогда, когда она уже была не Протасова, а Мойер. И эту прощальную песнь любви
поэт мог отдать ей перед своим отъездом из Дерпта в конце 1817 г., но
напечатать не мог. Жуковский напечатал в ЕШДН (1818. №2–3) все произведения,
окружающие в рукописи автограф стихотворения «К ней». О нем, кроме Маши, должна
была знать «лишь вечность одна». Это понимали и близкие к поэту и Ма-ше люди,
обнаружившие стихотворение в ее портфеле. Вероятно, и легенда о том, что «К ней»
написано в 1810–1811 гг. была создана ими и озвучена К. Зейд-лицем из желания
сохранить и после ее смерти носимую ее сердцем тайну.

И. Реморова, А. Янушкевич
«Кто слез на хлеб свой не ронял...»
(С. 68)

Автограф (ПД. № 27807, л. 40) – черновой.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, №15, л. 4 об.) – рукою М. А.
Мойер.

Впервые: К\УДН. 1818. №2. С. 26.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: конец 1817 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи: в кон-тексте
стихотворений, написанных в конце 1817 г. и опубликованных в первых номерах
сборника Fw4H.

Достаточно близкий перевод стихотворения Гёте «Wer nie sein Brot mit Tranen aß»,
написанного в ноябре 1783 г. Впервые опубликовано как одна из песен,
ис-полняемых стариком-арфистом в 13-й главе второй книги романа «Годы учения
Вильгельма Мейстера» (1796), но с пропуском 3-й строфы, которую Гёте снова
присоединил, публикуя текст песни в сборнике своих стихотворений.

В то время, когда Жуковский, судя по свидетельству Зейдлица (Зейдлиц. С. 103),
обратился к переводу стихотворения, его собственные душевные переживания,
связанные с предстоящим замужеством М. А. Протасовой, были в высшей степени
созвучны мотивам песни из «Вильгельма Мейстера». Ведь доводы, выдвигаемые
Екатериной Афанасьевной против его брака с Машей, перекликались с трагической
коллизией в судьбе арфиста.

В переводе Жуковского при общем сохранении образной системы, размера и строфики
оригинала несколько приглушен изначально заложенный в стихотворении Гёте
«бунтарский дух», подчеркнутый в оригинале прямым, звучащим как об-винение
обращением к «небесным силам», усиленным четырехкратным повторением местоимения
«вы». Мысли Гёте об «отмщении», «воздаянии», «мести» за не-справедливость у
Жуковского заметно ослаблены. Введение архаической лексики: «одр», «вышни»,
«мзда» усиливает провиденциалистский характер чувства героя. Вместо
противопоставления «вы – мы», граничащего с бунтом, в переводе – при-знание
трагического бессилия перед Судьбой.

Н. Реморова

Песня

(«Кольцо души-девицы...») (С. 68)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, №15, л. 3 – зоб.) – рукою М. А.
Мойер.

Впервые: Fw4H. 1818. № 1. С. 20–25. Перепечатано: СО. 1820. ч. 63. №33. Тексты
идентичны. В прижизненные собрания сочинений не входило. Печатается по тексту
первой публикации. Датируется: конец 1817 г.

По всей вероятности, стихотворение создавалось одновременно с другими,
предназначавшимися для сборника КШДН, т. е. в конце 1817 г. Отсутствие
авто-графа не дает оснований для другой датировки. Ссылка К. Зейдлица на то, что
создание «Песни» относится к 1816 г. и связано с письмами М. А. Протасовой к
Жуковскому и письмами-дневниками Жуковского 1814–1815 г., при более де-тальном
их прочтении представляется неубедительной. Тем более что о самих со-бытиях
этого времени биограф говорит преимущественно на основании воспоми-наний
окружающих.

Традиционно считалось, что стихотворение Жуковского является переложением
немецкой анонимной песни («Lied» – «Der Ring ist mir entfallen»). Публикуя в
Fw4H немецкий текст этой песни, без указания автора, Жуковский давал все
основания для такого мнения.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
Как установил Р. Ю. Данилевский (Ж. и русская культура. С. 323–330), «Пес-ня» является довольно близко переложением стихотворения немецкого поэта Готлиба Фердинанда Максимилиана фон Шенкендорфа (Schenkendorf, 1783–1817), известного под именем Макса Шенкендорфа: поэт назвал так себя в честь юно-го шиллеровского героя Макса Пикколомини. Будучи довольно талантливым ли-риком, прославился как создатель солдатских военно-патриотических песен вре-мен борьбы с наполеоновским нашествием, участником сопротивления которому был сам. Его стихотворение «Der versunkene Ring» («Утонувшее кольцо»), созданное в 1808 г., имеет подзаголовок: «Nach dem Littauischen» («Подражание литовской»). Оно действительно написано по мотивам народной литовской дайны, вошедшей в гердеровские «Голоса народов в песнях».

В единственное прижизненное издание «Стихотворений» Шенкендорфа (1815) «Der versunkene Ring» не вошло и долгое время публиковалось без указания авто-ра иод заглавием: «Lied». Как считает Р. Ю. Данилевский, вероятно, таким изда-нием и пользовался Жуковский. Не менее вероятно, что либо такое издание, либо сам текст песни был получен поэтом через его ученицу великую княгиню Алек-сандру Федоровну, для которой и предназначались выпуски сборника FW^IN. Де-ло в том, что песня была сочинена Шенкендорфом для придворного праздника в Кенигсберге в честь прусской королевы Луизы, матери принцессы Шарлотты (великой княгини Александры Федоровны). Принцессе было в то время уже 19 лет, и она вполне могла запомнить эту песню.

Жуковский в переводе использует тот же размер (трехстопный ямб), тот же по-рядок клаузул, но рифмует как четные (в оригинале), так и нечетные строки. 6-ю строфу оригинала Жуковский развертывает в 2 строфы (ст. 21–28). Он убира-ет из текста имя возлюбленной-Анка, придав тем самым тексту более обобщен-ный характер, что важно для жанра песни.

«Песня» Жуковского включалась в песенники с 1827 по 1917 г. более 20 раз, публиковалась как народная песня. Ее распространению способствовала также музыка А. А. Алябьева, выявившая романсную природу текста. Упоминается А. Н. Островским («Поздняя любовь») и М. Горьким («В людях»). Подробнее см.: Песни русских поэтов: в 2 т. л., 1988. Т. 1. С. 595.

Н. Реморова

Утешение в слезах

(«Скажи, что так задумчив ты?..») (С. 70)

Автограф: (ПД. № 26305, л. 1) –беловой.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, №15, л. 2 –2 об.)–рукою М. А. Мойер.

Впервые: КШДН. 1818. №1. С. 12–15.

В прижизненных изданиях: СЗ–5 (в СЗ–4–отдел «Романсы и пес-ни»; СЗ–с подзаголовком: «Сочинение Гёте», С 4–без подзаголовка). С 5 – в подборке стихотворений 1818 г. (Т. 3. С. 21–22), с подзаголовком: «Из Гёте»).

Датируется: сентябрь–октябрь 1817 г.

Как утверждает К. К. Зейдлиц, стихотворение связано с переживаниями Жу-ковского в связи с замужеством М. А. Протасовой. Он пишет, что «удрученный выходом М. А. Протасовой в замужество, (...) прощаясь с дерптскими друзьями, Жуковский перевел две пьесы Гёте: „Утешение в слезах" и „К месяцу"» (Зейдлиц. С. 111).

М. А. Протасова вышла замуж в январе 1817 г.; Жуковский был на свадьбе и казался веселым. В это время он пишет А. И. Тургеневу: «Старое всё миновалось, а новое никуда не годится. (...) Душа как будто деревянная (...). Поэзия молчит. Для нее еще нет у меня души» (ПЖТ. С. 176). В сентябре 1817 г. Жуковский сно-ва был в Дерите, откуда уехал в начале октября. Вероятно, именно об этом време-ни и идет речь у Зейдлица.

Стихотворение Жуковского–перевод стихотворения Гёте «Trost in Traup». В переводе сохранена система образов, диалогическая соотнесенность строф, харак-тер рифмовки и размер оригинала. Но очевидно усиление эмоционального на-строения, что проявляется в синтаксисе перевода (4 вопросительных предложе-ния вместо одного у Гёте; многоточия, отсутствующие в подлиннике, анафоры и т. д.).

Положено на музыку А. Вейраухом, И. Игнатьевым и А. Даргомыжским.

Н. Реморова

Мнна. Романс

(«Я знаю край! там негой дышит лес...») (С. 71)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, №15, л. 4–4 об.)–рукою М. А. Мойер.

Впервые: FW4Н. №1.С. 26–29. В прижизненные издания не входило. Печатается но тексту первой публикации. Датируется: конец 1817 г.

Отсутствие автографа затрудняет датировку текста. Но его публикация в 1-м

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
выпуске сборника КШДН позволяет говорить о конце 1817 г., когда создава-лось

большинство текстов для этого издания.
Вольный перевод стихотворения Гёте «Kennst du das Land...» (1783),
опубликованного впервые в 3-ей книге романа «Годы учения Вильгельма Мейстера».
В собрании сочинений Гёте оно обычно помещалось в раздел «Баллады» под
загла-вием «Mignon» («Миньона»), Поскольку в романе текст исполняется Миньонкой,
стихотворение часто публиковалось и под заглавием: «Lied der Mignon» («Песня
Миньоны»),

В переводе Жуковский сохраняет объем произведения, строфику, размер (вольный ямб
со схемой 555545) и характер рифмовки (ММ). Данная форма, как указывает С. А.
Матяш, является «метрическим неологизмом Жуковского» и боль-ше в его лирике не
встречается (Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике
русских поэтов. М., 1979. С. 93. № 19).

Вопросительная интонация, принципиально значимая для оригинала, в пере-воде
заменена восклицательно-утвердительно, изменен рефрен (последние два стиха
каждой строфы) и имя героини. У Гёте имя, а точнее, прозвище героини да-но во
французской транскрипции – Mignon–и может иметь значение: «милень-кий»,
«славный», «крошечный», что соответствует производимому ею на окружаю-щих
впечатлению: «дитя», «загадочная девочка», «ребенок». Французская огласов-ка
имени подчеркивает инородность его носителницы в окружающем немецком мире.
Жуковский заменяет его именем Мина, ориентируясь, видимо, на немецкое имя
«Minna». Он убирает из рефрена экспрессивно окрашенные обращения Миньоны к
адресату песни, заменяя их одним словом – «друг», характерным для его поэтики
обращений.

В переводе исчезает и содержащийся в песне намек на трагизм судьбы героини,
которая определена Гёте в записной книжке 1793 г. как «безумие, вызванное
стечением обстоятельств». Миньона не помнит этих обстоятельств, но ощущает
контраст между гармонией запечатлевшихся в ее сознании прекрасных статуй и
изломанностью своего хрупкого тельца. Существенно, что, заменив «мраморные
изваяния» («Marmorbilder») на «ликов ряд недвижимых», Жуковский отказался от
воссоздания в стихотворении исключительно важной для Гёте в период создания
«Миньоны» темы «неувядающей античности» и Италии как символа артистиче-ской
свободы, в которую он, подобно своей героине, так рвался, повторяя: «Dahin!
Dahin!» Гёте выделяет эти слова в отдельную строку и рифмует их с заключаю-щим
каждую строфу глагольным составным сказуемым: «тось^ (...) ziehn» и «IaB (...)
ziehen» («Можем идти!», «Направимся вперед!»), как бы подчеркивая уверен-ность в
осуществлении желаемого.

Сам призыв: «Туда! Туда!» Жуковским, казалось бы, сохранен, однако смысл его
принципиально изменился. Как утверждает героиня стихотворения: «Там счастье,
друг! туда! туда // Мечта зовет! Там сердцем я всегда! (...) Но быть ли там
когда?» Этот вопрос, заключающий текст перевода, полностью меняет общий тон
стихотворения Гёте, «освоенного» Жуковским, как «элегическая медитация»
(Жирмунский. С. 84–85). Стихотворение Гёте Жуковский переложил на язык
собственных чувств и настроений.

После Жуковского стихотворение Гёте переводилось неоднократно (А. С. Пушкин, Ф.
И. Тютчев, А. К. Толстой и др.).

Н. Реморова

Жалоба пастуха

(«На ту знакомую гору...») (С. 71)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, №15, л. 2 об.–3)–рукою М. А.
Мойер.

Впервые: FW4Н. 1818. № 1. С. 16–19–с параллельным немецким текстом и указанием:
«Из Гёте».

В прижизненные собрания сочинений не входило. Печатается по тексту первой
публикации. Датируется: конец 1817 г.

Точно датировать стихотворение не представляется возможным из-за отсутст-вия
автографа и авторских указаний. Но учитывая, что все переводы для сборни-ка
создавались накануне его издания (1-й номер был пропущен в печать 11 янва-ря
1818 г., а уже в конце месяца вышел в свет), можно предположительно гово-рить о
времени создания «Жалобы пастуха» – конец 1817 г.

«Жалоба пастуха» – перевод стихотворения Гёте «Schafers Klage lied» («Жалоб-ная
песнь пастуха»). Жуковский создал свою версию стихотворения Гёте «под зна-ком
элегического любовного томления» (Жирмунский. С. 84). В последних шести стихах
он усиливает эмфатику: подряд шесть восклицательных и одно вопроси-тельное
предложение. Заключительный стих подчеркивает экзальтацию влюб-ленного: «Здесь
горе душу томит!» Ср. с повествовательной интонацией Гёте: «Dem Schafher ist gar
so weh» («Пастуху так горестно»).

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Зато Жуковский точно передает стихотворный размер подлинника–дольник, и это «единственное стихотворение Жуковского, написанное дольниками–раз–мером, который в русской поэзии впоследствии разрабатывали символисты» (Стихотворения. Т. 2. С. 507). Современный исследователь стиха Жуковского уточняет эту характеристику: «метрическая форма „Жалобы пастуха“ была компромиссной: немецкий дольник на русской почве оказался логоэдом» (Ж. и русская культура. С. 88).

Л. Янушкевич
Речь в заседании «Арзамаса»
(«Братья–друзья арзамасцы! Вы протокола послушать...»)
(С. 72)

Автограф: (РНБ, он. 1, №80, л. 10)–черновой. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 161–162 (не полностью). Впервые полностью: ПСС. Т. 2. С. 123–с неточностями, исправленными: Арзамас–2. Кн. 1. С. 588–589.

Печатается по тексту последней публикации, со сверкой по автографу. Датируется: конец 1817 г.

Речь написана в Москве, куда Жуковский выехал 4 октября 1817 г. (ОА. Т. I. С. 89) для занятий русским языком с великой княгиней Александрой Федоровной и где в это время находились арзамасцы Д. П. Северин, Д. Н. Блудов, П. А. Вяземский, Д. В. Давыдов. В недатированной записке к А. И. Тургеневу, скорее всего относящейся к началу января, Жуковский просит: «Сообщите Старушке [С. С. Уварову], что я на следующей почте пришлю ей донесение о последнем Арзамасе...» (ПЖТ. С. 185). Так как в письмах к Тургеневу из Москвы от января–марта Жуковский больше ничего не говорит об арзамасских заседаниях, то можно считать конец 1817 г. наиболее вероятным временем произнесения речи Жуковского.

Ст. 7. Даром что эта беседа давно околела–зараза...– Речь идет о «Беседе любите–лей русского слова», прекратившей свое существование в 1816 г. в связи со смертью Державина.

Ст. 9. Кто–нибудь, верно, из нас, не натершись «Опасным соседом»...– «Опасный сосед» – шутливая поэма В. Л. Пушкина, постоянно фигурирующая в ритуалах и протоколах «Арзамаса» как противоядие от «беседной заразы».

Ст. 10. Голой рукой прикоснулся к «Чтению» в Беседе...– «Чтения в Беседе любите–лей русского слова» – периодическое издание сотрудников и членов этого общества, выходившее в 1811–1816 гг.

Ст. 12. Деда седого о слоге седом...–Дед седой – прозвище А. С. Шишкова, автора «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка».

Ст. 15. Мы написали законы; Зегельхен их переплел...– Имеются в виду законы (устав) «Арзамаса». Зегельхен – петербургский переплетчик.

Ст. 19–20. Между тем, Рейн усастый (...) дал тягу II В Киев...– М. Ф. Орлов от–был в Киев в 1817 г. по приказу Александра I (см. примеч. к стих. «(К М. Ф. Орлову)»).

Ст. 22. Я, Светлана, в графах таблиц...– Имеются в виду занятия Жуковского русским языком с великой княгиней Александрой Федоровной, к которым проти–воречиво относились арзамасцы, признавая ущерб для его творчества. Ср.: «Жуковский не может нахвалиться своей августейшей ученицей; но между тем пишет одни грамматические таблицы» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 253). Жуковский и в дальнейшем широко использовал таблицы как наглядный дидактический материал в преподавании.

Ст. 23. ... Асмодей, распроставшись с халатом свободы...– П. А. Вяземский полу–чил назначение в Варшаву, куда выехал 11 февраля 1817 г. Этому событию посвящено его стихотворение «Прощание с халатом», читанное в «Арзамасе» накануне отъезда.

Ст. 25–26. ...Резвый кот всех умнее II (...) просится в церковь к налою...– Д. П. Северин женился на Е. С. Стурдзе в конце января 1818 г., что еще раз под–тверждает создание «Речи...» ранее этого времени.

Ст. 26–28. (...) Кассандра ~ скачет от русских метелей к британским туманам...–Д. Н. Блудов был назначен в Лондон советником посольства на место П. И. Полетики. В Москву приехал в середине декабря 1817 г.

Ст. 28–29. (...) и гонит II Челн очарованный к квакерам за море...– П. И. Поле–тика (его арзамасское прозвище взято из баллады «Адельстан») был назначен чрезвычайным и полномочным министром в Северо–Американских Соединенных Штатах.

Ст. 29. (...) Чу в Цареграде...–Д. В. Дашков с 1818 г. был сотрудником русского посольства в Константинополе.

Ст. 30–31. (...) Ахилл, по привычке, II Рыщет и места нигде не согреет...– К. Н. Батюшков (арзамасское прозвище из баллады «Ахилл»), зимой 1817–1818 г. ездивший из своего имени Хантоново в Москву и Петербург.

Ст. 31–32. (...) Сверчок, закопавшись II В щелку проказы, оттуда кричит к нам в стихах: я ленюсь.–А. С. Пушкин (прозвище из «Светланы» или «Пустынника»), тя–желю заболевший в самом начале декабря 1817 г. (см.: Летопись жизни и

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh творче-ства А. С. Пушкина: 1799–1826. 2-е изд. л., 1991. С. 151).

Ст. 34. Только один Вот-я-вас усердствует славе...– «Вот» – прозвище В. Л. Пушкина, подвергшееся трансформациям, – часто встречающееся в «Людмиле» и «Светлане» указательное местоимение; развенчание в «Вотрушку» за так называемые «желбицкие рифмы» и снова переименование в почетное «Вот-я-вас» (или «Вот-я-вас-от 1ять»).

Ст. 36. Брата Кабуда к Пегасу...– Речь идет о «восточной сказке» «Кабуд-путе-шественник», написанной В. Л. Пушкиным в 1818 г.

Ст. 40. Вы же, почетный наш баснописец...– Имеется в виду И. И. Дмитриев, живший в Москве и являвшийся почетным членом «Арзамаса».

Ст. 42. Вы, впервой заседающий с нами под знаменем Гуся...– И. М. Семенко счи-тает, что Дмитриев на заседании не присутствовал. Гусь–шуточная эмблема «Ар-замаса», постоянный его атрибут (печать с изображением гуся; жареный гусь); общее прозвище членов общества («арзамасские гуси»).

Н. Вётшева
1818

Листок

(«От дружной ветки отлученный...») (С. 74)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 218, к. 1338, № 12, л. 3) –рукою Е. Ф. Кривцовой, с парал-лельным французским текстом.

Впервые: FW4Н. 1818. №2. февраль. С. 24.

В прижизненных изданиях: С 3–5 (С 3–4–отдел «Смесь»; С 5 (Т. 3. С. 31)–в подборке стихотворений 1818 г.).

Датируется: первая половина января 1818 г.

Датировка стихотворения дается предположительно: все переводы для своего издания КШДН Жуковский готовил непосредственно перед выходом очередного номера. 2-й номер был пропущен к печати А. А. Прокоповичем–Антонским 15 ян-варя 1818 г. (ПЖТ. С. 186). Отсутствие автографа этого стихотворения в «Книге Александры Воейковой», куда Жуковский в конце 1817 г. вписал переводы для 1-го номера, заставляет предполагать, что «Листок» был написан позднее.

«Листок» – перевод одноименного стихотворения французского поэта и дра-матурга Антуана–венсана Арно (Arnault, 1766–1834) «La feuille». Стихотворение (но авторскому определению, «басня») отразило судьбу его автора, эмигранта–бо-напартиста в эпоху Реставрации Бурбонов. Написанное в конце 1815 г., оно внача-ле было издано анонимно и даже было принято за неизвестную басню Лафонтена.

Вскоре оно стало популярным. О нем упоминал А. С. Пушкин в статье «Фран-цузская Академия»: «Участь этого маленького стихотворения замечательна. Кос-тюшко перед своею смертью повторил его на берегу Женевского озера; Алек-сандр Ипсиланти перевел его на греческий язык; у нас его перевели Жуковский и Давыдов...» (Пушкин. Т. 12. С. 46). Известны также переводы В. Л. Пушкина, П. И. Шаликова, Л. С. Пушкина (см.: французская элегия в переводах поэтов пушкинской норы. М., 1989. С. 638–639).

Жуковский значительно сократил подлинник, сжав ст. 5–10 в два (вместо 15 ст. подлинника у Жуковского–10), удлинив при этом стихотворную строку и придав переводу большую напевность.

Положено на музыку А. Рубинштейном.

А. Янушкевич

Новая любовь–новая жизнь

(«Что с тобой вдруг, сердце, стало?...») (С. 74)

Автограф (ПД. № 27807, л. 40) – черновой, без заглавия. Впервые: КШДН. 1818. №2. февраль. С. 18–21. В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: начало января 1818 г.

В «Книге Александры Воейковой» автограф стихотворения находится в кон-тексте стихотворений конца 1817 – начала 1818 г., предназначенных для сборни-ка КШДН. Ему предшествует окончание баллады «Вадим»–с датой: «29 июля 1817 г.» (л. 36); вслед за ним идут переводы из Гебеля («Тленность», «Летний ве-чер», «Деревенский сторож в полночь»), созданные в феврале–марте 1818 г. Учи-тывая, что 2-й выпуск ЕуУДН имеет ц. р. от 15 января 1818 г., можно отнести сти-хотворение «Новая любовь–новая жизнь» к началу января 1818 г.

Стихотворение является переводом одноименного произведения Гёте «Neue Liebe, neues Leben», написанного в 1775 г. и навеянного его чувствами к Лили Шё-неман, с которой он был помолвлен. Вероятно, автобиографический подтекст– история отношений Жуковского к Маше Протасовой, состояние поэта после заму-жества любимой–определяет обращение к стихотворению Гёте и общую атмо-сферу перевода. Жуковский, прежде всего, меняет синтаксис подлинника, что уже проявилось в

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
заглавии: тире вместо запятой отчетливее обозначило новое состояние поэта.
Вместо 3-х вопросительных предложений подлинника у Жуковского 8; вместо 4-х
восклицательных – в переводе 9. Русский поэт насыщает текст Гёте своими любимыми
словами-понятиями: «сладостно», «сладость», «душой», «томный», «очарованье»,
что превращает «шаловливое и грациозное стихотворение» Гёте в
«мечтательно-элегическое» (Жирмунский. С. 86).
Ст. 17. Я неволен, очарован!.. – По всей вероятности, этот стих стал точкой
от-талкивания для создания известного экспромта Л. С. Пушкина: «Я влюблен, я
очарован, словом, я огончарован», передающего чувство А. С. Пушкина к Н. Н.
Гончаровой. Этот экспромт часто повторялся и самим влюбленным, что да-ло
основание приписать его ему (см.: Литературный архив: Материалы по исто-рии
литературы и общественного движения. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 224).

Л. Янушкевич

Первая утрата

(«Вы промчались, дни прекрасны...») (С, 75)

Автограф (ПД. №27807, л. 43 об.) – черновой, с заглавием: «Первая утрата». При
жизни Жуковского не печаталось. Печатается впервые.

Датируется: первая половина марта (до 14-го) 1818 г.

Дата создания стихотворения определяется по положению его автографа в ру-кописи:

на л. 44 об. – 45 расположен текст гатчинского послания «К Варваре Пав-ловне

Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой», датируемый 14 мар-та 1818 г.

Стихотворение «Первая утрата» отражает настроение Жуковского после заму-жества

М. А. Протасовой. В марте 1817 г., вскоре после свадьбы, он писал А.И.Тургеневу

из Дерпта: «Душа как будто деревянная. (...) Поэзия молчит. Для нее еще нет у

меня души. Прежняя вся истрепалась, а новой я еще не на-жил» (ПЖТ. С. 176). Ср.

ст. 9: «И душа отвыкла жить». 4-го октября 1817 г., при-ступив к своим

обязанностям учителя русского языка великой княгини Александ-ры Федоровны,

Жуковский отправился с двором в Москву (ОА. Т. I. С. 89) и посе-лился там в

одной из келий Чудова монастыря, о чем писал А. И. Тургеневу во второй половине

октября 1817 г.: «(...) живу теперь в келье какого-то монаха Чу-довского; на

окнах моих крепкие решётки, но горницы убраны не по-монашески; тишина

стихотворная царствует в моей обители и уж Музы стучатся в двери; я еще не мог

принять их за беспорядком, но завтра они ко мне пожалуют» (ПЖТ. С. 181).

Дневниковая запись от 6 ноября 1817 г. тоже свидетельствует о том, что Жуковский

– накануне творческого вдохновения: «Душа жива. Могу действовать без

принуждения; могу действовать для добра...» (Дневники. С. 59).

Стихотворение «Первая утрата», созданное в период творческой активности поэта

(конец 1817 – начало 1818 г.) – одно из первых поэтических излияний на сквозную

тему лирики этого периода – «минувших дней очарованье». Как уда-лось установить,

стихотворение «Первая утрата» является переводом одноимен-ного стихотворения

Гёте «Erster Verlust» (1789). Вот его текст – с параллельным подстрочником:

Ach, wo g bring! die so hone и Tage, Jene Tage der ers!en Liebe, Ach, wer bring!

nur eine Sündc Jener holden Zei! zuruck!

Einsain nahr' ich meiii wunde, Und nii! slots erneiiler k!ago Traur' ich inn's

vor!omc Cluck.

Ach, uer bring! die schoncn Tagc, Jene ho Id o Zei! zuruck.

Ах, кто возвратит прекрасные дни, Те дни первой любви, Ах, кто возвратит лишь

один час Того милого времени назад!

Одиноко питаю я свою рану,

И в постоянно обновленных жалобах

Грущу о потерянном счастье.

Ах, кто возвратит прекрасные дни, То милое время назад.

В формальном отношении перевод Жуковского необыкновенно точен: русский поэт

передает оригинальную строфику подлинника (катрен, терцет, дистих) и его не

менее своеобразную систему рифм: и в немецком, и в русском тексте рифмуют-ся

1–6–8, 3–5 и 4–7–9 стихи, а 2-й стих – ударный, содержащий в себе цен-тральное

понятие («Liebe» – «любовь» у Гёте; «счастье» – у Жуковского), остается

нерифмованным. Столь же точен ритмический рисунок перевода в отношении к

оригиналу: во втором нерифмованном стихе Жуковский вводит во вторую стопу

четырёхстопного хореического стиха дополнительный безударный слог, что тоже

способствует выделению стиха из общей ритмики текста.

Зато в смысловом отношении русский поэт позволил себе существенное от-ступление

в ст. 9. Ср.: «Jene holde Zeit zuruck» («То милое время назад») – «И ду-ша отвыкла

жить».

Стихотворение Гёте «Erster Verlust» под заглавием «Первая потеря» перевел

позднее М. Михайлов (см.: Собрание сочинений Гёте в переводах русских

писате-лей. 2-е изд. СПб., 1892. Т. 1. С. 71).

О. Лебедева у А. Янушкевич

Цветы

(«С приветом ласки нас встречайте!..») (С. 75)

Автограф (ПД. № 27807, л. 44) – черновой, с заглавием: «Цветы». При жизни Жуковского не печаталось. Печатается впервые.

Датируется: начало марта (до 14-го) 1818 г.

В «Книжке Александры Воейковой» стихотворение «Цветы» расположено в непо-средственной близости к стихотворению «Первая утрата» (л. 43 об.); тематически оно к нему также близко примыкает. Поэтому оба текста можно датировать одним и тем же хронологическим периодом творчества Жуковского и отнести их к груп-пе стихотворений, отражающих настроение поэта после замужества М. А. Прота-совой. О причинах их непубликации можно только догадываться.

О. Лебедева

(«В ту минуту, когда ты в белой брачной одежде...»

(С. 76)

Автографы:

1) ПД. № 27807, л. 42–42 об.– черновой, с параллельным немецким текстом.

2) РНБ, оп. 1, № 70, л. 149–150–беловой, в составе статьи «Воспоминание».

Впервые: МТ. 1827. Ч. 15. №11. Июнь. Отд. 2. С. 105–106–с заглавием

«На кончину *** (Из Жан-Поля)». Без подписи.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: март 1818 г.

Основанием для датировки является местоположение автографа в рукописи: среди стихотворений, опубликованных в первых номерах ГШДН, перед мартов-скими гатчинскими посланиями к фрейлинам и перед посланием «Государыне ве-ликой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаеви-ча», написанным 17–20 апреля 1818 г.

По всей вероятности, стихотворение было предназначено для первых выпус-ков КШДН, о чем свидетельствует параллельный немецкий текст, но, вероят-но, этические соображения–произведение Жан Поля было написано на смерть матери великой княгини Александры Федоровны–королевы прусской Луизы (1771–1810)–повлияли на исключение перевода из состава сборника. Предстоя-щие роды великой княгини могли быть омрачены этим печальным воспомина-ем. Только через 10 лет Жуковский опубликовал это стихотворение, а затем вклю-чил его в свою статью «Воспоминание» (1845–1850) со следующей преамбулой: «Вот что Ж. П. Рихтер написал в то время, когда королева Луиза покинула землю, оплакиваемая не одним своим отечеством, но и всем германским народом, кото-рый видел в ней идеал женской прелести» (ПСС. Т. 11. С. 24).

Приступив в начале октября 1817 г. к должности учителя русского языка ве-ликой княгини, Жуковский неоднократно беседовал с ней и ее гувернанткой Вильдермет о королеве Луизе. Дневниковая запись от 25 октября 1817 г.: «Био-графия королевы Луизы» (Дневники. С. 53), выписки на немецком языке (вероят-но, из дневника г-жи Вильдермет) с припиской рукою великой княгини Алексан-дры Федоровны о смерти матери (после дневниковой записи Жуковского от 2 де-кабря этого же года.–Там же. С. 62) являются отправным моментом для созда-ния стихотворения.

Как удалось установить, источником для стихотворения Жуковского явился прозаический текст «Schmerzlich-trostende Erinnerungen an den neunzehnten Julius 1810» известного немецкого писателя Жан Поля (псевд. Иоганна Пауля Фридри-ха Рихтера; 1763–1825), входящий в трехтомник его прозы: «Herbst-Blumine, oder gesammelte Werkchen aus Zeitschriften» (Stuttgart und Tubingen, 1810. Bd. 1). Об отношении Жуковского к Жан Полю см.: БЖ. Ч. 2. С. 186–188.

Жуковский выбирает из некролога Жан Поля, разбитого на 7 самостоятель-ных фрагментов, начало (фрагменты 1–2-й) и конец (фрагмент 7-й), превращая этот текст–экстракт в самостоятельное гекзаметрическое стихотворение. Любо-пытно, что в автографе ПД параллельный немецкий текст, точно совпадая по смыслу с источником, переложен ритмической прозой и разбит на 21 строку. По всей вероятности, этот текст, написанный красными чернилами en regard рукою Жуковского,–творчество самого поэта.

Включая впоследствии свой перевод из Жан Поля в состав статьи «Воспомина-ние», Жуковский ориентировался на заглавие источника: «Schmerzlich-trdstende Erinnerungen an den neunzehnten Julius 1810» («Мучительно-утешительные воспо-минания о 19 июля 1810 г.»

А. Янушкевич

Деревенский сторож в полночь

(«Полночь било; в добрый час!..») (С. 77)

Автограф (ПД. №27807, л. 24, 43 об., 48–48 об.)–черновой, с заглавием: «Ночной сторож в деревне» и датой первоначального наброска: «1 ноября». Впервые: КУУДН. 1818. №4. С. 8–19.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
В прижизненных изданиях: С 3–5 (в С 3, 4 отдел «Сельские стихотворения», в С 5 в подборке произведений 1816 г. в С 3 – иод названием «Деревенский сторож», в С 4–«Деревенский сторож в полночь», в С 5 – «Деревенский сторож в полночь. (Из Гебеля)».

Датируется: 1 ноября 1816 г.–середина марта 1818 г.

Начало работы над стихотворением четко датировано самим Жуковским в черновом автографе: «1 ноября», сразу же вслед за окончанием других переводов из Гебеля – «Овсяный кисель» и «Красный карбункул», т. е. 1816 г. Затем, с пере-рывами, работа над переводом продолжалась на протяжении всего ноября, но за-кончилась на ст. 34. К работе над окончанием перевода Жуковский возвращается лишь в марте 1818 г. и, вероятно, к середине месяца заканчивает текст, публикуя его в апрельском, 4-м выпуске К\УДН. Поэтому перевод «Деревенского сторожа» и следует датировать 1 ноября 1816–серединой марта 1818 г.

Перевод идиллии И. П. Гебеля «Der wachter in der Mitternacht» («Сторож в полночь»), вошедшей в сборник «Алеманские стихотворения» (см. примечания к стихотворению «Овсяный кисель» в настоящем томе). «Деревенский сторож в полночь» продолжает серию переводов Жуковского из идиллической поэзии Ге-беля, предпринятую в октябре 1816 г. (наряду с «Овсяным киселем», «Тленно-стью»). Перевод полный, с изменением строфики (количество строк и количество стихов в строфах у Жуковского и Гебеля не совпадают), хотя вслед за Гебелем Жу-ковский использует иолиметрическую композицию (4-стонный хорей сменяется 4-стопным ямбом с рифмовкой аба, затем–4-стопным ямбом с рифмовкой аабб и, наконец, 5-стоиным ямбом). Сама по себе такая композиция была малоупотребительна в русской поэзии и обычно ориентировалась на музыкальное исполнение. «Деревенский сторож» связан с музыкой лишь косвенными ассоциациями, и ис-пользование в этом стихотворении полиметрической композиции свидетельствует о стремлении Жуковского расширить ее жанровые границы, с одной стороны, а с другой–достичь, как и в других переводных идиллиях (из Гебеля), синтеза описательности и мелодичности.

«Деревенский сторож в полночь», опубликованный в К\УДН вслед за «Тленно-стью», продолжает развивать идиллическую концепцию человека и мира. В 1817 г. в письме к Д. В. Дашкову Жуковский сообщал о своем замысле двух анто-логий: «русских сочинений в стихах и прозе» и «собрания переводов из образцо-вых немецких писателей, также в стихах и прозе». В плане содержания «Немец-кой книжки» указано, кроме Гёте, Гердера, Шиллера: «Nebel: weltssystem для посе-лян» (С 7. Т. 6. С. 440–441). Этот замысел, как известно, не был реализован Жу-ковским. Но последовательная публикация в Г\УДН названных выше переводов идиллий Гебеля, представляющих целостную идиллическую картину мира, весь-ма показательный факт. Полуальманах-полужурнал, К\УДН издавался под покро-вительством Великой княгини и предназначался для самого ограниченного при-дворного круга. Он должен был познакомить будущую царицу с русской литера-турой. Вместе с тем, К\УДН должен был заполнить некоторую пустоту в душе кн. Александры Федоровны, оказавшейся в чужой стране, в чужой культуре. Очень важно, что для достижения этих целей Жуковский и избирает свои переводы из Гебеля, в том числе и «Деревенского сторожа в полночь». Работа над этим произ-ведением ярко демонстрирует стремление Жуковского–русского мыслителя и поэта уйти от абстрактности, умозрительности к индивидуальному переживанию внешнего мира, к правдивому, естественному изображению этого мира в поэзии. Сопоставление подлинника и перевода, автограф свидетельствуют о принци-пальности для Жуковского в момент работы над переводом решения проблемы «идеализации» и «простоты» в искусстве, конкретности и всеобщности. Но чем к большей конкретности, естественности приближается Жуковский, тем большей свободы творческого воображения это требует от него. По сути, он дописывает ге-белевскую картину множеством деталей, делая ее живой, общедоступной, обще-значимой. В этом смысле характерен уже перевод названия и отказ от первоначального заглавия «Ночной сторож». То, что эта замена для Жуковского принци-пиальна, подтверждает и факт помещения идиллии в отдел «Сельские стихотворения» в С 3, 4.

В переводе подчеркивается идея всеобщей подвижности (движение во внеш-нем мире, движение настроений, мыслей сторожа, движение в самой неподвиж-ности), непосредственности впечатлений лирического героя. Стремясь создать за-конченные описательные отрезки (ст. 3–28, 35–66 и т. д.), Жуковский дает в пе-реводе свое членение на строфы, которые концептуально соединяются серией по-следовательных вопросов и восклицаний («как все молчит!» или «Куда идти мне?», «как быть! Где был я? Где теперь?»). Тщательность в изображении внешне-го мира не отменяет, а напротив, предполагает таинственность, мистицизм опи-санного в «Деревенском стороже...» Такая атмосфера передается полунамеками (не напрямую констатируется, как у Гебеля) – «в полночной глубине», «чу!» и т. п. Сиюминутное превращается в символ вечного, отсюда многочисленные «как буд-то», «как узнать», «смутно», «не знаю». В переводе появляется очень важный для Жуковского образ занавеса и

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh бесплотного духа. Эти образы, как всегда у Жуков–ского, связывают два мира: идеал, поэзию, вечность и реальность, прозу, времен–ное. У Жуковского, таким образом, неизмеримо большую роль играет сопряжение вещественной пластики и символического звучания предметной картины. «Дере–венский сторож...» в этом смысле не только обобщает опыт предшествующих идиллий, но и носит не менее программный характер, чем элегии, такие, напри–мер, как «Славянка», «Невыразимое».

И. Айзикова

Тленность Разговор на дороге, ведущей в Базель, в виду развалин замка Ретлера, вечером

(«Послушай, дедушка, мне каждый раз...») (С. 81)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, №26, л. 33, 34–черновой, неоконченный (ст. 1–88), без подза–головка.

2) ПД, № 27807, л. 37 об., 40 об.–42–черновой.

Впервые: FW4Н. 1818. №3. С. 2–15.

В прижизненных изданиях: С 3–5 (в С 3, 4 отдел «Сельские стихотво–рения», в С 5 в подборке произведений 1816 г. с названием в оглавлении «Тлен–ность. Разговор (Из Гебеля)».

Датируется: октябрь 1816 г.

Сообщая А. И. Тургеневу в письме от 21 октября 1816 г. о завершении перево–да идиллии И. П. Гебеля «Овсяный кисель», восторгаясь поэзией этого немецкого автора, Жуковский обещает перевести из Гебеля «еще многое» (ПЖТ. С. 164). Стихотворение «Тленность» явилось одним из этого «многого». Его источник – стихотворение «Die Vergänglichlichkeit», написанное Гебелем в 1800–1801 гг. и во–шедшее в сборник «Алеманнские стихотворения» (см. комментарий к «Овсяному киселю» в настоящем томе). Перевод полный (у Жуковского на 1 стих больше, чем в оригинале), с отдельными незначительными несовпадениями количества стихов в монологах дедушки и внука у Жуковского и у Гебеля. В черновом неоконченном автографе отсутствуют формальные признаки диалога, текст не делится здесь ни на строфы, ни на фрагменты речи героев стихотворения. Впоследствии оно при–обретает форму диалога, как в оригинале. Вслед за Гебелем Жуковский дает про–изведению характерный подзаголовок, в переводе которого русский поэт не–сколько отходит от автора (ср.: у Гебеля–«Gesprach auf der StraÙe nach Basel, zwi–schen Steinen und Grömbach, in der Nacht»). С подзаголовком «Разговор», подчер–кивающим ориентацию на слушателя, стихотворение помещено в оглавлении С 5.

Жуковский переводит «Тленность» белым пятистопным бесцезурным ямбом, и это было первое обращение поэта к данному размеру. Выбор его не был случай–ным. Прежде всего, он связан с диалогической формой стихотворения (впоследст–вии Жуковский будет использовать белый 5–стопный бесцезурный ямб в своих драматических произведениях, «опробовав» его на идиллии; см.: Матяш С. А. Метрика и строфика Жуковского. С. 71). Во–вторых, обращение к названному раз–меру связано с экспериментами Жуковского в области сказового повествования, «уственности» изложения, что в свою очередь вытекало из общих процессов конца 1810–х гг.– взаимодействия, взаимовлияния прозы и поэзии, формирования ли–роэпических и эпических жанров в романтической литературе. Как показывают рукописи, работа Жуковского над переводом определялась именно поисками в области повествования и в области стиха.

В первую очередь Жуковский тщательно работает над стилем, приближая его к сказовому, что соответствовало образу дедушки, вернее, его патриархальной мудрой концепции мира, согласно которой в мире всему есть предел, но именно конечность отдельного осознается залогом вечного движения коллективной жиз–ни.

Романтический универсализм, свойственный, например, балладам Жуковско–го, здесь «заземляется» сказовым повествованием. Отсюда–основные настроения перевода: умиротворение, гармония, мудрое приятие всех объективных законов бытия. Конечно, образ дедушки, его разговор с внуком – всего лишь внешний прием, способствующий изложению целостной, хотя и драматической, концепции мира и человека, причем в ее житейском, более прозаическом осмыслении. Но это было знаком перехода Жуковского к новому типу повествования. Сама разго–ворность стихотворения свидетельствует об общей тенденции движения Жуков–ского к «стихотворной прозе». Миф, легенда, лежащие в основе баллад, сменяются в «Тленности» житейской философией дедушки, который по–своему развивает те–му самостояния человека перед обстоятельствами. Показательно, что Жуковский очень точно передает гебелевскую идею веры в Бога, смирения перед его волей.

Тенденции, обозначенные в «Тленности», были развиты в дальнейшем творче–стве поэта, в том числе и в переводах из Гебеля (образ доброго дедушки из «Крас–ного карбункула», видимо, был подсказан аналогичным образом из «Тленности»; см.: Янушкевич. С. 191). Установка на сказовость разрабатывается и в сказках, где

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский вновь появляется рассказчик – мудрый дедушка.

Жуковский оригинально эпизирует материал подлинника: вводятся очень характерные детали, придающие картине описательность, эпичность. Переводчик старается быть «прозаичнее» Гебеля. Он подчеркивает эпическое дыхание времени. Многочисленные обстоятельства времени, отсутствующие у Гебеля, у Жуковского воссоздают вечное, универсальное течение жизни. Размышлениям дедушки придается субстанциальный смысл: частная жизнь человека помещается в вечное движение истории и природы. У Жуковского появляется большая степень обобщенности за счет соединения конкретного и универсального. Он более последовательно раскрывает состояние бренности всего сущего, акцентирует момент ухода, разрушения, но с целью подчеркнуть идею постоянного движения, осуществляющегося благодаря вечной смене старого новым. Конец и начало, жизнь и смерть у Жуковского явно амбивалентные понятия. Более яркие, чем у Гебеля, картины вечной жизни усиливают в переводе антитезу конкретного, сиюминутного и вечного, всеобщего.

Особую заботу в процессе перевода Жуковский проявляет к размеру стиха, напрямую связанному с программной установкой поэта на «плавное» течение рассказа. Известно, что именно белый ямбический стих определял восприятие «Тленности» (и других переводов из Гебеля, выполненных этим размером) друзьями и современниками Жуковского. Так, по словам Л. С. Пушкина, А. С. Пушкин тут же откликнулся пародией на перевод Жуковского:

«Послушай, дедушка, мне каждый раз, // Когда взгляну на этот замок Ретлер, // Приходит в мысль: что, если это проза, // Да и дурная?..»

Не принимая в конце 1810-х гг. белого (нерифмованного) бесцезурного ямба Жуковского, Пушкин уловил между тем самым главным движением первого русского романтика к эпосу, усиление в его лирике повествовательного начала («что если это проза»). Жуковский от души смеялся над этой пародией, уверяя, что молодой Пушкин вскоре изменит свое мнение о белом стихе. И действительно, этот размер стал одним из классических в русской поэзии, а Пушкин написал им своего «Бориса Годунова». К. Н. Батюшков также не сразу оценил новаторство Жуковского. Он писал ему в августе 1819 г.: «Прошу тебя писать ко мне; чего тебе стоит, когда ты имеешь время писать ко всем фрейлинам и еще время переводить какого-то базельского Пиндара на какие-то пятистопные стихи» (РА. 1884. Кн.1. С. 236).

И. Айзикова
Летний вечер
(«Знать, солнышко утомлено...») (С. 85)
Автограф (ПД, № 27807, л. 42 об.–43)–черновой. Впервые: ГШДН. 1818. №4. С. 24–33.

В прижизненных изданиях: С 4, 5 (в С 4 отдел «Сельские стихотворения», в С 5 в подборке произведений 1818 г., в оглавлении с подзаголовком: «(Из Гебеля)»). Датируется: январь–март 1818 г.

Перевод одноименного стихотворения И. П. Гебеля «Der Sommerabend», опубликованного в сборнике «Алеманские стихотворения» (1803). Перевод выполнен, вероятно, специально для FW^IN, он полный. Однако Жуковский, активно способствовавший, как известно, бурному расцвету метрических форм в русской поэзии, сохранив строфику оригинала, сознательно нарушает правило альтернанса (внутри строфы со сплошными мужскими окончаниями) и изменяет размер стиха. Здесь, как и в других переводах из Гебеля, Жуковский вновь всматривается в повседневное лицо природы и человека. При этом, по сравнению с Гебелем, Жуковский более внимателен к конкретным деталям пейзажа. И в целом описательность в переводе иного рода. Она подчинена созданию символических образов, вызывающих богатые ассоциации и производящих благодаря этому (как в музыке) сильное эмоциональное впечатление. Все это, взятое вместе, делает произведение Жуковского необычайно мелодичным. Жуковскому это было, по-видимому, очень важно. В конце января – начале февраля 1818 г., после выхода в свет первого номера ГШДН поэт пишет А. И. Тургеневу: «Посылаю тебе и всем арзамасцам первый номер моего песенного журнала, Моя ученица скоро все это будет петь по-русски» (ПЖТ. С. 186). Неслучайно позднее это стихотворение было положено на музыку несколькими композиторами: А. А. Астафьевым, М. Р. Щиглевым, Н. М. Ладухиным, В. И. Ребиковым.

Жуковский более активно и последовательно соединяет в своем переводе два стиля: собственно поэтический и элементы прозаического, включая разговорную лексику. В силу этого описание захода солнца оборачивается глубокой медитацией и самопроникновением лирического героя. Задача переводчика – запечатлеть постоянные смены состояния природы и настроения лирического героя, в связи с чем в переводе более четко выделены 3 части стихотворения: заход солнца, солнечный день и появление месяца на небе (это хорошо почувствовали Н. М. Ладухин, В. И. Ребиков: их музыка на слова «Летнего вечера» Жуковского для двух- и трехголосых хоров).

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
И. Айзикова

(Обеты)

(«Будьте, о духи лесов, будьте, о нимфы потока...») (С. 87)

Автограф (Пд. № 27807, л. 43 об.)—черновой, без заглавия. Впервые: МТ. 1827. ч. 16. № 13. Июль. С. 4—с заглавием: «Гёте. Обеты». В прижизненные собрания сочинений не входило. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: март 1818 г.

Традиционная датировка стихотворения 1821-м г., закрепившаяся в изданиях сочинений Жуковского начиная с С 7, представляется ошибочной. Черновой (и единственный известный) автограф убедительно доказывает, что стихотворение было написано вместе с другими переводами, предназначенными для 3–4-го выпусков КШДН. Местоположение автографа перед гатчинским посланием фрейли-нам от середины марта 1818 г. позволяет уточнить датировку—первая половина марта 1818 г.

Озаглавленное при первой публикации «Обеты», стихотворение Жуковского является переводом гётевского «Landliches Glück», опубликованного в 1789 г., но написанного еще в 1782 г. и заглавия не имевшего, ибо было предназначено для использования в качестве одной из надписей среди деревьев парка в Тифурте, где находилась летняя резиденция Веймарской герцогини-матери Анны Амалии.

Представляется вполне вероятным, что Жуковский перевел стихотворение, применяя его к Павловскому парку, хозяйкой которого была вдовствующая импе-ратрица Мария Федоровна, создавшая его по образу и подобию парка в Тифурте. Гётевская надпись в антологическом роде вполне могла быть вписана в ландшафт Павловского парка, включавшего и скульптурные изображения в античном стиле.

Другим не менее убедительным поводом для обращения Жуковского к пере-воду именно этого стихотворения могло* стать увлечение поэта переводами из Ге-бея и знакомство с рецензией Гёте на его «Алеманнские стихотворения», проци-тированной русским поэтом при публикации «Овсяного киселя», где особенно подчеркивалось своеобразие изображения жизни поселян в идиллиях Гебея по сравнению с «древними поэтами и их новейшими подражателями», каковым яв-лялся и сам Гёте в «Landliches Glück» («Сельское счастье»). Не исклю-чено, что дан-ное заглавие явилось для Жуковского своего рода толчком к выделению в С 3–4 подборки «Сельских стихотворений», куда вошли все переводы из Гебея.

«Обеты»—достаточно близкий перевод «Landliches Glück». Как указывает В. М. Жирмунский, это—«самая ранняя попытка в русской поэзии передать ан-тичный элегический дистих», хотя поэт еще «не вполне справляется с новым раз-мером, допуская метрические ошибки (неударный слог после цезуры) в первых двух пентаметрах» (Жирмунский. С. 94).

Что касается иафосно звучащего заглавия, то его происхождение представля-ется не совсем ясным, ибо ни в оригинале, ни в переводе нет и речи о каких-либо обещаниях или обязательствах, скорее можно говорить о наказах, заветах или закля-тиях, что подчеркнута повелительной формой глаголов как в оригинале, так и в переводе.

Есть основания предполагать, что заглавие не принадлежит Жуковскому и яв-ляется либо ошибкой наборщика (Заветы – Обеты), либо своеволием редактора.

Стихотворение, написанное 9 лет назад, публиковалось впервые, когда автор уже более года находился в заграничном путешествии. Сама публикация выглядит не-сколько необычно. В 13-м номере МТ за 1827 г. в разделе «Изящная словесность» на с. 4 читаем: «Гёте. Обеты». Далее следует текст стихотворения Жуковского, без указания авторства. У Гёте стихотворения с таким заглавием нет. Перемена загла-вия произведения при указании автора оригинала не могла быть сделана с ведо-ма Жуковского.

П. А. Ефремов, включая в уже сформированный третий том (С 7) ряд вновь об-наруженных им стихотворений Жуковского (С. 483–494), использует список П. Бартенева, сделанный, как утверждает владелец, с автографов поэта, часть ко-торых взята им «из альбома А. П. Елагиной». Первым публикуется стихотворение без заглавия, начинающееся словами: «Будьте, о духи лесов, будьте, о нимфы по-тока...», то есть в рукописи альбома, откуда оно переписано Бартеневым, заглавия не было.

П. А. Ефремов, издавая третий том С 7, не знал о публикации стихотворения в МТ, о чем он сообщает в «Библиографических примечаниях» к третьему тому (Т. 5. С. 547). Сочтя эту публикацию сделанной с ведома поэта, хотя и отметив ее необычную форму, Ефремов в следующем издании (С 8. Т. 2. С. 340) публикует текст Жуковского с заглавием, данным в МТ. Поскольку достоверных доказа-тельств того, что заглавие антологическому шестистишию дано самим Жуковским, мы не имеем, то считаем возможным опубликовать его без заглавия, по первой строке.

Н. Реморова

Горная дорога

(«Над страшною бездной дорога бежит...») (С. 87)

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Автограф (пд. №27807, л. 47 об.) –черновой.

Впервые: К\УДН. № 4. С. 2–7–с заглавием: «Горная песнь».

В прижизненных изданиях: СЗ–5–с заглавием: «Горная дорога» и указанием на источник перевода: «Из Шиллера» (в С 3–4–отдел «Романсы и песни»; в С 5 отнесено к 1818 г.).

Датируется: вторая половина марта (после 14–го) 1818 г.

Датировка дана по положению текста в рукописи: на л. 44 об.–45 «Книги Александры Воейковой» расположен черновой автограф второго послания к фрейлинам (первое датируется 14 марта 1818 г.); л. 45 об.–46 об. заняты его про-должением.

Поскольку «Книга Александры Воейковой» заполнялась в строго хро-нологическом порядке, стихотворение «Горная дорога» может быть датировано второй половиной марта 1818 г. В пользу этой датировки говорит и тот факт, что стихотворение опубликовано в апрельском выпуске К\УДН.

«Горная дорога» является переводом стихотворения Ф. Шиллера «Berglied» («Горная песня»; первоначальный вариант заглавия перевода Жуковского более точен), созданного в начале 1804 г., в период работы над трагедией «Вильгельм Телль», в состав которой Шиллер намеревался включить это стихотворение, опи-сывающее дорогу из Швейцарии в Италию через перевал Сен-Готард. Ср. в пись-ме Гёте к Шиллеру от 26 января 1804 г.: «Ваше стихотворение весьма искусно изо-бражает подъем на Сен-Готард (допуская при этом и другие толкования) и очень хорошо подходит к Теллю. (...) Каждая строфа соответствует определенному уча-стку пути; однако отсутствие каких-либо конкретных наименований (названия скал, рек и т. д.) допускает и символическое толкование стихотворения» (И. В. Гё-те. Ф. Шиллер. Переписка: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 448, 555).

В трагедию «Вильгельм Телль» стихотворение не вошло, однако «для описания горной дороги в Италию в „Вильгельме Телле" и „Горной песне" Шиллер исполь-зовал один и тот же источник: I. K. Fasi. Genaue und vollständige Staats- und Erdbe- schreibung der ganzen helvetischen Eidgenovschaft... Bd. 1–4. Zurich, 1765–1768» (Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 584).

В метрическом отношении перевод Жуковского почти точен: соблюдая общую закономерность чередования стихов 4– и 3–стоиного амфибрахия, Жуковский сгла-живает синкопированные стопы, заменяя их стопами полного образования. Ст. 1–4. Над страшною бездною дорога бежит ~ Погибель над нею гнездится...– В этих стихах описана тропа из Амштега через Вассен и Гешенен.

Ст. 7–12. Там мост через бездну отважной дугой ~ Сразить его рвется и ввек не сразит...– Имеется в виду знаменитый «Чертов мост», под которым течет река Рейсе.

Ст. 13–15. Там, грозно раздавшись, стоят ворота ~ Пройди их–долина, долин красота...– В этих стихах описана так называемая «Урийская дыра», сквозь кото-рую открывается вид на долину Ури. Аналогичный пейзаж (горные ворота Prebisch Thor) встречается и в статье Жуковского «Путешествие по Саксонской Швейцарии». Ср.: «(...) вид несравненный: не понимаешь, для кого созданы при-родою, в пустыне, эти таинственные ворота и куда ведут они; кругом них бездны, сквозь их отверстие виден один волнующийся туман, и что-то, как будто из друго-го света, мелькает сквозь этот полупрозрачный сумрак» (ПСС. Т. 12. С. 8).

Ст. 19. Четыре потока оттуда шумят...– В долине Ури находятся истоки Рейс-са, Роны, Тичино и Рейна.

Ст. 25. Там в блеске небес два утеса стоят...– Скалы Фиуэдо и Проза.

Ст. 31. Царица сидит высоко и светло...– Скала Мутенгорн.

О. Лебедева

К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой в Гатчине

I

(«Не грех ли вам, прекрасная графиня...») (С. 88)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 43– черновой (ст. 1–25), без заглавия.

2) ПД. Р. I, оп. 9, №4, л. 1–беловой (ст. 1–26), без заглавия, с датой: «Сего 14 марта. 1818 года».

КО и И И:

1) ПД. № 9625, л. 11–11 об.– рукою А. П. Зонтаг в ее альбоме, с ошибочным заглавием: «К Шуваловой».

2) ПД. № 112, I м., л. 1–1 об.–рукою А. П. Зонтаг, без заглавия и двух заклю-чительных стихов: на листе, вырванном из альбома (см. копию № 1).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Сб. Т. 4. С. 508–с заглавием: «Послание к В. П. Ушаковой и к графине Пр. А. Гендриковой».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 14 марта 1818 г.

II

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh («Варвара Павловна! графиня! помогите...») (С. 89)

Автографы:

1) ПД. № 27807, л. 44 об.–46–черновой, без заглавия.

2) ПД. № 111, I с, л. 1–2 – белой, без заглавия; на л. 2 об. надпись:

«Жесто–ким соседкам от горестного соседа».

Копия (ПД. № 9625, л. 11 об.–12 об.) –рукою А. П. Зонтаг. При жизни Жуковского не печаталось. В и е р в ы е: С 8. Т. 2. С. 361–363. Датируется: конец марта (после 14–го) 1818 г.

Оба послания внутренне связаны между собой и были созданы одновременно в период недолгого пребывания Жуковского в Гатчине: около 26 марта он уже возвратился в Москву (см.: ИВ. 1881. Т. 5. Май. С. 4–9). Адресатом посланий яв–ляются фрейлины Варвара Павловна Ушакова (в замуж. Барыкова, ум. 1862) и княжна Прасковья Александровна Хилкова (в замуж, гр. Гендрикова, 1803–1843).

Под «розовым романом» в 3–х томах, два из которых пересказывает Жуков–ский в надежде получить окончание, имеется в виду знаменитый роман француз–ской писательницы Марии Коттен (M-me Cottin, 1770–1807) «Матильда, или Кре–стовые походы» (1805). Герой романа Малек–Адель был «идеалом романтических барышень XIX в.» (Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995. С. 612).

С точки зрения эстетической второе послание интересно как еще один (после «Двенадцати спящих дев») опыт переложения прозаического романа на язык по–эзии. Только в отличие от «Двенадцати спящих дев» к роману Коттен Жуковский относится достаточно иронически, по–арзамасски.

Н. Вётшева

III

(«Графиня, можно ль так неблагодарной быть!..») (С. 91)

Автограф (ПД. № 27807. Книга Александры Воейковой, л. 45 об.–46 об.) – черновой. Копия (ПД. № 9625, л. 12 об.–13) –рукою А. П. Зонтаг, ст. 1–38. При жизни Жуковского не печаталось. Печатается впервые.

Датируется: после 14–го и не позднее 24 марта 1818 г.

Публикуемый текст представляет собой органичное сюжетно–тематическое за–вершение двух предшествующих и ранее известных посланий к В. П. Ушаковой и П. А. Хилковой, посвященных ироническому пересказу романа М. Коттен «Ма–тильда, или Крестовые походы». Их внутренняя связь определяет предлагаемую датировку неизвестного ранее текста.

В отличие от первых двух, третье послание характеризуется большим разно–образием поэтических интонаций: «домашняя» бытовая и пародийно–ирониче–ская установка павловских посланий Жуковского дополняется здесь проникно–венным лиризмом и элементами философской рефлексии (см. ст. 40–46), что сближает его с эстетическими манифестами Жуковского, сопрягающими в тексте одного лирического стихотворения, равного мгновению жизни, весь спектр воз–можных поэтических интонаций – от бытовых до бытийных. Подробнее о поэти–ке эстетических манифестов Жуковского см.: Янушкевич. С. 131–156.

Ст. 36. И жизнь ничтожную собой изображало...– В копии этот стих дан с разно–чтением: «Увы! Оно ничтожну жизнь собой изображало!»

Н. Вётшева, О. Лебедева

Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича Послание

(«Изобразу ль души смятенной чувство?..») (С. 93)

Автограф (ПД. № 27807, л. 50–53)–параллельно черновой и белой.

Копия (ПД. Р. 1, оп. 9, №52, л. 1–4 об.)–рукою неизвестного лица, под за–главием: «Е. И. В. Государыне Великой Княгине Александре Федоровне 20 апре–ля 1818».

Впервые: двумя отдельными брошюрами «Е. И. В. В. Кн. Александре Федо–ровне»

(первая–М., 1818 в типографии С. Селивановского, вторая–в типогра–фии Медико–хирургической академии: ц. р. в обеих брошюрах: 7 мая 1818 г.).

В прижизненных изданиях: С 3–5 (под текстом во всех изданиях дата: «Апреля 20 дня, 1818»).

Датируется: 17–20 апреля 1818 г.

Стихи написаны на рождение в. кн. Александра Николаевича (впоследствии Александр II)–17 апреля 1818 г. и посвящены его матери. В дневнике от 17 ап–реля 1818 г.

Жуковский записывает: «Один из прекраснейших дней. Рождение Вел. Кн. Прелестное утро. Чувства веселые, ясные, живые, без примеси. Радость истинная. Конец

беспокойству. Черты истинной высокости в характере матери: это великое счастье» (Дневники. С. 63). По своей жанровой природе стихотворе–ние представляет

достаточно сложный синтез традиций одического послания и романтической элегии со многими приметами поэтики «невывразимого»: это, пре–жде всего, особая поэтическая лексика («тайное намерение Промысла», «души смятенной чувство», «тайные наслаждения», «темное к небесному стремленье», «как выразить сей час

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhи невыразимый», «верила бестрепетно душа» и др.).

Эти устойчивые формулы романтической лексики и романтической эстетики «невыразимого» трансформируют гражданскую историко-героическую тему сти-хотворения, преобразуют «формально-одическое послание». Однако следы опре-деленного влияния поэзии XVIII века стихотворение содержит. «Поэтическая максима»: «Да на чреде высокой не забудет// Святейшего из званий человек», как точно указал Ц. С. Вольпе, восходит к стихам поэта В. Петрова «Путешествие Его Ими. Высоч. Константина Павловича 1799 г.» («Средь почестей и хвал // В душе твоей вовек // Пребудет впечатленно, // Пребудет живо и нетленно // Всех выше титло человек»), явившимся, в свою очередь, пересказом четырех стихов из оды Г.Р.Державина «На рождение в Севере порфирородного отрока» (1799): «Но последний, добродетель // Зарождаючи в нем, рек: // Будь страстей твоих владе-тель, // Будь на троне человек!» (Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1933. Т. 2. С. 496–497).

В библиотеке Жуковского сохранилось трехтомное собрание стихотворений В. Петрова (Описание. № 287), содержащее ряд читательских помет, в том числе особым значком «+» отмечены и указанные стихи «На путешествие Его Ими. Вы-соч. Константина Павловича» (Сочинения В. Петрова. 2-е изд. СПб., 1811. Т. 2. С. 275). Достаточно высоко оценивший поэзию В. Петрова в своем «Конспекте по истории русской литературы» (см.: Эстетика и критика. С. 320), Жуковский, как показывает его библиотека, был внимательным читателем В. Петрова. Целый ряд помет содержат оды: «Екатерине II, самодержице Всероссийской, на взятие Оча-кова», «На взятие Измаила 11 дня 1790 г.», «На взятие Варшавы» и др. Жуковский отмечает в этих одах привлечение его внимание описания боев, отдельных сраже-ний. Напр., в оде «На взятие Варшавы» выделены стихи: «Конь бодрый, ржа, под ним топчет, // Крутится, пенясь и дымясь» (2, 165) или «Как красны женихи в уб-ранстве, // Подвиглись Россы на беду, // На пир подвиглись будто брачный, // В пути их крутит воздух мрачный, // Густеющ туркам ко вреду» (2, 70). Как показывает сличение рукописных и печатных вариантов, больших изме-нений стихотворение не претерпело. Работа шла главным образом над отдельны-ми словами с целью уточнения их смысла. Напр., ст. 10: «он пролетел, священный час мучений» – «грозный час», ст. 12: вместо «упованье» – «желанье», ст. 30: «смя-тенный дух» – «мой смутный дух», ст. 71: «бессмертный Кремль» – «державный Кремль», ст. 105: «народ, припав к ступеням Алтаря» – «народ, теснясь к ступе-ням Алтаря». Здесь всюду поэт снимает излишнюю высоту стиля, придавая словам их жизненную простоту и психологическую точность.

В черновом автографе (л. 52) ст. 112–119 были вычеркнуты:

О! Сладкий час, в надежде, в страхе жданный! Гряди в наш мир, младенец, гость желанный! Тебя узрев, коленопреклонен, Младой отец пред матерью спасенной В жару любви рыдает, слов лишен. Перед твоей невинностью смиренной Безмолвная праматерь слезы льет!

Однако в печатном тексте они были восстановлены.

Ст. 82. На бой и честь скликал полки Донской...–Сборы Д. Донского перед Ку-ликовской битвой 8 сентября 1380 г.

Ст. 83. Пожарский мчал, сквозь ужасы и пламя...–Д. М. Пожарский (1578–1642), предводитель московского ополчения против польских интервентов 1612 г.

Ст. 86. Романов брал могущество державы...– Имеется в виду приход к власти в 1613 г. Михаила Романова.

Ст. 87–88. Вводил полки бессмертья и Полтавы II Чудесный Петр в столицу за со-бой...– Речь идет о вступлении Петра I в Москву после Полтавской битвы (1709 г.).

Ст. 91. Ужасный пир Кагула и Эвксина...– Имеется в виду победа русских над тур-ками на реке Кагуле под предводительством фельдмаршала Румянцева (1770) и в тот же год–русского флота на Эгейском море (здесь неточно названном Эвксином).

Ст. 115. Младой отец пред матерью спасенной...– Великий князь Николай Пав-лович, будущий Николай I.

Ст. 118. Безмолвная праматерь слезы льет...– Императрица Мария Федоровна, вдова Павла I.

Ф. Канунова

Ответ кн. Вяземскому на его стихи «Воспоминание» («Ты в утешители зовешь воспоминанье...») (С. 98)

Автограф (пд.№ 27.779)–черновой.

Впервые: Дамский журнал. 1823. ч. 3. № 17. С. 174–175, с заглавием: «От-вет князю Вяземскому на его стихи: Воспоминание*, с подписью: «Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило. Печатается по тексту первой публикации. Датируется: апрель (до 17-го) 1818 г.

Ц. С. Вольпе указывает на существование двух автографов комментируемого стихотворения: черновая рукопись в Татевском архиве Рачинских (факсимиле в кн.:

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Верховский Ю. Н. Е. А. Баратынский: Материалы к его биографии. Пг., 1916. С.
12); белой автограф, зафиксированный Н. К. Кульманом в описанном им аль-боме
гр. С. А. Самойловой (Кульман. С 1085, 1120).
Стихотворение Жуковского представляет собой ответ на стихотворение П. А.
Вяземского «К воспоминанию», написанное в Варшаве, где Вяземский слу-жил в
канцелярии Н. Н. Новосильцева с весны 1818 г. (впервые: Дамский жур-нал. 1823.
ч. 1. № 6. С. 234). В Поли. собр. соч. Вяземского (СПб., 1880. Т. 3. С. 319) это
стихотворение ошибочно отнесено к 1823 г. но дате первой публикации).
15 апреля 1818 г. Вяземский писал из Варшавы А. И. Тургеневу: «(...) вижу те-бя
в кремлевской келье у отца Василия, читающего мои стихи „К воспомина-нию”» (ОА.
Т. I. С. 100), имея в виду место жительства Жуковского в одной из ке-лий Чудова
монастыря во время пребывания двора в Москве (см.: ПЖТ. С. 181). Письмо
Жуковского, в котором он послал Вяземскому свое стихотворение, дати-ровано 17
апреля 1818 г.: «Я иногда прихожу от себя в отчаяние и готов послать за попом,
чтобы велеть себя отпевать. Моральный рак ест мою душу; по крайней мере, в эту
минуту сидит он в ней глубоко и портит все прошедшее, настоящее и будущее... все
мне гадко. Доказательством этой гадости пусть будут мои стихи, ко-торые я тотчас
и написал по получении твоих прекрасных» (РА. 1896. Т. 3. С. 205). Это письмо
позволяет точно датировать стихотворение Жуковского апре-лем (не позже 17-го)
1818 г., на что впервые указал Ц. С. Волье (Стихотворения. Т. 2. С. 508).
Ст. 1. Ты в утешители зовешь воспоминанье...– Ср. первые стихи послания «К
воспоминанию» П. А. Вяземского: «Прошедшего привет, воспоминанье! // Отра-дой
сердца посети!»
Ст. 4. И веры к будущему нет!..– К этому стиху в первой публикации издатель
«Дамского журнала» П. И. Шаликов сделал следующее примечание: «То есть к
бу-дущему времени, которое обыкновенно сулит какое-то счастье человеку. Изд.»
Ср. также стих Вяземского: «Грядущего умолкнул голос льстивой».
Ст. 10–12. Однообразной жизни свет! ~ Угрюмый выглянул скелет...– Рифма
«свет–скелет» является реминисценцией из стихов 94–96 послания Жуковского «К кн.
Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814): «Страшись к той славе прикоснуться, //
которую прельщает свет-// Обвитый розами скелет», которые были в созна-нии
Жуковского устойчивой аллегорией светской популярности и светской жиз-ни. В
ноябре–декабре 1815 г. он писал А. П. Киреевской из Петербурга: «Беспре-станно
уверяюсь, что я написал разительные истины в моем послании к Вяземско-му и
Пушкину. Нет ничего презрительнее той славы, которой все обыкновенно ищут!
Обвитый розами скелет–выражение, разительно справедливое» (УС. С. 19); «Обвитый
розами скелет\ Это можно сказать не об одной славе, но и о жизни, но и о том,
что называют жизнью в обыкновенном смысле (...), об этом хаосе све-та–скелет!
скелет! И посмотреть на него вблизи убийственно даже для самого уе-динения!
большая часть мечтаний должна погибнуть!» (УС. С. 21).

О. Лебедева

Молитва Русского народа

(«Боже, Царя храни!..») (С. 99)

Автограф (ПД. № 27783, л. 1)–белой, без первой строфы.

Впервые: СО. 1818–с заглавием: «Гимн, петый воспитанниками Санктпе-тербургской
гимназии на публичном экзамене».

В прижизненные собрания сочинений не входило. В С 5 опубликовано по–смертно (Т.
12. С. 91–93)–с заглавием: «Народный гимн (1814 года)».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1816–первая половина 1818 г.

Мнение К. К. Зейдлица, что Жуковский после взятия Парижа «докончил нача-тый еще в
1813 году известный народный гимн» (Зейдлиц. С. 67), не должно быть связанным
именно с весной 1814 г., поскольку в СО (1815, №48) была напечатана лишь одна
строфа (см. наст. изд., т. 1). К. К. Зейдлиц имел в виду шестистрофную «Молитву
русского народа», появившуюся в СО в 1818 г. под явно редакторским заглавием,
позволяющим датировать ее создание не позднее первой половины 1818 г.

После написания в 1833 г. Жуковским и А. Ф. Львовым «Русской народной пес-ни»,
ставшей государственным гимном, исполнялась как гимн и «Молитва русско-го
народа» с заменой первой строфы – «александровской» – на «никалаевскую». Ст. 34
при исполнении получил иереогласовку, вкравшуюся со слуха в печатные тексты:
вместо «Тайна земли!» – «Дай на земли...» (по аналогии со ст. 3).

Сравнительный анализ английского гимна «Боже, храни Короля», «Молитвы русского
народа» и «Русской народной песни» см. в статье Л. Н. Киселевой
«Ка-рамзинисты–творцы официальной идеологии (заметки о российском гимне)»
(Тыняновский сборник. М., 1998. Вып. 10. С. 24–39).

Н. Серебренников

(БАСНИ ИЗ ЛЕССИНГА)

[1] лисица и обезьяна

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

[2] Конь и Бык

[3] Журавль и Лисица

[4] Алкид

[5] Дуб

[6] Соловей и Павлин [7] Пастух и Соловей [8] Меронс [9] Дар волшебниц
(с. 100)

Автограф неизвестен.

Копия (ПД. №27766, л. 2–4 об.) – каллиграфическим почерком, в отдельной тетради, с разметкой ритмических ударений. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Гофман. С. 150–153.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии. Датируется: первая половина 1818 г.

Как было обнаружено нами, все 9 басен, написанных Жуковским гекзаметром, являются достаточно точным переводом прозаических басен Г. Э. Лессинга (Lessing, 1729–1781) из трех первых книг его «Басен» (подробнее см.: БЖ. Ч. 3. С. 411–414).

Интерес Жуковского к басне проходит через всё его творчество, отражая эволюцию эстетических и общественных взглядов художника. Его переводы басен Лафонтена и Флориана в 1806 г. (см. примеч. в т. 1 наст. изд.), статья «О басне и баснях Крылова» (1809) обозначили процесс эстетического и творческого постижения законов и тайн басенного жанра. Очень рано в сферу этих интересов входит и Лессинг как автор прозаических басен и «Рассуждения о сущности басни». Так, среди материалов для «Вестника Европы» появляется запись: «Лессинговы басни» (РНБ, оп. 1, №79, л. 33). И позднее упоминание имени Лессинга и его прозаических басен сопровождает творческие поиски русского поэта.

Возобновление интереса Жуковского к Лессингу в конце 1810-х гг. было связано с двумя почти одновременно возникшими факторами: намерением поэта издавать «Собрание переводов из образцовых немецких писателей», о чем он сообщает в письме 1817 г. Д. В. Дашкову (РА. 1868. №4. Стб. 837–843), и началом занятий в конце 1817 г. с великой княгиней Александрой Федоровной по обучению ее русскому языку. Помимо этого Жуковский считал необходимым преподавать члену царской семьи и некоторые важные с точки зрения просветителя и честного человека правила, некоторые принципы, которыми должны руководствоваться люди, причастные к управлению государством. И если для воспитания частного человека могли быть успешно использованы житейские поучения стихотворных басен Лафонтена и Флориана, Глейма и Пфеффеля, то для лица, стоящего у кормила власти, более подходили басни Лессинга, направленные против пороков общественных.

В большинстве переведенных Жуковским басен Лессинга действующими лицами являются персонажи, олицетворяющие собой не частных людей с их обычным существованием, а тех, кто наделен силой или талантом, либо облечен какой-то властью: горячий конь, дикий бык, Геркулес, Дуб, Соловей, Пастух, Орел, феи. Отсюда и нравственный урок, предлагаемый читателю, касается не частных, бытовых проблем, но нацелен на решение общих просветительских задач.

Оригинальные басни Лессинга оказались созвучны тем задачам, которые вставали перед Жуковским-просветителем, мечтавшим стать «русским поэтом в благородном смысле сего имени», видевшим в поэзии силу, способную «иметь влияние на душу всего народа» (ПЖТ. С. 163), и стремившимся на практике осуществить утопическую мечту по воспитанию просвещенного монарха. Всё это и привело его к басне прозаической, стоявшей близко к притче, художественные возможности которой «лежат не в полноте изображения, а в непосредственности выражения, не в стройности форм, а в проникновенности интонаций» (Аверинцев С. С. Притча// Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. С. 21).

Анализ текста басен показывает, что при переводе Жуковский стремился к максимально точной передаче оригинала. Он не вносит никаких поэтических украшений, не стремится придать персонажам большую живость, чем это есть в оригинале. Ни один герой не заменен другим в переводе, не изменена обстановка действия. Естественная замена некоторых слов и выражений нигде не носит принципиального характера, не меняет авторской оценки изображаемого. В переводе сохранена эпиграмматическая сжатость оригинала и неожиданные концовки басен.

Используемый Жуковским при переводе прозаических басен Лессинга русский гекзаметр с обилием хореических стоп и переносов создает впечатление свободной льющейся разговорной речи. В то же время наличие стихотворного размера превращает повествование в своеобразную ритмическую прозу, которой Жуковский будет широко пользоваться при создании эпических произведений в 1830–1840-е гг. «Лисица и обезьяна» – перевод басни «Der Affe und der Fuchs» (Кн. I. № 6). «Конь и Бык» – перевод басни «Das Roß und der Stier» (Кн. I. № 9).

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

«Журавль и Лисица» – перевод басни «Der Fuchs und der Storch» (кн. I. № 21).

«Алкид» – перевод басни «Herkules» (кн. II. № 2). Последняя строка басни до-бавлена переводчиком, вероятно, не удовлетворенным недостаточной ясностью выраженного в оригинале назидания.

Геркулес (лат.) соответствует греч. Гераклу. Геракл–сын Зевса и земной жен-щины Алкмены. Отсюда его первоначальное имя Алкид. Ревнивая Гера стала вра-гом Алкида: задержала роды Алкмены, лишив тем самым Геракла обещанных Зевсом Микен, послала змей к его колыбели, но герой задушил их; неоднократно насылала на него безумие и т. д. Жуковский заменяет в заглавии имя Геркулес на Алкид, желая, видимо, напомнить читателю истоки вражды героя с богиней.

«Дуб» – перевод басни «Die Eiche» (кн. III. № 15).

«Соловей и Павлин» – перевод басни «Die Nachtigall und der Pfau» (кн. 1. № 7). Кнеллер Готфрид (Kneller, 1648–1723)–живописец и портретист. Обучался в Амстердаме и Венеции. С 1674 г. и до конца жизни работал в Лондоне, где был королевским придворным живописцем.

Поп Александр (Pope, 1688–1744)–английский поэт, автор «Опыта о челове-ке», многих дидактических и сатирических поэм. Жуковский в 1806 г. перевел фрагмент из его «Послания Элоизы к Абеляру».

Аддисон Джозеф (Addison, 1672–1719), английский писатель–просветитель, один из издателей журнала «Зритель» («Spectator»).

«Пастух и Соловей» – перевод басни «Der Schafer und die Nachtigall» (кн. III. № 30).

«Меронс» – перевод басни «Merops» (кн. I. № 24).

Меропс (греч.) – царь в Косе, отец Евмела. Так как его жена, нимфа Эхмея, внезапно скончалась от руки Артемиды, он хотел лишиться себя жизни, но был по-мещен Герой в созвездие в виде орла.

«Дар волшебниц» – перевод басни «Das Geschenk der Feien» (кн. III. №4).

Н. Реморова

Песня

(«Минувших дней очарованье...») (С. 103)

Автографы:

1) ПД. №27807, л. 59–59 об.– параллельно черновой и белой, с незначи-тельной правкой в последнем.

2) РНБ, ф. 52 (Батюшковы), №244, л. 143 об.– белой, без заглавия, на обо-роте листа с текстом стих. «Екатерине Федоровне Вадковской» («О той, которой боле нет...»)–л. 143, с датой: «24 ноября» и подписью: «Жуковский»).

Копии:

1) ПД. № 26305, л. 4–4 об.– рукою неизвестного лица.

2) ПД. № 9678, л. 15–15 об.–рукою неизвестного лица в составе рукописного сборника 1820–1840-х гг.

3) ПД. № 9812, л. 1 –рукою неизвестного лица, с заглавием: «Прежнее время».

4) РГАЛИ, ф. 1336, оп. 1, №33, л. 42–рукою неизвестного лица в альбоме Варвары Ивановны Ланской.

5) РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 16 об.–рукою М. А. Мойер. Впервые: СО. 1821. Ч. 73. №50. С. 179–с заглавием: «Прежнее время» и подписью: «Ж.»

В прижизненных изданиях: С 3–5–с заглавием: «Песня» (С 3–4–от-дел: «Романсы и песни»; в С 5 отнесено к 1816 г.).

Датируется: конец ноября (не позднее 24-го) 1818г.

Адресат «Песни» – Екатерина Федоровна Вадковская (в замуж. Кривцова; ум. 1861)–впервые установлен: Городецкий М. И. Русские симпатии в польской по-эзии. IV. «Минувших дней очарованье...»//ИВ. 1891. Т. 44. кн. 11. С. 181–185.

Е. ф. Вадковская–племянница А. И. Плещеевой, умершей 20 июля 1817 г. После смерти жены А. А. Плещеев с детьми переселился из своего имения Чернь в Петербург; в конце сентября 1818 г. Плещеев и Жуковский жили в Коломне, в совместно снятой квартире, на набережной Крюкова канала (см.: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 145). Вероятно, знакомство Жуковского с Е. ф. Вадковской относится именно к этому времени: оно могло произойти на од-ном из музыкальных вечеров у А. А. Плещеева или в одну из суббот (день, назна-ченный для литературных вечеров) у самого Жуковского.

В ноябре 1818 г., посылая А. П. Елагиной текст «Песни», Жуковский сопроводил его следующим автокомментарием: «(...) вот вам стихи, произведение мину-ты, мимопролетевшей, следовательно, вам не должно выводить из этой песни ника-ких заключений. Она написана для Вадковской, которая и лицом, и голосом (ко-гда поет) похожа на Анну Ивановну [Плещееву.–О. Л.]. Естественно, что с этим лицом и с этим голосом тесно связано прошлое. (...) воспоминания прошедшего не иное что, как сон, который следа не оставляет, который действует только по тех пор, пока длится – и этот сон редок...» (УС С 28).

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu

Б. Н. Чичерин в своих воспоминаниях зафиксировал свидетельство Е. Ф. Вадковской о том, что «Песня» («Минувших дней очарованье...») посвящена ей: «Екатерина Федоровна грустно повторяла стихи из посвященного ей в молодости стихотворения Жуковского: „Там есть один жилец безгласный, // Свидетель милой старины“» (Чичерин Б. Н. Из моих воспоминаний: По поводу дневника Н. И. Кривцова // РА. 1890. № 4. С. 520).

Наконец, двойной автограф стихотворений «Екатерине Федоровне Вадковской» («О той, которой боле нет...») и «Песни», датированный Жуковским «24 ноября 1818», а также копия стихотворения «Воспоминание» («Прошли, прошли вы, дни очарованья...»; 1816), содержащего те же мотивы воспоминания и очарованных им прошедших лет, в альбоме Е. Ф. Вадковской–Кривцовой—все эти факты свидетельствуют о тесной биографической и концептуальной близости вышеуказанных текстов. Они связаны между собой прочной ассоциативной цепью мотивов воспоминания об «очарованных днях» надежд Жуковского на счастье с Марией Протасовой и памяти о покойной А. И. Плещеевой, одной из самых деятельных «сочувственниц» поэта.

Стихотворение было положено на музыку Ю. Капри, П. Булаховым, А. Плещеевым, Н. Норовым и др. (см.: Песни русских поэтов. М., 1988. Т. 1. С. 595).

Ст. 17–18. Зачем душа в тот край стремится, II Где были дни, каких уж нет?..— Ср. в письме А. П. Елагиной от ноября 1818 г.: «Этот край—Чернь!» (УС. С. 28). Чернь—имение А. А. Плещеева, где Жуковский подолгу гостил в 1813–1814 гг.

л 7*

Ст. 21–24. Там есть один жилец безгласный ~ В единый гроб положены.— Воспоминание об А. И. Плещеевой, похороненной в Черни на семейном кладбище (ср. в письме М. А. Мойер к В. А. Жуковскому от июля 1817 г.: «Он [А. А. Плещеев.— О. Л.] живет в Черни на ее могиле; она погребена подле детей» (УС. С. 95). Ср. также из письма Жуковского к А. П. Елагиной от ноября 1818 г.: «Но в Долбине есть жилец говорящий, красноречивый, милый, к которому много прекрасного спаслось и при котором оно живет, как в обетованном краю» (Там же. С. 28). Здесь имеется в виду А. П. Елагина, принимавшая столь же деятельное участие в судьбе Жуковского и М. А. Протасовой и хранившая, подобно поэту, живую память о «минувших днях очарованья».

О. Лебедева

Екатерине Федоровне Вадковской
(«О той, которой боле нет...») (С. 104)

Автографы:

1) РГБ, ф. 218, к. 1338, № 12, л. 3 об.—беловой, в альбоме Е. Ф. Кривцовой–Вадковской, с подзаголовком: «Е. Ф. В-ой», датой: «24 ноября 1818» и подписью: «Жуковский».

2) РНБ, ф. 52 (Батюшковы), №244, л. 143—беловой, с подзаголовком: «Екатерине Федоровне Вадковской», датой: «24 ноября» и подписью: «Жуковский».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ИВ. 1891. Т. 44. С. 183—с заглавием: «Екатерине Федоровне Вадковской» и датой под текстом: «1821 г. 24 ноября».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 24 ноября 1818 г.

Перепечатав это посвящение из статьи М. И. Городецкого «Русские симпатии в польской поэзии» (ИВ. 1891. Т. 44. кн. 11. С. 183) и введя его в научный оборот, Ц. С. Вольпе датирует его на основании копии, «написанной рукой Е. Ф. Вадковской–Кривцовой» 24 ноября 1821 г. (Стихотворения. Т. 1. С. 380).

Эта датировка опровергается как указанием самого Жуковского (см. автограф № 1), так и фактами биографии адресата: в 1820 г. Е. Ф. Вадковская выходит замуж за Н. И. Кривцова (см.: ОА. Т. I. С. 496) и становится Е. Ф. Кривцовой.

Посвящение тесно связано с «Песней» («Минувших дней очарованье...»—см. примеч.) и является своеобразным поэтическим постскриптумом к ней.

О. Лебедева

(А. А. Плещееву)

(«Друг милый, оставь прихотливой судьбе...») (С. 104)

Автограф (РНБ, оп. 1, №26, л. 91)—черновой. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 60 (ст. 1–10); ПСС. Т. 11. С. 133 (ст. 1–19).

Печатается впервые полностью. Датируется: ноябрь 1818 г.

Атрибуция адресата и датировка предположительные, основанные на реалиях текста.

Вверху листа с автографом текста стихотворения записан вариант заглавия:

«Судьба». Далее следует его первоначальный набросок:

Друг милый, ты редкий имеешь удел?

Немного в свете любимы друзьями, как ты. С умиленьем смотрю

Как все непритворно...

В нравом верхнем углу листа набросан прозаический план: «Ты имеешь пре-красный

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
удел. Друзья любят тебя. Твой ум. Но лучшее твое сердце. Смотрю на тебя и
ра-дуюсь, что я в твоём круге. Здесь приношу другу память. Желал бы ему
выпросить у судь-бы утехи на долю. Чтобы влить в чашу горести. Но это дело
Провиденья. Оно исправля-ет. Но знаю, что голос дружбы услышан». Сразу вслед за
этим наброском записан французский стих: «Ami, laissez au sort // Pour...»
Из самого текста послания явствует, что адресат недавно понес невосполни-мую
утрату (ст. 29–30: «В ту чашу, в которой судьба подала II Тебе безотрадную
го-ресть...»), что ему более привычен французский язык, нежели русский (ст. 23:
«В сем круге и я! Пусть язык мой не твой!..»), наконец, последний ст. 31: «Не
будь невоз-вратному было!» – реминисцентно соотносим со ст. 12 «Песни»
(«Минувших дней очарованье...»): «Скажу ль тому, что было: будь}», которое
написано в ноябре 1818 г. и посвящено племяннице А. И. Плещеевой, умершей в 1817
г. (см. при-меч. к «Песне»). Все это позволяет предположить, что адресатом
послания «Друг милый, оставь прихотливой судьбе...» является А. А. Плещеев, а
само послание создано в непосредственной хронологической близости к
стихотворениям «Екате-рине Федоровне Вадковской» и «Песня» («Минувших дней
очарованье...»), посвя-щенным памяти А. И. Плещеевой, воскресшей для Жуковского
в ее племяннице.

О. Лебедева

(В альбом Е. Н. Карамзиной)

(«Будь, милая, с тобой любовь небес святая...») (С. 105)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С б. Т. 4. С. 386–с датой: «24 ноября 1818» и указанием: «Печата-ется
по автографу».

Печатается по тексту первой публикации. Датируется: 24 ноября 1818 г.

Написано в альбом Екатерины Николаевны Карамзиной (в замуж. Мещер-ской;

1806–1867)–дочери Н. М. Карамзина от второго брака. И впоследствии
Жуковский поддерживал теплые отношения с семейством Мещерских (см.: Днев-ники.
С. 313, 489, 490, 492).

Ст. 5. Всё для души, сказал отец твой несравненный...–Жуковский цитирует сло-ва

из речи Н. М. Карамзина в торжественном собрании Российской Академии 5 декабря

1818 г. (со. 1819. ч. 51. № 1. С. 21). А. И. Тургенев в письме к П. А.

Вяземскому от 11 декабря 1818 г. так комментировал эти слова: «„Здесь всё для

ду-ши", – сказал он [Карамзин] в четверг бездушной Академии, и голос его отдался

в душе Арзамасцев, которых заслонял широкопузый Шаховской с тщедушно бра-тнею.

Это было торжество не Академии, но Арзамаса...» (ОА. Т. I. С. 167).

С этой речью Карамзин познакомил своих друзей, вероятно, еще в октябре 1818 г.

(см.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 250).

По точному замечанию Ц. С. Вольпе, «формула „всё для души", выражающая основное

содержание карамзинского психологизма, соответствовала и психологи-ческому

романтизму Жуковского; поэтому он подхватил ее и поставил жизнен-ным девизом»

(Стихотворения. Т. 2. С. 527). Почти через 30 лет, в письме к П. В. Нащокину от

16 (28) февраля 1847 г., он вновь повторит ее: «Здесь всё для души человеческой,

сказал незабвенный Карамзин» (цит. по: Веселовский. С. 48). Для друзей

Жуковского эта карамзинская формула станет характеристикой его поэзии. Так, А.

И. Тургенев в письме к Вяземскому от 16 февраля 1821 г. скажет: «Только не

надобно на Жуковского смотреть из одной только точки зрения, с ко-торой ты на

него смотришь–гражданского песнопевца. У него всё для души: душа его в таланте

его, и талант в душе» (ОА. Т. II. С. 163).

Л. Янушкевич

Смерть Иисуса Кантата Карла Вильгельма Рамлера

(«Ты, ливший от печали...») (С. 105)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 35–40 с об.–беловой, без подзаголовка, на обложке

ка-рандашом рукой Жуковского дата: «1818».

2) РНБ, оп. 2, №24–на листах, вкленных в печатное немецкое издание: К. W.

Ramler. Der Tod Jesu. Berlin, 1814, с датой в конце перевода: «2 декабря 1818

г.»

Впервые: РА. 1870. №7. Стб. 1237–1246 (публикация П. Бартенева), с при-мечанием:

«Перевод кантаты Карла Вильгельма Рамлера под заглавием „Der Tod Jesu" (Berlin,

1814). Сохранился в своеручном подлиннике на белых прокладных листах этой

немецкой книжки».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой но автографу.

Датируется: 2 декабря 1818 г.

К. В. Рамлер (Ramler, 1725–1798)–немецкий поэт, примыкавший к Галлско-му союзу

поэтов анакреонтического направления. Об интересе Жуковского к творчеству

Рамлера свидетельствует наличие в его библиотеке произведений этого поэта с многочисленными пометами владельца (Описание. С. 261–262). К их числу относится двухтомник «Poetische Werke», Wien, 1803, куда входит и бывшая популярной в свое время кантата «Смерть Иисуса». Обращение к этому произведению в конце 1818 г. объясняется прежде всего глубоким вниманием русского поэта к евангельской теме и, конечно, к сюжету жизни и смерти Христа. Как показывают его дневники, письма и творчество, Жуковский придает огромное значение центральной идее Евангелия – идее вочеловечивания Абсолюта в образе Иисуса Христа. Вместе с Христом, но убеждению Жуковского, пришло к людям новое восприятие жизни и человека, в основе которого утверждение пути нравственного и духовного жизнестроения как важнейшей цели жизни на земле.

«Священное Писание–моя исповедь», – признается Жуковский в 1810 г. (Дневники. С. 45–46) и останется верным этому на протяжении всей жизни. Важным моментом определенного взлета интереса Жуковского к Священному Писанию явилось время с конца 1817 г. – 1820-е гг., период его общения с в. к. Александрой Федоровной, преподавания ей русского языка. Именно в это время он записывает в дневнике о своем стремлении «сделать для себя извлечения из всего важнейшего в Священном Писании», «пройти все это в отношении к нашей жизни» (запись от 28 окт. 1821 г., с. 112). По достоверному предположению П. Бартенева, перевод рамлеровской кантаты был предназначен для УДН. В конце января или в начале февраля 1818 г., но выходе № 1 сборника Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Посылаю тебе и всем арзамасцам первый номер моего несенного журнала. Моя ученица все это скоро будет петь по-русски. Второй номер почти отпечатан» (ПЖТ. С. 186). Возможно, что и кантата Рамлера, переведенная Жуковским, предназначалась для «пения его ученицей по-русски». Этим объясняется, по-видимому, некоторое отступление от текста подлинника и внесение русским переводчиком новых, преимущественно хоровых, партий (см. ниже).

Отсутствием прижизненных публикаций, очевидно, объясняются незначительные различия между автографом и последующими изданиями. Наибольший интерес для комментатора представляет собою изучение характера перевода Жуковского. В своей «Смерти Иисуса» Рамлер использует традиции духовной кантаты, родившейся в Германии. Здесь то же сочетание библейских текстов, хоральных строф, речитативов и арий. Кантата Рамлера буквально соткана из евангельских реминисценций. В переводе Жуковского – стремление высветить главные мотивы кантаты немецкого поэта: мотив жертвенной смерти Христа, «обремененного грехами преступными земли», трагедия предательства, мотив прощения и покаяния. Однако главный пафос Рамлера, основная нота его произведения – страдание, одиночество, покинутость Христа. Жуковский в своем переводе делает акцент на спасительной, жертвенной смерти Иисуса во имя «величия жизни». Он отталкивается от мелодраматизма немецкого поэта, уходит от всяческого нагнетания внешних примет страдания Христа, углубляет представление о высоких мотивах его гибели. Переведя достаточно точно первый хор кантаты («Ты, ливший от печали потоки горьких слез»), Жуковский решительно опускает следующий за этим текст, где уточняются внешние детали страдания Христа, стремясь уйти от «описательного психологизма», он исключает 9–12 ст. подлинника:

Scin Atom ist schwach; – Seine Tage sind abgekürzet; seine Seclē ist voll Jammer; Sein lichen ist nahc bei der Hölle

(«Его дыхание слабо; // Его дни сокращены; // Его душа полна горя; // Его жизнь ближе к аду»).

Sнимае Жуковский стихи:

Herr, here die Stimme unsercs Flehens wann wir zu dir schreien, wann wir iinserc Handc erheben Zu deineni heiligen Chor.

(«Господи, услышь голос нашей мольбы, // Когда мы к Тебе взываем, // Когда мы поднимаем руки // к Твоему святому хору и клиросу»). Эти стихи тоже оказались Жуковскому излишними после ст. 79–82–молитвы «мужества и страдания». Почти во всех арийных партиях Жуковский снимает повторы (ср. в подлиннике ст. 43–47, 79–82, 117–124, 152–155, 193–198, 234–240, 299–303–всего более 30 стихов). Снимая эти повторы, поэт-переводчик добивался большей динамики и большего поэтического напряжения. Этому служит и некоторая ритмическая перестройка произведения (хотя почти везде Жуковский старался соответствовать стиху Рамлера, придерживаясь в основном разностопного ямба). Однако чаще, чем у Рамлера, у него отсутствует рифмовка.

Переакцентировка внутреннего смысла коснулась и речитативов, центральной по нравственно-философскому и поэтическому смыслу части произведения, как правило, сотканных из евангельских стихов. И здесь Жуковский переделывает некоторые наиболее мелодраматичные по своему характеру места, избегает аффектирования сцен страдания и мук Христа. В речитативе «Стоит погибельный, судьбами полный крест...» Жуковский переделывает стихи Рамлера:

Unschuldiger? Gerechtcr, hauche doch cininal Die matt gequalte Seele von dir! –

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
wehe! wehe!

(«Невинный, праведный, выдохни же // Измученную, ослабевшую душу из се-бя»). У Жуковского вместо этих стихов читаем: «О, праведный! Невинный! Он уж наступил // Сей неизбежный час для Тебя ... Горе, горе ...» В переводе страдания Христа невыразимы, поэт апеллирует к мужеству и духовности своего героя. В этом же направлении меняет Жуковский и хоровые партии, в которых, как пра-вило, выражено отношение окружающих и автора к страданиям Христа:

Zu deiner Ehre will ich alle Plagen, Schmach und Verfolgung Ohne Murren trageu,
Nach deinem Beispiel will ich selbst init Freuden Den Tod erliden (S.176)

(«В Твою честь я хочу все муки, // Позоры и преследования вынести без роптания, // По Твоему примеру я хочу сам // Смерть претерпеть»). Ср. у Жуковского:

На все дерзну я в честь твою и славу! Что мне страданья? Что мне стыд и бедность? Что мне гонсье? Что мне Ужас смерти? Тронут ли сердце?

Отталкивание от мелодраматизма меняет в переводе Жуковского трактовку жертвы Христа, смысл ее цены. Особенно четко это следует из тех мест, которые отсутствуют у Рамлера и которые вписывает русский поэт. Это, как правило, хоро-вые партии, в которых чаще всего фиксируется отношение народа (и автора!) к жертве Иисуса. Например, Жуковский вписывает между ст. 155 и 156 следующие строки хора:

Светлый нам Он свой Образ оставил,
Чтоб мы им душу питали С чистой любовью.

Перед последним, наиболее трагическим речитативом, лейтмотивом которого является неоднократно повторенное: «Его уж нет...» («Ег ist nicht mehr»), Жуков-ский вставляет хоровую партию, славящую Христа, Бога любви, Спасителя и Примирителя. Между ст. 243 и 244 (подлинника) Жуковский вписывает текст, от-сутствующий у Рамлера:

Создатель! Сколь прекрасен Твой Обетованный добрым свет! Но кто к нему достигнет? О, Примиритель! Бог .твой!

Простри, простри мне руку! Дай единым, Сладким взглядом В мир прекрасный Облегчить мне

Расставанье с жизнью здешней.

Таким образом, передавая достаточно точно главные мотивы кантаты Рамле-ра, в своем переводе Жуковский делает акцент на жизненной силе подвига Хри-ста, его жертвенной смерти. Своеобразным ключом к переводу Жуковского может служить его запись в дневнике от 16 февраля 1821 г. о восприятии жизни и смер-ти Христа Иоанном, «учеником и товарищем Спасителя»: «Он смотрит на небо как на обитель удалившегося друга и не стремится туда, ибо земная жизнь оставле-на ему в наследство: как благо (...) и слышит отовсюду голос: Спаситель твой жив» (Дневники. С. 105. Курсив мой.– Ф. К.). Это соотношение между смертью Христа и дарованной им земной жизнью Жуковский сохраняет в переводе.

Любопытным фактом творческой истории кантаты является запись текста пер-вого хора («Ты, ливший от печали...») в «Книге Александры Воейковой», предше-ствующая черновому автографу элегии «На кончину Ея величества королевы Вир-тембергской»–с датой: «16 Генваря ввечеру» (1819) (см. примеч. к элегии). Это позволяет высказать предположение о том, что эти слова Жуковский хотел пред-послать в качестве эпитафии своей программной элегии.

Ст. 3–4. Воззрев на святотатный IIII гибнущий Сион ...– Речь идет о Иерусали-ме, подвергшемся бесконечным разрушениям со стороны римлян.

Ст. 9. Святой приют! гора Олив!..–Автор, очевидно, имеет в виду место на Еле-онской горе, где Иисус Христос проливал слезы над Иерусалимом.

Ст. 42. О, мой Эммануил!..–См.: Ис 7: 14 («...се, Дева во чреве примет, и ро-дит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил»), а также Мф 1: 23 («Се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог»).

Ст. 54. Дух бодр и крепок; но бессильна плоть!..– Ср.: «...дух бодр, плоть же не-мощна» (Мф 26: 41; Мк 14: 38).

Ст. 56. И ты, мой Петр, заснул!..–Ср.: «И приходит к ученикам, и находит их спящими, и говорит Петру: так ли могли вы один час бодрствовать со мною?» (Мф 26: 40); «Возвращается, и находит их спящими, и говорит Петру: Симон! ты спишь? Не мог ты бодрствовать один час?» (Мк 14: 37).

Ст. 74–75. ...Я готов! II Но вы Моих друзей не троньте!..–Ср.: «Иисус отвечал: я сказал, что это я; итак, если Меня ищите, оставьте их, пусть идут...» (Ин 18: 8).

Ст. 80. За другом вслед к Кайяфе он...– Кайфа–первосвященник иудейский, при котором Господь был приговорен к смерти. Ср.: «Петр же следовал за Ним издали, до двора первосвященникова» (Мф 26: 57–58).

Ст. 82–83. Ах! Петр! ужели? Ты ль сказал: II «Не знаю, кто сей человек!..»–Ср.: «И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека» (Мф 26: 72) и далее: «Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека...» (Мф 26: 74).

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Ср. также: «Он же начал клясться и божиться: не знаю Человека Сего...» (Мк 14: 71).

Ст. 109. «Будь кровь Его на нас! на нас и наших чадах!..»–Ср.: «И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» (Мф 27: 25).

Ст. 118. «Се человек!..» – Ср.: «Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багря-нице. И сказал им Пилат: се, Человек!» (Ин 19: 5).

Ст. 127. «Друзья, не плачьте обо мне!..» – Ср.: «Иисус же, обратившись к ним, сказал: ... не плачьте обо Мне...» (Лк 23: 28).

Ст. 131. Таков герой твой, Ханаан!..– В новейшее время под землей ханаан ра-зумеют всю Палестину, всю обетованную землю (Полный православный богослов-ский энциклопедический словарь: Реир. изд. М., 1992. Т. 2. Стб. 2266).

Ст. 157–158. ...«Отец мой! Ах! прости безумцам! II Они не знают, что тво-рят!..»–Ср.: «...Отче! Прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23: 34).

Ст. 166. Царь, Иегова, трисвятой...– В соответствии с запретом в практике иу-даизма на произнесение имени Бога «всуе», имя Яхве, пишущееся по законам ев-рейской письменности согласными буквами YHWH, долгое время, по преданию, произносилось вслух раз в году первосвященником; это привело к тому, что при огласовке библейского текста тетраграмме были приданы гласные звуки и в эпоху позднего Средневековья в среде христианских богословов возникло чтение «Ие-гова» (см.: Мифы народов мира: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 687–688).

Ст. 179. «О, брат мой! здесь свою зришь мать!..» – Ср.: «Потом говорит учени-ку: се, Мать твою!..» (Ин 19: 27).

Ст. 187–188. «Вегцаю я! со Мною, грешник, II Со Мною днесь в рае будешь ты!..» – Ср.: «И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк 23: 43).

Ст. 222. Воззвал: «Отец! Отец! почто Меня оставил!..» – Ср.: «...Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф 27: 46).

Ст. 224–225. ...«Я жажду!» в поруганы II Несут вино, отравленное желчью...– Ср.: «...говорит: жажду. Тут стоял сосуд, полный уксуса. Воины, напоивши уксу-сом губку (...) поднесли к устам Его» (Ин 19: 28–29).

Ст. 228. «Свершилось все!.. Прими, Всевышний, в руке дух Мой!..»–Ср.: «... Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (Лк 23: 46).

Ст. 235. Затмися, день! и миру в час сей не свети!..–Ср.: «Было же около шестого часа дня; и сделалась тьма по всей земле (...). И померкло солнце...» (Лк 23: 44–45).

Ст. 236. Ты разорвись, земля, убийц носягца!..–Ср.: «...и земля потряслась...» (Мф 27: 51).

Ф. Канунова

<К М. Ф. Орлову)

(«О Рейн, о Рейн, без волненья...») (С. 114)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 26, л. 93) – черновой, на бумаге с водяным знаком: «1817».

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 61 (ст. 1–13).

Впервые полностью: С 10. С. 173–174–среди стихотворений 1818 г. Печатается по С 10, со сверкой по автографу. Датируется: конец 1818 г.

Существует три мнения о времени написания стихотворения. И, А. Бычков да-тирует послание 1818–1820 гг. (Бумаги Жуковского. С. 61). А. С.Архангельский относит время его создания к 1813–1820 гг. (см.: ПСС. Т. 11. С. 133). А. Н.

Весе-ловский, В. П. Петушков, И. М. Семенко считают временем создания текста 1818 г.

(см.: Веселовский. С. 370; СС 1. Т. 1. С. 455–456; СС 2. Т. 1. С. 401). Учитывая по-ложение автографа послания в рукописи, некоторые факты биографии адресата (об этом см. ниже), а главное, стремление Жуковского напомнить М. Ф. Орлову об активизации деятельности «Арзамаса», что было актуально для 1818 г., можно считать временем его создания конец 1818 г.

Адресатом послания является Михаил Федорович Орлов (1788–1842). Участ-ник Отечественной войны 1812 г., по поручению Александра I он вел переговоры о капитуляции и сдаче Парижа союзным войскам (см.: Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 5–33). За боевые заслуги и решающую роль в переговорах Орлов 2 апреля 1814 г. был произведен в гене-рал-майоры.

16 марта 1817 г. М. Ф. Орлов был принят в «Арзамас», где получил прозви-ще Рейн, а 20 апреля произнес свою вступительную речь (см.: Арзамас–2. Т. 1. С. 405–407).

По предложению Орлова было решено издавать арзамасский жур-нал, в одном из пунктов программы которого указывалось: «Рейн (политика вооб-ще; отрывки в прозе» (Бумаги Жуковского. С. 160).

В августе 1817 г. Орлов был назначен начальником штаба 4-го пехотного кор-пуса и переехал в Киев. Киевский период жизни Орлова продолжался с сентября 1817 по

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
июнь 1820 г.

Ст. 1. О Рейн, о Рейн, без волнения...–Арзамасское прозвище М. Ф. Орлова взято из баллады Жуковского «Адельстан» и передает бурный темперамент его носителя (подробнее см.: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 124–127).

Ст. 4–5. И перестал друзей поить II Своими сладкими струями!..– Реминисценция их стихотворения Державина «Ключ» (1779). Ср.:

Сгорая стихотворства страстью, К тебе я прихожу, ручей (...) Напой меня, напой тобою (...) Творца бессмертной Россияуы, Священный Гребеневский ключ, Поил водой ты стихотворства.

Стихотворение Державина переосмысливается поэтом в традициях смеховой арзамасской культуры. Ср. с известным замечанием П. А. Вяземского: «Лучшая эпиграмма на Хераскова отпущена Державиным без умысла в оде „Ключ“. Вода стихотворства, говоря о поэзии Хераскова, выражение удивительно верное и забавное» (СЦ на 1827 год. С. 127). В рукописи ст. 5 был исправлен на: «Своими благиими струями».

Ст. 6–7. На «Арзамас» тряхнул усами–// И Киев дружбу перемог!..–Ср. «Речь в заседании Арзамаса» Жуковского, относящуюся к концу 1817 г. (см. примеч.): Между тем Рейн усастый, нас взбаламучив, дал тягу В Киев и там в Днепре утонул любовь к Арзамасу. Рейн давно замолчал, да и мы не очень воркуем...

Ст. 9. Ты по ланкастерской методе...– Речь идет о белл-ланкастерской системе взаимного обучения в начальной школе, при которой старшие и более успевающие ученики (мониторы) под руководством учителя вели занятия с остальными учащимися. Получила название от имен английских педагогов А. Белла (Bell, 1753–1832) и Дж. Ланкастера (Lancaster, 1776 или 1778–1832), которые независимо друг от друга разработали этот метод обучения. М. Ф. Орлов основал эту школу при корпусе генерала Н. Н. Раевского и содействовал распространению этой системы обучения в России. В письме П. Д. Киселеву он писал: «Знаешь ли что? сочиняю грамматику! (...) Уже много сделано и применено к ланкастерской методе, которая может быть в нашем отечестве будет когда-нибудь орловскою методою...» (цит.: Заблочкин-Десятковский А. П. Граф П.Д.Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 1. С. 244).

Ст. 12. О кубарях и о свободе...– Кубарь (устар.) – волчок, детская игрушка. Здесь: забавы.

Ст. 16–17. Письмо от милой красоты! II Узнаешь сам ее черты!..– Вероятно, здесь в традициях арзамасской поэтики обыгрывается прозвище Жуковского– Светлана.

Ст. 18–19. я шлю его через друга, II Санктпетербургского Орлова...– Возможно, речь идет о Федоре Федоровиче Орлове (1792–1834), младшем из братьев Орловых, который часто навещал М. Ф. Орлова в Киеве и Кишиневе.

И. Поплавская

Утешение

(«Светит месяц; на кладбище...») (С. 115)

Автограф не обнаружен.

Впервые: ПЗ на 1823 г. СПб., 1822. С. 312–с заглавием: «Утешение» и под-писью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 3–5 (в С 3–с подзаголовком: «Сочинение Уланда», отсутствующим в С 4; в С 5 (Т. 3. С. 64–65)–с подзаголовком: «Из Уланда» в подборке стихотворений 1818 г.). Заглавие везде – «Утешение». Датируется: 1818 г.

Автограф стихотворения находился в «Альбоме гр. С. А. Самойловой» (Кульман. С. 1087. № 28) и имел заглавие: «Монахиня». Его положение в альбоме рядом с другими переводами из Уланда, относящимися к 1817–1818 гг., позволяет принять традиционную датировку, идущую от С 5 –1818 г. Более точной датировки на основе имеющихся данных предложить невозможно.

Достаточно вольный перевод стихотворения немецкого поэта-романтика Людвига Уланда «Die Nonne» («Монахиня»). По предположению С. Шестакова, Жуковский дал новое заглавие стихотворению, а также сделал ряд других отступлений от подлинника по цензурным соображениям (см.: Шестаков С. Заметки к переводам Жуковского из немецких и английских поэтов. Казань, 1903. С. 7).

Думается, что основной причиной изменений, казалось бы, мелких, но существенно меняющих тон повествования деталей, является разное у Жуковского и Уланда понимание чувства любви, которое переводчик стремится изобразить преимущественно духовным, возвышенным, избегая намека на чувственность и страстность, а тем более «заиретность». Можно прежде всего говорить об общей элегиизации текста и выявлении философии скорби и утешения.

Поэтизация любви вопреки всем внешним преградам, как и тема оправдания грешницы небесами, занимает особое место в поэзии штурмеров (Бюргер, Гёте, Шиллер). Ее традиция продолжается и романтиком Уландом. В переводе Жуковский «приглушает» эти настроения, заменив монахиню «девой в черной власянице», что может означать

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh просто кающуюся. Он перенес действие на кладбище (ме–сто скорби), лишил обстановку события поэтизирующих деталей, русифицировал религиозную символику и характер поведения молящейся («Пала дева пред ико–ной...»). Как отметил Ц. С. Вольпе, «в двух последних стихах Жуковский психоло–гизировал момент смерти (у Уланда „она взирала ввысь, пока веки ее не были сомкнуты смертью; покрывало ее скатилось“). У Жуковского: „И душою перешла неприметно в мир свиданья“» (см.: Стихотворения. Т. 1. С. 380).

В переводе изменены размер стиха, характер чередования мужских и женских клаузул и характер рифмовки. В оригинале–3–стоиный ямб со схемой ЖМЖМЖ и АБАБ; у Жуковского–4–стопный хорей со схемой ЖЖММЖ и Абба. По мне–нию С. А. Матяш, в лирике поэта подобная форма строфы использовалась только единственный раз и именно в этом стихотворении (см.: Русское стихосложение XIX в. М., 1979. С. 76). Положено на музыку М. И. Глинкой (со 2–й строфы).

И. Реморова
1819

Надгробие И. П. и А. И. Тургеневым

(«Судьба на месте сем разрознила наш круг...») (С. 117)

Автограф (РНБ, оп. 2, № 156, л. 1) – белой, отдельный лист плотной бе–лой бумаги с водяным знаком: «1818», без заглавия и с датой: «1819. Генваря 1–го». Ко п и я (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. № 22, № 12, л. 19)–рукою М. А. Мойер. Впервые: Памятник Отчественных муз на 1827 год. С. 47–с заглавием: «Надгробие И. П. и А. И. Т...» и примечанием от издателя, что «стихотворение написано за несколько лет до напечатания».

В прижизненных изданиях: С 4–5 (С 4–отдел «Смесь»; в С 5 датиро–вано 1807 г., годом смерти И. П. Тургенева (ум. 28 февраля 1807 г.), с заглавием: «Надгробие И. П. и А. И. Тургеневым»).

Датируется: 1 января 1819 г.

В альбоме С. А. Самойловой имелся еще один белой автограф этого стихо–творения с заглавием: «Эпитафия» (Кульман. С. 1085. № 5).

Вверху автографа (собрание РНБ) находится записка Александра Ивановича Тургенева следующего содержания: «Кончи год хорошо: пришли мне эпитафию. Вот тебе и бумага. Уведомь, в котором часу заехать завтра. Да не опоздай!» (ср.: ПЖТ. С. 190). Ответом на эту просьбу друга и явилась стихотворная эпитафия, заглавие которой, возможно, было дано издателем «Памятника Отчественных муз» Б. Федоровым или А. И. Тургеневым, который передал текст для публика–ции. Переписка Жуковского с А. И. Тургеневым свидетельствует о том, что жу–ковский собирался написать эпитафию еще в 1814 г. (ПЖТ. С. 129).

Общее надгробие написано потому, что И. П. Тургенев завещал себя похоро–нить рядом с сыном Андреем под одной плитой. Могила Тургеневых на Лазарев–ском кладбище Александро–Невской лавры не сохранилась, поэтому неизвестно, какая надпись была на надгробии.

Как удалось установить Т. С. Царьковой (РЛ. 1998. №3. С. 106), в фонде Тур–генева (ПД, ф. 309, оп. 1, № 1548, л. 1) хранится автограф еще одного стихотвор–ного надгробия тем же адресатам, прямо перекликающегося с эпитафией Жуков–ского:

Здесь сына и отца взяла одна могила! В одном убежище вкушают тишину! Их разлучила жизнь, но смерть соединила, Две чистые души теперь слились в одну.
А. Янушкевич

На кончину Ея Величества королевы Виртембергской Элегия
(«Ты улетел, небесный посетитель...») (С. 117)

Автограф (ПД, № 27807, л. 60–62)–черновой, с заглавием: «Элегия на кон–чину Ея Величества королевы Виртембергской» и датой: «16 генваря. Ввечеру».

Впервые: На кончину Ея Величества королевы Виртембергской. СПб., 1819. 11 с.–с подписью: «В. Ж.» в конце брошюры. Ц. р. от 2 февраля 1819 г. На оборо–те титульного листа–эпиграф из Шиллера на немецком языке (см. ниже).

В прижизненных изданиях: С 3–5 (С 3–4 – отдел «Элегии»). В С 5 – в подборке стихотворений 1818 г., с подзаголовком: «Элегия» и примечаниями (см. ниже).

Датируется: 10–16 января 1819 г.

Датировка в С 5 указывает на год смерти королевы Вюртембергской Екатери–ны Павловны (1788–1818), которая внезапно скончалась в Штутгарте 28 декабря 1818 г. (10 января 1819 г.). Время окончания работы над элегией точно зафикси–ровано самим Жуковским в автографе. Вероятно, в первой половине января про–должалась работа над текстом: в автографе чередуются черновые и перебеленные строфы.

Екатерина Павловна–четвертая дочь Павла I, сестра Александра I, после смерти в 1812 г. своего супруга принца Ольденбургского, вступила в 1816 г. во второй брак с наследным принцем Вюртембергским Вильгельмом, в том же году занявшим вюртембергский престол. Она выступала покровительницей наук и ис–кусств. Так, по

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский Zhu
ее предложению Н. М. Карамзиным была написана знаменитая «Записка о Старой и
Новой России».

Уже в эпиграфе из Шиллера к отдельному изданию, где Жуковский сконтами-нировал
строку монолога Теклы из 12-й сцены IV действия «Смерти Валленштейна»: «Das ist
das Los des Schönen auf der Erde» («Таков удел прекрасного на свете») и 3-ю
строфу из стихотворения «Hoffnung» («Надежда»):

Es ist kein leeres Schmeicheln der Wahn,
Erzeugt in Gehirn des Thoren! In Herzen kindet es laut sich an:
Zu was Bessern sind wir geboren! Und was die innere Stimme spricht, Das
tauscht die hoffende Seele nicht.

Нет, нет! не пустым, не безумным мечтам

Мы дух предаем с колыбели,

Недаром твердит сердце вещее нам:

Для высшей мы созданы цели!

Что внутренний голос нам внятно твердит,

То нам неизменной судьбою горит...

Перевод А. Фета

– заложены истоки философского содержания элегии. Не случайно в последующих
публикациях Жуковский снял эпиграф, включив его содержание в текст
стихотворения (ср. ст. 8, 121–129). Сам жанр философской элегии, написанной
октавами, был подсказан Жуковскому переведенным им незадолго до этого Гётевским
посвящением к «Фаусту», ставшим прологом к балладе «Двенадцать спящих Лев» и
находящимся в «Книге Александры Воейковой», как и автограф элегии.

Элегия была высоко оценена современниками. Одним из первых ее в чтении самого
Жуковского услышал И. И. Козлов, который записал в дневнике 6 февраля 1819 г.:
«Чудные стансы Жуковского к почившей В. (еликой) К. (нягине) Екатерине Павловне»
(Син. СПб., 1906. С. 40). «Поздравляю любителей поэзии (...) с пре-красными
стихами Жуковского на смерть королевы. Они сильны, исполнены чувствительности,
одним словом, (...) достойны Жуковского и могут стать наряду с его лучшими
произведениями», – писал К. Н. Батюшков С. С. Уварову в мае 1819 г. (Батюшков. Т.

2. С. 540). Ему вторит П. А. Вяземский: «Этот обер-чорт Жуковский (...). Как
можно быть поэтом по заказу? Стихотворцем – так, я понимаю, но чувствовать живо,
дать языку души такую верность, когда говоришь за другую душу, и еще
порфирородную, я постичь этого не могу! (...) Возьми его „Славянку“, стихи к
великой княгине на рождение, стихи на смерть другой. Он после этого точно может
с Шиллером сказать: И мертвое отзывом стало II Плающей души мо-ей...» (Из
письма к А. И. Тургеневу от 7 августа 1819 г. // ОА. Т. I. С. 284–285). В. Г.
Белинский во второй статье «Сочинений Александра Пушкина» так охарактеризовал
это произведение: «Жуковского можно назвать певцом сердечных утрат, – и кто не
знает его превосходной элегии на „Кончину королевы Виртембергской“ – этого
высокого католического реквиема, этого скорбного гимна житейского страдания и
таинства утрат?..» (Белинский. Т. 7. С. 185. Курсив автора).

О связи элегии Жуковского с «Паломничеством Чайльд Гарольда» Байрона (Песнь IV;
строфы 165–172) см.: Жилыкова Э. М. К вопросу об отношении В. А. Жуковского к
поэзии Байрона // Художественное творчество и литературный процесс. Вып. 5.
Томск, 1983. С. 92–97.

Примечания Жуковского в С 5

На кончину Ея Величества королевы Виртембергской – Некоторые стихи сей эле-гии
покажутся непонятными для читателя, если не будет он знать обстоятельств того
печального происшествия, которое в ней описано. Кончина незабвенной Екатерины
была разителью неожиданная: она ужасно напомнила нам о неверности земного
величия и счастья. Еще никакое известие о потере нашей не могло до нас
достигнуть, а уже какое-то неизъяснимое предчувствие распространило про-роческие
о ней слухи, и горестная истина скоро их подтвердила.

Ст. 41–42. Кого спешишь ты, Прелесть молодая, II В твоих дверях так радостно
встречать?.. – Автор имел честь находиться у Ея Императорского Высочества ве-ликой
княгини Александры Федоровны за минуту перед тем, как она узнала о кончине
королевы. Вдруг, посреди веселого спокойного разговора, послышался стук в
дверях, потом голос великого князя. Ея Высочество с веселым лицом вы-шла к нему,
и за порогом дверей встретило ее страшное известие.

Ст. 51. И ты спешишь с надеждой на свиданье... – Государыне Императрице
Ели-завете Алексеевне определено было испытать весь ужас неожиданной потери. Ее
величество, ничего не предчувствуя, ехала в Штутгарт на веселое свидание с
коро-левою, но она должна была воротиться с последней станции, ибо той, которая
ждала ее, которую она надеялась обнять, уже не было на свете.

Ст. 57–58. Из дома в дом по улицам столицы II Страшилищем скитается Мол-ва... –
Весь Петербург поражен был ужасною вестью, а сердце матери было спо-койно: его
еще наполняла свежая радость недавнего свидания; наконец общая пе-чаль и

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский Zhu
несколько слов, приготавливающих к узанию неизбежного, пробудили в нем тревогу: оно уже открывалось для принятия скорби, но случай, жестокая иг-ра судьбы, снова его ободрил: пришло письмо из Штутгарта, писанное королевою, можно сказать, за минуту до разлуки ее с жизнью, и мертвая воскресла для мате-ри, воскресла на минуту, чтобы в другой раз умереть для нее и живее разорвать ее душу после мгновенной, мучительно-обманчивой радости.

Ст. 81–82. Скажи, скажи, супруг осиротелый, II Чего над ней ты так упорно ждешь?.. – Король с каким-то упрямством отчаяния долго не хотел и не мог ве-рять своей утрате: долго сидел он над бездыханным телом супруги, сжавши в ру-ках своих охладевшую руку ее, и ждал, что она откроет глаза. Окруженный ее детьми, он шел за ее гробом. Не долго она украшала трон свой, не долго была ра-достью нового своего отечества, но милая память ее хранима любовью благодар-ною. Близ Штутгарта есть высокий холм (Rothenberg), на котором некогда стоял прародительский замок фамилии Виртембергской – время его разрушило; но те-перь, на месте его развалин, воздвигнуто здание, столь же разительно напоми-нающее о непрочности всех земных величий, церковь, в которой должны хра-ниться останки нашей Екатерины; прекрасная ротонда с четырьмя портиками. Памятник необыкновенно трогательный: с порога этого надгробного храма вос-хитительный вид на живую, всегда неизменную природу. В штутгартской русской церкви, в которую приходила молиться Екатерина, все осталось (1821), как было при ней; кресла ее стоят на прежнем ее месте. Нельзя без грустного чувства смотреть на образ, которым в последний раз благословил ее Государь император: на нем изображен Святой Александр Невский, видны Нева, Зимний дворец и над ними радуга-светлое, но минутное украшение здешнего неба.

Л. Янушкевич

• ПАВЛОВСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ •

Павловск имеет особое значение в творчестве Жуковского, открывая новые эстетические и художественные перспективы его поэзии 1815–1824 гг. Преж-де всего это связано с пребыванием при дворе вдовствующей императрицы Ма-рии Федоровны в 1815 г. в качестве чтеца и созданием панорамной элегии «Сла-вянка», ставшей образцом поэтической топографии Павловска, «прогулкой по са-дам Романтизма» и преддверием эстетических манифестов конца 1810-х–начала 1820-х гг.

Последующее пребывание Жуковского в Павловске (лето и осень 1819 и 1820 гг.), формально связанное с должностью учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны, выделяется в отдельный павловский период по ряду причин. Во-первых, это новый биографический этап, связанный с новым об-щественно-культурным статусом. Во-вторых, увлечение фрейлиной ими. Марии Федоровны графиней С. А. Самойловой, надежда на брак с ней, дружба-соперни-чество с влюбленным в нее же В. А. Перовским – источник целого ряда стихо-творных посланий, образующих единый сюжетный «романический» текст. В-третьих, павловский период становится временем и местом не просто эстетиче-ских открытий и манифестов, но особой «философией жизни», соотносящей ее ме-тафизические и бытовые измерения, включающей этико-эстетические проблемы романтизма Жуковского. Наконец, особенности творческого процесса способствуют восприятию всего написанного в это время как единого текста (метатекста). Хронологический порядок работы с точными датировками произведений по дням, сосредоточенность большей части произведений в одной тетради, стремле-ние к систематизации на разных основаниях путем составления многочисленных списков (см.: РНБ, он. 1, №29) – все это свидетельство внутреннего единства пав-ловских стихотворений 1819–1820-х гг.

Приводим один из списков павловских стихотворений, составленных поэтом:

1. «Графиня, признаюсь большой беды в том нет» (28–29 июня 1819 г.).
2. «Больной, покинутый поэт...» (8 июля 1819 г.).
3. «Уж думал я, что я забыт...» (9 июля 1819 г.).
4. «Напрасно я мечтою льстил...» (14 сентября 1819 г.).
5. «Вчера я вас не убедил...» (5 октября 1819 г.).
6. «Скажи, кто ты, хранитель безымянный...» (7 августа).
7. «Отуманенным потоком...» (10 августа).
8. «Графиня, не забудьте слова...»
9. «От Вашего Величества давно...» («Послание к Ими. Марии Федоровне» (6 июня 1819 г.).
10. «Я должен Вашему Величеству признаться...» (29 июля 1819 г.).
11. «Мой милый цвет, былинка полевая...» (1 июля 1819 г.).
- 12 «Праматерь внуке» (23 августа 1819 г.).

Второй опыт подобной систематизации Жуковский предпринял в 1820 г., вклю-чив в альбом гр. С. А. Самойловой 45 пронумерованных и собственноручно пере-писанных стихотворений (см.: Кульман. С. 1085–1087). Поэт ищет узлы связи павловских текстов, пытается соединить шуточные, бытовые послания и эстетиче-ские

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh манифесты. И все же проблема единства павловских стихотворений во мно-гом остается неразрешенной, поскольку большинство из них не публиковалось при жизни поэта в связи с чересчур личным характером одних и шутивно-интим-ным содержанием других.

Павловск является местом действия большинства произведений лета и осени 1819 и 1820 гг. Это не просто резиденция вдовствующей императрицы, но особый историко-культурный феномен, оказавший большое влияние на творчество Жуковского и оставшийся навсегда запечатленным в его павловских текстах. Мария Федоровна, после смерти Павла I, заканчивая оформление интерьеров большого дворца и продолжая ландшафтные работы по обустройству парка (площадь око-ло 600 га), названного позднее классической формулой «сады Романтизма», пре-вратила Павловск в своего рода живой мемориал, сложную систему памятников и символ материализованного воспоминания (см.: Шумигорский Е. С. Императрица Мария Федоровна. СПб., 1892. Т. 1). Семейственная роща, Храм дружбы, Храм любви, Елизаветин павильон, Розовый павильон, ферма, Шале – всё это было не только декорацией, но особой идеальной картиной мира, в котором взаимопрони-цаемыми оказывались природа, культура и быт, этикет и творческая свобода.

По воспоминаниям очевидца, «в Павловске императрица Мария Федоровна ежедневно утром часа два ходила пешком. После обеда она любила кататься на линейке, вмещавшей персон восемь; за этой линейкой следовали другие со сви-той. Поезд отправлялся куда-нибудь в павильон, чаще всего Розовый, где выходи-ли для чая или вечернего собрания. Почти ежедневно обедали или пили чай то на галерее, то в каком-нибудь павильоне, то на ферме» (Муханова М. С. Записки // РА. 1878. №3. С. 307). В альбом Розового павильона писали свои стихи Жуков-ский, Нелединский-Мелецкий, И. И. Дмитриев, Крылов. «Лет десять тому на-зад, – сообщает та же мемуаристка, – я посетила эти места. Партер заглох, и роза-нов не было; но всё оставалось в прежнем виде внутри Розового павильона. Из-вестный мне альбом лежал на том же столике. В нем писали Жуковский и Кры-лов» (Там же).

Большинство произведений, написанных Жуковским в Павловске, относятся к жанру послания, причем диапазон их очень широк – от больших развернутых «Отчетов о Луне» до записок, шутивных эпиграмм, просьб. Эта эстетическая и ху-дожественная многослойность, а также смена адресатов (дружеское послание ар-замасского периода уступает место посланиям к фрейлинам, придворным, импе-ратрице) вызывают неоднозначные оценки современников и друзей Жуковского. «Придворным певчим» называет его П. А. Вяземский (ОА. Т. I. С. 212). Озабочен-ность высказывает Карамзин: «Жуковский совсем не суетен и еще менее корысто-любив; но летний Двор приводит его в рассеяние, не весьма для муз благоприят-ное, и в любовную меланхолию, хотя пиитическую, однако ж не стихотворную. Он еще молод: авось и встанет и возрастет!» (Письмо к И. И. Дмитриеву от 19 ок-тября 1820 г. // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 297. курсивом вы-делена реминисценция из «Надписи к портрету великой княгини Александры Фе-доровны» Жуковского: «В ней дух к великому растет и возрастет...»). «Павловским лунатиком», «припудренным Оссианом» величает его язвительный Вяземский в 1820 г. (подробнее см.: Веселовский. С. 301).

Опасения друзей имели основания, и сам Жуковский чувствовал определен-ный гнет ритуалов и этикета придворного быта. Но он сумел извлечь из этого ма-териала, из этого особого мира свои духовные и эстетические ценности. Он оста-ется арзамасцем без «Арзамаса»: буффонада, озорная шутка, игра сопровождают его в сотворении павловского космоса. Мотив игры проявляется в столкновении возвышенного и бытового, подлинного и мнимого через «снятие масок, разобла-чение, устранение неподлинности» (см. «К графине Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца»). Стихотворения «по заказу» превращаются в исповедание веры и романтизма.

Основным центром единства павловских текстов становится сознательно соз-даваемый и отчасти объективируемый образ поэта-творца в аспекте его нового эс-тетического самоопределения и самоутверждения. Это относится к шутивным по-сланиям («Больной, покинутый поэт...», «...я, ваш павловский поэт», «судья, по-верьте в том поэту...» и т. д.). В этом смысле показательно ироническое замечание А. И. Тургенева: «Послания его к фрейлинам павловским забавны, и он и в них поэт, но поэт болтун» (ОА. Т. I. С. 271). Но определяющими являются два «Отче-та о Луне» («реальный» и «культурологический»), в которых утверждается роль Поэта-Учителя-Творца и творимого им мира, мироздания как высшей нравствен-ной и эстетической ценности.

Павловские стихотворения как единство представляют собой и опыт создания романтической мифологии, основанной на взаимообратимости, метаморфозах жи-вого и мертвого, материального и идеального, слова и вещи, высокого и низкого. Тем самым Жуковский, отказываясь от жесткого представления о двоемирии, пе-реходит к

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
онтологическому и художественному видению единства мира, его иол-ноты, к осмыслению тайн творческого процесса. После долбинских стихотворений павловские послания стали еще одним этапом в постижении философии единства Поэзии и Жизни.

Н. Вётшева

«Я с благодарностью сердечной извещаю...»

(С. 123)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 8) – белой, с датой: «27 июня». При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: С 10. С. 992.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 27 июня 1819 г.

По справедливому предположению А. С. Архангельского (ПСС. Т. 3. С. 143), это послание обращено к графине Анне Владимировне Бобринской (урожд. бар. Унгерн-Штернберг; 1769–1846). В 1819 г. А. В. Бобринская жила в Петербурге, проводя лето в Павловске на своей даче и устраивая балы, вечера, к которым чувствовала особую склонность. По воспоминаниям П. А. Вяземского, «графиня жила жизнью общежительною, гостеприимной. Она веселилась весельем других. Все добивались знакомства с нею, все ездили к ней охотно. А она принимала всех так радушно, – можно сказать, так благодарно, как будто мы ее одолжали, а не себя, посещая ее дом. Эти праздники были не только блистательны и роскошны, но и носили отпечаток вкуса и художественности» (РА. 1868. Стб. 2035).

Не был исключением и Жуковский. Его дневники свидетельствуют о частом и доверительном общении с А. В. Бобринской: «13 августа 1819. Бал графини Бобринской», «19 августа. У Бобринских», «4 сентября. Вечер у Бобринских. (их). Разговор», «17 сентября. Вечер у Бобринских» (Дневники. С. 64, 67–72). «(...) но Жуковский не мог оторваться от графини Бобринской, с которой играет au petits jeux», – замечает А. И. Тургенев в письме Вяземскому от 7 октября 1819 г. (ОА. Т. I. С. 325).

Ст. 10–11. А так, как Филемон с Бавкидой, превратились II В две липы свежие... – Мифологический символ идиллической любви («они жили долго и умерли в один день»), с дарованным богами превращением в деревья, растущие из одного корня. Ст. 15. И пьете крепкий чай с салэ и сухарями... – Салэ (от фр. salé – соленый); здесь – соленое печенье.

Н. Вётшева

Графине С. А. Самойловой

(«Графиня, признаюсь, большой беды в том нет...») (С. 124)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, №29, л. 6–8 – черновой, без заглавия, с датой: «28–29 июня 1819. Павловск», иод № 1, с разбивкой на пятистишия.

2) РНБ, ф. 391 (Краевский), №28, л. 1–3 об. – белой, без заглавия, с датой: «1819. Июня 29. Павловск».

3) Кульман. С. 1085. №9 – с датой: «29 июня 1819. Павловск». Копия (РНБ, он. 1, №15, л. 84–87 об.) – рукою В. И. Губарева. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: С 7. Т. 3. С. 490.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 28–29 июня 1819 г.

Послание адресовано графине Софье Александровне Самойловой (1797–1866), воспитаннице Екатерининского института; с 1816 г. фрейлине ими. Марии Федоровны. Жуковский был знаком с ней с 1818 г. и посвятил ей целый ряд павловских посланий. Влюбленность и «тоска по семейственной жизни», дружба и соперничество с В. А. Перовским отражают в цикле павловских посланий к Самойловой и Перовскому своеобразное развитие романического сюжета.

По воспоминаниям П. А. Вяземского, «Графиня София Александровна Бобринская, урожденная графиня Самойлова, была женщина редкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности. (...) Она была кроткой, миловидной, пленительной наружности. В глазах и улыбке ее были чувство, мысль и доброжелательная приветливость. Ясный, свежий, совершенно-женственный ум ее был и развит и освещен необыкновенною образованностью. Европейские литературы были ей знакомы, не исключая и русской. Жуковский, встретивший ее еще у двора императрицы Марии Федоровны, при которой она была фрейлиной, узнал ее, оценил и остался с нею в самых дружеских сношениях» (Вяземский П. А. Граф Алексей Алексеевич Бобринский // РА. 1868. Стб. 2027–2038).

Увлечение Жуковского Самойловой относится к 1819–1820 гг. Вероятность женитьбы на Самойловой обсуждалась в дружеском кругу, что отражается в переписке.

«Жуковский едет в Берлин. Увы! он влюблен, но не жених! Ему хотелось бы жениться, но при дворе нелегко найти невесту для стихотворца, хотя и любимого» (Из письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 20 сентября 1820 г. //

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. М., 1866. С. 294). 8 октября 1820 г. Ю. А. Нелединский-Мелецкий пишет дочери, княгине А. Ю. Оболенской: «При отъезде

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
 моем Жуковский, как сказывали мне, объяснился с гр. С. В бытность твою здесь, ты знала, что считали его в нее влюбленным. Он ей сказал, что отъезжает с сожалением о том, что исканию его дружбы ее она не ответствовала, и изъявлению его к ней дружбы приписала, как видно, другому чувствованию, которое, впрочем, внушить она всех более может.— Как доведено было до этого и что далее было им сказано, не знаю; но на эти слова она, сказывают,— молчала и будто по-казались у ней на глазах слезы. Как ты это растолкуешь? По мнению К. И. [Е. И. Нелидовой, фрейлины.—Н. В.], от которой я это слышал; — он это говорил для того, что боится слыть влюбленным: *il craint extremement d'etre ridicule* [он очень боится быть смешным.—фр.].—А буде она подлинно плакала, то, мне ка-жется, от досады.— И подлинно; как? Человек приходит женщине сказать: не по-думай, ради Бога, чтоб я в тебя был влюблен!» (Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского–Нелединского–Мелецкого. СПб., 1875. С. 241).

В ноябре 1820 г., после отъезда Жуковского за границу, С. А. Самойлова стала невестой графа А. А. Бобринского, а 27 апреля 1821 г. они повенчались. С. А. Бобринская, а после ее смерти сын и внук сохранили рукописи Жуковского, в том числе альбомы с автографами стихотворений и писем (см.: Кульман. С. 1078).

Ст. 4. А скромно в колпине спасался...— колпино—ныне пригород Санкт-Петербурга, в XIX в.—село под Петербургом.

Ст. 10. Безмолвный берег Монплезира!..— Монплезир (от фр. *mon plaisir*—мое удовольствие)—дворец-павильон на взморье, на берегу финского залива в Петергофе.

Ст. 46. Пугал на дне морском балладами Ундину...— Имеется в виду героиня одно-именной повести немецкого писателя Фридриха де ла Мотт-Фуке (*de la Motte Fou-que*, 1777–1843), впоследствии переведенной Жуковским. Замысел перевода от-носится еще к 1816 г. (см.: Стихотворения. Т. 2. С. 542. Ср.: РА. 1868. Стб. 839).

Ст. 47. И сонный дядя Студенец...— По сюжету повести «Ундина»—дядя героини. В переводе Жуковского—Струй.

Ст. 49. Зевал бы, слушая Старушку!..— Имеется в виду баллада Жуковского «Старушка» (полное заглавие: «Баллада, в которой описывается, как одна старуш-ка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди»; 1814).

Ст. 95. Самим известно вам, поэта Ариона...—Арион (ок. 600 до н. э.), греч. поэт и певец, спасенный во время кораблекрушения очарованным его пением дельфи-ном. Ср. стихотворение А. С. Пушкина «Арион» (1827).

Ст. 105. Он скоро пышный Бельт покинет за собою...—Датское название Балтий-ского моря.

Ст. 109. Минует он брега старинного Гадеса...— Имеется в виду город и порт на юге Испании Кадис, основанный еще в XI в. до н. э. финикийцами. Опустошен-ный в эпоху поздней античности, он снова приобрел значение лишь в VIII в. н. э. при господстве арабов.

Ст. 118. Натуралист Бомар...—Жак Кристоф Вальмон де Бомар (1731–1807), французский натуралист, популяризатор, автор знаменитого пятитомного «Уни-версального словаря естественной истории» («*Dictionnaire raisonne universel d'his-toire naturelle*»).

Ст. 126–127. Тот самый, что в Москве графиня Катерина II Петровна вздумала так важно утопить...— Е. П. Шувалова (в замужестве Шлиффен; 1801–1858), фрей-лина имп. Марии Федоровны (см. примеч. к посланию «К графине Шуваловой...»).

Ст. 136–170. Красавица, у берегов Гадеса ~ То есть платок, к ногам красавицы своей!—Далее идет ироническое изложение основных сюжетных линий романа Г-жи Коттен «Матильда, или Крестовые походы» (подробнее см. примеч. к стихо-творению «К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хил-ковой. В Гатчине»).

Ст. 147. ...деев сын...—Т. е. сын восточного правителя—дея.

Ст. 183. Премудрость—а сказать по-гречески: София!..—София (греч.) — муд-рость, библейский символ Божественного мироустройства (София Премудрость Божия) и одновременно имя гр. Самойловой.

Н. Вётшева
 Невыразимое (Отрывок)
 («Что наш язык земной пред дивною природой?..») (С. 129)
 Автографы:
 1) РНБ, он. 1, №29, л. 10 об.—11 — черновой, в составе стихотворения «Госу-дарыне Императрице Марии Федоровне».
 2) РГАЛИ, оп. 1, №28, л. 1–2—фотокопия белого автографа из «Альбома Марии Шимановской»—с заглавием: «Что бедный наш язык земной...» и подпи-сью: «Жуковский». Подлинник: Музей Адама Мицкевича в Париже.
 Копия (РНБ, оп. 1, № 26, л. 45–45 об.)—авторизованная, с заглавием: «Не-выразимое», подзаголовком: «Отрывок» и двумя последними стихами,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
исключенными в последующих публикациях: «Но вдохновение опять заговорилось, II
и муза пылкая забыла свой отчет!»

В и ер вые: Памятник Отечественных муз на 1827 год. СПб., 1827. С. 262–263– с
заглавием: «Невыразимое», без подзаголовка и с примечанием от издателя, что
стихи написаны за несколько лет до напечатания. Два первых стиха в редакции,
отличной от окончательной: «Что бедный наш язык земной II Перед великою
Природой?»

В прижизненных изданиях: С 4–5–с подзаголовком «Отрывок» (в С 4–отдел «Смесь»;
в С 5–Т. 3. С. 62–63, в подборке стихотворений 1818 г.). Датируется: 6 июня –
конец июня 1819 г.

«Невыразимое» первоначально входило в состав обширного послания «Госуда-рыне
Императрице Марии Федоровне», своеобразного «Первого отчета о луне»
(см. примеч.). Оно являлось финалом первой части и следовало после 34-й стро-фы.
По своему содержанию оно завершало ряд описаний павловской природы, выражая
момент наивысшего напряжения лирического чувства восхищения при-родой и раздумий
о тайне ее величия. Завершив работу над этой частью посла-ния, Жуковский
пронумеровал черными чернилами 5-строчные строфы (с 1-й по 44-ю), считая будущее
«Невыразимое» органической частью единого текста.

Но затем, после ст.: «Итак, немудрено, что мысль им разогрета, // что пламен-ный
предмет воспламенил поэта», Жуковский сплошной вертикальной чертой вычеркнул
текст, начиная со ст.: «Но с красотой предмета // Сравним ли бедный список мой?
// И что язык земной // Перед великою природой?»–строфы с 35 по 44. Таким
образом, «Невыразимое» было выделено из текста «Первого отчета о луне», о чем,
видимо, и писал А. И. Тургенев П. А. Вяземскому 23 июля 1819 г.: «Рапорт
государыне о павловской луне, в шутовском тоне,–прекрасный; но луч-шие стихи
выпустил, опасаясь длинностей» (ОА. Т. I. С. 271).

Работа над посланием «Государыне Императрице Марии Федоровне» была продолжена
после вычеркивания текста: Жуковский начинает строкой: «Еще пре-красная меня
одна картина ждет!» – и далее нумерует текст уже с 35-й строфы. Вычеркнутый
текст 35–44-й строф получает статус самостоятельного «отрывка» и заглавие:
«Невыразимое» (см. авторизованную копию).

Первая часть послания с «Невыразимым» в его составе, до постскриптума, бы-ла
написана в июне 1819 г. Поэтому можно считать, что вся работа над «Невыра-зимым»
происходила в июне 1819 г. (начиная с 6-го).

Творческая история «Невыразимого» нашла отражение в переписке А. И. Тур-генева и
П. А. Вяземского. 2 июля 1819 г. Тургенев обещал прислать Вяземскому
«всепоподданнейшее донесение его Государыне о павловской луне, где он
разгово-рился но-своему, то есть мило и прекрасно». «Он много стихов выпустил из
этой пиесы,–добавляет Тургенев,– но так как в ней и без того плану нет, то я и
не ду-маю, чтобы нужно было сократить ее» (ОА. Т. I. С. 276). 5 августа Тургенев
высы-лает Вяземскому «болтовню его о луне и солнце» (Там же. С. 280), но, по
всей ве-роятности, уже без «Невыразимого». В письме от 13 августа Тургенев
послал «сти-хи и прозу его» и заметил при этом, что «по всем признакам, он
[Жуковский] точ-но воскресает, и гений воскреситель его есть Вурон...» (Там же.
С. 286). В письме от 26 августа Тургенев сообщает Вяземскому, что в Павловске у
Жуковского вме-сте с Пушкиным они читали «новую литургию Жуковского», текст
которой Турге-нев прилагает (Там же. С. 295). Комментарий «Остафьевского архива»
В. И. Сай-тов, а вслед за ним и Ц. С. Вольпе (Стихотворения. Т. 2. С. 512)
высказывают мысль, что здесь речь идет, вероятно, о «Невыразимом» В письме конца
августа Вяземский отвечает, что «Jean-Paul не понимаю, а стихами недоволен. Что
под-линник: в прозе или в стихах?» (Там же. С. 229). Думается, речь идет о
переведен-ной из Жан Поля «литургии» на смерть королевы Луизы (см. примеч. к
стихотво-рению «В ту минуту, когда ты в белой брачной одежде...»). Но критика
Вязем-ским направления поэзии Жуковского этого времени: «Жуковский слишком уж
мистицизирует (...) иод этим туманом не таятся свет мысли (...). Он так наладил
од-ну песню, что я, который обожал мистицизм поэзии, начинаю уже уставать» (Там
же. С. 305) – могла остановить публикацию павловских стихотворений, в том чис-ле
«Невыразимого».

Подзаголовок «Отрывок», внесенный при публикации текста «Невыразимого» в С 4,
имел двойной смысл. Во-первых, как это теперь ясно, «Невыразимое» было частью,
отрывком из послания «Государыне Императрице Марии Федоровне». Во-вторых,
подзаголовок имел й жанровый смысл, связанный с эстетикой фраг-мента, выражающей
принцип вечной устремленности и движения к идеалу (см.: Гуковский Г. А. Пушкин и
русские романтики. М., 1965. С. 48).

В тексте «Невыразимого» Жуковский осуществляет принцип «vergangliche Mo-saik»
Топоров В. Н. Поэтика Жуковского: Об источниках стихотворения «Невы-разимое» //
Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1977. V.1. P. 50), синтезируя и
кон-таминируя мотивы, идеи немецких поэтов-романтиков и философов-идеалистов,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhи среди которых близкими поэту и достоверными «источниками» его рефлексии на-зываются Шеллинг (Гуковский Г. А. Указ. соч. С. 46), Ф. Шлегель, Гофман, Фихте, Жан Поль (Янушкевич. С. 115–127), Тик и Вакенродер (Топоров В. Н. Указ. соч. С. 39–50). Само «прилагательное „невыразимый“ является постоянным опреде-лением мистического переживания» у поэтов-романтиков (Жирмунский В. М. Не-мецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996. С. 31). Одический тон повествования в «Невыразимом», возможно, обусловлен влия-нием творчества Байрона, которым Жуковский, по свидетельству А. И. Тургенева, «зачитывался» летом 1819 г. Речь может идти о патетическом характере описаний природы и лирико-философских медитациях «Манфреда», из которого «Жуков-ский хочет выкрасть (...) лучшее» (ОА. Т. I. С. 288).

Но при всех этих влияниях, обусловленных обидим интересом Жуковского к европейской эстетике романтизма, «Невыразимое» является манифестом русского романтизма. Символично-метафорический строй стихотворения, музыкальная структура повествования в определении того, что невозможно выразить словами, поиск новых средств лирической образности–все это определило поиски в об-ласти особого языка для выражения идей романтического универсализма.

Темы и образы «Невыразимого», эстетическое и философское содержание, за-ключенное в стихотворении, получают развитие в прозаических опытах поэта: его письмах-статьях «Рафаэлева мадонна» и «Путешествие по Саксонской Швейца-рии» (см.: Ж. и русская культура. С. 20).

Непосредственное поэтическое и философское развитие «Невыразимого» про-должит в своей лирике Ф. И. Тютчев («Не то, что мните вы, природа...», «Silenti-um!») и символисты.

Э. Жиликова

В комитет, учрежденный по случаю похорон Павловской векши, или белки, от депутата Жуковского

(«Прошу меня не осуждать...») (С. 130)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 30 об.– 31 об.– белой, без заглавия и даты.

2) ПД. № 27.770, л. 1–2–белой, без даты, с каноническим заглавием. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 7. Т. 2. С. 496–498 – в «Примечаниях», с указанием от редакто-ра: «Не имея никаких сведений об этом стихотворении и положительно отрицая, что переданный нам листок писан будто бы рукою самого Жуковского, мы не ре-шились отнести этих стихов в текст книги, а помещаем их здесь».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: июнь 1819г.

Положение автографа в рукописи–среди павловских июньских стихотворе-ний 1819 г.– позволяет предположительно отнести это шутовое стихотворение Жуковского к июню 1819 г. К лету 1819 г. оно отнесено и в С 10 (С. 189–190). Учитывая тот факт, что П. А. Ефремов, впервые напечатавший этот текст в С 7, имел какую-то неизвестную нам копию стихотворения, можно предполагать: за-главие и датировка содержались в ней.

Между тем в воспоминаниях А. П. Кеппена об истории создания этого стихо-творения события отнесены к лету 1820 г., что представляется ошибкой памяти мемуариста.

Рассказывая о поводе к рождению послания, он сообщает следующее: «В. А. Жуковский был прекрасно принят и весьма любим в доме деда моего Ф. П. Аделунга, бывшего наставником императора Николая I и великого князя Михаила Павловича.

Происхождение сообщаемого стихотворения обязано имен-но близким отношениям Жуковского к семье Аделунга, где в 1820 г. было трое молодых людей, сыновей Федора Павловича. Старый слуга деда моего, проходя по павловскому парку и, завидев белку, бросил в нее камнем, и, поймав раненое животное, пожелал принести его домой на утеху молодежи. Но увы! зверек, поло-женный в карман, задохся. Столь грустная смерть белки вызвала блестящие ее по-хороны, и назначен был конкурс для составления надгробной надписи. Всех над-писей, писанных на немецком языке, было шесть, и в составлении их принимали участие как Ф. П. Аделунг и дети его, так равно отец мой, академик П. И. Кеппен, и академик Круг. Судьею был избран Жуковский – и вот таким образом явилось на свет произведение знаменитого нашего поэта, сохранившееся в бумагах моего отца. Избранная Жуковским надпись, увековеченная его переводом, принадлежа-ла Ф. П. Аделунгу» (Кеппен А. П. В. А. Жуковский в Павловске. 1820 г. // РС. 1883. Март. С. 679–680).

Как следует из этих воспоминаний, фактическим автором шутовой эпитафии был Федор Павлович (Фридрих) Аделунг (1768–1843), историк, с 1824 по 1843 г.

директор Института восточных языков в Петербурге. Не имея возможности срав-нить немецкий оригинал надписи с переводом Жуковского, трудно что-либо ска-зать о точности в воссоздании его смысла и интонации. Но очевидно, что этот текст Жуковского вообще невозможно назвать переводом. Это скорее поэтическая рефлексия

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh по поводу описанных в мемуарах А. П. Кеиена событий.

Ст. 12. В карман безжалостный Ильи...– Речь идет о слуге Ф. П. Аделунга (см. выше).

Ст. 51. Их шесть готово нумеров...– Имеется в виду количество эпитафий, представленных на конкурс (см. выше).

Ст. 60. Вот, например, в одних есть Dreck!..– Dreck–дрянь, дерьмо {нем.}.

Ст. 69. В других есть nadzy–padzy...– В первой публикации (С 7. Т. 2. С. 497) в обоих случаях (ст. 69 и 75) вместо этой идиомы было напечатано курсивом: «кудри, пудри», что, вероятно, позволяет говорить о смысле идиомы: «пудрить мозги».

Н. Вётшева

Цвет завета

(«Мой милый цвет, былинка полевая...») (С. 133)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 1 об.– 5 – черновой, без заглавия, с датами: в начале– «Июня 16. Павловск. 1819» и в конце– «2 июля 1819» и указанием общего количества стихов: «104». Перед наброском первой строфы (л. 1 об.)–общий прозаический план.

2) ПД. Р I, он. 9, №47, л. 1–4–беловой, на двойном листке бумаги, с заглавием: «Цветок».

3) РГАЛИ, он. 2, №9, л. 1–5–беловой, с заглавием: «Цвет завета», датой в конце: «Павловск, Июля 2. 1819» и подписью: «Жуковский». Небольшая правка в ст. 4: «непышной» вместо «невидимой»; ст. 10: «лет» – «дней»; ст. 15: «слетелся» – «примчался»; ст. 26: «возвратит» – «вспомнит»; ст. 95: «Вы ж, милые» – «И вы, друзья».

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 23–25)–рукою М. А. Мой–ер, с заглавием: «Цветок», датой: «22 Junі 1819» и немецким текстом, задающим тему для стихотворения (л. 22 об.).

Впервые: Совр. 1837. Т. 5. С. 113–117–с заглавием: «Цветок», подписью: «Жуковский» и датой: «1 июля 1819».

В прижизненных изданиях: С 4–5–с заглавием: «Цвет завета» (в С 4– Т. 9, отдел: «Разные стихотворения», с датой: «1819»). В С 5 – в подборке стихотворений 1818 г. (Т. 3. С. 57–61).

Датируется: 16 июня – 2 июля 1819 г.

Стихотворение, написанное летом 1819 г. в Павловске, на первый взгляд, при–мыкает к мадригальным павловским посланиям, тем более что оно было создано по заказу. 30 июля 1819 г. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому: «Посылаю тебе стихи Жуковского, написанные по заказу вел. княгини. Она же дала и тему на немецком: „Landler-Gras“, у немцев–цвет завета. Чего не выразит чародей жуков–ский! В сем „Цвете“ соединяется воспоминание прошедшего с таинственностью будущего. Он часто означает какую–нибудь эпоху или минуту жизни, например, свидание или разлуку. Знаменование его скорее понять, нежели объяснить можно. Но нам, немцам, весь мистицизм чувствительности понятен» (ОА. Т. I. С. 276). Историю создания стихотворения конкретизировал П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту от 23 февраля 1844 г.: «Жуковский стихи на Цветок, любимы императрицей, который еще в Берлине она завещала сестрам, как залог их взаимного воспоминания. В 1819 г. она такой цветок нашла здесь, и Жуковский воспользовался, чтобы эту идею развить в стихах. Чудная прелесть!» (Переписка. Т. 2. С. 192). Об этом же говорила А. П. Елагина, видимо, со слов самого Жуковского: «Великая княгиня Александра Федоровна условилась с сестрою–присылать друг другу первые весенние цветы, которые каждая из них увидит...» (С 9. Т. 2. С. 556).

Уже план, предшествующий черновому автографу: «Родной цветок, былинка по–левая, ты найдена! Тихо таишься ты. Прохожий идет мимо тебя и не замечает. Но для меня ты лучшее...» и т. д.– выявляет общую идею «Landler-Gras». Именно так на–звано стихотворение в альбоме С. А. Самойловой, куда Жуковский его записал среди других павловских стихотворений (см.: Кульман. С. 1085. №3). Но, ощущая связь стихотворения с частным бытом великой княгини Александры Федоровны (об этом см.: Стихотворения. Т. 2. С. 510), Жуковский долгое время не решался его публиковать, хотя павловское окружение и ближайшие друзья поэта знали это произведение и высоко ценили его. «Цветок его прелестен,– писал Вяземский А. И. Тургеневу 7 августа 1819 г.,–(...). Воля твоя я не могу продолжать. На душе Жуковский со своим Цветком, которого здесь из немцев никто между тем не зна–ет» (ОА. Т. I. С. 292).

Первая публикация стихотворения оказалась необычной. Жуковский включает его в состав особого, мемориального тома «Современника» (1837. Т. 5), где на–чиная с письма Жуковского к С. Л. Пушкину от 15 февраля 1837 г. иод заглавием: «Последние минуты Пушкина» (С. I–XVIII) мотив памяти о Пушкине является определяющим. Изменив заглавие стихотворения «Цвет завета» на «Цветок», Жу–ковский тем самым одновременно вступал в переключку с пушкинским «Цвет–ком».

В этом смысле показательны те небольшие, но характерные изменения, которые Жуковский внес в текст стихотворения: вместо «милое цветет воспомянутое» – «тайное цветет воспомянутое», вместо «как ясное предчувствие, сходило» – «как тайное предчувствие сходило». Мотив «божественно-тайного», великой тайны, прозвучавший в письме к отцу поэта: «В эту минуту, можно сказать, я увидел лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти без покрывала. Какую печать на него наложила она! и как удивительно высказала в нем и свою и его тайну! Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли», – получил свое поэтическое развитие в «Цветке». В общем контексте V тома Совр. стихотворение Жуковского воспринималось как реквием по усопшему, цветок на его могилу.

Любопытно, что в 1840 г. Жуковский публикует это стихотворение уже под заглавием «Цвет завета» и в первоначальном варианте в журнале «Киевлянин» (1840. кн. 1. с. 170–174), со следующим пояснением от автора: «Стихотворение сие было уже напечатано в Современнике; но я имел право и особенные причины поместить оное и в Киевлянина». В письме редактору «Киевлянина» М. А. Максимовичу от 23 декабря 1839 г. Жуковский, отвечая на его просьбу «украсить журнал своими творениями», сообщал: «Посылаю вам для вашего „Киевлянина“ мой старый еще неизвестный стихотворный грех. Эти стихи не могут иметь ясного смысла для читателей, а объяснить для них этот смысл я не могу. Они писаны по желанию, на заданный предмет и получили бы особенный интерес, если бы можно было прибавить к ним надлежащий комментарий. Теперь же они без интереса для читателя» (Русский филологический вестник. 1908. №3. с. 181). «Вскоре Жуковский нашел стихотворение в „Современнике“ и послал М. А. Максимовичу извинение» (Там же. с. 182). Вряд ли Жуковский мог забыть о публикации «Цветка» в «Современнике»: скорее всего, как это явствует из примечания, он «имел право и особенные причины» на публикацию стихотворения в другой редакции и с другим заглавием. Вероятно, в его сознании «Цветок» и «Цвет завета» существовали как два различных произведения.

Исследователи и комментаторы творчества Жуковского неоднократно говорили о связи «Цвет завета» с «целым рядом бродячих формул немецкого мистико-романтического мирозерцания» (Стихотворения. Т. 2. с. 510; ср.: Веселовский Ал. Цвет завета // Литературный вестник. 1903. т. 5. кн. 3. с. 297). В. М. Жирмунский указывал, что «Посвящение» Гёте к «Фаусту» «подсказало Жуковскому тип медитативной элегии, написанной октавами, как (...) „Цвет завета“», который «обнаруживает целый ряд совпадений со стихотворением Гёте, так что местами кажется не то вольным пересказом, не то вариацией на ту же элегическую тему-сердечного воспоминания» (Жирмунский. с. 87). И. П. Галюн нашел параллель к «Цвет завета» в стихотворении «Das wunderblümchen» Т. Кернера (Галюн. с. 15–16). Но, думается, «Цвет завета» – оригинальное создание Жуковского, раскрывающее его романтическую эстетику и намечающее путь к «символическому языку романтической поэзии» (Вацура. с. 152).

А. Янушкевич

Ответы на вопросы в игру, называемую секретарь

I. Звезда и корабль

(«Звезда небес плывет пучиною небесной...»)

II. Бык и роза

(«Задача трудная для бедного поэта...»)

(с. 136)

Автограф не обнаружен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 3. с. 14.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 16 июня–2 июля 1819 г.

Ц. С. Вольпе описал автограф этих двух стихотворений (Стихотворения. Т. 2. с. 527), но не шифру, приведенному им (ПД. №437/116), автограф в РО ПД не обнаружен. По свидетельству комментатора, автограф «Ответов на вопросы...» записан на обороте листа с текстом стихотворения «Цветок» («Цвет завета»), что дает возможность отнести время создания «Ответов...» к периоду работы Жуковского над стихотворением «Цвет завета» (см. примеч.). Еще один отдельный автограф стихотворения «Цветок» («Цвет завета») сохранился в РО ПД (Р. I, он. 9, №47), но на обороте листа с его текстом автографы «Ответов...» отсутствуют. Сохранился, однако, отдельный автограф стихотворения «Бык и роза», записанный в альбом фрейлины З. И. Нарышкиной (в замуж. Юсупова; 1810–1893) – с заглавием: «Какое сходство и какая разница между Быком и Розою», подписью: «Бык» и датой: «1 Aout 1830. Soiree au cottage» (1 августа 1830. Вечер на даче. – фр.; ПД, ф. 524, оп. 1, № 50). См.: Вацура В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1977.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
л., 1979. С. 31.

Подпись «Бык» и дата: «1830» свидетельствуют о том, что эта запись была сделана экспромтом, много времени спустя после создания стихотворения, в ту пору, когда Жуковский дружески сблизился с А. О. Смирновой-Россет и начал писать ей шуточные записки с подписью: «Бык» (см.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 21–22; ср. также текст послания «А. О. Смирновой-Россет» в наст. изд.).

В ПСС (оглавление т. 3) название «Ответы на вопросы в игре, называемой сек-ретарь» помечено одинарным асгериском (ПСС. Т. 3. С. 149). Это значит, что А. С. Архангельскому была известна какая-то предшествующая публикация этого текста, но в собрания сочинений Жуковского текст включен им впервые. Вопрос о журнальной публикации «Ответов...» остается открытым.

Игрой «секретарь» Жуковский увлекался еще в 1814 г. (см. примеч. к «Ответам на вопросы в игру, называемую Секретарь» в 1-м т. наст. изд.). Не исключено, что именно Жуковский ввел эту игру в павловский быт, а его ответы стали фактом по-этического творчества.

О. Лебедева

Ея Превосходительству, Варваре Павловне Ушаковой, их сиятельствам, графине Самойловой, графине Шуваловой, княжне Козловской и княжне Волконской, от некоторого жалкого стихотворца прошение («Большой, покинутый поэт...») (С. 136)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 5 об.)–беловой, без заглавия, с датой: «8 ию-ля», разбивкой на 5-стишия.

Копия (РНБ, он. 1, № 15. л. 75–75 об.)–рукою В. И. Губарева, с поправками Жуковского в ст. 36.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 7. Т. 3. С. 490–491.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 8 июля 1819 г.

Еще один беловой автограф этого послания находился в альбоме С. А. Самойловой, где оно четко датировано также 8-м июля 1819 г. (Кульман. С. 1085. № 10).

Адресаты стихотворного шуточного послания, стилизованного под прошение, – фрейлины имп. Марии Федоровны и великой княгини Александры Федоровны: В. П. Ушакова (в замуж. Барыкова; ум. 1862), графиня С. А. Самойлова (см. примеч. к стихотворению «Графине С. А. Самойловой»), Е. П. Шувалова (в замуж. Шлиффен; 1801–1858), княжна Е. Г. Волконская (в замуж. Полянская; 1801 – не ранее 1873) и княжна Козловская (сведений о ней обнаружить не удалось).

Мифологизация бытовых реалий (метаморфозы башмаков, платков и перчаток) и специфичность шуточных павловских посланий отчетливо осознавались друзьями поэта-арзамасцами, что неоднократно зафиксировано в переписке, например, Вяземского и А. И. Тургенева: «Он теперь нянчится только с фрейлинами, ест их конфеты и пьет за них шампанское. Вино поэзии веселит сердце его, а с ним и воображение. Впрочем, он уже и записки пишет стихами и не может сказать прозою: „Пришлите мне мороженого и миндаля в сахаре“» (Письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 13 августа 1819 г. // ОА. Т. I. С. 286). Подобный прием поэтизации прозы и нейтрализации материального быта идеальным поэтическим мироощущением был подхвачен И. А. Крыловым (см.: Послание И. А. Крылова к В. П. Ушаковой // РС. 1870. Т. 1. С. 567–568).

Ст. 30. Пускай искусен наш Крейтон... – Крейтон Василий Петрович (Арчибалд Вильям; 1791–1861) – лейб-медик при дворе Николая I. В дневниках Жуковского постоянно упоминается в связи с поездками двора за границу (Дневники. С. 85, 87, 96–98, 208, 238 и т. д.). По словам А. О. Смирновой-Россет, «доктором детей был Крейтон, человек хорошей шотландской фамилии, честный и благо-родный» (Смирнова-Россет. С. 198).

Н. Ветшева

Гр. С. А. Самойловой

(«Уж думал я, что я забыт...») (С. 137)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 12–12 об.)–черновой, без заглавия, с датой: «9 июля» и нумерацией на л. 12: «№ 3».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 76–77 об.), рукою В. И. Губарева, без заглавия, с незначительными разночтениями.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Кульман. С. 1087–1090 (по беловому автографу из альбома С. А. Самойловой, с датой: «9 июля»).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 9 июля 1819 г.

Об адресате послания графине С. А. Самойловой см. примеч. к посланию «Графине С. А. Самойловой» («Графиня, признаюсь, большой беды в том нет...»

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
В рукописи (черновой автограф) сохранилось окончание–6 стихов, зачеркну-тых Жуковским:

Когда ж беседовать со мною захочет муза невпопад, Я повяжу ее тобою – Хотя н прост такой наряд, Но он приятен будет взгляду, И я ручаюсь за Балладу.

Н. Вётшева

Перовскому

(«Счастливец! Ею ты любим!..») (С. 140)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 13)–беловой, без заглавия, с датой: «11 ию-ля». На этом же л. 13–девять начальных стихов, зачеркнутых вертикальной ли-нией,–с датой: «10 июля».

Впервые: Славянин. 1828. Ч. 8. С. 235–с заглавием: «К П***», без подписи.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 10–11 июля 1819 г.

Редакторы посмертных изданий, не зная о прижизненной публикации посла-ния, перепечатаывали его текст из С 8 (Т. 2. С. 114), с заглавием, которое ему дал П. А. Ефремов,– «Мойеру». Ц. С. Вольпе убедительно доказал, что такая атрибу-ция адресата ошибочна. «Доказательством того, что „К П***" значит „К Перовско-му",– писал комментатор,–служит и то, что в том же „Славянине" (1830. Ч. 13. С. 38) напечатано известное послание Ж. к Перовскому („Товарищ, вот тебе ру-ка"), также под заглавием: „К П***" (без подписи)» (Стихотворения. Т. 2. С. 530). Послание связано с историей соперничества Жуковского и Перовского в их лю-бви к графине С. А. Самойловой.

Василий Алексеевич Перовский (1795–1857)–генерал-адъютант и генерал от кавалерии, оренбургский и самарский генерал-губернатор, побочный сын А. К. Ра-зумовского, брат писателя А. А. Перовского (Антония Погорельского), друг Жу-ковского с 1818 г. и до конца жизни. Как замечает биограф Перовского, «один Жуковский оставался предан и верен ему до конца своей жизни и, уже будучи почти слепым, написал ему ошупью, но подкладываемой иод руку линейке, пись-мо из Бадена, полное любви и заботы о своем далеком друге. Письмо это было пи-сано в марте 1851 года–и было последним письмом Жуковского» (Захарьин И. Дружба Жуковского с Перовским // ВЕ. 1901. Т. 4. Апрель. С. 527). Перовский от-личался замечательной выдержкой и редкой биографией. Будучи захвачен в

18 - 295

545

плен, прошел пешком от Москвы до Парижа, откуда бежал в 1814 г. Проложил для России путь в Среднюю Азию (Хивинский поход 1839 г.).

В. А. Перовский, как и Жуковский, был увлечен гр. С. А. Самойловой, но предпочтение, руку и сердце она отдала гр. А. А. Бобринскому, с которым была счастлива. Сюжет этого своеобразного романтического флирта-ухаживания-влюб-ленности остался в большей степени «литературным», что не исключает серьезно-го чувства, лежащего в его основе. Как вспоминает А. О. Смирнова-Россет, «он (Перовский) мне рассказывал всю историю, как они садились за столом в Павлов-ске против Софьи Самойловой, делали шарики и откладывали с Жуковским по числу ее взглядов. (...) Василий Перовский (...) надеялся затопить свое горе в бле-ске и шуме двора. Когда он узнал, что Софья Самойлова вышла замуж за Алексея Бобринского, он не смог скрыть своего огорчения и, во избежание шуток, про-стрелил себе указательный палец правой руки» (Смирнова-Россет. С. 196).

Из двух посланий к Перовскому данное занимает своеобразное место в руко-писях Жуковского: оно написано в окончательной редакции 11 июля 1819 г., но первые 9 стихов второго послания «Василию Алексеевичу Перовскому» («Това-рищ! Вот тебе рука!..») написаны на этом же листе с датой: «10 июля». Таким об-разом, вместе с завершением (2 августа 1819 г.) второе послание обрамляет пер-вое и воссоздает в соотношении с первым посланием историю дружбы-соперниче-ства Жуковского и Перовского.

Поэтический и этический пафос самоотверженной любви, философия самоот-речения и отказа от возлюбленной ради друга сходны с пушкинским «Я вас лю-бил...»

Н. Вётшева

«Варвара Павловна, Элиза и Лизета...»

(С. 140)

Автограф: (РНБ, он. 1, №29, л. 13)–беловой, с датой: «11 июля». При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: С 10. С. 993.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 11 июля 1819г.

Время создания этой стихотворной записки, обращенной к фрейлинам, связа-но с новой атмосферой, царившей в Павловске после приезда туда молодых вели-кого князя Николая Павловича и великой княгини Александры Федоровны. По свидетельству

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
биографа императора Николая I, «здесь этикет, поддерживаемый императрицею-матерью, несколько ослабевал, и воцарялось самое неподдельное веселье, поддерживаемое прогулками целым обществом, танцами и разными petits jeux. Иногда же в дурную погоду устраивалось литературное чтение, при-чем читали Жуковский, Уваров и Плещеев» (Шильдер. Т. 1. С. 94). И в этом по-слании речь, вероятно, идет о подготовке павловского спектакля, в котором ири-нимали участие адресаты (см. примеч. к стихотворению «К гр. Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца»).

Адресаты послания – В. П. Ушакова (Варвара Павловна), княжна Е.Г.Вол-конская (Элиза) и, вероятно, княжна Козловская (Лизета).

Ст. 2. Не позабыла вас вам верная Лнета!..– Имеется в виду Анна Григорьевна Хомутова (1787–1851)–фрейлина, двоюродная сестра И. И. Козлова, писатель-ница, адресат стихов Козлова и Лермонтова («А. Г. Хомутовой», 1838). По словам современника, «Анна Григорьевна была в хороших отношениях с Раевскими, Ер-моловым, Нелединским-Мелецким, князем Вяземским, Жуковским и Пушкиным» (Новый мир. 1985. № 12. С. 194–195). См. также примеч. к стихотворению «Пись-мо к А. Г. Хомутовой».

Ст. 3. Плещеев здесь...– Речь идет о друге Жуковского, адресате многих его по-сланий, арзамасце–А. А. Плещееве (1778–1862), который обладал прекрасным драматическим и декламационным талантом и выступал в роли своеобразного ре-петитора. Ср.: «... а я вчера в Павловском снова простудился. Там Плещеев читал комедию. Все Павловские уже недели две восхищаются его чтением» (Из письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 20 июня 1819 г. // Письма Н. М. Карамзи-на к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 267).

Н. Вётшева

К Эмме

(«Ты вдали, ты скрыто мглою...») (С. 140)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 13)–беловой, без заглавия, с датой: «12 июля». Впервые: Славянин. 1828. Ч. 8. №40. С. 31–с заглавием: «К Эмме» и под-писью: «Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 12 июля 1819 г.

Перевод одноименного стихотворения Ф. Шиллера «Ап Етта». В метриче-ском и строфическом отношении перевод точный (в подлиннике и переводе по три шестистопных строфы, 4-стопный хорей с чередованием женских и мужских рифм); некоторое интонационно-ритмическое отличие звучания первой строфы перевода от подлинника обусловлено увеличением количества пиррихий почти вдвое (у Шиллера–5, у Жуковского–8).

Ц. С. Вольпе счел третью строфу перевода «сильно отступающей от подлинни-ка в смысловом отношении» (Стихотворения. Т. 1. С. 381), однако наиболее дале-кой от оригинала представляется не третья, а первая строфа. Мотивы «милой ста-рины», «неприступной» звезды, ст. 6: «Счастью бывшему не быть!» – всё это нова-ции Жуковского, приближающие смысл перевода к собственной биографической ситуации поэта после замужества М. А. Протасовой.

Ст. 4. Ты мелькаешь с вышины!..– В публикации «Славянина» стих читался: «Ты сияешь с вышины»; в этой же редакции его дают издатели посмертных собра-ний сочинений: П. А. Ефремов (С 7–С 10), А. С. Архангельский (ПСС. Т. 3. С. 17), и. М. Семенко (СС 1–СС 2). Однако представляется, что более прав Ц. С. Воль-пе, который учел более позднюю, чем первая публикация, правку в автографе, где «сияешь» зачеркнуто и поправлено на «мелькаешь». В смысловом отношении слово «мелькаешь» применительно к «счастью», «скрытому мглою», является бо-лее точным. В наст. изд. принята редакция стиха, впервые данная Ц. С. Вольпе (Стихотворения. Т. 1. С. 105, 381).

Положено на музыку А. Вейраухом.

О. Лебедева

К графине Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца

(«Графиня, не забудьте слова...») (С. 141)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 14 об., 15 об.)–беловой, с незначительной правкой, без заглавия и даты, под № 8.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 81–81 об.)–рукою В. И. Губарева, без заглавия и даты.

Впервые: Памятник Отечественных муз на 1827 год. СПб., 1827. С. 50–53 (ст. 1–50)–с заглавием: «К графине III...ой (После ее дебюта в роли мертвеца)» и подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений на входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: конец июля 1819 г.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Датировка основывается на местоположении автографа в рукописи в связи с хронологической особенностью работы Жуковского над павловскими стихотворениями (на л. 14 – «Государыне Императрице Марии Федоровне» с датой: «20 ию-ля»; на л. 16–продолжение послания императрице с датой: «29 июля»). Существовал еще один автограф в альбоме С. А. Самойловой, но, к сожалению, он тоже точно не датирован (см.: Кульман. С. 1086. № 15).

Обращено к графине Екатерине Петровне Шуваловой (в замуж, гр. Шлиффен; 1801–1858), любимой фрейлине ими. Марии Федоровны и постоянному адресату павловских посланий Жуковского. Спектакли, или «живые картины», в которых принимали участие фрейлины, были естественной приметой павловского дворцового быта. О «представлениях» начала июля 1819 г. говорится в стихотворной записке Жуковского «Варвара Павловна, Элиза и Лизета...» (см. примеч.).

Отталкиваясь от конкретного факта–исполнения юной фрейлиной роли «мерт-веца», Жуковский создает произведение, родственное эстетическим манифестам этого периода, в центре которого метаморфозы жизни и смерти, конечного и вечного, подлинного и мнимого (маски).

В рукописи имеется продолжение (26 стихов), не вошедшее в канонический текст (первая публикация) и отсутствующее в посмертных изданиях:

Графиня, ваше нревращенье Ужель оно изображенье Для нас всей участи земной? Как? этой прелести живой Назначено так измениться, Сим ясным взорам помутиться, Ланитным розам побледнеть, Младым устам охолодеть, И не манить души улыбкой? И так, прекрасное ошибкой На землю к нам заведено! Поспешным странником оно нас посещает ненароком, Минуты здесь не отдохнет, Лишь повернется и уйдет Переживаемое роком. А то, к чему так манит он, Столь часто тайное стремленье, Оно нам только заблужденье, И лишь изменчивости глас С душой от странствия усталой О бреге жизни небывалой [1 нрзб.] несчастий говорит. А наша лучшая надежда Одна лишь тленности одежда И лишь мертвец под нею скрыт.

Н. Вётшева

Циркулярное послание к чувствительным сердцам, в котором изображается горестное состояние некоего стихотворца, принужденного употребить собственные две ноги для путешествия в жаркое время на званый обед и желающего переменить свое горестное состояние на радостное и роскошно прокатиться в императорской линейке, услаждался, в ожидании земного обеда, небесным завтраком разговора с любезными грациями двора их императорских величеств и высочеств («Известно всем, что Аполлон...») (С. 143)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 95–беловой, с незначительной правкой, с заглавием на л. 95 об.

2) РНБ, он. 2, № 31, л. 1 (заглавие), л. 2–беловой, с одним незначительным исправлением.

3) Кульман. С. 1100–беловой автограф из альбома С. А. Самойловой, с заглавием: «Циркулярное послание».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Кульман. С. 1100–1101–с заглавием: «Циркулярное послание». Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу (восстановлено заглавие). Датировка: июль 1819 г.

Датировка послания в С 10 (С. 995–996) 1820–м г. представляется ошибочной. «Циркулярное послание...» очевидно примыкает к павловским стихотворениям 1819 г., связанным с посещением дачи А. В. Бобринской (см. примеч. к стихотворению «Я с благодарностью сердечной извещаю...»).

Стихотворная просьба о «месте на линейке» для поездки на званый обед характерна для павловских шуточных посланий и разрабатывает целый ряд постоянных ритуальных обращений (фрейлины – «грации двора» – «хариты царского дворца»), а также вводит мотив игровых метаморфоз (жара–поэтический угар; земной обед – небесный завтрак разговора и т. д.).

Судя по дневникам Жуковского, вечера, обеды, балы у графини Бобринской, на которые его приглашали, были частыми, а расстояния от Павловска до дачи Бобринской требовали передвижения в экипаже. Жуковский не раз упоминает в стихах «линейки», служившие обычным и излюбленным способом передвижения. По воспоминаниям современника, «кроме членов двора никто не имел право на место в линейках» (Приключения лифляндца в Петербурге // РА. 1878. №4. С. 451). Ими. Мария Федоровна особенно часто совершала прогулки по памятным местам Павловска в виде целого поезда экипажей: «После обеда она любила кататься на линейке, вмещавшей персон восемь; за этой линейкой следовали другие со свитой. Поезд отправлялся куда-нибудь в павильон, чаще всего Розовый, где выходили для чая или вечернего собрания» (Записки М. С. Мухановой // РА. 1878. № 3. С. 307).

Мотив «линейки» как светского развлечения, отвлекающего поэта от творчества, звучит в переписке друзей. Так, А. И. Тургенев пишет П. А. Вяземскому 11 июня

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
1819 г.: «Жуковский (...) остался еще с душою, но может, мало-помалу и ее рас-трясет на павловских линейках. Ему необходимо нужно отказаться от вечерних прогулок, которые отнимают у него последний досуг, ибо поутру он за граммати-кой, потом за обедом, а через час должен явиться на линейку и говорить о луне с ее величеством» (ОА. Т. I. С. 248).

Это послание, как и все предыдущие и последующие, обращено к фрейлинам ими. Марии Федоровны и великой княгини Александры Федоровны (В. П. Уша-ковой, А. Г. Хомутовой, С. А. Самойловой, Е. П. Шуваловой, Е. Г. Волконской), ко-торые были постоянными спутницами поэта.

Циркулярное послание...– Само заглавие имеет многозначный смысл, проис-ходя от слова «циркуляр», т. е. «окружное письмо, послание, грамота, иредписа-нье, сообщенье, повестка (...) разосланный ко многим» (даль В. И. Толковый сло-варь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 574).

Василию Алексеевичу Перовскому
(«Товарищ! Вот тебе рука!..») (С. 144)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 13 (ст. 1–9)–черновой, с датой: «10 июля».

2) РНБ, он. 1, № 29, л. 18–19–черновой, без заглавия, с датой: «2 августа».

Копия (Кульман. С. 1087. №45) – в альбоме С. А. Самойловой, ее рукою, с датой: «23 июля 1820 года. Павловск».

Впервые: МТ. 1827. Ч. 14. №7. Апрель. С. 105–108–с заглавием: «Посла-ние к ***», без подписи. См. также: Славянин. 1830. Ч. 13. С. 38–с заглавием: «К П***», без подписи.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 10 июля – 2 августа 1819 г.

Несмотря на датировку в копии (23 июля 1820 г.), послание следует отнести к 1819 г. на основании положения чернового автографа в рукописи, контекста и об-щего содержания. По всей вероятности, дата в копии указывает не на время соз-дания текста послания, а на время его переписывания в альбом.

Об адресате послания и истории отношений Жуковского и Перовского см. примеч. к стихотворению «Перовскому» («Счастливец! Ею ты любим!..»).

Стихотворение датируется промежутком 10 июля – 2 августа 1819 г. 10 июля были написаны первые девять стихов (ст. 8–9 отличались от окончательной ре-дакции: «Опять со мной мечты играют, II как в прежни молодые дни». 11 июля напи-сано послание «Перовскому» («Счастливец, ею ты любим»), исполненное мотивов жертвенного самоотказа от любви к С. А. Самойловой во имя дружбы.

Послание «Товарищ! Вот тебе рука!..», продолжая эту же тему, переводит ее в возвышенный этико-философский план. Окончательному тексту послания пред-шествовали вполне реальные события: «Перовский первый признался в своем чувстве. Жуковский на откровенность отвечал великодушием,–и в своем посла-нии уступает своему другу дорогу, желая ему успеха и счастья» (ПСС. Т. 2. С. 145), что отражено также в стихотворении «Счастливец! Ею ты любим!..»

Но в то же время жертвенный контекст посланий осложняется драматической размолвкой и эпистолярным выяснением отношений. На основе мемуарных и эпистолярных источников их можно реконструировать. «На вечере в Аничковом дворце, где были дети великого князя, несколько фрейлин, в том числе и С. А. Са-мойлова, Перовский много танцевал с детьми и Самойловой. Жуковский, расска-зав об этом на следующий день великой княгине Александре Федоровне, не при-сутствовавшей на вечере, добавил, что Перовский „карячился“. Великая княгиня, не уловив смысла, буквально передала разговор Перовскому, за чем последовало бурное объяснение. Перовский сказал Жуковскому: „Дурак!“, на что получил от-вет: „Пошел вон!“ На следующий день Жуковский в ироническом ключе, но с об-ращением на „вы“ пишет Перовскому: „Боже мой, как неверна жизнь челове-ческая! Два друга, дышавшие, кажется, до сих пор единогласно, в совокупности и, так сказать, в единственном числе,–хотя они сами и во множественном,–два Пилада, два Ореста, можно сказать, даже два Данона и Пидиаса,– вдруг в одну минуту, без всякого предварительного приготовления, свирепеют: один в каком-то беснотворном неистовстве говорит другому: „Дурак!“, а тот, в помешательстве остервенения, отвечает: „Пошел вон!“ (...) Ну, какой же я дурак?.. Разве не чи-тали вы моих стихотворений? Так дураки не пишут. Прочитайте–ка одно, которое начинается так: „Товарищ, вот тебе рука!“ – и увидите, что я знаю то, что говорю (...) Василий Алексеевич! „Поди вон“–значит поди сюда\ Пребываю ваш покор-нейший слуга–дурак Василий Жуковский». Перовский во вполне дружеском от-вете мотивирует собственную вспыльчивость: «(...) Впрочем, „дурак“ не значит, что я почитаю вас глупым: мне бы приличнее было назвать вас болтуном, а сии по-следние бывают и не дураки; таким-то и я вас почитаю душевно. Мне было досадно видеть, что нельзя просто ни чихнуть, ни

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
кашлянуть, чтобы вы тотчас же не пере–несли бы то и другое к ее высочеству; а между тем это не принадлежит, но моему мнению, к урокам, вами преподаваемым» (Цит. по: Захарьин (Якунин) И. П. Граф В. А. Перовский и его зимний поход на Хиву. СПб., 1901. С. 86, 88).

Комментируя этот эпизод отношений Жуковского и Перовского, Ц. С. Вольпе считает, что их эпистолярный диалог предвосхищает интонации гоголевской по–вести «О том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», и за–мечает: Жуковский, «погрузившись в интересы придворного быта, был выше это–го быта» (Стихотворения. Т. 1. С. 531).

То, что сам Жуковский анализировал свои отношения с Перовским и пытался корректировать свое поведение, отражают его дневниковая запись от 13 августа 1819 г.: «Разговор Перовского (...) Разговор за столом и после стола о танцах и прочее. (...) Замечание Перовского на мой счет если не справедливое, то но край–ней мере остерегательное. Нет ничего опаснее, как pas a pas [шаг за шагом.–фр.]. Нечувствительно сверху надаешь на дно. L'essentiel est de ne rien se reprocher [Главное, чтобы ни в чем себя не упрекнуть.–фр.]. До сих пор я действую, кажется, прямо. Пускай душа ей, но воля останется моею; она принадлежит товарищу. Лишь бы поскорее всё. что надобно, высказать. Это бы дало более свободы и вер–ности действовать» (Дневники. С. 64–65).

Перовский был далек и от возвышенно–платонического отношения Жуковско–го к Самойловой, и от шутливой «романтического сублимирования фрейлинских платков, перчаток и башмаков» (Стихотворения. Т. 2. С. 532). Еще до помолвки Самойловой с Л. А. Бобринским он советует Жуковскому: «Василий Андреевич! При сем посылаю вам перчатку и уголок платка известной вам деви. Душевно же–лаю, Василий Андреевич, чтобы вы смотрели на сии принадлежности как и я на них смотрел–как на простую тряпку и на простую лайку, и чтоб весна, а особен–но горячее лето нашли бы вас совершенно охлажденным (...) когда почувствуете–те себя довольно образумившимся, чтобы решительно открыть глаза и уши и очи–стить голову и сердце, прошу вас убедительнейше, Василий Андреевич, дайте мне знать через кого–нибудь о сей счастливой перемене, дабы мы вместе и торжест–венно предали бы земле, воде или огню все эти перчатки, платки, ленточки и фруктовые косточки... Ах, царь небесный! что за праздник будет!.. Поверьте, что минута, в которую я уверюсь, что вы сделались порядочным человеком, будет приятнейшею в моей жизни! Но–не мне управлять песнопевц душой!..» (Захарьин (Якунин) И. П. Указ. соч. С. 89).

Курсивом дана цитата из баллады Жуковского «Граф Гапсбургский»).

В дальнейшем на первый план в отношениях Жуковского и Перовского выхо–дит именно дружба: «Ты на один фрейлинский взгляд, на одну улыбку отвечаешь мадригалом, а я требую от тебя не ответов (на мои письма отвечать нечего), а от–вечай лишь на дружбу» (Письмо Перовского к Жуковскому от 15 августа 1823 г. Цит. по: Захарьин (Якунин) И. П. Указ. соч. С. 95). Дружба с Перовским продол–жалась до конца жизни Жуковского, последнее письмо которого, посланное в марте 1851 г., было адресовано В. А. Перовскому (см. примеч. к стихотворению «Перовскому» («Счастливцев! Ею ты любим!..»)).

Ст. 37–40. С возобновленною душою IIIЯ к лире бросился моей, IIIИ под рукой нетерпе–ливой II Бывалый звук раздался в ней!..–Ср. в послании «Жуковскому» А. С. Пушки–на: «Когда, к мечтательному миру // Стремясь возвышенной душой, // Ты дер–жишь на коленях лиру // Нетерпеливою рукой...»

Н. Вётшева

К***

(«Едва на миг одна судьба нас породнила...») (С. 147)

Автограф (РНБ, он. 1, №29, л. 17 об.)–черновой, без заглавия. Впервые: Славянин. 1828. Ч. 8. №40. С. 149–с заглавием: «К ***» и подпи–сью: «Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: конец июля – начало августа 1819 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи: вслед за посланием «Государыне Императрице Марии Федоровне» (с датой: «29 июля») и перед посланием к Перовскому («Товарищ! Вот тебе рука!..» – с датой: «2 авгу–ста 1819»). В промежутке между этими датами, вероятно, и было создано стихо–творение. Стихотворение было вписано в альбом жены писателя и журналиста С. Н. Глинки Марии Васильевны (1791–1853). В своих «Записках» С. Н. Глинка приводит альбомный текст, идентичный автографу (РВ. 1866. №3. С. 126). Текст первой публикации в «Славянине» отличается от альбомного автографа лишь 6–м стихом: вместо «Не сетовать на рок!–им правит Божество!» – «Но рок... им правит Божество!»

Эпитафия Жуковского обращена к сыну С. Н. и М. В. Глинки, который про–жил около года. Его крестник должен был быть профессор кафедры русской сло–весности Дерптского университета, двоюродный брат С. Н. Глинки Григорий Ан–дреевич Глинка, умерший 9 (21) февраля 1818 г., накануне рождения крестника. Именно Г.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
А. Глинка в 1817 г. рекомендовал Жуковского вместо себя учителем ве-ликой княжны
Анны Павловны. В 1818 г. Жуковский вместо него стал кумом М. В. Глинки.

А. Янушкевич

К мимопролетевшему знакомому Гению

(«Скажи, кто ты, пленитель безымянной?..») (С. 147)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, №29, л. 21 об.–беловой, с правкой в ст. 11 (зачеркнуто неразб.
слово и заменено на «светлоясны», без заглавия, с датой: «7 августа».

2) ПД. Р. I, оп. 9, № 24, л. 1–1 об.–беловой, на одинарном листе бумаги с
во-дяным знаком: «Ruse of Turners. 1814», с заглавием: «К мимопролетевшему
знако-мому Гению».

Копии:

1) РНБ, он. 1, № 15, л. 10–10 об.–рукою В. И. Губарева, с тем же заглавием.

2) РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 42 об.–43 – рукою М. А.
Мойер. Впервые: СО. 1820. ч. 65. №42. С. 86–87 –с тем же заглавием и подписью:
«Ж.», к которой сделано примечание: «Сею буквою означаемы будут все
стихотво-рения Жуковского, помещаемые в СО. Изд.»

В прижизненных изданиях: С 4–5 (в С 4–отдел: «Романсы и песни»). В С 5 (Т. 3. С.
66–67)–среди стихотворений 1818 г.

Датируется: 7 августа 1819 г.

Текст стихотворения в автографе № 1 находится среди павловских посланий 1819 г.,
что и позволяет, с учетом даты самого Жуковского: «7 августа», говорить
достаточно определенно о времени его создания, хотя, вероятно, процесс созда-ния
произведения был более продолжительным. В альбоме графини С. А. Самой-ловой
имелся еще один автограф стихотворения, с заглавием: «Голос знакомого
мимопролетевшего Гения». Им открывалась вся подборка (из 45 текстов)
стихо-творений Жуковского (см.: Кульман. С. 1085. № 1).

Традиционно комментаторы и исследователи творчества Жуковского (см.: Га-люн. С.
17; Стихотворения. Т. 1. С. 381; СС 1. Т. 1. С. 459) считают стихотворение
Жуковского свободной переработкой стихотворения Ф. В. И. Шеллинга «Lied»
(«Пес-ня»), хотя сравнение текстов этих произведений (см.: Янушкевич. С.

143–144) по-зволяет говорить скорее о типологической общности, чем о зависимости
Жуков-ского от Шеллинга. Любопытно, что появившееся в 1825 г. стихотворение
Николая Бестужева «К улетевшему Гению» (Новости литературы. 1825. № 14. С.
189–190), своеобразный перифраз стихотворения Жуковского, еще отчетливее
выявляет его самостоятельность (подробнее см.: Янушкевич. С. 144–145).

Попытка связать это стихотворение Жуковского с каким-то конкретным адре-сатом (с
А. А. Воейковой – РБ. 1915. Кн. 3. С. 21 или С. А. Самойловой–Стихо-творения. Т.
1. С. 381) не представляется убедительной. Автобиографическое про-чтение
произведений Жуковского 1818–1824 гг. противоречит его установке на создание
эстетических манифестов, тенденции к символической образности.

В 1824 г., когда вышло в свет С 3 и оказалось, что стихотворение «К
мимопро-летевшему знакомому Гению» в него не включено, Пушкин упрекал
Жуковского: «Зачем слушаешься ты маркиза Блудова? (...) „Надпись к Гёте“, „Ах,
если б мой милый“, „Гений“ – всё это прелесть, а где она?» (Пушкин. Т. XIII. С.
167).

Положено на музыку А. А. Плещеевым (Баллады и романсы В. А. Жуковского,
положенные на музыку для фортепиано А. А. Плещеевым: В 2 ч. СПб., 1832. ч. 1).

А. Янушкевич

К портрету Императрицы Елизаветы Алексеевны

I. «Кто на блистательной видал ее чреде...» II. «В царицах скромная, любовь
страны своей...»

(С. 149)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 15, л. 8 об.–черновой (I).

2) РНБ, он. 1, № 15, л. 9–беловой, карандашом (I).

3) РНБ, он. 1, № 15, л. 9–беловой, карандашом (II).

4) РНБ, оп. 1, №29, л. 22 –беловой (I, II). При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: С 8. Т. 1. С. 41 (I); С 9. Т. 1. С. 556 (II)–с предположением о том,
что «в наброске говорится о королеве прусской Луизе».

Печатается но тексту первой публикации, со сверкой но автографу. Датируется:
между 7 и 10 августа 1819 г.

Основанием для датировки является положение автографов в рукописях. Во всех
случаях надписи к портрету находятся в контексте павловских стихотворе-ний 1819
г., созданных в начале августа. Обе надписи существовали как своеоб-разный
«двойной портрет» императрицы. Показательно, что в альбом графини С. А.

Самойловой они вписаны Чуковским как одно целое и имеют заглавие: «Две надписи к
портрету Императрицы Елизаветы Алексеевны», вероятно, данное все-таки автором

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh публикации Н. К. Кульманом (см.: Кульман. С. 1086. №21). Но само их единство было несомненно. В письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 11 декабря 1818 г. (?) сообщается: «Еще две надписи сделал он к портрету Императрицы Елисаветы, но, в наказание за мое мнение о первой („Надпись к портрету великой княгини Александры Федоровны“), не дает мне их...» (ОА. Т. I. С. 168). По всей вероятности, существовал первый вариант этих надписей, уничтоженный Жуковским, или же письмо А. И. Тургенева ошибочно датировано 1818 г. Адресат надписей – Елизавета Алексеевна (урожд. принцесса Баден-Дурлах-ская Луиза-Мария-Августа; 1779–1826), императрица, жена Александра I. В дневниковых записях поэта ее имя появляется неоднократно. Так, характеризуя во время первого заграничного путешествия герцогиню Кумберландскую, Жуковский пишет: «Герцогиня Кумберландская напоминает нашу Елизавету своими ма-нерами; она не имеет ее прекрасного стана и величества. Но имеет ее привлека-тельность» (Дневники. С. 84).

Вполне возможно, что надписи к портрету связаны с появлением в это время гравированного портрета императрицы работы Жозефа Меку (1771–1832) с ори-гинала Ж.-А. Беннера. На этом пояском портрете Елизавета Алексеевна была изо-бражена «в открытом платье с короткой талией, с ниткой жемчуга на шее. На го-лове диадема и жемчуг» (см.: Сапрыкина Н. Г. Коллекция портретов Ф. Ф. Виге-ля: Аннотированный каталог. М., 1980. С. 94. №174.). Ср.: Подробный словарь русских гравированных портретов / Сост. Д. А. Ровинский. СПб., 1887. Т. 2. С. 923. № 86. Почти одновременно с Жуковским свою надпись к портрету императрицы дал А. С. Пушкин в альбомном стихотворении «К Н. Я. Плюсковой» («На лире скромной, благородной...»; 1818).

Н. Вётшева

К портрету Батюшкова

(«С ним дружен бог войны, с ним дружен Аполлон!..») (С. 149)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 21 об.–беловой, с заглавием: «К П. Б.» и датой: «7 авгу-ста 1819».

2) ПД. № 10102, л. 72–беловой, вписанный в альбом автографов П. И. Кеппе-на под датой: «17 сентября 1820».

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 22)–рукою М. А. Мой-ер, с заглавием: «К портрету Батюшкова». При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 83.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 7 августа 1819 г.

В альбоме С. А. Самойловой имелся еще один беловой автограф этого стихо-творения– с заглавием: «К портрету Батюшкова» и перестановкой первых двух стихов (Кульман. С. 1086. № 23). Этот автограф интересен тем, что он оконча-тельно проясняет вопрос об адресате надписи, так как И. А. Бычков, впервые обра-тивший внимание на это четверостишие (см.: Бумаги Жуковского. С. 83), непра-вильно прочел его заглавие: «К Т. Б.» вместо: «К П. Б.» (то есть: «К П(ортрету) Б(атюшкова)») и предположительно адресовал его Т. Е. Боку.

Разумеется, вряд ли Жуковский мог по отношению к Боку сказать: «с ним дружен Аполлон». Ошибку Быčkova повторил и П. А. Ефремов в примечаниях к С 9 (Т. 1. С. 527). Н. К. Куль-ман впервые на основе имеющегося у него автографа всё поставил на свои места.

В начале августа 1819 г. Жуковский получает из Италии с оказией (с М. Е. Хра-повицким) письмо от Батюшкова, датированное 1 августа, где тот, в частности, пишет: «Начну письмо мое, по обыкновению упреками за то, что ты меня забыл совершенно, милый друг (...). Прошу тебя писать ко мне...» (Батюшков, Т. 2. С. 555–558). Не исключено, что надпись «К портрету Батюшкова» была ответом на эту просьбу и, возможно, стала известна ее адресату. Вопрос о ее прижизнен-ной публикации остается открытым.

Стихотворение Жуковского перекликается с аналогичной надписью Батюшко-ва «К портрету Жуковского», впервые опубликованной в ВЕ (1817. Ч. 91. №3. С. 183).

Ср.:

Мод знаменем Москвы, пред падшею столицей, Он храбрым гимны пел, как пламенный Тнртей; В дни мира, новый Грей, Пленяет нас задумчивой цевницей.

(Батюшков. Т. 2. С. 240).

Н. Вётшева, Л. Янушкевич

К портрету Гёте

(«Свободу смелую приняв себе в закон...») (С. 149)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 22 – беловой, с заглавием: «К н.(ортрету) Гёте».

2) ПД. № 10102, л. 72–беловой в альбоме автографов П. И. Кеппена, с датой: «17 сентября 1820».

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 22) –рукою М. А. Мойер, с заглавием: «К портрету Гёте».

Впервые: Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. ч. 13. №1. С. 95–с заглавием: «К портрету Гёте» и подписью: «В. Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: между 7 и 10 августа 1819 г.

Положение автографа в рукописи дает основание датировать стихотворение промежутком между 7 и 10 августа 1819 г. В пользу этой датировки говорит и по-ложение автографа в альбоме С. А. Самойловой: сразу же за надписью «К портре-ту Батюшкова» (Кульман. С. 1086. № 24).

Трудно сказать что-либо определенное о непосредственном поводе к созданию этой надписи «К портрету Гёте». Вполне вероятно, что это был просто итог актив-ного постижения творческой манеры немецкого писателя в переводах 1816– 1818 гг. Стихотворение Жуковского–парафраза стихов Андрея Тургенева. А. И. Тур-гнев писал: «В альбоме Гёте к именам посетителей присоединил я и свое и напи-сал на память 4 стиха переводчика Вертера, покойного брата Андрея, на 16-лет-нем возрасте им к портрету Гёте написанные:

Свободным гением природы вдохновенный, Он в пламенных чертах ее изображал; И в чувствах сердца лишь законы почерпал, Законам никаким другим не покоренный». (Совр. 1837. Т. 5. С. 304)

На экземпляре «Страданий юного Вертера» («Leiden des jungen Werthers. Von Goethe». Leipzig, 1787), подаренном Жуковскому Андреем Тургеневым, на титуль-ном листе имеется автограф данного четверостишия (см.: Описание. С. 363. № 2636).

А. С. Пушкин (в письме от конца мая–начала июня 1825 г.) упрекал Жуков-ского за то, что он не включил надпись к портрету Гёте в С 3 (см.: Пушкин. Т. 13. С. 165). Возможно, что Жуковский не включил надпись к портрету Гёте, «ощущая авторское право на нее Андрея Тургенева» (Стихотворения. Т. 2. С. 511). Только в 1826 г. он напишет стихотворение «К Гёте» («Творец великих вдохновений»), где попытается дать свое понимание немецкого гения (см. примеч.).

Н. Вётшева

Жизнь

(«Отуманенным потоком...») (С. 150)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 22–23 – черновой, без заглавия, с датой: «10 августа».

2) РНБ, ф. 52 (Батюшковы), №244, л. 142–142 об.–беловой, с заглавием: «Жизнь и ангел» и датой: «1820. Сентябрь 18-го. СПбург».

К о п и и:

1) РНБ, он. 1, № 15, л. 82–83 – рукою В. И. Губарева, без заглавия, авторизо-ванная (правка отдельных стихов).

2) ПД. № 13927, л. 19–20–в альбоме А. Н. Вульф рукою неизвестного лица, с заглавием: «Жизнь» и подписью: «Жуковский».

3) РГБ, ф. 218, к. 1338, № 12, л. 55 об.–58 –в альбоме Е. Ф. Кривцовой, с за-главием: «Жизнь и ее Ангел».

4) ПД. Р. I, оп. 9, № 17, л. 1–2 – рукою П. А. Плетнева, с заглавием: «Жизнь (Видение во сне)».

5) РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 15, л. 21–рукою М. А. Мойер, с за-главием: «Жизнь (Видение во сне)».

Впервые: СО. 1821. ч. 10. №6. С. 271–274–с заглавием: «Жизнь. Видение во сне» и подписью: «Ж.»

В прижизненных изданиях: С 3–5 (в С 3–4–отдел «Романсы и пес-ни»; в С 5 – в подборке стихотворений 1818 г.; везде с заглавием: «Жизнь»).

Датируется: 10 августа 1819 г.

Первоначальное заглавие: «Жизнь и ее ангел», зафиксированное в альбоме С. А. Самойловой автографом Жуковского (см.: Кульман. С. 1085. №8) и воспро-изведенное, по-видимому, из него Е. Ф. Кривцовой, продержалось до первой пуб-ликации, о чем свидетельствует более поздняя альбомная запись Жуковского (см. автограф № 2). По мнению Н. К. Кульмана, ее изменение было связано с требова-нием цензуры при публикации в СО. Снятие подзаголовка: «Видение во сне» уже в С 3 имело, вероятно, другие причины: стремление придать произведению обоб-щенно–символический смысл и более реальную основу.

Стихотворение имеет программный характер и входит в круг произведений, написанных в Павловске летом 1819 г. Стихотворение явилось поэтическим вы-ражением философских идей немецких романтиков, в частности фихте, о позна-нии счастья земного бытия, о жизни как великом благе (Янушкевич. С. 124). Вме-сте с тем стихотворение носит печать увлеченного чтения Байрона, в особенности «Манфреда». Мотив ангелов и звезд, явившихся к герою и ожививших его устав-шую душу, образы «унылого океана», «беспредельности» свидетельствуют о рецеп-ции

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh байроновской натурфилософии (подробнее об этом см.: БЖ. ч. 2. С. 415–449).

Но символично-философский подтекст стихотворения и его общеромантический генезис не исключают глубоко жизненных основ произведения, его связь с историей любви к С. А. Самойловой. Запись в «Дневниках» от 15 августа 1819 г., на которую обратил внимание еще Ц. С. Вольпе: «Совесть. 10 августа» (Дневники. С. 65), – воспоминание о дне написания «Жизни» и связанного с ним нового отношения к Самойловой. В этом смысле стихотворение «Жизнь» уже не было «видением во сне»; оно прочно сопрягало Поэзию и Жизнь.

Э. Жилькова

К Столыпину

(«Вот вам, слуга Фемиды верной...») (С. 152)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 19 об.) – белой, без заглавия, с датой: «12 августа».

Копия (РНБ, оп. 1, №15, л. 72) – рукою А. И. Тургенева, с датой: «1819. 12 августа».

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: С 10. С. 993.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 12 августа 1819 г.

Адресат послания – Аркадий Алексеевич Столыпин (1778–1825) – был в то время обер-прокурором 1-го департамента Сената, управляющим сенатским казначейством и типографией (о нем см.: РА. 1893. кн. 2. С. 190–195). Заступничество за многочисленных «протезе», посредничество, «милость к падшим», то есть филантропия в высшем смысле этого слова, были характерной и постоянной чертой поведения Жуковского. Но, может быть, впервые в послании «К Столыпину» он попытался эту жизненную позицию, связанную с вполне конкретной просьбой, выразить в стихотворной форме. Как сообщил А. И. Тургенев П. А. Вяземскому в письме от 13 августа 1819 г., «но сенатским делам сносится он также стихами. Сей-час отправил я к Столыпину послание его о маклере Звереве» (ОА. Т. I. С. 286). Попутно Тургенев отмечает несообразность «низкого объекта» высокому предназначению поэта.

Вероятно, именно поэтому долгое время в посмертных изданиях «стихотворная проза» Жуковского считалась недостойной его таланта и печаталась в основном в примечаниях. Так произошло и с посланием «К Столыпину».

Однако современники и друзья, а вслед за ними и издатели сочинений Жуковского не учитывали, что игровое столкновение высокой и бытовой стихии, разных стилистических рядов объективно вело к формированию единой, гибкой поэтической системы, способной выразить все богатство мировосприятия. Павловские послания с их специфической информативностью (записки, просьбы, отчеты и т. д.) способствовали этому. Послание «К Столыпину» в этом отношении не было исключением.

Н. Вётшева

«Графиня, будьте вы спокойны!..»

(С. 153)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, №29, л. 19 – белой.

2) РНБ, оп. 2, №31, л. 3 – белой, с надписью на записке: «Ее сиятельству графине Софье Александровне Самойловой». При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Кульман. С. 1117.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: между 2 и 12 августа 1819 г.

Эта записка, которая была опубликована Н. К. Кульманом, находится сейчас в РНБ (автограф №2). Так как на ней сохранились следы сургучной печати, это в буквальном смысле стихотворное письмо.

Содержание записки определяет история кратковременной размолвки Жуковского с В. А. Перовским (см. примеч. к стихотворению «Товарищ! Вот тебе рука!..»).

Н. Вётшева

«Считаю вызов ваш я милостью судьбы!..»

(С. 153)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 19 об.) – белой, с датой: «12 августа». При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: С 10. С. 993.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 12 августа 1819 г.

Об адресате этой стихотворной записки – графине А. В. Бобринской см. примеч. к стихотворению «Я с благодарностью сердечной извещаю...» Стилистически и тематически это четверостишие примыкает к другим посланиям к Бобринской.

Атмосфера светской игры, каламбурное обыгрывание разных ценностных рядов (вызов на обед – милость судьбы; дружба – грибы) определяют поэтику павловских посланий и их связь с циклом шуточных «долбинских стихотворений» 1814 г. (см. примеч. в 1-м

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
т. наст. изд.).

И. Вётшева

«Я только что хотел гонца к вам посылать...»

(С. 153)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 19)–беловой. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: С 10. С. 993–с подзаголовком: «К графине ***». Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: между 2 и 12 августа 1819 г. (по расположению автографа в ру-кописи).

Эта стихотворная записка обращена также к графине А. В. Бобринской и тесно связана с предыдущей. Ее содержание характерно для павловских шуточных экспромтов: прагматическая просьба об уточнении времени назначенного обеда переводится в стихи и насыщается ироническими и мадригальными мотивами и ассоциациями.

Ст. 9. Сказать, сидя близ вас: я счастливый сосед!..– Вероятно, ассоциация с «Опасным соседом» В. Л. Пушкина, что подчеркнуто курсивом.

Н. Вётшева

Праматерь внуке

(«Мое дитя, со мною от купели...») (С. 154)

Автограф (РНБ, он. 1, №29, л. 20–20 об.) – беловой, с датой: «23 августа 1819 г.»

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), он. 1, карт. 22, № 12, л. 20–20 об.) –рукою М. А. Мойер.

Впервые: С 3. Т. 2. С. 221–223 – в отделе «Смесь», с заглавием: «Праматерь внуке».

В прижизненных изданиях: С 3–4 (в разделе «Смесь»). В С 5 (Т. 3. С. 42–44) – в подборке стихотворений 1818 г. Датируется: 17–23 августа 1819 г.

Если автограф дает представление о конце работы над стихотворением, то за-пись стихотворения в альбоме С. А. Самойловой определяет начало работы над ним: «17 августа 1819» (Кульман. С. 1085. №2).

А. И. Тургенев в письме Вяземскому от 6 августа 1819 г. с пометкой: «7 хн утра» сообщал: «(...) сегодня великая княгиня разрешилась от бремени дочерью Мари-ею и весьма благополучно (...). Вероятно, и Светлана [арзамасское прозвище Жу-ковского.– И. В.] разрешится от бремени стихами, на сей случай, и мы отслужим ей за это молебен всем Арзамасом» (ОА. Т. I. С. 283).

В дневнике иод 17 августа Жуковский записывает: «Крестины (...). Стихи» (Дневники. С. 66). Первоначально стихотворение называлось: «17 августа 1819 го-да» (Кульман. С. 1085).

Стихотворение написано на первое причащение великой княжны Марии Ни-колаевны (в первом браке герцогини Лейхтенбергской; 1819–1876) от имени ее бабушки (праматери) императрицы Марии Федоровны.

Н. Вётшева

Эпитафия Мими

(«В могиле сей покоится Мими...») (С. 155)

Автограф (РНБ, он. 1, №29, л. 20)–беловой, без заглавия, с датой: «23 ав-густа» и подсчетом стихов: «12».

Копия (ПД. Р. I, он. 9, №58, л. 1)–рукою А. А. Воейковой, с заглавием: «Чиж».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 8. Т. 2. С. 110–с заглавием: «Чижик».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 23 августа 1819 г.

В альбоме С. А. Самойловой находился беловой автограф этого стихотворения с заглавием: «Эпитафия Мими», который, видимо, и стал источником первой пуб-ликации (см.: Кульман. С. 1085. № 7).

«Эпитафия Мими» («В могиле сей покоится Мими...») и «На смерть чижики» («В сем гробе верный чижики мой!..») представляют собой вариацию на одну тра-диционную тему: «любовь сильнее смерти», в метафорическом и ироническом преломлении.

Комментаторы, справедливо отмечая наличие двух вариантов, расходятся в ус-тановлении их иерархии. Так, П. А. Ефремов считал данное стихотворение чер-новиком последующего (С 8. Т. 2. С. 510). В действительности это два разных сти-хотворения, о которых сохранились ряд свидетельств постоянных эпистолярных собеседников поэта этих лет и его дневниковые записи (см. примеч. к стихотворе-нию «На смерть чижики»).

Литературная традиция подобных надгробных надписей тесно связана с име-нем римского поэта Катулла, написавшего стихотворение «На смерть воробья Лесбии». Катулла в свою очередь подражали Овидий («Любовные элегии», II, 6) и Стаций («Сильвы», II, 4), написавшие элегии на смерть ручных попугаев. В рус-ской поэзии интонацию шуточной эпитафии развивал Г. Р. Державин («На смерть собачки Милушки...»).

Н. Вётшева

На смерть чижики

(«В сем гробе верный чижики мой!..») (С. 156)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 20 об.)—беловой, без заглавия, с разночтением 1-го стиха: «Здесь Паша, верный чижики мой...», с надписью рукою Жуковского сбоку: «Не удалось».

Впервые: Памятник Отечественных муз на 1827 год. СПб., 1827. Отд. И. С. 44—с заглавием: «На смерть чижики» и подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 26 августа 1819 г.

В рукописи текст этой эпитафии находится непосредственно после предыдущей—«Эпитафии Мими», которая датируется 23 августа. Дневниковые записи Жуковского свидетельствуют о том, что данное стихотворение создавалось 26 августа 1819 г. 26 августа поэт записывает: «У великой княгини. Альбом. Завтрак у Плещеевой. Эпитафия» (Дневники. С. 68). 29 августа появляется следующая запись: «По-утру. Альбом Самойловой (...). Чижики—С Шуваловой у Ливен» (Там же. С. 69). Если учесть, что первая эпитафия была написана 23 августа, то появление второй можно датировать 26-м августа. Об этом сообщал А. И. Тургенев в письме Вяземскому от 26 августа 1819 г.: «Потом принялись мы читать новую литургию Жуковского, при сем к вашему святейству прилагаемую, и панихиду его чижику графини Шуваловой, коей последние два стиха прелестны» (ОА. Т. I. С. 295). Речь, безусловно, идет о второй эпитафии.

Первоначально это стихотворение воспринималось Жуковским как неудача («не удалось»), но после исправления первого стиха именно оно воспринималось как «каноническая» эпитафия чижику графини Шуваловой. 2 сентября 1819 г. А. И. Тургенев писал Вяземскому: «Между тем написал он накончину другого чижики и припевает: „Д я чижики хороню“. Вот и эпитафия» (ОА. Т. I. С. 302).

В С 8 текст стихотворения печатается без четырех последних строк. Заглавие вряд ли принадлежит самому Жуковскому, так как отсутствует в автографе.

Стихотворения (эпитафии чижикам) находятся в одном ряду с произведениями, надгробными памятниками и т. д., в которых владельцы стремились запечатлеть воспоминание о своих любимцах (ср. собачий некрополь Екатерины II в Царском Селе).

У Жуковского в павловский период можно встретить ряд шуточных эпитафий («В комитет, учрежденный по случаю похорон Павловской вехи, или белки...», «К Столыпину», в определенной степени — «Оставьте свою привычку...»), что является игровой мифологизацией вечной оппозиции жизни и смерти.

Ст. 15–16. И здесь нередко в поздний час II внимаешь грустному их пенью...— В цит. выше письме А. И. Тургенева Вяземскому от 26 августа характерны слова: «последние два стиха прелестны» (ОА. Т. I. С. 295). Эти два стиха (как и предшествующий 14-й: «Они здесь веют дружной тенью...») — очевидная шуточная аллюзия на балладу «Эолова арфа». Ср.: «Две видятся тени: слившись летят...»; «С тех пор, унывая, II Минвана, лишь вечер, ходила на холм II И, звукам внимающая...»

Н. Вётшева

Государыне Императрице Марии Федоровне

(«От вашего величества давно...») (С. 156)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 8 об.—14, 16–17 об., 21, 23–24 об.)—черновой; с нумерацией стихов и внутренними датировками процесса работы: от 6 июня до 13 сентября 1819 г.

Копия (РНБ, оп. 1, №26, л. 41)—авторизованная; переписаны ст. 1–46, с датой: «6 июня 1819 г.»

Впервые: СО. 1821. Ч. 67. №1. С. 21–31 (ст. 1–344); С 8. Т. 2. С. 505 (ст. 344–452) с заглавием: «29 июля. Я должен вашему величеству признаться...»; ПМЖ. Вып. 9. Томск, 1983. С. 56–60 (ст. 453–639). Публикация Н. Вётшевой и В. Костина.

Печатается по текстам первых публикаций, со сверкой по автографу. Датируется: 6 июня—13 сентября 1819 г.

Первый отчет о луне в процессе трехмесячной работы с авторскими датировками и двумя «Post-scriptum», аМН настолько разросся, что утратил привычную жанровую форму послания. Жуковский даже планировал разбить его на две самостоятельные части: во всяком случае, он нумерует начало (№9) «От вашего величества давно», датируя его 6-м июня, и выделяет вторую часть (№ 10) «Я должен вашему величеству признаться», датируя ее 29-м июля. В таком виде послание существует в списке из 12 павловских стихотворений (см. преамбулу к «Павловским стихотворениям»). В альбоме С. А. Самойловой эти два фрагмента также числятся отдельно: № 19—«Послание к Императрице Марии Федоровне» (Государыне Императрице Марии

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh Федоровне первый отчет о луне) и №20–«Послание к Императрице Марии Федоровне. 29 июля» (см.: Кульман. С. 1086)¹

Экспериментальный характер послания, неустойчивость жанра, его фрагментарность привели к самостоятельному существованию «отрывка», получившего заглавие «Невыразимое» (см. примеч. к этому стихотворению), и даже к такому феноменальному образованию, как включение прозаического конспекта исторической поэмы (об этом см.: Вётшева Н. Ж., Костин В. М. Неосуществленный замысел В. А. Жуковского «Родрик и Изора» // ПМИЖ. Вып. 9. Томск, 1983. С. 42–63) и ее стихотворного наброска (около 150-ти стихов).

Тем не менее «Отчет» так и остался незавершенным, хотя сохранился план его продолжения (РНБ, оп. 1, №29, л. 22 об.; №78, л. 33–33 об.). Фрагментарность не препятствует атмосфере эстетического, натурфилософского самоопределения, созданию большого элегического контекста и сложно организованного авторского стихотворного повествования.

Необычность, потенциальная открытость и незавершенность послания отчетливо осознавались самим Жуковским и его друзьями и оценивались по-разному. «Рапорт государыне о павловской луне, в шутовском тоне, – прекрасный, но лучшие стихи выпустил, опасаясь длинностей», – писал А. И. Тургенев к П. А. Вяземскому от 23 июля 1819 г. (ОА. Т. I. С. 271). Очевидно, что здесь речь идет о первой части послания, написанной до 29 июля и выделенной в целое. 5 августа 1819 г. Тургенев в письме к Вяземскому сообщает: «Пудра не запылила души его, и деятельность его, кажется, начинает воскресать. Посылаю болтовню его о луне и солнце» (Там же. С. 280). А. И. Тургенев пересылает Вяземскому вторую часть послания, датированную 29 июля.

Сам Жуковский, осознавая незавершенность «отчета», просил Тургенева в письме от 2 октября 1819 г.: «Пачканья о луне не печатай особенно» (ПЖТ. С. 192). По всей вероятности, после отъезда Жуковского за границу А. И. Тургенев дал в печать только первую часть послания (см.: СО. 1821. Ч. 67. № 1). Впоследствии В. К. Кюхельбекер, штудируя в ссылке журнал СО и наткнувшись на эту публикацию, точно определил художественную природу этого произведения, назвав послание «мозаической работой: но в этой мозаике есть и чистое золото» (Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 275).

Организирующим началом послания «Государыне Императрице Марии Федоровне» является не только задание «о Павловской луне представить донесенье», но сама поэтическая топография Павловского парка, что продолжает традицию панорамной элегии «Славянка». Жуковский стремится к точности реалий в небольших планах-перечислениях на полях, в поэтическом тексте насыщая их романтическими ассоциациями и символикой. «Дворец в зареве. Храм. Семейственная роща, дряхлая ива. Мост. Памятник Александре Павл. (овне). Павильон Елизаветы. Каскад. Площадка. Деревня. Река (...) Павильон. Ферма, Развалины. Предание» – эти реалии с той или иной степенью конкретизации представлены в поэтическом тексте.

По всей вероятности, Жуковский ощущал неудовлетворенность в исполнении заказа императрицы – дать отчет о павловской луне. Именно поэтому следующим летом 1820 г. он и напишет свой «Подробный отчет о луне». Но в творческой эволюции поэта его послание «Государыне Императрице Марии Федоровне» стало этапным. Это был путь к созданию новой поэтической структуры, своеобразного поэтического метатекста (об этом см.: Строганов М. В. «Луна во вкусе Жуковского», или поэтический текст как метатекст // НЛО. 1998. № 32. С. 133–135).

Ст. 86. И ярким заревом осыпанный дворец... – «Дворец, задуманный как загородная резиденция наследника престола, замечательно сочетает в своем облике тип итальянской палладианской виллы, увенчанной куполом, с традиционным приемом русской загородной усадьбы» (Мудров Ю. Павловск: Дворец и парк. СПб., 1996. С. 3). Жуковский совершенно точно воспроизводит местонахождение лирического субъекта и ракурс – это долина реки Славянки.

Ст. 94–98. Когда на падший храм, прорезав ткань листов ~ По камням прядают и гаснут на лету... – Речь идет о «колоннаде Аполлона» (архитектор Ч. Камерон). Первоначально это был «Храм Аполлона», возведенный в виде двойного кольца дорических колонн со статуей внутри (копия Аполлона Бельведерского). Во время одной из гроз часть колонн, обращенных к реке, разрушилась так, что теперь это полукольцо, а разрушение имитировало любимую в садах романтизма ориентацию на «руины», специальную стилизацию пострадавших от времени сооружений.

Ст. 100–101. Когда идем рекой вдоль Красная долины, II Так названной за красотою... – Красная долина находится довольно далеко от дворца и колоннады Аполлона; поэтому «точки зрения» условно расположены в пространстве и времени.

Ст. 123–125. Там светится в кустах полусократый храм ~ Раскинувшись, чернеет... – Возможно, речь идет о Храме Славы, упоминаемом в плане, не сохранившемся. Тень молодых берез – Семейственная роща, в которой деревья высаживались самой царской семьей в честь новорожденных и бракосочетания,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

причем на каждом дереве укреплялась табличка, в память о ком оно было посажено. Мемо-риал не сохранился: теперь о Семейственной роще напоминает только покосившийся пьедестал Урны судьбы.

Ст. 126. Л там у башни...– Речь идет о Пиль-башне, расположенной в пейзаж-ной части парка, в которой доминируют извилистые берега Славянки.

Ст. 128–165. Но место есть... ~ Слетаются к мечте...– Описание памятника великой княгине Александре Павловне (см. примеч. к стихотворению «Славян-ка»). Летом 1814 г. на перспективе одной из двенадцати дорожек, в садике, где любила играть рожденная в Павловске великая княгиня Александра Павловна, был установлен монумент работы И. П. Мартоса: «На круглом, прекрасно полиро-ванном коричневом гранитном пьедестале, как аккорд неземной духовной чисто-ты, воспринимается скульптурная группа: молодая прекрасная женщина, подняв лицо к небесам, устремляется ввысь, в иной мир. И тщетно пытается Гений жи-з-ни удержать ее на земле» (Несин В., Сауткина Г. Павловск императорский и вели-кокняжеский. СПб., 1996. С. 116).

Ст. 173–178. Сей павильон уединенный ~ Долина блещет перед ним...– Елизаветин павильон, который находился в районе Красной долины и был построен для Елизаветы Алексеевны, жены Александра Павловича в 1799–1800 гг. (архитектор Ч. Камерон). Павильон был четырехугольным с необычным декором всех четы-рех фасадов: «С одной стороны–античный перистиль, с другой–обрубки ко-лонн; над третьим–лестница, ведущая на плоскую кровлю; над четвертым – простой навес (...). Вид с кровли очень хорош: прямо–Славянка, для которой, во избежание весенних разливов ложе углублено и прорыто совершенно по пря-мой линии, вдоль зеленеющей долины лугов; с одной стороны вид на долину, с другой – на совершенно новый, весьма изящный каменный мост, и, наконец, на плотину, из-под которой с шумом и плеском стремится каскад» (Семевский И. М. Павловск. СПб., 1877. С. 49).

Ст. 205. Каскад дымится и шумит...– В Павловском парке было несколько ис-кусственных каскадов, один из них – возле Елизаветина павильона.

Ст. 235–251. Не благотворная ль царица ~ Не покидай родных небес!–Имеется в виду императрица Мария Федоровна, которая любила Павловск «как свое созда-ние. Там она проживала шесть месяцев, окруженная своими детьми и избранным кругом общества» (Хилкова Е. Г. Воспоминания об императрице Марии Федоров-не // РА. 1873. № 7. Стб. 1130).

Ст. 295. На крепости пробило час!..– Возможно, крепость Бип (Мариенталь), по-строенная для Павла I по всем правилам военно-инженерного искусства.

Ст. 348. На ферме ждали мы и не могли дожждаться!..– Ферма–любимое место Марии Федоровны. В специальном альбоме, хранящемся там, императрица дела-ла записи: «Снова вижу мою милую ферму 24 сего мая 1810 г. во вторник, с тем же чувством удовольствия, которое ощущаю каждый раз, бывая здесь...» (цит. по: Януш Б. В. Неизвестный Павловск. СПб., 1997. С. 146).

Ст. 377–392. Зато замену мы нашли ~ Их животворное влиянье!..– Речь идет о стихотворении Ю. А. Неледи некоего-Мелецкого «В Павловской ферме. 1810 г.», с подзаголовком: «Велено было написать на сиявшую тогда луну» (Сочинения Не-лединского-Мелецкого. СПб., 1850. С. 85–86). На это впервые указал П. А. Ефре-мов (С 7. Т. 2. С. 552). Подробнее см.: Строганов М. В. Указ. соч. С. 133–135.

Ст. 407. Как жаль, что наш Анакреон...– Имеется в виду поэт и государствен-ный деятель Ю. А. Нелединский-Мелецкий (1752–1829). Он был ближайшим со-трудником императрицы Марии Федоровны в ее просветительско-благотвори-тельной деятельности.

Ст. 443. Но Ливии Севера помог...– Метафорическое указание на Н. М. Карамзи-на, который в Предисловии к своей «Истории государства Российского» говорил, что «Ливии, пользуясь им [правом „вымышлять речи согласно с характером лю-дей“], обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений», и до-бавлял: «Никто не превзошел Ливия в красоте повествования».

Ст. 451–452. ...я сделал перевод II Старинного рукописанья...–Далее Жуковский, рассказывая историю Герсики, Родрика и Изоры, прибегает к характерному при-ему мистификации. Этот прием по-разному использовался на Западе Макферсо-ном, Чаттертоном, Ганкой и др., в России–А. С. Сулакадзевым, М. Н. Муравье-вым, Н. М. Карамзиным (при издании «Марфы Посадницы»),

Ст. 455. Была Герсика, город славный...– Речь идет о небольшом русском кня-жестве, сведения о судьбе которого Жуковский почерпнул из 3-го тома «Исто-рии государства Российского» Н. М. Карамзина, на что прямо указано в тексте (ст. 500–504: «Вот все, что верный Клии сын, // Наш вдохновенный Карамзин // О разорении Герсики // И о судьбе ее владыки // Нашел в преданьи для меня!..»). Ср. «Сей князь [Всеволод], женатый на дочери одного знатного литовца, господ-ствовал в Герсике (нынешнем Крейцбурге): он делал много зла не только Нем-цам, но и Россиянам» (Карамзин Н. М. История государства Российского. М.,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
1991. Т. 2–3. С. 433–434).

Ст. 510–513. Открыл я то, что утаила II От любопытных старина... – В истории Карамзина...–Далее Жуковский делает попытку создать поэтическую версию истории Герсики. О планах и замысле поэмы «Родриг и Изора» см.: ПМИЖ. Вып. 9. С. 42–63.

Н. Вётшева

«Хотя по-русски я умею...»

(С. 173)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, №26, л. 98 –черновой.

2) ПД. № 22728, л. 67 об–беловой, в альбоме А. А. Воейковой. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 63 (ст. 1–16); ПСС. Т. 11. С. 133–134 (с пропуском ст. 24 и без трех заключительных стихов: ст. 27–29)–по автографу № 1. Впервые полностью: Соловьев. Т. 2. С. 126–127 – по автографу № 2. Печатается по тексту публикации Н. В. Соловьева, со сверкой по автографу. Датируется: июль–сентябрь 1819 г.

Датировка предположительная. В пайке, озаглавленной рукою Жуковского:

«Сочинения», черновой автограф стихотворения «Хотя по-русски я умею...» непосредственно соседствует с автографами павловских стихотворений «О дивной розе без шипов...» (л. 94; 14 сентября 1819 г.), «Циркулярное послание к чувствительным сердцам...» (л. 95–95 об.; июль 1819 г.) и «С того света» (л. 97; июль–сентябрь 1819 г.). См. примеч. к этим стихотворениям.

Все четыре текста записаны на идентичных листах бумаги, с водяным знаком: «1819». На обороте л. 98, содержащего черновой автограф стихотворения «Хотя по-русски я умею...», наброски нескольких стихов «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди». Хотя сама баллада написана долбинской осенью 1814 г., во второй половине 1819 г. Жуковский записал ее в альбом графини С. А. Самойловой. Поскольку автограф в альбоме содержит разночтения с первоначальным текстом, не исключено, что Жуковский дорабатывает текст в процессе переписывания его в альбом (см.: Кульман. С. 1086, 1124–1126).

Наконец, ряд стихов комментируемого текста содержит явные реминисценции со стихотворением «Невыразимое», первоначальный текст которого создавался в июне 1819 г. в составе послания «Государыне Императрице Марии Федоровне» (см. примеч. к стихотворению «Невыразимое» и постишный комментарий).

Все это позволяет отнести стихотворение «Хотя по-русски я умею...» к июлю–сентябрю 1819 г. и предположить, что оно адресовано гр. С. А. Самойловой. Ст. 3–4. ... перевести II Irresistible я не смею...–irresistible – неотразимый, не-преодолимый {фр.}. Возможно, в контексте стихотворения могло приобрести значение невыразимости.

Ст. 8–9. я для него бы выраженье II Свободно в словаре нашел...–Ср. в «Невыразимом»: «кто мог создание в словах пересоздать? // Невыразимое подвластно ль выразенью?»; «И есть слова для их блестящей красоты».

Ст. 13–16. Здесь муза робкая моя ~ Иль слишком станет говорить!..– В черновом автографе следующие разночтения: «Нет! Муза робкая моя II Здесь не поможет, как бывало!..»; «Иль станет слишком говорить...» Ср. также в стихотворении «Невыразимое»: в черновой рукописи (РНБ, он. 1, №29, л. 10 об.–11) сохранились два заключительных стиха, связывающие фрагмент «Невыразимое» с основным текстом послания «Государыне Императрице Марии Федоровне»: «Но вдохновение опять заговорило, // И Муза пылкая забыла свой отчет!»

Ст. 19. что самому тихонько ясно...–Ср. в черновом автографе: «что как-то тихомолком ясно».

О. Лебедева

«О дивной розе без шипов...»

(С. 174)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, №26, л. 94–беловой (ст. 1–24), на бумаге с водяным знаком: «1819».

2) РГАЛИ, он. 1, № 1, л. 1–беловой, с заглавием: «В альбом Ими. Марии Федоровны».

Копия (ПД. Лицейский архив Я. К. Грота, № 12)–рукою В. К. Кюхельбеке-ра, с примечанием: «С подлинника из альбома Розового павильона Императрицы Марии Федоровны» и датой: «Сентября 14 дня».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 62 (ст. 1–4).

Впервые полностью: Стихотворения. Т. 2. С. 253.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 14 сентября 1819 г.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

В дневниках поэта две записи от 13 и 14 сентября взаимосвязаны: «13. Приезд государ. (ыни). Начало поэмы. (...); 14. Стихи (...)» (Дневники. С. 71). По всей вероятности, стихотворение, посвященное ими Марии Федоровне и вписанное в ее альбом, первоначально осмыслялось как «начало поэмы».

Стихотворение разрабатывает традиционную тему «розы без шипов». В религиозной (католической) и мистической традиции символика розы многозначна: гармония мироздания, атрибуты Иисуса и святых, церковь (подробнее см.: Веселовский А. Н. Из поэтики розы // Его же. Избранные статьи. Л., 1939. С. 132–133). «Роза без шипов» и обозначает раннехристианское состояние мира до грехопадения, являясь символом девы Марии. Опираясь на эти общекультурные ассоциации, Жуковский создает свою концепцию этого символа, оживотворяя его реальными впечатлениями павловского бытия.

В стихотворении Жуковского усматриваются тесные ассоциативные связи с Розовым павильоном в Павловске и восприятием императрицы Марии Федоровны как благодетельницы и покровительницы искусств и художников.

Своеобразным промежуточным звеном в движении замысла Жуковского от литературно-культурной традиции к жизнотворчеству становится так называемая «Александрова дача» под Павловском, созданная Екатериной II для внука как иллюстрация собственной нравоучительной «Сказки о царевиче Хлоре» (1781), в основе которой восхождение царевича Хлора через поиски «розы без шипов» и связанные с этим странствия, искушения и заблуждения к истине: «... и разнесся повсюду слух, что царевич Хлор сыскал в таких молодых летах розу без шипов, которая не колется» (Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 126).

«Александрова дача» как бы вводила эти образы нравоучительной сказки в жизнь: «... дорога подводила к холму с крутыми скатами, на вершине которого стоял Храм Розы без шипов—смысловый центр художественного ансамбля (архитектор Ч. Камерон) (...). Внутри Храма находился пьедестал с мраморной вазой, в которой стояла выполненная из золоченой бронзы роза без шипов» (Несин В., Сауткина Г. Павловск императорский и великокняжеский. СПб., 1996. С. 29, 31–32).

Розовый павильон, построенный по проекту А. Н. Воронихина и напоминавший Малый Трианон французской королевы Марии-Антуанетты, был излюбленным местом музицирования и литературных чтений. Частыми гостями здесь были Карамзин, Крылов, Плещеев, Жуковский. Павильон обязан своим названием общекультурной традиции и символике розы. Основные детали интерьера (розовые гирлянды искусственных роз, вышитые по канве розы, украшающие мебель), а также высаженные вокруг павильона тысячи кустов роз вполне соответствовали этой цели.

После победы в Отечественной войне именно Розовый павильон стал местом встречи и триумфального чествования императора Александра I. После окончания праздника павильон долгое время хранил особую атмосферу: «... Тут есть не-большая русская библиотека; поставлено фортепьяно, и каждый раз кладутся новейшие журналы и ведомости, на особом столе, для проходящих (...). Государыня позволяет каждому, кто бы он ни был, излить тут чувства и мысли свои на бумагу» (Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 40). Вписав свое стихотворение в альбом Розового павильона, Жуковский не просто исполнил ритуал, но и дал новое понимание общекультурного символа.

Ст. 1–2. О дивной розе без шипов II давно твердят в стихах прозе...— Ц. С. Вольпе справедливо связывает традицию такой обработки сюжета с немецкими романтиками «мистического крыла» и указывает, в частности, на «Голубой цветок» Новалиса и «Романсы о розах» К. Брентано (Стихотворения. Т. 2. С. 528). Но, вероятно, не менее значима была для Жуковского русская традиция—«Сказка о царевиче Хлоре» Екатерины II (проза) и восходящая к ней ода Г. Р. Державина «Фелица» (стихи). Мотив добродетели, развивающийся в них, имел принципиальное значение для этико-философской системы взглядов Жуковского.

Н. Ветшева, А. Янушкевич

С того света

(«Он прав, наш Вяземский! Я думал, что он льстец!..») (С. 175)

Автограф (РНБ, он. 1, №26, л. 96)—беловой. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 62 (ст. 1–4). Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 133.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: июль–сентябрь 1819 г.

Датировка предположительная. В папке, озаглавленной рукой Жуковского: «Сочинения», автографу стихотворения «С того света» предшествуют неполный беловой автограф стихотворения «О дивной розе без шипов...» (датируется 14 сентября 1819 г.) и автограф «Циркулярного послания к чувствительным сердцам...» (июль 1819 г.). См. примеч. к этим стихотворениям. Все три текста написаны на листах одинаковой бумаги с водяным знаком: «1819». Это позволяет считать, что все три текста были созданы приблизительно в одно время.

Стихотворение «С того света» посвящено княгине С. А. Шаховской (урожд. гр. Мусиной-Пушкиной; 1792–1870), дочери известного собирателя автографов и первооткрывателя текста «Слова о полку Игореве» А. И. Мусина-Пушкина (1744–1817), с семейством которого Жуковский особенно сблизился во время пребывания в Москве в первой половине 1818 г. В дом Мусиных-Пушкиных Жуковский ввел Вяземский, называвший Е. А. Мусину-Пушкину (вдову археолога) и его дочерей «Разгуляевскими графинями» (но месту жительства семьи – в собственном доме на Разгуляе; ср. стихотворение Вяземского «Разгуляевскому обществу, которое гуляет на чужой счет» // Вяземский П. А. Поли. собр. соч. СПб., 1880. т. 3. с. 26). После отъезда П. А. Вяземского на службу в Варшаву Жуковский часто навещал семейство Мусиных-Пушкиных. 17 апреля 1818 г. Жуковский сообщает Вяземскому: «... я иногда доезжаю до милых Пушкиных, которым я читал твои письма и которые помнят тебя памятью сердца. Для Софьи [княгини Шаховской.–О. А.] переписываю твое Послание к халату (...). К нему будут приложены следующие стихи: Он прав! Не знавши вас, для вас я и об вас Писал в пророческом, веселом вдохновенье; Что Муза мне танком шептала в сновиденье, То вслух пересказал его приятный глас. Но, шаг ему отдав в уме и дарованье, Счастливейшим себя я смело назову: Он видит вас теперь в одном воспоминанье, Л я вас вижу наяву».

(РА. 1896. т. 3. с. 206).

Этот мадригальный экспромт Жуковского, не учтенный ни в одном собрании сочинений поэта, представляет собой реминисценцию стихотворения П. А. Вяземского «К княгине Шаховской при посылке стихотворений Жуковского» (впервые: со. 1816. ч. 29. с. 108). Ср.:

Не зря вас, он был ваш мечтательный свидетель, Не зная вас, писал для вас он и об вас. Могуществом мечты в волшебном сновиденье Поэт вас угадал. (...)

Пускай и в наши дни, из роз и лавров свитый, Венец приосенит Жуковского главу: Счастливее его, но мене знаменитый, Вас вижу наяву.

(Вяземский П. А. Поли. собр. соч.

СПб., 1880. т. 3. с. 111)

Реминисценции из этого стихотворения Вяземского, автограф которого сохранился в архиве Жуковского, присутствуют и в стихотворении Жуковского «Ирине Дмитриевне Полторацкой» («Певцом невинности, любви и красоты...»). См. примеч. к этому стихотворению.

Ст. 1. Он прав, наш Вяземский! Я думал, что он льстец!., – Реминисценция первого стиха вышеприведенного экспромта: «Он прав! Не знавши вас, для вас я и об вас...»

Ст. 2. Я в истине его катреня сомневался!., – Имеется в виду четверостишие П. А. Вяземского, обращенное к С. А. Шаховской (впервые: Амфион. 1815. №6. с. 115):

Ты тьму различностей в себе соединяешь: Как ангел, хороша, как дух нас мучишь злой, Ты именем своим очу уюс та вещаешь И до безумия пленяешь красотой.

(Вяземский П. А. Поли. собр. соч. СПб., 1880. т. 3. с. 64).

Ст. 6. Чтоб подле мудрости свой ум не погубить... – Каламбурное обыгрывание имени адресата–Софья. Ср. ст. 3 вышеприведенного катрена.

О. Лебедева

Графине С. А. Самойловой I

«Напрасно я мечтою льстил...»

(с. 175)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, №29, л. 25 об.– 26–черновой, без заглавия, с датой: «17 сентября», под № 4, с подсчетом стихов: «68».

2) РНБ, ф. 391 (Краевский А. А.), №28, л. 4–4 об.–беловой, с несколькими поправками, с датой: «17 сентября 1819. Павловск».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 78–78 об.) –рукою В. И. Губарева. При жизни Жуковского не печаталось.

Первые: Кульман. С. 1090–1092–с датой: «17 сентября», вынесенной в заглавие. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 17 сентября 1819 г.

На конверте (автограф № 2), куда вложен листок с текстом стихотворения, рукою А. А. Краевского сделана надпись: «Взяты из альбома Елены Александровны Захаржевской, которая взяла их у сестры своей Софьи Александровны Бобринской». 17 сентября 1819 г., в день ангела С. А. Самойловой, Жуковский хотел преподнести ей альбом, который подарил позже (см.: Кульман. С. 1103). В дневнике под 17 сентября сохранилась запись: «Стихи. Завтрак на ферме: рябина, разговор о велик.(ой) княгине (...). Вечер у Бобринской. Разговор о стихах: c'est touchant [это трогательно.–фр.]* Головная боль и танцы» (Дневники. С. 72). Это стихотворение в определенной степени является стихотворным выражением любимых мыслей Жуковского («философия фонаря»), изложенных им еще в 1814 г. в письмах М. А. Протасовой и варьирующихся в дневниках и записях в альбом графини

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Самойловой. Ср.: «Я когда-то сказал: счастье жизни состоит не из отдельных наслаждений, но из наслаждений с воспоминанием, и эти наслаждения сравнил я с фонарями, зажженными ночью на улице: они разделены промежутка-ми, но эти промежутки освещены и вся улица светла, хотя не вся составлена из света. Так и счастье жизни! Наслаждение–фонарь, зажженный на дороге жизни; воспоминание–свет, а счастье–ряд этих фонарей, этих прекрасных, светлых воспоминаний, которые всю жизнь озаряют» (Кульман. С. 1081). В дневниках Жуковской фиксирует эту запись в альбом Самойловой под 29 августа 1819г.: «Поут-ру альбом Самойловой» (Дневники. С. 69). Ср. ст. 59–62:

О, ваше сердце верно встретит Прямую прелесть жизни сей, И ряд веселых фонарей Дорогу вашу всю осветит.

В альбоме, поднесенном позже, куда поэт вписывал в определенной последовательности свои произведения и мысли, он подробным образом комментирует свой подарок. Альбом в 16-ю долю листа с золоченым обрезом, в роскошном кожаном переплете, на корешке которого напечатано: «Glaube, Liebe, Hoffnung» [ве-ра, любовь, надежда.–нем.]. Надпись восходит к заглавию одноименной книги немецкого теолога и проповедника Иоанна Генриха Бернгардта Дрезеке (Drase-ke; 1774–1849), которой увлекался Жуковский (см.: Веселовский. С. 198).

Под датой: «17 сентября 1819» он пишет: «Вы позволили мне сделать вам по-дарок в день вашего Ангела» и далее разъясняет предназначение «белой книги» для выписок и комментариев, которые надлежит сделать самой С. А. Самойловой (см.: Кульман. С. 1103–1113).

Ст. 55. Прекрасного в сем мире нет...– Этот стих предвосхищает размышление Жуковского о прекрасном, почерпнутое им из Ж.-Ж. Руссо: «Прекрасно только то, чего нет!» Ср. дневниковую запись от 4(16) января 1821 г. (Дневники. С. 101).

Н. Вётшева

II

«Вчера я вас не убедил...»

(С. 177)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 27 об.– 29 об.– черновой, без заглавия, с датой: «5 ок-тября», под № 5.

2) РНБ, ф. 391 (Краевский А. А.), №28, л. 5–6 об.–беловой, без заглавия, без даты.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 79–80 об.)–рукою В. И. Губарева. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Кульман. С. 1092–1096–с датой вместо заглавия: «5 октября. Гат-чино». Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 5 октября 1819 г.

Как следует из текста стихотворения, адресованного гр. С. А. Самойловой, 4 октября у Жуковского состоялся разговор с нею, содержание которого раскры-вается в стихотворении: заступничество за барона Черкасова, «обкурившего аль-бом» графини дымом и вынужденного переписать его, и просьба: «не требовать оригинала».

Ст. 32. Черкасов встретился со мной...– Вероятно, речь идет о поручике Измай-ловского полка Петре Ивановиче Черкасове (1796–1867), сыне барона И. П. Чер-касова, белевского соседа Жуковского. Поэт хорошо знал его с детства и с симпа-тией относился к нему (см. примеч. к стихотворению «В альбом П. И. Черкасову» в т. 1 наст. изд.).

Н. Вётшева

«Взошла заря. Дыханием приятным...»

(С. 180)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 30)–беловой, без заглавия, с датой: «27 но-ября». При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1873. Стб. 1703–1704. Публикация К. С. Сербиновича–с про-извольным заглавием: «Утро на горе».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 27 ноября 1819 г.

Стихотворение «Взошла заря. Дыханием приятным...» представляет собой пе-ревод первых двух строф стихотворения И. В. Гёте «Zueignung» («Посвящение»; в подлиннике–14 строф), написанного в 1784 г. как вступление к поэме «Тайны» («Die Geheimnisse»), но позже печатаемого Гёте в качестве поэтического посвяще-ния к собраниям своих произведений и ставшего своеобразным эстетическим ма-нифестом немецкого поэта.

Как отметил И. Ю. Виницкий, в собраниях сочинений Жуковского этот пере-вод «обычно квалифицируется как незаконченный. Между тем, в рукописи стихо-творение отчеркнуто как завершенное и датировано 27 ноября». На этом основа-нии исследователь сделал вывод о «сознательной незавершенности перевода» и его

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
«принципиальной законченности и оригинальности» (Виницкий И. Ю. Утехи
меланхолии // Ученые записки Московского культурологического лицея № 1310. Сер.
Филология. Вып. 2. М., 1997. С. 260–276. Курсив автора).

Стихотворение завершает собой ряд поэтических манифестов Жуковского 1819 г.,
таких как «На кончину Ея Величества королевы Виртембергской», «Цвет завета», «К
мимопролетевшему знакомому Гению», «Невыразимое», из которых два первые написаны
так же, как и стихотворение «Взошла заря...», октавами (см.: Жирмунский. С. 84).
Реминисцентная близость стихотворения «Взошла заря...» с оригинальными
эстетическими манифестами Жуковского 1819 г. сказалась в ряде лексических
новаций перевода по сравнению с подлинником. Жуковский насыщает свой перевод
такими лейтмотивными в его лирике поэтизмами, как «гений светлокрылый» (ст. 7; у
Гёте: «Der junge Tag erhob sich mit Entzucken» – «юный день настал в
восхищении»); «жизнью всё живому сердцу было» (ст. 8; у Гёте: «Und alles war
erquickt, mich zu erquickten» – «и всё было освежено, чтобы освежить меня»);
туманная «пелена» (ст. 14; у Гёте: «ein trüber Flor» – «мрачный флёр»). Ср.
мотивы Гения в стихотворениях «Цвет завета» («И к нам тогда, как Гений,
прилетала...») и «К мимопролетевшему знакомому Гению», жизни души в жизни
природы («От-жившее нам снова оживало...», «Природа вся с душою говорила...» –
«Цвет завета») и покрывала, занавеса, завесы: «Задержнулось за нею
покрывало...», «Опущена завеса Провиденья...» («На кончину Ея Величества
королевы Виртембергской»). Сопоставление перевода с оригиналом см.: Kahlenborn
Ulrike. Goethes Lyrik in russischen Übersetzungen: W. A. Zukovskij und F. I.
Tutcev als bedeutendste Goethe – Übersetzer der russischen Romantik. München,
1985. S. 160–162.

История рецепции этого текста Гёте от Андрея Тургенева (1801) через Жуковского
(1819) к Блоку и Пастернаку (1920) – история постижения символической поэтики
Жуковского и своеобразного мифотворчества по отношению к Гёте (подробнее см.:
Виницкий И. Ю. Указ соч. С. 244–288). «Жуковский „вычитывает“ из него свое...»
(Там же. С. 287), но в этом «своем» – целый этап эстетического развития
Жуковского 1815–1824 гг., «эпохи его романтических манифестов» (подробнее см.:
Янушкевич. Гл. 3. С. 139–149).

О. Лебедева

Путешественник и поселанка
(«Благослови Господь...») (С. 181)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 32–33) – черновой, с заглавием: «Путешественник» и
датой: «29 ноября».

Впервые: СО. 1823. Ч. 83. №8. С. 27–33 – с заглавием: «Путешественник (из Гёте)» и
подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: СЗ–5 – с заглавием: «Путешественник и поселанка» и
указанием на источник перевода: «Из Гёте» (в СЗ–4 – отдел «Смесь»; в СЗ–5 отнесено
к 1821 г.).

Датируется: 29 ноября 1819 г.

Перевод стихотворения И. В. Гёте «Der Wanderer» («Странник»). Первый вариант
заглавия более близок к названию подлинника; вероятной причиной перемены
заглавия могло послужить то обстоятельство, что в 1809 г. Жуковский перевел
стихотворение Ф. Шиллера «Der Pilgrim», озаглавив его «Путешественник» (см.
примеч. в т. 1. наст. издания).

Стихотворение Гёте «Der Wanderer*» известно в русской литературе начиная с 1800
г.: до того как к нему обратился Жуковский, были опубликованы два прозаических
перевода этого стихотворения: «Художник и крестьянка. Идиллия. Из Гёте»,
перевод К. Ф. С. (Иниокрена. 1800. 4.6. С. 513–521; переводчик – Федор Сибирский)
и «Художник и поселанка: Сочинение славного Гёте» – анонимный (ВЕ. 1814. Ч. 76. №
13. С. 3–8). Историю рецепции стихотворения Гёте см.: Жирмунский. С. 67–68.
Переводу Жуковского посвятил специальную рецензию П. А. Плетнев (Журнал изящных
искусств. 1825. Ч. 1. С. 126–141). Разбор его в основном относится к
достоинствам стихотворения Гёте, воспринятого «как патриархальная идиллия в
сентиментальном стиле» (Жирмунский. С. 68): «противоположность между восторгами
путешественника при виде всего прекрасного и спокойствием ничего не знающей
поселанки самая разительная, но она не рождает ничего неприятного. У поселанки
есть своя поэзия (...), таким образом, стихотворец, изображая свою главную
мысль, окружает ее другими прекрасными понятиями» (С. 139). Перевод Жуковского
без упоминания имени переводчика оценен следующим образом: «Чистота слога,
верность и красота выражений, истинно поэтические обороты и необыкновенная
краткость, несколько не потемняющая смысла, но придающая особенную силу мыслям,
составляют отличительное достоинство языка рассматриваемого нами произведения»
(С. 139–140).

Ст. 94–95. Исполненный небесного здоровья. II Ты, на святых остатках... – К этим
стихам при первой публикации было сделано примечание, не подписанное ни

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu Жуковским, ни издателем, но, возможно, принадлежавшее самому поэту, поскольку в нем речь идет о технике перевода: «Буквальный перевод слов подлинника: himmlische Gesundheit и Reste heiliger Vergangenheit. В слоге лирическом гипер-болы и смелые выражения встречаются чаще, чем в прозаических произведениях» (СО. 1823. Ч. 83. № 8. С. 31).

О. Лебедева

Призвание

(«В робком сердце ожиданье...») (С. 187)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, ф. 550, оп. НИ. Q. XIV. 153, л. 18–18 об.)—рукою М. Н. Дириной, с заглавием: «Призвание».

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: ИОРЯС. СПб., 1911. Т. XVI. Кн. 2. С. 32–33. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: 1816–не позднее 1819 г.

Более точно датировать текст стихотворения не представляется возможным. И. А. Бычков при первой публикации атрибутировал тексты стихотворений «Призвание» и «Персидская песня» (см. комментарий) Жуковскому на том основании, что в собрании рукописей М. Н. Дириной-Рейц они записаны в одной отдельной тетрадке с двумя известными текстами поэта: «Песня» («Где фиалка, мой цветок...» – в копии М. Н. Дириной оно озаглавлено «Тленность»), написанная в 1815 г., и «Желание» («Озарися, дол туманный...»), созданное в 1811 г. Все четыре текста, переведенные Жуковским из Якоби («Где фиалка, мой цветок...»), Шиллера («Желание»), Вейрауха («Призвание») и Гёте («Персидская песня»), вошли в первый песенный сборник А. Вейрауха, изданный в Дерпте в 1820 г. (об этом см. ниже). Бычков отнес стихотворение «Призвание» «к той же эпохе, ко времени жизни Жуковского в Дерпте, до выхода М. А. Протасовой замуж за И. Ф. Мойера» (ИОРЯС. Т. XVI. Кн. 2. С. 32; описание рукописи см.: Отчет ИПБ за 1902 г. СПб., 1910. С. 188–191)—то есть к 1816–1817 гг. Однако крайнюю дату создания стихотворения отнести к 1819 г. позволяет его своеобразная творческая история.

Как это установлено немецким славистом Х. Эйхштедт, стихотворение «Призвание» является переводом стихотворения А. Вейрауха «Der Junger» («Ученик»), которое вошло в первый песенный сборник Вейрауха «Zwölf deutsche Lieder von Goethe, Schiller, Wetzel und Arndt, in Musik gesetzt (...) Dorpat, 1820» («двенадцать немецких песен Гёте, Шиллера, Ветцеля и Арндта, положенных на музыку (...) Дерпт, 1820»). Подробнее см.: Eichstadt. S. 45.

Стихотворение Вейрауха «Der Junger» открывало этот сборник. М. Г. Салупе-ре приводит сведения о том, что Вейраух заказал специальный гравированный экземпляр сборника с параллельными русскими текстами для Жуковского; сведения эти почерпнуты из неопубликованного письма Вейрауха к Жуковскому от 6 декабря 1819 г.: следовательно, к этому времени перевод стихотворения «Der Junger», выполненный Жуковским, уже существовал (см.: Ж. и русская культура. С. 452). Что же касается начальной даты – 1816 г., то именно к этому году относятся первые документальные свидетельства дружеских отношений Жуковского с Вейраухом: в апреле 1816 г. Жуковский с М. А. Протасовой крестил дочь Вейрауха, а осенью этого же года просил разрешения у А. И. Тургенева представить ему сво-

19 – 295

577

его друга, «человека с необыкновенными дарованиями, поэта в обширном смысле сего слова...» (ПЖТ. С. 162).

Август Генрих фон Вейраух (weyrauch; 1788–1865)—поэт и популярный композитор Прибалтики 1820–1830-х гг., лектор немецкого языка в Дерптском университете в 1819–1820 гг., автор пяти сборников стихотворений немецких поэтов, положенных им на музыку (всего 54 текста), один из ближайших дерптских друзей Жуковского и человек из наиболее близкого семейства Протасовых-Вейрауховых дружеского круга. Возможно, именно Вейрауху принадлежит текст романса «Ночь» («Уже утомившийся день...»), переведенного Жуковским в 1823 г. (см. комментарий). Подробнее о биографии Вейрауха и его отношениях с Жуковским, а также сохранившихся бумагах дерптского поэта-композитора см.: Салупе-ре М. Г. Указ. соч. С. 449–455.

Текст стихотворения «Der Junger», переведенного Жуковским иод заглавием «Призвание», бесспорно принадлежит Вейрауху, поскольку был опубликован под его именем еще в 1809 г. в альманахе «Wega: Ein poetisches Taschenbuch für den Norden / Hrsg. von Ulrich Freiherrn von Schlippenbach. Mitau, 1809» («Вега: Поэтический альманах для Севера / Изд. Ульрих фон Шлиппенбах. Митава, 1809»). Х. Эйхштедт, подробно проанализировавшая перевод Жуковского, сочла перевод соответствующей глубинному смыслу оригинала, отметила метрическую и строфическую адекватность перевода, продиктованную лежащей в основе текста музыкой, и определила общий характер смысловых отступлений от текста оригинала как «перевод пластически-образительной объективности» текста Вейрауха в план

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
«духовно-эмоциональной выразительности» (Eichstadt. S. 46).

Ст. 11. Очи тайный мир узрели... – В этом стихе исправлена явная описка ко-пииста, повторенная И. А. Бычковым при первой публикации: «Они тайный мир узрели...», где личное местоимение 3-го лица никак не согласуется с содержанием текста.

О. Лебедева

Персидская песня

(«Все глядят и все дивятся...») (С. 188)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, ф. 550, он. III. Q. XIV. 153, л. 19) –рукою М. Н. Дириной, с за-главием: «Персидская песня».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ИОРЯС. 1911. Т. XVI. кн. 2. С. 33.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: 1817 – не позднее 1819 г.

Обоснование датировки и атрибуции см. в комментарии к стих. «Призвание» («В робком сердце ожиданье...»), поскольку «Персидская песня» и «Призвание» входят в один и тот же отдельный песенный сборничек из архива М. Н. Дириной-Рейц и напечатаны в одном и том же первом песенном сборнике А. Вейрауха 1820 г., гравированный экземпляр которого с параллельными русскими текстами для Жуковского Вейраух заказал в конце 1819 г.

Стихотворение «Персидская песня», как это удалось установить Х. Эйхштедт, является переводом стихотворения И. В. Гёте «Glückliches Geheimnis» («Счастли-вая тайна»), написанного в 1814 г. и опубликованного под этим же заглавием в «Taschenbuch für Damen auf das Jahr 1817» («Карманная книжка для дам на 1817 г.»). Издание это увидело свет не позднее рождественских праздников 1816 г. (Eichstadt. S. 48–49), что и позволило сузить временные границы создания перевода Жуковского: безусловно, это немецкое издание попало в руки Вейрауха лишь в 1817 г. Позже это же самое стихотворение вошло в третью книгу («книга любви») сборника Гёте «Западно-восточный диван» (1819) иод заглавием: «Geheimnis» («Сокровенное»).

Х. Эйхштедт, подробно проанализировав характер перевода Жуковского, справедливо отметила его формальную и смысловую близость к тексту Гёте при некоторой перестановке стиливых акцентов: «легкий, шуточный тон» стихотворе-ния Гёте Жуковский, по мнению исследовательницы, перевел «в сентименталь-ный стиливой ключ» (Eichstadt. S. 50). Думается, изменение заглавия было связано с обстоятельствами поведения Жуковского после замужества М. А. Протасовой. «Сокровенное» стало просто «Персидской песней»; тем самым снимался автобио-графический подтекст стихотворения.

О. Лебедева

1820

Прощальная песнь воспитанниц Института, при выпуске

(«Подруги! час разлуки наступил...») (С. 189)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 58 об.– 59–черновой, без заглавия.

2) РНБ, оп. 1, № 29, л. 59 об.– 60 об.–беловой, с незначительной правкой. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 10. С. 996–997–с датировкой: «1821 г.»

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: февраль 1820 г.

Среди стихотворений Жуковского сохранилось несколько текстов «на выпус-ки», положенных на музыку и исполнявшихся либо хором, либо в жанре кантаты.

Покровительница и основательница Общества благородных девиц, Смольного и Екатерининского институтов, императрица Мария Федоровна, возможно, способ-ствовала авторскому участию Жуковского в выпускных торжествах. Вполне веро-ятым кажется и влияние в этом же вопросе Ю. А. Нелединского-Мелецкого, чле-на Совета Общества благородных девиц и Екатерининского института, ближай-шего сотрудника Марии Федоровны в ее иросветительско-благотворительной деятельности. Екатерининский институт был основан в 1800 г. на собственные деньги императора Павла I и его супруги императрицы Марии Федоровны. В вос-поминаниях более поздней выпускницы института А. О. Смирновой-Россет вос-производится обычный распорядок дня Марии Федоровны, в котором значитель-ное место уделялось опекаемым ею заведениям: «В институте не делали шагу без ее истинно материнской заботы и любви. Ее деятельность была изумительной. Летом и зимой она вставала в 7 часов, тотчас одевалась, а с 8-ми часов она уже за-нималась с секретарем Вилламовым. Он вел переписку с госпиталем и институ-том» (Смирнова-Россет. С. 148).

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

Стихотворение предположительно датируется 1820 г. на основании периодичности выпусков (1820, 1823, 1826): воспитанницы выпускались каждые три года. Сомнения вызывает положение автографа в рукописи—после массива летних стихов 1820 г., тогда как выпуск обычно бывал в феврале. Сохранилось указание М. М. Сперанского, относящееся к 1823 г., о пении тремя девицами стихов Жуковского, хотя речь идет об исполнении кантаты «Подруги! час разлуки наступил...» Отзыв Сперанского звучит нелестно для Жуковского: «Стихи, жаль, посредственны. Говорят, что он спешил, но как бы он ни спешил, он должен был сделать лучше. Горькое условие великой славы! Тут нет почти ни одной искры тонкого, глубокого чувства, а предмет так к тому удобен. Какая тема: невинность, вступающая в свет!» (На память гр. Сперанского. СПб., 1872. С. 613). По всей вероятности, все-таки песня создавалась к февральскому выпуску 1820 г., но была записана в тетрадь хронологически не по порядку.

Стихотворение подвергалось большой переработке, о чем свидетельствует наличие чернового и белого автографов. В тексте варьируется и разрабатывается мотив выхода в свет из «безопасного приюта», благодарности покровительнице с идеализацией ее образа. Апологетическая оценка благотворительной деятельности императрицы Марии Федоровны А. О. Смирновой-Россет интонационно совпадает с прощальными песнями «на выпуск» и воспроизводит общую атмосферу времени. Вместе с тем многие мотивы и образы этой песни: святого приюта, ангела-хранителя, прекрасного сна, веры в Провиденье и святого Провиденья—вполне вписываются в общий элегический контекст лирики Жуковского 1819–1820 гг.

Н. Вётшева

Близость весны

(«На небе тишина...») (С. 192)

Автограф неизвестен.

Копия (ПД. №9625, л. 26) —рукою А. П. Зонтаг.

Впервые: С 3. Т. 2. С. 250—с заглавием: «Близость весны», в разделе «Смесь».

В прижизненных изданиях: С 3—5—с заглавием: «Близость весны». В С 5 отнесено к 1821 г.

Датируется: весна 1820 г.

Стихотворение «Близость весны» традиционно датировалось комментаторами 1821 г. на том основании, что его текст отнесен в С 5 в подборку стихотворений 1821 г. Н. К. Кульман, описавший альбом гр. С. А. Самойловой, зафиксировал беловой автограф стихотворения под №29 (Кульман. С. 1087) и привел различия с печатным текстом (Там же. С. 1131). Хотя альбом С. А. Самойловой заполнялся не в хронологическом порядке, все записи Жуковского в нем сделаны в промежутке между августом 1819 и июлем 1820 г. (до первого заграничного путешествия поэта и помолвки С. А. Самойловой с гр. А. А. Бобринским осенью 1820 г.). Исходя из этого, стихотворение «Близость весны», явно связанное с определенным временем года, логично отнести к весне 1820 г.—единственной весне в указанном промежутке времени.

Ст. 2–3. Таинственно луна II Сквозь тонкий пар сияет...— Ср. в автографе из альбома С. А. Самойловой: «Сквозь тонкий пар луна II Таинственно сияет» (Кульман. С. 1131).

О. Лебедева

К графине Шуваловой. 20 мая 1820. В исходе 11-го часа ввечеру

(«Уже одиннадцатый час!..») (С. 192)

Автограф (РНБ, оп. 1, №26, л. 97)—беловой, с незначительной правкой. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Кульман. С. 1096–1098—с заглавием: «К графине Шуваловой. 20 мая 1820. В исходе 11-го часа ввечеру».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 20 мая 1820 г.

Стихотворение адресовано Екатерине Петровне Шуваловой, фрейлине императрицы Марии Федоровны, и тематически перекликается с посланием «К графине Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца» (см. примеч. к этому стихотворению).

Н. Вётшева

«Минуту нас она собой пленяла!..»

(С. 193)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 42)—беловой, без заглавия, с датой: «16 июня 1820».

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: С 10. С. 995.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 16 июня 1820 г.

Эпитафия на смерть новорожденной дочери великой княгини Александры Федоровны, последовавшей 10 июня 1820 г., после чего, в связи с расстройством здоровья, Александра Федоровна предпринимает поездку за границу на лечение (см.: Шильдер.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Т. 1. С. 146).

Н. Вётшева

Подробный отчет о луне Послание к Государыне Императрице Марии Федоровне («Хотя и много я стихами...») (С. 194)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 43 об.–47)–беловой, с незначительными исправлениями, без заглавия и с датой: «10 июня 1820».

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 43 об.–47 об.) –ру–кою М. А. Мойер, с заглавием: «Подробный отчет о луне. К Императрице».

Впервые: Отдельное издание с заглавием: «Подробный отчет о луне, пред–ставленный Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне 1820 июня 18, в Павловске». СПб., 1820 (ц. р. 22 июня 1820 г. Цензор Ив. Тимковский) и примечанием автора: «Прекрасная лунная ночь в Павловске пода–ла повод написать это послание. Государыне Императрице угодно было заметить поэту красоту этой ночи, и он, исчислив разные прежде им сделанные описания луны, призна–ется в стихах своих, что ни которая из этих описанных лун не была столь прекрасна, как та, которую в ту ночь освежала Павловские рощи и воды. В. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 3–5 (в С 3–4–отдел «Послания» и да–той: «1820» в С 3). В С 5 среди стихотворений 1821 г., с заглавием: «Подробный отчет о луне. Послание к Государыне Императрице Марии Федоровне» (Т. 4. С. 111–126).

Датируется: 10–18 июня 1820 г.

«Подробный отчет о луне», написанный год спустя после первого, незавер–шенного (см. примеч. к стихотворению «Государыне Императрице Марии Федо–ровне»), представляет собой не просто поэтический каталог собственных лунных пейзажей, но, по мнению одного из исследователей, «метатекст» (НЛО. 1998. № 32. С. 133–146). Ц. С. Вольпе считал, что это послание «дает возможность про–яснить общие принципы поэтики пейзажа в его творчестве» (Стихотворения. Т. 2. С. 498). А. С. Янушкевич говорит о Жуковском в связи с этим посланием как о «носителе идей русской романтической селенологии» (см.: Роль традиции в ли–тературной жизни эпохи: Сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1995. С. 55).

В воспоминаниях А. С. Гангеблова воспроизводится конкретный эпизод, по–служивший поводом к созданию «Отчета»: «В один тихий, ясный вечер, когда встали из–за ужина (а любопытных у дверей уже не было), Мария Федоровна вы–шла на террасу и, полюбовавшись несколько минут луною, велела бывшему при ней камер–пажу А. Ростовцеву вызвать к ней из зала Жуковского. „Не знаете, за–чем?“–спросил Жуковский, поднимаясь с места. „Не знаю наверно,–отвечал тот,– а знаю, что что–то о луне!“ – „Ох уж мне эта луна!“–заметил поэт. Плодом этой довольно долгой созерцательной беседы поэта с царицей был „Подробный отчет о луне“» (РА. 1866. кн. 3. С. 196).

Умение Жуковского писать «по заказу», оставаясь самим собой, вызывало удив–ление друзей–поэтов. «Как можно быть поэтом по заказу? Стихотворцем–так, я понимаю, но чувствовать живо, дать языку такую верность, когда говоришь за другую душу, и еще порфиородную, я постигнуть этого не могу! знаешь ли, что в Жуковском вернейшая примета его чародействия?–Способность, с которою он себя, то есть поэзию переносит во все недоступные места. Для него дворец преоб–разовывается в какую–то святыню, всё скверное очищается перед ним, он говорит помазанным слушателям: „Хорошо, я буду говорить вам, но по–своему“, и эти по–мазанные его слушают» (Из письма П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 7 авгу–ста 1819 г. // ОА. Т. I. С. 284–285).

Конкретный повод (прекрасная лунная ночь в Павловске) и просьба–заказ им–ператрицы (описать эту ночь и луну) определили рождение «Подробного отчета о луне», но эстетическая рефлексия поэта обусловила его органическую связь с эсте–тикой и поэтикой русского романтизма.

Ст. 12–24. Когда с усопшим на коне – Ив тусклом взоре мертвеца...– В этих сти–хах воссоздан лунный пейзаж из баллады «Людмила» (1808).

Ст. 25–35. Когда ж, в санях с Светланой мчался ~ Пришелец из другого света...– Здесь Жуковский рисует картину из баллады «Светлана» (1808–1812).

Ст. 36–53. Я помню: рыцарь Адельстан ~ И цепь волшебную златила.– Имеется в виду баллада «Адельстан» (1813).

Ст. 54–82. Но есть еще челнок у нас ~ Как радость, месяц молодой...–Лунный пейзаж из баллады «Варвик» (1814).

Ст. 83–135. Когда ж невидимая сила ~ Уж не касается луны...– Речь идет о бал–ладе «Вадим» (1817), которая является второй частью «старинной повести» – «Двенадцать спящих дев».

Ст. 136–202. Еще была воспета мною ~ Им обреченных замечал...–Дается пере–ложение пейзажных зарисовок из «Певца во стане русских воинов» (1812). Ст. 141 в нервом отдельном издании был: «Певец, во сне лишь знавший бой».

Оконча–тельный вариант: «Певец, по слуху знавший бой...» более точно дает представле–ние об участии Жуковского в Бородинском сражении.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Ст. 203–214. Еще я много описал... ~ На золоте икон трепещет...–Жуковский
обращается к элегии «Сельское кладбище» (1802).
Ст. 215–224. То вдруг, как в дыме, без лучей ~ Знакомый глас друзей
воздушных...– Воссоздана атмосфера лунного пейзажа из баллады «Эолова арфа»
(1814).
Ст. 225–242. То вдруг на взморье–где волна ~ Забрызжет пеною блестящей...– Речь
идет о послании к графине С. А. Самойловой «Графиня, признаюсь, большой беды в
том нет...» (1819).
Ст. 231–232. Она, в величественный час II Всемирного успокоенья...– Выделен-ные
курсивом, эти стихи являются автореминисценцией из «Невыразимого». Ср.: «Не
часто ли в величественный часII Вечернего земли преображенья...»
Н. Вётшева
5«з
Письмо к А. Г. Хомутовой
(«Благодарю вас всей душою!..») (С. 203)
Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 47 об.–48)–беловой, с небольшими ис-правлениями и
датой: «23 июня».
При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: ОЗ. 1855. Т. 98. № 1. С. 1–4–с заглавием: «К NN» и примечани-ем от
редакции (см. ниже).
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 23
июня 1820 г.
Заглавие: «Письмо к А. Г. Хомутовой» было дано посланию в альбоме гр. С. А.
Са-мойловой, где беловой автограф находился под №39 (см.: Кульман. С. 1087). Так
как это последний по времени из известных автографов послания, то это заглавие
можно считать окончательным.
Адресат послания–Анна Григорьевна Хомутова (1787–1851)–двоюродная сестра И. И.
Козлова, адресат стихотворений Козлова и Лермонтова. Была в дру-жеских
отношениях с Вяземским, Нелединским–Мелецким, Жуковским, А. С. Пуш-киным (см.:
Черейский. С. 479).
В примечании от редакции, предпосланном первой публикации в ОЗ, сообща-лось
следующее: «Получением этого стихотворения мы обязаны любезной
снисхо-дительности Анны Григорьевны Х...Й, к которой они написаны по следующему
случаю. В 1820 году, на вечере у графини Б*** [Бобринской.–Н. В.], Василий
Ан-дреевич Жуковский увидел и просил дать ему прочесть какую-то немецкую книгу,
в которой много говорилось о мертвецах, привидениях, предчувствиях и проч.
Приятельница графини Б***, Анна Григорьевна, бывшая тут, на другой день
на-помнила графине о просьбе Василия Андреевича и, запечатав книгу, надписала на
конверте, вместо адреса, следующие стихи:
Pourquoi to и jours par des fan tomes Voulcz vous effrayez les homines Notre
tencbreiiх enchanteur? II suffit que votre genie Les fasse tons mourir d'envie
Sans les faire mourir de peur.
Жуковский отвечал на них стихами же:
Благодарю вас всей душою, и проч.
Кроме того, имея от кого-то поручение переслать Анне Григорьевне траурную
материю для платья, он прибавил в PS:
Я честь имею вам послать, и проч.
Подлинник этого стихотворения хранится у Анны Григорьевны Х ... Й. Ред.»
Ст. 4–7. Сей мрачный том, сей чемодан ~ И всем, что так пугает нас...– О какой
книге идет речь, установить не удалось.
Ст. 16–19. Я очень рад, что я ваш крестник ~ Мне титул: гробовой прелест-ник...–
Выделенные Жуковским курсивом слова–комментарий–перевод фран-цузского
стихотворения Хомутовой: «Notre tenebreux enchanteur».
Ст. 55. Я Санхе моему сказал...– Ироническое именование своего слуги,
восхо-дящее к герою романа Сервантеса «Дон Кихот»,– Санчо Пансе. В такой
транс-крипции имя этого героя существовало в раннем переводе Жуковского
флориа-новской переделки «Дон Кишота» (1803–1806). Подробнее см.: Багно В. Е.
Жу-ковский– переводчик «Дон Кихота» // Ж. и русская культура. С. 293–311.
Н. Вётшева
«Что радость?–Бабочка вдали, вблизи лягушка...»
(С. 206)
Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 47)–беловой. При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 86–87.
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется:
вторая половина июня 1820 г.
Датировка определяется положением автографа в рукописи: среди павловских
стихотворений, относящихся к июню 1820 г.
Написано для игры на заданные рифмы (буриме). Возможно, было подсказано

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский Zhuковским следующим размышлением П. А. Вяземского из его письма А. И. Тургеневу от 25 октября 1819 г.: «Радость, как бабочка: не та пленительная, которая уселась на цветок, но та, которая из глаз ваших улетает далее и далее. Как часто казалось мне, что только рукою дотронуться до этой радости, и всё назначение Провидения совершится со мною, поймашь, сожмешь в руку, холодом смерти застынет рука, горячая в ожидании, холодный поцелуй фаустовой Feuer Braut отзовется на сердце замирающем и скоропостижно увядающем, как недотрога. Вот строфа для баллады Жуковского: покажи ему» (ОА. Т. I. С. 338–339).

Н. Вётшева

Песня

(«Отымает наши радости...») (С. 206)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 43 – черновой, без заглавия.

2) РГАЛИ, он. 1, № 18, л. 1 об.–беловой, без заглавия.

Впервые: СО. 1822. №15. С. 35–36–с заглавием: «Песня» и подписью: «Ж.» В прижизненных изданиях: СЗ–5 (в СЗ–4–отдел: «Романсы и пес-ни»; в С 5 – в подборке стихотворений 1822 г.). Везде–с заглавием: «Песня». Датируется: июнь 1820 г.

Основанием для датировки является положение чернового автографа в руко-писи–перед «Подробным отчетом о луне» (с датой: «10 июня 1820»). В альбоме С. А. Самойловой беловой автограф стихотворения имеет заглавие: «Песня» и на-ходится под № 37 среди произведений Жуковского марта–июня 1820 г. (см.: Куль-ман. С. 1087).

Перевод стихотворения английского поэта Д. Г. Байрона (1788–1824) «Stan-zas for Music», написанного в марте 1815 г. и опубликованного в 1816 г.

Жуковский не перевел эпиграф на латинском языке, взятый Байроном у Грея, который, в свою очередь, предпослал эти четыре строки своему произведению «The Teag». В русском переводе он звучит так:

Источник слез, глубоко таящийся в сердцах, не чуждых любви! Четырежды блажен, в ком бьет с неизменной силой Чистый твой ключ, всеблагая нимфа

(см.: Зарубежная поэзия. Т. 1. С. 602).

Перевод стихотворения явился следствием увлечения Жуковского Байроном на протяжении всего 1819 г., о чем писал 22 октября 1819 г. А. И. Тургенев к П. А. Вяземскому: «Ты проповедуешь нам Байрона, которого мы всё лето читали. Жуковский им бредит и им питается» (ОА. Т. I. С. 334).

В переводе Жуковского стихотворение Байрона приобрело элегический и песенный характер: заглавие «Стансы для музыки» заменяется «Песней»; пять 4-строчных строф развернуты в пять 8-строчных; вместо 7-стопного ямба жуков-ский использовал 4-стопный хорей с дактилическими окончаниями в нечетных строках, тем самым придав своему тексту песенную ритмику и интонацию.

Жуковский сохранил принцип романтической антитезы Байрона, но при этом смягчил резкость и максимализм байроновских оппозиций: так ст. 1 – «There's not a joy the world can give like that it takes away» («Нет такой радости, какую может дать нам мир в замену той...») переводится фразой с глаголом длительного действия: «Отымает наши радости // Без замены хладный свет...» При переводе Жуков-ский исключает слово «decay» (гниение, разложение); смягчает звучание второй строфы с описанием моря и бури, в которой гибнет челн–аллегория челове-ческой судьбы. Вопросительная интонация придает этой строфе иной смысл: воз-можность надежды на спасение.

Вслед за Байроном Жуковский активно разрабатывает центральные мотивы холода («хладный свет», «охлажденная душа», «охладев к самим бедам», пустыни («пустая глушь», «запустение души», «развалины седые»). Но одновременно рус-ский поэт усиливает элегический слой байроновско-го текста, связанный с темой расцвета, юности, жизни: «зеленые и дико свежие» листья плюща вокруг разру-шенной башни у Жуковского превращены в «лист благоухающий», «плющ игра-ющий».

Последние строки «Стансов для музыки» выдержаны в сослагательной форме.

Жуковский придает им характер мольбы, заклинания: «Оживите сердце вялое, // Дайте жить но старине...» и заканчивает «Песню» словами надежды и утешения, смягчая байроновский скепсис и отчаяние: «Сладко, сладко появление // Ручейка в пустой глуши; // Так и слезы – освежение // Зауистевшая души».

«Песня» Жуковского вызвала критические суждения. Стихотворение, послан-ное Жуковским в Дерпт в начале 1823 г., расстроило своим унылым тоном Машу Протасову. По словам К. К. Зейдлица, «эта элегическая „Песня“ заслужила ему сильный упрек Марии Андреевны Мойер; я знаю это по свидетельству ее самой. Вот как она писала мне: „Что за дивный человек! Его прекрасная душа есть одно из украшений мира Божьего. Зачем только он написал свое последнее стихотво-рение? Стихи его просто дурны. Чем более я перечитываю, тем становлюсь пе-чальнее. Заставьте его испукнуть грех чем-нибудь хорошим“» (Зейдлиц. С. 123).

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Упрек Жуковскому в недостаточной энергии воссоздания байроновского пафоса
позднее высказал В. Г. Белинский: «...неудачно переведена пьеса Байрона (...).
Жуковский дал ей совсем другой смысл и другой колорит, так что байроновского в
ней ничего не осталось, а замененного переводчиком, после даже прозаическо-го,
но верного перевода нельзя читать с удовольствием» (Белинский. Т. 7. С. 208).
Но эти упреки, имевшие разную основу, не учитывали того, что перевод Жу-ковского
из Байрона был органической частью его жизненной философии и ро-мантического
жизнетворчества. Не случайно, это почувствовал Н. В. Гоголь: по точному
замечанию Е. А. Смирновой, «голос Жуковского „звучит“ в тексте 6-й гла-вы поэмы
„Мертвые души“ и «она [„Песня“ Жуковского] несет в себе ту поэтиче-скую идею,
которая „озаряет“ своим светом страшную картину оскудевшей с воз-растом
человеческой души» (Ж. и русская культура. С. 251–252).

Э. Жиликова

Письмо к А. Л. Нарышкину

(«Нарышкин, человек случайный...») (С. 207)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, №29, л. 48–49–черновой, с незначительной правкой, без за-главия,
без даты.

2) РГАЛИ, оп. 1, № 78, л. 1 –беловой, с заглавием: «К Нарышкину».

3) РГАЛИ, оп. 3, № 9, л. 145, беловой, без заглавия.

Впервые: Памятник Отечественных муз на 1827 год. С. 18–20–с заглави-ем: «Письмо
к А. Л. Нарышкину» и подписью: «Жуковский». В прижизненные собрания сочинений не
входило. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: первая половина июля 1820 г.

Стихотворение предположительно относится к этому времени, так как на обо-роте л.
49 стоит дата: «10 июля. Павловск». В пользу этой датировки говорит и ав-тограф
в альбоме С. А. Самойловой, где стихотворение с заглавием: «К Нарышки-ну»
находится среди произведений июля 1820 г. (Кульман. С. 1087. №40).

Адресат послания–Александр Львович Нарышкин (1760–1826)–обер-гоф-маршал,
обер-камергер, главный директор Императорских театров, блестящий остро слов.

Повод к созданию стихотворения традиционно прагматический, как во многих
павловских записках, просьбах; в данном случае–просьба выделить ему помещение в
связи с приездом двора на традиционный петергофский празд-ник 22 июля (см.:
Шильдер. Т. 1. С. 144).

Жуковский в шутовом столкновении бытового и поэтического, небесного и земного
создает автопародию на собственный поэтический мир, населенный и «семьей
крылатых снов», и «сволочью Пинда», и «своекоштными мертвецами».

В «Воспоминаниях» А. О. Смирновой–Россет воспроизводится любопытная по-этическая
рецепция послания «К Нарышкину» «любимым» арзамасцами Д. И. Хво-стовым. Как
рассказывает мемуаристка, «Жуковский очень любил вальс Вебера и всегда просил
меня сыграть его; раз я рассердилась, не хотела играть, он обидел-ся и потом
написал мне опять галиматью. Вечером Пушкин очень ею любовался и говорил, что
сам граф Хвостов не мог бы лучше написать. Очень часто речь шла о сем великом
муже, который тогда написал стихи на Монплефир:

Все знают, что на лире Жуковский пел о Монплефире, Соседство моря возносил И у
гофмаршала просил Себе светел очки просторной, Веселой, милой, нехолодной» и пр.
(Смирнова–Россет. С. 418).

Стихотворение Д. И. Хвостова «Концерты в зале Д. Л. Голицына зимою 1828 г.»
наглядно демонстрирует «простодушную» невольную галиматью графа Хвостова,
который буквально и совершенно серьезно воспринял игру Жуковского с рифмой:
«Монилезиру–лиру».

Н. Вётшева

К Голицыну

(«Я слова, князь, не позабыл...») (С. 210)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 49 об.– 50)–беловой, с незначительными
исправлениями, без заглавия, с датой: «10 июля. Павл.(овск)». При жизни
Жуковского не печаталось.

Впервые: Кульман. С. 1098–1100–с заглавием: «К К.(нязю) Ф. Голицыну». Печатается
по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 10 июля 1820
г.

Адресат послания – князь Федор Сергеевич Голицын (1781–1826) – камер-гер,
гофмейстер, начальник егермейстерской конторы.

Стихотворение представляет собой шуточный «опросный лист» для создания эпитафии
собаке Голицына. См. аналогичные зооморфические эпитафии («Эпита-фия Мими», «На
смерть чижика», «В комитет, учрежденный по случаю похо-рон Павловской векши, или
белки...»).

Ст. 2. Я ваш должник за Каталани!..– Речь идет о знаменитой итальянской пе-вице
(сопрано) Анжелике Каталани (1780–1849), гастролировавшей в России в начале

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский 1820–х гг.

И. Вётшева

К кн. А. Ю. Оболенской

(«Итак, еще нам суждено...») (С. 212)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 51–51 об.) – черновой, с незначительной правкой, без заглавия, с датой: «19 июля».

В первые: СО. 1822. № 10. С. 127–129–с заглавием: «К княгине А. Ю. О...ой», с подписью: «Ж.»

В прижизненных изданиях: СЗ–5 (С 3–4–отдел: «Послания», с датой: «1820» (С 3); в С 5 (Т. 3. С. 68–69) среди стихотворений 1818 г.). Датируется: 19 июля 1820 г. Адресат послания – графиня Аграфена Юрьевна Оболенская (1789–1829) была дочерью поэта Ю. А. Нелединского-Мелецкого и, живя в 1815–1823 гг. постоянно в Москве, приезжала к отцу в Петербург летом 1820 г (См.: Хроника недавней старины: Из архива кн. Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1875).

Выразительный словесный портрет графини оставил в своих воспоминаниях «Московское семейство старого быта», посвященных «многоколенному потомству Оболенских», П. А. Вяземский: «Нелединская не была красавица, роста небольшого, довольно плотная, но глаза и улыбка ее были отменно и сочувственно выразительны; в них было много чувства и ума, вообще было много в ней женственной прелести. В уме ее было сходство с отцом: смесь простосердечия и веселости, несколько насмешливой. Она очень мило пела; романсы отца ее, при ее приятном голосе, получали особую выразительность» (Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 319).

Ст. 15–30. Одна прекрасная на час ~ Ее, как лучший жизни цвет, II Воспоминанье отделило...– Примечанием к этим стихам являются следующие слова из цитированных выше воспоминаний П. А. Вяземского о семействе Оболенских: «В сочинениях Жуковского есть очень милое и теплое к ней [А. Ю. Оболенской.–Н. В.] послание, содержание его наиболее посвящено памяти сестры моей, бывшей впоследствии замужем за князем Алексеем Григорьевичем Щербатовым, с которой с самого детства была она очень дружна» (Вяземский П. А. Указ. соч. С. 319). Речь идет о Екатерине Андреевне Щербатовой (урожд. княжне Вяземской; 1789–1809). Ее памяти Жуковский посвятил несколько стихов в «Певце во стане русских воинов»: «Хвала, Щербатов, вождь молодой ~ Покой ее могилы».

Н. Вётшева

К княгине А. Ю. Оболенской

(«Княгиня! для чего от нас...») (С. 213)

Автограф (РНБ, оп. 1, №29, л. 51 об.– 54)–черновой, без заглавия, с датой: «20 июля» – в начале и датой: «27 июля» – в конце.

Копия (ПД. № 27734, л. 10–13)–рукою А. А. Воейковой.

Впервые: СО. 1822. Ч. 75, № 1. С. 30–37–с заглавием: «К княгине А. Ю. О...ой» и подписью: «Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 20–27 июля 1820 г.

В альбоме графини С. А. Самойловой имелся еще один беловой автограф послания с заглавием: «К княгине А. Ю. Оболенской», предшествующий записи от 23 июля 1820 г. (Кульман. С. 1087. №44).

Обращенное к княгине А. Ю. Оболенской (см. примеч. к предыдущему посланию), стихотворение, которое было написано, вероятно, уже после ее отъезда в Москву, о чем свидетельствует вторая часть послания: «Княгиня, вас уж с нами нет!..», в шуточной форме воссоздает драматизм судьбы Жуковского после замужества М. А. Протасовой, а затем и неудачного ухаживания за графиней С. А. Самойловой. 37-летний поэт серьезно думает об устройстве своей семейной жизни, о доме. Еще 1 ноября 1817 г. Н. М. Карамзин полушутя–полусерьезно писал Жуковскому: «Все вас обнимают, любезнейший, но за невесту не отвечаем, впрочем, ищем, ищем!» (РА. 1870. Стб. 1717).

Ст. 213–215. Я притаюсь: опасно плыть II Мне по морю большого света II С обманчивой звездой поэта...– Комментируя эти слова, исследователь справедливо замечает: «Винясь здесь в незнании света и своем неумении плыть по этому морю „с обманчивой звездой поэта“, он и не подозревает, что пишет полную свою характеристику, не только как члена светского круга, но и как поэта, и человека. В ней как нельзя лучше высказывается и его взгляд на поэзию и на жизнь» (Загарин. С. 240).

Н. Вётшева

Песня

(«Птичкой певичею...») (С. 219)

Автограф неизвестен.

Копия (ПД. № 16121, л. 1) – рукою не установленного лица, без даты и заглавия.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
 Впервые: Славянин. 1827. №3. С. 229–с заглавием: «Мои желания». В прижизненных изданиях: С 4–5 (С 4–отдел «Романсы и песни»). В С 5 (Т. 2. С. 208)–с заглавием: «Песня», среди произведений 1815 г. Датируется: предположительно 1819–1820 г. Достаточно близкий перевод стихотворения немецкого просветителя, поэта, публициста, издателя Эрнста Морица Арндта (Arndt; 1769–1860) «An den Lieb-ling», получившего широкую известность по первым его строкам: «WaV ich ein Vo-gelein, // Flog' ich zu dir...» («Был бы я птичкой, // Я полетел бы к тебе...»). Э. М. Арндт прославился вместе с Т. Кернером как автор народных песен эпохи борьбы против наполеоновского нашествия. Он был автором ряда историче-ских и педагогических сочинений. Так, его педагогический трактат «Entwurf der Erziehung und Unterweisung eines Fursten» («Проект воспитания и наставления принца») был хорошо известен Жуковскому, и его берлинское издание 1813 г. со-хранилось в его личной библиотеке (Описание. № 575). В июле–августе 1821 г., во время первого заграничного путешествия, он тщательно его изучал (см.: БЖ. Ч. 1. С. 492–494), готовясь к своей педагогической деятельности. Стихотворение Арндта впервые вошло в собрание его сочинений еще в 1811 г. (см.: Arndt E. M. Gedichte. Greifswald, 1811. S. 274–275). В 1820 г., как убедительно доказали Х. Эйхштедт (Eichstadt. S. 63–66) и М. Салупере (Ж. и русская куль-тура. С. 452–453), оно было включено в песенный сборник А. Вейрауха парал-лельно с русским переводом Жуковского («Zwölf deutsche Lieder von Goethe, Schiller, Wetzel und Arndt, in Musik gesetzt von August Heinrich von Weyrauch. Dor-pat (...) 1820»). Все это позволяет считать, что, по всей вероятности, Жуковский над переводом стихотворения Арндта работал одновременно с переводами песен из Ветцеля (см. примеч. к песням «Розы расцветают...» и «К востоку, всё к восто-ку...»)– в 1819–1820 г. для сборника А. Вейрауха. Жуковский не случайно дал своему переводу такое обобщенное заглавие– «Песня». Тем самым он подчеркивал популярность этого произведения Арндта в Германии и одновременно выявлял его музыкальную природу. Легко заметить, что, в отличие от большинства других лирических произведе-ний, где поэт, по выражению Вяземского, «девствует», это стихотворение не ли-шено чувственных элементов, идущих от оригинала, но не сглаженных в этот раз в переводе, чему, несомненно, были свои причины. Память о Маше Протасовой, ее роды, только что пережитое увлечение графиней С. А. Самойловой, мечта о же-нитьбе и своем доме–всё это переполняло поэта и способствовало прорыву так часто скрывааемых земных страстей. Вероятно, это мешало немедленной публика-ции стихотворения, которое было способно породить недовольство близких и до-рогих ему людей. Поэт опубликует «Песню» в С 4 лишь спустя 15 лет. Публикация в воейковском «Славянине», судя по всему, была осуществлена без ведома автора, находившегося уже почти год за границей. Заглавие публика-ции– «Мои желания», акцентирующее личностный характер переживания, не могло появиться с согласия поэта. Указанная в С 5 дата–1815 г.–могла быть либо ошибкой памяти поэта, либо (что вероятнее) сознательным нежеланием давать повод к биографическому про-чтению текста «Песни».

Н. Реморова
 Песня
 («Розы расцветают...») (С. 220)
 Автографы:
 1) РНБ, он. 1, №30, л. 81–черновой. Строки: «Всё весной прекрасной II Снова оживет» зачеркнуты и сверху написано: «Всё с зимой ненастной // Грустное прой-дет» (ст. 5–6).
 2) РБ. 1915. Кн. 5. С. 66–факсимиле белого автографа из архива А. А. Воей-ковой. Публикация Н. В. Соловьева.
 3) РГАЛИ, оп. 1, № 23–беловой.
 Впервые: Славянин. 1827. Ч. 2. С. 76–с заглавием: «Розы» и иным оконча-нием первой строфы:
 Небо станет ясно; Счастье прекрасной Розой расцветет.
 В прижизненных изданиях: С 4–5 (С 4–отдел: «Романсы и песни»). В С 5 (Т. 2. С. 11)–с заглавием «Песня» в подборке стихотворений 1815 г. Датируется: предположительно 1819–1820 г. Диапазон датировок данного стихотворения велик: от 1815 г. до 1831 г. Если первая дата подсказана указанием в С 5, то происхождение второй–явное недо-разумение. Черновой автограф «Песни» записан в конце альбома Жуковского с ав-тографами произведений 1822–1831 г. Но первая публикация стихотворения в 1827 г. не позволяет согласиться с датировкой «Песни» 1831 г. Скорее всего, это запись по памяти уже написанного стихотворения (см. примеч. к стихотворению: «Звезды небес...»).

«Песня» – вольный и значительно сокращенный перевод стихотворения не-мецкого

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh поэт Фридриха Готлоба Ветцеля «Wenn die Rosen blühen» («Когда расцветают розы»).

Как указывает Хильдегард Эйхштедт, стихотворение Ветцеля впервые было опубликовано в немецком альманахе В.-Г. Беккера на 1819 г.: Taschenbuch zum geselligen Vergnügen auf das Jahr 1819. Jg. 29. Leipzig. S. 113–114 (Eichstadt. S. 55–56) и, следовательно, не могло быть переведено ранее этого времени, а так же положено на музыку А. Вейраухом. Поэтому указание в С 5 не соответствует фактам творческой истории стихотворения. Вместе с тем известно, что перевод этого стихотворения Жуковского вошел в сборник А. Вейрауха, изданный в 1820 г. (см. примеч. к стих. «Призвание», «Песня» («Птичкой певичею...»). Все это дает основание датировать перевод Жуковского 1819–1820 г.

Жуковский давал своим переводом русский вариант романса Вейрауха. На это предположение наводит письмо М. А. Мойер к Жуковскому от 29 января 1821 г., где она, в частности, пишет: «Внизу сидят мамаша с Сашей и к ним пришел Вейраух, который сейчас запел „Розы расцветают“. Это не имеет никакого сношения с моим прошедшим, и однако так цепляет за сердце, что слезы льются contre ton gré [против моей воли.–фр.]» (УС. С. 249). Само заглавие романса по первой строке перевода Жуковского подтверждает мысль о том, что уже к началу 1821 г. перевод был известен. Комментируя это письмо, М. Салупере справедливо замечает: «Надо думать, что Вейраух запел по-русски, ибо в другом месте она [М. А. Мойер] пишет, что Зейдлиц заиграл „Thekla. Geister Stimme“» (Ж. и русская культура. С. 451).

Подобная эмоциональная реакция могла быть связана с переводом Жуковского. Ведь в стихотворении Жуковского лейтмотивом проходит мысль о смене «зимы ненастной» на «благодатны дни». И даже во второй строфе «иная жизнь» представлена как «лучший край», а «долина рая» не видится лишь миром прекрасных душ. Жуковский, сократив стихотворение почти на целую строфу (у Ветцеля три восьмистишия, у Жуковского – два девятистишия), изъясил из стихотворения всю содержащуюся в оригинале конкретику. Для Ветцеля, имевшего в том числе и медицинское образование, пора, «когда расцветают розы», это время «лихорадки» («das Fieber»), которая румянит щеки чахоточного больного и сулит не выздоровление, а «жаркую боль» («der heiße Schmerz»).

Текст достаточно проникновенен и действительно мог «цеплять за сердце» сестер Протасовых. Их состояние (тяжелые роды, симптомы чахотки у Саши, предчувствие смерти у Маши) соотносилось с текстом стихотворения Ветцеля, переведенного Жуковским.

В переводе Жуковского нет безнадежности. Он пытается поддержать всех страдающих, дать надежду на лучшее. Стихотворение могло быть поэтическим откликом на грустные письма М. А. Мойер к поэту, писанные в зимние месяцы ноября–февраля 1820–1821 гг. И в этом смысле симптоматична приписка А. А. Воейковой к ее письму от 14 февраля 1821 г.: «Ты – моя моральная Италия, da wo meine schönsten Blumen blühen» (УС. С. 254; (...) где цветут мои прекрасные цветы.– нем.).

Как указывает Ц. С. Вольпе, одна из тетрадей А. Вейрауха с романсами на стихи Жуковского, куда вошла и «Песня» («Розы расцветают...»), была подарена по этому М. А. Мойер 19 октября 1822 г. (Стихотворения. Т. 1. С. 376). О ней он вспомнил в новогоднюю ночь 1831 г. Ср.: письмо А. П. Елагиной от 1 января 1831 г. (УС. С. 52).

Публикация в «Славянине» была сделана А. Ф. Воейковым в отсутствие Жуковского (см. примеч. к стихотворению «Птичкой певичею...»). Изменение заглавия и финала, ставшего более оптимистичным, но еще более далеким от оригинала, вероятно, принадлежит издателю.

Кроме А. Вейрауха «Песня» («Розы расцветают...») положена на музыку Ц. Кюи. Н. Реморова

Песня

(«К востоку, всё к востоку...») (С. 221)

Автограф (РНБ, он. 1, № 30, л. 80) – черновой.

Впервые: С 4 (Т. 2. С. 57) – в отделе: «Романсы и песни», вместе с «Песней» («Розы расцветают»).

В прижизненных изданиях: С 4–5. В С 5 (Т. 2. С. 210) – в подборке произведений 1815 г., с заглавием: «Песня».

Датируется: 1819–1820 г.

Датируется на тех же основаниях, что и предыдущая «Песня» («Розы расцветают...»), так как имеет много общего с ней в своей творческой истории. Вольный перевод стихотворения немецкого поэта Фридриха Готлоба Ветцеля «Nach Osten» («К востоку»), опубликованного, так же как и «Розы расцветают...», сначала в немецком альманахе В. Г. Беккера (1819), а затем в песенном сборнике Вейрауха (уже параллельно с переводом Жуковского) в 1820 г. (Eichstadt. S. 55;

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh примеч. 67; S. 58–59).

Жуковский сохраняет размер и форму строфы оригинала, но сокращает текст ровно вдвое: у Ветцеля–32 стиха, у Жуковского–16. При этом первая строфа перевода достаточно близко передает содержание первой строфы оригинала; вто-рая– краткий, но близкий по мысли пересказ третьей строфы и двух заключи-тельных стихов 4-й строфы.

Стихотворение Ветцеля–поэтическая, не лишенная мистического элемента фантазия о далекой и прекрасной любви к Ней, к чудесному «небесному» ее обра-зу («die himmlische Gestalt»), обитающему «в святейшем месте» («ein heirger Raum»), причастном самому небу. Образная система стихотворения явно восходит к ро-мантически воспринимаемому Средневековью с его культом Прекрасной Дамы, Мадонны, с попыткой соединить земную страсть с представлением о божествен-ной сущности любви.

В переводе Жуковского связь с европейской средневековой традицией не про-сматривается. Стихотворение не случайно в переводе названо «Песня». Символи-ческий смысл «востока» как сакрального топоса обретает у Жуковского более зем-ной и конкретный смысл. Отсюда определенная русификация поэтических обра-зов Ветцеля. У Жуковского «прекрасная» живет «за синими горами», «за синевой лесов». Она сама–«прекрасное преданье чудесной старины», но, подобно красавице из народной сказки, «явилась (...) в древни дни», герой же – «в разлуке с нею».

Н. Реморова

1821

Лалла Рук

(«Милый сон, души пленитель...») (С. 222)

Автографы:

1) пд. №27810, л. 107–107 об.–беловой, полный (9 строф); последняя стро-фа отчеркнута карандашом.

2) ПД. № 22728, л. 13 – беловой, в альбоме А. А. Воейковой, в составе 8 строф (7-я пропущена, но 9-я записана).

3) ПД. № 22729, л. 27 – беловой, неполный (начиная со ст. 41; ст. 45–52 про-пущены). За текстом стихотворения следует посвятельная надпись: «кто вас знает, тому знаком и Гений чистой красоты! С кем вы были, для того зажглась навсегда прекрасная утешительная звезда, и эта звезда никогда не утратит своего милого света. 1825. Декабря 29».

Впервые: МТ. 1827. Ч. 14. №5. С. 3–5 – полный текст из 9-ти строф, без подписи, с датой: «1821».

В прижизненных изданиях: С 5–без заключительной 9-й строфы, в подборке стихотворений 1821 г.

Датируется: 1(13) февраля 1821 г.

В комментарии к стихотворению «Лалла Рук» Ц. С. Вольпе указал на сущест-вование еще двух автографов: в альбоме княгини Е. Н. Мещерской (урожд. Ка-рамзиной) в том же текстовом варианте, что и автограф № 2, а также в альбоме ее сестры С. Н. Карамзиной (в том же текстовом варианте, что автограф № 3). Опуб-ликованы в РБ (1916. №7. С. 77, 69); местонахождение рукописей неизвестно. Подробнее см.: Стихотворения. Т. 1. С. 383.

Время создания стихотворения «Лалла Рук» до сих пор определялось коммен-таторами весьма приблизительно, без учета разницы европейского и русского ка-лендарных стилей. Ц. С. Вольпе датировал стихотворение «между 27 и 31 янва-ря 1821 г.» (Стихотворения. Т. 1. С. 383; числа приведены по старому стилю).

В. П. Петушков–«между 15 января–7 февраля 1821 г.» (СС 1. Т. 1. С. 460; числа приведены по новому стилю). И. М. Семенко и М. П. Алексеев–между 15 (27) и 7(19) февраля 1821 г. (СС 2. Т. 1. С. 385; Алексеев М. П. Русско-английские лите-ратурные связи: XVIII век–первая половина XIX века (ЛН.Т. 91). М., 1982. С. 664).

Временными ориентирами для всех комментаторов послужили крайние даты хронологического диапазона, в котором стихотворение могло быть написано. 15(27) января в Берлине состоялся послуживший поводом к его созданию при-дворный праздник с живыми картинами на сюжет «восточной повести» – поэмы английского поэта-романтика Томаса Мура (Moore, 1779–1852) «Лалла Рук» (вы-шла в свет в 1817 г.), данный прусским королевским семейством в честь русской великокняжеской четы. 19 февраля (но ст. стилю) Жуковский отослал текст стихо-творения «Лалла Рук» А. И. Тургеневу, сопроводив его письмом, опубликованным впервые М. Л. Гофманом (Гофман. С. 153–156). 21 февраля (по ст. стилю) поэт со-общил Тургеневу о том, что накануне (т. е. 20 февраля ст. стиля) отдал стихотво-рение великой княгине Александре Федоровне (Гофман. С. 156–157).

Между тем представляется, что исходя из наличествующих дат в дневниковых записях и письмах Жуковского, которые касаются событий, предшествующих соз-данию

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh стихотворения, время его создания может быть определено совершенно точно. В 1926 г. М. Л. Гофман, публикуя письма Жуковского к А. И. Тургеневу от 19 и 21 февраля (ст. стиля), не учел того обстоятельства, что хронологический разрыв между старым и новым стилями составлял в XIX в. не 13 дней (как в XX), а 12, и в связи с этим неправильно проставил соответствующие числа нового стиля: 6(19) и 8(21) февраля (Гофман. С. 153, 156), тогда как датированные старым стилем письма Жуковского были написаны 7(19) и 9(21) февраля 1821 г.

В письме от 7(19) февраля Жуковский отправил Тургеневу текст стихотворения «Лалла Рук», заметив при этом, что «... написал свои стихи гораздо после (...)» праздника, состоявшегося 15 (27) января. А через два дня, в письме от 9 (21) февраля он сообщил тому же адресату: «Вчера был день для меня незабвенный (...). Я был у В.(еликой) К.(нягини). Уже более недели ходил к ней, имея в кармане свои стихи, и всё их не отдавал. (...) Я отдал стихи, но не читал их ей, и она не при мне их читала» (Гофман. С. 156–157). Далее Жуковский описывает свой продолжительный разговор с великой княгиней, заметив при этом: «... нет ничего святее и чище, как быть в присутствии прекрасного создания Божия» (Там же. С. 157). Таким образом, стихотворение «Лалла Рук» Александра Федоровна получила 8(20) февраля; под этим числом в дневнике поэта находится запись: «У в.(еликой) княг.(ини). Минуты счастья и чистоты, высокого наслаждения» (Дневники. С. 102), эмоциональный пафос которой абсолютно согласуется с цитированным выше письмом к А. И. Тургеневу. Из него явствует и то, что Жуковский «более недели» носил свои стихи, не решаясь их отдать. Это обращает нас к дневниковой записи от 1 (13) февраля 1821 г., как раз и отстоящей от записи 8 (20) февраля на 8 дней («более недели»: «У в.(еликой) к. (нягини). Она больна. Стихи m-lle Stege-mann. Обедал дома. Написал стихи» (Дневники. С. 100). Под «стихами m-lle Stege-mann» здесь подразумевается стихотворение Гедвиги фон Штегеманн «An die Grossfürsterin Alexandra als Lalla Rookh» («Великой княгине Александре Федоровне-Лалле Рук»), переведенное Жуковским под заглавием: «Явление поэзии в виде Лалла Рук» (см. примеч. к этому стихотворению). Слова же «написал стихи» явно имеют в виду создание оригинального, а не переводного текста; в противном случае Жуковский написал бы «перевел стихи», как он это неоднократно делал в своих дневниковых записях.

Все эти соображения позволяют считать, что запись от 1(13) февраля 1821 г., содержание и дата которой абсолютно хронологически согласуются с датами, упомянутыми в письмах к А. И. Тургеневу, заключает в себе информацию о написании стихотворения «Лалла Рук», которое, следовательно, можно датировать этим числом и месяцем.

Описание берлинского придворного праздника на сюжет поэмы Т. Мура «Лалла Рук», в котором принимали участие великая княгиня Александра Федоровна, исполнявшая роль индийской принцессы Лалла Рук, и великий князь Николай Павлович, позировавший в живых картинах в роли ее жениха принца Али-риса, содержится в письме Жуковского к А. И. Тургеневу от 7 (19) февраля 1821 г.: «Здесь был несравненный праздник [ср. в дневниковой записи от 15 (27) января: „Несравненный праздник“ (Дневники. С. 100)], который оставил во мне глубокое впечатление. Ты знаешь Мурову поэму Лалла Рук. Дочь Аурагзеба едет к своему жениху в Бухарию; он встречает ее в долине Кашемира. Дорогою молодой поэт, чтобы не скучно было Принцессе, поет ей исторические песни; поэт нравится Принцессе, и она приближается с чувством грусти к тому месту, т. е. к Кашемиру, где должна встретить своего жениха, но на поверку выходит, что жених и поэт одно лицо. Берлинский праздник был не иное что как праздник, который молодая Лалла Рук дала будто в Кашемирской долине своему супругу и своему отцу Аурагзебу, и в воспоминание тех минут, которые она так приятно провела дорогою, слушая песни своего мужа, она велит представить в картинах то, что он описывал ей в своих песнях. Эти картины, которые были сочинены живописцем Ш.(инке-лем), были несравненны; во время их представления пели романсы, для которых музыка сочинена была Спонтини и прелестна. Но всему давала очарование великая княгиня; ее пронесли на паланкине – в процессии – она точно провеяла надо мною как Гений, как сон; этот костюм, эта корона, которые только прибавляли какой-то блеск, какое-то преобразование к ежедневному, знакомому; эта толпа, которая глядела на одну; этот блеск и эта пышность для одной; торжественный и вместе меланхолический марш; потом пение голосов прекрасных и картины, которые появлялись и пропадали как привидения, живо трогали, еще живее в отношении к одному-главному, наконец, опять этот марш-с которым всё пошло назад, и то же милое прелестное лицо появилось на высоте и пропало в дали – всё это вместе имело что-то магическое! не чувство, не воображение, но душа наслаждалась, и я воротился к себе с каким-то унынием, которое имело свою сладость» (Гофман. С. 154–155). Подробное описание праздника см.: Grimm A. T. Alexandra Fedorowna, Kaiserin von Rußland. Leipzig, 1866. Bd. 1. S. 143–146; см. также: ЛН. Т. 91.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
М., 1982. С. 659–662.

Сила впечатления Жуковского от «несравненного праздника», безусловно, бы-ла усугублена глубоко личной, биографической ассоциацией с собственными вос-поминаниями 1814–1815 гг., периода надежд на возможное счастье с М. А. Протасовой. Образ «долины Кашемира»–тот скорее символический, нежели геогра-фический локус, к которому приурочено действие поэмы Т. Мура (изданной в 1817 г.),–является лейтмотивным в долбинско–дерптской переписке Жуковского с М. А. Протасовой. Источник его в 1814–1815 гг. не совсем ясен–поэма Мура появится через 3 года, а Жуковский познакомится с ней, по-видимому, не ранее, чем в 1821 г. (см.: Алексеев М. П. Указ. соч. С. 658), но ясно, что «долина Кашеми-ра» представлялась и Жуковскому, и М. А. Протасовой своеобразным символом обетованного счастья. В сентябре 1814г. М.А.Протасова пишет жуковскому: «...il faut monter la montagne pour voire le royaume de Cachemire» [Нужно поднять-ся на гору, чтобы увидеть царство Кашемира.–фр.] (Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 178). 15 сентября 1814 г. Жуковский откликается этим же образом-символом: «... il me semble deja voir le royaume de Cachemire. (...) Oui! montons la montagne!» [кажется, я уже вижу царство Кашемира. (...) Да! Поднимемся на гору!–фр.]\ 12 апреля 1815 г. в дерптском дневнике поэта появляется запись: «Всякое испол-нение должности отдельно есть дорога по утесам, но конец ее–небо над голо-вою, а Кашемир перед глазами» (Гофман. С. 116). Наконец, в письме А. А. Воейко-вой от 1821 г. в ответ на ее сообщение о глубоком взаимном чувстве, которое свя-зало ее с А. И. Тургеневым, Жуковский вновь вспомнит этот образ: «Et vous aussi vous avez monte la montagne de Cachemire» [И вы тоже поднялись на гору Каше-мира.–фр.]

Ц. С. Вольпе, цитирующий письмо к А. И. Тургеневу от 9 (21) февраля по ру-кописи, приводит из него следующую выписку, которая также является свиде-тельством того, что образ Лалла Рук был неразрывно сопряжен в сознании Жу-ковского с образами сестер Протасовых: «„Лалла Рук“–синоним Саши. В первый раз, когда я был у Гуфланда, был между нами разговор о религии. (...) Он мне сказал: „Всё, что религия представляет святого, троицей заключено для меня в од-ном немецком L: Leben, Liebe, Licht! [Жизнь, Любовь, Свет.–нем.]. (...) Эти три L нашлись сами собой и в имени La'lla Rookh"» (Стихотворения. Т. 1. С. 384; в пуб-ликации М. Л. Гофмана вместо первой фразы этой цитаты стоит отточие–Гоф-ман. С. 158).

Эстетическое впечатление от праздника, соединившееся с биографическими ассоциациями, породило в дневниках и творчестве Жуковского устойчивый лейт-мотив, реализовавшийся в равной мере в документальных свидетельствах долго-временной памяти Жуковского об этом событии и в периодически возникающих творческих импульсах, порождающих вплоть до середины 1840-х гг. произведе-ния, связанные с темой «Лалла Рук» и реминисцентные стихотворению «Лалла Рук» мотивы. Дневниковые записи за 1821 г. буквально испещрены упоминаниями о поэме Мура, подготовке праздника, воспоминаниями о нем. 13 (25) января появляется первая запись на эту тему: «Репетиция Пери. Вечер дома; читал La'lla Rookh»; 14 (26) января: «Попутру репетиция. (...) La'lla Rookh»; под этой же датой записа-ны 32 стиха поэмы Т. Мура «Рай и Пери» (в переводе Жуковского–«Пери и Ан-гел»)– в английском подлиннике. 15(27) января состоялся «Несравненный празд-ник»; 30 (11) января–февраля–его повторение. 3 (15) февраля Жуковский разго-варивал о Лалла Рук с великой княгиней (Дневники. С. 100). Под датой 4 (16) фев-раля записано стихотворение «Теснятся все к тебе во храм...» (см. примеч. к нему) и сопровождающее его рассуждение о прекрасном: «Руссо говорит...», включаю-щее автоцитату ст. 61–64 из стихотворения «Лалла Рук» (Дневники. С. 101–102). Всё это рассуждение вошло в письмо к А. И. Тургеневу от 7 (19) февраля 1821 г., где Жуковский назвал его «философией Лалла Рук» (Гофман. С. 156. Курсив мой.– О. Л.); в 1848 г. Жуковский включил его в статью «О поэте и современном его зна-чении» (ПСС. Т. 10. С. 82).

Под датой 16 (28) февраля Жуковский записывает в дневник первые 50 стихов перевода поэмы Мура «Рай и Пери» (дневник прослоен рукописью перевода до 6(18) марта 1821 г.; под этой датой стоит запись: «Кончил Пери.–Дневники. С. 103–107). 5 (17) марта поэт в «„покоях принцев" наблюдал „живые картины. (...) Лалла Рук"»; 7 (19) марта был «у великой княгини. Альбом и Лалла Рук»; 8 (20) марта: «Попутру у великой княгини. Чтение Пери» (Дневники. С. 107). Весной 1821 г. Жуковский взялся за издание рукописного журнала под назва-нием «Лалла Рук» (некая аналогия «синеньких тетрадочек»–дерптских писем-дневников 1815 г., и в то же время воспоминание о журнале КШДН): 6(18) аире-ля он делает в дневнике следующую запись: «... я перечитал в моей Лалла Рук то, что написано великою княгиней и написал кое-что свое» (Дневники. С. 112). В архиве Жуковского сохранился один из выпусков этого журнала: беловая руко-пись IV–V актов перевода трагедии Ф. Шиллера «Орлеанская дева» оформлена им в виде отдельной книжечки с

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu надписью на титульном листе: «Лалла Рук. № 2» (РНБ, оп. 2, № 13). На существование других выпусков этого рукописного журнала указывает цитированная выше запись, а также фраза из письма Александре Федоровне от октября 1821 г.: «Предвижу, что будет еще несколько номеров Лалла Рук и Для немногих» (РС. 1902. № 5. С. 355).

Одна из последних дневниковых записей на тему «Лалла Рук» относится к 8 (20) сентября 1821 г.: после посещения «домика» швейцарского поэта Сигизмунда Людвиг Лербера Жуковский замечает: «... где было счастье, там случайно пу-тешественник. Лалла Рук» (Дневники. С. 143), после чего мотив Лалла Рук окон-чательно переходит на уровень поэтической ассоциации, трансформируясь в пе-риодически возникающие в дневниках и письмах 1821 г. образы сна-мечтания и звезды-воспоминания, лейтмотивные в стихотворении «Лалла Рук». После 1821 г. воспоминания о празднике Лалла Рук надолго исчезают из дневников Жуковско-го, но, как об этом свидетельствует переписка поэта, – не из его памяти. 24 июня 1838 г. из заграничного путешествия с наследником Жуковский пишет великой княгине Марии Николаевне: «Но воспоминания о прошлом Берлине я не могу отделить от воспоминания о празднике Лалла Рук, (...) который был для меня ка-ким-то очарованием и к которому принадлежали многие из тех, коих уж я не могу доискаться в нынешнем Берлине» (РА. 1885. №3. С. 332), а 24 (6) апреля-мая 1840 г. в неопубликованном дневнике Жуковского появится запись, навеянная оперой Спонтини «Нурмагал», написанной на сюжет одной из вставных поэм «Лалла Рук» – «Свет гарема»: «В театре. Нурмагал. Марш Лалла Рук. Ария Нурма-гал. Скольких я вспомнил: Фосс. Элиза. Семейство Радзивилл. Брюль, Гребен. Герман. Все отношения с семьей Клейст. Саша. Маша. Молодость» (РГАЛИ, оп. 1, № 37, л. 26). Все перечисленные в этой записи имена принадлежат друзьям Жуковского, с которыми он общался в период первого заграничного путешест-вия, в 1821 г. И весьма симптоматично, что в конце записи возникают имена сес-тер Протасовых, с которыми в сознании Жуковского связан образ «долины Ка-шемира», первоначально возникший в долбинско-дерптских письмах-дневниках 1814–1815 г.

Что же касается поэтического наследия Жуковского, то стихотворение «Лалла Рук» является своеобразным эстетически-смысловым центром целого комплекса текстов, так или иначе с ним связанных. «Философия Лалла Рук» обрела свое по-этическое выражение, во-первых, в стихотворении «Явление поэзии в виде Лалла Рук» (подробнее см. примеч. к этому стихотворению), а также в переводе одной из вставных поэм – «восточной повести» Т. Мура «Рай и Пери» (написан 16 (28) фев-раля– 6 (18) марта 1821 г.). Во-вторых, это уже упоминавшееся рассуждение о прекрасном: «Руссо говорит (...)», записанное в дневнике под датой 4(16) февраля 1821 г. и кончающееся стихами из «Лалла Рук», которое в 1848 г. Жуковский вста-вил в свою статью «О поэте и современном его значении». В-третьих, это эссе «Ра-фаэлева Мадонна», выделившееся из письма Жуковского великой княгине Алек-сандре Федоровне от 29 июня 1821 г. и включающее автоцитату ст. 49–56, 61–64 из стихотворения «Лалла Рук». Эссе «Рафаэлева Мадонна», опубликованное в ПЗ на 1824 год, стало не только эстетическим манифестом романтического искусства Жуковского; это была еще и первая фрагментарная публикация стихотворения «Лалла Рук» до его первой полной публикации в МТ. В лирике Жуковского 1831 г. как память о 10-летию Берлинского праздника сюжет «Лалла Рук» воскресает в стихотворениях «Пери», «Песнь бедуинки», «Мечта», переведенных Жуковским из иллюстрированного альбома В. Гензеля «Die lebender Bilder und pantomimi-schen Darstellungen bei dem Festspiel: „Lalla Rookh“ (...). Berlin, 1823», включающе-го также и тексты романсов, положенных на музыку Спонтини и сопровождавших живые картины Берлинского праздника (см. примеч. к указ. стихотворениям).

Наконец, последнее «Явление поэзии в виде Лалла Рук» состоялось в 1843 г., в посвящении к поэме «Наль и Дамянти» (написанном 16 февраля 1843 г.), где вновь возникают соотнесенные в поэтическом сознании Жуковского образ доли-ны Кашемира («Я видел сон: казалось, будто я II Цветущей долиной Кашемира II Иду один; со всех сторон вздымались II Громады гор (...)»), воспоминание о Берлинском празднике 1821 г. («... и в паланкине II Увидел я щреву молодую, II Невесту Севера; и на меня II Она глаза склонила мимоходом») и память о сестрах Протасовых, с имена-ми которых соединено воспоминание о «... двух родных, земной судьбиной II Разроз-ненных могилах...» (ПСС. Т. 5. С. 112–113).

Стихотворение «Лалла Рук» и комплекс связанных с ним прозаических и по-этических текстов стали известны друзьям Жуковского задолго до их публикации. Так, о статье «Рафаэлева Мадонна» (опубликована в ПЗ на 1824 год) Е. Е. Кома-ровский в письме И. И. Козлову от 25 декабря 1823 г. сообщал: «Я думаю, что ни одно письмо Дюати не было лучше Рафаэлевой Мадонны. Мысль дать ей значе-ние видения очень гениальна» (РА. 1866. Кн. 1. С. 315). Эту же мысль подчеркнул в своем отзыве П. А. Вяземский: «Это не живопись и не поэзия, а что-то выше са-мой поэзии. О нем

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
[Эссе Жуковского.—О. Л.] можно сказать то, что Жуковский сказал о самой Мадонне.
Это не картина, а видение...» (Вяземский П. А. Поли, собр. соч. СПб., 1880. Т.
1. С. 269).

боо

А. С. Пушкин, отрицательно оценивший сам факт обращения Жуковского к переводу поэмы Т. Мура: «Жуковский меня бесит—что ему понравилось в этом Муре? чопорном подражателе безобразному восточному воображению? Вся Лалла Рук не стоит десяти строчек Тристрама Шанди (...)» (Письмо П. А. Вяземскому от 2 января 1822 г. // Пушкин. Т. 13. С. 34), был хорошо знаком с неопубликованным рассуждением Жуковского о прекрасном: «Руссо говорит...» В бумагах Пушкина сохранилась выполненная его рукою сокращенная запись этого рассуждения, включающая ст. 61–64 стихотворения «Лалла Рук» (Рукою Пушкина. М., 1935. С. 490–492) и по почерку относимая к началу 1820–х гг. (Там же. С. 491).

Что же касается возможного источника знакомства Пушкина с образом «Гения чистой красоты», реминисцированного в послании «К А. П. Керн» и восходящего к двум поэтическим текстам Жуковского—стихотворениям «Лалла Рук» и «Я Музу юную, бывало...» (конец 1823 г.; подробнее см. примеч.), то этим источником могла быть статья «Рафаэлева Мадонна», опубликованная в ПЗ на 1824 год и включающая в себя выделенный курсивом стих: «Гений чистой красоты», предшествующий автоцитате из стихотворения «Лалла Рук» (ст. 49–56, 61–64). Этот выпуск ПЗ Пушкин получил в самом начале 1824 г. (см. письма А. А. Бестужева от 12 января и 8 февраля 1824 г. // Пушкин. Т. 13. С. 84, 87). И хотя в письмах нет ни одного упоминания о знакомстве со статьей «Рафаэлева Мадонна», есть косвенное свидетельство пушкинской осведомленности об этой публикации еще до того, как ПЗ на 1824 год попала к нему в руки: 1 декабря 1823 г. Пушкин пишет А. И. Тургеневу: «Жуковскому грех; чем я хуже принц(ессы) Шарлотты [немецкое имя великой княгини Александры Федоровны.—О. Л.], что он мне ни строчки в 3 года не напишет» (Пушкин. Т. 13. С. 80), обнаруживая тем самым свою информированность о творческой истории двух статей Жуковского («Рафаэлева Мадонна» и «Пу-тешествие по Саксонской Швейцарии»), опубликованных в ПЗ на 1824 год и вы-делившихся из писем Жуковского Александре Федоровне. Во всяком случае, со статьей «Рафаэлева Мадонна» Пушкин ознакомился раньше, чем стал обладателем третьего издания «Стихотворений Василия Жуковского» (С 3), о котором он, возможно, писал в известном письме Л. С. Пушкину от 13 июня 1824 г. (Пушкин. Т. 13. С. 98) и в котором впервые было напечатано стихотворение «Я Музу юную, бывало...» Подробнее о влиянии стихотворения «Лалла Рук» на творчество Пушкина см.: Черняев Н. И. Послание «К А. П. Керн» Пушкина и «Лалла Рук» Жуков-ского // Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900. С. 33–64; Эйгес И. Пушкин и Жуковский // Пушкин—родоначальник новой рус-ской литературы. М.; Л., 1941. С. 210–213; Белецкий А. И. Избранные статьи по теории литературы. М., 1964. С. 390–391.

Косвенным свидетельством того, что стихотворение «Лалла Рук» было доста-точно широко известно в родственном и дружеском кругу Жуковского задолго до его полной публикации в МТ, является одна из черновых строф 8-й главы романа Пушкина «Евгений Онегин», не вошедшая в окончательный текст и вводящая в сцену петербургского бала великую княгиню Александру Федоровну под поэтиче-ским прозвищем «Лалла Рук», закрепившимся за ней после стихотворения Жу-ковского: И в зале яркой и богатой, когда в умолкший тесный круг, Подобна лилии крылатой, колеблясь входит Лалла Рук И над поникшею толпою сияет царственной главою... (Пушкин. Т. 6. С. 637).

Время действия 8-й главы Ю. М. Лотман относит к осени 1824—весне 1825 гг.; петербургский бал, на котором танцует великая княгиня—к поздней осени 1824 г. (см.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 24, 83–84). Сохранились и более поздние свидетельства ассоциативной связи образа Лалла Рук с личностью Александры Федоровны. Так, А. А. Воейкова в письме Жуковскому от 1 января 1826 г. дважды упоминает это поэтическое про-звище: «Я у нее [фрейлины Вильдермет.— О. Л.] довольно часто, и не случилось ни разу, чтобы Laïla Rhouk не пришла—последний раз посидела с нами почти час. (...) Ежели еще удастся встретиться с Лалла Рук, то попрошу ее, чтобы она не от-пустила [Вильдермет] до твоего приезда» (Соловьев. Т. 2. С. 18). Сохранились так-же лаконичные воспоминания уже упоминавшейся выше немецкой поэтессы Гед-виги фон Штегеманн (подробнее о ней см. примеч. к стихотворению «Явление по-эзии в виде Лалла Рук»), в которых Александра Федоровна также названа поэти-ческим прозвищем Лалла Рук. В 1830 г. Гедвига фон Штегеманн писала своей приятельнице г-же Клейст о знакомстве с А. И. Тургеневым, лучшим другом Жу-ковского: «Сделанная им характеристика Жуковского, его бескорыстия, чистота его души, сохраненной в плохом окружении, была поистине трогательной и вме-сте с тем юмористической. (...) Трудно, однако, поверить, что двор Лаллы Рук яв-ляется обычным двором, и

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu не так-то легко, находясь при нем, оставаться верным самому себе» (цит. по: Алексеев М. П. Указ. соч. С. 794; примеч. 46. Подлинник опубликован: Dietrich Gerhardt. Aus deutschen Erinnerungen an Zukovskij // Orbis scriptus/ Festschrift für D. Tschizewskij. München, 1966. S. 257).

Таким образом лирическая «философия Лалла Рук» определила довольно про-тяженный этап творческого развития Жуковского: от 1821 г. к 1848 г.

Ст. 5–6. Я тобою наслаждался II На минуту, но вполне...– Ср. реминисценцию этих стихов в XLV строфе 6-й главы романа «Евгений Онегин» Пушкина (под черновиком строфы помета: «10 августа» (1826) г.):

Но так и быть: простимся дружно, О юность легкая моя! (...) Благодарю тебя, тобою, Среди тревог и в тишине Я наслаждался... п вполне...

(Пушкин. Т. 6. С. 136)

Ст. 55–56. Нам туда сквозь покрывало II Он дает взглянуть порой... В МТ–с раз-ночтением: «Лучшей жизни покрывало II Приподъемлет он порой...»; так же в публика-ции статьи «Рафаэлева Мадонна» в ПЗ на 1824 год. Источником этого разночте-ния является автограф № 3 (см. его описание в текстологической справке).

Ст. 64. Он прощальную звезду...– В тексте первой публикации за этим стихом следовала еще одна строфа, исключенная Жуковским при перепечатке стихотво-рения в С 5:

Кто же ты, очарователь Бед и радостей земных?.. О небесный ж из податель! Мне знаком ты; для других Нет тебе именованья: Ты без имени им друг! Для меня ж тебе названье Сердце дало: Лалла Рук.

(Ср. автограф № 1)

О. Лебедева

«Теснятся все к тебе во храм...»

(С. 224)

Автограф (РНБ, оп. 1, №4в, л. 15)–беловой, в составе дневниковой записи от 4 (16) февраля 1821 г.(ср.: Дневники. С. 101). При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 10.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 4(16) февраля 1821 г.

Стихотворение было написано в Берлине, во время первого заграничного пу-тешествия Жуковского. В составе свиты великой княгини Александры Федоровны (урожд. принцессы прусской Шарлотты) Жуковский приобщался к миру европей-ской культуры и немецкого романтизма. Особое впечатление на него произвел придворный праздник на сюжет поэмы Т. Мура «Лалла Рук» (подробнее см. при-меч. к стихотворению «Лалла Рук»).

Образ прекрасной Лалла Рук, связанный в сознании Жуковского с исполни-тельницей этой роли–великой княгиней Александрой Федоровной, рождает своеобразный культ поклонения красоте и способность поэта «самоотверженно склоняться к платоническому участию в чужом счастье» (Веселовский. С. 277).

Вероятно, на сам стиль стихотворения, пронизанного атмосферой культового поклонения и почитания, оказала влияние опера К. В. Глюка «Ифигения в Таври-де», запись о слушании которой предшествует написанию стихотворения (Днев-ники. С. 101).

А. Янушкевич

Явление поэзнн в виде Лалла Рук

(«К востоку я стремлюсь душою!..») (С. 224)

Автограф (ПД. №27810, л. 108 об.)–беловой, с заглавием: «Поэзия в виде Лалла Рук».

Впервые: Памятник Отчественных муз на 1827 год. СПб., 1827. С. 4–5.–с заглавием: «Явление поэзии в виде Лалла Рук» и подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 5 (Т. 3. С. 294–296)–с тем же заглави-ем, в подборке стихотворений 1821 г.

Датируется: между 1 (13) и 7 (19) февраля 1821 г.

Основанием датировки служат крайние даты временнбго диапазона, в кото-ром стихотворение Жуковского могло быть написано. В дневниковой записи от 1(13) февраля зафиксировано знакомство Жуковского с подлинником стихотворе-ния: «У в.(великой) к. (нягини). (...) Стихи m-lle Stegemann» (Дневники. С. 100); 7 (19) февраля Жуковский отослал текст стихотворения «Явление поэзии в виде Лалла Рук» А. И. Тургеневу в том же самом письме, в котором было отослано сти-хотворение «Лалла Рук» (Гофман. С. 153).

Наиболее вероятной датой создания стихотворения «Явление поэзии в виде Лалла Рук» в указанных временных рамках является 3(15) февраля: под этой да-той в дневнике Жуковского находится следующая запись: «У в.(еликой) княгини. Урок. Разг.(овор) о Лалла Рук. (...) Домой. Перевод стихов Chenedolle» (Дневник. С. 100–101). К фамилии автора переведенных стихов И. А. Бычков сделал сле-дующее

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh примечание: «французский поэт Charles Chenedolle (1769–1833)». Между известными в печати стихотворениями Жуковского за 1821 г. нет переведенных из Chenedolle; не сохранилось перевода Жуковского из этого поэта и в бумагах, пожертвованных Императорской публичной библиотекой Павлом Васильевичем Жуковским» (Дневники. С. 101). Возможно предположить, что фамилия автора стихов прочитана неверно – не Chenedolle, а Stegemann. Тем более, что переводу стихотворения предшествует дневниковая запись о разговоре на тему Лалла Рук с великой княгиней. В автографе стихотворения «Явление поэзии в виде Лалла Рук» сохранилось примечание Жуковского в скобках: «Эти стихи сочинены здесь одною молодою девушкою; я их перевел». Как установлено немецким славистом Дитрихом Герхардтом, стихотворение Жуковского «Явление поэзии в виде Лалла Рук» – перевод стихотворения Гедвиги фон Штегеманн (в замуж, фон Ольферс; 1799–1891) «An die Grossfürstin Alexandra als Lalla Rookh» («Великой княгине Александре – Лалле Рук»). Подробнее см.: Dietrich Gerhardt. Vergangene Gegenwartigkeiten. Göttingen, 1966. S. 34, 50). Гедвига фон Штегеманн принимала участие в Берлинском празднике (подробнее см. примеч. к стихотворению «Лалла Рук»): она позировала в живых картинах в костюме индийской девушки, и ее стихотворение написано от лица участницы праздничного шествия. Немецкий текст стихотворения напечатан в кн.: Gedichte von Hedwig von Olfers, geb. Stegemann. Berlin, 1892. S. 44; его приводит также и Д. Герхардт в своем исследовании (Dietrich Gerhardt. Op. cit. S. 84). Биографические сведения о Гедвиге Штегеманн-Ольферс см.: Allgemeine deutsche Biographie Bd. 35. S. 257. В мае и ноябре 1821 г. Жуковский почти ежедневно встречался с Гедвигой фон Штегеманн в салонах принцессы Элизы Радзивилл и Марии фон Клейст, кузины известного немецкого писателя Генриха фон Клейста (Дневники. С. 118–119, 169–170, 172–175; см. также комментарий к стихотворению «Узрев черты сии пленительно-живые...»).

За исключением перемены заглавия перевод Жуковского в метрическом (4-стопный ямб), строфическом (8 катренов) и смысловом отношении достаточно близок к тексту подлинника. Единственное существенное изменение – это отсутствие личного местоимения «я», которое в подлиннике встречается неоднократно. Подробнее о соотношении стихотворения «Явление поэзии в виде Лалла Рук» с немецким подлинником см.: Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи. XVIII век – первая половина XIX века. М., 1982 (ЛН. Т. 91). С. 667–669. Исследователь оказался не прав только в одном: безусловно оригинальное стихотворение «Лалла Рук» было написано Жуковским до перевода стихотворения Г. фон Штегеманн, а не параллельно переводу, и тем более не после того, как перевод был выполнен (Там же. С. 669).

Ст. 31. Улыбка уст у лица движенье... – Ср. отмеченную И. М. Семенко реминисцентность пушкинского стиха: «Улыбку уст, движенье глаз // Ловить влюбленными глазами» из «Письма Онегина к Татьяне» (Семенко. С. 40).

О. Лебедева

Воспоминание

(«О милых спутниках, которые наш свет...») (С. 225)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, №4, л. 15 об.–беловой, в составе дневниковой записи от 16 (28) февраля 1821 г. (ср.: Дневники. С. 103).

2) РНБ, оп. 1, № 70, л. 149–беловой, в составе статьи «Воспоминание».

3) ПД. № 10102, титульный л.–беловой, в альбоме П. И. Кеппена, – с подписью: «В. Жуковский».

4) ПД. №22728, л. 2–беловой, в альбоме А. А. Воейковой; далее следует на-писанное рукою Жуковского рассуждение: «Нет и были: какая разница!» и т. д., с датой: «13 июня 1822 г.»

Впервые: МТ. 1827. Ч. 15. №9. Отд. 2. С. 3–с заглавием: «К NN» и подписью: «В. Жуковский».

В прижизненных изданиях: с 4–5 (с 4–т. 6. С. 42, отдел: «Смесь»; с 5 – в подборке стихотворений 1822 г.).

Датируется: 16 (28) февраля 1821 г.

В дневниковой записи под датой 16(28) февраля 1821 г. находится ранняя редакция стихотворения:

О прежних спутниках, которые наш свет Своим сонутствием для нас животворили, Не говори с тоской: ил нет, Скажи с любовью: би.ш.

К этой дневниковой редакции стихотворения Жуковский прибавляет следующую запись, которая является автокомментарием к тексту «Воспоминания»: «Нет и были: какая разница! В нервом – потеря, в последнем – воспоминание. Нет значит исчезли, были значит оставили след свой. Прекрасная жизнь тех, которых мы лишились, освещает для нас и землю, и жизнь нашу! Решительная минута разлуки

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
миновалась: они навеки преданы воспоминанию, за них уже не страшишься, недоумения кончились, их будущее не приводит в трепет; печаль об них из страдания обратилась в благодетельную для сердца любовь; можешь всем делиться с ними свободно: их образ равно светел для нас и при нашем счастье, и при нашем несчастье; ни то, ни другое уже не изменит их жребия; но и в том, и в другом они с нами, воспоминанием, ободряющим ее в несчастье—такое воспоминание есть для нас совесть» (Дневники. С. 104).

Эта запись, возникшая в связи с памятью о матери великой княгини Александры Федоровны – прусской королеве Луизе (см. примеч. к стихотворению «В ту минуту, когда ты в белой брачной одежде...»), о чем говорится далее в дневнике, стала основой для развития романтической философии воспоминания в творчестве Жуковского. Еще в дерптских письмах-дневниках 1814–1815 гг., адресованных Маше Протасовой, а затем в альбоме графини С. А. Самойловой (1819–1820 гг.) Жуковский создает оригинальный образ воспоминания: «Я когда-то сказал: счастье жизни состоит не из отдельных наслаждений, но из наслаждений с воспоминанием, и эти наслаждения сравнил я с фонарями, зажженными ночью на улице: они разделены промежутками, но эти промежутки освещены и вся улица светла, хотя не вся составлена из света. Так и счастье жизни! Наслаждение-фонарь, зажженный на дороге жизни; воспоминание-свет, а счастье-ряд этих фонарей, этих прекрасных, светлых воспоминаний, которые всю жизнь озаряют...» (Кульман. С. 1081. Ср.: РС. 1902. т. по. С. 191).

К формуле «не говори (...) нет, но (...) были» Жуковский неоднократно возвращается в своих стихах («к своему портрету»), письмах (см., например, письмо А. П. Елагиной от 12 ноября 1823 г.: «Маша для нас существует. Прошедшее не умирает. Не говорите: ее нет!.. Говорите: она была» – УС. С. 39–40).

Показательно, что в 1838 г. Жуковский, посетив Веймар, вписал в альбом канцлера Фридриха фон Мюллера, собеседника и друга Гёте, автоперевод этого четверостишия на немецкий язык. Вот его текст:

Von den Geliebten, die fiir dich die well Durch ihr Milleben cinst verschonert haben, Sprich nicht mit Schnierz: sic sind nicht tnehr, Sprich dankcrfullt: sic icarcn.

Joukowsky 3/15 September

(Gerhardt Dietrich. Eigene und ubersetzte deutsche Gedichte Zukovskijs // Горски виленец а Garland of Essay offered to Prof. Elizabeth Mary Hill. Cambridge, 1970. P. 137). «Воспоминание» в немецком варианте стало своеобразным цветком на могилах Гёте.

Наконец, в статье «Воспоминание» (автограф № 2), относящейся уже к первой половине 1840-х гг., Жуковский вновь цитирует дневниковую запись 1821 г., пред-послав ей в качестве своеобразного эпиграфа свое любимое четверостишие (ПСС. т. 11. С. 23).

Таким образом, стихотворение «Воспоминание» – это своего рода жизненная программа Жуковского, основанная на его оригинальной философии и психологии воспоминания, которая может быть серьезной опорой для душевной гармонии (об этом подробнее см.: Веселовский. С. 250–253).

Ю. Шамурин в статье «Московские кладбища» отмечал: «... постоянно повторяется на могилах начала XIX века красивое четверостишие Жуковского...» (Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 8. М., 1911. С. 114).

Ф. Канунова

В альбом Е. А. Алябьевой, рожденной Римской-Корсаковой («Кто вас случайно в жизни встретит...») (С. 225)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Москвитянин. 1852. кн. 1. №18. Сентябрь. С. 126–с заглавием: «В альбом Е. А. Алябьевой. Стихотворение Жуковского» и датой: «16 (28) июня 1821. Карлсбад».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 16 (28) июня 1821 г.

В примечании к первой публикации в «Москвитянине» говорится: «Мы обязаны С. П. Стромилу за сообщение следующего стихотворения Жуковского, которого всякая строка для нас любопытна».

Адресат альбомного экспромта Жуковского–княжна Екатерина Александровна Римская-Корсакова (1803–1854), в первом браке Офросимова; с 1840 г. жена композитора А. А. Алябьева (см.: Тимофеев Г. Н. А. А. Алябьев: Очерк жизни и творчества. М., 1912). К сожалению, дневниковые записи Жуковского за июнь 1821 г. отсутствуют. Никаких других свидетельств о встречах Жуковского с Е. А. Римской-Корсаковой не обнаружено.

Н. Вётшева

Море Элегия

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
(«Безмолвное море, лазурное море...») (С. 226)

Автографы:

1) ПД, ф. 274, оп. 1, №402, л. 25–черновой, без заглавия.

2) ПД, ф. 274, оп. 1, №402, л. 24–24 об.– беловой, с подписью: «Жуковский».

Копия (ПД, ф. 234 (Плетнев), оп. 1, № 12, л. 3 об.–4)–рукою П. А. Плетне-ва, с датой: «15 июня 1847. Спасская Мыза близ Петербурга».

Впервые: СЦ на 1829 год. СПб., 1828. С. 152–153–с подписью: В. Жуков-ский.

В прижизненных изданиях: С 4, 5–с подзаголовком: «Элегия», в С 5 – в подборке произведений 1822 г.

Датируется: предположительно август–сентябрь 1821 г.

К жанровому определению «Моря» Жуковский пришел не сразу. В «Общем ог-лавлении» поэт поместил стихотворение в раздел «Смесь» (Матяш. С. 153). Одна-ко в С 5 Жуковский назвал «Море» элегией, вынеся это определение в заглавие. В стихотворении отражается эволюция элегического жанра Жуковского. Здесь на-личествует то, что характерно для зрелой поры этого жанра: переход из области отвлеченных общечеловеческих законов бытия к личностному, лирическому их выражению и одновременно к поиску символического языка.

Это просматривается в самом процессе работы над текстом, где все более чет-ко проявляется личностный план стихотворения – восприятие моря очарован-ным и встревоженным лирическим «я». Такие стихи, как «Стою очарован над бездной твоей...» или «Открой мне глубокую тайну твою...», появились не сразу, а в процессе творческих поисков. Вместе с этим усиливается мотив смятения, тре-воги, утраченной тишины. В нарастающей поэтической оппозиции «море–небо» передана сложность человеческой жизни, исполненной тайн, тревоги и смятения, которые приходят на смену радости и тишины. Вопросительная интонация под-черкивает напряженность поисков поэта и углубляет мотив таинственности про-исходящего.

А. С. Пушкин высоко оценил «Море». Он писал П. А. Вяземскому от 25 января 1829 г.: «Читал „Цветы“? Каково „Море“ Жуковского–и каков его Гомер» (Пуш-кин. Т. 14. С. 400). Юный Лермонтов на пансионском акте 1829 г. «прекрасно про-изнес стихи Жуковского к Морю и заслужил громкие рукоплескания» (М. Ю. Лер-монтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 77).

Никаких прямых свидетельств о времени работы Жуковского над стихотворе-нием не обнаружено. Традиционно все комментаторы и исследователи творчества Жуковского опираются на указание поэта в последнем прижизненном собрании сочинений (С 5. Т. 4. С. 132)–1822 г. Но можно высказать предположение, учи-тывая приблизительность датировок в этом издании (как правило, они относятся к подборке стихотворений), что «Море» было написано во время заграничного пу-тешествия 1821 г., скорее всего в августе–сентябре, когда Жуковский буквально

608

«идет» по следам Байрона, читая его произведения, слушая воспоминания о нем (Дневники. С. 137, 139), наконец, приступив 5 сентября к переводу «Шильонского узника» (Дневники. С. 140). Путешествие по Италии не могло не вызвать в памя-ти поэта морские пейзажи Байрона из заключительной четвертой (итальянской) песни «Чайльд Гарольда», в частности 178–184 строфы. Ср.:

Без меры, без начала, без конца,

Великолепно в гневе н в покое.

Ты в урагане – зеркало Творца,

В полярных льдах и в синем южном зное

Всегда неповторимое, живое...

(Перевод В. Левика)

Это тем более кажется правдоподобным, если учесть, что летом 1819 г. Батюш-ков перевел 178–ю строфу четвертой песни «Странствований Чайльд Гарольда» («Есть наслаждение и в дикости лесов...», своеобразный пролог к «морским» стро-фам Байрона. Перевод этих же строф был сделан и И. И. Козловым. Как извест-но, элегия А. С. Пушкина «Погасло дневное светило...» (1820) была напечатана первоначально с пометой: «Черное море. 1820. Сентябрь», а в сборнике 1826 г. имела помету в оглавлении: «Подражание Байрону». Элегией «Море» Жуковский дополнил традицию русской романтической маринистики, создав одновременно свой эстетический манифест. Подробнее об этом см.: Жилыкова Э. М. О философ-ской природе лирики В. А. Жуковского // Художественное творчество и литера-турный процесс. Томск, 1982. Вып. 4. С. 112–128.

Ф. Канунова

«Узрев черты сии пленительно-живые...»

(С. 227)

Автограф (РНБ, оп. 1, №4д, л. 27)–беловой, в составе дневниковой записи от 1 декабря 1821 г.

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. СП.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 1

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
декабря 1821 г.

Публикуя это четверостишие, И. А. Бычков высказал предположение о том, что оно посвящено великой княгине Александре Федоровне и ее матери – прусской королеве Луизе (Бумаги Жуковского. С. 11). П. А. Ефремов, отнеся четверостишие к 1 декабря 1823 г. (?), присоединился к этому предположению (С 9. Т. 2. С. 560). Однако оснований для такой атрибуции адресатов этой записи нет никаких: к этому времени великая княгиня уже уехала в Россию, вряд ли можно было говорить о «пленительно-живых» чертах умершей 11 лет тому назад королевы Луизы.

20 – 295

609

Сам контекст дневниковой записи и некоторые обстоятельства жизни Жуковского этого времени позволяют говорить, что четверостишие, находящиеся в берлинском дневнике конца 1821 г., относится к Марии Клейст и ее дочери Луизе (Лулу), салон которых Жуковский постоянно посещает в это время, а в дневнике неоднократно упоминает о его хозяйке и ее дочери (см.: Дневники. С. 171–173). В письме к прусскому кронпринцу, будущему королю Фридриху-Вильгельму IV, от 4 (10) июля 1822 г. он, в частности, сообщал: «Я вспоминаю Берлин с признательностью и даже как бы с тоской по родине. Там оставил я друзей, которых буду нежно любить всю жизнь, особенно семейство Клейст. Можно ли чувствовать себя более „дома“, чем я себя чувствовал у них?» (РБ. 1912. Ноябрь–декабрь. С. 144. Подлинник по-французски). Позднее он вспоминал: «Мы породнились душой в то время, когда я жил в Берлине (1821 г.). Там я познакомился с ее матерью и с нею. Мать ее была несравненная женщина; я любил ее детски, она любила меня матерински...» (УС. С. 60).

Кузина известного немецкого писателя Генриха Клейста, Мария фон Клейст (урожд. Гвалтиери; 1761–1831), была образованнейшей женщиной своего времени. В ее салоне собирались представители берлинской интеллигенции и прусского королевского двора. Она благословила Жуковского на перевод индийского сказания «Наль и Дамаянти» в переложении немецкого поэта Фридриха Рюккерта (см.: Описание. № 1986).

Ее дочь Луиза, которую Жуковский в дневниках называл Лулу (в замуж, гр. Стош; 1800–1855), также не была чужда эстетических увлечений. В немецкой мемуарной литературе существовала версия об увлечении ею Жуковского и даже указывалось, что он просил ее руки (см.: Elisa Radziwill. Ein Leben in Liebe und Leid. Unveröffentlichte Briefe der Jahre 1820–1834 herausgegeben von Dr. Bruno Hennig. Berlin, 1922. S. 85. За эти сведения выражаю искреннюю признательность г-ну Клеменсу Хейфусу, библиографу Гамбургской университетской библиотеки). Позднее, в 1835 г. Жуковский писал о ней: «Дочь, создание несравненное; она теперь замужем, мать семейства; пишет ко мне письма несравненные» (УС. С. 61).

А. Янушкевич

В альбом А. А. В. (оейковой)

(«Ты свет увидела во дни моей весны...») (С. 227)

Автографы:

1) ПД. №27787, л. 1–беловой, с карандашной пометой рукою Жуковского: «В альбом А. А. В. (оейковой)».

2) ПД. №27787, л. 2–черновой, с разночтениями в ст. 1 «Пришла на землю ты во дни моей весны...») и ст. 6 («Святые радости друзьями подлетели...»).

Ко и и я (ПД. № 27787, л. 3) – рукою неустановленного лица, неполная (фрагменты последних четырех стихов).

Впервые: С 5. Т. 2. С. 150–с заглавием: «В альбом А. А. П.»; отнесено к 1814 г. В «Общем оглавлении» к С 5 помещено в отдел «Смесь» с той же датой (Матяш. С. 154).

Датируется: 1821 г.

П. А. Ефремов (С 7–9) и вслед за ним И. М. Семенко (С 2. Т. 1. С. 408) приводят неверные сведения о времени первой публикации стихотворения «В альбом А. А. П.», указывая ее источник как ВЕ. 1814. №5. Март. В этом номере ВЕ опубликовано стихотворение А. Ф. Воейкова «К Ек. (атерине) Аф. (анасьевне) П. (ротасовой)» (ВЕ. 1814. № 5. Март. С. 33). В связи с этим датировка стихотворения «В альбом А. А. П. (ротасовой)» 1814-м г. представляется спорной, поскольку черновой автограф записан на бумаге с водяным знаком: «J. whatman. 1821»; карандашная помета: «В альбом А. А. В. (оейковой)» в белом автографе указывает на время после замужества и перемены фамилии адресата, а хронологический период создания (1814 г.) не подтвержден фактом ранней публикации. Датировка С 5 также не может быть решающим аргументом: известно, что в ряде случаев датировки в этом издании противоречат объективным данным автографов и первых прижизненных публикаций. Напротив, отнесение стихотворения «В альбом А. А. П.» к 1821 г. вполне согласуется с известными фактами биографии А. А. Воейковой и В. А. Жуковского. Опубликованные М. Л. Гофманом письма

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh Жуковско-го к А. И. Тургеневу и А. А. Воейковой от февраля 1821 г. и без точной даты (отне-сенные Гофманом к 1821 г. в целом) свидетельствуют о том, что стихотворение Жуковского могло быть навеяно сообщением о взаимной любви А. И. Тургенева и А. А. Воейковой, которое Жуковский получил от них в начале 1821 г. Ср.: «Я по-лучил твое письмо и в нем Сашино из Дерита. (...) помни, что между нами теперь Саша. Описывая себя, ты совершенно описал меня, и кажется, мы можем быть взаимным лекарством» (Гофман. С. 159–160). Ср. также в другом письме: «Моя Сашка есть точно Ангел, прилетевший на нашу с тобою землю из рая (...) я обра-довался твоей любви к ней как будто бы своей; я увидел в этой любви одно наше, общее благо, увидел в нем нашу прежнюю дружбу; я ни минуты не подумал о сча-стии, ибо не счастье для тебя главное (...). Будем же радоваться ангелу и беречь его на земле от земного...» (Гофман. С. 161–162). О том, что Жуковский ошибся в истолковании чувства А. А. Воейковой и А. И. Тургенева свидетельствует собст-венноручная приписка первой в письме к ней Жуковского, копию которого она послала А. И. Тургеневу: «Многое может ли в свете горе сравниться с тем, что жу-ковский ошибся в этом случае. Благодетельное влияние!» (Там же. С. 164). Почти одновременно с упомянутыми письмами А. И. Тургенева Жуковский получил совместное письмо от М. А. Мойер и А. А. Воейковой, на которое ответил вышеупомянутым письмом к последней-и, вероятно, стихотворением «В аль-бом к А. А. П.», где очевидны реминисценции из стихотворения «Стихи, прислан-ные с комедиями, которые к*** хотели играть» (1811), посвященного обеим сест-рам Протасовым, где они фигурируют под именами «Аллегро» (А. А. Протасова) и «Пенсероза» (М. А. Протасова). См. комментарий в т. 1 наст. изд. В письме А. А. Воейковой, опубликованном М. Л. Гофманом, образы сестер Протасовых также сливаются в сознании Жуковского воедино. Ср.: «... какая разница в вашей судьбе и, несмотря на то, какое сходство в действии» (Гофман. С. 163–164). Об этом же свидетельствует и то, что Жуковский характеризовал чувство А. А. Воей-ковой к А. И. Тургеневу одним из излюбленных образов, определяющих его соб-ственное чувство к Маше: «Et vous aussi vous avez monte la montagne de Cachemire» [И вы тоже поднялись на гору Кашемира.–фр.] (Гофман. С. 164; об истории этого образа см. примеч. к стихотворению «Лалла Рук»). Таким образом, стихотворение «В альбом А. А. П.» может быть интерпретировано как своеобразное предостере-жение Жуковского, высказанное в ответ на доверенность его любимой племянни-цы и лучшего друга.

Жуковский впервые опубликовал стихотворение лишь в 1849 г., уже после смерти А. А. Воейковой и А. И. Тургенева, участников драматической истории 1821 г., но и датировка 1814-м г. и заглавие: «В альбом А. А. П.» свидетельствова-ли о том, что он не хотел тревожить память своих самых близких друзей и давать материал для пересудов.

Ст. 8. И Ангел прелести, твоя родня, с любовью...– Ср. в «Стихах, присланных с комедиями, которые к*** хотели играть» (1811): «Твой Ангел прелести-с то-бою». «Ангел прелести» – устойчивый поэтизм лирики Жуковского 1813–1814 гг., обозначающий М. А. Протасову (см. примеч. к стихотворению «К Воейкову» в т. 1 наст. изд.).

Ст. 12–13. У входа в свет с живой и ждущей душой II Ты в их кругу стоишь, прелест-на, как они...– Ср. в «Стихах, присланных с комедиями, которые к*** хотели иг-рать» строки, обращенные к М. А. Протасовой: «О, Пенсероза! Ты у входа в свет, как гений, // Стоишь, пленительна!..»

О. Лебедева
1822

(ШУТОЧНЫЕ ЗАПИСКИ К Н. И. ГНЕДИЧУ)

Три стихотворные записки Жуковского, обращенные к известному поэту Ни-колаю Ивановичу Гнедичу (1784–1833)–естественное звено их многолетних личных и творческих отношений.

Впервые Гнедича с Жуковским заочно знакомит К. Н. Батюшков. С начала 1810 г. в переписке с Гнедичем он настойчиво говорит об интересе Жуковского к Гнедичу и его произведениям. 6 мая 1811 г. в письме Батюшкова к Гнедичу появ-ляется приписка Жуковского с выражением сердечной симпатии и пожеланием «здоровья, удовольствий и более досуга, чтобы почаще быть наедине с Гомеровым гением» (Батюшков. Т. 2. С. 168). В конце 1814–начале 1815 г. поэты обменива-ются письмами, где Жуковский вспоминает о мимолетной встрече с Гнедичем в Москве и предлагает: «Давайте же руку, любезный родня но Парнасу» (СС 1. Т. 4. С. 561).

История личных и творческих отношений поэтов начинается в июне 1815 г., после переезда Жуковского в Петербург. Еще в начале июня Батюшков пишет Гнедичу: «Познакомься с ним потеснее: верь, что его ум и душа-сокровище в на-шем веке» (Батюшков. Т. 2. С. 336), а уже 11 августа 1815 г. он просит Гнедича вместе с Жуковским перечитать и поправить свою сказку «Странствователь и до-мосед» (Там

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
же. С. 345).

В дальнейшем (вплоть до смерти Гнедича, на которую Жуковский, находясь за границей, откликнулся записью в дневнике: «Известие о смерти Гнедича»–Днев-ники. С. 256) отношения Жуковского и Гнедича были приятельскими и творче-скими (см.: Семинарий. С. 121–122). Свидетельство тому–их многолетняя пере-писка и шуточные записки Жуковского. Залогом этой дружбы стал экземпляр книги «Илиада Гомерова, переведенная Н. Гнедичем» (ч. 1–2. СПб., 1829)–с дарственной надписью на обложке 1-й части: «Почтенному другу Василию Анд-реевичу Жуковскому от Гнедича» и многочисленными пометами и записями Жу-ковского (Описание. № 2504). Три шуточные записки Жуковского относятся к разному времени (1822, 1823, 1828) и с учетом хронологического принципа издания помещены в соответствующ-их годовых подборках, но с указанием их порядкового номера (I, II, III).

I

(«Сладостно было принять мне табак твой, о выпренный Гнедич!..») (С. 229)

Автограф (РНБ, он. 2, №95, л. 10)–беловой. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: РА. 1867. №2. Стб. 311–312–с заглавием: «Шуточная записка В. А. Жуковского Н. И. Гнедичу» и указанием: «С автографа».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: вторая половина 1822 г.

По всей вероятности, стихотворная записка Жуковского относится ко второй по-ловине 1822 г., времени наиболее интенсивного общения двух поэтов. В 20-х чис-лах апреля 1822 г. в СПб. выходит в свет отдельной брошюрой «Шильонский уз-ник, поэма Лорда Байрона. Перевел с английского В. Ж.», в издании которой са-мое активное участие принимал Н. И. Гнедич. Книжка вышла с приложением картинки, рисованной И. Ивановым по наброску А. Н. Оленина и гравированной А. Ухтомским. Творческий союз Гнедича, Жуковского и Оленина в издании «Шильонского узника» получил поэтическое освещение в тексте шуточной запис-ки, написанной гекзаметрами, как еще одно напоминание о работе Гнедича над переводом «Илиады» Гомера.

По мнению Загарина (Л. И. Поливанова), «к тому же времени относится из-вестная шуточная записка к Гнедичу, в которой нельзя не узнать предвестника будущей неподражаемой „Войны мышей и лягушек“» (Загарин. С. 315).

Сюжет с табаком не может прояснить времени создания записки. Можно толь-ко заметить, что, по всей вероятности, Н. И. Гнедич был хорошим знатоком таба-ка, о чем свидетельствуют письма к нему Батюшкова с постоянной просьбой при-слать табак (см.: Батюшков. Т. 2. С. 79, 83, 98, 182, 184, 351). Гораздо существен-нее для уточнения датировки записки–упоминание о болезни А. Н. Оленина.

А. Янушкевич

Победитель

(«Сто красавиц светлооких...») (С. 229)

Автограф неизвестен.

Впервые: ПЗ на 1823 год. С. 376 (ц. р. 30 ноября 1822 г.).

В прижизненных изданиях: С 3–5 (в С 3, 4–отдел «Смесь», в С 3–с подзаголовком, указывающим на источник перевода: «Из Уланда»; в С 5 – в под-борке произведений 1821 г., с подзаголовком в оглавлении: «Из Уланда». В «Об-щем оглавлении» к С 5 датировано 1822-м г. (Матяш. С. 151).

Датируется: 1822 г.

Отсутствие автографа и документальных свидетельств о работе Жуковского над этим стихотворением затрудняет его датировку. Единственное основание для нее – свидетельство самого поэта в «Общем оглавлении» и дата первой публи-кации.

Перевод одноименного стихотворения («Der Sieger») немецкого поэта-роман-тика Л. Уланда (1787–1862), оказавшего заметное влияние на поэзию позднего романтизма в Германии и за ее пределами. Никаких положительных или отрица-тельных отзывов об Уланде ни в дневниках Жуковского, ни в его письмах не со-держится, но «Победитель»–один из двадцати переводов, сделанных Жуковским из Уланда в период с 1816 г. по 1832 г., т. е. когда русский поэт находился в самом расцвете творческих сил (наиболее полно переводы Жуковского из Уланда рас-сматриваются в работе С. Шестакова «Заметки к переводам В. А. Жуковского из немецких и английских поэтов» (1903) // Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А. С. Пушкина (при Казанском университете). Казань, 1903. Т. 23. С. 1–97). «Der Sieger» было написано Уландом в 1809 г. и опубликовано в «Poetischer Almanach fur das Jahr 1812» (besorgt von J. Kerner. Heidelberg, 1812; ес-ли факт знакомства Жуковского с Уландом, на который указывает Зейдлиц (Зейд-лиц. С. 130), документально не подтверждается, то достоверно известно, что с из-дателем и ближайшим другом Уланда Ю. Кернером (1786–1862) Жуковский по-знакомился в 1847 г., в дальнейшем их связывали дружеские отношения; в 1852 г. Кернер опубликовал на немецком языке свой перевод сказки Жуковского «О Ива-не-царевиче и Сером

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский Zhu
Волке», написав для него предисловие и стихотворное по-священие. В личной библиотеке поэта хранится несколько книг Кернера, в том числе с авторской дарственной надписью (Описание. №2665). Известны также воспоминания Кернера о Жуковском (см.: Gerhardt. S. 271–274).

В «Общем оглавлении» стихотворение отнесено Жуковским в отдел «Романсы и песни» и датировано 1822 г. Перевод полный, но в нем 1) изменена ритмика оригинала: у Уланда 4-стоиный хорей, белые стихи с чередованием женских окончаний; 2) Жуковский произвел некоторые замены лексического характера, эмоционально-смысловое содержание которых более или менее непосредственно связано с эмоционально-смысловым содержанием соответствующих мест оригинала (напр., «meiner Wangen» переведено «щеки моих горячих», «Sturmestoben» – «бурным вихрем»); 3) есть и вставки, не обоснованные необходимостью передачи содержания подлинника, а взятые из арсенала собственной поэтики (например, «Ihrer Blicke sanfter Schein» переведено «Светлых взоров тихий пламень», или «Ihrer Rede mildes Wehn» – «Сладкошепчущие речи» и т. п.). Жуковский передал все, чем художественно живет подлинник: мелодичность, легкость стиха. Он вос-создает песенную интонацию, с которой естественно сочетается подобранная лексика. Жуковский сохраняет, за исключением первых двух стихов, даже их зачины. Поэтическое впечатление, как и в подлиннике, передается метрической формой, гармонией слов, интонаций, композиционной симметрией («Как от щеки моих горячих... , Как рвалось пробиться сердцу»). Однако у Жуковского сцена психологичнее, чем в оригинале. Здесь перед нами жизнь души, переданная на контрастах, как нечто очень подвижное. Отсюда – ассоциативность, смысловая емкость стихотворения Жуковского. Он вносит в перевод сильные чувства и вместе с тем закрепляет в нем черты народности: сохраняет остродраматический сюжетный принцип, параллелизм, использует народно-несенные интонации. Жуковский, таким образом, прекрасно передает эмоционально-смысловую сторону подлинника, но нередко собственными стилистическими средствами.

Стихотворение положено на музыку М. И. Глинкой и Н. Н. Черепнинным.

И. Айзикова

1823

(Записка к Н. И. Гнедичу) II

«Я также, Николай Гомерович почтенный...»

(С. 230)

Автограф (РНБ, оп. 2, №95, л. 17 об.) – беловой. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 7. Т. 6. С. 446 – из письма А. А. Воейковой к Н. И. Гнедичу от 2 февраля 1823 г.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 2 февраля 1823 г.

Четверостишие является припиской Жуковского к письму А. А. Воейковой, в котором она поздравляет Гнедича с днем рождения. Вот текст этого письма: «Козлов сказывал мне, что нынче ваше рождение, любезный и почтенный Н. И. Спе-шу изъяснить вам душевное желание всего в мире хорошего и достойного вас [Рукою Жуковского между строк: „То есть денег и жены, или жены и денег, или просто денег“]. Поздравление же с этим днем принесу не вам, а друзьям вашим [Рукою Жуковского: „// мне принесла“]. Почитающая вас душою Александра Воейкова. – 2 февраля» (С 7. Т. 6. С. 446).

Жуковский в это время жил вместе с Воейковыми в Петербурге в доме Меншикова; отсюда его активное участие в написании поздравительного письма А. А. Воейковой Гнедичу.

Ст. 1. ...Николай Гомерович... – обращения Жуковского в письмах к Гнедичу самые разнообразные: «любезный Гандишь», «любезнейший Гнедок», «любезный Николай», «любезный Гнедко» (см.: СС 1. Т. 4. С. 573–574, 587), но чаще всего «Николай Гомерович» – как указание на главный поэтический труд Гнедича, перевод «Илиады» Гомера.

А. Янушкевич

Ночь

(«Уже утомившийся день...») (С. 230)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 42 – черновой набросок карандашом между строк записанного рукою неустановленного лица немецкого текста с датой: «Dorpat, d.(en) 26 Feb.(ruar). 1823».

2) ПД. № 22728, л. 119 – беловой, без заглавия и подписи, в альбоме А. А. Воейковой.

3) РНБ, ф. 608 (Помяловский), он. 1, №4875 – беловой, на отдельном листке, с заглавием: «Баркарола» и подписью: «Ж.»

Кони (РГИА, ф. 1673 (А. С. Шишков), оп. 1, № 287, л. 1) – рукою неизвестного

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский зhu
лица, с пометками П. А. Вяземского.

Впервые: СЦ на 1825 год. СПб., 1824. С. 286–с заглавием: «Ночь» и подпи-сью:
«ЖУКОВСКИЙ».

В прижизненных изданиях: с 4–5 (в с 4–отдел «Романсы и песни»; в с 5 отнесено к
1815 г.).

Датируется: 26 февраля 1823 г.

Единственным основанием для датировки текста стихотворения «Ночь» явля-ется
дата, проставленная в черновом автографе с параллельным немецким тек-стом, между
строк которого Жуковский набросал карандашом первоначальный вариант 9 стихов
своего перевода (4 стиха первой строфы и 5 стихов второй). В альбоме А. А.
Воейковой автограф стихотворения «Ночь» расположен между запи-сьями от 10 октября
1823 г. (л. 116) и 10 июня 1824 г. (л. 123), однако это не может быть основанием
для датировки стихотворения указанным промежутком време-ни, поскольку альбом
заполнялся в совершенно произвольном хронологическом порядке.

Можно предположить, что первоначальный набросок перевода был сделан Жуковским
сразу по получении немецкого текста, а свой окончательный вид сти-хотворение
«Ночь» обрело несколько позже–возможно, вскоре после смерти М. А.

Протасовой-Мойер (19 марта 1823 г.). Это предположение косвенно под-тверждается
тем фактом, что стихотворение на смерть М. А. Мойер «9 марта 1823» заканчивается
двумя стихами из любимого ею романа А. Вейрауха «Sterne der Nacht!» («Звезды
ночи!»–нем.; в переводе Жуковского: «Звезды небес! Тихая ночь!»). Стихотворение
«Ночь» развивает те же мотивы целительной силы и уте-шения тихой звездной ночи.
Поскольку текст немецкого подлинника стихотворения «Ночь» известен толь-ко по
анонимному автографу в архиве Жуковского и лишь однажды был напеча-тан А. Н.
Веселовским (Веселовский. С. 500; см. также: Dietrich Gerhardt. Die Zeit und das
Weltproblem // Rheinisch-westfälische Akademie der Wissenschaften. Vortra-ge. G.
299. westdeutscher Verlag, 1989. S. 36), мы считаем необходимым привести его
здесь с подстрочным переводом:

Schon sank auf rosiger Bahn Уже спустился по розовой дороге
Der Tag in wallendc Flutheii, День в бурлящие волны,
Lain?nd auf brciinendc Gluthen, Освежая пылающий зной,
Weht nun die kuhlс uns an. Обвевает уже пас прохлады.
Und hoch voni himlischcn Bogcn И свыше, с небесного свода
Kowsh! her die Mutter gczogen, Нисходит Мать,
Hesperus wandcll so sacht Геспер так тихо восходит
I in siisseii Frieden der Nacht. В сладком мире ночи.
Копни' denii, о hhninliche, Du, Приди же, о небесная, ты,
Und wehre den nagendeii Schnierzcn, И исцели гложущую боль,
Fille die schlagcndcn Herzen, Наполни бьющиеся сердца,
Die arm(mi, mil secliger Kuh'. Бедные, блаженным покоем.
Mil deinein fachcliiden Schwingen, Твоими овевающими крыльями,
Mil sail ft ciischlatcrndcni Singen, Нежно усыпляющим пением
Wiege die kinderhcii dein Убаюкай твоих деток,
O, wiege, wiege sie ein! O, убаюкай, убаюкай их!

Д. Герхардт, высоко оценивая эстетическое достоинство немецкого текста, ста-вит
его наравне со стихотворениями «Ночь» Гердера и «Ночная песнь» Ф. Гebbe-ля (см.:
Dietrich Gerhardt. Op. cit. S. 40–41), поэтому вопрос об авторе немецкого
подлинника стихотворения «Ночь» представляет самостоятельный интерес. Из числа
деритских друзей Жуковского, известных своей литературной деятельно-стью (Мартин
Асмус, 1784–1844; Карл фон дер Борг, 1794–1848; Август Вейраух, 1788–1865),
автором романа «Ночь» скорее всего мог быть именно Август Вейра-ух, которого
«современники считали (...) выдающимся композитором и лучшим поэтом Прибалтики»
(Ж. и русская культура. С. 455; подробно о Вейраухе и его отношениях с Жуковским
см.: Там же. С. 449–455; Eichstadt. S. 39–88).

Д. Герхардт на основе стилистического анализа текстов «Sterne der Nacht!» (в
переводе Жуковского–«Звезды небес!..»), «Der neue Pygmalion» (в переводе
Жу-ковского– «Тронься, тронься, пробудись!..») и «Schon sank auf rosiger
Bahn...» (в переводе Жуковского–«Ночь») высказал предположение, что все три
текста при-надлежат одному поэту (Dietrich Gerhardt. Op. cit. S. 42). Х.
Эйхштедт, в свою оче-редь, считает автором первых двух именно Августа Вейрауха
(Eichstadt. S. 83, 85). Таким образом, наиболее вероятным представляется то, что
три вышеперечис-ленных текста являются оригинальными стихотворениями А.
Вейрауха. Подроб-ный анализ перевода стихотворения «Ночь» в сравнении с текстом
немецкого подлинника и в контексте немецкой романтической «ночной лирики» см.:
Dietrich Gerhardt. Op. cit. S. 36–44.

Стихотворение Жуковского «Ночь» было дважды переведено на немецкий язык: автором
одного перевода был Фридрих Боденштедт (Friedrich Bodenstadt's Gesammelte
Schriften. Berlin, 1866. Bd. 7. S. 153), автором другого–Эллис (Лев

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh (Кобылинский): Leo Kobylinski-Ellis. Das goldene Zeitalter der russischen Poesie: W. A. Joukowski, seine Persönlichkeit, sein Leben und sein Werk. Paderborn, 1933. S. 160.

Стихотворение положено на музыку А. Рубинштейном и Г. Коргановым.

О. Лебедева
9 марта 1823

(«Ты предо мною...») (С. 231)

Автографы:

1) ПД. № 22728, л. 111 – белой, в альбоме А. А. Воейковой.

2) ПД. Р. I, оп. 9, л. 1 – белой, с заглавием: «9 марта». Копия (ПД. Р. I, он. 9, л. 2) – рукою неустановленного лица. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 7. Т. 3. С. 491 – с заглавием: «9 марта 1823». Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 19 марта 1823 г.

Стихотворение является откликом на смерть М. А. Протасовой-Мойер, кото-рая скончалась во время родов 18 марта 1823 г. в Дерпте. Поэт вспоминает в нем о последнем свидании с умершей, но вечно живой в его сознании Машей Протасовой.

Дата создания стихотворения (после известия о смерти – 19 марта) и время, о котором оно рассказывает (последнее свидание – 9 марта), слились в сознании комментаторов этого произведения, и оно получило почти во всех посмертных изданиях (см.: С 8–10, ПСС, Стихотворения, СС 1 и др.) заглавие: «19 марта 1823». Виновником этой путаницы оказался биограф поэта К. К. Зейдлиц. В своей книге «Жизнь и поэзия В. А. Жуковского...» (СПб., 1883) он «поправил» издателя С 7 П. А. Ефремова, который впервые опубликовал текст стихотворения, вероятно, основываясь на автографе № 2, и дал верное заглавие: «9 марта 1823» (см.: С 7. Т. 3. С. 491). «... тут неверно озаглавлено, – писал К. Зейдлиц по поводу С 7, – вместо 9-го марта должно быть 19-е – день смерти Марии Андреевны» (Зейдлиц. С. 134). Начиная с С 8 Ефремов, прислушавшись к мнению биографа Жуковского, изменил заглавие стихотворения на «19 марта 1823», и это ошибочное заглавие продержалось в изданиях сочинений Жуковского до 1973 г., (см.: Жуковский В. А. Избранное. Л., 1973. С. 126), когда наконец И. М. Семенко не восстановила подлинное заглавие, подчеркнув в примечании к стихотворению, что в нем «речь идет о последнем свидании с М. А. Протасовой, состоявшемся в Дерпте именно 9 марта» (СС 2. Т. 1. С. 414).

Об этой встрече Жуковский писал А. П. Елагиной 28 марта 1823 г.: «10 числа я с ними простился, без всякого предчувствия, с какою-то непонятною беспечно-стью (...). Через полчаса всё готово к отъезду; встаю, подхожу (...) она спала; но мой приход ее разбудил – хотела встать, но я ее удержал. Мы простились, она просила, чтобы я ее перекрестил, и спрятала лицо в подушку – и это было последнее на этом свете» (РС. 1883. № 10. С. 84).

Последующие письма Жуковского к родным, прежде всего к задушевной подруге Маши Протасовой – к А. П. Елагиной, являются своеобразным прозаическим комментарием к стихотворению. Ср.: «Время ничего не сделает... Разве только одно: наш милый товарищ будет час от часу ощутительнее своим присутствием; я в этом уверен. Мысль об ней полная ободрения до будущего, полная благодушием за прошедшее – словом, религия! Саша, вы и я будем жить друг для друга во имя Маши, которая говорит нам: незрима я, но в мире мы одним» (Там же. С. 85); «Маша более, нежели когда-нибудь, наш ангел, наш спутник, наш хранитель! В пятницу на Святой неделе мы все были на ее могиле, там слышал я под чистым небом (...) Христос воскрес! и сущим в гробех живот даровал. Это была возвышенная минута жизни» (Там же. С. 86); «Жизнь точно святых: Маша сама в этом меня теперь уверила. Счастье не нужно, чтобы этому верить. На будущее можно глядеть спокойно, ибо оно уже не отымает счастья. Оборотимся к прошедшему» (Там же. С. 88). Поэтическим постскриптумом к «9 марта 1823» станут стихотворения «Ты всё жива в душе моей...» и «Звезды небес...», воссоздающие «память сердца» поэта (см. примеч. к этим стихотворениям).

Еще В. М. Жирмунский указал на сходство этого стихотворения со стихотворением немецкого поэта-романтика Клеменса Brentano (Brentano, 1778–1842) «An Sophie Brentano», посвященного памяти его умершей сестры Софии. «Сходство этих стихотворений, главным образом, – писал исследователь, – в своеобразном ритме (двустопный ямб, без рифмы, попеременно мужское и женское окончание, есть свобода в перестановке ударений, которая у Жуковского проявилась в двух заключительных строках) и в общем настроении, – не в словах» (Жирмунский В. М. Религиозное отречение в истории романтизма. М., 1919. Ч. 3. С. 37–38). При этом Жирмунский и еще ранее Веселовский отмечают факт личного знакомства Жуковского с Brentano (см.: Там же. С. 38; Веселовский. С. 22). О близости этого стихотворения с другим произведением Brentano «К Софии Мери» см.: Топоров В. Н. Из исследований в области поэтики Жуковского // Slavica Hierosolymitana. The Magnes Press, 1977.

Анализ мелодики этого стихотворения был дан Б. М. Эйхенбаумом (О поэзии. Л., 1969. С. 389–390), а его ритма–С. А. Матяш (Ж. и русская культура. С. 89).

Ст. 11–12. Твоя могила, II Как рай, покойна!..– М. А. Мойер была похоронена на русском кладбище в Дерпте. Сохранился рисунок Жуковского 1823 г., изображающий ее могилу, на которой нет еще ни креста, ни бронзовой доски, установ-ленных позднее. См. также в письме Жуковского к А. П. Елагиной от 28 марта 1823 г. из Дерпта: «Ее могила наш алтарь веры, недалеко от дороги, и ее первую посетил я!» (РС. 1883. № 10. С. 84).

Ст. 17–18. Звезды небес, II Тихая ночь!..– Эти две строки, отделенные в автографе стихотворения интервалом, начало перевода фрагмента текста анонимного ав-тора из сборника А. Вейрауха (см. примеч. к стихотворению «Звезды небес...»). О месте и значении этих строк для общего смысла стихотворения «9 марта 1823» см.: Веселовский. С. 238; Стихотворения. Т. 2. С. 524; Eichstadt. S. 82–84.

И. Поплавская

«Ты всё жива в душе моей!..»

(С. 231)

Автограф неизвестен. Копии:

1) ПД. № 22728, л. 56–рукою А. А. Воейковой в ее альбоме.

2) РНБ, ф. 550, он. 3, Q XIV. 153, л. 15–рукою М. Н. Дириной, с подписью: «Ж.» При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: отчет ИПБ за 1902 г. СПб., 1910. С. 189. Ср.: Бычков И. А. Из не-изданных стихотворений Н. М. Языкова и В. А. Жуковского. СПб., 1911. С. 40. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копиям. Датируется: март 1823 г.

Отсутствие этого произведения в собраниях сочинений Жуковского–очевид-ное недоразумение. Этот небольшой текст неразрывно связан со стихотворением «9 марта 1823», рассказывающим о последней встрече поэта с М.А. Протасовой–Мойер, умершей 19 марта 1823 г. Записанное в альбоме ее сестры, А. А. Воейко-вой, прямо вслед за автографом первого стихотворения, оно стало одновременно реквиемом и эпитафией. На обороте альбомного листа–рисунок Маши, сидящей в кресле, работы А. А. Воейковой. Видимо, и рисунок был сделан незадолго до ро-дов и смерти Маши. Появление этого стихотворения в альбоме Марии Николаевны Дириной (в за-муж, фон. Рейц)–с подписью: «Ж.» – еще одно доказательство принадлежности стихотворения Жуковскому. В 1823 г. М. Н. Дирина жила в Дерпте и была близка к Мойерам–Воейковым. Вероятно, она переписала это стихотворение из альбома А. А. Воейковой, о чем свидетельствует идентичность текстов.

А. Янушкевич

Надгробное слово на скоропостижную кончину именитого ПАУКА ФАДЕЯ, служившего целые сутки комнатным пауком у Ея превосходительства Варвары Павловны Ушаковой, отличного благоденствием, обжорством и пузом и кончившего дни свои в пузырьке, в котором Ея превосходительству благоугодно было его закупорить и поминутно кувыркать. 1823-го года сентября 13 («И так ты кончил жизнь, почтеннейший наш друг!..») (С. 232)

Автограф (ПД, ф. 388, он. 1, №94) –беловой. Ср.: ИВ. 1902. №4. Апрель. С. 169–факсимильное воспроизведение. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: ИВ. 1902. №4. Апрель. С. 169.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 13 сентября 1823 г.

В примечании издателя ИВ, впервые опубликовавшего это шутивное произве-дение Жуковского, говорится: «Помещаемый здесь, в точном факсимиле,–авто-граф В. А. Жуковского любезно сообщен нам И. Н. Захарьиным, который полу-чил его от графини А. А. Толстой».

Автограф этот–шуточное, нигде еще не напечатанное стихотворение Жуков-ского. Оно написано им фрейлине В. П. Ушаковой, дочери генерал-адъютанта Павла Петровича Ушакова, бывшего воспитателя императора Николая I.

Почему паук Ушаковой заслужил такое внимание Жуковского и назывался „фаддеем“, неизвестно. Возможно, что это имя было дано ему самим Жуковским в честь известного фаддея Булгарина» (ИВ. 1902. №4 С. 169).

О Варваре Павловне Ушаковой см. примеч. к стихотворению «К Варваре Пав-ловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой».

Это стихотворение стоит в одном ряду с шутивными павловскими эпитафиями 1819 г.: «На смерть чижики», «Эпитафия Мими», «В комитет, учрежденный по слу-чаю похорон Павловской векши...», «К Столыпину».

Промежуток в полгода между смертью М. А. Мойер, стихотворениями на ее смерть и этим шутивным стихотворением–свидетельство как глубокого отчая-ния поэта, так и постепенного его пробуждения к жизни.

Н. Вётшева

Ангел и Певец

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
(«„Кто ты, Ангел светлоокой“...») (С. 232)
Автограф (РНБ, оп. 1, №30, л. 11–13)–черновой, с датой: «5 октября»; на л. 13 –
карандашный набросок рисунка, изображающего встречу двух ангелов.
Впервые: СО. 1823. №41. С. 33–с заглавием: «Ангел и Певец» и подписью: «Ж.»
В прижизненные собрания сочинений не входило.
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: 5 октября 1823 г.
В С 8 к этому стихотворению П. А. Ефремов дал следующее примечание: «В числе
празднеств, бывших в Гатчине в 1823 г. по случаю приезда невесты велико-го князя
Михаила Павловича Вюртембергской принцессы Шарлотты, был дан 6 октября
музыкальный вечер. В конце его были пропеты эти стихи, положенные на музыку
Маурером. Слова ангела пела княжна Хилкова, а певца – г. Всеволож-ский. Перед
вторым куплетом на театре, в облаках, была представлена группа, изображавшая
судьбу, которую окружали духи жизни» (С 8. Т. 2. С. 521–522). Подробное описание
праздника см.: ОЗ. 1823. Ч. 16. кн. 43.
В стихотворении речь идет о приезде в Россию Вюртембергской принцессы Фридерики
Шарлотты Марии (1806–1873), впоследствии ставшей великой княгиней Еленой
Павловной, женой великого князя Михаила Павловича. О встрече Михаила Павловича
(1798–1848), четвертого сына императора Павла I, с принцессой Шарлоттой за
границей см.: Смирнова-Россет. С. 155. Бракосочетание Еле-ны Павловны с великим
князем Михаилом Павловичем состоялось в феврале 1824 г. (см.: Шильдер. Т. 1. С.
156). В это же время Жуковский начинает давать ей уроки русского языка, о чем
сообщает А. П. Зонтаг в письме от 5 марта 1824 г.: «Скажу вам два слова о себе:
у меня теперь на руках новая, милая ученица, вел.(икая) кн.(ягиня) Елена
Павловна» (УС. С. 97–98). Елена Павловна постоян-но поддерживала дружеские
отношения с деятелями русской культуры. По сло-вам Жуковского, она «очень любила
Пушкина» (С 8. Т. 6. С. 17). Сохранились 4 за-писки Елены Павловны к Жуковскому
от 27–29 января 1837 г. с вопросами о со-стоянии раненого Пушкина (см.:
Черейский. С. 150).
В празднике, на котором было исполнено стихотворение «Ангел и Певец», принимали
участие фрейлина княжна П. А. Хилкова, спевшая партию Ангела, и Н. В.
Всеволожский (1799–1862), любитель театра и литературы, основатель
ли-тературно-театрального общества «Зеленая лампа», приятель А. С.
Пушкина–ис-полнитель партии Певца. Музыку к сочинению Жуковского написал
композитор и скрипач–виртуоз Людвиг Вильгельм Маурер (1789–1878).
О влиянии Шиллера на использование 4–стопного хорей в этом стихотворении см.:
Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Пушкин: Исследования и материа-лы. М.; Л.,
1958. Т. 2. С. 98.
И. Поплавская
«Я Музу юную, бывало...»
(С. 235)
Автографы:
1) РНБ, оп. 1, №30, л. 17, 21 – черновой, без заглавия.
2) ПД. Р. I, оп. 9, №50, л. 1–беловой 2-х первых строк, с разночтением в ст. 13:
вместо: «Его желанного возврата» – «животворящего возврата»; на отдельном
листочке, без заглавия.
Впервые: С 3. СПб., 1824. Т. 3.– в конце тома курсивом (ц. р.–6 декабря 1822
г.), с заглавием: «Я Музу юную, бывало...»
В прижизненных изданиях: С 3–4; в С 4–также в конце тома курси-вом, без указания
в оглавлении. В С 5 отсутствует.
Печатается по тексту С 4 со сверкой по автографам.
Датируется: конец 1823 г.
Черновой автограф воссоздает весь процесс работы Жуковского над текстом
стихотворения. Сначала идет прозаический план: «Я знавал дни вдохновения–тогда
Муза природы, жизни и мечты–все было пенье! Бывали дни–посвящаю их–но при-дет
ли–как странник–пока сияет солнце–не знаю»; затем возникает первый сти-хотворный
набросок:
Музу я встречал бывало В поднебесной стороне, И позванное летало Вдохновение ко
мне.
Жуковский отказывается от 4–стопного хорей, и все последующие варианты даны
4–стопным ямбом. На л. 21 возникает ритмический рисунок стихотворения. Все
наброски стихотворения предшествуют «Прощальной песне, петой воспитан-ницами
Общества благородных девиц, при выпуске 1824 года» (СО. 1824. №1). История
публикации стихотворения в С 3, видимо, включенного туда уже накану-не выхода
всех трех томов в свет (издание появилось в начале 1824 г.), позволяет
датировать его предположительно концом 1823 г. Никаких других реальных
сви-детельств о времени написания стихотворения не обнаружено.
Посвящение великой княгине Александре Федоровне, которым открывается С 3, и

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
наличие особого экземпляра этого издания, подаренного 20 марта 1824 г. Жуковским
П. И. Полетике, где стихотворение «Я Музу юную, бывало...» перенесено в т. 1 и
переплетено непосредственно за посвящением (см.: С 7. Т. 1. С. 486), давало
основания комментаторам говорить о связи этого произведения непосредственно с
личностью великой княгини и определять его как «Стихи в роде эпико-га...» (С 6.
Т. 4. С. 426).

Думается, стихотворение может рассматриваться в аспекте символической поэтики
Жуковского прежде всего как его эстетический манифест и выражение ро-мантической
концепции жизнотворчества. Особый характер его публикации (курсивом в конце
издания) свидетельствует об этом. Пушкинское стихотворение «Я помню чудное
мгновенье...», обращенное к конкретному адресату, продолжает эту линию русской
поэзии и перекликается со стихотворением Жуковского.

А. Янушкевич

Привидение

(«В тени дерев, при звуке струн, в сиянье...») (С. 236)

Автограф неизвестен.

Впервые: СЦ на 1825 год. СПб., 1824. С. 257–258, в разделе «Стихотворения», за
подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4, 5 (в С 4 отдел «Смесь», в С 5 в подборке
произведений 1821 г.).

Датируется: 1823 г.

Главной в стихотворении является тема привидения, которая очень рано стала
занимать Жуковского и как художника, эстетика, и как человека, верящего в
загробную жизнь. Привидениями населены элегии и баллады Жуковского.

Высказывалось мнение о том, что стихотворение «Привидение» генетически связа-но
с эстетикой немецкого романтизма, в частности, с третьим «Гимном к ночи» («Nupte
an die Nacht») Новалиса (Галюн. С. 27–28).

Однако в данном стихотворении речь идет, по-видимому, не о литературном,
романтическом привидении, над которым поэт сам охотно посмеивался; его шутливая
репутация «певца» таких привидений нередко обыгрывалась в «Арзамасе». Здесь же,
как и в стихотворении «9 марта 1823 года», биограф поэта (К. К. Зейдлиц) и его
исследователи (И. Жданов, И. Эйгес, И. Виноцкий) видят связь с семейным
преданием Елагиных-Мойеров о явлении М. А. Протасовой в ночь на 18.3.1823 г., т.
е. в ночь ее смерти, А. П. Елагиной, которая тогда находилась в Москве у постели
своего больного сына, а М. А. Протасова, как известно, умерла в Дерпте. 28
октября 1823 г. Жуковский писал об этом видении А. П. Елагиной: «Вы видели Машу
и во сне, и наяву в последние дни ее-я нахожу в этом что-то неизъяснимо для вас
утешительное (...) Я верю вашему видению, в нем вижу что-то естественное,
справедливое. Это награда! Но именно все это и делает жизнь высокою! До чего
может она возвысить нашу душу! И только она одна! Милая (...) я далек, слишком
далек от вашей высоты. Сны ваши меня не посещают. Но ради этих снов,
прекрасных вестников того света (...) не предавайтесь унынию. (...) Прошедшее не
умирает. Не говорите: ее нет, говорите: она была» (УС. С. 39–40). Много позднее
Жуковский вновь вспомнит об этом видении и расскажет о нем в статье конца 1840-х
гг. «Нечто о привидениях».

Видение придает А. П. Елагиной в глазах Жуковского особый статус. Жуков-ский
подчеркивает дистанцию между ею и собой и говорит о «завидном счастье, которым
он не был удостоен». Но то, что ему не было дано непосредственно, он вызывает с
помощью поэзии и воспоминания. «Не вижу глазами ее, но знаю, что она с нами», –
пишет он сразу после смерти Маши (цит. по: Веселовский. С. 237).

А. П. Елагина видела «милую гостью» воочию, а Жуковский призывает ее к себе, как
бы извлекая ее из небытия, давая ей зримый образ в своем стихотворении.

Произведение, таким образом, передает любимую Жуковским философию поэти-ческого
откровения, переживаемого при чудесном явлении посланца небес. В «Привидении»
поднимаются важнейшие для Жуковского мировоззренческие и эстетические вопросы –
о соотношении материального и духовного, о вере в Про-видение, о природе
творчества. Основным художественным образом оказывается образ «воздушной
лазурной пелены», «покрывала». Мистический опыт общения с ушедшими из жизни
«милыми спутниками» в дальнейшем станет темой постоян-ных размышлений
Жуковского, привидения окажутся героями его философско-религиозной и
автобиографической прозы. Подробнее об этом см.: Виноцкий И. Нечто о привидениях
Жуковского // НЛО. 1998. № 32. С. 147–172.

И. Айзикова

1824

Прощальная песнь, петая воспнтаннцамн Общества благородных девнц, прн выпуске
1824 года

(«Прости, убежище святое...») (С. 237)

Автограф (РНБ, оп. 1, №30, л. 19–20) – черновой.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Впервые: СО. 1824. ч. 91. № 1. С. 334–336–с тем же заглавием. То же: Но-вести литературы. 1824. ч. 8. № 13. С. 13–15. Тексты идентичны. В прижизненные собрания сочинений не входило. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: начало 1824 г.
В письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 15 февраля 1824 г. читаем: «Получил ли „Прощальную песнь“ Жуковского, не петую в Смольном монасты-ре?» (ОА. Т. III. С. 11). Это указание позволяет предполагать, что стихотворение Жуковского, написанное к февральскому выпуску 1824 г. воспитанниц Смольного института, было передано воспитанницам Общества благородных девиц.
Н. Вётшева

Таинственный посетитель

(«Кто ты, призрак, гость прекрасной?..») (С. 239)

Автограф (РНБ, оп. 1, №30, л. 31)–беловой, без заглавия и даты. Впервые: СЦ на 1825 год. СПб., 1824 (ц. р.–9 августа 1824 г.). С. 258–260– с заглавием: «Таинственный посетитель» и подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4–5 (в С 4–отдел «Романсы и песни»; в С 5 – в подборке стихотворений 1822 г.). Датируется: первая половина 1824 г.

Точной датировке стихотворение на основе известных источников не поддается. Единственный известный автограф находится среди черновых набросков стихотворений конца 1823 – начала 1824 г. В печать «Таинственный посетитель» по-пал (учитывая дату ц. р.) в начале августа 1824 г., что и позволяет предположи-тельно датировать его первой половиной 1824 г.

Исследователи и комментаторы творчества Жуковского обычно скупо говорят об этом произведении. Биограф поэта К. К. Зейдлиц указал, что «Таинственный посетитель» – оригинальное произведение, которое «обличает в себе отголоски сердечных дум Жуковского об М. А. Протасовой» (Зейдлиц. С. 130). Ц. С. Вольпе сделал предположение о том, что источником «Таинственного посетителя» «по-служили два переведенных Жуковским с немецкого стихотворения: Посвящение к „Двенадцати спящим девам“ – из Гёте и „К мимопролетевшему знакомому Ге-нию“– из Шеллинга» (Стихотворения. Т. 1. С. 385).

Еще Белинский попытался прочитать «Таинственного посетителя» как «од-но из самых характеристических стихотворений Жуковского» (Белинский. Т. 7. С. 179).

Процитировав полный текст произведения, он так комментировал его со-держание: «Поняли ли вы, кто такой этот „таинственный посетитель“? Сам поэт не знает, кто он, и думает видеть в нем то Надежду, то Любовь, то Думу, то По-эзию, то Предчувствие... Но эта-то неопределенность, эта-то туманность и состав-ляет главную прелесть, равно как и главный недостаток поэзии Жуковского» (Там же. С. 180).

«Таинственный посетитель» органично завершает своеобразный поэтический цикл 1815–1824 гг.– цикл эстетических манифестов Жуковского.

А. Янушкевич

Мотылек и цветы

(«Поляны мирной украшение...») (С. 240)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, №30, л. 29 об.–черновой, в другой редакции по сравнению с беловым автографом (см. ниже).

2) РНБ, оп. 1, № 30, л. 30 – беловой, с небольшими поправками.

Копия (пд. №22728, л. 1) – рукою А. А. Воейковой (последняя строфа), с указанием: «Из альбома С. Карамзиной». Ср.: РБ. 1916. Кн. 6. С. 69.

Впервые: СЦ на 1825 год. СПб., 1824 (ц. р.– 9 августа 1824 г.). С. 357–с подписью: «Жуковский» и примечанием: «Стихи, написанные в альбоме Н. И. И., на рисунок, представляющий бабочку, сидящую на букете из rensee [анютины глазки.–фр.] и незабудок».

В прижизненных изданиях: С 4–5 (в С 4–отдел «Романсы и песни»; в С 5 – в подборке стихотворений 1821 г.). Датируется: первая половина 1824 г.

Обоснование датировки то же, что и для «Таинственного посетителя» (см. при-меч.), так как положение стихотворений в рукописи и история их первой публи-кации одинаковы.

Окончательной редакции стихотворения предшествует черновая, которую можно считать самостоятельным вариантом (ранней редакцией). Приводим ее текст:

Вот, что однажды я сказал,
Смотря, как мотылек вертлявой,
Благоуханною поляной
С цветочка на цветок порхал!
Он красотой их любовался,
Он ароматом их дышал,
Но пи с одним не оставался!
И равнодушно улетал

Туда, где небеса сияли
И где на радужных к рыл ах
Друзья эфирные играли
В веселых с запада лучах;
Но лугом бытия прекрасным Под небом светлым или ясным, Куда ему назначил рок,
Пускай летит наш мотылек! Л я...
Ко стате иль не к стате Прекрасный цвет воспоминаний И уу.иы ссруца милый
цвет...

По всей вероятности, Жуковский увидел в этой первоначальной редакции ощутимые переключки со стихотворением 1814 г. «Мотылек», переводом из Гёте (см. примеч. в т. 1 наст. изд.). Наметившееся движение темы к лирическому субъекту привело к изменению всей тональности стихотворения. Мотив «милого воспоминания» организует поэтическое пространство окончательного текста и делает его органической частью лирической философии Жуковского, «характеристическим выражением» (В. Г. Белинский) его романтической эстетики.

Стихотворение, как это явствует из примечания к первой публикации, было написано в альбом Н. И. И. Еще П. А. Плетневым было установлено (см. его письмо к Я. К. Гроту от 16 января 1842 г. // переписка. Т. 1. С. 469), что речь идет о воспитаннице Софьи Ивановны Местр (урожд. Загряжской) и ее мужа гр. Ксавье де Местра-Наталье Ивановне Ивановой (в замуж. Фризенгоф; ум. 1850). О ней см.: Временник Пушкинской комиссии. 1971. л., 1973. С. 31–35; Раевский Н. Избранное. М., 1978. С. 35–36, 475.

По автографу Жуковского из этого альбома, хранящегося в Бродянах (Словакия), где в фамильном замке Фризенгофов жила владелица альбома, это стихотворение было опубликовано Яном Ференчиком (Slovenske pohľady. 1947. № 1. S. 181–184).

А. Янушкевич

Поездка на маневры

(«Вчера был день прекрасной доле...») (С. 242)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 30, л. 23 – черновой, без заглавия.

2) РНБ, оп. 1, № 30, л. 23 об., л. 24, л. 25, л. 26 – черновой, без заглавия. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 10. С. 997 – с заглавием: «Поездка на маневры». Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: лето 1824 г.

Поводом для написания стихотворения, в котором, по словам исследователя, «звучала воинская струнка поэтической арфы Жуковского» (Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 201), явилось присутствие поэта на военных маневрах в Красном Селе, неподалеку от Петербурга: «Начиная с 60-х годов XVIII века сюда перемещались летние лагеря гвардейских полков. Здесь происходили грандиозные маневры, в которых порою участвовало более 100 тысяч солдат и офицеров. Местом маневров была луговая долина, окруженная холмами; с одного из них за происходившим на „поле сражения“ наблюдали петербургская знать, члены царской фамилии, придворные» (Там же. С. 202).

Н. Вётшева

1825

(Гр. А. Е. Комаровской)

(«Давно уж нет мне вдохновенья!..») (С. 246)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 15, л. 11 – черновой.

2) ПД, ф. 244, оп. 1, № 104 – белой (от ст. 21 до конца) – в альбоме А. Е.

Шиповой, урожд. Комаровской.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 43 (ст. 1–14); Пушкин и его современники. СПб., 1909. Т. 3. Вып. 11. С. 84 (от ст. 21 до конца – по автографу № 2). Печатается впервые полностью по черновому автографу. Датируется: февраль 1825 г.

Адресат послания – графиня Анна Евграфовна Комаровская (в замуж. Шипова; 1806–1872), дочь известного генерала Е. Ф. Комаровского (1769–1843), знакомого Карамзина, Жуковского, автора «Записок» (см.: ИВ. 1897. С. 69–70). В 1825 г. А. Е. Комаровская была фрейлиной, впоследствии вышла замуж за С. П. Шипова (1789–1876), участника Отечественной войны 1812 г., члена Союза спасения и Союза благоденствия (о нем см.: Черейский. С. 498–499; Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 201, 339).

О стихотворении из альбома А. Е. Комаровской (автограф № 2) см.: Модзалевский Б. Л. Альбом А. Е. Шиповой, рожд. гр. Комаровской // Пушкин и его современники.

Вып. 11. С. 79–94; Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома: 1750–1840-е годы // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 30.

Упоминание об этом стихотворении, проясняющее повод к его созданию, содержится

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский Zhu в письме А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 20 февраля 1825 г.: «Он [Жуковский] мне дал вчера два послания: одно к Туттолмину о карете, а другое к фрейлине графине Комаровской, которая нарочно захромала, чтобы освободить больную мать от поездки с нею на бал» (ОА. Т. III. С. 98).

И. Поплавская, Н. Вётшева

«Друзья, без горести иа гроб взирайте мой!..»

(С. 247)

Автограф (ПД. № 22729, л. 26 об.) – белой, с подписью: «Ж.» При жизни Жуковского не печаталось. Печатается впервые. Датируется: конец декабря 1825 г. Основанием для датировки этого неизвестного и не публиковавшегося ранее четверостишия Жуковского является, во-первых, местоположение автографа в ру-кописи-альбоме А. А. Воейковой 1822–1825 гг. Непосредственно за его текстом на л. 27 Жуковский записывает 12 стихов из «Лалла Рук» (целиком 7-ю строфу и 4 последних стиха 8-й) – с посвятельной надписью А. А. Воейковой: «Кто вас знает, тому знаком и Гений чистой красоты! С кем вы. были, для того зажглась на-всегда прекрасная утешительная звезда, и эта звезда никогда не утратит своего милого света. 1825. Декабря 29» (подробнее см. примеч. к стихотворению «Лалла Рук»). Во-вторых, нельзя не учитывать и психологическое состояние Жуковского, в котором родилось это стихотворение – своеобразная автоэпитафия.

После восстания 14 декабря, когда, по словам Жуковского, «мы прожили веко-вой день» (ПЖТ. С. 211), начинается глубокий мировоззренческий кризис поэта. Все больше вникая в последствия событий, принимая участие в судьбах родствен-ников восставших, с тревогой следя за ухудшением состояния сошедшего с ума Батюшкова, Жуковский понимает трагизм происходящего. «Мы живем во време-на испытания. Теперь нет ничего другого для подкрепления души и для сохране-ния деятельности кроме веры в Провидение. Ибо одна только вера может объяс-нить то, что вокруг нас происходит», – напишет он Е. Г. Пушкиной 24 февраля 1826 г. (С 7. Т. 6. С. 481). В начале мая этого же года он создает свое завещание и передает его А. И. Тургеневу (ПЖТ. С. 212). Мысли о смерти все чаще посещают Жуковского. Все это было следствием глубокого потрясения после событий 14 де-кабря 1825 г. (Об этом см.: Янушкевич. С. 170–171).

Четверостишие, написанное, по всей вероятности, в конце декабря 1825 г., стало первым отзвуком тяжелых мыслей поэта, выражением тех настроений, в ко-торых он боялся признаться даже близким людям. И в этом смысле неизвестное ранее стихотворение представляет безусловный интерес.

О. Лебедева

1826

Хор девиц Екатерининского института на последнем экзамене, по случаю выпуска их, 1826 года февраля 20 дня

(«Расстаемся, расстаемся...») (С. 248)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 30, л. 34 об.–черновой.

2) РНБ, он. 1, № 30, л. 35–35 об.– черновой, без заглавия; л. 35 – план.

Впервые: Дамский журнал. 1826. №5. Март. С. 215–216 – с заглавием: «Хор, петый девицами, воспитанными в Екатерининском институте, при последнем экзамене по случаю выпуска их 1826 года, февраля 20 дня» и подписью: «Жу-ковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: около 20 февраля 1826 г.

Хор девиц «на выпуск» 1826 г., помимо обычных лейтмотивов (расставания, воспоминания, благодарности имп. Марии Федоровне), включает мотив внезап-ной кончины императора Александра I.

Сохранилось воспоминание об этом выпуске А. О. Смирновой-Россет. Как обычно, она допускает неточность, называя автором стихов не Жуковского, а Плетнева. «После этого назначен был день прощания, – пишет она, – императри-ца приехала с государем [Николаем I]. Он был бледен и очень худ, видно было, что он очень озабочен. Мы пели прощальные стихи, сочиненные Плетневым, а Кавос, наш учитель пения, сочинил музыку:

Расстаемся, расстаемся Мм с приютом детских лет, Мы судьбе, зовущей, в свет, Невозвратно отдаемся. Был у нас другой хранитель, Он уж взят на небеса, Небеса его обитель...

При этих словах слезами прервались наши голоса, и мы не окончили. Госуда-рыня взяла за руку молодого императора и сказала: „Au revoir, mes enfants"» («До свидания, дети мои». – фр.; Смирнова-Россет. С. 142). Несмотря на неточности ци-тирования стихов и указания их автора, мемуаристка воссоздает атмосферу этого выпускного акта в Екатерининском институте. В ее воспоминаниях упоминает-ся автор музыки хора на слова Жуковского. Это Катерино Альбертович Кавос (1775–1840), итальянец по происхождению, композитор и дирижер, с 1822 г.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
ин-спектор придворных театров.

Ст. 14. Мать милая являлась...– Имеется в виду императрица Мария Федоровна.

Ст. 17. Был у нас другой хранитель...– Речь идет о недавно умершем императоре Александре I.

Н. Вётшева

«Был у меня товарищ...»

(С. 249)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, №5, л. 2 – черновой, карандашом, отличающийся от окончательного текста (см. ниже).

2) РНБ, оп. 1, №26, л. 116–беловой, на бумаге с вензелем Николая I, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 12 (ст. 1–5 черновой редакции); С. 66 (ст. 1–5 – беловой).

Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 136 (беловая редакция). Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: июль 1826 г. ~

Черновой автограф стихотворения находится в небольшом дорожном альбомчике

Жуковского с путевыми дневниковыми записями от 9 мая 1826–11 июня 1827 г.

Карандашный набросок предшествует непосредственно записи от 9 мая, но, по всей вероятности, он был сделан позже, скорее всего как отклик на казнь декабристов

13 июля 1826 г., о чем свидетельствует беловой автограф на бумаге с вензелем

Николая I. Именно в июле 1826 г. Жуковский приступает к активной

работе над «Запиской о Н. И. Тургеневе»: 8 (20) июля знакомится с материалами

«Донесения следственной комиссии» по делу от 14 декабря (ср.: «Чтение

отче-та»–Дневники. С. 186).

На декабристский подтекст этого стихотворения впервые указала М. Бессараб: «В прижизненных изданиях сочинений Жуковского и в журналах это стихотворение не публиковалось. Видимо, считали, что оно навеяно кровавыми событиями 1826 года:

казнь декабристов 13 (25) июля» (Бессараб М. Жуковский: Книга о великом

русском поэте. М., 1975. С. 151). Впоследствии эта гипотеза получила свое

дальнейшее обоснование и развитие (см.: Корнеев А. «Ты будь мне верный брат»:

Жуковский и декабристы // Литературная Россия. 1983. №6. 4 февраля. С. 17;

Янушкевич. С. 180; Фришман Л. Г. Декабристы и русская литература. М., 1988. С.

26–27; Иезуитова. С. 169).

Впервые обративший внимание на стихотворение И. А. Бычков (Бумаги Жуковского.

С. 12) считал его оригинальным. П. А. Ефремов, приведя в примечании первую

строфу, говорил, что это «начало перевода из Ленау» (С 9. Т. 2. С. 566). А. С.

Архангельский, впервые опубликовавший полный текст и датировавший его 1827-м г.,

не оставил к нему никаких примечаний (ПСС. Т. 11. С. 136).

Как установил Ц. С. Вольне, стихотворение Жуковского является вольным переводом

стихотворения Людвиг Уланда «Der gute Kamerad» («Хороший товарищ».–нем.;

Стихотворения. Т. 2. С. 535). Это стихотворение Уланда, написанное в 1809 г. и

впервые опубликованное в «Poetischer Almanach fur das Jahr 1812», стало в

Германии популярной народной песней. Связанное с событиями антинаполеоновской

освободительной войны в Германии, у Жуковского оно получило новое звучание.

В оригинале 3-стопный ямб переходит в паузник в 1 и 2-м стихах первой и второй

строфы. Жуковский последовательно выдерживает размер: 3-стопный ямб с мужскими

окончаниями во 2-м и 5-м стихах. Везде последовательно, кроме 1-го стиха, слово

«Kamerad» (друг, товарищ) заменено словом «Брат», с эмоциональными

определениями: «родной», «родимый», «верный». Многоточия, отсутствующие в

подлиннике, создают драматизм рассказа от первого лица.

Для понимания процесса работы Жуковского над переводом характерен черновой

вариант, который можно назвать первой редакцией. Ср.:

Был у меня товарищ

По милости небес.

Ударили тревогу,

Мы шли с ним рядом в ногу,

Ружье наперевес.

Ядро куда ж прорвалось? Кого из нас двоих? Ему была судьбина. Он лег у ног моих,

Хотел подать мне руку [далее нрзб.].

А. Янушкевич

1827

Прощальная песнь, петая воспитанницами Общества благородных девиц,

при выпуске 1827 года

(«Миновались, миновались...») (С. 250)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, №35, л. боб.– 8)–черновой.

Впервые: Славянин. 1827. №9. С. 141–142–с подписью: «Жуковский».

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: конец 1826–начало 1827 г.

«Прощальная неснь» 1827 г. продолжает традицию других подобных стихо-творений, написанных Жуковским для воспитанниц Общества благородных де-виц «на выпуск», традиционно проходивший в феврале. Как и в 1826 г., музыку к ней написал композитор и дирижер К. А. Кавос (см. примеч. к стихотворению «Хор, петый (...) при выпуске 1826 г.»). Стихи были присланы из Дрездена, где тогда вместе с братьями Тургеневыми (Александром и Сергеем) находился Жу-ковский. Это было время его приготовления к должности воспитателя наследни-ка. Он составляет «План учения великого князя», покупает книги для будущих лекций. «Поэзия мною не покинута, –сообщает он в письме к А. П. Елагиной из Дрездена от 7 февраля 1827 г., –хоть я и перестал писать стихи, хотя мои занятия и могут со стороны показаться механическими. Есть в душе какая-то теплота, ко-торая животворит ее» (УС. С. 45). «Прощальная песнь...», вобравшая в себя основ-ные мотивы предыдущей поэзии Жуковского, пронизана теплотой этого чувства.

Н. Вётшева

Приношение

(«Тому, кто Арфою чудесный мир творит!..») (С. 251)

Автограф: ЛН. 1932. №4–6. С. 346–факсимиле. Подлинник в Веймаре (Goethe und Schiller Archiv).

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: ЛН. 1932. №4–6. С. 346. Печатается по тексту первой публикации. Датируется: 24 (5) августа–сентября 1827 г.

Во время своей второй встречи с Гёте в 1827 г. Жуковский был у него несколь-ко раз. Прибыв в Веймар во вторник, 4 сентября н. ст., он уже 5-го дважды посе-щает его. Во время одного из визитов (вместе с художником Герхардом Рейтер-ном, своим будущим тестем) он дарит ему картину известного немецкого худож-ника-романтика и естествоиспытателя Карла Густава Каруса (1789–1869), «изо-бражающую одинокую арфу в рамке готического окна, на фоне отдаленных силу-этов стрельчатых соборов, залитых лунным светом» (Жирмунский. С. 80). Картина имела аллегорический смысл, связанный с темой гибели Байрона, символически раскрытой Гёте во второй части «Фауста». На обороте картины Жуковский сделал стихотворную надпись-посвящение, обращенную к Гёте, с параллельным фран-цузским переводом, помеченную 5-м сентября 1827 г. французский текст выгля-дел так: «Offrande a celui dont la harpe a creé un monde de prodiges, qui a souleve le voile misterieux de la creation, qui donne la vie au passe et prophetise l'avenir» (Речи и отчет Ими. Московского университета. М., 1853. С. 74; Перевод: Дар тому, арфа которого сотворила мир чудес, кто поднял таинственный покров с творения, кто дает жизнь прошлому и предсказывает будущее.–(pp.).

«Подношение», видимо, понравилось Гёте, и он писал об этой картине 30 сен-тября 1827 г. живописцу и историку искусств Иоганну Генриху Мейеру: «Замеча-тельная картина Каруса выражает восхищенному взору всю романтику, так же как „Геркулес и Телефус“ в совершенстве передает классическое» (Goethes Werke. Bd. 43. Weimar, 1908. S. 94. Подлинник по-немецки). Побывавший у Гёте позднее С. П. Шевырев писал к А. П. Елагиной 29 мая 1829 г.: «Гёте показал мне подарок Жуковского–картину, изображавшую арфу у стула, на котором кто-то сидел и ос-тавил плащ свой. Луна ударяет на струны. Эта мысль взята из его Елены» (РА. 1879. Кн. 1.С. 139).

Н. Реморова

К Гёте

(«Творец великих вдохновений!..») (С. 252)

Автограф (РНБ, он. 1, №5, л. 35) – черновой набросок первых трех строф. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 115.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 25–26 августа (6–7 сентября) 1827 г.

Стихотворение, написанное на третий день приезда Жуковского в Веймар, бы-ло подарено Гёте 7 сентября. Накануне Жуковский был у Гёте, о чем свидетелст-вует запись в дневнике: «к Гёте. Разговор о Елене, о Бейроне. Гёте ставит его под-ле Гомера и Шекспира» (Дневники. С. 203). Рано утром 7 сентября Жуковский пе-редал канцлеру фон Мюллеру для Гёте свое стихотворение. В веймарском архиве сохранился немецкий прозаический перевод этого стихотворения, сделанный са-мим Жуковским, с пометкой: «7 сентября 1827 г.» и характерным для мировоззре-ния Жуковского посвящением: «Dem guten groBen Manne» («Доброму великому человеку»–нем.). Текст этот приведен в «Беседах канцлера Ф. Мюллера» (см.: Петухов Е. В. Письма В. А. Жуковского к канцлеру Фридриху фон Мюллеру // Но-вый сборник статей по славяноведению... СПб., 1905. С. 337).

В письме к брату Николаю Ивановичу Тургеневу от 8 сентября 1827 г. А. И.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский и Жуковский тургенев, сообщая текст этого стихотворения, писал: «В полночь приехал Жуковский (...). Он зажился три дня в Веймаре в беседе с Гёте (...). Жуковский жалеет, что меня не было с ним у Гёте. Он был необыкновенно любезен и как отец с ним. Жуковскому хотелось, чтобы я разделил эти минуты с ним; ибо он го-ворил, что Гёте и Шиллер образовали его...» (Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. С. 114).

В немецком варианте комплиментарный характер некоторых стихов оказался несколько усиленным. Так, вместо «творец великих вдохновений» поставлено «Of-fenbarungen» («откровений»); вместо «твое вечернее сиянье» – «Deine herrlich flam-mende Abendsonne» («твое великолепно пламенеющее вечернее солнце»). Это не особенно понравилось Гёте, и, как пишет Мюллер, по его мнению, он «слишком холодно принял великолепное прощальное стихотворение Жуковского, хотя на-шел в нем нечто восточное, глубокое, иератическое (Priesterliches)» (ЛН. 1932. №4–6. С. 336). Русского языка Гёте не знал и знакомился с творчеством Жуковского через «Российскую антологию» Бауринга (John Bowring; 1792–1872), первый том кото-рой вышел в 1821 г. В рецензии на другую антологию Бауринга Гёте писал в 1827 г.: «Бауринг (...) еще в 1821 г. подарил нас русской антологией, и (...) мы могли ближе узнать человека, который давно сроднился с нами в любви и прияз-ни: г-на Жуковского. Он любезно почтил нас милыми стихотворениями, и теперь мы имели возможность полюбить и оценить его в более широких границах его творчества» (Стихотворения. Т. 2. С. 537).

Н. Реморова

1828

На мир с Персией»

(«Мы вспомнили прекрасно старину!..») (С. 253)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, №32, л. 1)–беловой, с заглавием: «К портрету оконченной войны» и датой: «15 марта 1828».

Впервые: МТ. 1828. Ч. 20. №5. С. 27 (ц. р.–21 марта 1828 г.)–с заглавием: «На мир с Персией» и подписью: «Жуковский»; перепечатано: Славянин. 1828. № 17. С. 40. Тексты идентичны.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 15 марта 1828 г.

В С 8 стихотворение напечатано со следующим примечанием: «Стихи эти бы-ли петы на концерте, бывшем в Аничковом дворце у государыни императрицы» (Т. 2. С. 415). К сожалению, автора музыки установить не удалось.

Исторической основой стихотворения послужили следующие события. Летом 1826 г. иранские войска вторглись в долину р. Куры с намерением захватить все Закавказье и отбросить русских за Терек. Отражал нападение иранской армии Отдельный Кавказский корпус, которым командовал известный генерал А. П. Ер-молов. В марте 1827 г. Ермолов был отстранен от службы, а на его место был на-значен генерал И. Ф. Паскевич. Получив крупное подкрепление, Паскевич осво-бодил Ереван, Тебриз и направил свои войска на столицу Ирана Тегеран, после чего иранский шах запросил мира. 10 (22) февраля в иранском местечке Туркман-чай был подписан мирный договор между Ираном и Россией. Текст договора большей частью был составлен А. С. Грибоедовым, который доставил этот дого-вор 14 марта 1828 г. в Петербург. По условиям Туркманчайского мира Россия по-лучила от Ирана восточную Армению с городами Ереван и Нахичевань (подроб-нее об этом см.: Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. М., 1997. С. 119–120).

Во время пребывания Грибоедова в Петербурге весной 1828 г. Жуковский встречался с ним (см.: ЛН. Т. 58. С. 79). Поэт также поддерживал дружеские отно-шения и состоял в переписке с И. Ф. Паскевичем (РА. 1875. Т. 111. С. 369).

Ст. 1. Мы вспомнили прекрасно старину!..– Речь идет, видимо, о русско-иран-ской войне 1804–1813 гг., завершившейся Гюлистанским мирным договором 1813 г.

Ст. 5–6. И Русской–в том краю, где был II Утешен мир дугой завета...– В Библии речь идет о всемирном потопе, ковчеге и о завете, который заключил Яхве с Ноем и его семьей в Араратских горах. Здесь имеется в виду Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном, по которому к России были присоединены Да-гестан и северный Азербайджан–территории, прилежащие к Араратским горам.

И. Поплавская

(Записка к Н. И. Гнедичу) III

«Здравствуй, мой друг, Николай Иванович Гнедич! Не сетуй...»

(С. 253)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

В п е р в ы е: С 9. Т. 2. С. 559–560.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: конец марта 1828 г.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
в октябре 1827 г. Н. И. Гнедич приезжает в Одессу для лечения на водах «грудной болезни». В письме от 27 октября 1827 г. к своей племяннице А. П. Зон-таг, жившей в Одессе, Жуковский сообщает: «Скажите Гнедичу, что я получил письмо его и вместо того, чтобы писать к нему особенно, решил обнять его в ва-шем письме и вам поручить пожать ему дружески руку. Это значит, что я от себя поручил его вашей дружбе. Радуюсь, что он с вами—это поможет ему вылечить-ся. Радуюсь, что вы с ним познакомились. С ним будет у вас лад. Скажите ему, что я весьма жалею, что его здесь не нашел и что его возвращение меня много, много обрадует» (УС. С. 102).

Основанием для датировки стихотворной записки Жуковского к Гнедичу, в ко-торой развиваются мотивы вышеприведенного письма, является прямое упоми-нание о ней в письме к А. П. Зонтаг от 2 апреля 1828 г.: «Поклонитесь Гнедичу. Получил ли он мои гекзаметры?» (УС. С. 104). Так как в предшествующих пись-мах от января-февраля 1828 г. к Зонтаг не шла речь о Гнедиче и адресованном к нему гекзаметрическом послании, то можно предположить, что Жуковский сочи-нил и отправил его в марте, скорее всего к Пасхе (в 1828 г. она была 25 марта). Подтверждением этого предположения может служить письмо Гнедича Жу-ковскому от 18 апреля 1828 г.: «Прости любезнейший друг Василий Андреевич! Долее, нежели хотел бы, не отвечал на любезную, прекрасную эписто-лу твою (...), отвечать на твои стихи подлюю прозою краснела авторская совесть (...). Спасибо за рецепт, мне предлагаемый и составленный тобою, профессор и доктор поэзии и царских чертогов обитатель (...). Итак из рецепта остается годное мне для упот-ребления Память древности светлой, величие Понта, беседы Женщины милой с душой поэтической, песни Гомера, чем я и пользуюсь...»

(РС. 1903. №7. Июль. С. 119–120).

А. Янушкевич

Государыне Императрице Александре Федоровне
(«Ты памятник себе святой соорудила...») (С. 254)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

В н е р в ы е: С 7. Т. 2. С. 403–404.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: апрель 1828 г.

В С 8 в примечании к этому стихотворению указано: «Оно относится к апрелю 1828 г. и написано по случаю открытия на Васильевском острове поныне сущест-вующего „Дома призрения бедных Императрицы Александры Федоровны"» (Т. 2. С. 523).

В стихотворении благотворительная деятельность императрицы рассмат-ривается в религиозно–этическом и эстетическом контексте и затем получает продол-жение в таких произведениях, как «Видение», «Утешение», «Пери».

Ст. 14–16. Ты знаешь: сеем здесь, а жнем на небесах ~ Засшупнее за нас, чем славы гордый прах...– Известная евангельская цитата. Ср.: Мф 18: 18–19; Мк 12: 42–44; Лк 6: 35, 38.

Ст. 38. С делами славными супруга твоего...– Речь идет об императоре Николае I.

И. Поплавская

У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны В ночь накануне Ея погребения
(«Итак, Твой гроб с мольбой объе-млю...») (С. 255)

Автограф (РНБ, оп. 1, №30, л. 37)–черновой.

Первые: МВ. 1828. Ч. 12. №21–22. С. 192 – фрагмент стихотворения от слов:

«Благодарим, благодарим...» и до конца, с подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4–5. В С 4–отдел «Элегии», с заглави-ем: «Чувства

перед гробом Государыни Императрицы Марии Федоровны». В С 5 (Т. 4. С.

239–244)–среди стихотворений 1829 г., с заглави-ем: «У гроба Государы-ни

Императрицы Марии Федоровны. В ночь накануне Ея погребения».

Датируется: 12–13 ноября 1828 г.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна, жена Павла I, мать императо-ров Александра I и Николая I, скончалась 28 ноября 1828 г. в Петербурге, а по-гребение ее состоялось 13 ноября в Петропавловском соборе. В С 8 в примечани-ях к этому стихотворению указывается на существование отдельного издания, цензурированного 14 ноября, то есть на другой день после погребения (см.: Т. 2. С. 523), которое нами не обнаружено.

Сам Жуковский в письме к Ю. А. Нелединскому–Мелецкому от 20 ноября 1828 г. так воссоздал историю создания стихотворения: «Считаю обязанностью священной доставить вам то, что я написал на кончину нашей Государыни, на-шей незабвенной благотворительницы. Вы были первый, который меня ей пред-ставили. Благодаря вам, я имел счастье пользоваться ее милостями; благодаря вам, открылся для меня после случай к ней приблизиться и видеть вблизи эту трогательную благодать, эту кроткую снисходительность, которая так сильно всех близких к ней привязывала. Кто бы мог

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
вообразить, чтоб она так скоро нас могла оставить! По сию пору это непонятно. Старика с нею ожили, молодые с нею нача-ли жить–для всех вырвана из жизни главная составная часть ее. Для чего не могли вы видеть ее, так как я видел, несколько минут спустя после ее тихой кон-чины. Вы бы увидели перед собою лицо, просветлевшее в минуту смерти, на кото-ром смерть, так сказать, написала настоящее имя свое, которое есть преображение. Накануне ее погребения я провел ночь у ее гроба: над таким гробом Евангелие понятно. Оно есть слово жизни. Где два соберутся во имя мое, там и я. Это я слышал над ее гробом. В моих стихах нет ничего искусственного, вам они будут по серд-цу» (С 7. Т. 6. С. 519).

М. П. Погодин в примечании к первой публикации стихотворения сообщал о смерти императрицы следующее: «В воскресенье 28 октября жители Москвы уз-нали о кончине Императрицы Марии Федоровны. Невозможно описать впечатле-ния, произведенного в городе сим горестным известием. Знатные и простолюди-ны, богатые и бедные оплакивали искренно Государыню, о которой в продолже-ние пятидесятилетней ее жизни в России знали только по одним благодеяниям» (МВ. 1828. Ч. 12. №21–22. С. 191).

4-го ноября тело императрицы было положено в гроб и выставлено в Зимнем дворце для прощания. Как отмечает Н. К. Шильдер, «во время нахождения тела в Зимнем дворце допущены были повседневно на поклонение всякого звания лю-ди. Вынос тела из Зимнего дворца в Петропавловский собор и отпевание после-довали 13-го ноября. Процессия шествовала от дворца по Миллионной, Царицы-ну лугу, Суворовской площади к Троицкому мосту в крепость. За колесницею сле-довал император Николай в траурной епанче, с распушенной шляпою с длинным флером. Это было последнее погребение члена императорской фамилии, совер-шенное при соблюдении всего старинного церемониала, установившегося со вре-мени кончины Петра Великого» (Шильдер. Т. 2. С. 184).

В намять о покойной матери Николай I учредил в 1828 г. Мариинский знак отличия беспорочной службы. Эта награда вручалась женщинам за долговремен-ную и усердную службу в учреждениях покойной императрицы, а также в других благотворительных и воспитательных заведениях, состоящих в непосредственном ведении государя императора и членов императорской фамилии. О личности и благотворительной деятельности Марии Федоровны см.: Загарин. С. 186–188.

Ст. 48–49. Сходящий сладкий голос внемлю: II Не возмущайтесь душой!..– Ин 14; лк 24: 37–38.

Ст. 100–101. И некогда потомки с нами II Все повторят: благодарим!–В МВ бы-ло напечатано: «И внуки повторят за нами: // И с ними свет: благодарим!»

И. Поплавская
Видение
(«Блеском утра озаренный...») (С. 258)
Автограф (РНБ, оп. 1, № 30, л. 38)–черновой, сделанный карандашом. Впервые: СЦ на 1829 год. Отд. II. С. 49–50–с подписью: «В. Жуковский». В прижизненных изданиях: С 4–5. В С 5 отнесено к 1829 г. Датируется: декабрь 1828 г.

В С 8 в примечаниях указывается: «... стихотворение относится к первому по-сещению императрицей Александрой Федоровной принятых 6 декабря 1828 г. под ее покровительство учебных заведений, бывших прежде под управлением скончавшейся императрицы Марии Федоровны» (Т. 2. С. 523).

И. М. Семенко указывает на романтическую идеализацию благотворительно-сти в этом стихотворении (СС 2. Т. 1. С. 416). А. С. Янушкевич связывает это сти-хотворение со всем комплексом эстетических поисков Жуковского и особенностя-ми его художественного мышления 1825–1830 гг. (Янушкевич. С. 182–183).

И. Поплавская
Солнце н Борей
(«Солнцу раз сказал Борей...») (С. 259)
Автографы:
1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 113 – черновой.
2) РНБ, оп. 1, № 26, л. 114–беловой. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 64–65.
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 1828 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи и об-щее содержание стихотворения.

С формальной точки зрения стихотворение напоминает басню, но таковой не является. Казалось бы, в нем есть два символических персонажа, обозначенных, как в басне, прописными буквами: оживляющее землю «теплотой своих лучей» Солнце и холодный северный ветер Борей, говорящий о себе: «С ревом, свистом я летаю, // Всем верчу, все возмущаю, // Все дрожит передо мной! // Так не я ли царь земной?..» Есть здесь и характерное для басни «повествование действия», от-ражающее противостояние этих персонажей, есть и мораль, вытекающая из

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
изо-бражаемого действия и претендующая на обобщающий смысл: «Видишь: злобы самовластной // Милость кроткая сильней».

Но есть в этой басенной мудрости и нечто, мешающее ее внесоциальному и вневременному восприятию. Понятие «самовластье» сразу переносит наше сознание в политическую атмосферу России последекабрьской эпохи. В конце 20-х– начале 30-х гг. отношения Жуковского с Николаем I резко обострились. Поэт многократно пытается оказать помощь сосланным декабристам и их семьям: в январе 1828 г. он хлопочет перед императором о разрешении на отъезд в Сибирь для жены декабриста И. Д. Якушкина–А. В. Якушкиной. Он пишет царю обширную «Записку» в защиту заочно приговоренного к смертной казни Н. И. Тур-генева, помогает в публикации поэмы И. И. Козлова «Княгиня Наталия Борисов-на Долгорукая», героиня которой в XVIII в. добровольно отправилась в Сибирь за сосланным супругом; встречается со ссылкой А. Мицкевичем, неоднократно и демонстративно говорит в перлюстрируемых письмах к А. И. Тургеневу о без-нравственности правительства. Все это были тщетные попытки просветителя воз-звать к разуму и милосердию, убедить царя в том, что «злобы самовластной // Ми-лость кроткая сильней». Ради этих строк стихотворение и писалось. Но для пуб-ликации оно не годилось: слишком лично и слишком дерзко, да и цензура вряд ли бы его пропустила.

Н. Реморова

Умирующий лебедь

(«День уж к вечеру склонялся...») (С. 260)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, №26, л. 113 об.–черновой. 2) РНБ, он. 1, №26, л. 115 –беловой. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 65–66.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 1828 г.

Совершенно очевидно, что работа над стихотворениями «Солнце и Борей» и «Умирующий лебедь» шла практически одновременно. Первоначально были на-писаны черновики обоих стихотворений (л. 113 и 113 об.), потом так же последо-вательно они были переписаны набело (л. 114, 115), и вслед за этим (л. 115 об.) Жуковский приступил к написанию «Звезды и кометы».

Несомненно, что поводом к созданию «Умирующего лебедя» явились те же грустные размышления поэта о состоянии общественной и личной жизни в Рос-сии, которые отражены в стихотворении «Солнце и Борей», и так же, как в нем, основная мысль выражена в последних строках. Но обращена она не столько к общественной сфере, сколько к личной, касающейся мыслей Жуковского о своем собственном положении поэта и одновременно воспитателя будущего монарха, что он считал своей высокой миссией, но в успешном исходе ее все более и более сомневался.

Именно к концу 1820-х гг. перед поэтом остро встает вопрос о необходимости отстоять свое человеческое достоинство, не задохнуться в «омерзительном при-дворном воздухе». В неопубликованном дневнике за 1828 г. он записывает: «Жить при дворе есть учиться или мудрости или подлости. Надобно быть или рабом вла-дыки или рабом долга. В нервом случае унижаешь себя. В последнем случае–со-хранение своего достоинства. Но это сохранение не без тяжелых ощущений» (РГАЛИ, оп. 1, №36, л. 6). Жуковский отказывается признать власть «проклятого шпионства», считая единственным судьей над собой свою совесть. В письме к ца-рю от 30 марта 1830 г. поэт писал: «Стихи мои останутся верным памятником и моей жизни и, смею прибавить, славнейших дней Александра времени. Я жил как писал: остался чист и мыслями и делами» (ПСС. Т. 12. С. 19). В аллегориче-ской форме эти настроения выразились в «Умирующем лебедь»: «кто на свете жил прекрасно, // Тот прекрасно и умрет». Сам образ-символ умирающего лебедя найдет свое продолжение и развитие в одном из последних стихотворений по-эта– «Царскосельский лебедь».

Н. Реморова

21 - 295

641

Звезда и комета

(«„Посторонись! дорогу дай!“...») (С. 261)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 26, л. 115 об.)–черновой. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 66 (ст. 1–6). Впервые полностью: ПСС. Т. 3. С. 76.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 1828 г.

Как было нами установлено (ПМЖ. 1983. № 10. С. 56–59), басня «Звезда и комета» – вольный перевод стихотворения немецкого поэта Теофиля Конрада Пфеффеля (Pfeffel, 1736–1809) «Der Komet und der Fixstern», находящегося на с. 71 седьмой части его сочинений, хранящейся в библиотеке Жуковского (Описа-ние. № 1837).

В переводе сохранена основная система образов, их соотношение и основная идейная

направленность произведения: «повествование действия» строится как столкновение звезды (у Пфеффеля «der Fixstern» – «неподвижная звезда») и «бро-дящей кометы» (в оригинале она даже прямо названа: «der Vagabund» – «бродя-га»), уподобляемое столкновению человеческой мудрости и бессмысленной болтов-ни глупца. В переводе текст стихотворения увеличен более чем вдвое: у Пфеффе-ля– 6 строк 6-стопного ямба с парной (первая и вторая строки) и опоясывающей рифмовкой; у Жуковского–14 строк разностопного ямба с вольной рифмовкой.

Увеличение объема в переводе связано с расширением и углублением характе-ристик действующих лиц, их определенной психологизацией и некоторой дета-лизацией действия. Так, если в оригинале звезда характеризуется как неподвиж-ная, твердо стоящая «на своем посту» («blieb auf einem Posten stehen»), то в переводе акцент сделан (и это подчеркнуто в тексте самим Жуковским) на присущей звезде способности сиять собственным светом («Осталась в своих лучах среди не-бес»). Если в оригинале звезда в ответ на «вопли» («Geschrey») кометы просто мол-чит, то в переводе остается «не давшей ей ответа». У Пфеффеля действия кометы являются своего рода знаком, символом поступков «наглого глупца», но и сама ко-мета и ее поступки обрисованы крайне скупой. В переводе комета–символ болт-ливого и насмешливого глупца, что вытекает из ее слов и действия в самом рас-сказе басни. Откровенно эмоционально–оценочный характер имеет авторская ха-рактеристика, даваемая персонажам и их поступкам: если звезда «осталась в своих лучах среди небес», то «светом не своим блестящая комета // Промчалась вдаль, а там и след ее исчез».

В переводе–переделке данной ифеффелевской басни обращает на себя внима-ние еще одна немаловажная деталь: мораль басни для Жуковского периода ее создания (1828 г.) имеет далеко не условный общечеловеческий смысл. В ней очень сильно личностное субъективное начало, проявляющееся не в характерном для ранних басен стремлении «русифицировать обстановку» (В. И. Резанов), но в попытке выразить те идеи, которые он в период осложнившихся отношений с ца-рем высказывал в своих дневниках, письмах, некоторых стихотворениях (см., напр., стихотворения «Солнце и Борей» и «Умиравший лебедь»). Нет сомнения, что «Звезда и комета» – отклик на вполне конкретные обстоятельства жизни Жу-ковского, и вероятнее всего, на распространяемые, как он считал, Булгариным, слухи о его участии в «литературных ссорах». Принципиальный противник «жур-нальной драки», Жуковский, не желавший «покорить себя ни Булгариным, ни да-же Бенкендорфу», выразил свое отношение к тем, кто срамит литературу непри-стойными перебранками, в форме басни.

Н. Реморова

«Меня ты хочешь знать, я всё н ничего!..»

(С. 261)

Автограф (РНБ, оп. 1, №26, л. 117–117 об.)–беловой, с небольшими по-правками в ст. 27 (вместо: «Бываю тягостен, бываю и легок» – «Я легок и тяжел, безумен и умен»); на отдельном листке плотной бумаги, без заглавия и даты.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 66 (ст. 1–4).

Впервые полностью: ПСС. Т. 3. С. 76.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1828 г.

И. А. Бычков, приведя первые четыре стиха при описании автографа, указал: «Без заголовка. Загадка в стихах» (Бумаги Жуковского. С. 66). Впервые опублико-вавший полный текст стихотворения А. С. Архангельский без всяких пояснений отнес его к 1828 г. (ПСС. Т. 3. С. 76). Скорее всего, он опирался в своей датировке на положение автографа в рукописи. Не имея никаких аргументов в пользу дру-гой датировки, присоединяемся к мнению редактора ПСС.

Стихотворение Жуковского принадлежит к популярному роду «загадок в сти-хах». Мастером этого жанра в европейской литературе был Ф. Шиллер, создав-ший в 1801–1804 гг. для переведенной им пьесы К. Гоцци «Принцесса Турандот» 15 загадок с ответами (см.: Шиллер Ф. Собр. соч. В 7 т. М., 1955. Т. 1. С. 331–338, 754–755), две из которых, кстати, перевел Жуковский в 1831 г. (см. примеч. к «Двум загадкам»).

Стихотворная загадка Жуковского, основанная на игре слов–иалиндромов: «сон – нос», и по своему местоположению в конволюте рукописи, и по характеру примыкает к неопубликованному стихотворному наброску «Есть в русском царст-ве граф Орлов...» (см. раздел: «Из неопубликованного»).

А. Янушкевич

1829

ИЗ «СОБИРАТЕЛЯ»

«Собиратель» – журнал, созданный Жуковским в 1829 г. с педагогическими целями. Это было своеобразное «Зерцало для князя», традиция которого тесно связана с европейской просветительской мыслью (Фенелон, Энгель, Ансильон и др.). Идея

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
«просвещенного монарха» в сознании Жуковского была откликом его раздумий как наставника великого князя Александра Николаевича (будущего «Царя-Освободителя» Александра II). И если с помощью шести выпусков сборника FW4H Жуковский обучал немецкую принцессу Шарлотту (великую княгиню Александру Федоровну, впоследствии русскую императрицу) русскому языку, то «Собиратель» был новым этапом его просветительской миссии.

Вышло в свет всего 2 номера, оба – в 1829 г. О тщательности подготовки поэта к его изданию свидетельствуют специальные рукописные папки с «бумагами, от-носящимися к журналу „Собиратель"» (см.: РНБ, оп. 1, № 125, л. 1–28; РГААИ, оп. 1, № 3, л. 1–3). Жуковский разрабатывает «план журнала» (РНБ, оп. 1, № 125, л. 1), определяет его структуру: «1. Отрывки (...). 2. Выписки (...). 3. Переписка (...). 4. Анекдоты (...). 5. Смесь (...).» (Там же).

Однако оба вышедших номера имеют лишь 2 первых раздела: «Отрывки» и «Выписки», каждый из которых включает несколько пронумерованных римскими цифрами рубрик. За исключением отрывка из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» под заглавием: «Полтавский бой» (№2. С. 13–17), все остальное содержание жур-нала–творчество его издателя. И в этом смысле «Собиратель» – «журнал одного автора». Жуковский пытается путем особого подбора «выписок», «отрывков»: от древних (Гомер, Саллюстий, Фукидид, Теренций, Сенека) до своих современни-ков (Карамзин, Байрон, Гёте, Мицкевич) воссоздать своеобразную летопись чело-веческой мысли, вместе с ними размышляет об истории, природе человека, о на-значении поэзии.

Его поэтические сочинения в «Собирателе»–переводы небольших стихотво-рений разных авторов, опыты поэтической миниатюры–в общем контексте жур-нала имеют свое место и назначение. Он включает сюда фрагменты своих уже из-вестных произведений. Так, в рубрике «Поэзия» (№ 1) появляется его четверости-шие из «Певца во стане русских воинов»:

Певцы сотрудики вождям; Их песни жизнь победам; И внуки, внемля их струнам, В слезах дивятся дедам.

Рядом с размышлениями Шиллера, Гёте, Байрона, Штольберга, Оссиана, Гер-дера, Мицкевича эта автореминисценция органично вписывается в оригиналь-ную антологию иод заглавием «Поэзия». Важно и то, что отбирает Жуковский для выписок, и то, как он оформляет эти выписки в подборки, и, конечно же, то, что он переводит на русский язык, как делает «чужое» – «своим».

Памятники

I. «То место, где был добрый, свято!..» II. «кто скрыт во глубине сих грозных пирамид?..» III. «Смертный! смерти учись на могиле вечного града!..» (С. 263)

Автограф неизвестен.

Копия (РГАЛИ, оп. 1, №3, л. 1–1 об.) – рукою неустановленного лица, ав-торизованная.

Впервые (за исключением №111): Собиратель. 1829. №1. С. 14–с парал-лельным текстом (№ I, И), указанием источника для № I: «Goethe». № III при жизни Жуковского не печаталось.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации со сверкой по авторизованной копии (№ III печатается впервые). Датируется: 1829г.

В подборку «Памятники», составляющую вторую часть общего раздела «Вы-писки» из 1-го номера «Собирателя», Жуковский включил четыре текста: немец-кий (без перевода)– из Шлегеля; французский–с указанием: «Paroles de Pericles», два последних: «То место, где был добрый, свято!..» и «кто скрыт во глубине сих гордых пирамид?..» даны en regard, в переводе Жуковского. Миниатюра №111 в «Собиратель» не вошла, оставшись в рукописи «бумаг, относящихся к „Соби-рателю"».

Как удалось установить, переведенное из Гёте четверостишие «То место, где был добрый, свято!..» восходит к его драме «Торквато Тассо» (1789) и является пе-реложением стихов 80–82 (действие I, явл. 1-е) этого произведения. Ср.: Die Static, die ein gnter Mensch betrał, Ist cingcwihl; nach hundcrł Jahren klingl Sein wort und seine That dem Enkel wieder.

А. Янушкевич

Мысли (Из Гёте)

I. «Чист душой ты был вчера...»

II. «Будь не солнечен наш глаз...» (С. 264)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 125, л. 3 об.)–беловой.

Впервые: Собиратель. 1829. №2. С. 19–в рубрике: «VII. Мысли, заимство-ванные из древних и новых классиков», с параллельным немецким текстом и ука-занием источника: «Goethe».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется:
1829 г.

Источник обоих четверостиший – «Кроткие ксении» («Lahme Xesep») Гёте. Ксениями (от греческого – xenia: 1) подарок гостям; 2) юмористическая миниатюра в стихах) Гёте и Шиллер назвали серию сатирических эпиграмм на политические и эстетические темы, впервые опубликованных в «Альманахе муз на 1797 г.» и вызвавших отклик в обществе. Считается, что наиболее резкие из эпиграмм принадлежали Шиллеру.

Гёте и в дальнейшем широко использовал жанр стихотворной миниатюры, восходящий у него как к античной, так и к народной традиции, к так называемым «ширухам» (от нем. der Spruch – изречение, афоризм, сентенция), известным еще со времен Средневековья и заключающим в себе меткие суждения о жизни, моральные сентенции. Свои миниатюры Гёте назвал «кроткими Ксениями» и выражал в них свои мысли по разным жизненным поводам, преимущественно связанным с историко-литературными, общеэстетическими и естественно-научными проблемами, подаваемыми через эмоционально насыщенные поэтические образы и символы.

Первая переведенная Жуковским миниатюра взята из 4-го раздела «кротких ксений»:
Liegt dir Gestern Mar und offen, wirkst du Ihutc kraftig frei, kan list du auf ein Morgen hoffen, Das nicht minder glucklich sei.

Если вчера тебе всё было ясно и открыто, Если сегоуия мы действуешь в полную силу, То и завтра можешь надеяться, что будешь не менее счастлив.

В своей миниатюре Гёте утверждает мысль о счастье как результате постоянной, упорной деятельности, мысль, входящую в круг идей «Фауста», над которым автор в эти годы интенсивно работает (ср. в «Фаусте»: «В деянии начало бытия»).

Графически выделив в тексте ксении «вчера» и «сегодня», автор не выделяет «завтра», ибо оно существует лишь в потенции и, наступив, превращается в «сегодня» и требует новой самоотдачи.

Внешне перевод Жуковского близок к оригиналу. В нем сохранен объем миниатюры, существенные для автора понятия «вчера», «сегодня» и «завтра» как выражение бесконечности времени, в которой действуют общие законы бытия. Однако в переводе четверостишие приобретает более общий смысл, а понятие счастья как высшего мгновения творчества заменяется понятием добродетели, столь важным для моральной философии Жуковского. Проблема добродетели и само-усовершенствования входит в перевод Жуковского как органическая часть его просветительской программы и «урока царям».

Вторая миниатюра взята из III раздела «Кротких ксений» и связана с гётевским «Учением о цвете», в которое включалось и изучение глаза как органа, воспринимającego свет. «Гёте был убежден в наличии связи между идеями природы и идеями наблюдателя и исследователя» (Конради К.-О. Гёте: Жизнь и творчество. М., 1987. Т. 2. С. 494), и поэтому четверостишие включил в вводную главу к «Учению о свете». Ср.:

War' nicht das Auge sonnenhaft, Die Sonne konnt' es nie erhlicken; Lag9 nicht in uns des Gottes eigne Kraft, wie konnt uns Gottliches entzucken?

Если бы глаз не был солнцесодержащим, Он не мог бы увидеть солнце, Если бы в нас не была вложена собственно божественная сила, Как могло бы нас восхищать божественное?

В оригинале первое двустишие построено как утверждение некоего положения и естественно завершается точкой. Второе – риторический вопрос, ответ на который предопределен представлением о божественной сущности человека и который, с точки зрения автора, подтверждает его научный тезис. Не случайно Гёте, говоря о человеческом глазе, употребляет слово sonnenhaft, что буквально значит «содержащий солнце». Жуковский превращает оба двустишия в два одинаково сформулированных риторических вопроса, предполагающих равнозначный ответ. По смыслу перевод достаточно близок к оригиналу, однако Жуковский заменяет во втором стихе лишенный экспрессивной окраски глагол erblicken (увидеть) на «любоваться», а в третьей строке появляется «Дух Божий». Натурфилософская концепция света у Жуковского тесно связана с Божественным Промыслом и духовной жизнью индивидуума.

Изменен в миниатюре и размер стиха. В оригинале это разностопный ямб со схемой 4454 и перекрестной рифмовкой; в переводе – четырехстопный хорей с тем же чередованием рифм.

Н. Реморова

Смертный и бог

(«Клеанту ум вскружил Платон...» (С. 264)

Автограф неизвестен.

Впервые: Собрание. 1829. №2. С. 12–13. В прижизненные собрания сочинений не входило. Печатается по тексту первой публикации. Датируется: 1829 г.

Стихотворение является пятым (в журнале дано иод римской цифрой V) в разделе

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
«Отрывки» и соотносится с предыдущим (четвертым)–под заглавием: «Gott und Natur», которое напечатано без перевода. В нем выражена вера в гармонию мироздания, которое прославляется каждым живым существом, утверждается не-возможность смертного проникнуть в тайны Божественного. Наконец, звучит призыв к читателям «в золотое время юности» стремиться к вершинам знания: «Посвятите себя только истине: требуют истину и дают истину Бог, история и природа». Это достаточно дидактическое стихотворение как бы вступает в диалог с озорным и, по всей вероятности, оригинальным – «Смертный и боги». То, что в немецком стихотворении неизвестного автора утверждалось как не-оспоримая истина, как догма, в стихотворении Жуковского дано в шуточной тра-вестированной форме. Возникает своеобразный диалог смертного и богов. Челов-век (смертный) как бы приходит к этой мысли путем непосредственного опыта. И здесь мы позволим себе не согласиться с утверждением Ц. С. Вольпе, что стихотворение «написано иод влиянием идей Гёте о гармонии сфер» (Стихотворения. Т. 2. С. 515). Исследователь имеет в виду «Фауста» Гёте. Во-первых, мысль о непознаваемости тайн мироздания не характерна для Гёте. Во-вторых, характер отношения Жуковского к личности и творчеству немецкого поэта вряд ли мог до-пустить возможность подобной травестийной интерпретации его идей со стороны русского поэта, пусть даже и не всегда их до конца разделявшего.

Н. Реморова

Номер

(«Веки идут, и веки уходят, а пенье Гомера...») (С. 265)

Автограф (РНБ, оп. 1, №125, л. 4–беловой. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 177.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 1829 г.

Перевод четверостишия немецкого просветителя И. Г. Гердера (1744–1803), взятого Жуковским из 10-й части серии «Zur schonen Literatur und Kunst» (Johann Gottfried von Herder's Sammdiche werke. Bd. 1–33. Tübingen, 1805–1810–Th. 10. S. 53). экземпляр этого издания находится в библиотеке Жуковского с многочисленными его пометами (см.: Описание. № 12780). Вот его текст:

Номер

Zeiten hinab und Zeiten hinan, tout ewig Homerus Einigcs Lied; ihn kront jeder olympische Kranz.

Lange sann die Natur, und schuf, und als sic geschaffen, Rtihctc sie und sprach: einen Homerus der welt!

Это четверостишие было без перевода включено Жуковским в «Собиратель» (№ 2. С. 29), где многие тексты в разделах «Отрывки», «Мысли», «Выписки» дава-лись на языке оригинала.

Перевод четверостишия остался в рукописях поэта, в папке бумаг для журна-ла «Собиратель». Вероятно, поэт первоначально намеревался напечатать перевод, но передумал и ограничился оригиналом. Перевод точно передает смысл и форму подлинника.

Н. Реморова

«Некогда муз угостил у себя Геродот дружелюбно!..»

(С. 265)

Автограф: РНБ, оп. 1, №30, л. 40–черновой. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 93.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 1829 г.

Двустиишие является переводом дистиха И. Г. Гердера, взятого Жуковским из 10-й части серии «Zur schonen Literatur und Kunst» (S. 95). См примеч. к стих.

«Номер». Вот его текст:

Als Herodotus einst die Musen freundlich bewirthet. Schenkteii zuin Danke sie ihm jede derselben ein Buch.

Это двустиишие без перевода было включено в «Собиратель» (№ 1. С. 19) в раз-дел IV– «История».

Перевод дистиха расположен в рукописи на л. 40, где также находятся набро-ски перевода первых строк 24-й песни «Илиады» и отрывок из Оссиана «Барды поют...», опубликованный в том же номере «Собирателя» (С. 16), что и немецкий текст дистиха.

Весь контекст рукописи убедительно доказывает, что перевод дистиха Гердера готовился для «Собирателя» и был создан на рубеже 1828–1829 гг. Чем руковод-ствовался Ц. С. Вольпе, указав в комментариях к двустиишию: «конец 1830, после 27 ноября» (Стихотворения. Т. 2. С. 538),–не ясно. Тем более, что в коммента-рии нет указания на несогласие с датировкой А. С. Архангельского–1829 г. (ПСС. Т. 3. С. 79, 150), что соответствует истине, однако в последующих комментариях к редким публикациям двустиишия принятой оказалась датировка Вольпе

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh (см., на-пример: СС 1.Т. 1. С. 379).

Ст. 2. Каждая муза ему книгу оставила в дар.– История Греции Геродота (ок. 480–426 до н. э.) состоит из 9 книг, каждая из которых названа по имени одной из девяти муз.

Н. Реморова

Главк Диомеду

(«Друг, для чего о породе моей меня вопрошаешь?..») (С. 266)

Автограф неизвестен.

Копия (РГАЛИ, он. 1, №3, л. 1)–рукою неустановленного лица, авторизо-ванная, без заглавия.

Впервые: Собира-тель. 1829. №1. С. 13–с заглавием: «Главк Диомеду» и указанием под стихами: «Илиада, II. VI».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по авторизованной копии.

Датируется: 1829г.

Фрагмент из 6-й песни Гомерово-й «Илиады» (ст. 145–149) Жуковский превра-щает в самостоятельное стихотворение, дав ему при публикации заглавие. Пока-зательно, что при последующих переводах «Илиады» (1829, 1849–1851 гг.) он больше не обращался к этому отрывку.

На страницах «Собира-теля» это стихотворение находится в рубрике «Ничтож-ность человека на земле». Три отрывка: библейский–«Дни человека яко трава...» (Пс 102: 15–16), из «Илиады» Гомера и из «Песен в Сельме» Оссиана: «Зачем пробуждаешь меня, ветер весенний...», следующие друг за другом, воссоздают своеобразные этапы человеческой рефлексии о превратностях судьбы.

Разумеется, Жуковский не случайно выбирает именно этот отрывок из «Илиа-ды». По мнению комментатора гомеровской поэмы, это «одно из многих встре-чающихся у Гомера пессимистических суждений о судьбе человека» (Гомер. Илиа-да/ Пер. Н. И. Гнедича; Изд. подгот. А. И. Зайцев. Л., 1990. С. 465. Сер. «Лит. па-мятники»). Вместе с тем это и символическая сцена примирения противников, что в атмосфере последекабрьских событий могло иметь определенный аллюзи-онный смысл.

В своей работе над переводом фрагмента Жуковский не мог не учитывать опы-та своих предшественников, прежде всего Н. И. Гнедича. Ср.:

Сын благородный Тидея, почто вопрошаешь о роде? Листьям в дубравах древесных подобны сыны человекoв: Ветер одни по земле развевает, другие дубрава, Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают; Так человек и: сии нарождаются, те погибают.

(Гнедич Н. И. Стихотворения. Л., 1956. С. 424).

Сравнение показывает, что Жуковский, сняв обращение к сыну Тидея, придал отрывку более обобщенный характер. Очевидна определенная ориентация Жу-ковского на переложенные им стихи из 102-го Псалма: «Дни человека яко трава. Как сельный цвет отцветает он. Ветер пройдет над ним, и его не будет, и место, на ко-ем он цвел, не узнает его» (Собира-тель. 1829. № 1. С. 13).

А. Янушкевич

1830

Стихи, написанные для лотереи в пользу бедных

(С. 267)

Автограф (РГАЛИ, он. 1, №31, л. 1)–черновой, на отдельном листке, с да-той: «1830».

При жизни Жуковского не печатались. Печатаются впервые. Датируются: 1830 г.

Лотереи с розыгрышем одного или нескольких предметов в пользу конкретно-го лица или в пользу бедных были одним из любимых развлечений и форм

благо-творительности при русском дворе. В ноябре 1817 г. в дневнике Жуковского за-фиксировано его участие в одной из таких лотерей: «В лотерее лучшим лотом бы-ло петинетовое платье; его выиграла Государыня, которая из него потом сделала лотерею, назначив его наперед жене Адлерберга» (Дневники. С. 58).

В. А. Соллогуб вспоминает, что лотереи были одним из любимых развлечений императора Николая I: «... иногда устраивалось следующее развлечение, которое государь особенно любил и принимал в нем участие как главное действующее ли-цо.

Из английского магазина во дворец требовались разного рода вещи: золотые и серебряные изделия, статуэтки, малахитовые чернильницы, разнородные вее-ра, пряжки и т. д. (...). Надо сказать, что иод каждой из названных мною выше ве-щей вместо номера лежало название карты: двойка бубен, или десятка треф, или валет червей и проч.– Господа,–обращался к окружавшим его столик царедвор-цам

Государь,– кто из вас желает купить у меня девятку червей?.. Славная кар-точка!

(...) Когда все карты были распроданы, Государь вставал и в сопровожде-нии

одного из дежурных подходил к столам, на которых были размещены вещи; дежурный

адъютант (...) называл имена карт, (...) а Государь сам лично вручал их

выигравшим. Из денег, вырученных за проданные карты, выплачивались вещи, взятые

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
из английского магазина; остальные—обыкновенно очень порядочная
сумма—раздавались петербургским бедным» (Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания.
Л., 1988. С. 488–489).

Для двух подобных лотерей 1826 г. Жуковский написал два экспромта: «Тому
блаженства будет на год...» и «По милости своей...» (см. примеч. в наст. томе),
которые, очевидно, были приложены к соответствующим лотам. Наконец, известно,
что одну такую лотерею Жуковский в 1838 г. организовал сам, выставив на ней в
качестве лота свой портрет кисти К. П. Брюллова, чтобы выкупить на выручен-ные
деньги Т. Г. Шевченко из крепостной неволи (об этом см.: Смирнова-Россет. С 19,
640; Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 58; РС. 1902.
№4. С. 121–133).

Лотерея, для которой Жуковский написал публикуемые стихи, оставила свой след в
воспоминаниях А. О. Смирновой-Россет: «Потом я пошла осматривать го-род [Новая
Ладога] и вдруг вижу огромного роста мужчину в белых штанах, в ботфортах и
треуголке с черным пером и вижу, что он следует примеру Амоса Фе-доровича
[имеется в виду Аммос Федорович Лякин-Тяпкин, персонаж комедии Н. В. Гоголя
„Ревизор“; здесь ошибка памяти мемуаристки, поскольку речь идет о явной аналогии
с Городничим.—О. Л.] и в каждой лавке съест изюмцу, то черно-сливу, „чтобы быть
лениву“.—Какая прекрасная рифма: чернослив и ленив, и это очень полезно.—
Этот сочинил Жуковский на лотерею у наследника, где я вы-играла ужасный
малахитовый кувшин, который Шереметев не постыдился по-жертвовать в пользу
бедных» (Смирнова-Россет. С. 438).

Закавыченные слова «чтобы быть лениву» в сочетании со словом «черносли-ву»—
неточная цитата из экспромта № 5 (ср.: «Ах, как будешь ты счастлив, // Уби-рая
чернослив»), свидетельствующая, что в данном фрагменте «Автобиографиче-ских
записок» речь идет именно о той лотерее, к которой Жуковский написал
пуб-ликуемые экспромты. К сожалению, мемуары А. О. Смирновой-Россет не дают
возможности уточнить датировку этого текста.

№ 1. ... бергамоты...—Сорт груши.

№7. ... шептала.— «Сушеные персики, привозимые из Азии» (Даль В. И. Тол-ковый
словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1980. Т. 4. С. 628).

О. Лебедева

1831

«Звезды небес...»

(С. 269)

Автограф (РНБ, оп. 1, №30, л. 81)—черновой, без даты и заглавия. При жизни
Жуковского не печаталось. Впервые: ПСС. Т. 11. С. 135.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется:
начало 1831 г.

Две первых строки: «Звезды небес, // Тихая ночь!» завершали стихотворение «9
марта 1823», связанное с последним предсмертным свиданием Жуковского с Машей
Протасовой. Еще А. Н. Веселовский указал на связь этих двух стихотворе-ний
(Веселовский. С. 238). Впервые опубликовавший этот текст А. С. Архангель-ский
датировал его промежутком между 1822-м и 1831 г. и отнес к числу незавер-шенных
(ПСС. Т. 11. С. 135). Ц. С. Вольпе воспроизвел этот текст, исправив не-верное
прочтение отдельных стихов в ПСС и отнеся его безусловно к 1831 г. на основании
положения автографа в рукописи (Стихотворения. Т. 2. С. 534). Одна-ко он включил
это стихотворение в раздел «Варианты и другие редакции», так как, по его мнению,
«Жуковский пытался продолжить стихотворение „19 марта 1823“, ощущая, что два
последние стиха, сами по себе, в конце стихотворения мо-гут ощущаться привеском»
(Там же).

Как удалось установить немецкому слависту Х. Эйхштедт, стихотворение Жу-ковского
является переводом «нятистрофного стихотворения» неизвестного авто-ра,
скрывшегося за подписью «X», под заглавием «Erwarten» из сборника песен Августа
Вейрауха: «Elf deutsche Lieder von Schiller, Goethe und anderen, in Musik
gesetzt und dem hochwohlgeb. Frl. Jenny von Lilienfeld dankbarlichst zugeeignet
von August Heinrich von Weyrauch. Dorpat... den 28 Juli 1822» (№11). См.:
Eichstadt. S. 82–84.

Из всего стихотворения «Ожидание» («Erwarten») Жуковский перевел лишь первую
строфу. Трудно сказать, хотел ли он ею закончить «9 марта 1823» или же двумя
первыми стихами придал тексту стихотворения законченную незакончен-ность. Ясно
одно: так как при жизни он не публиковал ни один из текстов, то их можно
рассматривать как два самостоятельных произведения, имеющих между собою
внутреннюю связь.

Стихотворение «Звезды небес...» возникло не случайно в 1831 г., скорее всего, в
самом его начале, как воспоминание о деритских впечатлениях, связанных с
по-следними днями жизни Маши Протасовой. В письме к А. П. Елагиной от 1 янва-ря
1831 г., поздравляя ее с Новым годом, Жуковский пишет, что «провел эти

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский Zhu по–следние минуты прошлого и первые минуты нового между двумя гробами» (име–ется в виду смерть Маши и Саши Протасовых). И далее поэт приводит обширные выписки из предсмертного дневника Маши, в том числе запись от 4 марта 1823 г.: «Ich schicke ihnen die Weyrauch'schen Lieder zum Geschenke...» («я посылаю вам на память песни Вейрауха»–нем.: УС. С. 51–52).

По всей вероятности, именно это воспоминание и стало импульсом для обращения поэта в 1831 г. к переводу песни из сборника Августа Вейрауха. И в свете этого появление стихотворения «Звезды небес...» как самостоятельного текста не выглядит загадочным и малопонятным.

Л. Янушкевич

«В долину к пастырям смиренным...»

(С. 269)

Автографы:

1) ПД. № 27807, л. 40 об.– первая черновая редакция первых трех строк (см. ниже).

2) РНБ, он. 1, № 30, л. 81 – черновой всего текста, без заглавия и даты. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1873. Т. 2. №9. Стб. 1702–без заключительных четырех стихов, с произвольным редакторским заглавием: «Явление (Отрывок)». Публикация К. С. Сербиновича. Заключительные четыре стиха были впервые опубликованы И. А. Бычковым: Бумаги Жуковского. С. 85.

Впервые полностью: С 9. Т. 2. С. 512–513–с заглавием: «Явление» и подзаголовком: «Из Шиллера».

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу, без заглавия.

Датируется: начало 1831 г.

Основанием для датировки стихотворения является его положение в рукописи: на л. 81 (автограф № 2) рядом с ним находится автограф стихотворения «Звезды небес...», навеянного Жуковскому воспоминанием о М. А. Протасовой в канун 1831 г. (см. примеч. к стихотворению «Звезды небес...»).

Стихотворение «В долину к пастырям смиренным...» является переводом стихотворения Ф. Шиллера «Das Madchen aus der Fremde» («девушка с чужбины»; 1796), которое можно назвать своеобразным эстетическим манифестом Шиллера, в аллегорической форме изображающем поэзию. «Этим стихотворением должна была открыться книга его избранных стихов. Смерть Шиллера помешала выходу книги» (Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т. М., 1955. Т. 1. С. 744).

Перевод Жуковского 1831 г. соответствует пяти строкам шиллеровского 6–строфного стихотворения; четвертую строфу Жуковский выпустил в своем переводе. История интереса русского поэта к этому тексту Шиллера восходит к концу 1817 г.: именно в это время в «Книге Александры Воейковой» (автограф № 1) появляется первый неполный вариант перевода. Датировать этот текст концом 1817 г. позволяет его положение в рукописи: на л. 40 черновому наброску перевода предшествуют беловые автографы двух переводов из Гёте: «Новая любовь– новая жизнь» и «Кто слез на хлеб свой не ронял...», осуществленных Жуковским в сентябре–октябре 1817 г. (см. примеч. к указ. стихотворениям). Поскольку эта ранняя редакция перевода никогда не печаталась, считаем необходимым привести ее здесь:

В долину, к пастухам в селенье являлась каждою весной,
При первом жаворонков пенье, Девица, диво красотой!

Она не в тех странах родилась; Отколь она, никто не знал;
Придет –долина обновилась; Уйдет –и след ее пропал.

При ней веселость оживала; И сладкий жар бежал в сердца;
Но робость некую вселяла Она величием лица.

Ранняя редакция перевода больше соответствует метрике и строфике немецкого подлинника, написанного четверостишиями 4–стопного ямба с чередованием женских и мужских рифм; перевод 1831 г. выполнен белым 4–стопным ямбом в астрофической форме.

После того как Жуковский набросал первые три строфы перевода стихотворения Шиллера в 1817 г., этот текст еще раз оставил свой след в его поэтическом сознании и письменном наследии. В мае 1821 г., во время пребывания Жуковского в Берлине, кронпринц Фридрих Вильгельм (будущий король прусский Фридрих Вильгельм IV, брат великой княгини Александры Федоровны) по просьбе Жуковского записал в альбом, подаренный поэту великой княгиней, 6 стихов из стихотворения Шиллера «Das Madchen aus der Fremde»:

Beseeligend war hire Nil he,
Und alle Herzen wurtlen wit;
Sic brachte Blinnen mil und Friichte
Gereifl auf ciner andeni Flur,
In einein andeni soiiiieilichlc,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu

In einer glücklichen Natur.

d. 28 May 1821 nach dem Wunsche meines theuern Schukowsky. F.W. (РБ. 1912. №7–8. С. 140)

[Перевод: Присутствие ее делало счастливым,

Все сердца раскрывались перед ней;

Она несла с собой цветы и плоды,

Созревшие на иной ниве,

В свете иного солнца,

Среди счастливой природы.

28 мая 1821 г. по желанию моего дорогого Жуковского. Ф. (Фридрих) В. (Вильгельм)–нем.]

Характерно, что 4 заключительные стиха этого фрагмента являются той самой четвертой строфой стихотворения Шиллера, перед которой оборвана ранняя редакция перевода Жуковского 1817 г. и которая не переведена русским поэтом в 1831 г. Можно высказать предположение, что и в 1817-м, и в 1831 г. эта строфа имела для Жуковского слишком личный автобиографический смысл. В 1817 г. поэт мог отождествить образ «девушки с чужбины» с М. А. Протасовой, недавно вышедшей замуж за И. Ф. Мойера, а после записи Фридриха Вильгельма в альбоме, подаренном Жуковскому великой княгиней Александрой Федоровной, этот образ мог приобрести в сознании Жуковского ассоциативную связь с его царственной ученицей.

О. Лебедева

ДВЕ ЗАГАДКИ I. «Не человеческими руками...» II. «На пажити необозримой...»

(С. 270)

Автографы:

1) ПД. Библиотека Жуковского (собрание А. Ф. Онегина-Отто), F. Schillers sammtliche Werke. Bd. 1–12. Stuttgart und Tübingen, J. G. Gotta, 1812–1815. Bd. 9/1. S. 150–черновой, карандашом на полях страницы и между строк немецкого текста.

2) РНБ, оп. 1, № 30, л. 44–беловой.

К о п и я (РГИА, ф. 1673 (А. С. Шишков), оп. 1, № 287, л. 2)–рукою неизвестного лица, с пометами П. А. Вяземского.

Первые: Муравейник. 1831. №3. С. 31–32–с заглавием: «две загадки», без подписи. В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по беловому автографу.

Датируется: между 10 и 17 марта 1831 г.

Текст «Двух загадок» датируется по положению в беловой рукописи: на л. 40 записана часть белового автографа баллады «Кубок» с датой: «10 марта 1831», на л. 47 – автограф баллады «Жалобы Цереры» с датой: «17 марта [1831 г.]».

Перевод двух стихотворений (1 и 3) из цикла Ф. Шиллера «Parabeln und Ratsehn» («Притчи и загадки»), весьма свободный по своему характеру: сохранив размер оригинала (4-стопный ямб), Жуковский перевел загадки Шиллера в астрофическую форму (в подлиннике загадка 1 содержит три, загадка 3–четыре катрена), снял заключающие шиллеровские тексты вопросы (ср. в загадке 1: «So sprich, wo sich die Brücke findet, // Und wer sie künstlich hat gefügt?» [«так скажи, где находится мост // И кто его искусно воздвиг?»–нем.]; в загадке 3: «Die Herde, kannst du sie mir deuten, // Und auch den Hirten zeig mir an» [«Можешь ли ты указать мне стада // И пастуха покажи мне также»–нем.]); кроме того, при сохранении основных образных мотивов загадки 3 (в переводе Жуковского–2) поэт переконструировал их и увеличил количество стихов до 20 (у Шиллера–16) за счет распространения и детализации образов. Ср.: «Auf einer großen Weide gehen // Viel Tausend Schafe silberweiß» [«на огромном лугу бродят // Многие тысячи серебряно-белых овец»–нем.] – «на пажити необозримой, // Не убавляясь никогда, // Скитаются неисчислимо // Серебрянннне стада».

Ответы: на загадку 1 – радуга; на загадку 2–звезды и месяц.

Ст. 17–20. У них есть вождь–Овен прекрасный ~ И Дева–чудо из чудес...– Овен, Пес, Лев и Дева–названия созвездий (кроме созвездия Гончих Псов–все зодиакальные).

О. Лебедева

Приход весны

(«Зелень нивы, рощи лепет...») (С. 271)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 30, л. 49 об.)–беловой, с заглавием: «Приход весны», без даты.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1873. Т. 2. №9. Стб. 1701. Публикация К. С. Сербиновича с произвольным заглавием: «Появление весны».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: между 17 и 19 марта 1831 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рабочей тетради

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh Жуковского 1831 г. Автограф стихотворения «Приход весны» расположен между черновых строф баллад «Доника» (л. 48) и «Жалоба Цереры» (л. 45–49 об.) – с да-тами при начале: «17 марта» и в конце: «19 марта» [1831 г.]. Стихотворение «Приход весны» является переводом стихотворения Людвиг Уланда «Lob des Fruhlings» («Похвала весне»), с некоторыми формальными отступ-лениями от оригинала: сохраняя 4-стопный хорей подлинника, Жуковский до-полняет безударными слогами синкопированные в немецком подлиннике вторую и четвертую стопы и слегка меняет схему рифмовки: АБАВВБ – в подлиннике, аабВВБ – в переводе. В смысловом отношении существенных отступлений нет.

О. Лебедева

(Помпея и Геркуланум)

(«Что за чудо свершилось? Земля, мы тебя умоляли...») (С. 271)

Автографы:

1) ПД. Библиотека В. А. Жуковского (Описание. №2754)–Friedrich von Schil-lers sammtliche Werke. Bde 1–12. Stuttgart; Tübingen, 1812–1815. Bd. 9/1. S. 151 – черновой, на нижнем поле страницы.

2) РНБ, оп. 1, № 26, л. 127 – белой, без заглавия. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 71 (ст. 1–2).

Впервые полностью: БЖ. Ч. 3. С. 532. Публикация О. Б. Лебедевой. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: март 1831 г.

Хронологические ориентиры для датировки текста дает время создания двух четко датируемых текстов переводов Жуковского из Шиллера, черновые автогра-фы которых находятся в том же 9-м томе (полutom 1-й) Полного собрания сочине-ний Шиллера из библиотеки поэта. Между 10 и 17 марта 1831 г. был осуществлен перевод второй из «Двух загадок» (см. примеч.), а 15–17 марта 1831 г.– перевод повести «Перчатка». Хотя из т. 9 страницы с автографом «Перчатки» (С. 129–130) «кем-то давно вырваны», как это следует из записи А. Ф. Онегина–Отто на форзаце описанного тома, они обнаружены нами в архиве Помяловского (РНБ, ф. 608, он. 1, № 4876). Вероятно, все черновые автографы в 9-м томе собрания сочинений Шиллера относятся к марту 1831 г. (кроме уже упомянутых, в 9-м томе есть еще черновой автограф баллады «Кубок» – окончена 10 марта 1831 г.– и первоначаль-ный вариант перевода ромansa «Сражение с змеем»).

Стихотворение «Что за чудо свершилось?..» представляет собой неполный (из 56 стихов подлинника Жуковский перевел 22), но в смысловом и интонационном отношении вполне законченный перевод исторической элегии Ф. Шиллера «Rompeji und Herkulanum»; белая рукопись в РНБ оформлена как законченный текст на отдельном листе. С формальной точки зрения к метрике и строфике ори-гинала русский поэт весьма близок: и немецкий подлинник и русский перевод на-писаны элегическим дистихом. Однако с точки зрения интонационной перевод Жуковского характеризуется более напряженной эмфатикой: увеличивая количе-ство вопросительных и восклицательных знаков, русский поэт переводит эпичес-кую, элегию Шиллера в характерную для его собственной элегической поэтики вопросно-ответную интонационную систему. О характере перевода подробнее см.: БЖ. Ч. 3. С. 532–535. Ст. 11–12. Мимы, где вы? Спешите на сцену! Готовую жертву, II Сын Лтрев, свер-ши! Выступи, хор Эвменид!..– Имеется в виду трагедия «Хоэфоры», вторая в трило-гии древнегреческого трагика Эсхила «Орестейя». «Сын Атреев»–Орест, убиваю-щий свою мать Клитемнестру; за это преступление его преследуют богини мще-ния Эринии, которые в третьей части-трагедии «Эвмениды» – превращаются в благожелательные божества Эвмениды, после того как Орест искупает свою вину,

О. Лебедева

Замок на берегу моря

(«„Ты видел ли замок на бреге морском?..“») (С. 272)

Автограф неизвестен.

Впервые: Муравейник. 1831. № 4. С. 22.

В прижизненных изданиях: С 4, 5 (в С 4–отдел «Романсы и песни», в С 5 – в подборке произведений 1832 г., в оглавлении–с подзаголовком, указы-вающим на источник перевода: «Из Уланда».

Датируется: 28 марта 1831 г.

Перевод стихотворения «Das Schloß am Meere» («Замок у моря») Л. Уланда, на-писанного в 1805 г. и опубликованного в «Musenalmanach für das Jahr 1807» (Hrsg. von Leo von Seckendorf. Regensburg). В рукописном перечне стихотворений 1831 г. перевод датирован 28 марта (см.: РНБ, №35, л. 8–рукою Жуковского).

Жуков-ский изменил ритмику и строфику оригинала (стихотворение Уланда написано куплетной строфой, паузником, с чередованием 4- и 3-стопных стихов; у Уланда 8 строф по 4 стиха, у Жуковского 6 по 3 стиха; как отмечает С. А. Матяш, трехсти-шиями Жуковский, как правило, пользовался в стихах, отличающихся лакониз-мом и остротой лирического переживания (Матяш С. А. Метрика и строфика Жу-ковского. С. 45). При этом Жуковский довольно точно передал содержание

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh под-линника. Перевод сделан с небольшими сокращениями. В «Общем оглавлении» первого прижизненного собрания сочинений стихотворение отнесено в отдел «Романсы и песни». Соответственно Жуковский последовательно использует принцип движения лирической темы, характерный для народной песни, так называемое амебеиное построение, основанное на параллелизме композиционно значимых частей и образов (отсюда и изменение–уменьшение–объема стихотворения, которое становится, по сравнению с подлинником, более емким и четким в своей архитектонике). Явления природы переданы, как и в подлиннике, в свете восприятия лирического героя, но в переводе текст Уланда психологизирован, картина отношения героя к окружающему миру сложнее и глубже, многозначнее. Жуковский блестяще передает поэтическое впечатление «несенной» метрикой, гармонией стиха, звукописью, элегическими интонациями (очень большое значение придается вопросительной интонации, обращениям, единообразию музыкальных периодов, мелодическим переходам находящихся в иод ударением звуков (напр., «Царя и царицу я видел...»). При этом переводчик избегает стилизованных штампов («украшений»), используя «прозаическое» перечисление деталей картины. Все это Жуковский «заимствует» из собственной поэтической системы.

И. Айзикова

Исповедь батистового платка

(«Я родился простым зерном...») (С. 272)

Автограф (РНБ, оп. 1, №36, л. 9 об.–10) – черновой, с датой: «22 июля». При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 99–100.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 22 июля 1831 г.

Автограф стихотворения находится в окружении произведений, написанных в 1831 г., что и позволяет его отнести к этому году. В шуточных натурфилософских и бытовых (галантно–ритуальных) метаморфозах (от зерна, брошенного в землю, до платка княжны Урусовой, разыгранного в лотерею) используются мотивы идиллии «Овсяный кисель» (см. примеч.). Для этого стихотворения характерна общая эстетическая концепция поэтического мира Жуковского: шуточный дидактизм стихотворения «на случай» и расширение картины мира до универсальных масштабов.

Ст. 25–28. Пока я цвел и созрел ~ И думал век прожить на воле... – В рукописном тексте имеются следующие исправления и разночтения с печатным текстом этих стихов:

я так беспечно созрел

С моими сверстниками в поле!

О будущем не помышлял

И думал век прожить на воле.

Ст. 48. Княжне Урусовой достался...–Софья Александровна Урусова (1804– 1889), с 1827 г.–фрейлина императрицы Александры Федоровны; с 1833 г.–жена князя Л. Л. Радзивилла. Подробнее см.: Черейский. С. 456.

И. Вётшева

Детский остров

(«Как весело, весело!..») (С.275)

Автограф (РНБ, он. 1, №30, л. 75)–черновой, без заглавия, с датой: «22 июля».

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: РА. 1873. Кн. 9. Стб. 1701–1702.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 22 июля 1831 г.

Это стихотворение, как и следующее за ним – «Остров» («Цветет и расцвета-ет...»), написано от лица императорских детей, которым Николай I подарил остров на Царскосельском пруду. Подобные дары, имевшие игровое и воспитательное значение, были нередки в летних резиденциях. Екатерина II проиллюстрировала собственную притчу о царевиче Хлоре и поиске розы без шипов на натуре, заказав устройство «тематического» сада А. А. Самборскому и Н. А. Львову. Природный ландшафт в соединении с архитектурой стал сказочным городком, учившим преодолению препятствий, борьбе со злом (см.: Несин В., Сауткина Г. Павловск императорский и великокняжеский. СПб., 1996. С. 25–32). «Александрова дача» в Павловске представляла собой аллегорическую модель мира с системой нравственных ориентиров человека.

Масштаб и значение игрового пространства «детского острова» гораздо скромнее по сравнению с развернутым садово–архитектурным сюжетом «Александровой дачи».

«Августейшие дети» сами построили посредине острова домик и сделали нужную для него мебель. В стихотворении создается образ мини–космоса «заветного острова», в котором акцентируются идиллические мотивы спокойного, умиротворенного «союза земли и воды». Этому способствует безрифменно–стилизованный стихотворный формат, где лирическим субъектом является обобщенное «мы» без конкретной ссылки на августейших владельцев. Впоследствии цесаревич (будущий император Александр II) поставил в этом домике бюст Жуковского как воспоминание о счастливейших днях

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh детства (см.: Загарин. С. 424).

Н. Вётшева

Пери

(«Перед дверью Эдема...») (С. 275)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 1, № 36, л. 20)–авторизованная, с датой рукою Жуковско-го: «22 августа».

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 100–103. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии. Датируется: 22 августа 1831 г.

Три стихотворения Жуковского: «Пери», «Песнь бедуинки» и «Мечта» – имеют общую творческую историю. Все они написаны рукою неустановленного лица с пометами Жуковского на отдельном листе в линейку. В архивной папке–конво–люте № 36 имеются и другие автографы поэта, написанные на такой же бумаге и датированные 1831 г.

Думается, стихотворение «Пери» и примыкающие к нему тексты написаны в 20–х числах августа 1831 г. Появление их в этом году было не случайно: они были созданы к 10–летию Берлинского придворного праздника на сюжет поэмы Т. Мура «Лалла Рук» (см. примеч. к стихотворению «Лалла Рук»). По всей вероятности, они были предназначены для петербургской дворцовой инсценировки из «Лалла Рук», продолжая традицию живых картин (об этом см.: ЛН. Т. 91. М., 1981. С. 669–673). Как было установлено немецким славистом Дитрихом Герхардтом, все три стихотворения восходят к одному источнику–к альбому: *Die lebender Bilder und pantomimischen Darstellungen bei dem Festspiel: Lalla Rookh (...) nach der Natur gezeichnet von W. Hensel... Berlin, 1823* – и являются переводом стихотворных надписей Самюэля Генриха Шпикера (Spicker; 1786–1858) к «живым картинам и пантомимическим представлениям на празднике Лалла Рук» (подробнее см.: Gerhardt D. *Vergangene Gegenwartigkeiten*. Göttingen, 1966. S. 31–34).

Из дневников поэта известно, что с автором стихов Самюэлем Шпикером и художником Вильгельмом Гензелем (Hensel, 1794–1864), сделавшим рисунки к альбому, Жуковский встречался неоднократно: сначала в Берлине, накануне и после праздника Лалла Рук в 1821 г. (дневники. С. 106, 108, 119), а затем во время заграничных путешествий 1833–го (дневники. С. 312) и 1838 г. (Там же. С. 376). Стихотворение «Пери» представляет собой перевод нескольких пояснительных текстов–романсов Шпикера (ЛН. Т. 91. С. 671). Они включают три картины («Bild») с общим заглавием «Die Peri und das Paradies» (в переводе Жуковского «Erstes Bild»–ст. 1–16; «Zweites Bild»–ст. 17–48; «Drittes Bild»–ст. 49–88). Жуковский достаточно близок к немецкому оригиналу Шпикера.

А. Янушкевич

Песнь бедуинки

(«В степь за мной последуй, царь!..») (С. 278)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 1, № 36, л. 20 об.)–авторизованная, без даты. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 103.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии. Датируется: около 22 августа 1831 г.

«Песнь бедуинки» написана на обороте листа с текстом стихотворения «Пери», датированного 22 августа (см. примеч. к стихотворению «Пери»). Вполне возможно, что эта дата относится ко всем трем произведениям: «Пери», «Песнь бедуинки», «Мечта», так как они имеют общую творческую историю, один источник и т. д.

«Песнь бедуинки» является почти дословным переводом «Романса Нурмагала» («Romanze der Nurmahäl») С. Шпикера–заключительной песни, которую поет героиня на празднике Лалла Рук. Как указывает М. П. Алексеев, «в конечном счете, „Песнь бедуинки“ Жуковского–это перевод с перевода, и снова восходит к „Лал–ле Рук“ Мура» (ЛН. Т. 91. С. 673). Сохранив ритмическую основу стиха Шпикера, Жуковский несколько ослабляет восточный колорит «Романса», заменив немецкое «Wüste» («пустыня») на русское «степь».

А. Янушкевич

Мечта

(«Всею владеет обаяние!..») (С. 279)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 1, № 36, л. 20 об.)–авторизованная, с зачеркнутыми вариантами первого стиха: «Власть Мечты непобедима», «Всемогущий Чародей». При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 103.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии. Датируется: около 22 августа 1831 г.

Как и «Песнь бедуинки», стихотворение «Мечта» написано на обороте листа с

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh текстом «Пери», что и определяет его датировку и творческую историю (см. при-меч. к стихотворению «Пери»).

«Мечта» – перевод первой половины стихотворной надписи С. Шпикера к первой картине, иллюстрировавшей содержание начальной вставной повести в «Лалла Рук» – «Покровенный пророк Хорасана» («Der verschleierte Prophet von Khorassan»). Переведя из 16-ти стихов оригинала Шпикера лишь первые восемь, Жуков-ский придает мотиву покровы более символический характер, связывая его со сво-ей романтической эстетикой (см.: Янушкевич. С. 147–148; Канунова Ф. 3. Мотив «завесы» в поэзии Жуковского: Эстетика «невыразимого» и религия // Гуманитар-ные науки в Сибири: Сер. филологическая. 1996. №4. С. 12–19). Заглавие «Меч-та» лишь подчеркивает суггестивность лирической философии Жуковского. Но связь с источником «живых картин» выстраивает для этого программное стихо-творения [имеется в виду «Лалла Рук»] «более прозаическую генеалогию» (Вацу-ро. С. 149).

А. Янушкевич

Остров

(«Цветет и расцветает...») (С. 279)

Автограф (РНБ, оп. 2, № 14, л. 1)–беловой, с датой: «26 августа». Копия (РГИА, ф. 1673 (А. С. Шишков), оп. 1, № 287, л. 3)–рукою неизвест-ного лица, с пометками П. А. Вяземского. Впервые: Муравейник. 1831. № 5. С. 40. В прижизненные собрания сочинений не входило Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 26 августа 1831 г.

Это стихотворение, как и предшествующее–«Детский остров» («Как весело, весело!..»), воспевает остров на Царскосельском пруду, подаренный наследнику и царским детям. В первоначальной редакции после каждой строфы был еще ре-френ, придававший стихотворению песенную интонацию. Жуковский целена-правленно вычеркивает рефрены, нейтрализуя тем самым мотив движения и стремления («По влаге вод зыбучей // Плыви, плыви со мной, // О, мой челнок ле-тучий, // Плыви на остров мой...») и усиливая идеальную поэтическую атмосферу острова с помощью постоянно повторяющегося указательного местоимения «там» (10 раз на 28 стихов). Небольшое лирическое пространство концентрирует постоянные натурфило-софские лейтмотивы Жуковского: целостность и гармоничность бытия в смене природных циклов, органическую включенность человека в жизнь природы, пер-сонификацию основных ценностных понятий («Радость», «Младость»). Жуковский в двух взаимосвязанных стихотворениях о «детском острове» оставляет лишь при-родный план и идиллический топос, исключая тему реального культурного освое-ния «игрового пространства». Тем самым реальный «детский остров» превращает-ся в остров Утопии.

Н. Вётшева

А. О. Россет–Смирновой

(«Милостивая государыня Александра Иосифовна!..») (С. 280)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1871. №2. Стб. 1879–в составе воспоминаний А. О. Смир-новой–Россет, с пропуском ст. 33–37; Голос минувшего. 1917. №11–12. С. 153 (ст. 33–37)–в составе «Рассказов А. О. Смирновой в записи Я. П. Полонского».

Впервые полностью: СС 1.Т. 1.С. 382–383.

Печатается поСС1.

Датируется: июль 1831 г.

Послание адресовано Александре Осиповне Россет (в замуж. Смирновой; 1809–1882), фрейлине императрицы Александры Федоровны, бывшей в друже-ских отношениях с А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, В. А. Жуковским и оставив-шей о них интересные воспоминания (см.: Смирнова–Россет. С. 18–72). В составе этих воспоминаний находится и данное послание.

Ему предпослан рассказ об атмосфере летних встреч 1831 г. Жуковского, Пуш-кина и Россет в Царском Селе, о том, как Жуковский писал ей «Галиматью». В письме к П. А. Вяземскому от 3 августа 1831 г. А. С. Пушкин воссоздает обстанов-ку возникновения этого шуточного послания: «У Жуковского зубы болят, он бра-нится с Россети; она выгоняет его из своей комнаты, а он пишет ей арзамасские извинения гекзаметрами» (Пушкин. Т. 14. С. 651). Это письмо дает основание да-тировать гекзаметрическое послание Жуковского июлем 1831 г.

Вероятно, подобные «галиматьи» Жуковский писал неоднократно. Так, в С 7 (Т. 6. С. 521) приводится подобное недатированное стихотворное письмо, с при-мечанием: «Стихи (...) взяты нами с подлинной рукописи, хранившейся в альбоме А. М. Васильчиковой» (С. 684). Вот его текст, не публиковавшийся в собраниях

со-чинений поэта:

И я веселой жизнью жил,
Мечтал и о мечтах стихами
Довольно складно говорил!..

Зачем же не в то время с вами
Мне рок знакомым быть судил!
В свои магические сети
Меня схватила бы Россети,
И муза б ожила моя!
О как бы разбренчался я
На лире, счастливый невольник.
Но молодость, увы! прошла,
И я теперь в любви раскольник.
Россети страшно как мила...
А я не потерял свободы!
И вместо пламенный оды
На блеск живых ея очей,
Без всяких нежных комплиментов,
Даю, как добрый, без процентов
Взаимы ей тысячу рублей.

Ст. 3–4. ...записки французской известной II Вам герцогини Абрантес...– Речь идет о мемуарах французской писательницы, герцогини Луизы Аделаиды Кон-станс д'Абрантес (d'Abrantes, 1784–1838), жены генерала Жюно, герцога д'Абран-теса: *Mémoires ou Souvenirs historiques sur Napoleon, la Revolution, le Directoire, le Consulat, L'Empire et la Restauration*. P., 1831–1835 (Мемуары или исторические воспоминания о Наполеоне, Революции, Директории, Консулате, Империи и Ре-ставрации.–фр.).

Ст. 29. ...и я, как мятежный поляк...–Ассоциация с польским восстанием 1830–1831 гг., которому Жуковский посвятил стихотворения «Русская слава» и «Старая песня на новый лад».

Л. Янушкевич

Старая песня на новый лад
(На голос: «Гром победы, раздавайся!»)
(«Раздавайся, гром победы!..») (С. 281)

Автографы:

1) РНБ, оп. 2, № 26, л. 1 об.– 2 об.–черновой, с датой: «5 сентября».

2) РГАЛИ, он. 1, №32, л. 7–7 об.–беловой, с заглавием: «Русская песнь на взятие Варшавы».

Впервые:

1) Русская песнь на взятие Варшавы (На голос: Гром победы, раздавайся!). СПб.: Тип. Греча, 1831 (ц. р. от 6 сентября 1831 г.).

2) Северная пчела. 1831. 8 сентября. №201–с заглавием: «Русская песнь на взятие Варшавы» (На голос: «Гром победы, раздавайся!»), без подписи (ц. р. от 7 сентября 1831 г.).

3) На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. СПб., 1831–с заглавием: «Старая песня на новый лад» (На голос: «Гром победы, раздавайся!»), с датой: «5-го сентября 1831 года» и подписью: «В. Ж.» (ц. р. от 7 сентября 1831 г.).

В прижизненные собрания сочинений не входило. Печатается по изданию: «На взятие Варшавы». СПб., 1831. Датируется: 5 сентября 1831 г.

В списке стихотворений 1831 г. отмечено: «На взятие Варшавы. 5 сентября» (РНБ, оп. 1, № 35, л. 8 об.). Стихи написаны по поводу подавления польского бун-та, который разразился 17 ноября 1830 г. Решающий бой, приведший к взятию Варшавы, произошел 26 августа 1831 г., в 19-ю годовщину Бородинского сраже-ния (Жуковский отметил это совпадение в ст. 24: «Русь кричит: Бородино!»).

Высылая стихотворение А. И. Тургеневу, Жуковский писал: «... посылаю тебе Русское ура! Варшава наша. Честь России опять сияет по-старому. Какое велико-лепное военное дело. Наша армия чудо! Вот мои стихи; один экземпляр для тебя, другой для Ивана Ивановича [Дмитриева.–Н. С], третий Карамзиным вместе с Вяземским. Нет более. Скоро пришло свои стихи, эти же, напечатанные вместе со стихами Пушкина, чудесными. Нас разом прорвало, и есть от чего» (ПЖТ. С. 259).

И. И. Дмитриев откликнулся стихами: «Василию Андреевичу Жуковскому по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы» [второе– «Русская слава».– И. С]. Приведем одну строфу:

Взыграй же, дух! Жуковский, дай мне руку! Пускай с певцом воскликнет патриот:
Хвала и честь Екатерины внуку! С ним русский лавр цвезть будет в род и род...
(Дмитриев И. И. Поли. собр. стихотворений.

Л., 1967. С. 369).

Жуковский ответил И. И. Дмитриеву 16 октября 1831 г.: «... слава отечества опять вспыхнула ярким светом. В стихах моих, написанных на взятие Варшавы, нет ничего замечательного, и они бледны стоя рядом со стихами Пушкина; но я ни одних стихов не писал с таким живым чувством, ибо написал их в первую ми-нуту по получении

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
известия, воскресившего душу, так долго бывшую под гнетом грустных ощущений
всякого рода [Война и мир, и внешних бурь напор.–В. Ж.]; в славе отечества есть
что-то ж из недатальное. И в эту первую минуту всякое слово, и самое
обыкновенное, казалось поэтическим; и я с необыкновенным чувством на-писал
первый стих, взятый у Державина: раздавайся гром победы. Я слышал эти слова,
глядя на Екатерину, и они, можно сказать, были выражением всего ее века;
сладостно было повторить их в обстоятельствах, достойных времен Екатерины» (РА.
1866. Стб. 1635–1636). Пение стихов Г. Р. Державина (из «Описания торже-ства в
доме князя Потемкина», откуда позаимствован и видоизменен первый стих «Старой
песни...»), Жуковский слышал в 1791 г. в Таврическом дворце на празд-нике в
честь взятия турецкой крепости Измаил.

При совместной публикации с А. С. Пушкиным, где тот дал стихотворения
«Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», Жуковский изменил назва-ние,
более привязав его к подзаголовку и подчеркнув параллель с военными по-бедами
времен Екатерины II, и упорядочил синтаксический строй, уточнив смысл некоторых
мест (эдиционная практика, за редким исключением, прежде опира-лась на ранний
вариант, отдавая предпочтение конкретному заглавию–«На взя-тие Варшавы»).
Стихотворение, едва ли не одновременно опубликованное в трех изданиях, вскоре
было переведено на немецкий язык и напечатано наряду со стихами А. С. Пушкина
«Клеветникам России» и «Одой» А. С. Хомякова в брошюре «Der Polen Aufstand und
Warschau's Fall 1831» [польское восстание и падение Варшавы в 1831 г.–нем.].
Spb., 1831 (ц. р. от 22 сентября 1831 г.) под заглавием: «Der Po-lenkrieg»
[«Польская война».–нем.].

2 октября 1831 г. Жуковского приветствовал граф Й. Ф. Паскевич, за взятие
Варшавы дарованный титулом светлейшего князя Варшавского: «Искренность поэта
раскрыла для меня в живой, яркой картине всю великость и влияние на-стоящих
событий и ту исполинскую славу, блеск коей столь неоспоримо принад-лежит вновь
оружию Российскому, вопреки завистливых толков и враждебного желания недругов
наших. (...)

Прошу Вас принять нелицемерную мою благодарность за присланные строфы и сообщить
таковую же Александру Сергеевичу Пушкину, столь много обязавше-му меня двумя
отличными своими сочинениями. Стихи истинно прекрасные и бо-гаты чувствами
народной гордости. Сладкозвучные лиры первостепенных поэтов наших долго
отказывались бряцать во славу подвигов Русского оружия. Так ио-меркнула заря
достопамятных событий персидской и турецкой войн (...). Прият-но видеть, что
настоящие дела храбрых сильнее возбудили огонь истинной по-эзии и возвеличены
волшебным талантом певцов, украшающих Россию.

По желанию Вашему, я имел счастье передать Его Императорскому Высочест-ву один
экземпляр полученных мною стихов» (РА. 1875. № 11. С. 369). В послед-ней фразе
речь идет о великом князе Михаиле Павловиче.

П. А. Вяземский оставил в своей записной книжке строки нелицеприятные: «14
сентября 1831 г.: Охота ему было писать шинельные стихи (стихотворцы, кото-рые в
Москве ходят в шинели по домам с поздравительными одами) и не совестно ли певцу
в стане Русских воинов и певцу в Кремле сравнивать нынешнее событие с Бородиным?
Там мы бились один против 10, а здесь, напротив, 10 против одно-го. Это дело
весьма важно в государственном отношении, но тут нет ни на грош поэзии. (...)
Зачем переключивать в стихи то, что очень кстати в политической га-зете. (...) Я
уверен, что в стихах Жуковского нет царедворческого побуждения, тут просто
русское невежество. Какая тут чёрт народная поэзия в том, что нас выгна-ли из
Варшавы за то, что мы не умели владеть ею, и что после нескольких месяч-ных
маршей, контр-маршей мы опять вступили в этот городок. (...) Мы удиви-тельные
самохвалы. (...) Как мы ни радуемся, а всё похожи мы на дворню, которая в
лакейской поет и поздравляет барина с именинами, с пожалованием чина и проч.
Одни песни 12-го года могли быть несколько на другой лад, и потому Жу-ковскому
стыдно запеть иначе». 15 сентября 1831 г.: «Стихи Жуковского навели на меня
тоску. (...) Как ни говори, а стихи Жуковского–une question de vie et de mort
[вопрос жизни и смерти–фр.] между нами. Для меня они такая пакость, что я
предпочел бы им смерть. Разумеется, Жуковский слишком под игом обстоя-тельств,
слишком иод влиянием лживой атмосферы, чтобы сохранить свои мысли во всей
чистоте и девственности их» (Вяземский. Т. 9. С. 155–159).

Позиция Жуковского но польскому вопросу была подробно изложена им в дневниковой
записи от 21 февраля 1831 г. (см.: В.А.Жуковский. Из дневников 1827–1840 гг.
Публикация А. С. Янушкевича // Наше наследие. 1994. №32. С. 41–42).

Ст. 8. Наш железный Русский фронт!..– Строй, от нем.: die Front.

Ст. 11–12. Лях, бунтующий пред нами, II Помнит Русских имена...–Лях – поляк (по
имени легендарного польского князя). Имеется в виду подавление польского бунта в
1794 г.

Ст. 25. Чу! как, пламенея, тромбы...–Тромб–здесь: сухой смерч. Ст. 29. Что нам

ваши палисады?..– Палисады – изгороди.

Ст. 33–34. Спи во гробе, Забалканский! II честь тебе–Стамбул дрожал!..– Имеется в виду Иван Иванович Дибич (1785–1831)–граф Забалканский, генерал-фельдмаршал. Как главнокомандующий действующей армией в Русско-турецкую войну 1828–1829 гг. в августе 1829 г. двинул войско на оставшийся без прикрытия Стамбул, в связи с чем турецкое правительство поспешило заключить мир с Россией. Будучи главнокомандующим при подавлении польского мятежа, скончался 29 мая 1831 г. Ст. 35–36. Путь твой кончил Эриванский, III на грудь Варшавы стал...– Имеется в виду Иван Федорович Паскевич (1782–1856), главнокомандующий действующей армией в русско-персидскую войну 1826–1828 гг., в 1827–1830 гг. наместник на Кавказе, с 1828 г.–граф Эриванский, с 1829 г.– генерал-фельдмаршал. После смерти И. И. Дибича заступил на ноет главнокомандующего, с 1831 г. наместник в Царстве Польском.

Ст. 41–43. За Араксом наши грани, II Арарат, чудесный плен II Арзерума, Эривани...–Араке–правый приток Куры; персидская крепость Аббас–Абада на Араксе, в десяти верстах от Нахичевани, была взята 8 июля 1827 г. Арарат–гора в Армении. Эривань (Ереван), столицу Эриванского ханства, взяли 1 октября 1827 г. Покорение Нахичевани и Эривани послужило основанием для включения в Российскую империю восточной Армении.

Ранний вариант ст. 42–43: «Арарата чудный плен, И орлы средь Эривани...» Город Арзерум (Эрзерум,– ныне опять в Турции) был взят 27 июня 1829 г. Ср. «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина.

Эти стихи (с прибавлением следующего, 44-го: «И разгром Варшавских стен...») были вырезаны под портретом Паскевича, рисованного Ф. Реймерсом и гравированного Н. И. Уткиным в январе 1832 г. (см.: С 9. Т. 2. С. 568–569).

Ст. 59. И с своими сыновьями...– Сыновья Николая I: Александр (1818–1881), Константин (1827–1892), Николай (1831–1891).

Н. Серебренников

Русская слава

(«Святая Русь, Славян могучий род...») (С. 283)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 129–черновой.

2) РНБ, оп. 2, № 26, л. 3–5 – черновой.

Впервые: Русская слава. СПб.: Тип. Александра Смирдина, 1831. 8 с. (ц. р.– 17 сентября 1831 г.)–с обозначением авторства Жуковского: «Стихотворение Жуковского» и с эпиграфом: «Слава Русская жива!»

8 прижизненных изданиях: С 4–5 (в С 4–отдел «Лирические стихотворения»; в С 5 датировано 1831 г.).

Датируется: 12 сентября 1831 г.

9 росписи стихотворений 1831 г. Жуковский отметил «Русскую славу» датой: «12 сентября» (РНБ, оп. 1, № 35, л. 8 об.).

Отправляя А. И. Тургеневу стихотворение, Жуковский писал: «Посылаю тебе последние стихи мои. Приложенные экземпляры раздай по надписям. (...) Вот история моих стихов, которую сообщу словесно тем, коим будешь раздавать экземпляры. Петербургский бунт усмирнен был одним словом Государя: минута истинно героическая. Загорелся бунт в колониях: начальники все перебиты, и бунтовщики не хотят никого слушать. Государь едет туда один. Это было за день до рождения великого князя Николая. В самый день этот поутру мой Федор сказывал мне, что родился великий князь. Я бегу на половину Императрицы, чтобы узнать, правда ли это; между тем уверен, что Государю еще и думать нельзя возвратиться. Что же? Подхожу к дверям спальни; они отворяются, и он сам выходит, держа на руках новорожденного и a la lettre [буквально–фр.] задыхаясь от радости. Он успел возвратиться в одни сутки, одним словом кончив бунт, находясь посреди тысячи мятежников и сказав им, что они будут наказаны без пощады, что они приняли с трепетом, лежа у ног его (ранцами вверх, как рассказывал мне Арендт). Какой быстрый переход и к чему! Я пошел за Государем вслед и видел, как он положил своего младенца в колыбель, крестил его и над ним плакал. Я тогда же ему сказал: „Государь! Это перелом. Все пойдет лучше. Бог прислал Вам об этом вестника“. Это явление описано в последних двух строфах моей ние–сы: к колыбели младенца пришел я от колыбели России. (...) Но падение Варшавы было то огниво, которое высекло из души моей эти стихи, которые, как ты сам увидишь, принадлежат к моим лучшим» (ПЖТ. С. 259–561).

«Русскую славу» Жуковского высоко оценил И. И. Дмитриев (см. примеч. к «Старой песне на новый лад»).

Ст. 4. Черновой вариант: «Была ль тебе чужда какая слава?»

Ст. 5. Призвал Варяга Славянин...– Имеется в виду основание русского государства, традиционно связываемое с приходом варяжских военачальников на новгородское княжение в 862 г.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

Ст. 6–10. Черновой вариант:

Взыграли вьюг полных чуда;

Уж морс грекам не ограда;

Ревет испуганный Эвкснн...

И наш железный исполин

Прибил свой щит к вратам Царь града.

Полночь–знак Севера. Эвксин – греческое название Черного моря. Здесь Жуковский говорит о легендарном походе Олега в 907 г. на Константинополь (Царьград); согласно позднейшим исследованиям, Олегу приписан поход 860 г., совершенный князем Аскольдом. Щит выставлялся на воротах в знак мира.

Ст. 9–10. Но вышел Святославов сын, II И поднял знамя Благодати...– Князь Святослав Игоревич (ок. 933–972), правивший с 945 г., в 970–971 гг. продолжал воевать с Византией. Его сын Владимир Святославич (953–1015; в крещении Ва-силиий), великий князь с 980 г., в 988 г., взяв византийскую колонию Херсонес (Корсунь), женился на византийской царевне Анне и принял христианство. Одна-ко последняя русско-ромейская война произошла в 1043 г.

Ст. 11. Была пора: губительный раздор...– Имеются в виду междоусобные кня-жеские войны.

Ст. 16. Губил Половчанин без страха...– Половцы (кипчаки, куманы)–тюрко-язычный народ, в XI–XIII вв. обитавший в южнорусских степях. Войны с полов-цами вспыхивали с 1055 г. по 1219-й.

Ст. 20. Душой великой Мономаха...– Владимир II Всеволодович (1053–1125; в крещении Василий), великий князь с 1113 г., назывался Мономахом по матери, дочери византийского императора Константина X Мономаха. Укрепил государст-венные границы и замирился с половецким союзом, во многом обуздал междоусо-бицу и упрочил законодательство.

Ст. 21–22. Была пора: Татарин злой шагнул II Через рубеж хранительныя Вол-ги...– Черновой вариант ст. 22: «Через рубеж христоролюбивой Волги...» Впервые русские столкнулись в боях с татаро-монгольскими войсками в 1223 г. на Днепре и в Приазовье. В 1237 г., разгромив государство волжских болгар, монголы вторг-лись на Русь.

Ст. 24. ... стыд мучительный и долгий!..– Монгольский протекторат над Русью длился по 1480 г.

Ст. 25–26. Бесчестным Русь давя ярмом, II Баскак носился в край из края...– Бас-как– представитель монгольского хана, надзирающий за местной русской вла-стью; баскачество было упразднено в 1331 г.

Ст. 27–28. Катилась в прах глава святая II Князей под Ханским топором...– В 1240–1330-е гг. в Золотой Орде было убито не менее двенадцати князей.

Упоми-нание топора и святости–не только поэтические образы: в 1245 г. отсекли голо-ву великому князю киевскому Михаилу Всеволодовичу Черному, в 1270-м рязан-скому князю Роману Олеговичу, в 1339-м великому князю владимирскому Алек-сандру II Михайловичу Тверскому и тверскому князю Федору Александровичу, чья намять поминается церковью как святая. Также канонизирован ряд князей, как погибших в ханской ставке, так и принявших смерть на боевом посту.

Ст. 30. И битва грянула Донская...– Битва на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. Русскими войсками командовал великий князь владимирский и московский Дмитрий Иванович.

Ст. 31–32. Была пора: коварный, вражий Лях II На Русский трон накликал Само-званца...–Лях–поляк (но имени легендарного польского князя). Самозванец– Лжедимитрий (ок. 1580–1606), некто, выдававший себя за царевича Димитрия Иоанновича, чудесно спасшегося от смерти. Обычно придерживаются устоявшей-ся с тех времен официальной версии, что это беглый монах Григорий (Юрий Бо-гданович Отрепьев), но идентификация самозванца с кем-либо остается спорной. Сигизмунд III тайно нарушил мирный договор с Россией, и Лжедимитрий, под-держанный польским ополчением, вступил в Москву. 21 июля 1605 г. самозванец короновался и правил до своей гибели 17 мая 1606 г.

Ст. 33–34. Загрabил все; и Русь в его цепях, II В Цари позвать дерзнула чужестран-ца...– Государственная казна была полностью истощена Лжедимитрием. В 1609 г. Сигизмунд III развязал открытую войну с Россией; в 1610 г. боярская дума постановила избрать на российский престол польского королевича Владислава (1595–1648). Василий IV был низложен.

Ст. 37–38. И брошен был венец наш Царский II К ногам презренным Короля...– Черновой вариант ст. 38: «К ногам Густава Короля...» Густав II Адольф (1594–1632)–король Швеции с 1611 г., тогда же, в противодействие Польше, выдвину-тый группой бояр на российский престол. Снятое упоминание о Густаве позволя-ет отнести эти стихи к польскому королю Сигизмунду III Вазе (1566–1632), кото-рый в 1610 г. претендовал на правление Россией вместе с сыном.

Ст. 41–42. Была пора: привел к нам рати швед; II Пред горстью их бежали мы

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
тол-памии...– В войне со шведами в 1610–1617 гг. Россия потеряла выход к Балтийскому морю. Северная война 1700–1721 гг. началась для России требованием Петра I вернуть хотя бы город Нарву и попытку взять его силой. Обороняя город, Карл XII 19 ноября 1700 г. разбил 34-тысячную русскую армию при ее полуторном преимуществе.

Ст. 43. Жестка далась наука нам побед...– Вероятный отголосок слов Петра I: «Шведы наконец научат и нас, как их побеждать».

Ст. 46. Пришлец и бунтовщик лукавый...– Карл XII (1682–1718)–король Швеции с 1697 г.; Мазепа Иван Степанович (1644–1709) –в 1687–1708 гг. гетман Левобережной Украины, в октябре 1708 г. перешедший на сторону шведов.

Ст. 50. Ответ им с пушками Полтавы...– Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. завершилась сокрушительным разгромом шведских войск.

Ст. 53. Те дни, когда громил Царьград Олег...–См. примеч. к ст. 6–10.

Ст. 54. И выл Дунай под лодкой Святослава...– См. примеч. к ст. 9. В 967 и 970 гг. Святослав завоевывал Болгарию.

Ст. 55. Рымник, Чесма, Кагульский бой...– Имеются в виду победы, одержанные в Русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1791 гг. 26 июня 1770 г. русская эскадра под командованием генерал-аншефа гр. А. Г. Орлова разбила турецкий флот в бухте Чесма и обеспечила блокаду пролива Дарданеллы и российское господство в Эгейском море. 21 июля 1770 г. генерал-аншеф гр. П. А. Румянцев разгромил турецкое войско при р. Кагул, создав условия для выхода к устью Дуная. 11 сентября 1789 г. А. В. Суворов при р. Рымник нанес поражение турецкому войску, позволив России выйти к Черному морю у г. Аккерман.

Ст. 56. Орлы во граде Леонида...–Леонид (508–480 гг. до н. э.) – царь Спарты с 488 г., героически погибший в бою с персидскими захватчиками при Фермопилах. Подразумевается восстание греков против турецкого владычества, вспыхнувшее в 1770 г. на полуострове Пелопоннес ввиду присутствия русской эскадры в Эгейском море.

Ст. 57. Возобновленная Таврида...– Вследствие Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. татарский Крым (Таврида) в 1771 г. обрел независимость под протекторатом России и в 1783 г. усилиями генерал-фельдмаршала кн. Г. А. Потемкина был присоединен к Российской империи. Русской Таврида ранее была лишь отчасти и недолго: Херсонес в 988 г. и Корчев (совр. Керчь) как часть Тмутараканского княжества с конца X по конец XI в.

Ст. 58. День Измаила роковой...–Турецкая крепость Измаил в устье р. Дунай была взята под предводительством А. В. Суворова 11 декабря 1790 г.

Ст. 59–60. И в Праге, кровью залитой, II Москвы отмщенная обида...– Прага–предместье Варшавы. 24 октября 1794 г. русские войска под командованием А. В. Суворова подавили польский мятеж. См. ст. 31–40.

Черновой вариант: «И брань с природою самой // На Альпах русского Алкида».

Здесь, очевидно, сказано примечание Д. В. Дашкова к «Певцу во стане русских воинов»: «Кому из современников наших не известны подвиги Российского Анни-бала, преодолевшего самую природу на вершинах Альпийских» (С 3. Т. 1. С. 395). Имеется в виду швейцарский поход А. В. Суворова, который в 1799 г., выиграв в Италии битвы с французскими войсками, перешел через Альпы на помощь австрийцам.

Ст. 62. От Запада узрели мы Батыя...– Имеется в виду Наполеон I Бонапарт, который сравнивается с монгольским полководцем Батыем (1208–1255), в 1237–1240 гг. захватившим ряд русских княжеств.

Ст. 63. Народов тмы прорвали нашу грань...–12 июня 1812 г. французские войска перешли границу России. Вскоре интервенция получила название «нашествие двенадцати (то есть двенадцати) языков».

Ст. 65. Дошли к нам Царские слова...–Александр I дал обет не вступать в переговоры с Наполеоном, пока хоть один неприятельский солдат находится в пределах России.

Ст. 71–72. Пришла пора: чудясь, узрели нас III Арарат, и Тавра великаны...– Напоминание о русско-персидской войне 1826–1828 гг. Тавр-горная гряда в южной Армении, образующая водораздел между истоками Евфрата и Тигра.

Ст. 73–74. И близок был Стамбула смертный час: II Наш богатырь шагнул через Балканы...– Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. русские войска под командованием генерал-фельдмаршала гр. И. И. Дибича в июле 1829 г. перешли Балканские горы и 8 августа взяли Адрианополь (Эдырне): путь на Стамбул был открыт, и Турция запросила мир, принятый Россией.

Ст. 75. Знамена развернул мятеж...–17 ноября 1830 г. началось восстание в польских землях, присоединенных к России.

Ст. 77–80. Но пир был дан на поле славы – и та ж была судьба Варшавы...– См. примеч. к ст. 59–60, 75. 26 августа 1831 г. Варшава была взята русскими войсками, и вскоре восстание было подавлено.

Ст. 81. Трудна пора: война и грозный мор...– Имеются в виду Русско-турецкая

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh война 1828–1829 гг., польский бунт 1830–1831 гг., а также пандемия холеры, распространившаяся по югу России в 1829–1830 гг. К лету 1831 г. началась в Санкт-Петербурге и западных губерниях.

Ст. 83. Народ в беде ударил к бунту сбор...– в 1830–1831 гг. в Севастополе, Нов-городской губернии и Санкт-Петербурге возникли холерные бунты.

Ст. 84. Мятежники знамена посрамили...– Черновой вариант: «Солдаты честь знамен своих забыли...» Имеется в виду холерный бунт в новгородских военных колониях в июле 1831 г.

Ст. 85–88. Явился Царь ~ ...и пали в прах...– Речь идет о появлении Николая I в новгородских военных округах 25 июля 1831 г. (см. преамбулу).

Ст. 89. Новорожденный сын в руках!..– Великий князь Николай Николаевич (1831–1891) родился 27 июля. Ст. 91–94. Черновой вариант:

Благослови, наш Царь, твое дитя! Покойно спи, младенец, в колыбели! Бедам конец! Судьбину укротя, с1 тобой с небес к нам ангелы слетели.

Н. Серебренников

К Ив. Ив. Дмитриеву

(«Нет, не прошла, певец наш вечно юный...») (С. 286)

Автограф (РНБ, он. 2, №26, л. 5 об.– 6) – черновой, без заглавия; сверху листа синим карандашом запись рукою неустановленного лица: «К И. И. Дмит-риеву».

Копия (РГАЛИ, ф. 130, оп. 1, №99, л. 1)–рукою неустановленного лица.

Впервые: СЦ на 1832 год. С. 11–13–с заглавием: «Ответ Ивану Ивановичу Дмитриеву» и подписью: «В. Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4–5–с заглавием: «К Ив. Ив. Дмитрие-ву» (в С 4–отдел «Смесь»; в С 5 отнесено к 1821 г.).

Датируется: 16 октября 1831 г.

Основанием для датировки стихотворения служит хронологический список стихотворений 1831 г., составленный и продатированный самим Жуковским: под № 44 в нем указано: «Дмитриеву– 16 октября» (РНБ, оп. 1, № 35, л. 8 об.).

На подавление польского восстания 1830–1831 г. Жуковский откликнулся двумя стихотворениями: «Старая песня на новый лад» и «Русская слава» (см. при-меч. к ним), которые послал И. И. Дмитриеву. Последний, в свою очередь, напи-сал стихотворение: «Василию Андреевичу Жуковскому, по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы» (СЦ на 1832 год. С. 10), послужив-шее поводом для создания комментируемого стихотворения.

Посылая И. И. Дмитриеву текст своего произведения, Жуковский писал 16 ок-тября 1831 г.: «Ваши стихи расшевелили всю мою душу: примите мою искрен-нюю благодарность за то чувство, которое вы во мне пробудили. Жуковский, дай мне руку: в этих словах, сказанных мне Дмитриевым, так много магического; они мне кажутся подписью всей прошедшей моей жизни, в лучших годах которой Дмитриев и Карамзин играют такую светлую роль. (...) Ваши стихи, коими Вы меня так обрадовали, свежи, как все ваши прежние. Что мне отвечать на них?» [Далее следует текст стихотворения] (РА. 1866. Стб. 1635–1636). И. И. Дмитриев откликнулся на письмо и стихи Жуковского ответным письмом от 21 октября 1831 г.: «Всю душою благодарю превосходного и вместе милого и добродушного поэта за лестные для меня звуки лиры его. Я не однажды читал милый ответ и, проходя 12 строк, право, два раза плакал» (Дмитриев И. И. Сочинения: В 2 т.

22 – 295

673

СПб., 1893. Т. 2. С. 301). Судя по всему, цитированное письмо является ответом на еще какое-то письмо Жуковского, в котором, возможно, содержалось предло-жение опубликовать стихотворения Жуковского и Дмитриева вместе, с изменени-ем текста стихотворения Жуковского. Ср.: «Согласен на ваше предложение, но в таком случае прошу вас, любезный Василий Андреевич, переменить и в моих [стихах] два стиха» (Там же. С. 301). При публикации в СЦ на 1832 г. стихи Дмит-риева были напечатаны без предложенной им правки, Жуковский же изменил 4-ю и 5-ю строфы (см. ностишный комментарий).

Стихотворение Жуковского «К Ив. Ив. Дмитриеву» было специально отмече-но И. В. Киреевским в рецензии «Русские альманахи на 1832 год»: «Этот „Ответ" Жуковского исполнен самых свежих красот, самого поэтического чувства и самого трогательного воспоминания» (Европеец. 1832. №2. С. 288).

Ст. 1–2. Нет, не прошла, певец наш вечно юный, II Твоя пора...–Ср. в стихотво-рении Дмитриева «Василию Андреевичу Жуковскому...»: «Пришла пора: увянул, стал безгласен...»

Ст. 9. Державина струнам родные, пели...–Ср. в стихотворении Дмитриева: «И я вослед Державину певал...»

Ст. 13. Ты нам воспел, как «буйные Титаны...– Этот и три следующих стиха– слегка измененная цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «Глас патриота на взятие Варшавы» (1794): «Где буйны, гордые Титаны, // Смутившие Астреи дни? //

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Стремглав низверженны, попранны // В прах, в прах! Рекла... и где они?» Об этом
своем стихотворении Дмитриев вспоминает в послании к Жуковскому.

Ст. 13–20. Ты нам воспел, как «буйные Титаны ~ В час славы руку подаешь...– В
черновом автографе стихотворения Жуковского «К Ив. Ив. Дмитриеву» и в письме к
нему же от 16 октября 1831 г. (РА. 1866. Стб. 1636) ст. 13–20 читались иначе:

В досужими час, венком из роз обвитый,
Но ним брэнчал Эрот своей струной,
[Касался их Эрот своей струной – РА. 1866. Стб. 1636]

И резвые внимали им хариты,
(жлоняся на руку главой.

Игривую шутливость пробуждала Камена в них, согласная с певцом, Веселостью
гостей его сзывала

[И баснями гостей его пленяла – РА. 1866. Стб. 1636] Перед домашним камельком.
Видимо, смена редакции этих двух строф и была тем самым предложением, на которое
Дмитриев ответил согласием в письме от 21 октября 1831 г.: необходи-мость такой
переработки текста явно продиктована общим пафосным тоном сти-хотворения и его
одической темой.

Ст. 23–24. Тогда, явясь, сорвал передо мною II Покров с поэзии поэт...– Здесь
Жу-ковский имеет в виду стихи Дмитриева, которого он считал одним из своих
лите-ратурных учителей. Ср. в письме Жуковского к Дмитриеву от 11 февраля 1823
г.: «Ваши стихи Размышление по случаю грома, переведенные из Гёте, были первые,
выученные мною наизусть в русском классе, и первые же мною написанные стихи (без
соблюдения стоп) были их подражанием (...). Вы мой учитель в поэзии. Не назову
себя вашим достойным учеником, но имею право благодарить вас за то, что вы
способствовали мне познакомиться с живыми наслаждениями поэзии» (РА. 1866. Стб.
1632).

Ст. 30. Был с нами он, теперь уж не земной...– Имеется в виду Н. М. Карамзин,
чье имя совершенно закономерно возникает в стихотворении, адресованном И. И.
Дмитриеву (ср. также стихотворение «К И. И. Дмитриеву» в т. 1 наст. изд.). Имена
Карамзина и Дмитриева для Жуковского всегда стояли рядом: «Вы остане-тесь для
меня на всю мою жизнь второю ипостасью нашего незабвенного Нико-лая Михайловича»
– писал Жуковский Дмитриеву 19 февраля 1834 г. (РА. 1866. Стб. 1638).

Ст. 37–40. Лежит венец на мраморе могилы ~ Святое имя: Карамзин...– Ср. в письме
Жуковского к Е. А. Карамзиной от июля 1826 г., написанном вскоре после смерти Н.
М. Карамзина: «Лучшее мое чувство, чистое и высокое, как религия, была моя к
нему привязанность. Смерть этого чувства ни ослабить, ни изменить не может; она
переменила только его имя!» (С 7. Т. 6. С. 511). Однако рецензенту журнала
«Московский телеграф» пафос этой строфы показался чрезмерным: «(...) Не чересчур
ли много восторга в другом стихотворении, где тот же поэт заставля-ет нас
молиться могиле Карамзина, которого он называет святым?» (МТ. 1832. ч.43.№1.С.
117).

О. Лебедева

«Поэт наш прав: альбом–кладбище...»
(С. 288)

Автограф (РНБ, он. 1, №26, л. 118)–беловой. При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 66. Ст. 1–4. Впервые полностью: Стихотворения. Т.
2. С. 268.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 31 октября–6 ноября 1831 г.

Стихотворение посвящено Каролине Карловне Яниш (в замуж. Павловой; 1807–1893),
поэтессе и переводчице, поддерживавшей дружеские отношения со многими писателями
и поэтами (Е. А. Баратынским, Н. М. Языковым и др.) и пе-реводившей их стихи на
немецкий язык. Жуковский познакомился с К. К. Яниш во время пребывания в Москве
зимой 1831 г. в свите великого князя Александра Николаевича. Основание для

датировки стихотворения дают две записи в днев-нике Жуковского за 1831 г.:
«Каролина Яниш» (31 октября) и «У Каролины» (6 но-ября; Дневники. С. 216). Во
время одного из этих визитов, вероятно, стихотво-рение Жуковского и было
записано в альбом К. К. Яниш. Сюжет мадригала Жуков-

ского спровоцирован стихотворением Е. А. Баратынского «В альбом» (Галатhea. 1829.
№ 2. С. 90), посвященным Яниш и в первой публикации начинавшимся сти-хами:

«Альбом, заметить не грешно, // Весьма походит на кладбище...» Это
стихо-творение Баратынского вызвало отклик П. А. Вяземского: «Еще немногими
стро-ками // Был обозначен твой альбом, // Еще немногими годами // Ты
рассчитался с бытием» («Доброе желание»; впервые: Галатhea. 1829. №27. С. 37; см.
также: Вя-земский. Т. 4. С. 47), а также Н. М. Языкова в виде альбомного
стихотворения, по-священного К. К. Яниш: «Мой гордый стих торжественно стоял. //
Здесь, окружен великих именами // Он трепетен, надущий перед вами» («К(аролин)е
К(арловн)е Я(ниш)», май или июнь 1829 г.; впервые: Литературная газета. 1830. 30

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский (июня). Не-сколь-ко позже в конце 1829–начале 1830 г. П. А. Вяземский посвятил К. К. Яниш еще одно большое стихотворение «В альбом Каролине Карловне Яниш» (Вязем-ский. Т. 4. С. 90–91). В эту серию записей русских поэтов в альбоме Яниш входит и комментируемое стихотворение Жуковского.

Ст. 1–4. Поэт наш прав: альбом–кладбище ~ Находит верное жилище...– Пара-фраз первого четверостишия мадригала Баратынского:

Альбом походит на кладбище: Для всех открытое жилище, Он также множеством имен Самолюбиво испещрен.

Ст. 11–12. Певец чертей II Жуковский...–Лейтмотивная самохарактеристика Жуковского, подчеркивающего германский фантастический колорит своих бал-лад. Ср. в письме к А. И. Тургеневу от 20 октября 1814 г.: «(...) вчера родилась у меня еще баллада-приемыш, то есть перевод с английского. Уж то-то черти, то-то гробы!» (ПЖТ. С. 128; речь идет о балладе «Старушка»); ср. также в письме А. С. Стурдзе от 10 марта 1849 г.: «(...) я (во время оно родитель на Руси немецко-го романтизма и поэтический дядька чертей и ведьм немецких и английских) (...)» (СС 1. Т. 4. С. 664). Подробнее о развитии этого мотива самохарактеристики Жуковского см.: Веселовский. С. 301–303.

О. Лебедева

«Тронься, тронься, пробудись!..»

(С. 288)

Автограф (РНБ, оп. 1, №30, л. 79)–беловой, без заглавия. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1873. №9. Стб. 1703. Публикация К. С. Сербиновича–с за-главием «К равнодушной красавице».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 1831 г.

Творческая история этого четверостишия полна загадок. Впервые опублико-ванный его К. С. Сербинович, известный своими текстологическими вольностями в С 6, дал четверостишию заглавие: «К равнодушной красавице», никак не огово-рив это. Вслед за ним всегда точный И. А. Бычков при описании автографа РНБ почему-то дал ему то же заглавие (Бумаги Жуковского. С. 95), хотя нам его обна-ружить не удалось: автограф заглавия не имеет. В дальнейшем П. А. Ефремов со-храняет это заглавие (см.: С 9. Т. 2. С. 514). И только А. С. Архангельский, обра-тившись к рукописи, снял заглавие (ПСС. Т. 3. С. 141), но почему-то ст. 3 прочи-тал: «Образ сладостный, без жизни...», хотя в автографе он отчетливо читается: «Образ сладостный, дыши...» и рифмуется со ст. 4: «Пламеней огнем души!..» (у Сербиновича: «спеши» – «души»). Трудно сказать, чем определяются все эти раз-ночтения: возможно, в руках Сербиновича был какой-то неизвестный автограф, но в публикации текста мы опираемся на существующий сегодня автограф, сняв заглавие и сделав исправления в тексте.

Датировка достаточно приблизительна. Текст стихотворения находится в аль-боме Жуковского с черновыми автографами произведений 1822–1831 гг., в самом его конце и соотносится с другими произведениями 1831 г. Вслед за А. С. Архан-гельским (ПСС. Т. 3. С. 141) мы склонились к датировке 1831-м г.

Как установила Х. Эйхштедт (Eichstadt. S. 84), источником четверостишия яв-ляется песня №4 из собрания Августа Вейрауха под заглавием: «Der neue Ruytma-lion». Ср.:

Athinc, athinc mild, o mild! Nimin in ich, niini den re gen Geist! Nur der Geist auf Lehn weist! Athnie, zartcs Marinorbild!

Вздыхни, вздохни, кротко, кротко, Возьми меня, возьми живой дух! Только дух указывает на жизнь! Вздохни, нежный мраморный образ!

Не исключено, что, как и два других стихотворения («Я на тебя с тоской гля-жу...» и «Чего ты ждешь, мой трубадур...»), находящиеся в рукописи друг за дру-гом, четверостишие «Тронься, тронься, пробудись!..» было предназначено для живых картин к 10-летию Берлинского праздника Лалла Рук.

А. Янушкевич

«Я на тебя с тоской гляжу...»

(С. 288)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 30, л. 79)–беловой, без заглавия. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1873. №9. Стб. 1702. Публикация К. С. Сербиновича–с за-главием: «Признание».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 1831 г.

Творческая история стихотворения во многом напоминает судьбу предыдуще-го четверостишия: «Тронься, тронься, пробудись!..» (в рукописи они идут друг за другом). Заглавие, возникшее в публикации К. С. Сербиновича, а вслед за ним у Ефремова (С 9. Т. 2. С. 514), в известном сегодня автографе отсутствует. В самом

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu...
тексте есть разночтения: у Сербиновича и Ефремова ст. 4 читается: «О друг,
пой-ми мое признание!» (может быть, отсюда возникло и заглавие. Курсив мой.–А.
Я.); в ПСС дважды, в ст. 2 и 4, повторяется последнее слово: «молчанье» (ПСС. Т.
3. С. 141), хотя в автографе отчетливо в ст. 2 читается: «мечтанье».

А. Янушкевич

«Чего ты ждешь, мой трубадур?..»

(С. 289)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 30, л. 80), белой, без заглавия. При жизни Жуковского
не печаталось. Впервые: бумаги Жуковского. С. 95–96.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется:
1831 г.

Стихотворение вместе с двумя предыдущими составляет своеобразный поэти-ческий
триптих, связанный с темой любовного томления, признания, диалога влюбленных.
Всё это позволяет предполагать их некое «утилитарное» предназна-чение–для живых
картин на придворном празднике. Возможно, для этого сти-хотворения, как и для
предыдущих, имелся какой-то иностранный источник.

А. Янушкевич

1833

Орел и голубка Басня

(«С утеса молодой орел...») (С. 290)

Автограф (РНБ, оп. 1, №37, л. 20 об.)–черновой, выполненный вначале карандашом,
а затем но карандашу чернилами–с заглавием: «Орел и голубка» и датой: «13 (25)
января».

В и е р в ы е: С 4 (Т. 6. С. 73)–в разделе «Смесь», с тем же заглавием.

В прижизненных изданиях: С 4–5. В С 5 – в подборке произведений 1833 г., с
подзаголовком: «Баснь» и указанием источника: «Из Гёте».

Датируется: 13 (25) января 1833 г.

Стихотворение «Орел и голубка» было написано во время заграничного путе-шествия
Жуковского, его пребывания в Швейцарии. Это был период мучитель-ных раздумий
поэта о нравственном смысле истории и предназначении человека в мировой
цивилизации. В самом начале нового 1833 г. он заканчивает письмо к наследнику,
где развивает принципы своей «горной философии». «Но человек,– пишет
поэт,–создан не для тихой счастливой, а для деятельной нравственной жизни; он
должен завоевывать свое достоинство, должен пробиваться к добру сквозь страсти и
неразлучные с ними заблуждения и бедствия» (ПСС. Т. 12. С. 28). В день написания
«Орла и голубки» он продолжает работу над переводом «Элевзинского праздника»
Шиллера. Ср.: «Продолжал Eleus(isches) Fest» (Дневни-ки. С. 253). Мысль о
развитии цивилизации и рождении гражданского самосозна-ния получает поэтическое
развитие в этом переводе. Нравственные проблемы личности выдвигаются в центр
духовных поисков Жуковского. Стихотворение «Орел и голубка» органично
вписывается в этот процесс.

«Орел и голубка»–достаточно близкий перевод одноименного стихотворения Гёте
«Adler und Taibe». Стихотворение Гёте написано в 1773 г., в штюрмерский период
его творчества, и примыкает к группе стихотворений и юношеских гим-нов, в
которых отразилось стремление молодого поэта к самоопределению во всех сферах
жизни, и штюрмерский бунт против окружающей действительности соче-тается с
поиском идеала, нарочито раскованная поэтическая форма с восхищени-ем простотой
народной песни и античной поэзии, поэтизация творческой свобо-ды художника с
пониманием своей зависимости от обстоятельств.

В «Adler und Taibe», как и в написанном несколько раньше стихотворении «Der
Wandrer» («Странник»; в переводе Жуковского–«Путешественник и посе-лянка»),
гимническое, бунтарское начало приглушено, и противостояние героя, стремящегося
к вершинам и далям, спокойному, близкому к природе существова-нию не принимает
характера непримиримого конфликта. Ведь именно «всеисце-ляющая природа»
(«allheilende Natur») с помощью «всепроникающего бальзама» («allgegenwart'ger
Balsam») способна умерить страдания и дать покой.

Гёте не писал басни, и в стихотворении нет традиционно варьируемой «басен-ной
мудрости», но есть диалог двух сознаний, двух мироощущений. Этому подчи-нена вся
система образов, отражающих не характеры, но определенные общест-венные и
этико-философские тенденции.

Не басню переводил и Жуковский. В атмосфере глубоких раздумий о сути
че-ловеческой цивилизации и предназначении человека он как бы «примеряет»
кон-цепцию стихотворения Гёте к себе. Перевод сделан Жуковским накануне дня
ро-ждения. В письме к А. П. Зонтаг от 29 января (в день рождения) Жуковский
заме-чает: «Нынче мне стукнуло 49 лет (...) не жил, а попал в старики» (УС. С.
109). Ис-тория собственной жизни («Жизнь моя вообще была так одинакова, так сама
на себя похожа и так однообразна, что я как будто не покидал молодости; а вот
уже надобно сказать решительное прости этой молодости, и быть стариком, не

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский зhu будучи старым»–Там же.) и жизнь человеческого общества соотносятся в размышлени-ях поэта. В этом–то жизненном контексте, во многом обусловившем немногочис-ленные отступления от оригинала, и рождается интерес к данному произведению Гёте.

Стихотворение Гёте написано нерифмованным вольным ямбом с неупорядо-ченным чередованием клаузул. Жуковский в переводе достаточно точно воссозда-ет этот особый тип нерифмованного ямба, к использованию которого до этого он прибегал (вслед за оригиналом) только в 1819 г. при переводе «Der Wandrer». В стихотворении Гёте 53 стиха, у Жуковского–68. В первой части (ст. 1–20) «при-бавка» не имеет семантической нагрузки и связана с необходимостью членения более длинных, чем в оригинале, строк перевода. Первое семантически значимое увеличение количества строк связано с желанием сделать более эмоциональным описание орла, ощутившего свое бессилие. Вместо трех строк оригинала у Жуков-ского пять. Во втором случае изменение текста связано с описанием голубиной нары и речи голубки, обращенной к орлу. Голубка Жуковского предстает более естественной и доброжелательной, чем в оригинале.

Более пространно и эмоционально даны в переводе и риторические вопросы голубки, предназначенные для доказательства «истинности счастья», которое мо-жет обрести каждый в этом райском уголке природы, где есть всё, «что нам для счастья простого нужно». 16 гетевских строк переводчик превращает в 23 стиха, развивая основные принципы «философии умеренности»: «Умеренность прямое счастье; // С умеренностью мы // Везде и всем довольны». Поэт расширяет и более детально прописывает ту часть стихотворения, которая больше говорила его соб-ственному сердцу, его душе, всегда открытой для помощи другим, но истомив-шейся в ожидании простого человеческого счастья. Как и у Гёте, у Жуковского диалог двух концепций жизни, двух мироощущений определяет структуру произ-ведения, что и не позволяет ему превратиться в басню.

И. Реморова

Князю Дмитрию Владимировичу Голицыну
(«Друг человечества и твердый друг закона...») (С. 292)

Автограф неизвестен.

Впервые: Молва. 1833. №45.

В прижизненные собрания сочинений не входило

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 12 апреля 1833 г.

Стихи были присланы Жуковским из-за границы, когда Москва подносила своему военному генерал-губернатору бюст, отмечая его заслуги перед отечест-вом. Под стихами-дата: «12 апреля 1833 г.»

Жуковский был хорошо знаком с князем Д. В. Голицыным и его семейством. В дневнике имена князя и его жены Татьяны Васильевны (урожд. княжны Василь-чиковой; 1782–1841) упоминаются неоднократно, особенно во время посещения поэтом Москвы. Так, путешествуя с наследником по России в 1837 г., Жуковский в период пребывания в Москве 23 июля–8 августа ежедневно встречается с Д. В. Голицыным, обсуждает задуманный князем «проект» описания Москвы (Дневники. С. 344–347). Он высоко ценил его деятельность на посту военного гу-бернатора Москвы, и послание стало отражением этого признания государствен-ной деятельности Д. В. Голицына.

Дмитрий Владимирович Голицын (1771–1844)–генерал-адъютант, актив-ный участник Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов русской армии 1813–1814 гг. С 1820 г.–московский военный генерал-губернатор, с 1821 – член Государственного совета. Не был чужд и художественных интересов. Так при его «иждивении» и активном участии в Москве «основалась Итальянская онера» (Вя-земский П. А. Воспоминание о Булгаковых // Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 273.).Выразительный портрет мос-ковского губернатора дал в своих «Воспоминаниях» В. А. Соллогуб: «В то время [речь идет о 1835–1836 гг.–и. С] Москвой управлял, в Москве царствовал, если можно так выразиться, князь Дмитрий Владимирович Голицын, один из важней-ших в то время сановников в России. Это был в полном смысле настоящий рус-ский вельможа, благосклонный, приветливый и в то же время недоступный. Только люди, стоящие на самой вершине, умеют соединять эти совершенно раз-нородные правила. Москва обожала своего генерал-губернатора и в то же время трепетала перед ним» (Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 416).

Ст. 11–12. Знакомая Москве бессмертная звезда II Еропкина и Чернышева!–Речь идет о предшественниках князя Д. В. Голицына на посту московских градоначальников. Еропкин Петр Дмитриевич (1724–1805)–московский генерал-губер-натор. Чернышов Захар Григорьевич (1722–1784) – граф, генерал-фельдмаршал, градоначальник Москвы.

Н. Серебренников

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
 Русская народная песня (Вместо Английской God save the King)
 («Боже, Царя храни!..») (С. 292)
 Автограф (РНБ, оп. 1, №26, л. 131) – черновой.
 Копия (ПД, ф. 357, он. 2, № 129)–рукою А. Ф. Львова, с заглавием: «Молит-ва русского народа», с нотами. Впервые:
 1) Русская народная песня (Вместо Английской God save the King). М., 1833 (ц. р. от 5 декабря 1833 г.)–с обозначением: «Слова г. Жуковского–музыка г. Львова». Аранжировки (отдельные издания): –для хора с полным оркестром; –для хора с фортепиано; –для одного голоса с фортепиано; –для фортепиано на четыре руки.
 2) Северная пчела. 1834. №4 за 5 января–с заглавием: «Песнь Русских» в тек-сте заметки и обозначением авторства В. А. Жуковского.
 В прижизненных изданиях: с 5 (т. 5. С. 141)–в подборке произведе-ний 1834 г. как 1-я из «Народных песен».
 Датируется: первая половина ноября 1833 г.
 В своих записках «Артистическая жизнь моя до 56 лет» композитор А. Ф. Львов (1798–1870) вспоминает, как в 1833 г. Николай I поручил ему напи-сать русский гимн: «Написав мелодию, я пошел к Жуковскому, который сочинил слова, но, как не музыкант, не приновил слов к минору окончания первого ко-лена. Однако, положив гармонию простую, но твердую, я просил графа Бенкен-дорфа гимн послушать. Он сказал Государю, который вместе с Императрицею и Великим Князем Михаилом приехали слушать гимн в певческий корпус, где я приготовил весь хор и два оркестра военной музыки. Государь, прослушав не-сколько раз, сказал мне: c'est superbe [это прекрасно–фр.]» (РА. 1884. №4. С. 243). Слушание состоялось 23 ноября, а поскольку на редакцию гимна и репе-тиции оркестра и хора, при известной срочности подготовки, должно было уйти около недели, написание «Русской народной песни» датируется приблизительно первой половиной ноября 1833 г.
 Сохранились план и черновик оригинальной вариации будущего гимна (РНБ, оп. 1, №41, л. 1 об.–4), где Жуковский попытался разработать монархическую тему более широко, упирая на то, чтобы царь был «Святой образец», утвердив-ший свой трон «на любви» и «мощно державой своей» управлявший: всевышний, царя сохрани во здравьи на долгие дни (...)
 (первый стих в дальнейшем получил и иной вариант: «Господь нам Царя сохрани...») Даруй нам, чтоб Царский престол
 Нетленную славою цвел,
 Чтоб долго
 Царица жила,
 Народной
 Любовью цвела,
 Добро повсеместно творя,
 В трудах услаждая Царя (...)
 А после стихов о наследнике и пожелания счастья русской державе возлага-лись надежды,
 Чтоб Божий окреп пул закон, чтоб Правды воздвигнут был трон, чтоб враг нам грозить перестал...
 Но мелодика и чувство преемственности с прежним, «александровским», гим-ном, который Николай I называл «размазней» (РА. 1909. № 12. С. 528), потребова-ли от Жуковского большого искусства в воплощении социального заказа. Так поя-вился другой гимн, написанный вновь Жуковским. По мнению К. К. Зейдлица, «никто не мог сложить русский народный гимн лучше Жуковского, который всею душою был предан монархическому правлению» (Зейдлиц. С. 154).
 Первое публичное исполнение гимна произошло 11 декабря 1833 г. Афиша гласила: «В Большом театре, в счет абонеента. В понедельник, 11 декабря, Им-ператорскими русскими актерами представлено будет: „Хороша и дурна, и глупа, и умна“, водевиль в одном действии, переделанный с французского Дмитрием Ленским. После оногo Императорскими французскими актерами представлено будет: „Simple histoire“, vaudeville en 1 acte de Scribe [„Простая история“, водевиль в 1-м действии Скриба–фр.]. В заключение спектакля дан будет „Праздник в ла-гере“, большой военный разнохарактерный дивертисмент, в котором г. Банты –шев будет петь в первый раз народную русскую песню с хором „Боже, Царя хра-ни“, слова В. А. Жуковского, музыка г. Львова. Сверх оркестров Императорского Московского театра будут участвовать в сем представлении полковые музыки. В оном дивертисменте будут танцевать: № 1 по-русски, № 2 татарский танец, № 3 – армянский, по-казацки, по-цыгански» (цит. но: Бернштейн Ник. История нацио-нальных гимнов. Пг., 1914. С. 7). Газета «Молва» от 12 декабря сообщила: «Вчера 11 декабря Большой Петровский театр был свидетелем великолепного и трогательного зрелища, торжества благоговейной любви народа русского к царю рус-скому...»

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский 25 декабря 1833 г., на Рождество и в день празднования победы над Наполеоном, «Боже, Царя храни!..» в новом варианте было пето в залах Зимнего дворца при окроплении знамен, а 31 декабря великий князь Михаил Павлович отдал приказ № 188: «Государю Императору благоугодно было изъявить свое соизволение, чтобы на парадах, смотрах, разводах и в прочих случаях, вместо употребляемого ныне гимна, взятого с национального английского (Боже, Царя храни), иг-рали музыканты вновь сочиненную на сей же гимн музыку» (Бернштейн Н. Указ. соч. С. 9). Жуковский подчеркивал, что песня принадлежит не ему, а народу, и возра-жал, например, А. П. Зонтаг: «Милая, какая же это моя песня? Она народная!» (РА. 1909. № 12. С. 526). Публикатор этого письма А. П. Петерсон между тем заме-тил: «А народ ничего не знал про нее» (Там же). Важное уточнение сделал на этот счет А. Ф. Львов, заметивший, что гимн «после 10 лет сделался народным...» (РА. 1884. №4. С. 247).

Передавая свое ощущение от услышанного в Германии российского гимна, Жуковский 25 июня (7 июля) 1848 г. писал: «... песня народная, особенно посвя-щенная царю и в его лице всему царству, повторяемая при всяком важном событии народной жизни, имеет глубокое, ей одной присвоенное значение. (...) Когда за-звучит для тебя народное слово: Боже, Царя храни! вся твоя Россия, с ее минувши-ми днями славы, с ее настоящим могуществом, с ее священным будущим, явится перед тобою в лице твоего Государя. (...) И мне было сладко подумать о своем ве-ликом семействе, о нашей России, где (...) благоговение перед святынею Божией правды и истории и благоговение перед святынею власти державной, из них исходя-щей, сохранилось неприкосновенным, в залог настоящего могущества и будущего благоденствия, и в душе моей глубоко, глубоко отозвались слова нашей народной песни, всю эту святыню выражающие: Боже, Царя храни!» (ПСС. Т. 10. С. 114. Курсив Жуковского).

А незадолго до смерти он написал А. Ф. Львову: «Наша совместная двойная ра-бота переживет нас долго. Народная песня, раз раздавшись, получив права граж-данства, останется навсегда, пока будет жив народ, который ее присвоил. Из всех моих стихов эти смиренные пять, благодаря Вашей музыке, переживут всех бра-тии своих. Где не слышал я этого пения? В Перми, в Тобольске, у подошвы Ча-тырдага, в Стокгольме, в Лондоне и Риме!» (цит. по: Барановский А. «Боже, Царя храни!»: Дело о плагиате монархического гимна// Родина. 1996. № 12. С. 97).

Я. Серебрянников

1834

Песнь на присягу Наследника

(«На древней высоте Кремля...») (С. 293)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 1, №26, л. 132–132 об., 134–134 об.)–рукою неизвестно-го лица, с заглавием: «Присяга Наследника».

Впервые: С 4 (Т. 6. С. 12–13) – в отделе «Смесь», с заглавием: «Песнь на присягу Наследника».

В прижизненных изданиях: С 4–5 в С 5 (Т. 5. С. 139–140)–с тем же заглавием, в подборке стихотворений 1834 г.

Датируется: середина апреля–22 апреля 1834 г.

Присяга 16-летнего Александра Николаевича (1818–1881) на верность царст-вующему отцу Николаю I была произнесена на Пасху 22 апреля 1834 г., но стихо-творение, вероятно, написано загодя, когда не уточнилась дата присяги: день ро-ждения цесаревича 17 апреля упоминается как свершаемый «ныне», а обращение к России, долженствующей участвовать в обряде, и вовсе дано в будущем времени.

Торжество происходило в большой церкви Зимнего дворца перед вечернею службой, а после вечерни наследник, встреченный в Георгиевском Большом трон-ном зале гимном «Боже, Царя храни!», дал присягу на верность русскому оружию.

В честь события Жуковский поднес царственному воспитаннику символиче-ский подарок–передарил альбом, данный ему наследником прусского престола Фридрихом Вильгельмом, и, в частности, сделал там такую запись: «Христос вос-кресе! Это благовестительное слово встретило вас при входе вашем в храм, где надлежало совершиться вашему первому решительному действию, вашей прися-ге. Но что же и весь мир, как не храм Божий? Что наша жизнь, как не всегдашняя присяга перед Богом? (...) Ваша присяга произнесена, Бог вас слышал: теперь всё свойство вашей жизни должно перемениться. Беззаботное ребячество кончилось, время спокойной безусловной покорности чужому руководству прошло, и хоть вам еще нельзя обойтись без помощи руководителей, но уже для вас настала более труд-ная пора произвольной покорности долгу; совесть вступила для вас в строгие права свои, ответственность за себя теперь вы приняли на самого себя, ибо вы ясно по-нимали то, что говорили перед Святым Евангелием, в присутствии Государя и от-ца, перед надеющимся на вас отечеством... Но вам остается еще несколько лет свободных [до подлинного совершеннолетия в 21 год.–н. С], и ваша существен-ная теперь

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
обязанность, ваша верность данной присяге должна состоять единственно в том, чтобы но совести воспользоваться остающимися годами свободы, чтобы утвердить свой характер, дать зрелость уму, скопить необходимые для будущего знания и правила поступков, чтобы, одним словом, приготовиться к высшему своему назначению. (...) И в самом деле что было истинно в ту минуту, когда вы присягали? Одна ваша присяга. Всё прочее было одно блестящее привидение; люди, окружавшие вас, и вы сами должны исчезнуть и слишком скоро: вы уже на опыте знаете, как время летит быстро. (...) Но присяга, данная перед Богом и исполненная перед людьми, останется жива с нашею душою, следственно останется жива вечно, не умрет и в памяти людей...» (РС. 1902. №4. С. 171, 173). Воспитатели цесаревича в связи с этим событием были награждены. Данное в 1831 г. Жуковскому ежегодное пособие в полторы тысячи рублей теперь увеличилось вдвое и стало пожизненным.

В 1852 г. П. А. Плетнев в статье «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского» посвятил «Песни на присягу Наследника» следующие строки: «Его умилительная несь, оканчивающаяся прекрасным обращением к России, перешла в достояние народной памяти» (Переписка. Т. 3. С. 103).

Ст. 1–4. На древней высоте Кремля ~ Прекрасный день Его рожденья...–Александр Николаевич родился в среду на Пасхальной седмице. В вышеуказанном альбоме Жуковский напомнил цесаревичу и собственное послание «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение великого князя Александра Николаевича». Он подчеркивал, что наследник «родился среди ликующего Кремля, среди воспоминаний прошлого, он появился как прелестная надежда в будущем...» (С 8. Т. 6. С. 289); «Тогда Кремлевская площадь кипела народом, который на мою поднятую из окна рюмку шампанского отвечал громким ура, и ему вторил Ивановский колокол с братиею...» (Там же. С. 452).

Ст. 8–13. России светлую надежду ~ В храм Божий входит царский сын...–Ср. копийный вариант:

Потомства красную надежду.

Святой Москвы державный брат, В великий праздник Воскресенья Что видит ныне Петроград, Пируя день Его рожденья?

Подходит к трону Царский Сын...

Ст. 20. С Ним вместе, верная Россия...– После этого стиха в копийном варианте была еще строфа:

А ты на празднике Любви, Пославший миру искупленье, Усынови, благослови, Отца и Сына, Провиденье.

Ст. 22. Нося, пример владыкам славный...– Ср. копийный вариант: «Наследнику предтеча славный...»

Н. Серебренников

Народные песнн

I. «Боже, Царя храни!..» II. «Слава на небе солнцу высокому...» III. «Боже, Царя храни!..»

(С. 294)

Автографы:

1) См. примеч. в т. 1 наст. изд. С. 637.

2) Автограф неизвестен.

3) См. примеч. к «Молитве русского народа» в т. 1 наст. изд. С. 637. Впервые: С 4 (Т. 6. С. 14–16)–отдел «Смесь», под общим заглавием: «Народные песни».

В прижизненных изданиях: С 4–5. В С 5 (Т. 5. С. 141–142)–в подборке произведений 1834 г., под тем же заглавием и в той же последовательности, что и в С 4.

Датируется: 1834 г.

При создании цикла Жуковский, по сути, претендовал на его непреходящее значение, но тем не менее часть 1-я явно отображала идею николаевского царствования, и в стилизованной иод народный лад 2-й части автор исходил из положения вещей в 1834 г.: упоминание одного (как бы главенствующего) великого князя относится к младшему брату царя Михаилу Павловичу. Часть 3-я, написанная еще в 1813 г., обращена, в отличие от первой, единственно к Богу, и, таким образом, официальная формула российской государственности: «православие, самодержавие, народность» получила у Жуковского переосмысление по восходящим ценностям:

самодержавие–народность – православие (что чрезвычайно схоже с нарождающейся в это время концепцией славянофильства).

II.

Ст. 2. На земле Государю великому!–Имеется в виду император Николай I. Ст. 4. На земле Государыне ласковой!..–Т. е. Императрице Александре Федоровне, жене Николая I.

Ст. 6. На земле Государю Наследнику!..–Александру Николаевичу, будущему императору Александру II,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

Ст. 8. Сыновьям, дочерям Государевым...–Сыновья, кроме Александра: Кон-стантин (1827–1892), Николай (1831–1891), Михаил (1832–1909). Дочери: Ма-рия (1819–1876), Ольга (1822–1892), Александр (1825–1844).

Ст. 9. И Великому князю с княгиней!..– Михаил Павлович (1798–1849), гене-рал-фельдцейхмейстер, и его жена с 1824 г.– Елена Павловна (урожд. Фридерика Шарлотта Мария, принцесса Вюртембергская; 1806–1873).

Н. Серебренников

Многолетие

(«Многи лета, многи лета...») (С. 295)

Автограф (РНБ, оп. 1, №41, л. 4 об.–6) – черновой.

Впервые: С 4 (т. 6. С. 20–21)–в отделе «Смесь», с заглавием: «Многолетие». В прижизненных изданиях: С 4–5. В С 5 (т. 5. С. 143–144)–в под-борке произведений 1834 г., с тем же заглавием. Датируется: 1834 г.

Жуковский, вне определенного адресата, обозревает лишь абсолютистский пе-риод русского самодержавия (в 1830–е гг. дифференциации понятий «самодержа-вие» и «абсолютизм» не существовало, но периоды допетровский и начинающий-ся с Петра I различались явственно). Судя по обращению к внешнеполитическим событиям, это связано с акцентированием укрепившейся российской госуда-рст-венности, и императоры Александр и Николай должны были смотреться в еди-ном ряду с наименованными Великими – Петром I и Екатериной II, и, таким об-разом, возникала символическая фигура великого русского монарха (см. также примеч. к «Народной песне» и «Грянем песню круговую...»).

Ст. 13–16. С ней во дни Петровы шведу ~ Днем Полтавы отплатил...– Речь идет о царствовании Петра I и его победе иод Полтавой.

Ст. 19. И Кагульские дружины...– В Русско-турецкую войну 1768–1774 г.

гене-рал-аншеф граф П.А.Румянцев 21 июля 1770г. разбил турецкую армию при р. Кагул.

Ст. 20. И Суворовский Рымник...– В Русско-турецкую войну 1787–1791 гг.

гене-рал-аншеф А. В. Суворов 11 сентября 1789 г. разгромил турецкие войска при р. Рымник, за что получил титул графа Рымникского.

Ст. 21–22. С нею грозно запылала II Венценосная Москва...– Имеются в виду по-жары, бушевавшие в сентябре-октябре 1812 г. в наполеоновской Москве, преж-ней столице и традиционном месте коронавания российских императоров.

Ст. 23–24. И небесной карой пала II на врагов ее глава...– Подразумевается раз-гром французской армии как Божья кара, в частности за попытку уничтожить Кремль, воспринимаемый Жуковским как место священное (см.: «Певец в Крем-ле»; ст. 38).

Ст. 25–26. В наши дни перешагнула II С нею рать Балканов грань...– В Русско-ту-рецкую войну 1828–1829 гг. русские войска под командованием генерал-фельд-маршала графа И. И. Дибича в июле 1829 г. перешли Балканские горы.

Ст. 27. Потрясла врата Стамбула...– После взятия Адрианополя 8 августа 1829 г. русским войскам был открыт путь на Стамбул.

Ст. 28. Повалила Эривань...– В русско-персидскую войну 1826–1828 гг. русская армия под командованием генерал-аншефа И. Ф. Паскевича 1 октября 1817 г. взя-ла г. Эривань (ныне Ереван).

Н. Серебренников

Народная песня

(«Многи лета, многи лета...») (С. 296)

Автограф неизвестен. К о и и и:

1) РНБ, оп. 1, №26, л. 130–130 об.– рукою неизвестного лица, с правкой Жу-ковского.

2) РНБ, он. 1, № 26, л. 132 об.–133, 134 об.–135 –рукою неизвестного лица.

Впервые: С 4 (т. 1. С. 32–33) – отдел «Романсы и песни», с заглавием: «На-родная песня».

В прижизненных изданиях: С 4. В С 5 не вошла. Печатается по С 4 со сверкой но копиям. Датируется: приблизительно 1834 г.

По написании «Многолетия» (см. примеч.) Жуковский в «Народной песне» ре-шился на новшества: первое двустиие послужило нерифмованным зачином, и далее при внутренней рифме в нечетных стихах сами они остались нерифмован-ными, а после заключительного двустииа, повторяющего первое, дан «хор» (из основного текстга исключенный), где вместо хорea появился ямб с двумя добавоч-ными стопами в последнем стихе каждой строфы.

Сравнительно с «Многолетием» обращение к России XVIII–XIX вв. получило ясное обоснование в упрочении государственной мощи, шире явлен обзор собы-тий, вплоть до прошлогодних, и символическая фигура монарха сменилась обра-зом современного государа как достойного преемника былой славы. В С 4, вместо отдела «Смесь», куда было внесено «Многолетие», Жуковский включил «Народ-ную песню» в более основательный «песенный» отдел, но при составлении С 5 вы-брал из двух

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh стихотворений «Многолетие», более традиционное.

Ст. 12. Наш Орел вождем полков...– Упоминанием российского герба, введенного в 1497 г., Жуковский говорит об укреплении государственной власти при Иоанне IV и свержении монгольского протектората.

Ст. 18. И в Париже Русский штык...– Русские войска вошли в Париж 19 марта 1814 г.

Ст. 21–22. И в ограду Царю-граду II На Босфоре Русский флаг...– В 1831 г. против турецкого владычества восстал паша автономного Египта, успешно развивший наступление на Стамбул. Турция запросила российскую помощь в обороне столицы, и в феврале 1833 г. русская эскадра вошла в Босфор. По восьмилетнему договору от 8 июля 1833 г. через проливы Босфор и Дарданеллы был запрещен проход всех военных судов, кроме российских.

Ст. 28. После этого стиха в черновом варианте читаем:

ХОР
Будь над Россией, Провиденье, Даруй Царю благословенье: Им да блаженствует народ!
Царь наш, великий Царь, будь славен в род н род!
Стоп твердо, трон Самодержавный,
Будь страх врагам, Орел наш славный;
Правь и владычествуй, закон,
Жизнь отдавай, народ, за Русь п Царский трои.
Н. Серебренников

Песня русских солдат
(«Боже! Царя храни!..») (С. 297)
Автограф (РНБ, оп. 1, №26, л. 125–125 об.)–беловой. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 71 –2-я и 3-я строфы, без указания, что 1-я и 4-я строфы входят в Государственный гимн. Печатается по автографу. Датируется: предположительно 1834 г.

Стихотворение явилось как бы частным вариантом Государственного гимна, воинскую тему которого Жуковский претворил в самостоятельное произведение.

Н. Серебренников
«Грянем песню круговую...»
(С. 297)
Автограф (РНБ, оп. 1, №26, л. 131 об.)–черновой.
Печатается впервые.
Датируется: предположительно 1834 г.

В отличие от обращения к царю как символу российского самодержавия в стихотворении «Многолетие» и развития этой темы применительно к современности в «Народной песне», Жуковский создает здесь стилизованно-фольклорный образ Николая I, смешивая вымышленные черты («Богатырь и великан...», «И на пуш-ки сам вперед...») с реальными.

Ст. 11–12. В ратный стан командой грянет–// Огласит весь ратный стан...– По общему мнению, Николай I обладал громкой и четкой речью.

Ст. 13–14. Злился в море непогода–// Смех ему тревога вод...– Имеется в виду мужественное поведение Николая I при полуторасуточном шторме 4–5 октября 1828 г., застигнувшем корабль с императором на пути из Варны в Одессу.

Ст. 15–16. Буря встань среди народа–// Взглядом он уймёт народ...– Напоминание о личном участии императора в усмирении холерного бунта в Санкт-Петербурге 23 июня 1831 г., когда, мучимый головной болью и тошнотой (что можно было счесть и за признаки холеры), Николай I приехал на Сенную площадь, поставил народ на колени и потребовал молиться о прегрешении.

Ст. 18. И на пушки сам вперед...– Присутствие Николая I в мае-октябре 1828 г. на передовых позициях в Русско-турецкой войне Жуковский представил в очень утрированном виде.

Ст. 19–20. А по нужде и с чумою II Подерется за народ...– Чума в России проявилась в 1829–1830 гг. по линии Одесса–Севастополь–Закавказье – Нижнее Поволжье. Вероятно, Жуковский подразумевает и борьбу с пандемией холеры в 1829–1831 гг. и, в частности, приезд Николая I в октябре 1830 г. в холерную Москву.

Ст. 25–26. Сыновьям пример он славы, II Благонравья дочерям!..–См. примеч. к «Народным песням».

Н. Серебренников
18 3 5
Д. В. Давыдову, при посылке издания «Для немногих» («Мой друг, усастый воин...») (С. 299)
Автограф неизвестен.
При жизни Жуковского не печаталось.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Впервые: БЗ. 1858. №7. С. 198–с заглавием: «Д.В.Давыдову, 1835 года, при посылке издания „Для немногих“».

Печатается по тексту первой публикации. Датируется: 1835 г.

В публикации БЗ отсутствуют какие-либо примечания, позволяющие говорить о творческой истории стихотворения. Известно, что Денис Давыдов как бывший арзамасец (прозвище «Армянин») неоднократно обращался к Жуковскому с просьбой отредактировать тексты его произведений. Уже свой первый сборник, озаглавленный первоначально «Элегии и мелкие стихотворения Дениса Давыдова» (1817–1818), он посылал на суд Жуковского, который изменил его название и сделал поправки в нумерации элегий (см.: Денис Давыдов. Стихотворения / Вст. ст., подгот. текста и примеч. В. Э. Вацура. Л., 1984. С. 185–186. «Библиотека поэта». Большая сер.). И впоследствии, в 1820-е гг. (см.: Там же. С. 202, 212, 213, 215), Давыдов обращался к Жуковскому с просьбой: «Взгляни на сии стихи, исправь их и пришли ко мне исправленные, как ты делал в старину с моими поэтическими и прозаическими вздорами» (письмо от 20 декабря 1829 г. – РС. 1903. № 8. С. 446). Жуковский, высоко ценивший дарование и личность поэта-гусара (ср. его характеристики Давыдова в «Певце во стане русских воинов» и «Бородинской годовщине»), в конце 1820-х гг. уже не решался править его произведения: «Ты шутишь, требуя, чтобы я поправил стихи твои. Всё равно, когда бы ты сказал мне: поправь (по правилам малярного искусства) улыбку младенца, луч дня на волнах ручья, свет заходящего солнца на высоте утеса и пр. и пр. Нет, голубчик, не проведешь» (письмо от 10 декабря 1829 г. – СС 1. Т. 4. С. 595).

О какой рукописи Давыдова идет речь в этом послании Жуковского, со всей определенностью сказать невозможно, но можно сделать предположение, что это тетрадь автографов (см.: описание Т–63, Т–69 в указ. изд. стихотворений Д. Давыдова), включающая перевод стихотворения Антуана Венсана Арно «Листок» (впервые опубликовано: БДЧ. 1837. Т. 22. Отд. 1. С. 10), которое еще в 1818 г. было переведено Жуковским (см. примеч. к стихотворению «Листок»). Вероятно, этим объясняется посылка Жуковским в 1835 г. сборника FWΛIN, шесть выпусков которого появились в 1818 г. В составе второго из них был опубликован en regard «Листок» (из Арно).

Ст. 15–16. И выговоров строгих II Не шли ко мне, Денис!.. – Имеется в виду письмо Д. В. Давыдова от 27 декабря 1829 г., где он упрекал Жуковского за отказ «заменить слитками» своего «золота» «некоторые пятна грязи, обезобразивающие» его произведения, прибавляя при этом: «„... ты архипастырь наш, president de la chambre du conseil" [председатель суда-фр.], что определишь, то и будет, а я спорить и прекословить не буду» (РС. 1903. № 8. С. 447).

А. Янушкевич
1836

Ночной смотр

(«В двенадцать часов по ночам...») (С. 300)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, № 26, л. 48–48 об. – первая черновая редакция (см. ниже).

2) РНБ, оп. 1, № 26, л. 49–49 об. – вторая беловая редакция.

Впервые: Совр. 1836. №1. С. 14–16 (ц. р. 31 марта 1836 г.) – с подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4 (Т. 6. С. 101–103 – в отделе «Смесь», с ошибочным заглавием: «Ночной сторож»); С 5 (Т. 5. С. 277–279 – в подборке стих. 1836 г., с подзаголовком: «Из Цедлица»).

Датируется: начало 1836 г.

Перевод одноименного стихотворения Й. Х. фон Цедлица (1790–1862) «Die nachtlіche Neerschau» из его поэтической книги «Посмертные венки» («Toskep-Kranze.

Kanzone». Wien, 1828). В первой половине марта 1836 г. Жуковский писал Пушкину: «А ты мою ниесу унес и уже в цензуру хватил. Нет, голубчик, в первую книжку ее никак не помещай. Она годится, может быть, после, но для дебюту ни-как нельзя. Прошу тебя не помещать в 1 номер» (Пушкин. Т. 16. С. 91). Однако Пушкин, восторгавшийся «Ночным смотром», вопреки пожеланиям Жуковского, напечатал его в 1-м номере Совр.

В первой черновой редакции перевода (которая, возможно, была переделана в связи с публикацией в Совр.) Жуковский, очевидно, стремился сохранить ритм оригинала и перевел паузник Цедлица трехстопным ямбом, наиболее соответствующим размеру подлинника (Стихотворения. Т. 1. С. 386):

В двенадцатом часу Из гроба, каждой ночью, Выходит барабанщик. Идет он скорым шагом, Сначала бьет он зорю, Потом он бьет к молитве, Потом он бьет тревогу. И будит барабан в гробах солдатов старых, Зарытых в русском снеге, Под небом итальянским, В песках горя(ю)чнх нила, В пустынях аравийских... И строятся солдаты.

В двенадцатом часу

Из гроба, каждой ночью,
Встает трубач и трубит.
И старые рейтары
Могилы покидают
И, сев на коней, мчатся
Воздушным эскадроном.
В двенадцатом часу
Из гроба, каждой ночью,
Выходит полководец;
На нем мундир без ленты, [На нем простая шпага] [Под серым иберроком],
Коротенькая шпага и маленькая шляпа, Ссртук поверх мундира.
По фрунту на коне Он едет тихим шагом, За ним все генералы, И, честь отдавит,
войско, В молчании глубоко, Перед вождем проходит Колоннами густыми.
Глядят на войско вождь, Крестом сложивши руки, И светятся чудесным Глаза его
сияньем, Потом он генералов Становит в круг и шепчет им свой пароль и лозунг.
И войску отдают Они пароль и лозунг; И Франция пароль их, И лозунг их: Елена.
Так смотрит каждой ночью Свое земное войско Умерший император.

Однако, по-видимому, Жуковского не удовлетворил этот вариант, хотя он бли-же по своему поэтическому смыслу оригиналу. Трехстопный амфибрахий и белый стих в окончательной редакции перевода Жуковского более соответствовали не только дольнику Цедлица (С. А. Матяш), но и значительно возросшей экспрес-сивности тона и углубленной драматизации наполеоновской темы. Растянутым 60-ти строкам «вялого дольника» (С. С. Аверинцев) у Жуковского соответствует напряженный и тревожный ритм 48 стихов. В переводе значительно усилена ди-намика повествования. Тревога и даже ужас происходящего переданы не внеш-ним нагнетанием страшных деталей, а напряженным, тревожным ритмом, значи-тельно отличающимся от вялой описательно-перечислительной интонации Цед-лица (см.: Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского// Зарубеж-ная поэзия. Т. 2. С. 554). Путь от первой ко второй редакции-это не только из-менение тональности, но и глубокая трансформация наполеоновской темы у Жу-ковского. Сравним для примера подлинник и перевод:

Цедлиц

Die altcri, lodtcn soldalcn Erwachen im Grab davon.

Жуковский

Встают молодцы егеря, Встают старики гренадеры,
Und die im tie Gen Xorden Erstarrt im Schnee und Eis, U nd die in welschland lie gen, wo ihien die Erde zu hcifi.

Встают ил-нод русских снегов, Встают с африканских степей, С горячих песков Палестины.

(Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 346).

У Жуковского не «старые мертвые солдаты просыпаются в гробу». В отличие от Цедлица, Жуковский конкретизирует само понятие «могучей пехоты», широко развертывает его. Ритм, настойчивые повторы глагола «встают» создают впечатле-ние огромной военной мощи наполеоновской армии, погребенной во всем мире. То же самое – по отношению к коннице. У Жуковского «могучая конница» пред-ставлена так:

Выделенные стихи, отсутствующие у Цедлица, меняют картину, раздвигают художественное пространство стихотворения, а вместе с этим расширяют мас-штаб Наполеоновских войн и наполеоновских жертв. С помощью особого поэти-ческого синтаксиса, психологизирующего художественное восприятие текста, соз-дается монументальная картина мощи наполеоновской армии, верно сражавшей-ся за своего вождя и – погубленной им.

В переводе Жуковского расширяется не только художественное пространство, но и временные рамки изображаемого события. Вместо единственного числа у Цедлица: «Nachts um die zwolfte Stunde» у Жуковского множественное число; со-бытие, изображенное им, многократно повторяется: «В двенадцать часов но но-чам...» В черновом варианте это выражено еще более четко: «Из гроба каждой ночью...» – и повторяется во всех трех случаях, вплоть до последнего, итогового:

В канонической редакции это остается, хотя и локализуется: «по ночам». Все это усиливает драматизм и эпический размах повествования и одновременно зна-чительно мифологизирует образ Наполеона, укрупняет его, расширяет историко-философскую концепцию произведения до судьбы и роли выдающейся личности в истории, ее ответственности перед историей и народом.

Седые гусары встают, Встают усачи кирасиры; И с Севера, с Юга летят, С Востока и с Sana (fa .мчатся

На легких воздушных конях Один за другим эскадроны.

Так смотрит каждой ночью Свое земное войско Умерший император.

Характер перевода Жуковского свидетельствует о том, что природа

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu

иоэтико-мифологического начала в трактовке наполеоновской темы у Жуковского и Цед-лица различна. В 3-ей, решающей части стихотворения, где говорится о встаю-щем из гроба полководце, Цедлиц вводит два важных штриха, определенным об-разом мифологизирующих образ Наполеона, поднимающих его онтологическую значимость. Так, в самый момент «генерального смотра» Наполеоном своих войск Цедлиц освещает место встречи усопшего императора с его огромной армией символическим лунным светом:

Der VI o lid mil gellx'in Lichte Erhcllt den weitoii Plan: Dor Man и im klciicn niitchcn sic hi s ich die T nip pen an.

В черновом варианте Жуковский сохраняет следы этой символики:

Глядит па войско вождь, Крестом сложивши руки, И светятся чудесным Глаза его сияньем.

В окончательном варианте Жуковский опускает эти стихи. Он отказывается от какого бы то ни было «украшения» (поэтизации) этого важнейшего, ключевого момента произведения. У русского поэта все просто и драматично:

Он с маленькой шляпой и шпагой; На старом копе боевом Он медленно едет но фрукту; И маршалы едут за ним...

И едет за ним не просто «все войско», как у Цедлица, а вся громада армии На-полеона:

И маршалы едут за ним, И едут за ним адъютанты; И армия честь отдает. Становится он перед нею; И с музыкой мимо его Проходят полки за полками.

«Генеральный смотр» – это признание верности и преданности вождю, его полководческому гению, его личности и вместе с тем–это ужасающая картина, раскрывающая драму наполеоновского дела и «наполеоновской идеи», если учи-тывать перспективы ее развития в русской литературе XIX века (Толстой, Досто-евский). Очень важным отступлением от Цедлица, связанным, как представляется, с отказом от идеализации Наполеона за счет мифоэтической символики текста,

Характер перевода Жуковского свидетельствует о том, что природа иоэтико-мифологического начала в трактовке наполеоновской темы у Жуковского и Цед-лица различна. В 3-ей, решающей части стихотворения, где говорится о встаю-щем из гроба полководце, Цедлиц вводит два важных штриха, определенным об-разом мифологизирующих образ Наполеона, поднимающих его онтологическую значимость. Так, в самый момент «генерального смотра» Наполеоном своих войск Цедлиц освещает место встречи усопшего императора с его огромной армией символическим лунным светом:

Der VI o lid mil gellx'in Lichte Erhcllt den weitoii Plan: Dor Man и im klciicn niitchcn sic hi s ich die T nip pen an.

В черновом варианте Жуковский сохраняет следы этой символики:

Глядит па войско вождь, Крестом сложивши руки, И светятся чудесным Глаза его сияньем.

В окончательном варианте Жуковский опускает эти стихи. Он отказывается от какого бы то ни было «украшения» (поэтизации) этого важнейшего, ключевого момента произведения. У русского поэта все просто и драматично:

Он с маленькой шляпой и шпагой; На старом копе боевом Он медленно едет но фрукту; И маршалы едут за ним...

И едет за ним не просто «все войско», как у Цедлица, а вся громада армии На-полеона:

И маршалы едут за ним, И едут за ним адъютанты; И армия честь отдает. Становится он перед нею; И с музыкой мимо его Проходят полки за полками.

«Генеральный смотр» – это признание верности и преданности вождю, его полководческому гению, его личности и вместе с тем–это ужасающая картина, раскрывающая драму наполеоновского дела и «наполеоновской идеи», если учи-тывать перспективы ее развития в русской литературе XIX века (Толстой, Досто-евский).

Очень важным отступлением от Цедлица, связанным, как представляется, с отказом от идеализации Наполеона за счет мифоэтической символики текста, является перевод последнего четверостишия «Ночного смотра». Сравним подлин-ник и перевод: Очевидна существенная разница. У Цедлица при изображении фантастическо-го смотра погребенных наполеоновских войск используется мотив «Елисейских полей».

Это–поэтический образ, который трактуется как противоположность страшному Аду и месту пребывания «безгрешных теней погибших воинов», пол-ководцев, оставивших благую память о себе (см.: Менар Рене. Мифы в искусстве старом и новом. М., 1992. С. 38). С самого начала работы над переводом Жуков-ский опускает этот мотив, так же как и параллель Наполеона с Цезарем.

Природа мифологизации в «Ночном смотре» Жуковского иная. Встреча Напо-леона со своим многочисленным войском после его гибели, ужас, созданный по-этическим ритмом стиха, особым синтаксисом, оригинальной пространственно-временной архитектуроникой,– все это наполняет «Die grobe Parade» высокой сим-воликой Страшного суда, драматический результат которого в поэтической оппо-зиции

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
«Франция – Св. Елена» (пароль–лозунг). В создании особой природы мистической фантастико–символической поэтики «Ночного смотра» свою роль сыграл опыт Жуковского–балладника, во многом определивший оригинальность его перевода. Таким образом, наполеоновская тема и сам образ Наполеона у Жуковского по сравнению со стихотворениями 1810–1820-х гг. укрупняются, мифологизируются, приобретают историческую значительность, наполняются глубоким философским смыслом о судьбе великой личности, ее исторической значимости, мнимом и подлинном бессмертии.

В конце своего творческого пути Жуковский вновь обращается к этой теме в «Агасфере». «Ночной смотр» – важное звено в трактовке наполеоновского мотива и сюжета в творчестве Жуковского.

«Ночной смотр» Жуковского был высоко оценен самыми большими литературными авторитетами. Пушкин с восторгом отзывался о стихотворении Жуковского, с радостью напечатал его в «Современнике». Д. Давыдов писал об этом 14 апреля 1836 г.: «Мне Пушкин пишет, что ты в журнал его дал такие стихи, что мой белый локон дыбом станет от восторга» (РА. 1871. Стб. 0187). Белинский в своем предвзвешенном отзыве о «Современнике» А. С. Пушкина заметил: «„Ночной смотр“ Жуковского есть одно из тех стихотворений, которых у нас теперь в целый год являється не более одного или двух. (...) Это истинное перло поэзии как по глубокой поэтической мысли, так и по простоте, благородству и высококости выражения. Мы очень жалеем, что право собственности и величина пьесы не позволяют нам выписать его» (Белинский. Т. 2. С. 179). В стихотворении М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль» видны следы влияния Жуковского. Однако трактовка образа

Dies ist die grobe Parade in eliseischen Feld, Die in die zwölftc Stunde Der iodic Cesar hall.

Так к старым солдатам своим На смотр генеральный из гроба

В двенадцать часов по ночам Встает император усопший.

Наполеона, односторонне сочувственная, отличалась от восприятия его личности Жуковским.

Положено на музыку М. И. Глинкой.

Ф. Канунова

1837

(ИЗ АЛЬБОМА, ПОДАРЕННОГО ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ)

I. Роза II. Лавр

III. Надгробие юноше

IV. Голос младенца из гроба

V. «О веселая младость!

о печальная старость!..» VI. «Фидий, иль сам громовержец

к тебе нисходил от Олимпа...» VII. Судьба VIII. Завистник IX. «Он лежал без

движенья,

как будто по тяжелой работе...»

(С. 302)

Автографы:

1) ПД. №28466, л. 5 об.– 6–черновой. Стихотворения расположены в том же порядке, что и в данной публикации, но без нумерации. Заглавия имеют 6 из 9 стихотворений (№ 1–4, 7, 8).

2) НБ ТГУ. Библиотека В. А. Жуковского: Herder J. G. Sammtliche werke. Zur schonen Literatur und Kunst. Т. 10. S. 14, 38, 52, 54 – на свободных частях страниц карандашные наброски перевода стихотворений «Роза», «Лавр», «Фидий, иль сам громовержец...» (см.: Описание. № 12780).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Русский. 1867. 24 апреля. С. 164. Публикация М. П. Погодина–со многими неточностями и своевольными заглавиями некоторых текстов. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 27 февраля–середина апреля 1837 г.

Публикация М. П. Погодина в газете «Русский» была значительно уточнена П. А. Ефремовым в С 8 (Т. 3. С. 246–247) по «спискам П. И. Бартенева», но нумерация и заглавия первой публикации были сохранены. После установления нами того факта, что 7 из 9 стихотворений являются переводами, тексты были выверены по автографу № 1 с учетом набросков на страницах сочинений Гердера (автограф №2). Подробно об этом см.: БЖ. Ч. 1. С. 182–209. Выверенный текст впервые целостно опубликован: ПМЖ. Вып. 8. С. 39–40. Эта публикация и легла в основу наст. изд. стихотворений «(Из альбома, подаренного графине Ростопчиной)».

25 апреля 1838 г. Жуковский, уезжая на долгий срок за границу, подарил поэтессе Евдокии Петровне Ростопчиной (урожд. Сушковой; 1811–1858) незаполненный альбом для стихов, принадлежавший ранее А. С. Пушкину. В дарственной надписи к своему подарку, в своеобразном «предисловии» к альбому читаем: «Посылаю вам, графиня,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu на память книгу, которая может иметь для вас некото-рую цену. Она принадлежала Пушкину, он приготовил ее для новых своих стихов и не успел написать ни одного; мне она досталась из рук смерти; я начал ее; то, что в ней написано, не напечатано нигде. Вы наполните и докончите эту книгу его. Она теперь достигла своего настоящего назначения. Всё это в старые годы я написал бы стихами, и стихи были бы хороши (...) Но стихи уже не так льются, как бывало...» (ПД. № 28466, л. 3 об.). Ростопчина отвечала посланием «Черновая книга Пушкина: Василию Андреевичу Жуковскому» (Совр. 1839. Т. 15. С. 132). Она выполнила наказ и сохранила альбом, принадлежащий Пушкину, со стихо-творениями и записями Жуковского для потомков.

Кроме «Посвящения» к «Ундине», датированного 27-м февраля 1837 г., Жуков-ский вписал в альбом 9 стихотворений в антологическом духе. Все 9 стихотворе-ний написаны Жуковским в очень короткий срок: между 27 февраля и серединой апреля 1837 г. Судя по характеру автографов, наброски переводов на страницах книги Гердера и запись в альбоме гр. Ростопчиной относятся к этому времени.

Последовательность расположения оригиналов в томе и порядок записи стихо-творений в альбоме не совпадают, что позволяет говорить о наличии определен-ной заданности как в выборе стихотворений для перевода, так и расположения их в альбоме. Тем более вряд ли можно считать случайным, что стихотворение «Судьба», главный образ которого лишен античной гармонии, оказалось «вписан-ным» между переводами из греческой антологии, а стихотворение «Он лежал без движенья...», лишенное античных образов, включает собой всю группу стихотво-рений, связанных с памятью А. С. Пушкина, придавая этому лирическому циклу особую завершенность.

I. «Роза» – перевод стихотворения Гердера «Die Rose», находящегося на с. 15 указанного в текстологической справке издания. Перевод достаточно близок к подлиннику; мысль о скоротечности жизни, о ее увядании заложена в оригинале и передана русским поэтом. Но для Жуковского важно было сказать не столько о гибели розы («Stirbt Rose»), сколько о гибели красоты, символом которой она яв-лялась. Отсюда и появление в окончательном тексте глагола «поблекла», и замена фразы подлинника: «Vorubergegangen ist sie» на: «...напрасно, о дева, // Ищешь ее красоты». Подробнее см.: БЖ. Ч. 1. С. 186–187.

II. «Лавр» – перевод стихотворения Гердера «Der Lorbeerbaum» (с. 39 указ. изд.). Параллельно с немецким текстом на свободной части с. 38 был сделан пер-воначальный набросок перевода. Продолжение работы ведется в альбоме. И ори-гинал, и перевод перекликаются со стихотворением «Роза», продолжая тему раз-рушения красоты в мире, но уже не по воле времени, а под воздействием других могущественных сил. Прекрасной Дафне сохранение ее чистоты дается лишь це-ной отказа от себя, от своей изначальной свободы: она навечно превратилась в лавровое дерево.

При всей близости перевода к оригиналу общий тон стихотворения жуковско-го отличен от гердеровского. В нем акцент с моления о пощаде, подчеркнутого в оригинале трижды анафорически повторенным: «Schonet meiner» («пощадите ме-ня»), перенесен на прямо выраженное требование: «Чтите мою чистоту». Показа-тельно, что требовательные, звучащие как угроза, слова: «Бойтесь коснуться ме-ня...» и «Чтите мою чистоту...», родившись в самом первом наброске перевода, ни разу не были изменены в процессе работы над стихотворением. Они не принад-лежат ни мифологическому источнику, ни немецкому оригиналу. Они звучат из уст самого поэта и обращены ко всем, кто, будучи ослеплен стремлением удовле-творить свои эгоистические желания, нечистым прикосновением может осквер-нить святыню. Стихотворение Гердера восходит к эпиграмме Антиатра Фессалоникского (I в. н. э.). Об этом см.: Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. л., 1990. С. 144.

III. «Надгробие юноше» – перевод стихотворения Гердера «Der junge Schiff-fer» («Юный моряк», с. 31 указ. изд.), восходящего к антологической эпиграмме неизвестного поэта эллинистической эпохи (Кибальник С. А. Указ. соч. С. 144). Карандашный набросок перевода в книге отсутствует, но в альбоме текст его сна-чала был записан карандашом, а потом прямо по карандашу-чернилами. Замена заглавия в стихотворении представляется совершенно закономерной: оно точнее, чем в оригинале, передает содержание и главную мысль произведе-ния, где речь идет не о юном моряке в буквальном смысле слова, а о юноше, уто-нувшем в волнах жизни («des Lebens wellen»), не выстоявшем в жизненном шторме. Перевод близок к оригиналу. Однако вряд ли случайным является внедрение новых эпитетов. Так, в первом стихе к слову «жизнь» добавляется эпитет «нена-дежная», а в четвертом-субстантивированное прилагательное «unglückseliger» («несчастный») заменяется в переводе на «юный, бессильный пловец». Эпитет «бессильный», соотносясь с первым стихом, как бы еще раз подчеркивает нена-дежность жизни и незащищенность человека перед ее бурями и судьбой. Эпита-фия на смерть юноши –

грустное размышление о превратностях судьбы.

IV. «Голос младенца из гроба» перевод стихотворения Гердера (с. 30 указ. изд.) «Grabesstimme eines Kindes, das nach der Geburt starb» («Замогильный голос младенца, который умер после рождения»), восходящего к антологической эпи-грамме поэта VI в. н. э. Македония (Кибальник С. А. Указ. соч. С. 144).

Перевод делался прямо в альбоме, но значительных вариантов текст не содержит. Мысль о краткости пребывания на земле младенца в оригинале вынесена в заглавие, в самом же стихотворении Гердера практически не подчеркнута. Жуковский при переводе сокращает заглавие, а мотив краткости младенческой жизни переносится им в сам текст. Земля скрыла от мира едва родившегося младенца, жизнь которого была еще короче, чем жизнь прекрасной розы. Стихотворение перекликается в этом смысле с первым стихотворением цикла «Роза» и развешивает тему превратности судьбы.

V. «О веселая младость! о печальная старость!..» – перевод гердеровского двустишия, озаглавленного в оригинале «Jugend und Alter» («Младость и старость»; с. 58 указ. изд.) и восходящего к поэту I–II в. н. э. Безантину (Кибальник С. А. Указ. соч. С. 144).

Перевод почти дословен, мысль выражена лаконично и четко и приближена к афоризму. Отказ от воспроизведения заглавия лишь подчеркивает универсальность высказанной мысли и созвучность ее мировосприятию переводчика.

VI. «Фидий, иль сам громовержец к тебе нисходил от Олимпа...» – перевод двустишия Гердера «Auf Jupiters Bildsäule von Phidias» («На фидиеву статую Юпитера»; с. 53 указ. изд.), восходящего к античному поэту I в. н. э. Филиппу фессалоникскому (Кибальник С. А. Указ. соч. С. 144).

Первоначально набросан на свободной части с. 54 рядом с печатным текстом и переписан здесь же на свободном иоле с. 53 более крупно и почти без сокращений. В альбоме – белой автограф. Ни в одном из вариантов не озаглавлен.

Перевод близок к оригиналу. Однако у Гердера имя создателя статуи Зевса Фидия вынесено в заглавие. В тексте же он назван просто художником («Kunstler»). Гердеровское двустишие построено как классическая античная эпиграмма – надпись на статуе. Отказавшись от заглавия, Жуковский строит стихотворение как непосредственное обращение к Фидию (V в. до н. э.), великому древнегреческому скульптору эпохи классики, и выдвигает на первый план тему величия художника, который в самом акте творчества подобен Богу и достоин как «взлетать на Олимп» и посещать громовержца, так и того, чтобы сам громовержец «нисходил от Олимпа» к нему, художнику.

Жуковскому важно подчеркнуть многократность и обычность общения художника и бога, и он, работая над текстом (даже в ущерб ритмической точности), в окончательном варианте заменяет использованные в переводе на страницах книги глаголы во 2-м стихе: «взошел (...) узреть» на «взлетал (...) посетить».

VII. «Судьба» – оригинальное стихотворение. Но выросло оно из тем, развиваемых в предыдущих пяти стихотворениях, из размышлений поэта о гибели красоты, о краткости и непрочности человеческой жизни, о могуществе художественного гения. Тема судьбы – вечная тема. В греческой антологии Гердера имеется несколько стихотворений, прямо озаглавленных «Das Schicksal» (с. 22, 232, 249 указ. изд.). Главная их мысль – бессилие человека перед могуществом высших сил, предопределенность судьбы. Ни одно из них Жуковский не перевел. Он создал свое, главная мысль которого противоположна высказанной в антологических пьесах: «Человек, прямо и смело иди!»

Тема судьбы, образ Судьбы возникают на страницах рукописей поэта неоднократно (подробнее см.: ПМЖ. Вып. 8. С. 42–45). Образ вынашивался постепенно, претерпевая от записи к записи значительные изменения, но с самого начала формировался на основе не античной, а библейской мифологии, и связан с образом колосса на глиняных ногах (дан 2: 31–34). Также изначально в набросках темы претупает и от варианта к варианту выкристаллизовывается и конкретизируется тема противостояния «величественному великану». При этом в прозаических записях наличествует некое противопоставление того, кто «велик или может подняться» и «посмотреть ему в глаза», тем, кто «низок или, ужаснувшись его, наклонит голову». Первый сам «озарится его блеском», второй – будет «затоптан в прах или раздавлен», что предполагает определенную долю справедливости в распределении «даров судьбы». Совершенно иную расстановку акцентов находим в стихотворении. Перед нами не просто великан, но колосс, у которого ноги не только «свинца-вые», но и «тяжкие». Теперь не поэт сравнивает судьбу с великаном, а она сама, став субъектом действия, «ходит меж нами». Мерные, медлительные гекзаметры как бы передают ее тяжелую поступь. И если в прозаических текстах речь шла о том, что испугавшийся сам «попадет» иод ноги великана и будет «затоптан в прах или раздавлен», то в стихотворении судьба «наступит тяжелой ногой на тебя». Ни-каких «или» не будет: «Будешь затоптан в грязи». Судьба жестока и неумолима.

Такая трактовка образа в стихотворении «Судьба», написанном через 14 лет после последней прозаической записи, несомненно связана с поэтическим осмыслением окружающих поэта событий, воспринимаемых им как трагические, но преломляемых его поэтическим сознанием сквозь призму мирового искусства. Отсюда и соединение, казалось бы, разнородных поэтических традиций. Мудрость древней Эллады и народов Востока, сопряженная с размышлениями о современности, породили оригинальный поэтический сплав, подобный тому, который нашел выражение в «Римских элегиях» Гёте. И не случайно стихотворение «Судьба» с ярко выраженной в нем идеей стойкости, мужества, смелого шествия человека навстречу судьбе перекликается со стихотворением «Лавр», где звучит резкое и требовательное: «Бойтесь коснуться меня. (...) Чтите мою чистоту».

Понять причины решительных изменений во взглядах поэта на судьбу, причины, заставившие его противопоставить античной идее рока свое понимание судьбы и выразить это в достаточно резкой форме, помогает дата, проставленная иод имеющим различия с печатным вариантом «Посвящением» к «Ундине»: 27 февраля 1837 г. Ровно месяц назад, 27 января, произошла роковая дуэль, на которой был смертельно ранен Пушкин. Через два дня его не стало. 12 марта в письме к И. И. Дмитриеву Жуковский пишет: «Память Пушкина должна быть и всегда будет дорога Отечеству. Как бы много он сделал, если бы судьба ему вынула не такой тяжкий жребий и если бы она не вздумала, после мучительной жизни (...) вдруг ее разрушить. Наши врали-журналисты, ректоры общего мнения в ли-тературе, успели утвердить в толпе своих прихожан мысль, что Пушкин упал; а Пушкин только что созрел как художник и все шел в гору как человек, и поэзия мужала с ним вместе. Но мелочи ежедневной, обыкновенной жизни: они его уби-ли» (СС 1. т. 4. с. 632). Пушкинская концепция «самостоянья человека» становится и жизненной философией Жуковского.

Не случайно в письме оказались поставленными рядом такие, казалось бы, разномасштабные понятия, как судьба, вынувшая поэту «тяжкий жребий», и «врали-журналисты». Их устами часто говорила ложь, клевета и зависть. VIII. «Завистник» – перевод одноименного стихотворения Гердера «Der Neider» (с. 36 указ. изд.), в свою очередь восходящего к античному поэту VI в. н. э. Палладе (Кибальник С. А. Указ. соч. С. 145).

Стихотворение написано трехстопным белым ямбом со сплошной женской клаузулой. Ритмическое «выпадение» «Завистника» из общего трехстопного хо-реического метрического фона переведенных Жуковским из Гердера стихотворе-ний предопределено оригиналом: «Der Neider» написан не в элегической, а в анакреонтической манере, как писались в то время сатирические стихи, т. е. ям-бом. В данном случае–шести-стопным. Жуковский, сократив в переводе количе-ство стои в строке, увеличил число строк, превратив четверостишие в восьми-стишие. На страницах гердеровского тома из библиотеки Жуковского набросков пе-ревода нет. В альбом стихотворение вписано с небольшими пометками, связан-ными с перестановкой слов в ст. 3 и 4.

Как справедливо заметил С. А. Кибальник, «в стихотворении „Завистник“ мы имеем своего рода нравственную оценку убийцы Пушкина, хотя пьеса, разумеет-ся, имеет и более отвлеченный, универсальный смысл» (Ж. и русская культура. С. 269).

IX. «Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе...» – оригинальное стихотворение в антологическом духе. Заглавия в рукописи не имеет. Как и два предыдущих, не озаглавленных поэтом переводных стихотворений, отличается ярко выраженной лиричностью повествования, передающей авторское глубоко личное отношение к теме, к объекту повествования. Это–своеобразные «лириче-ские отступления» в цикле антологических стихотворений, не допускающих «ни-чего лишнего в чувствах» (А. С. Пушкин) и тяготеющих к обобщенно–эмоциональ-ному строю.

В данном стихотворении рассказ ведется непосредственно от имени автора. Замедленность движения элегического дистиха здесь особенно заметна и под-черкнута обилием enjambement'ов, передающих не только замедленность, но и эмоциональную напряженность повествования.

В стихотворении нет ни одного специфически антологического образа, ни од-ного мифологического имени. Но преисполненное тихой, величественной скорби, оно звучит как торжественный реквием, завершающий размышления о красоте и ее быстротечности в этом мире («Роза»), о величии художника и святости его ис-кусства («Фидий, иль сам громовержец...»), хрупкости и краткости жизни («Лавр», «Голос младенца из гроба», «Надгробие юноше», «О веселая младость!..»), пре-вратностях судьбы и противостоянии ей («Судьба»). В этом смысле стихотворение «Он лежал без движенья...»–логический и эмоциональный финал всего цикла.

При первой публикации М. П. Погодиным стихотворение было озаглавлено «Покойнику». После того, как была замечена текстуальная близость стихотворе-ния и известного письма Жуковского к С. Л. Пушкину о последних часах жизни А. С.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский Zhu
Пушкина, к погодинскому заголовку стало добавляться заключаемое в скоб-ки
«уточнение»: «А. С. Пушкину» (С 8. Т. 3. С. 247; ПСС. Т. 4. С. 26), а позднее
просто: «Пушкин» (Стихотворения. Т. 2. С. 272).

Представляется принципиально неверным не только придание заглавий
про-изведениям, автором не озаглавленным, но и утверждение, что стихотворение
«Он лежал без движенья...» представляет собой «переложение отрывка письма
Жуковского» (СС 1. Т. 4. С. 602). Исследователями уже указывалось, что в письме
к С. Л. Пушкину автором сознательно был «привнесен элемент художественной
концепции», что «Жуковский (...) отбирал детали и располагал их соответственно
определенному замыслу» (см.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т.
1. С. 32). «Элемент художественной концепции» при работе над стихотво-рением
продолжал развиваться и углубляться, происходило переосмысление об-раза и
основной идеи произведения, подобное тому, с каким мы сталкиваемся и при
рождении замысла «Судьбы» (подробнее см.: ПМИЖ. Вып. 8. С. 42–45).
Представляется нецелесообразным привносить в стихотворение с помощью ново-го
заглавия, даваемого в современных изданиях, сознательно отрицаемую авто-ром
конкретность, хотя, конечно, «пушкинский подтекст» присутствует в этом
произведении.

Н. Реморова

(К своему портрету)

(«Воспоминание и я – одно и то же...») (С. 304)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ОЗ. 1855. Т. 103. Кн. 12. Отд. 2. С. 183 – в составе воспоминаний А. Н.
Мокрицкого о К. П. Брюллове, без заглавия. Печатается по тексту первой
публикации. Датируется: апрель 1837 г.

Публикуя воспоминания о своем учителе, известном художнике Карле Брюлло-ве,
художник и академик живописи Аполлон Николаевич Мокрицкий (1810–1870) опирался
на дневниковые записи 1834–1840 гг. фрагмент дневника, в котором приводится
четверостишие Жуковского, относится к апрелю 1837 г., когда «Карл Великий», как
называл Брюллова его ученик, приступил к работе над известным портретом
Жуковского.

История создания этого портрета связана с освобождением Т. Г. Шевченко от
крепостной неволи. Портрет предназначался для розыгрыша в лотерее с целью
получения денег для выкупа. Первые сеансы в мастерской Брюллова состоялись перед
самым отъездом Жуковского в путешествие с наследником по России. За-кончен был
портрет уже после возвращения Жуковского в Петербург. 25 февраля 1838 г. в доме
Брюллова Жуковский вручил Шевченко документ, сделавший его вольным (подробнее
см.: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 275–276; см. также
письмо Жуковского к Ю. Ф. Барановой от апреля 1838 г. // СС 1. Т. 4. С. 635–637).
Мокрицкий был знаком с Жуковским еще до создания портрета. Он вместе с другими
художниками участвовал в написании картины «Субботнее собрание у Жуковского»,
где воссоздана обстановка и атмосфера кабинета поэта в Шепелев-ском доме Зимнего
дворца. Передавая свое впечатление от портрета Жуковского работы Брюллова, он
создает интересный образ поэта, включая в него и автоха-рактеристику Жуковского:
«Брюллов занялся его портретом. Портрет Жуковско-го будет одним из лучших его
портретов, как по сходству, так и по выражению ха-рактера целого. Вы видите
дородного мужчину, покойно сидящего в креслах; го-лова его, склоненная несколько
к правому плечу, наклонена вперед; руки сложе-ны одна на другую выше колен так,
что левая, покрывая правую, оставляет паль-цы ее свободными; в правой руке
держит он перчатки. Лицо спокойно, взор, хотя устремленный на зрителя, кажется
занят внутренним созерцанием; на челе дума не тяжкая, но отрадная,
успокоительная; он, кажется, обдумывая свой подвиг, по-коится после понесенных
трудов. В этой почтенной голове с обнаженным челом созревали прекрасные
творения. Свежесть лица и приятные черты показывают, что жизнь его проходила без
разрушительных бурь; а если страсти и волновали нежное его сердце, то теплая
вера и голос разума скоро умиряли их. Прекрасные идеалы и изящные искусства
питали душу его, всегда расположенную к добру; ху-дожник всё это выразил в
портрете. Взгляните на эти уста: они беседуют с вами, подают вам мудрый совет
или произносят утешение; но вот изрекли они два-три стиха к портрету:

Воспоминание и я –одно и то же:
Я образ, я мечта, Чем старе становлюсь, тем я
Кажусь моложе.

Взгляните на эти прекрасные руки, эти белые, нежные руки, и не удивляйтесь их
нежности: орудием их было легкое перо, за которое он брался, оставляя ли-ру...»
(ОЗ. 1855. Т. 103. Кн. 12. Отд. 2. С. 183).

Судя по некоторым деталям описания (перчатки, отсутствующие в окончатель-ном
варианте портрета), Мокрицкий говорит о начальном этане работы Брюлло-ва, что и

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
позволяет датировать четверостишие Жуковского апрелем 1837 г. По всей
вероятности, заглавие, появившееся в С 7 (Т. 5. С. 549), является редак-торским.
Ермолову

(«Жизнь чудная его в потомство перейдет...») (С. 304)

Автограф (ОРК НБ МГУ. Ермолов, ХХІХ/20)–посвящение на об. титула экземпляра 1-й
части С 4.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Московские ведомости. 1858. №66–в составе статьи Г. Н. Генна-ди о
библиотеке Московского университета.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 10
декабря 1837 г.

На титуле книги, подаренной Жуковским известному генералу, герою Отече-ственной
войны 1812 г. А. П. Ермолову (1777–1861), имеется прозаическая дарст-венная
надпись, предшествующая стихотворному посвящению: «Его
высокопре-восходительству, Алексею Петровичу Ермолову от автора, на память
глубокого почтения. Москва, 1837. Декабрь 10». Эта надпись является основанием
для дати-ровки четверостишия.

Жуковский посвятил Ермолову три стиха в «Певце во стане русских воинов». О
встрече с ним он упоминает в дневниковой записи от 29 октября 1831 г. во вре-мя
посещения с великим князем Александром Николаевичем Москвы (Дневники. С.
215–216). Имя генерала появляется в неопубликованном дневнике 1841 г.: «6(18)
февраля. После обеда разговор с Ермоловым» (РГАЛИ, оп. 1, №37, л. 84 об.). Одним
словом, общение поэта и генерала было достаточно регулярным на протяжении
длительного времени.

В подробном комментарии к стихотворению «Ермолову» Ц. С. Волье говорит о судьбе
этого четверостишия. В. В. Хлопов в статье–воспоминаниях «Вечер с А. П.
Ермоловым 23 января 1847 г.» приписывал его А. С. Пушкину (РС. 1874. Т. 10. С.
198). С. И. Храповицкий в 1872 г. опубликовал экспромт из 8 стихов,
ад-ресованный А. П. Ермолову, куда включил и искаженный текст четверостишия (РС.
1872. Т. 6. С. 539). Хлопов, а вслед за ним и Ал. Ермолов в своей книге «А. П.
Ермолов. Биографический очерк» (СПб., 1912) приводят еще одно четверо-стишие
Жуковского, обращенное к Ермолову. Ни в одно из известных собраний сочинений
Жуковского оно не вошло, нет никаких документальных свидетельств, подтверждающих
его подлинность, хотя Ц. С. Вольпе, не приводя его текст, в то же время не
сомневается в его принадлежности перу Жуковского и считает, что оно было создано
до отставки А. П. Ермолова в 1827 г. (Стихотворения. Т. 2. С. 539). Приводим его
текст:

(Подпись к портрету А. П. Ермолова)

За ним, пред ним нет пышных титл, Не громок он средь гордой знати; Но за него
усердный глас молитв непобедимой русской рати.

(Ермолов Ал. Указ. соч. С. 189).

23 – 295

70\$

Ст. 4. И лихо летопись свою переплетет.– Именно страсть Ермолова лично
пере-плетать книги и отмечена в последнем стихе четверостишия. Ермолов переплел
также и подаренный ему экземпляр стихотворений Жуковского, перешедший вместе со
всей библиотекой Ермолова в дар библиотеке Московского университе-та
(Стихотворения. Т. 2. С. 539).

Л. Янушкевич

1838

Предсказание

(«Венок ваш, скромною харитою сплетенный...») (С. 305)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 7. Т. 2. С. 138–с указанием: «По подлинной рукописи». Печатается по
тексту первой публикации. Датируется: предположительно 1838 г.

К сожалению, никаких свидетельств о творческой истории этого стихотворе-ния
обнаружить не удалось. Отсутствие автографа затрудняет и датировку, поэто-му
принимаем датировку, предложенную П. А. Ефремовым. Дневники Жуковско-го за 1838
г. содержат лишь записи мая–декабря, т. е. периода его заграничного путешествия
с великим князем. Скорее всего, стихотворение было написано до отъезда и
обращено к одной из великих княжон, возможно, к Марии Николаевне, к которой
Жуковский питал особую симпатию, о чем свидетельствует его «Журнал заграничного
путешествия», адресованный именно ей.

Л. Янушкевич

Stabat mater

(«Горько плача и рыдая...») (С. 305)

Автографы:

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

1) ПД. № 27792, л. 1, 2 об.–черновой, с разбивкой на пронумерованные и отчеркнутые трехстишия (№ 1–12); л. 1 об., 2 – рукою неустановленного лица дан латинский текст с русским подстрочником.

2) РГАЛИ, он. 2, № 15а, л. 1–3 – фотокопия неизвестного белого автографа, с заглавием: «Stabat mater dolorosa* и подписью: «Жуковский» (л. 2 и 3 перепутаны в нумерации).

Впервые: Совр. 1838. № 1. С. 157–158–с заглавием: «Stabat mater», подписью: «В. Жуковский» и примечанием внизу страницы 157: «4-го Марта нынешнего года, по желанию Е. И. В. Государыни Вел. княгини Елены Павловны, исполнена была знаменитая музыка этой религиозной Песни–обстоятельство, бывшее по–водом к переводу стихов, здесь помещенных».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: март 1838 г.

Примечание к первой публикации стихотворения в Совр. позволяет уточнить некоторые моменты творческой истории этого произведения Жуковского, в частности, дату его создания. Очевидно, что оно было создано в промежутке между 4 марта (дата исполнения «этой религиозной Песни») и 20 марта (дата ц. р. перво–го номера Совр.). В архиве поэта (РНБ, он. 2, № 25, л. 1–2 об.)

сохранилась руко–писная копия параллельного латинского текста молитвы и ее русского перевода под заглавием: «Молитва у Креста». Особенностью этого перевода является его предназначенность для концертного исполнения: весь текст разбит на 7 частей (номеров) с выделением партий хора, трио, арии. Любопытно, что первый стих этого переложения точно совпадает с текстом «Stabat mater» Жуковского.

По всей вероятности, это список с программы для концерта, о которой говорил еще П. А. Ефремов в примечаниях к стихотворению Жуковского: «Недавно нам попалась программа для концерта, напечатанная в 4 д.(олу) л.(иста) в 8 страниц без означения места и времени печатания: „Stabat mater. Музыка Перголези“. В ней только первый стих одинаков с переводом Жуковского» (С 9. Т. 3. С. 517). Скорее всего, об этом исполнении «Stabat mater» говорит в своих «Автобиографических записках» А. О. Смирнова–Россет: «Вел. княгиня Елена, у которой нет слуха, стала вдруг меломанкой, и Львов аранжировал „Stabat mater“ Перголези для оркестра, а известно, что эта вещь была написана великим композитором только для аккомпанемента 4 скрипок. Тем не менее я слушала с большим удовольствием эту трогательную музыку, так полно выражающую страдания Марии, когда она видит своего Сына и своего Бога на кресте» (Смирнова–Россет. С. 559).

Трудно сказать, принимал ли Жуковский участие в создании текста «Молитвы у Креста», но можно высказать предположение, что «Молитва у Креста» была первым вариантом напечатанного в Совр. перевода «Stabat mater». Буквальное совпадение не только первого стиха, но и ст. 12, 25–27, почти реминисцентное переложение хора № 1 и № 4 позволяют говорить об этом. Для наглядности воспроизведем этот текст:

Молитва у Креста

№ 1. Хор.

№ 2. Ария.

Горько плача и рыдая Предстояла пресвятая Богоматерь у креста.

О, как тяжело огорченна и печально сокрушенна, Матерь благодатная,
Душу полную страданья, Сожаленья и стенанья II орал ил ей острый меч.

Ты скорбела и стенала, Над мученьем трепетала Сына – Бога Твоего!

№ –j. Хор (проза). Кто без рыдания и плача воззрит на Матерь Христову в тол и ком сокрушении? Кто возможет без скорби зреть Ея благодатную? – Пред очами Ея Иисус предан орудиям казни за грехи людей своих; – Сладкое чадо изъязвлен по,– скончавастея, и се,– бездыханно.–

^ /щ.

О святая! Мать любви! Влей мне в душу силу скорби, чтоб с тобой я плакать мог;
чтоб к Тому горел любовью, кто своей честною кровью Искупил меня и спас–

№ 5. Хор. Пресвятая! мук терпенье и распятою томленье Мне на сердце впечатлен;
удели мне часть страданий что Твой Сын среди терзаний Смертью крестной заключил.
дай, чтоб слезы сожаленья мог я лить от сокрушенья

до кончины дней моих; чтоб сподобился я ныне об Твоем распятом Сыне разделить
Твой горький плач; Бремя слезного рыданья, Иго тяжкого стенанья несть с тобою
удостой;

>fr 6. Трио. Ты пошли мне смерть Христову, да ностражду, и в сею жизнь пову чрез
нее я нереиду; да мученьем насладиться, Смерть вкусить, Крестом упиться и
вселиться в лучший мир.

№ 7. Хор. Будь святая приснодева, от карающего гнева в день суда моим щитом!
крест да будет мой хранитель, и твоя мне, Искупитель, да сияет благодать; да,
совлекшись уз телесных, я в обителях небесных Славой рая озарюсь. Аминь.

Очевидно, что текст «Молитвы у Креста» для концертного исполнения создавался задолго до 4-го марта, так как необходимы были репетиции оркестра, хора и солистов для его исполнения. Скорее всего, по поручению великой княгини Елены Павловны Жуковский создал его в феврале 1838 г., к годовщине гибели Пушкина. Как известно из документальных источников (письма, записки) и со слов самого Жуковского, Елена Павловна (урожд. Фридерика Шарлотта Мария, принцесса Вюртембергская; 1806–1873; с 1824 г. жена великого князя Михаила Павловича) «очень любила Пушкина» (С 8. Т. 6. С. 17; см. также: Черейский. С. 150; Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980. С. 17–18). В последней из четырех записок Елены Павловны к Жуковскому выражена глубокая скорбь по поводу смерти Пушкина: «Итак, свершилось, и мы потеряли прекраснейшую славу нашего отечества! Я так глубоко этим огорчена, что мне кажется, что во мне соединяются сожаления и его друзей, и поклонников его гения. Тысяча прочувствованных благодарностей Вам, мой добрый г. Жуковский, за заботливость, с которою Вы приучали меня то надеяться, то страшиться. Как она тягостна, эта скорбь, которая нам осталась!» (ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 135).

Всё это позволяет высказать и другое предположение: к годовщине гибели Пушкина «Молитва у Креста» прозвучала как реквием, а публикация стихотворного переложения «Stabat mater» в Совр. стала еще одним цветком Жуковского на его могилу (см. примеч. к стихотворению «Цвет завета»). Очевидна связь этого произведения с текстом пушкинской «Легенды» («Был на свете рыцарь бедный...»), генетически связанной с мотивами и образами поэзии Жуковского (см.: Сураг И. «Жил на свете рыцарь бедный...» М., 1990. С. 42–63). Стихи из «Легенды»: «Возвращаясь в свой замок дальний, // Жил он будто заключен, // И влюбленный и печальный, // Без причастья умер он...» получают в «Stabat mater» свое логическое завершение. Образ Пушкина-бога: «Ты создан попасть в боги-вперед!» (Из письма Жуковского к Пушкину от 1 июня 1824 г. // СС 1. Т. 4. С. 509) обрел новое поэтическое воплощение.

Любопытно, что в РГИА (ф. 797, он. 26, № 195) сохранилась официальная записка от 1856 г. «о недозволении исполнять в концертах стихотворение Жуковского „Stabat mater“, положенное на музыку Львовым».

А. Янушкевич

«Плачь о себе: твоё мы счастье схоронили...»

(С. 307)

Автограф неизвестен.

Впервые: ОЗ. 1840. Т. 12. №9–10. Отдел «Критика». С. 15 – эпиграф к статье «Сочинения в стихах и прозе графини С. Ф. Толстой» – с подписью: «В. Жуковский», без двух последних стихов.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, с добавлением двух последних стихов по С 7 (Т. 2. С. 138–с указанием: «но подлинной рукописи»). Датируется: конец апреля 1838 г.

Написано на смерть писательницы, графини Сарры Федоровны Толстой (1821–1838), дочери графа Ф.И. Толстого-Американца и его жены, цыганки А. М. Тугаевой. В библиотеке поэта сохранился экземпляр ее «Сочинений в стихах и прозе», о которых идет речь в статье ОЗ (см.: Описание. №405). Ранняя смерть и незаурядное дарование определили трагизм судьбы Сарры Толстой в восприятии современников. Она умерла 24 апреля, что и позволяет датировать стихотворение, находившееся в составе письма к отцу, графу Ф. И. Толстому, концом апреля 1838 г., так как в самом начале мая Жуковский уехал с наследником в заграничное путешествие. Скорее всего, письмо к Ф. И. Толстому с выражением соболезнования и стихотворной эпитафией было направлено сразу же после получения известия о смерти его дочери.

Образ Сарры Толстой еще при жизни вызывал противоречивые оценки. А. С. Пушкин в письме к жене от 4 мая 1836 г. сообщал: «Видал я свата нашего Толстого, дочь у него также почти сумасшедшая, живет в мечтательном мире, окруженная видениями, переводит с греческого Анакреона, и лечится (Гомеопатически» (Пушкин. Т. 16. С. 111). А. И. Герцен вспоминал: «Я лично знал Толстого и именно в ту эпоху, когда он лишился своей дочери Сарры, необыкновенной девушки, с высоким поэтическим даром» («Былое и думы». Ч. 2. Гл. 14). И впоследствии этот образ приобрел почти легендарный характер. По замечанию Ю. М. Лотмана, это «одна из наиболее ярких личностей XIX в.» (Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 238).

Репутация ее отца, графа Федора Ивановича Толстого (1782–1846), прозванного «Американцем», фрондера, вольнодумца, дуэлянта, бретера, картежника и распутника, история его приключений, взаимоотношений с А. С. Пушкиным и А. С. Грибоевым вызвали также разные толки. Пожалуй, наиболее точно при роде его противоречивости определил еще в 1818 г. П. А. Вяземский: «На свете нравственном

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhи загадка» (Вяземский. Т. 3. С. 161). О нем подробнее см.: Черейский. С. 438–439; Толстой С. Л. Федор Толстой Американец. [М.,] 1926; Розанова С. Лев Толстой и графиня и на // Вл. 1997. Май–июнь. С. 165–172. Смерть дочери потрясла его. «Он всё еще очень печален, кажется, будто бы время не приносит никакого облегчения его горю...» (Из письма гр. А. И. Остен-Сакен к Т. А. Ер-гольской от 31 июля 1838 г. // Толстой С. Л. Указ. соч. С. 75).

Жуковский не разделял тех представлений о Толстом, которые находили отражение в многочисленных эпиграммах и анекдотах. После смерти Ф. И. Толстого он писал А. Я. Булгакову: «В нем было много хороших качеств, мне лично были известны одни только эти хорошие качества; всё остальное было ведомо только по преданию; и у меня всегда к нему лежало сердце; и он всегда был добрым приятелем своих приятелей» (С 7. Т. 6. С. 572). В неопубликованном московском дневнике Жуковского (запись от 20 (1) декабря 1840 г.) читаем: «В Американце грусть по Сарре и важное движение человека; кажется, он воскрес или воскресает» (РГАЛИ, он. 1, № 37, л. 81).

Эти высказывания Жуковского о Федоре Толстом во многом определяют тон его послания.

А. Янушкевич

Посвящается нашему капитану «Геркулеса»
(«Тише, ветер, тише, волны!..») (С. 307)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1877. Т. 2. №7. С. 368–с датой: «Мая 28-го 1838 года» и под-писью: «Жуковский».

Печатается по тексту первой публикации. Датируется: 28 мая 1838 г.

В примечании к первой публикации стихотворения в РА издатель журнала П. Бартенев пишет: «Стихи эти сообщены в Русский Архив г. Шульцом, списав-шим их с своеручного подлинника из альбома вице-адмирала Сергея Петровича Тыринова [sic!], который в 1838 г. командовал пароходом „Геркулес“. На парохо-де этом Жуковский плыл из Швеции в Россию. П. Б.» (РА. 1877. Т. 2. № 7. С. 368). В С 7 (Т. 5. С. 549) П. А. Ефремов, опубликовав это стихотворение по тексту РА, фамилию командира «Геркулеса» называет «Тыранов», а в С 10 (С. 330) он превра-щается в Сергея Ивановича Тыранова.

К сожалению, никаких сведений об адресате стихотворения-посвящения най-ти не удалось. Правда, в «Некрополе Крымского полуострова» В. И. Черноиятова (М., 1910. С 291) упоминается вице-адмирал Сергей Петрович Тыртов (ум. 10 ян-варя 1903), но вряд ли есть основания для его идентификации с командиром «Геркулеса». Дневниковая запись от 28 мая (9 июня) 1838 г. достаточно скупо передает впе-чатления того дня, когда было написано стихотворение: «День прояснился и был весь хорош. Прошли мимо Готланда. Ввечеру пение: Боже, царя храни, хор Мен-шикову. Образчик любви к поэзии (...))» (Дневники. С. 381. Курсив мой.–А. Я.). По всей вероятности, последняя фраза косвенно намекает на историю создания по-священия: капитан «Геркулеса» обратился к Жуковскому с просьбой написать в его альбом.

Кроме того, дневниковая запись позволяет внести уточнение в примечание из-дателя РА: пароход плыл не из Швеции в Россию, а из Штеттина (Германия) в Швецию, где предстояла встреча с Николаем I и его свитой.

А. Янушкевич

«Ведаю прошлое, видя грядущее, скальд вдохновенный...»
(С. 307)

Автограф (пд. №27769, л. 1)–беловой, на отдельном листке бумаги, с подписью:

«Жуковский» и датой: «Стокгольм. 1838». При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Стихотворения. Т. 2. С. 276–с примечаниями Ц. С. Вольне (С. 539–540).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 29 мая – 3 июня 1838 г.

Основанием для датировки стихотворения являются дневниковые записи Жу-ковского, рассказывающие о его пребывании в столице Швеции в 1838 г. В соста-ве свиты великого князя Александра Николаевича он прибыл в Стокгольм 29 мая (10 июня) и пробыл там до 3 (15) июня (Дневники. С. 382–387). В течение почти недели (с воскресенья до пятницы) он не только участвовал как наставник вели-кого князя в придворных ритуалах (встречи с шведским королем Карлом XIV Бернадотом, королевой, кронпринцем Оскаром, кронпринцессой, обеда), но и знакомился с нравами, обычаями, природой, культурой Швеции. Прозаические «Очерки Швеции» стали воплощением этих наблюдением.

Поэтическим отзвуком шведского путешествия явилось шестистишие, напи-санное сочетанием гекзаметров с пентаметрами и отражающее стихотворные по-иски Жуковского 1830–х гг. на его пути сближения поэзии и прозы. Источником стихотворения стал поэтический текст на шведском языке, написанный рукою

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh Жуковского en regard с переводом. Приводим его целиком; с сохранением

орфо-графии автографа:

Stalid mellan samtiden och efterverlden Ar scalden med sin evigt grona krans.
Han vager obersticken, mensiors varden, Och skonast, af all! jordisk lof
arhans. Toi sangers trollstaf oppnas jordens grifter, Och hjettan lefver oini
Sea Id ens svrifter.

Собеседником Жуковского в Стокгольме с 1 по 3 июня был шведский поэт и драматург, секретарь Стокгольмской Академии наук Бернгардт фон Бесков (1796–1868). В библиотеке поэта сохранились его многочисленные сочинения на шведском и немецком языках, в том числе известная трагедия «Эрик XIV» (Описание. № 651–656), но среди них приведенного выше шестистишия не оказалось. Не удалось его обнаружить и в других произведениях шведских писателей, находящихся в библиотеке Жуковского (А. Богэрс, Э. Тегнер, Х. Грае и др.). Поэтому вопрос об источнике перевода остается открытым.

А. Янушкевич

ЭОЛОВА АРФА

I. Могила II. Любовь

III. К младенцу

IV. Утешение

V. К сестрам и братьям VI. Жалоба VII. Тоска VIII. Стремление

(С. 308)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, №26, л. 120–121 об.–черновой.

2) РНБ, он. 1, №26, л. 122, 123 –беловой. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 67–70.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: предположительно конец 1838 г.

Все восемь стихотворений представляют определенное поэтическое единство.

Записанные в двух отдельных сшитых тетрадях из 14 л. с оборотами, где заполнены лишь л. 120, 120 об., 121, 121 об., 122, 122 об., 123 (тетрадки являются частью большого архивного конволюта со сплошной нумерацией листов), они имеют общее заглавие «Эолова арфа», строгую последовательность, которую обретают в процессе работы над текстом.

Черновой автограф, представляющий самостоятельную рукопись – перегну-тый пополам листок такой же серой бумаги (25x40 см.), что и в беловом автографе, воссоздает процесс собирания текстов воедино. Черновые варианты будущих стихотворений:

«Жалоба», «Тоска» и «Стремление» еще не имеют заглавия, отсутствуют три первых стихотворения: «Могила», «Любовь», «К младенцу». Не определена

последовательность текстов. Вошедшим в окончательный текст «Эоловой арфы» пяти стихотворениям предшествуют зачеркнутые наброски иод заглавием: «Цветок в долине» (л. 120) и «Музыка» (л. 120 об.). Последний набросок особенно интересен для создания общей атмосферы будущего цикла, поэтому приведем его целиком:

Музыка

Тебе хвала, тебе благословенье, Волшебница с небесной красотой, Пролей мне в душу вдохновенье, Согрей меня поэзии мечтой! Дай мне вкусить твоих очарований, В гармонию мне душу обрати...

Публикуя впервые текст стихотворений в «Отчете ими. Публичной библиотеки за 1884 г.» (Бумаги Жуковского), И. А. Бычков не дает прямой датировки, но в

описании рукописи-конволюта, включающей автографы Жуковского разных лет, он обращает внимание на окружение «Эоловой арфы» – произведения 1827–1828 гг.

Последующие публикаторы этих стихотворений (А. С. Архангельский, Ц. С. Вольпе, И. М. Семенко и др.) не печатали их как поэтическое единство, с общим заглавием, нередко вычлняя отдельные стихотворения. Так, Ц. С. Вольпе, публикуя стих.

«Стремление», замечал: «В этой тетради [имеется в виду руко-пись РНБ] Жуковский написал ряд аналогичных „Стремлению“ лирико-философ-ских фрагментов, видимо, предполагая написать целый цикл стихотворений по-добного характера. „Стремление“ можно рассматривать как попытку Жуковского перенести в русскую поэзию жанр гномических стихотворений, в той его транс-крипции натурфилософских фрагментов, которую создали немецкие романтики (Гёте и др.)» (Стихотворения. Т. 2. С. 537).

Традиционно во всех изданиях эти стихотворения относили к 1828 г. Правда, в СС 1 (Т. 1. С. 394–395), публикуя три текста: «Любовь», «Тоска» и «Стремление», В.

П. Петушков без всяких объяснений датировал их написание «предположительно, 1838 г.» (Там же. С. 467–468). Но уже в СС 2 И. М. Семенко (Т. 1.

С. 304–306), приведя всю подборку целиком, возвратилась к прежней датировке: «предположительно, в 1828 г.» (Там же. С. 416).

Между тем очевидно, что стихотворная подборка «Эолова арфа» не могла быть написана раньше 1837 г. Все тексты (и черногового и белового автографов) написаны на бумаге с водяным знаком «J. whatman Turkey mill. 1837». На этой бумаге

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Жуковский пишет во время своего заграничного путешествия мая 1838 – июня 1839 гг. Скорее всего, к концу 1838 г. и были созданы эти стихотворения, так как произведения, написанные позднее, Жуковский, как правило, упоминал в дневнике. Может быть, у них был какой-то иностранный источник, установить кото-рый пока не удалось, но показателен сам путь Жуковского к циклизации лирики в конце 1830-х гг. (об этом см.: Янушкевич. С. 216–233; Реморова Н. Б. К вопросу о лирическом цикле у В. А. Жуковского// ПМЖ. Вып. 8. Томск, 1982. С. 38–51)

А. Янушкевич

1839

В Сардамском домике

(«Над бедной хижиню сей...») (С. 312)

Автограф (ПД. № 2771ъ, л. 1) – белой, с заглавием: «В Сардамском доми-ке (Вел. князю Александру Николаевичу)». При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: РА. 1867. № 11. Стб. 1398–без заглавия. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой но автографу. Датируется: 5 (17) апреля 1839 г.

Стихотворение «В Сардамском домике» было своеобразным прологом к харак-теристике Петра I в послании «Поэту Ленепису...» Атмосферу создания этой ми-ниатюры Жуковский описал в письме к императрице Александре Федоровне из Гааги от 17 (29) апреля: «... при взгляде на лачужку, где жил Петр Великий, сле-зы полились из глаз моих и нам в эту минуту стало понятно, почему между чувст-вами, проходящими но душе человеческой, одно из самых сладких есть благодар-ность Государю за отечество; оно именно потому так сладко, что оно совершенно бескорыстное. (...) Петра Великого давно нет, и его Сардамский домик чуть дер-жится, но это место для русского имеет очарование невыразимое...» (Памяти Жу-ковского. Вып. 1. С. 44–45).

И позднее, в письме великому князю Константину Николаевичу от 5 (17) сен-тября 1841 г. он разовьет эти мысли: «Ваша правда: маленький домик Петра Ве-ликого в Сардаме есть святыня: в него, как вы говорите, всякий, даже и не рус-ский, входит как в церковь, в которой, хотя она в развалинах, ощутительно при-сутствие божественного. Я помню минуты, которые провел я один в этой низень-кой хижине, сидя с каким-то страхом благоговения на том месте, на котором си-дел некогда наш Петр с великими мыслями о России. Мне как будто казалось, что величественная тень его стояла надо мною. Стихи, мною написанные, не выража-ют того, что в эту минуту было у меня в голове и в сердце и от чего спиралось ды-хание в груди моей. Но они останутся памятником минуты, важной для России, минуты, в которую правнук Петра пришел на поклонение освященному им мес-ту» (С 7. Т. 6. С. 350). Тема Петра I, его преобразовательной деятельности занимала Жуковского по-стоянно, но, пожалуй, особенно активизировалась в конце 1830-х–1840-х гг. Два месяца спустя после написания стихотворения, по возвращении в Россию, Жуков-ский, любясь отстроеным после пожара 1837 г. Зимним дворцом, писал: «... со-вершенный образец России: огромно, без точности, без общей связи, выражение одной общей воли, которая, повелевая, рабствует. Во всех мелочах отражает тот характер, который дал России Петр Великий: скорей во что бы то ни стало. Мы не идем вперед, а скачем от пункта к пункту, вперед ли, назад ли–все равно» (за-пись от 27 июня 1839 г.–Дневники. С* 500–501).

В письмах, статьях, дневниковых записях, в записной книжке «Мысли и заме-чания», рассуждая о путях развития России, Жуковский в 1840-е гг. все время ог-лядывается назад. Если в письме к великому князю Константину Николаевичу от 5 (17) сентября 1841 г. Жуковский характеризует Петра I как представителя «зи-ждущей силы», который вспахал дикую почву России и засеял ее семенами, дав-шими уже богатую жатву (С. 7. Т. 6. С. 350), то иод впечатлением событий евро-пейской революции 1848 г. в письмах наследнику, в статье по поводу стихотворе-ния Вяземского «Святая Русь» он говорит об особом пути России и резюмирует: «Для меня теперь стало еще яснее, что ход России не ход Европы, а должен быть ее собственный; это говорит нам вся наша история, вопреки тому насилию, кото-рое сделала нам могучая рука Петра, бросившая нас на дорогу нам чуждую» (письмо к наследнику от 4 июня 1848 г.–С. 8. Т. 6. С. 554).

В «Татевском сборнике С.А. Рачинского» (СПб., 1899) Жуковскому приписано стихотворение «Петр Великий»:

В почтенъ к должности ему подобных нет: К го назвал Великим свет За то, что с высоты властительного трона, Нсподсуднмын, Он был верный раб закона – со следующим примечанием: «Сообщено Е. В. Сабуровою. Печатается с листка, писанного рукою графа И. М. Вьельгорского и переданного на память, его пле-мяннице Е. В. Сабуровой Н. К. Мердером» (С. 83). Как установлено, «это стихо-творение послужило надписью к бюсту Петра, подаренному Жуковским наслед-нику к Новому 1829 году. В ответ великий князь (...) поднёс ему накануне дня ро-ждения собственный список этого стихотворения с надписью: „Моему бесценному Василию Андреевичу Жуковскому, 28-го генваря 1829. Александр” (ПД. №

849)». – Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 108. Примеч. 64.

Стихотворение «В Сардамском домике», обращенное к великому князю, имело воспитательный характер, продолжая русскую традицию «урока царям».

А. Янушкевич

Поэту Ленепсу, в ответ на его послание ко мне, писанное на случай посещения Сардама Е. И. В. Великим Князем наследником цесаревичем

(«Певец Батавии! с радушием приемлю...») (С. 312)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, №26, л. 50 об. – 50 – черновой, на отдельном листе плотной белой бумаги, с обратной нумерацией архивных листов и заглавием: «Поэту Ленеи-су в ответ на его послание», без даты.

2) РГБ, ф. 371, к. VI. 10 – белой, с датой: «1839, апреля 11/23». Впервые: УЗ, альманах на 1840 год, изданный В. Владиславлевым. СПб., 1840. С. 440–442 – с заглавием: «Поэту Ленепсу, в ответ на его послание ко мне, писанное на случай посещения Сардама Е. И. В. Великим Князем наследником цесаревичем» и подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 11 (23) апреля 1839 г.

Стихотворение написано во время путешествия Жуковского в свите наследника великого князя Александра Николаевича в Голландию в апреле 1839 г. и обращено к голландскому поэту и драматургу Якобу ван Леннепу (van Lenner; 1802–1868). 8 (20) апреля Жуковский во время пребывания в Амстердаме записывает в дневнике: «Поэт Ленепс» (Дневники. С. 483). Через три дня, 11 (23) апреля, уже в Гааге фиксирует: «Сочинял стихи Ленепсу, которые прочитал с удовольствием Толстому» (Там же. С. 484). Именно эту дату поставил он на белом автографе послания.

Неправильное написание фамилии адресата Жуковский сохраняет в тексте первой и единственной прижизненной публикации.

Как явствует из дневника, в Саардаме, о котором идет речь в стихотворении, Жуковский был 5 (17) апреля (Дневники. С. 481), где, видимо, получил послание от Леннепа.

Ст. 1. Певец Батавии!.. – Латинское название Голландии.

Ст. 7. В сардамской хижине Великий Царь таился... – В 1697 г. в голландском городе Саардаме жил и учился корабельному искусству Петр I.

Ст. 15. И ныне правнук молодой... – Речь идет о великом князе Александре Николаевиче, посетившем во время своего путешествия Сардамский домик Петра (см. примеч. к стих. «В Сардамском домике»).

Сельское кладбище Элегия второй перевод из Грея

(«Колокол поздний кончину отшедшего дня возвещает...»)

(С. 314)

Автограф неизвестен. К о п и и:

1) РНБ, он. 1, №26, л. 51–54 об. – авторизованная, рукою А. И. Тургенева – с прозаическим предисловием (см. ниже).

2) РГАЛИ, ф. 11 (Аксаковы), №4, л. 1–4 – рукою А. И. Тургенева (ст. 1–117).

3) ПД. № 27812 – авторизованная корректура для С 5.

Впервые: Совр. 1839. Т. 16. С. 216–226 – с заглавием: «Сельское кладбище. Греева элегия», с авторским предисловием, тремя рисунками и комментарием к ним, с подписью: «В. Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 5 (Т. 5. С. 323–328) – с заглавием: «Сельское кладбище. Элегия (второй перевод из Грея)», в подборке стихотворений 1838 г.

Датируется: 17 (29) мая – 23 июля ст. ст. 1839 г.

Время создания своего произведения Жуковский означил совершенно точно. Второй перевод элегии Т. Грея «Сельское кладбище» Жуковский начал во время путешествия в Англию. 17 (29) мая он посетил кладбище Stock Poges, недалеко от Виндзора,

вдохновившее Грея написать элегию: здесь впоследствии он и был похоронен. В дорожном блокноте Жуковский нарисовал план кладбища, переписал некоторые надгробные надписи, сделал четыре карандашных рисунка (РНБ, он. 2, №61, л.

33–37), три из которых поместил в Совр. при первой публикации элегии, сопроводив их следующим примечанием: «Здесь прилагаю три рисунка, снятые мною с

натуры. На первом изображено кладбище, „Где под навесом нагнувшихся вязов... // Спят непробудно смиренные предки села...“; на втором изображена описанная Греем башня, „Пышно плющом украшенная“; третий рисунок представляет памятник,

воздвигнутый Грею, неподалеку от воспетого им кладбища, которого церковь, башня и густые деревья видны в отдалении» (Совр. 1839. Т. 16. С. 226).

Дата посещения кладбища заключает прозаическое предисловие, предпосланное переводу: «Греева элегия переведена мною в 1802 году и напечатана в „Вестнике

переводу: «Греева элегия переведена мною в 1802 году и напечатана в „Вестнике

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh Европы", который в 1802 и 1803 году был издаваем Н. М. Карамзиным. Это мое первое напечатанное стихотворение. Оно было посвящено тогда Андрею Ивановичу Тургеневу [в С 5 – примечание: „Он умер в 1803 году“]. Находясь в мае месяце 1839 года в Виндзоре, я посетил кладбище, подавшее Грею мысль написать его элегию (оно находится в деревне Stock Poges неподалеку от Виндзора); там я перечитал прекрасную Грееву поэму и вздумал снова перевести ее как можно ближе к подлиннику. Этот второй перевод, почти через сорок лет после первого, посвящаю Александру Ивановичу Тургеневу [примечание в С 5: „И его уж нет“] в знак нашей с тех пор продолжающейся дружбы и в воспоминание о его брате».

Но работа над переводом продолжалась и после, уже по возвращении в Россию. Запись в дневнике: «23 [июля], воскресенье. Поутру кончил Грееву элегию» (Дневники. С. 502) определяет финальную точку в работе над вторым переводом элегии в 1839 г.

Перевод 1839 г., как уже сказано в предисловии, был посвящен Александру Ивановичу Тургеневу, много способствовавшему вместе с П. А. Вяземским тому, чтобы состоялось путешествие и непосредственное знакомство Жуковского с Англией как передовой страной Европы и родиной Байрона (ОА. Т. IV. С. 25, 39, 70–71). Посещение Жуковским Греева кладбища пришлось на конец английско-го путешествия, и обращение поэта к созданию нового перевода было продиктовано не только впечатлениями от Греевой могилы и воспоминаниями об Андрее Тургеневе. Возвращение к Грею питалось глубокими раздумьями о путях развития европейской цивилизации, об истории и современности Англии, о соотношении буржуазного прагматизма и духовных ценностей, о своеобразии английской поэзии, открывшей мир человеческих чувств. Светлая элегическая тональность перевода выражала память о Пушкине, похороненном на «сельском кладбище» в Михайловском и вводила в перевод элегии Грея контекст пушкинских размышлений о «смирненном кладбище», о жизни и смерти.

Перевод 1839 г. отчетливо проявил своеобразие философской позиции Жуковского: «нелюбовь к жизни» (Топоров. С. 235), мужественное осознание неизбежного расставания с «этой земной, милой, смутной жизнью» и утверждение достоинства человека как высшей ценности и залога его бессмертия, вечной связи между миром живых и усопших.

Новизна перевода – стремление, по словам поэта, «как можно ближе к подлиннику» – сказалась в усилении эпической структуры произведения, что соответствовало тенденции художественного развития Жуковского конца 1830-х гг.: «на смену лиризму несенного типа, характеризующемуся предельной обобщенностью эмоций, приходит более детализированное описание чувства» (Янушкевич. С. 230). Резко уменьшается объем «сладостной» и субъективной лексики: «звучный гул рогов», «звон унылый», «рог унылый» перевода 1802 г. заменяется на «отзывный рог», «рог удаленный». В процессе работы над переводом и подготовки его к печати просматривается тенденция к снятию повышенной чувствительности: «сладостно-светлый» заменяется на «радостно-светлый», «тайная печать» на «знаки», «сладостный лепет» на «сладкий ласкательства лепет», «украшенной башни» на «обвитой башни». Сильнее, чем в переводе 1802 г., развивается эпическая традиция повествования Грея, ориентированная на античность: часто используется конструкция с определениями, стоящими за определяемым словом («колокол поздний», «тишина торжественная», «прах смиренный»), текст насыщается развернутыми причастными и деепричастными оборотами, двухсложными эпитетами и трехсложными определениями. Меняется размер: вместо 6-стихного ямба используется гекзаметр, придающий повествованию неторопливость, размеренность, простоту и колорит старины. Особую значимость приобретает во втором переводе бытовая деталь, соединяющая поэтическое и прозаическое, романтическое и сентиментальное начала. По точному замечанию исследователя, «в „Сельском кладбище“ 1839 г. многолетний поэтический опыт Жуковского, да и целой эпохи, оказался синтезирован и использован для нового воспроизведения или, как говорил Пушкин, для пересоздания элегии Томаса Грея» (Эткинд. С. 73).

В письме к П. А. Вяземскому от 5 (17) июня 1839 г. А. И. Тургенев писал: «С Жуковским провел я несколько приятных душевных минут, но только минут; они повеяли на меня прежним сердечным счастьем, прежней сердечной дружбою. Этому способствовал и его новый перевод Греевой элегии гекзаметрами, которую он продиктовал мне и подарил оригинал руки его, на английском оригинале написанный. Я почти прослезился, когда он сказал мне, что так как первый посвящен был брату Андрею, то второй, через 40 лет хочет он посвятить мне. (...) Перевод Жуковского гекзаметрами сначала мне как-то не очень понравился, ибо мешал воспоминанию прежних стихов, кои казались мне почти совершенством перевода; но Жуковский сам указал мне на разницу в двух переводах, и я должен признать в последнем более простоты, возвышенности, натуральности и,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh следова-тельно, верности...» (ОА. Т. IV. С. 74–75). Два экземпляра первой публикации (оттиски из Совр.) сохранились в библио-теке поэта (Собрание ПД; см.: Описание. №2517). В одном из них Жуковским пе-ренумерованы строки по пятистишиям; в другом – вырезано прозаическое пре-дисловие и рукою Жуковского сделаны поправки в тексте.

Э. Жилыкова

Бородинская годовщина

(«Русский царь созвал дружины...») (С. 317)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, № 26, л. 55–59 об.–беловой.

2) РГАЛИ, ои. 1, №4, л. 1–4–беловой. Впервые:

1) Бородинская годовщина. М., 1839–с обозначением авторства В. Жуковско-го и датой: «Бородино. 26 августа 1839», без ст. 73–88.

2) Совр. 1839. Т. 16. Отд. VI. С. 205–213–с подписью: «В. Жуковский» и да-той: «Бородино. 26 августа 1839».

В прижизненных изданиях: С 5 (Т. 5. С. 329–337, с датой: «1839»). Датируется: 26–28 августа 1839 г. (ст. 73–88 написаны между 29 августа и 5 сентября).

Датировка стихотворения основывается на дневниковых записях Жуковского: «25. Приезд в Бородино»; «26. Бородинский праздник»; «27. Возвращение в Моск-ву», «28. Кончил песню. Печатание» (Дневники. С. 504).

26 августа 1839 г. на Бородинском поле, в день 27-летней годовщины сраже-ния с наполеоновскими войсками, состоялось торжественное открытие памятн-ка, водруженного на месте, где находилась батарея генерал-лейтенанта Н. Н. Ра-евского.

29 августа Жуковский срочно, ко дню именин цесаревича Александра Нико-лаевича (30 августа), выслал ему из Москвы в Бородино уже напечатанное стихо-творение со следующим подробным комментарием к нему: «Посылаю Вашему Высочеству подарок в день вашего ангела–стихи на праздник Бородинский, Бо-родинскую песню, Бородинскому помещику. Праздник, данный войску госуда-рем, был так поразителен, что я не мог не тряхнуть стариною. Под стихами стоит 26–е число недаром: я начал их тотчас по возвращении из лагеря в городок, кончил дорогою и теперь бью вам ими челом. Прошу вас поднести один экземпляр Государю Императору. В конце стихов моих несколько выражений взяты из пре-красного, сильного приказа, данного войску; там, в немногих словах, сказано бо-лее, нежели во всех двадцати строфах моих. Я хотел описать и то, что видел преж-де, и то, что видел теперь, и притом помянуть о случившемся в промежутках Бо-родинской битвы и Бородинской годовщины. Но выразить величие того зрели-ща, которое нас всех поразило, никакие стихи не могут: нельзя втеснить в слова той земли, политой русской кровью, на которой мы и стопятидесятитысячная ар-мия стояли и которая так красноречиво говорила своим прахом – прахом слав-ных воинов–и в минуту тишины повсеместной, в минуту молебственного пения, и в минуту великого слова: вечная память царю Александру, и в минуту того не-слыханного ура, которое вдруг, со всех сторон, так чудно загремело, как будто вся Россия поднялась и в один голос крикнула: слава!» (С 8. Т. 6. С. 401–402).

5 сентября 1839 г. Жуковский написал великой княгине Марии Николаевне подробный отчет о Бородинском празднике: «Теперь на Бородинском поле была картина иная. Батареи на высотах исчезли; но ним переливается жатва, и один монумент Бородинский ими владествует. Только там, где так храбро бился Во-ронцов, потерявший здесь почти всех людей своих, где погиб Тучков, не отыскан-ный между мертвыми, остались признаки укреплений; но они служат подножием церкви, построенной вдовою Тучкова на месте гибели ее мужа, а вместо пушек, тогда здесь гремевших, являются тихие кельи монахинь. (...) Возвратясь из лаге-ря, я в тот же вечер написал половину моей новой Бородинской песни, на другой день на переезде из Бородина в Москву кончил ее; она была немедленно напеча-тана; экземпляры отосланы в лагерь, эта песня прочитана была в армии на празд-нике Бородинского помещика» (Там же. С. 44, 46–48). «Список с этого письма,– продолжал Жуковский,– я посылаю к Плетневу для напечатания вместе с моею Бородинскою песнею. Если Ваше Высочество позволите, это письмо может служить весьма приличным предисловием к моей песне» (Там же. С. 616).

В Совр. «Бородинская годовщина» была опубликована вкупе с отрывком из письма к Марии Николаевне и включала две новых строфы (ст. 73–88), написан-ные явно между 29 августа и 5 сентября, то есть между письмами к цесаревичу и к великой княгине. В эти дни А. А. Елагин указал Жуковскому «на пропуск Ерма-лова и Давыдова в этих „поминках"». (...) И Жуковский оправдывался тем, что на них дурно смотрят при дворе» (С 8. Т. 6. С. 628). Д. В. Давыдову он все же по-святил целую строфу, а А. П. Ермолов не был упомянут, вероятно, как здравст-вующий.

Стихотворение Жуковского и брошюра генерал-майора И. Н. Скобелева «Письмо из Бородина от безрукого к безногую инвалиду» подвигли В. Г. Белин-ского на

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

написание монархической статьи. Впрочем, о «знаменитом поэте, лавро-венчанном ветеране нашей поэзии» Белинский сказал только в самом конце: «„Бородинская годовщина" есть новая песнь певца русской славы, который в го-дину великого испытания, родившего настоящее торжество, был органом славы падшим и подвизавшимся героям великой драмы и в котором лета не охладили поэтического жара. Конечно, как стихотворение, обязанное своим появлением не прихотливому порыву фантазии, а навеянное современным событием и ограни-ченное во времени своего появления, – оно не должно подвергаться в целом стро-гой критике, – но в нем много сильных и прекрасных строф и стихов, которые нельзя читать без умиления, а недостаточность других вознаграждается поэзией содержания. Не говоря уже о таланте поэта, само торжество на месте торжества, сама местность, вся дышащая воспоминанием, – не могли не родить поэзии од-ним простым своим представлением» (Белинский. Т. 3. С. 249).

Позже, в статье «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского» П. А. Плетнев пи-сал: «Стихи „Бородинской годовщины" можно уподобить самому торжественному Requiem, погружающему душу в созерцательную меланхолию. Перед мысленным взором вашим в стройном шествии являются те незабвенные лица, те чудные со-бытия, которыми увековечена память 1812 года. Встреча с ним не приводит нас в радостный трепет, как в „Певце", но вызывает из глубины души тихое благогове-ние и слезы благодарности» (Переписка. Т. 3. С. 110). А К. К. Зейдлиц вспоминал, что «нечаянные события всегда делали на душу Жуковского глубокое впечатле-ние, и если он, повинувшись такому волнению, наскоро набрасывал свои мысли на бумагу, то стихи его выходили особенно удачными. Так и новая „Бородинская го-довщина" поражает свежестью картины и верностью передачи общего настрое-ния. Пусть французские историки приписывают себе победу на Бородинском по-ле, но в словах русского певца, как на мраморном памятнике, изображена исти-на...» (Зейдлиц. С. 167).

Ст. 7. Войско целое легло... – Число погибших русских воинов в Бородинском сражении составило 44 тысячи (неприятельских – 58 тысяч).

Ст. 21. Мирных инокинь обитель... – примеч. Жуковского: «Спасо-Бородинский монастырь, основанный близ села Семеновского вдовой генерала Л. Л. Тучкова на той ба-таре, где он убит, сражаясь храбро. Тело его не было отыскано. Все кости, найденные на сем месте, были зарыты в одну могилу, над которою теперь возвышается церковь, и в той церкви гробница Тучкова».

Александр Алексеевич Тучков (1777–1812), генерал-майор, командир пехот-ной бригады, погиб во время контратаки. Церковь Спаса Нерукотворного с гроб-ницей А. А. Тучкова была освящена в 1820 г., а в 1833 г. М. М. Тучковой здесь был основан монастырь, где постриглась и она сама.

Ст. 38–40. И серебряной медали ~ Не видать уж ни на ком... – Здесь говорится лишь о рядовых, а не об офицерах. На медали Александр I велел сделать надпись: «Не нам, не нам, но имени Твоему» (см.: Пс 78: 9; Иер 14: 7).

Ст. 46–47. ...и рать в отчизну II Проводивши... – Русская армия покинула фран-цию в 1818 г.

Ст. 49. Где Смоленский, вождь спасенья?... – Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745–1813), светлейший князь Смоленский, генерал-фельдмаршал, с 20 августа 1812 г. главнокомандующий действующими армиями, скончался во время заграничного похода.

Ст. 50–51. Где герой, пример смиренья, II Введший рать в Париж, Барклай?... – Ми-хаил Богданович Барклай де Толли (1761–1818) – с 1810-го по сентябрь 1812 г. военный министр, с 1812 г. генерал от инфантерии, командующий 1-й Западной армией. В Бородинской битве как командующий 1-й армией руководил центром и правым крылом. С 1813 г. командующий 3-й Западной армией, с мая 1813-го – русско-прусскими войсками, вошедшими в Париж 19(31) марта 1814 г., с 1814-го – генерал-фельдмаршал и граф, с 1815 г. князь.

Ст. 52–56. Где... ~ Коновницын, ратных честь?... – Петр Петрович Коновни-цын (1764–1822) – генерал-лейтенант, командующий пехотной дивизией. В Бо-родинской битве командовал корпусом. С сентября 1812 г. дежурный генерал Главного штаба. С 1817 г. генерал от инфантерии, в 1815–1819 гг. военный ми-нистр, с 1819 г. граф и член Государственного совета.

Ст. 57–61. Неподкупный... ~ Где Раевский?... – Николай Николаевич Раевский (1771–1829) – генерал-лейтенант, командующий пехотным корпусом. В Бородин-ской битве командовал центральным укреплением. С 1813 г. генерал от кавале-рии, с 1826 г. член Государственного совета.

Ст. 61–64. ...Витязь Дона... ~ Где наш Вихорь-атаман?... – Матвей Иванович Платов (1751–1818) – генерал от кавалерии, с 1801 г. атаман Войска Донского, в 1812–1814 гг. командир казачьих полков (см. также примеч. к стих. «Певец во стане русских воинов»).

Ст. 65–69. Где наездник, вождь летучий ~ Наш Роланд и наш Баярд, II

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh Милорадо-вич?..– Михаил Андреевич Милорадович (1771–1825)–генерал от инфантерии. В Бородинской битве командовал правым крылом 1-й Западной армии. С 1813 г. граф, с 1818 г. военный губернатор С.-Петербурга. Убит во время декабрьского бунта 1825 г. Жуковский сравнивает его со знаменитыми героями Средневековья: франкским маркграфом Роландом (погиб в 778 г.), героем «Песни о Роланде», и французским полководцем Пьером дю Терайлем Баярдом (1476–1524), получившим прозвище «рыцарь без страха и упрека».

Ст. 69–72. ... Где славный II Дохтуров, отвагой равный II И в Смоленске на стене, II И в святом Бородине?..–Дмитрий Сергеевич Дохтуров (1756–1816)–генерал от инфантерии, командующий пехотным корпусом. 5 августа 1812 г. (совместно с П. П. Коновницыным) под обстрелом удерживал Малаховские ворота Смоленска, оставив город лишь после приказа. В Бородинской битве командовал центральным участком, а после ранения П. И. Багратиона–2-й Западной армией, то есть левым крылом.

Ст. 74–75. В бое зрев погибель сына, II Рано Строганов увял...– Речь идет о графе Павле Александровиче Строганове (1774–1817), с 1814 г. генерал-лейтенанте, ко-мандующем пехотным корпусом, и его сыне–Александре Павловиче Строганове (1794–1814), убитом иод французским городом Краоном. По утверждению ме-муариста, гибель сына он, находившийся неподалеку, не видел (Греч Н. И. Запис-ки о моей жизни. М., 1990. С. 325).

Ст. 76. Нет Сен-Прц Ланской наш пал...– Эммануил Францевич Сен-При (1776–1814), граф, генерал-майор, начальник штаба 2-й Западной армии. В Бо-родинской битве был контужен. С октября 1812 г. командующий пехотным корпусом, генерал-лейтенант. Убит под Реймсом. Сергей Николаевич Ланской (1774–1814), генерал-майор, командующий кавалерийской дивизией, умер от ра-ны, полученной под г. Краоном.

Ст. 77. Кончил Тормасов...–Александр Петрович Тормасов (1752–1819) – ге-нерал от кавалерии, командующий 3-й Западной армией, с сентября 1812 г. руко-водил внутренним управлением войсками, во время болезни М. И. Кутузова ис-полнял обязанности главнокомандующего, с 1814 г. генерал-губернатор Москвы.

Ст. 77–78. ... могила II Неверовского сокрыла...–Дмитрий Петрович Неверов-ский (1771–1813) – генерал-майор, командующий пехотной дивизией. В Боро-динской битве защищал Семеновские флеши. Убит иод Лейпцигом.

Ст. 79. В гробе старецЛанжерон...–Александр Федорович (Луи Александр) Анд-ро де Ланжерон (1763–1831) – генерал от инфантерии, в 1815–1822 гг. Херсон-ский военный губернатор и главноначальник Бугских и Черноморских войск, в 1822–1823 гг. Новороссийский генерал-губернатор, в Русско-турецкую войну 1828–1829 гг. командующий валахской группой войск.

Ст. 80. В гробе старец Бенингсон...–леонтий Леонтьевич Бенингсен (1745– 1826)–с 1812 г. граф, генерал от кавалерии, в августе–ноябре 1812-го исполняющий обязанности начальника Главного штаба, в 1813–1814 гг. командующий ди-визией, в 1814–1818 гг.– 2-й Западной армией.

Ст. 81–85. И боец, сын Аполлонов... II Мнил он гроб Багратионов II Проводить в Бо-родино...– Вмиг Давыдова не стало!..– Речь идет о поэте-гусаре Денисе Васильевиче Давыдове (1784–1839). хлопоты о переносе праха П. И. Багратиона (см. при-меч. к ст. 152–154) на Бородинское поле он начал в 1837 г. и 6 апреля 1839 г. получил уведомление о назначении сопровождать останки своего командира, но 22 апреля, за четыре месяца до торжества, скончался от инсульта. Село Бородино, до перехода во владение цесаревича в 1839 г., принадлежало Давыдовым.

Ст. 88. Как в нем друга жаль друзьям!..–Жуковского и Д. В. Давыдова связыва-ла четвертьвековая дружба (см. примеч. к стих. «Д. В. Давыдову, присылке из-дания „Для немногих“»).

Ст. 91–92. Ты, который трон и нас II Твердым Царским словом спас...–Алек-сандр I дал обет не вступать в переговоры с захватчиками, пока хоть один непри-ятельский солдат находится в пределах империи, и в манифесте от 6 июля 1812 г. призвал ко всеобщему вооружению.

Ст. 93. Вождь вождей. Царей диктатор...– в 1813–1814 гг. Александр I высту-пал как предводитель антинаполеоновской коалиции и затем играл ведущую роль в им созданном Священном союзе европейских монархов.

Ст. 100–101. Как спасительно Он ввел II Рать Москвы к врагам в столицу!..–См. примеч. к ст. 51. Александр I вступил в Париж во главе русского войска.

Ст. 102–103. Как незлобно Он десницу II Протянул врагам своим!..– Возможно, имеется в виду не только дружелюбное отношение Александра I к побежденным французам, но и примиренческая позиция в отношении к Австрии и Англии, в 1815 г. заключившим с францией тайный противороссийский договор, вскоре вы-явленный.

Ст. 106–109. В бедном крае, одиноко ~ Гаснет Царь благословенной...–Алек-сандр I скончался 19 ноября 1825 г. в Таганроге. Любопытно здесь допущенное слово «одиноко»: в связи с разноречием источников трудно установить, кто дейст-вительно был у постели умиравшего, кроме императрицы Елизаветы Алексеевны.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Ст. 113–120. И его как не бывало ~ Там зарыт Наполеон...– Наполеон умер в 1821 г. в плену у англичан на о. Св. Елены, находящемся посреди Атлантического океана. Разрешение перенести в Париж останки бывшего императора состоялось только в 1840 г.

Ст. 123. С новым зрели мы Царем...– Имеется в виду Николай I (1796–1855), правивший с 1825 г.

Ст. 124–125. До Стамбула Русский гром II Был доброшен по Балкану...– В Русско-турецкую войну 1828–1829 гг. русские войска заняли Балканский полуостров и почти вплотную подошли к Стамбулу.

Ст. 126. Миром мстили мы султану...– 2 сентября 1829 г. был подписан Адриа-ноиольский мирный договор с Турцией. Османской империей с 1808 г. правил султан Махмуд II (1784–1839).

Ст. 127–128. И вскатил на Арарат II Пушки храбрый наш солдат...– Арарат– крупнейшая гора в Армении. В словах Жуковского следует видеть поэтический образ, но за этим стоит и несомненный факт, произошедший в русско-персидскую войну 1826–1828 гг.: перетаскивание пушек на руках через горную гряду.

Ст. 129–131. И всё царство Митридата ~ Взял наш северный Аякс...– Митри-дат VI Эвпатор (132–63 до н. э.)–с 120 г. царь Понта, то есть Черноморского по-бережья. Территориальные завоевания русских Жуковский явно преувеличивает. Вероятно, имя гомеровского героя упомянуто не в сравнении с главнокомандующим И. Ф. Паскевичем, а как упоминательный образ русского солдата.

Ст. 133. Арзерум сдался нам дикий...– Арзерум (Арзрум) был взят во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. 27 июня 1829 г. Ср. у Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»: «Полки наши пошли в Арзрум, и 27 июня, в годовщину полтавского сражения, в шесть часов вечера русское знамя развилось над арзрумской цитаделию».

Ст. 134. Закипел мятеж великий...–17 ноября 1830 г. восстала Польша, нахо-дившаяся во владении Российской империи.

Ст. 137–138. И, нежданная ограда, II Флот наш был у стен Царьграда...– В 1833 г. русская эскадра вошла в Босфор в связи с тем, что турецкое правительство запротестовало в обороне столицы от восставшего египетского наместника, развившего успешное наступление на Стамбул (Царьград–в традиционном для русских на-именовании). По восьмилетнему договору от 1833 г. через проливы Босфор и Дарданеллы был запрещен проход всех военных судов, кроме русских.

Ст. 143–144. Мавзолей наш говорит: II «Здесь был Русский стан разбит»...– Несмотря на упоминание памятного знака в честь погибших в Русско-турецкой вой-не русских солдат, слово «разбит» следует понимать в значении «расположен».

Ст. 152–154. В гробе спит Багратион. II Здесь он пал, Москву спасая, II И, далеко умирая...– Петр Иванович Багратион (1765–1812)–князь, генерал от инфантерии, командующий 2-й Западной армией. В Бородинской битве командовал ле-вым крылом, был смертельно ранен и 12 сентября 1812 г. скончался в с. Симы Александровского уезда Владимирской губ. См. примеч. к ст. 82–83.

Ст. 155. Слышал весть: Москвы уж нет!..– Французы вошли в Москву 2 сентяб-ря 1812 г.

Ст. 171. Предстоявший алтарю...– Имеется в виду Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1783–1867), с 1825 г. митрополит Московский и Коломен-ский.

Ст. 177–192. Память вечная... ~ Жизнь за общую нам мать.– Об обе-те Александра I (ст. 180) см. примеч. к ст. 91–92. В основном (ст. 177–179, 184–192) жу-ковский перелагает в стихи слова Николая I из приказа от 26 августа 1839 г.: «Итак, да будет намять вечная бессмертному для нас императору Александру I. Его твердою волею спасена Россия. Вечная слава падшим геройскою смертью то-варищам нашим, и да послужит подвиг их примером нам и позднешему потом-ству!– Вы же всегда будете надеждою и оплотом вашему Государю и общей мате-ри нашей, России!»

Н. Серебренников
«„Молитвой нашей Бог смягчился"...»
(«С нолудороги прилетел ты...») (С. 322)
Автограф неизвестен.

Впервые: Совр. 1840. Т. 17. Отд. VII. С. 112–114–с подписью: «В. Жуков-ский» и датой: «8 декабря 1839».

В прижизненных изданиях: С 5 (Т. 5. С. 338–340) – в подборке произ-ведений 1839 г.

Датируется: 8 декабря 1839 г.

По замечанию П. А. Плетнева, это стихотворение «излилось из его сердца по выздоровлению великой княжны Ольги Николаевны от тяжелой болезни» (Пере-писка. Т. 3. С. 109). В письме к цесаревичу Александру Николаевичу от 14 октяб-ря 1839 г. Жуковский сообщал: «Великая княжна Ольга Николаевна оправляется-ся...» (С 8. Т. 6. С. 406).

Великая княжна Ольга Николаевна (1822–1892), вторая дочь императора Ни-колая I,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu в 1846 г. вышла замуж за наследного принца Фридриха Карла Александ-ра Вюртембергского и стала впоследствии королевой Вюртембергской. Провожа-ла Жуковского в последний путь и оставила о нем воспоминания (см.: Gerhardt. S. 254).

Точкой отталкивания для создания произведения Жуковского послужили сти-хи лейб-медика Михаила Антоновича Маркуса (1790–1865), четверостишие кото-рого Жуковский дал эпиграфом, а первую строку из него взял в заглавие. О пуб-ликации этих стихов Маркуса ничего не известно. В библиотеке поэта сохрани-лась брошюра «президента физико-медицинского общества» М. А. Маркуса: «Речь, произнесенная 21 декабря 1836 года, в день открытия бюста покойного лейб-медика Х. И. Лодера» (М., 1837). См.: Описание. № 213.

Н. Серебренников

1840

(Елизавете Рейтери)

(«О, молю тебя, Создатель...») (С. 325)

Автограф не обнаружен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Музыкальный и театральный вестник. 1883. №3. С. 9–в составе статьи гр. А. Соллогуба «Быль».

Печатается по: Стихотворения. Т. 2. С. 277 (обоснование см. ниже). Датируется: около 2 июня 1840 г. н. ст.

Комментируя стихотворение, впервые включенное им в собрание произве-дений Жуковского, Ц. С. Вольпе указал на существование его автографа (ПД. №956а; см.: Стихотворения. Т. 2. С. 540), однако по приведенному им шифру ав-тограф не обнаружен. Тем не менее, в наст. изд. текст печатается в той редакции, в которой его дает Ц. С. Вольпе, поскольку она, безусловно, восходит к известно-му ему автографу и имеет разночтения с публикацией в «Музыкальном и теат-ральном вестнике» (ср. ст. 8: «Перед образом Мадонны»). Единственное отклоне-ние от публикации Ц. С. Вольпе–заглавная буква в слове «Создатель», имевшая-ся в первой публикации.

Основание для датировки стихотворения «О, молю тебя, Создатель...» дают два письма Жуковского. Одно из них, к А. П. Елагиной от 4 декабря 1840 г., осве-щает обстоятельства создания стихотворения: «В самый день моего первого отъез-да из Дюссельдорфа, когда еще и в мысль не входила мне возможность то, что че-рез несколько часов решилось для меня на всю жизнь, мы играли в одну игру, ко-торая состоит в том, чтобы угадать стихи, написанные навыворот, сохранив поря-док слов, но перестановив все буквы. Я написал, без намерения, 8 стихов из Ле-нау, и отдал их ей для отгадки, и она разобрала эти стихи, а ввечеру того дня они сделались надписью к моей жизни; я их перевел или, лучше сказать, усвоил. Вот они: (...)» (далее следует текст стихотворения.– РБ. 1912. № 7–8. С. 115).

Второе письмо, которое сам Жуковский назвал «реляцией» (он написал его в течение 25 дней–с 10 (22) августа по 5 (17) сентября 1840 г.) к своим муратов-ским и долбинским родственникам (см.: Русская беседа. 1859. ч. 3. С. 17–42) в котором подробно изложил всю историю своей любви к Елизавете Рейтерн, по-зволяет установить приблизительную дату написания стихотворения. Упомяну-тый в письме к Елагиной «первый отъезд из Дюссельдорфа пришелся на 2 июня 1840 г.: „... я назначил для отъезда моего субботу (это было 1 июня), но в этот день и я, и всё семейство Рейтерна было приглашено к обеду, от которого нельзя было отказаться; мне жаль было провести последний день с ними не вполне для них, и я остался на воскресенье, с тем, чтобы весь этот день был наш...”» (цит по: Загарин. С. 554). Вечером этого дня, на палубе парохода, состоялось объяснение Жуковского с Г. Рейтерном по поводу взаимных чувств русского поэта и Елизаве-ты Рейтерн, которое определило решение Жуковского сделать ей официальное предложение: «Какой быстрый и неожиданный перелом в жизни! что был я за четверть часа? Одинокий пассажир парохода (...), и вдруг в одно мгновение из ча-ши судьбы Провидение вынуло мне жребий, с которым всё, так давно желанное, разом далось мне» (Там же. С. 555–556).

Стихотворение посвящено будущей жене Жуковского Элизабет фон Рейтерн (в крещении Елизавета Евграфовна; 1821–1856), старшей дочери друга Жуков-ского, немецкого художника Герхарда Вильгельма фон Рейтерна (1794–1865), бывшего офицера русской службы, с которым Жуковский познакомился в 1816 г. в Дерпте и близко подружился в 1826 г. в Эмсе. С этого момента периодически возобновлявшиеся дружеские отношения русского поэта с семьей Рейтерна про-должались вплоть до 1841 г., когда Жуковский, в качестве мужа Елизаветы Рей-терн, вошел в его семью (бракосочетание Жуковского и Э. фон Рейтерн состоя-лось 21 апреля 1841 г.). Как это явствует из приведенного выше письма Жуковского к А. П. Елагиной, стихотворение «Елизавете Рейтерн» является вольным переводом стихотворения «Stumme Liebe» («Немая любовь») немецкого поэта-романтика Николаса Ленау (наст,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
фамилия – Niembusch von Strehlenau; 1802–1850). Текст подлинника Ленау приведен в
РБ. 1912. №7–8. С. 116.

В формальном отношении перевод Жуковского отличается от подлинника тем, что,
сохраняя его размер–4–стопный хорей, Жуковский выполняет свой перевод белыми
стихами со сплошными женскими окончаниями. Двум четверостишиям Ленау с
перекрестной, чередующей женские и мужские окончания, рифмой, в пе-
реводе Жуковского соответствуют 8 стихов астрофического стихотворения. В
об-разном и смысловом отношении перевод близок к тексту подлинника.

Ст. 8. Пред небесною Мадонной.– Ср. в письме Жуковского к родным от 10 (22)
августа–5 (17) сентября 1840 г.: «Старшая дочь Рейтерна, 19–ти лет, была предо
мною точно как райское видение, которым я любовался от полноты души, просто, как
видением райским, не позволяя себе и мысли, чтоб этот светлый при-зрак мог сойти
для меня с неба и слиться с моею жизнью. Я любовался ею, как об-разом Рафаэлевой
Мадонны, от которой, после нескольких минут счастья, удаля-ешься с тихим
воспоминанием...» (цит по: Загарин. С. 547).

О. Лебедева

1841

«Друг мой, жизни смысл терпенье...»

(С. 326)

Автограф (РНБ, оп. 1, №40, л. боб.)–черновой, с вариантами ст. 3–4, 8–9. При жизни
Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 108 (ст. 1–4).

Печатается впервые полностью. Датируется: конец 1841 г.

Основанием для датировки стихотворения является положение автографа в рукописи:
вслед за датированным текстом: «8 (20) октября 1841. Дюссельдорф». Это были
первые месяцы женитьбы и переезда поэта в Германию, принесшие не только радости
семейной жизни, но и страдания, связанные с болезнью жены.

Философия терпения, духовного стоицизма заполняет пространство его эпи-столярия
1841–1845 гг. «Семейная жизнь есть школа терпения»,– пишет он на-следнику 23
декабря 1841 г. (С 8. Т. 6. С. 426). В письме к А. М. Тургеневу от 6 ап-реля
1846 г. он развивает эту мысль: «Семейная жизнь есть школа терпения, горн души,
в котором она может очиститься. Говорю так оттого, что именно в счастли-вейшее
время жизни испытал много таких тревог, каких сердце не ведало в преж-нем,
беспечном быте эгоистического одиночества. То, что говорю, не есть однако
жалобы, а опыт души, которая из настоящих благ жизни выводит одну только
ис-тину, что жизнь есть школа терпения. А терпение, говорит апостол, дает
опыт-ность, надежду, надежда же не посрамит» (РС. 1892. Декабрь. С. 388).
Стихотворение стало поэтическим выражением этой стоической философии.

Л. Янушкевич

1842

1–ое июля 1842

(«Встает Христов знаменосец...») (С. 327)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, №40, л. 8 об.–20–черновой.

2) ПД, ф. 234 (архив П. А. Плетнева), он. 8, №36, л. 2–7 – белой, с подпи-сью:
«Жуковский» и датой: «Дюссельдорф. 1842 июня 22 – июля 4».

Впервые: Москвитянин. 1842. 4.6. №12, С. 261–266–с примечанием: «Г. Рейтерн
имел счастье предоставить Государю Императору на этот день карти-ну,
изображающую Георгия Победоносца с надписью церковными буквами: „Бла-жен еси и
добро тебе будет: жена твоя яко лоза плодовита в странах дому твоего; сынове
твои яко новосаждения масличныя окрест трапезы твоея и узрити силы сынов твоих“
(Пс 127: 4–6). Картина эта внушила В. А. Жуковскому нижеследую-щие стихи».
В прижизненных изданиях: С 5 (Т. 5. С. 469–478)–с датой: «1842» и заглавием:
«1–ое июля 1842».

Датируется: 12–22 июня ст. стилия 1842 г.

Стихотворение представляет собой торжественное послание царской семье Николая I
и Александры Федоровны в связи с их серебряной свадьбой. В письмах к наследнику
цесаревичу Александру Николаевичу от 12 и 22 июня по ст. стилю Жуковский
подробно говорит о картине Г. Рейтерна, изображающей Георгия По-бедоносца (С 8.
Т. 6. С. 437), а в последнем письме указывает, что «к ней [картине]
дополнение–мои стихи» (там же). И продолжает: «Мы хотели соединиться для
поднесения нашего поздравления государю и государыне и поручили за них
вы-разиться Георгию Победоносцу; желаю, чтобы мой письменный Георгий столь же
был красноречив, как Рейтернов живописный. (...) я упомянул о своих стихах,
ко-торые ваше высочество получите при сем письме» (там же. С. 438). Так как в
нер-вом письме речь о стихах не шла, то это позволяет утверждать: «1–ое июля
1842» было написано в промежутке между 12 и 22 июня 1842 г. Ср. белой
автограф, где даты указаны по новому стилю. Как всегда у Жуковского,
стихотворение по-добного рода содержит широкий историко-патриотический фон (ср.,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
напр., с по-сланием «Государыне великой княгине Александре Федоровне...»).
В процессе работы над текстом (к сожалению, черновой автограф, содержащий
множество зачеркиваний карандашом, неудобочитаем) Жуковский добивает-ся усиления
эмоционально-психологического звучания слова. Напр., вместо «Из залпа потрясли
Царьград» – «И дрогнул в ужасе Царьград». В каноническом тек-сте Жуковский
отказывается от следующих стихов:

Из залпа потрясли Царьград, Но трои султана не раздавлен, Л ишь туркам памятник
поставлен

Во славу русскня войны, И с честью отомщены Вес стародавние обиды.
(Москвитянин. С. 265, ср.: С 5. С. 474).

Легендарный образ Георгия Победоносца, стержневой в сюжете, мифологизи-рует
послание Жуковского. Реально-исторический пласт стихотворения взаимо-действует с
символико-мифологическим. Русская история и вписанная в нее судь-ба царской
семьи обретает под пером позднего Жуковского мистико-религиозный смысл (мотивы
пророчества, Божьего суда, религиозных обрядов, символика ле-генды). Все это
расширяет поэтический смысл произведения. Этому служат и сти-хи из Псалтыри, на
которые ссылается Жуковский.

Ст. 1–2. Встает Христов знаменосец, II Георгий наш победоносец...– Георгий
Победоносец в христианских и мусульманских преданиях воин-мученик, небес-ный
покровитель «христолюбивого воинства». В легендах он изображается одно-временно
как богатырь и как проповедник истинной веры. Св. Георгий изобра-жен
юношей-воином на белом коне, копьем поражающим дракона. По молитве Георгия
укрощенный и обессиленный дракон (символ язычества) надает к ногам святого. Со
времен Д. Донского Георгий считается покровителем Москвы. Позже его изображение
вошло в состав русского Государственного герба (Веселовский А. Н. Разыскания в
области русских духовных стихов: Св. Георгий в легенде, пес-не и обрядах. СПб.,
1880 // Сб. отдела рус. яз. и словесности. Т. 21. № 2; Иванов Вяч. Вс, Топоров
В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974).

Ст. 22–24. Где венценосный наш креститель II Во Иордан днепровских вод II Свой
верный погрузил народ...– Имеется в виду великий князь Владимир Святославич
(953–1015), крестивший Русь в 988 г. Он сравнивается с Иоанном Предтечей, или
Крестителем.

Ст. 30–31. Когда свирепый бедоносец II На Русь половчанин напал...– Здесь
гово-рится о начале свирепых набегов на Русь половцев (кипчаков), кочевых
тюрко-язычных племен, опустошавших южные окраины Руси.

Ст. 32–33. Перед врагом неверным стал II Он вместе с бодрым Мономахом...–
Ве-ликий князь Киевский Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125), который
вместе со своим сыном Мстиславом с успехом отбивал половцев от границ России
(1113–1116 гг.). Жуковский писал об этом: «...войска русских князей,
соединен-ные Мономахом на спасение Отечества, входят в их [половцев.– Ф. К]
степи и там наносят им первый сильный удар» (Черты истории Государства
Российского// С 8. Т. 5. С. 497).

Ст. 38–39. ...и время наступило II Неизглаголанное зол...– После смерти
Монома-ха (1125) началась новая волна ожесточенной борьбы с половцами, с
которыми Русь сражалась в XI и XII вв.

Ст. 48–49. На нас ордынец набежал, III опозорил Русь святую...– Речь идет о
та-таро-монгольском иге (1242–1480), установленном в результате нашествия Батыя
(1208–1255), внука Чингисхана.

Ст. 73. Он с Невским опрокинул шведа...– Разгром на Неве русскими войсками во
главе с князем Александром Ярославовичем (прозванным впоследствии Невским;
1220–1263) шведского отряда, что обеспечило безопасность русско-шведской
гра-ницы в условиях татаро-монгольского нашествия.

Ст. 78–79. Он был Тверскому Михаилу II Утешным спутником в Орду...–Жуков-ский
говорит о заключении по инициативе великого князя тверского Михаила (1271–1318)
оборонного союза между Новгородом и Тверью, явившегося первой значительной
попыткой дать отпор татарам.

Ст. 84–86. Когда Донской народ созвал, II Чтоб дать ордынцу пир кровавый, II В
день воскресенья нашей славы...– Воспевается Куликовская битва, произошедшая 8
сен-тября 1380 г.

Ст. 108. Орды разрушился престол...–Окончательное свержение монголо-татар-ского
ига в 1480 г. в результате военных действий между Иваном III и ханом Зо-лотой
Орды Ахметом («Стояние на Угре»).

Ст. 110–111. За грань Урала перелезла //лихая шайка Ермака...– Ермак Тимо-феевич
(?–1585), казачий атаман. Походом со своими казаками 26 октября 1581 г. занял
столицу сибирского ханства и тем самым начал освоение Сибири Русским
государством.

Ст. 132. Смирился Каспий ...– В результате русско-персидской войны в 1796 г.
войска под командованием В. А. Зубова (1771–1804) заняли все Каспийское

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
побе-режье (Баку, Шемахи, Ганджу).

Ст. 140–141. Ее с победой знамена II Через Кавказ переступили...– Воссозданы действия Отдельного Кавказского корпуса под командованием А. П. Ермолова в 1819–1824 гг., когда в результате удачных походов в горы был разгромлен про-тивник.

Ст. 142–144. и грозно пушки огласил II Пред ней Балкан и Арарат, II И дрогнул в ужасе Царьград...– Сражение в конце июня 1829 г. на Балканском направлении (во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.), открывшее дорогу на Констан-тинополь.

Ст. 146–147. Законно взяли мы с Тавриды, II что было взято с нас Ордой...– Крым (Таврида), принадлежащий ранее татарам, в 1783 г. отошел к России.

Ст. 148–149. и за отнятое Литвой II Нам Польша с лихвой заплатила...– В результате войн, которые вела Екатерина II в 1792 и 1795 гг., Польша в значительной своей части перешла к России, и это, по мнению Жуковского, явилось определенной компенсацией ее потерь, понесенных в войне с Речью Посполитой в 1577–1582 гг.

Ст. 150–155. В кровавый день, когда решила II Судьба меж двух родных племен ~ И роковым лишь погашенный II Паденьем одного из двух...– По всей вероятности, гово-рится о подавлении польского восстания 1830–1831 гг., в ходе которого была ли-квидирована конституция 1815 г.

Ст. 166–167. Россия все зовет державы II В могучий с ней союз вступить.– Речь идет о Священном союзе России, Австрии, Пруссии (впоследствии Франции и от-части Великобритании), целью которого была борьба с революционным движени-ем и обеспечение незыблемости решений Венского конгресса 1814–1815 гг.

Ф. Канунова

1843

«Завидую портрету моему!..»

(С. 334)

Автограф (РНБ, оп. 1, №53, л. 10–11 об.) – черновой, без заголовка, с да-той: «11 (23) марта» и параллельным переводом на немецкий и французский язык. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 119 (ст. 1–4). Печатается впервые полностью. Датируется: 11 (23) марта 1843 г.

Черновой набросок стихотворения в нескольких редакциях находится в кон-тексте произведений 1843 г.: перед ним черновой автограф «Посвящения» к сти-хотворной повести «Наль и Дамаянти»–с датами: 11 (23) и 15 (27) февраля 1843 г.; после него–автограф повести «Маттео Фальконе», с датами: 17 (29)– 19(31) марта 1843 г. Вероятно, стихотворение связано с 60-летним юбилеем поэта (р. 29 января / 9 февраля 1783 г.) и является надписью к портрету Жуковского работы немецкого художника Теодора Гильдебрандта (1804–1874). Этот портрет (иогрудное изо-бражение; масло; 76x66) был написан для прусского короля Фридриха Вильгель-ма IV, давнего приятеля Жуковского (см.: Фомин А. А. Поэт и король: Переписка В. Жуковского с королем прусским // РБ. 1912. Ноябрь–декабрь. С. 134–199) и на-ходился во дворце Шарлоттенбург (см.: Verwaltung der Staatlichen Schlober und Garten. Der Schinkel-Pavilion im Schlosspark zu Charlottenburg. Berlin, 1976. 2. Aufl. S. 33–34; ср.: Либман М. Я. Жуковский и немецкие художники // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. Приложение: Список немецких портретов В. А. Жуковского. С. 312. № 15).

Автонереоды стихотворения на немецкий и французский языки подтвержда-ют предположение о том, что оно должно было быть приложено к портрету.

А. Янушкевич

1848

К русскому великану

(«Не тревожься, великан!..») (С. 335)

Автограф (РНБ, №56, л. 1)–черновой, с заглавием: «К великану», с датой: «1848»; первоначальное заглавие: «Северный утёс». К о п и и:

1) РНБ, оп. 1, №26, л. 70–70 об.– рукою камердинера Жуковского, Василия Кальянова.

2) РНБ, оп. 2, №6, л. 4–4 об.–рукою камердинера Жуковского, Василия Каль-янова. Дата рукою Жуковского: «1848».

Впервые: СПб ведомости. 1848. Сентябрь. Оттуда перепечатано: Северная пчела, Русский инвалид. 1848. № 197 от 7 сентября; Москвитянин. 1848. №9. С. 3, под заглавием: «К русскому великану», с подписью: «В. Жук-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по: С5 (Т. 12. С. 159–160), со сверкой по автографу.

Датируется: 1848 г.

Судя по черновому автографу, авторская правка касалась отдельных слов, ино-гда выражений, уточняющих национальный смысл произведения и углубляющих конфликт

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский и ревущего океана (революционного Запада) и непоколебимого утеса-великана (России). Напр.:

Стремление Жуковского четко выразить конфликт, внимательное отношение к поэтическому смыслу и поэтическому звучанию слова следует из решительного неприятия поэтом переделанных П. А. Вяземским (по предположению Жуковского) двух последних стихов «К русскому великану», появившихся в первых газетных публикациях. В письме к А. Я. Булгакову от 9 октября 1848 г. Жуковский от-вергает переделку Вяземского: «Скажи ему, что я совсем не благодарен ему за ту поправку, которую он (вероятно он) сделал в моих стихах, напечатанных в „Се-верной пчеле“, и это не от авторского самолюбия, а просто оттого, что из смысла сделалась бессмыслица. Вот мои стихи:

Черновой

Мирно смой, сменой твердой

Мирно стой, утес наш твердый Вкруг ревущий океан Вихрей бунт встревожил воды Беловой

Вкруг шумящий Волн могучие потоки

Волн ругательные визги Ветр, озливший их, умчит: Их (волны) гранит твой разразит На тебя нападших, в брызги.

Вместо последних двух стихов стоит:

И летучие их брызги О гранит твой разразит.

Первое, жаль, что энергическое слово брызги не осталось на конце: оно живо-писно оканчивает картину. После разразит ждешь чего-то, кажется, нет конца. Но главное то, что нет смысла. Если перевести в прозу мои стихи, будет: ругатель-ный визг волн разнесет ветер, а если они нападут на тебя, твой гранит разра-зит их в брызги. Вместо того поправка говорит: ветер умчит визги волн и раз-разит их брызги об гранит. Если брызги, то зачем же разбивать их снова? И ка-кая в этом нужда? Хорошо, когда разобьешь в брызги волны-тут есть чем похва-литься! Тут есть сила. А сражаться с брызгами, бить битого-мало чести. Прошу это послать Вяземскому» (С 7. Т. 6. С. 580). Письмо Жуковского возымело дейст-вие: в «Москвитянине» текст стихотворения был напечатан без искажений.

Стихи Жуковского, вызванные февральскими революционными событиями 1848 г., воспевают оппозиционность России к революционному Западу, ее монар-хическую устойчивость. По всей видимости, они оказали влияние на Ф. И. Тютче-ва, стихотворение которого «Море и утес» весьма близко и по настроению, и по метафорическому строю, и по природе поэтического образа Жуковскому. Напр.:

Жуковский

Не тревожься, великан! Мирно стой, утес наш твердой, Отшибая грудью гордой Вкруг ревущий океан!

На тебя их буря злится,

Тютчев

Но спокойный и надменный, Дурью волн не обуян, Неподвижный, неизменный,

Мирозданью современный, Ты стоишь, наш великан!

На тебя их вой и рев; И озлобленные боем,

Повалить тебя грозится Как на приступ роковой,

Обезумевший их гнев. Снова волны лезут с воем

На гранит громадный твой.

Их гранит твой разразит, На тебя нападших, в брызги!

И эта близость двух поэтов имеет вполне реальную основу. Как явствует из письма П. А. Вяземского к Жуковскому от 18 октября 1848 г. в ответ на неудовольствие последнего в отношении поправок к его стихам, редактором этих сти-хов оказался Ф. И. Тютчев. «Откровенно признаюсь тебе, – пишет Вяземский, – что меня, Плетнева и Тютчева (...) несколько озадачили и оглушили твои бога-тые, но слишком крикливые и задорные рифмы: визги и брызги, особенно же в сти-хотворении торжественном и по содержанию высокому. (...) На другой день после чтения Тютчев принес нам несколько стихов, которыми дополнил он твои и меж-ду тем перемену свою в твоих последних двух стихах. (...) В музыкальном отноше-нии и в общем впечатлении, порожденном стихами, я и теперь думаю, что по-правка, сделанная Тютчевым, не испортила стихов твоих (...)» (Гиллельсон. С. 61).

Показательно, что Тютчев открыто подчеркивал свою близость к Жуковскому, напечатав последнюю строфу стихотворения «Море и утес» в «Русском инвалиде» сразу после стихотворения Жуковского «Не тревожься, великан!..» в следующей редакции:

Стой же ты, утес могучий, Потерпи лишь час, другой. Не всегда ж волне гремучей Воевать с твоей пятой. Утомясь потехой злою, Присмирееет вновь волна, И без пены, и без воя, Под гигантскою пятою Вновь уляжется она.

Все стихотворение Тютчева было напечатано в «Москвитянине» (1851. № 11. С. 238) с подзаголовком «В 1848 году». В апреле 1848 г. Тютчев пишет статью «Россия и революция», главный тезис которой – утверждение исконной оппози-ционности

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh революции и христианства—был также органически близок Жуковскому (см.: Биография Ф. И. Тютчева. Соч. И. С. Аксакова. М., 1886. С. 135–136).

Ф. Канунова
1851

Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне приветствие от русских, встретивших ее в Бадене («Послаником от наших добрых русских...») (С. 336)
Автограф неизвестен.

Впервые: Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне, приветствие от русских, встретивших ее в Бадене. 4 с.—синими чернилами на отд. листке, с изображением лаврового листка в заголовке, с датой: «1 (13) июля 1851. Баден-Баден». СПб., 1851. Перепечатано: РА. 1869. №2. Стб. 379–382.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации из РА.

Датируется: 1 (13) июля 1851 г.

Старшая дочь императора Николая I великая княгиня Мария Николаевна (1819–1876); в первом браке герцогиня Лейхтенбергская, во втором за гр. Г. А.

Строгановым—адресат многих писем Жуковского 1838–1851 гг. Специально для нее Жуковский вел журнал во время заграничного путешествия 1838–1839 гг. (см.: РА. 1885. № 3. С. 331–345). К ней обращены его «Очерки Швеции» и статья «Бородинская годовщина».

Как явствует из письма Жуковского к П. А. Плетневу от 7 декабря 1851 г. встреча Жуковского в Бадене с великой княгиней вызвала в его памяти «биографию Лебеда, которого я знал во время оно в Царском Селе» (см. примеч. к стих.

«Царкосельский лебедь»): «Об нем я вспомнил, увидя в Бадене в. кн. Марию Николаевну, которая была для меня явление Руси на чужой стороне» (Переписка. Т. 3. С. 732).

Известны два экземпляра первого издания стихотворения: 1) РГАЛИ, ф. 195 (Вяземский), он. 1, №6221; 2) ПД. Р. I, он. 9, №7—с дарственной надписью Е. А. Толстой.

А. Янушкевич

Стихотворения,

посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским

I. Птичка («Птичка летает...») II. Котик и козлик («Там котик усатый...») III.

Жаворонок («На солнце темный лес зардел...») IV. Мальчик с пальчик. Сказка («Жил маленький мальчик...»)

(С. 337)

I. Автограф (РНБ, он. 1, №51, л. 1 об.)—черновой, без заглавия, под № 1. II.

Автограф (РНБ, он. 1, №51, л. 1 об.)—черновой, без заглавия, под №2.

III. Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 74, карт. 2, № 45)—рукою Н. В. Гоголя.

IV. Автограф (РНБ, он. 1, №51, л. 1 об.)—черновой, без заглавия, под №4 Впервые:

Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским. Карлсруэ, 1852. С. 5–11—без заглавия, в той же последовательности, с нумерацией.

В прижизненные собрания сочинений не входили.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу (кроме №3).

Датируются: предположительно 1851 г.

Стихотворения посвящены детям поэта—Павлу Васильевичу (1845–1912), впоследствии художнику (о нем см.: Лебедкова А. Павел Васильевич Жуковский, художник // Наше наследие. 1997. №41. С. 40–44), и Александре Васильевне (в замуж, баронессе Верман; 1842–1899).

Автографы стихотворений находятся в тетради, озаглавленной на переплете: «№2. Записки. Мысли и замечания. Грамматика. Воспитание» (РНБ, он. 1, №51). На л. 2 записано: «1. Воспитание должно образовывать человека, гражданина, христианина.

2. Природа человеческая есть то, что он есть в своем развитии» (подробнее см.: В. А. Жуковский. Мысли и замечания / Публикация А. С. Янушкевича // Наше

наследие. 1995. №33. С. 62–64; раздел №2 «Воспитание»). В этом смысле детские

стихотворения были органической частью педагогической системы Жуковского. Протоиерей о. Иоанн Базаров свидетельствует, что «„Птичка" и „Котик усатый" сложена им [Жуковским] для первого учения детей своих русско-му произношению»

(РА. 1869. С. ПО). Жуковский уделял огромное внимание созданию системы

обучения—«педагогической поэмы, в которую всё входит и которой никто не может

сочинить с таким единством, как сам отец, если только он имеет к тому призвание»

(Переписка. Т. 3. С. 648). В письме к А. П. Зонтаг от 30 сентября (11 октября)

1850 г. Жуковский подробно развивает свои дидактические принципы. «Мой труд для

моих детей,—замечает он,— (...) может со временем быть полезен и всем в

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
домашнем воспитании; он обхватит систематически весь круг сведений, которые
нужно иметь: мальчикам для вступления в гимназию, а девочкам для продолжения
своего образования чтением и собственным занятием» (УС. С. 128).
Детские стихотворения органично вписывались в эту систему образования и
воспитания. Они способствовали эмоциональному развитию детей, помогали им
практически усваивать русский язык. Их создание, судя по целому ряду фактов:
история создания «Царскосельского лебедя» (см. примеч.), посылка тетрадей с
«Мыслями и замечаниями» в Петербург, отсутствие упоминаний о них в письмах
1849–1850 гг., – относится к середине 1851 г. Именно к этому времени, когда
адресаты посвящения были уже способны воспринимать поэзию, Жуковский решил
включить их в свою «педагогическую поэму». Кроме 4-х детских стихотворений в
книгу «Стихотворений, посвященных Павлу Васильевичу Жуковскому и Александре
Васильевне Жуковской» вошло стихотворение «Царскосельский лебедь» и «Народная
песня» («Боже, Царя храни!..»). В посмертных изданиях детские стихотворения
получили заглавия: «Птичка», «Котик и козлик», «Жаворонок», «Мальчик с
пальчик».

Старые друзья поэта мгновенно отреагировали на появление этих стихотворений. П.
А. Вяземский в письме Жуковскому от 20 февраля (3 марта) 1852 г. заметил: «Стихи
твои прелесть. Жаль только, что к твоему русскому мальчику-пальчику залетели
заморские цикады и альфы» (Гиллельсон. С. 70). Более пространно отозвался о
сборнике детских стихотворений П. А. Плетнев в письме Жуковскому от 4 (16)
февраля 1852 г.: «Эта прелесть перенесла меня туда, „где были дни, каких уж
нет“: я вспомнил ваши „Для немногих“. Все эти стихотворения восхитительны. Я
однако ж остановлюсь на том, что меня в них останавливало. I и II
безукоризненно хороши. Но-ое даже едва ли не превосходит 1-е по простоте
рассказа, точности выражений и картинности предмета. В Ш-м начальные восемь
стихов чудо поэзии, хоть бы даже и не детской. Но в последних четырех стихах не
ра-

У2 24 – 295

737

вится мне „радушно“, потому что мы его придаем как свойство человека,
принимающего гостей. Даже слово „воздушно“ не совсем точно. Последний же стих
неясен: он заставляет думать, что или всё в Божьем мире внушает жаворонку
песни, или в песнях его отражается всё зримое в Божьем мире. Таким образом
читатель остается в неведении. IV-ое, по своей грации, идет рядом с „Моей
Богиней“, но и в нем есть слово „впивал“, которое употреблено не в своем
значении. Можно в се-бя впивать, а впивать во что-нибудь свои губки, кажется,
нельзя» (Переписка. Т. 3. С. 727).

Несмотря на то, что все стихотворения были оригинальными и воссоздающими русский
колорит, «Мальчик с пальчик» – с «заморскими цикадами и альфами» – был навеян
одноименной сказкой III. Перро, хотя и не стал ее переложением.

«Птичка» положена на музыку А. С. Аренским (ор. 59, № 1), Ц. А. Кюи («Детские
песенки»; ор. 73, №5), В. И. Ребиковым («Детский мир»); «Котик и козлик» – Ц. А.
Кюи (ор. 73, №6); «Жаворонок» – им же (ор. 73, № 17), В. С. Калинниковым
(«Детская песня», смешанный хор), В. И. Ребиковым («Детский мир»); «Мальчик с
пальчик» – А. Т. Гречаниновым («Снежинки» – сборник детских песен; ор. 47, №5).

Э. Жилыкова

Царскосельский лебедь

(«Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый...») (С. 341)

Автограф неизвестен. К о и и и:

1) РГАЛИ, он. 3, № 1, л. 1 об. – 2 – авторизованная, рукою Е. А. Жуковской, с
заглавием: «Царскосельский лебедь» и датой: «Ноябрь – начало декабря 1851 г.», с
подписью рукою поэта: «Жуковский».

2) РГАЛИ, он. 1, № 32, л. 27–28 об. – рукою неустановленного лица, с заглавием:
«Царскосельский лебедь. Последнее стихотворение Жуковского».

3) РГБ, ф. 99 (Елагины), он. 1, карт. 16, №57, л. 1–2 – рукою А. П. Зонтаг, с
датой: «Декабрь 1851».

4) РГБ, ф. 74, карт. 2, №45 – рукою Н. В. Гоголя.

Впервые: Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне
Жуковским. Карлсруэ, 1852. С. 12–15 – без заглавия, под номером: «V».

Впервые в России: Москвитянин. 1852. Т. 10. Кн. 2. С. 55–58 – с заглавием:
«Царскосельский лебедь» и подзаголовком: «Последнее стихотворение Жуков-ского» –
с послесловием от редактора М. П. (огодина) о последних днях жизни поэта и
значении его поэзии.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: ноябрь – начало декабря 1851 г.

Основанием для датировки стихотворения является не только указание в
авто-ризованной копии, но и слова самого Жуковского из его письма к П. А.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский Zhuковскому Плетневу от 7 (19) декабря 1851 г.: «Посылаю вам новые мои стихи, биографию Лебеда» (Переписка. Т. 3. С. 723). Заглавие в «Москвитянине» и в копии № 2 – по всей вероятности, последняя воля поэта, и поэтому мы оставляем его в качестве канонического.

История создания стихотворения рассказана Жуковским в цитированном выше письме П. А. Плетневу: «Посылаю вам новые мои стихи, биографию Лебеда, которого я знал во время оно в Царском Селе. Об нем я вспомнил, увидя в Бадене Великую княгиню Марию Николаевну, которая была для меня явлением Русси на чужой стороне. Мне хотелось просто написать картину Лебеда в стихах, посылаю его вам; может быть в его стихотворной биографии вы найдете ту же старческую хилость ее автора, какую страдал описанный им лебедь. Во всяком случае прошу принять благосклонно этот леиет вдовицы» (Переписка. Т. 3. С. 723–724). Великая княгиня Мария Николаевна была в Бадене 1 (13) июля 1851 г., в честь ее приезда Жуковский написал стихотворение (см. примеч. к стих. «Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне...»). К этому времени и восходит замысел «Царскосельского лебеда».

Текст стихотворения претерпел изменения после замечаний, сделанных П. А. Плетневым: «В самом деле, что за прелесть русский язык иод пером вашим! Сколько восхитительных картин и глубоко трогательных мыслей вы соединили в жизни старика-лебеда. Одно только место, но моему мнению, не худо бы доделать:

Видишь, угасая, как семья младая
Вкруг Царевой силы вьется, пак зеленый
П.гюцг вкруг аиы дуба и проч.

Второе как затемняет смысл и должно быть заменено хоть словом будто. Третий стих начинается тремя долгими, затрудняющими его чтение. Наконец самая семья, вьющаяся около предмета не метафизического, что относится и к силе дуба. Пусть оба предмета: Царь и дуб, будут сами обвиты, один семьею, а другой плющом – картина делается точнее» (Переписка. Т. 3. С. 725). Жуковский с благодарностью принял замечания и исправил стихи (Там же. С. 726).

Стихотворение «Царскосельский лебедь» имело реальный источник: под диктовку Жуковского его камердинер Василий Кальянов написал на экземпляре книги, подаренной протоиерею о. Иоанну Базарову: «Этот Лебедь не выдумка, а правда. Я сам видел в Царском Селе старого Лебеда, который всегда был один, никогда не покидал своего уединенного пруда, и когда являлся в обществе молодых лебедей, то они поступали с ним весьма неучтиво. Его называли Екатеринбургским Лебедем» (РА. 1869. С. 98).

Образ Лебеда в творчестве Жуковского связан с темой поэзии и судьбы поэта. В стихотворениях и рукописях он появляется неоднократно. Жуковский составил список символов, открывающийся образом лебеда: «Поэзия – лебедь, гений – орел, счастье – жаворонок, смирение – голубь, бессмертие – бабочка, уедине-

72 24*

739
ние – соловей, жизнь – журавль» (РНБ, оп. 1, № 37, л. 24), а рядом сделал прозаический набросок под заглавием: «Картина»: «На лоне озера спокойном недвижим // сияет [небо] лебедь // над ним сияет небо...» (Там же).

Тема поэта-лебеда, имеющая автобиографический подтекст, восходит у Жуковского как одному из ключевых источников – к Горацию (кн. II; ода 20). Не случайно Жуковский отметил ее и отчеркнул текст первых трех строф и последней в экземпляре французского издания Горация (*Poesies completes d'Horace*. P., 1803. Т. 1. P. 121, 123) из своей библиотеки (Описание. № 1339). Близкий образ находит Жуковский, штудируя в конце 1810-х гг. «Приготовительную школу эстетики» Жан Поля (подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 181–188). В знаменитой «Cantate», сравнивая мужественный дух Гердера с лебедем, Жан Поль говорит: «Время настоящего завершено и округлено для юношей и слабых людей, они не испытывают потребности в будущем, – антипод своей эпохи, победитель ее, уже победил все времена. А тот дух, любимый мною, – он подобен был лебедям, что в суровую пору года не дают пруду застыть, непрерывно плавая по воде» (Жан Поль. Приготовительная школа эстетики. М., 1981. С. 399). 19 мая 1825 г. А. А. Воейкова записала в своем дневнике: «Жуковский сделал сегодня восхитительное сравнение между следом, который лебедь оставляет на воде, и жизнью человека, которая должна всегда протекать бесшумно, оставляя за собою светлый и сияющий след, взирая на который отдыхает душа» (цит. по: Афанасьев. С. 391).

При жизни Жуковского стихотворение получило восторженную оценку. В ответ на присланные стихи «о не детском лебеде» П. А. Вяземский писал поэту: «Ах ты мой старый лебедь, пращур лебединый, да когда же твой голос состареется? Он всё свеж и звучен, как и прежде. (...) Лебедь твой чудно хорош. Да что это за лебедь, вымысел, аллегория или быль? (...) Завидую твоей духовной бодрости и ясности душевной...» (Гиллельсон. С. 70).

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
«Царскосельский лебедь» был воспринят современниками как предсмертное завещание Жуковского. Не случайно в публикации «Москвитянина» появился да-же подзаголовок «Последнее стихотворение Жуковского», хотя это было не так. Протоиерей о. Иоанн Базаров так описывает свое чувство при получении от Жу-ковского этого стихотворения: «Это была уже не детская басня, но какое-то таин-ственное описание прежде знакомого лебедя, который жил, был молод, состарил-ся в одиночестве, пропел свою лебединую песню (...). Прочитав это стихотворе-ние и перевернув страницу, на которой последний (VI) номер составлял „Боже, Царя храни!“, я невольно подумал: неужели это в самом деле предчувствие ско-рой кончины его самого, так поэтически изображенной в этих последних стро-ках? Как бы то ни было, но после, когда я стоял над бездыханным телом Жуков-ского, мне невольно вторились его три последние стиха:
И прекрасен мертвый на хребте лежал он, широко раскинув крылья, как летящий, В небеса вперяя взор уж негорящий...»
(РА 1869. с. 110–111).

Редактор «Москвитянина» М. П. Погодин в послесловии к опубликованному стихотворению, сообщив о последних днях поэта, писал: «Это стихотворение, в полном смысле слова, было лебединою песнею нашего незабвенного Жуковского. (...) Имя Жуковского принадлежит нашей словесности, нашей истории. Это наше сокровище, умственное, духовное. И жизнь, и смерть, и труды его столько же на-зидательны, сколько художественны, изящны. Жуковский, вместе с Карамзиным, должен сделаться примером и образцом для молодых наших писателей–и рус-ская словесность сохранит, украсит свое достоинство, завещанное нам нашими от-цами» (Москвитянин. 1852. кн. 2. № 10. С. 57–58).

Ст. 42–43. Памятников гордых битве под Чесмою, II Битве при Кагуле воздвижение зрел ты...– Чесма–турецкий портовый город; Кагул–приток Дуная. Речь идет о царскосельских памятниках: Чесменской колонне, воздвигнутой в 1771–1778 гг. посреди Большого пруда по проекту А. Ринальди в честь знаменитой победы в Чесменской бухте (25–26 июня 1770 г.), где был разгромлен турецкий флот, и Ка-гульском обелиске, сооруженном А. Ринальди в честь победы русских войск при ре-ке Кагуле 21 июля 1770 г. Ср.: «Воспоминания в Царском Селе» А. С. Пушкина (ст. 41, 50).

Э. Жиякова
1852

Четыре сына Франции

(«Играет на широкой...») (с. 343)

Автограф не существует (см. ниже). Авторизованные копии:

1) РНБ, он. 1, №26, л. 71–74, 60–62–беловая, рукою Василия Кальянова, с небольшой правкой Жуковского (л. 71–74–ст. 1–100; л. 60–62 – ст. 101–180); в отдельной тетрадке–с заглавием «Четыре сына Франции. Стихи, сочиненные в 1846 году. Вольный перевод»), примеч. на л. 71 об. (см. ниже), имеющим дату ру-кою Жуковского: «1849. Мая 1 (13). Баден-Баден».

2) РНБ, он. 1, №26, л. 64–66–беловая, рукою Василия Кальянова (ст. 101– 180) с правкой Жуковского; ст. 161–180–черновой карандашный набросок ру-кою самого поэта.

3) РНБ, он. 2, №6, л. 9–10 об.–беловая, рукою Василия Кальянова; с приме-чанием вверху рукою неустановленного лица: «Прибавление к „Четырем сынам Франции“, писанное в Марте 1852 года».

Первые: Москвитянин. 1849. кн. 1. №7. Апрель. С. 228–231–с подписью:

«Жуковский» и датой: «1849. 6(18) февраля. Баден»; без последних 4-х строф.

Впервые полностью: С 7. Т. 5. С. 150–156–с датой: «1848–1852» и опе-чаткой в заглавии 4-й строфы: «1846» вместо «1848».

24 – 295

741

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1846–март 1852 г.

В последние годы жизни (1850–1852) Жуковский из-за болезни глаз почти не мог писать сам и все его произведения под диктовку записывал камердинер Васи-лий Кальянов. Не было исключением и комментируемое стихотворение Жуков-ского. Этот факт творческой биографии заставляет внести коррективы в приня-тую формулу описания автографов и копий: вместо «автограф неизвестен» – «ав-тограф не существует»; вместо «копии» – «авторизованные копии».

Творческая история стихотворения «Четыре сына Франции» является отраже-нием его общей концепции – раскрыть 60-летнюю историю Франции: с 1789-го по 1849 г., связанную с революционными потрясениями 1789, 1812–1814, 1830, 1848 гг. Четкая датировка внутри текста описываемых в произведении событий выявляет своеобразный «летописный» замысел поэта.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh

В «Примечании» к ст. 1–100 (см. копия № 1) Жуковский прояснил характер работы над произведением: «Первые четыре строфы этих стихов, которых автор, как мне сказывали, девица Цедлиц, сочинены в 1846г.; последняя из них заключает в себе пророчество, исполнившееся в феврале 1846 года. Пятая строфа прибавлена мною в на-чале 1849 года. Она изображает промежуток нескольких месяцев, в которые повторилось многое совершившееся в продолжение последнего полувека: мы видели падение королевского трона во Франции, видели изгнание короля; была провозглашена республика, и с нею само-державие народное, и самодержавный народ был расстрелян на улицах Парижа; теперь видим тени прежней поры, прежнего терроризма, называемого ныне социализмом, и тень Наполеона в нынешнем Президенте республики. Скажем, что на сцене Франции по-сле ужасной, полувековой трагедии играют ее коротенькую, смешную пародию. Развязка пародии еще неизвестна; представление еще не кончилось; но оно, вероятно, кончится ско-ро. 1849. Мая 1 (13). Баден-Баден».

Работа над текстом стихотворения продолжалась в четыре этапа: в 1846 г. были написаны первые 4 строфы (ст. 1–60), рассказывающие о событиях фран-цузской истории 1789–1830 гг., в начале 1849 г. была добавлена пятая строфа (ст. 61–80)–отзвук событий 1848 г., 6 (18) февраля этого же года в Баден-Бадене была завершена шестая строфа (ст. 81–100), а 1 (13) мая было написано примеча-ние ко всем шести строфам. В таком виде Жуковский отдал стихотворение для публикации в «Москвитянин». Уже незадолго до смерти, в марте 1852 г., жуков-ский завершает работу над всем текстом произведения (всего 180 ст.).

При публикации стихотворения в «Москвитянин» Жуковский внес следую-щие коррективы в рукописное примечание: «Первые четыре строфы этих стихов со-чинены в 1846 году. Автор их неизвестен. Переводя эти пророческие 4 строфы, я приба-вил к ним пятую. Будет ли она пророчеством?–Мы уже видели народный бунт, изгна-ние короля и его семейства; видели порывающийся воскреснуть терроризм 1793 года, ко-торого тень явилась в Национальном собрании под страшным именем Горы, наконец ви-дели уже и тень Наполеона, торжествующего над безначалием: все это быстрое повто-рение многолетнего прошлого совершлось менее нежели в год... Повторится ли остальное?» (Москвитянин. 1849. кн. 1. №7. С. 229).

Вопрос об источнике первых 4-х строф, точнее, об их авторе, остается откры-тым. В архиве поэта (РНБ, он. 2, № 379, л. 1–2) рукою неустановленного лица иод заглавием: «Die Sonne Frankreichs. 1846» записан их немецкий текст, без ука-зания автора. В тексте-источнике 80 стихов, включающих 5 строф. Жуковский почти точно перелагает первые 4 строфы и отбрасывает 5-ю, имеющую характер своеобразного резюме. В отличие от источника он хронометрирует описанные со-бытия и уже самостоятельно продолжает их летопись. Меняется заглавие: вместо «Сыны Франции» – «Четыре сына Франции»; при передаче народного крика до-бавлено эмоциональное: «Ура!»

Попытка обнаружить печатный текст немецкого источника и узнать биографи-ческие сведения о его авторе–«девице Цедлиц» не увенчалась успехом. Судя по всему, и сам Жуковский этого не знал, работая с рукописным источником и указав при первой публикации, что «автор неизвестен».

Стихотворение тесно связано с общественной позицией Жуковского 1840-х гг. Очевидец европейских революционных событий 1848 г., он постоянно обращался к опыту Великой французской революции (об этом см.: Янушкевич А. С. В. А. Жу-ковский и Великая французская революция // Великая французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 106–141), к наполеоновской теме (см. примеч. к стих. «Ночной смотр»). Стихотворение «Четыре сына Франции» стало поэтиче-ским постскриптумом к этим размышлениям.

Ст. 2. Террасе Тюльери...–Тюльери (Тюльри; Tuileries), дворец в Париже (1564–1670; архитекторы Ф. Делорм, Л. Лево и др.)–резиденция французских королей. В дни Парижской коммуны 1871 г. большая часть дворца сгорела.

Ст. 4. Сын Франции, дофин...– От фр. dauphin. Во Франции с середины XIV в. до 1830 г.–титул наследника престола. В данном случае речь идет о сыне казнен-ных в Великую французскую революцию короля Людовика XVI и королевы Ма-рии-Антуанетты–Людовике XVII (1785–1795), ставшем после смерти своего старшего брата дофином.

Ст. 16. У Симона в когтях...– Речь идет о якобинце, сапожнике А.Симоне (1736–1794), в руки которого в июне 1793 г. попал разлученный с матерью 8-лет-ний дофин (Людовик XVII). Симон и его жена грубо обращались с ребенком и были виновниками его преждевременной смерти.

Ст. 17. А мать на гильотине...– Имеется в виду казнь французской королевы Марии-Антуанетты (1755–1793).

Ст. 35. Угаснул император...– Речь идет о сосланном Наполеоне Бонапарте, окончившем свои дни на о-ве Св. Елены.

Ст. 37–40. А сын, томимый прошлым ~ Исчах в тоске души...– Имеется в виду сын

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu

Наполеона Бонапарта Франсуа-Шарль-Жозеф Бонапарт (1811–1832), кото-рый был провозглашен Наполеоном в 1815 г. своим преемником – Наполеоном II, но никогда не правил и жил при дворе своего деда, австрийского ими. Франца I под титулом герцога Рейхштадтского. Его драматическая судьба стала сюжетной основой пьесы Э. Ростана «Орленок».

Ст. 43–44. Младенец, Людовика II Святого милый внук...– Вероятно, речь идет о сыне Филиппа Эгалите–Луи–Филиппе I (1773–1850), участвовавшем в заговоре против отца и возведенном на престол после Июльской революции 1830 г. Свергнут февральской революцией 1848 г.

Ст. 57. Ему с клейнодом...–от нем. Kleinod–драгоценность.

Ст. 64. Филипп Egalite...– Филипп Эгалите (Луи–Филипп–Жозеф; 1747–1793), представитель младшей ветви Бурбонов, герцог Орлеанский. В период Великой французской революции отказался от титула, приняв прозвище Эгалите («Равенство»). Как член Конвента голосовал за казнь короля. После измены генерала Дю-мурье был казнен.

Ст. 95–96. На тень Горы ступила II Наполеона тень...– Речь идет о созданном в феврале 1849 г. блоке мелкобуржуазных демократов «Новая Гора», считавших себя наследниками идей монтаньяров (фр. montagnards; от montagne–гора) эпо-хи Великой французской революции.

Ст. 126. Наполеон Второй...– По существу, Наполеон III (Шарль–Луи–Наполе-он Бонапарт; 1808–1873), племянник Наполеона I. Используя недовольство кре-стьян режимом Второй республики, добился своего избрания президентом и со-вершил военный переворот.

Ст. 134. Бунтующий февраль...– Имеются в виду события февральской рево-люции 1848 г., когда была низвергнута монархия и провозглашена Вторая рес-публика.

Ст. 135–136. Воскрешено волшебством II Второго декабря...– Речь идет о госу-дарственном перевороте 2 декабря 1851 г., установившем диктатуру Луи Бона-парта. Жуковский подводит основные итоги этого переворота.

А. Янушкевич

Розы

(«Розы цветущие, розы душистые, как вы прекрасно...») (С. 348)

Автограф не существует. Авторизованные копии:

1) РНБ, он. 1, № 26, л. 84–84 об.– рукою камердинера Василия Кальянова, на сдвоенном листке желтой бумаги, без даты.

2) РНБ, он. 1, №26, л. 25 – рукою неустановленного лица, на сдвоенном лист-ке белой бумаги, с четкой разбивкой на стихи, без даты.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Русская беседа. 1856. №1. С. 12–в рубрике: «Из неизданных со-чинений В. А. Жуковского» и примечанием издателя (см. ниже).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по авторизованной копии.

Датируется: март 1852 г.

В примечании к первой публикации стихотворения дана история его созда-ния: «Стихотворение это написано В. А. Жуковским незадолго до его кончины, по следующему случаю: к 29 января, ко дню рождения поэта, был прислан ему рису-нок из разноцветных роз, стебли которых расположились в виде креста. В пись-ме, при котором был прислан рисунок, выражалась скорбь об усилении телесных страданий поэта, и потом сказано: „Венок из роз в его соединении с крестом, из которых цветы произрастают и к которому они снова возвращаются, живо пред-ставлял нам образ друга страдающего, но сохранившего среди самых страданий живость и свежесть души“. Письмо заключалось семи словами: „Пусть же поэт пе-реложит в слова мысли наши, которые мы едва могли выразить образно, и впи-шет их сам в венок, для него сплетенный“. Заметим, что рисунок, назначаемый к 29-му января, опоздал и был получен Жуковским в марте,–а в апреле уже не ста-ло поэта» (Русская беседа. 1856. № 1. С. 12).

Как явствует из примечаний к опубликованным тут же статьям Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии» (С. 13–28) и «Нечто о привидениях» (С. 28–43), стихотворение «Розы» было предоставлено редакции журнала Е. А. Жуковской (из неизданных сочинений ее покойного мужа). По всей вероятности, ею была сооб-щена история написания этого последнего стихотворения Жуковского.

А. Янушкевич

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ РУКОПИСЕЙ

Раздел «Из черновых и незавершенных рукописей»–естественное звено в творческом развитии Жуковского–лирика. Его творческая лаборатория наполнена многочисленными незаконченными опытами в разных лирических жанрах, кото-рые не укладываются в традиционные определения, а нередко просто не подда-ются расшифровке. Учесть все эти наброски не представляется возможным, так как рукописи поэта не систематизированы и даже не всегда описаны. Наконец, проблемы атрибуции текста, его датировки рождают множество вопросов.

Данный раздел – первый опыт систематизации всего того, что было не завершено или осталось в рукописях поэта и что удалось выявить в процессе нашей работы над настоящим изданием. Еще в ПСС (Т. 11. С. 71–140) А. С. Архангельский ввел раздел: «Дополнения: Из неизданных и черновых рукописей поэта», куда включил произведения разных жанров и объемов – от четверостишия «За-видую портрету моему...» до прозаической комедии в 4-х действиях «Ложный стыд» (из Коцебу). К сожалению, весь этот материал был лишен самых необходимых примечаний, датировка была или слишком приблизительной: «1800–1810», «1806–1814», или произвольной, а как выяснилось, тексты, заканчивающиеся многоточием, просто усечены и иногда являются лишь началом достаточно больших по объему набросков.

Всё это и определило появление подобного раздела в конце второго тома лирики Жуковского. Главная задача раздела – максимально полно представить черновые и незавершенные лирические произведения Жуковского. Во-вторых, по-пытаться датировать выявленные наброски и на основании этого представить их в хронологическом порядке, отвечающем эдиционным принципам данного издания. Наконец, насколько это возможно, наметить ориентиры для будущего комментирования и исследования представленных произведений через выявление их адресатов, поводов к написанию, общей атмосферы создания и т. д.

(Объяснение портного в любви)

(«О ты, которая пришила...») (С. 350)

Копии:

1) РГАЛИ, ф. 72 (Блудов), он. 2, №5, л. 1–рукою Д. Н. Блудова, с заглавием: «Портной».

2) РГАЛИ, ф. 195 (Вяземский), он. 1, №5618, л. 1–рукою неустановленного лица, с тем же заглавием.

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: С 9. Т. 1. С. 514–без заглавия. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датировка: 1801–первая половина 1802 г.

Впервые на это стихотворение обратил внимание биограф Д. Н. Блудова Е. П. Ковалевский в своей книге «Граф Блудов и его время» (СПб., 1866). Рассказывая о дружбе Жуковского и совсем еще юного чиновника Московского архива Министерства иностранных дел Д. Н. Блудова (1785–1864), впоследствии крупного государственного деятеля, Ковалевский замечает: «Они не только читали, но часто сочиняли вместе. (...) Едва ли не первое стихотворное произведение Блудова написано им обще с Жуковским; это была песня „Объяснение портного в любви“, и вот что послужило к ней поводом: между архивными товарищами Блудова был некто Л-у, сын портного; что этот Л-у был влюблен, это вещь весьма обыкновенная, особенно для немца, но он был влюбленный дикого свойства и сильно на-доедал товарищам и особенно Блудову своею любовью. Жуковский не служил в Архиве. Он поступил на службу в какое-то странное место, над которым сам очень трунил: если не ошибаюсь, в Московскую соляную контору; Л-у знал он через Блудова. Вся песня состояла в применении разных предметов портняжного мастерства к объяснению в любви (...). По какому-то странному случаю песня эта, конечно, не предназначавшаяся для печати попала в старинные песенники; но еще страннее, что автором ее назван сам несчастный Л-у, осмеянный в ней» (Там же. С. 22).

Как удалось установить еще дореволюционным издателям сочинений Жуковского, адресатом «Объяснения портного в любви» (под таким заглавием, как правило, печаталось это стихотворение) был некий Любенау (см.: С 9. Т. 1. С. 513), которому и приписывалось авторство этой песни. Сложнее обстоит дело с выяснением доли участия в этом сочинении Жуковского. Стихи были написаны до отъезда Блудова на службу в Петербург (осенью 1802 г.). Ему в период создания «Объяснения...» было около 17 лет. 19-летний Жуковский был уже на пороге своей поэтической славы, пришедшей после публикации в декабрьском номере ВЕ элегии «Сельское кладбище». Сам стиль шутливо-пародийного «Объяснения...» выдает будущего автора долбинских юмористических посланий и арзамасской галиматши. Поэтому вряд ли можно сомневаться в самом активном участии Жуковского в написании этого стихотворения.

А. Янушкевич

(Экспромт к глазам А. М. Соковниной)

(«Твои глаза хвалить мне должно...») (С. 351)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, он. 2, № 34, л. 1) – рукою неустановленного лица, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Отчет ИПБ за 1893 г. СПб., 1896. С. 122.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: 1802 – начало 1803 г.

Об отношении Жуковского к семейству Соковниных писалось неоднократно. Их дом в Москве был для молодого поэта и его пансионских друзей, прежде всего братьев

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский и Андрей и Александра Тургеневых, почти родным: здесь рождались их первые любовные увлечения, бурлил юношеский энтузиазм, переживались драмы разочарований. Одним словом, этот дом и его обитатели стояли у истоков их жизненной и литературной судьбы (подробнее см. примеч. к стих. «К К. М. Соковниной» («Протекших радостей уже не возратить...») в т. 1 наст. изд.).

Анна Михайловна Соковнина (в замуж. Павлова; 1784–1873) «сделалась пред-метом увлечения обоих братьев Тургеневых, а до некоторой степени и Жуковско-го, который также стал бывать у Соковниных» (Письма Андрея Тургенева. С. 373). Однако это любовное соперничество было своеобразным литературным романом. Вскоре у Андрея Тургенева начался роман с Е. М. Соковниной; Жуковский увлекся М. Н. Свечиной. Но «Экспромт к глазам А. М. Соковниной» передает атмосферу любовного томления юного поэта и определяет некоторые черты его мирозерцания.

Обративший внимание на это стихотворение Жуковского А. Н. Веселовский так прокомментировал его: «В 1802–1803 гг. братьев [Тургеневых] не было в Москве: один в Пб и Вене, другой в Геттингене, а Жуковский бывает у Соковниных, играет у них в театре, играет в фанты и пишет экспромт к глазам Анны Михайловны (...). Эти стихотворные шутки (...) следует отнести к 1802–1803-м, не к 1803–1804 гг. Смерть Андрея Тургенева (в июле 1803 г.) исключает шуточный характер экспромтов и письма» (Веселовский. С. 73).

В архиве поэта (РНБ, он. 2, № 140) сохранились копии его шуточных записок к А. М. Соковниной, относящиеся к этому же времени.

А. Янушкевич
«Заступ, заступ, рой могилу!..»
(С. 351)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 12, л. 23) – черновой набросок. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 20 (ст. 1–5). Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 129.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: первая половина 1806 г.

Основание для датировки – положение наброска среди других черновых автографов этого периода: набросок записан рядом с черновыми вариантами элегии «Вечер», «Сафиной оды», «Идиллии», созданными в мае–июне 1806 г.

В отрывке разрабатывается одна из ведущих тем ранней лирики Жуковского – тема смерти, бренности всего живого. Фрагмент черновой, в нем практически отсутствуют знаки препинания, есть зачеркивания (например, ст. 7 читался: «Этот череп величался...»; ст. 8: «Прежде славный и надменный...»)

Разумеется, набросок Жуковского имел и литературные истоки, прежде всего связанные с чтением посланий Горация и шекспировского «Гамлета» (ср. песнь могильщика).

И. Айзикова
(Записка к И. П. Черкасову)
(«Герой Володьковский да знает...») (С. 352)

Автограф (РНБ, он. 1, № 12, л. 31) – черновой набросок, без заглавия. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 20 (ст. 1–4); ПСС (Т. 11. С. 129; ст. 1–10).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу, полностью (ст. 1–12).

Датируется: осень 1806 г.

Основанием для датировки является положение наброска стихотворения среди других черновых набросков осени 1806 г., прежде всего «Песни барда над гробом славянских воинов» (первоначальное заглавие «Песни барда над гробом славян-победителей»).

Адресатом послания является Иван Петрович Черкасов («герой Володьковский»), барон (ок. 1761–после 1830), хозяин поместья Володьково, находившегося в близком соседстве от тульских поместий рода Буниных. Подробнее о нем и его взаимоотношениях с Жуковским см. примеч. к стих. «К И. П. Черкасову» («Володьковский барон...») в т. 1 наст. изд.

«Записка» – одно из первых шуточных стихотворений Жуковского, образец так называемой домашней поэзии.

И. Айзикова
Басня
(«Однажды в гору, в круть, измученные жаром...») (С. 352)

Автографы:
1) РНБ, оп. 1, № 12, л. 35 об. – черновой, зачеркнут.
2) РНБ, оп. 1, № 12, л. 36 об. – перебеленный, с поправками, без заглавия. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 21 (ст. 1–3) – с указанием: «Басня, без заголовка (в трех редакциях)».

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu

Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 9.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: октябрь 1806 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи: на обо-роте листа–черновой набросок басни «Каплун и сокол» (из Лафонтена), перебе-ленный 27 октября 1806 г. (см. примеч. к басне «Каплун и сокол» в т. 1 наст. изд.).

Отрывок представляет собой почти полный перевод басни Лафонтена «Le coche et la mouche» («Рыдван и муха»), в свою очередь восходящей к басням Эзопа («Комар и вол») и Федра («Муха и ослица»).

Под заглавием «Муха и дорожные» эта басня была переведена И. А. Крыло-вым (впервые: Драматический вестник. 1808. Ч. 3. №63, С. 85–87; впоследствии вошла в его собрание басен: кн. III, № 17).

Жуковский значительно сократил объем басни и не перевел мораль, которая у Крылова звучала так:

Куда людей на свете много есть,
Которые везде хотят себя нрнплесть
И любят хлопотать, где их совсем не просят.

По верному замечанию В. И. Резанова, «Жуковский стремится внести в свой пересказ больше оживления, для чего заставляет свою муху говорить» (Резанов. Вып. 2. С. 470).

«Назад тому с десятков лет...»

(С. 353)

Автограф (РНБ, он. 1, № 12, л. 36 об., 37, 38)–четыре наброска: 2–черно-вых, 2–беловых, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 21 (ст. 1–7)–с указанием: «Сказка». Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 179–180.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: осень 1806 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи–сре-ди черновых набросков осени 1806 г. «Назад тому с десятков лет...» записано вслед за наброском «Басни» («Однажды в гору, в круть...»), который датируется тоже осенью 1806 г. (см. примеч. к стих.).

В. И. Резанов, обративший особое внимание на этот набросок, дал ему следую-щее жанровое определение: «самостоятельная идиллия, по примеру Карамзина, выступившего с сентиментальным рассказцем „Фрол Силин, благодетельный че-ловек“» (Резанов. Вып. 2. С. 488). В описании рукописи, сделанном И. А. Бычко-вым, отрывок назван «сказкой». Об интересе Жуковского к жанру идиллии гово-рилось неоднократно (см.: Резанов. С. 255–256, 486–490; Вацуру В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма// Русский романтизм. Л., 1978. С. 120–128). Нельзя не согласиться с мнением исследователя о том, что «идиллическое мирозерца-ние, как особая концепция бытия, присуще поэту на всем протяжении его творче-ства, включая работу над переводом гомеровского эпоса» (Янушкевич. С. 159). В наброске о Тите–«добром человеке» главными становятся важнейшие идилличе-ские мотивы: семья, гармония человека с природой, чувствительность человека как основа его добродетели.

И. Айзикова

(Миртил и Палемон)

(«В ирохладну ночь Миртил на холме отдыхал...») (С. 354)

Автограф (РНБ, он. 1, № 12, л. 50)–черновой, с обилием вариантов (даны в квадратных скобках).

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 21 (ст. 1–7).

Впервые полностью: Резанов. Вып. 2. С. 443.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1806г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи, среди басенных переводов из Флориана и Лафонтена 1806 г. И хотя черновой набросок сделан на листе бумаги с водяным знаком 1804 г., думается, он органично связан с «лирическим взрывом» 1806 г., когда Жуковский написал свыше 40 произведений.

Как установил В. И. Резанов, набросок является началом перевода идиллии швейцарского поэта Саломона Геснера (1730–1788) «Миртил и Тирсис» (Salomon Gevners Schriften. Zurich, 1801. Bd. 3. S. 84). Как справедливо замечает Резанов, «идиллия, видимо, нравилась ему [Жуковскому], возбудила его собственную твор-ческую фантазию – и в ней родились поэтические образы, дополнившие собою немецкий подлинник: у Жуковского перед героем, которого он называет Палемон-ном – имя, также навеянное, по-видимому, Геснером [У Геснера есть идиллия „Pałemon“.–

Примеч. В. И. Резанова],–расстилаются озаренные луною равнины и холмы, видна речка, рыбацья хижина, поросшие деревьями скалы; пейзаж этот, очевидно, отражает

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh личныe впечатления Жуковского от окрестностей Мишенско-го, которые были недавно воспеты нашим поэтом в его элегии „Вечер“» (Резанов. Вып. 2. С. 486–487). Ср. идиллию «Палемон» (1818) у В.И. Панаева (Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 185–186).

Но, пожалуй, в аспекте творческой эволюции поэта не менее важны еще два момента: во-первых, то, что прозаическую идиллию Геснера Жуковский перелагает стихами и тем самым предвосхищает свои опыты переложения прозы на язык поэзии (об этом см.: Лебедева О. Б., Янушкевич А. С. Неопубликованные стихо-творные переложения западноевропейской прозы в творчестве В. А. Жуковского 1830–1840-х годов // РЛ. 1982. №2. С. 153–163). Во-вторых, очевиден ранний интерес Жуковского к жанру идиллии (см. примеч. к наброску «Назад тому с десяти-ток лет...») и к европейскому классику этого жанра С. Геснеру. Подробнее о рус-ской рецепции его творчества см.: Резанов. Вып. 2. С. 482–485; Данилев-ский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984. С. 59–84.

А. Янушкевич

«Был зайчик косолап, зверь добрый, но чудак!..»
(С. 354)

Автограф (РНБ, он. 1, № 12, л. 39 об.)–черновой, без заглавия. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 21 (ст. 1–7). Впервые полностью: Резанов. Вып. 2. С. 443.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: февраль 1807 г.

Датировка отрывка определяется его положением в рукописи (см. примеч. к басне «Прогна и Филомела»).

Как установил В. И. Резанов, «это начало довольно длинной басни флориана– „Le Lièvre, ses amis et les deux Chevreuils“» («Заяц, его друзья и две Косули»; кн. III, №7). Говоря о работе Жуковского по переложению начала этой флориановой басни (13 стихов подлинника русский переводчик излагает 12-ю), исследователь добавляет: «Привожу этот его черновой отрывок (...), который любопытен еще и в том отношении, что показывает, с какой легкостью переводил наш поэт басни,– зачеркнутого и исправленного очень немного, вполне удовлетворительный пере-сказ почти сразу на бумагу...» (Резанов. Вып. 2. С. 443).

А. Янушкевич

Прогна и Филомела

(«Случилось прошлою весной...») (С. 355)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, № 12, л. 40 об.–черновой набросок.

2) РНБ, он. 1, № 12, л. 41–перебеленный текст чернового наброска, с много-численными исправлениями, с заглавием: «Прогна и Филомела».

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 21 (ст. 1–5). Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 130.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: февраль 1807 г.

Датировка отрывка определяется его положением в рукописи–непосредст-венно за черновым автографом романса «Дубрава шумит», имеющим точную дату: «12 февраля (1807 г.)».

Отрывок является переводом басни Лафонтена «Philomèle et Progne» (кн. III, № 15). По существу, Жуковский перевел почти весь текст подлинника, за исклю-чением самой концовки из 3-х стихов (об этом подробнее см.: Резанов. Вып. 2. С. 467–469).

летом 1811 г. эту же басню перевел К. Н. Батюшков (ВЕ. 1811. ч. 60. №23. С. 186–187). Как и в случае с переводом «Сна могольца» Лафонтена (см. примеч. к басне «Сон могольца» в т. 1 наст. изд.), поэты вступали в творческое соревнова-ние. Но Жуковский свой перевод так и не напечатал.

Прогна и Филомела–К заглавию басни Батюшков сделал следующее примеча-ние: «Филомела и Прогна–дочери Пандиона. Терей, супруг последней, влюбил-ся в Филомелу, заключил ее в замок, во Фракии находящийся, обесчестил и отре-зал язык. Боги, сжалившись над участию несчастных сестер, превратили Филоме-лу в соловья, а Прогну в ласточку» (Батюшков. Т. 1. С. 387). Современную трак-товку мифа см.: Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 337.

А. Янушкевич

«Мой друг, часы летят–и юность погибает!..»
(С. 356)

Автограф (РНБ, он. 1, № 12, л. 50)–черновой набросок. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 23 (ст. 1–5). Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 131.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: начало 1807 г. (по положению в рукописи).

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
В стихотворении разрабатывается один из основных мотивов ранней лирики Жуковского—неизбежность и возможность ранней смерти, связанные и с впечатлением от ранней смерти друга—Андрея Тургенева, и с общеэлегическими настроениями «Сельского кладбища» и «Вечера».

В первой строке в автографе к слову «юность» дается вариант: «младость», но ни тот, ни другой вариант не зачеркнут. В ст. 6. слова: «Хоть каждый день» зачеркнуты и другого варианта не подобрано.

И. Айзикова

Романс

(«На верху горы утесистой...») (С. 356)

Автограф (РГИА, ф. 1673 (А. С. Шишков), он. 1, №276, л. 1–2) —черновой, с заглавием: «Романс».

При жизни Жуковского не печаталось. Печатается впервые. Датируется: около 1808 г.

В списке стихотворений, относящихся к 1808 г., имеется заголовок: «Романс» (РНБ, он. 1, № 13, л. 5). Этот заголовок сопровождал первоначально несколько произведений Жуковского 1808 г.— «Мальвина», «Тоска по милом», но в качестве заглавия он в списке упоминается однажды. Вообще раздел «Романсы и песни» определяет жанровую рубрику в прижизненных собраниях сочинений Жуковского— от С 1 до С 4. Но уже к 1808 г. в сознании Жуковского «романс» всё очевиднее соотносится с балладой. Опираясь на труды немецких представителей эстетики, прежде всего Эшенбурга, он пишет: «Романс и баллада суть не иное что, как легкие лирические повествования важных или неважных, трогательных или веселых, трагических или смешных происшествий,— повествования, которых вся приятность зависит от искусства и живости повествования» (Резанов. Вып. 2. С. 287). Поиск материала для сюжетного повествования ведет его к русской истории. Опыты Карамзина, Каменева, Радищева, Востокова стимулируют создание романа на сюжет русского Средневековья.

Выполненный на бумаге с водяным знаком 1799 г., характерным для раннего Жуковского почерком, черновой автограф вполне законченного стихотворения, озаглавленного автором «Романс», по-видимому, можно предположительно отнести к 1808 г., времени, когда Жуковский идет к синтезу поэзии и истории, ищет «новые формы лирического выражения» (Янушкевич. С. 53), работает над созданием первой «русской баллады» — «Людмила».

В связи с этим отметим в данном стихотворении весьма примечательный синтез романсных и балладных поэтических принципов. Сюжетность, повествовательность, особая балладная атмосфера таинственности, всеобщей подвижности, «всматривания», «вслушивания» в окружающий мир органично соединяются здесь с гармонией и музыкальностью стиха. Судя по рукописи, «Романс» почти сразу рождался в куплетной форме (только первые 12 стихов записаны без разбивки: кроме того, 6-я строфа вместо 6-ти стихов содержала 7, что можно объяснить черновым характером автографа: вероятно, один из стихов, скорее всего 54-й был записан как вариант и остался невычеркнутым).

Показательным является и факт создания оригинального сюжета, в котором намечаются важнейшие для будущего балладного творчества Жуковского мотивы, на материале русской истории (см. планы к поэме «Владимир» // ПЖТ. С. 66–67). Характер работы над текстом свидетельствует о стремлении поэта воссоздать национальный русский колорит, картину «русской старины», тон «русского старинного преданья». Например, в ст. 10 первоначально вместо: «в ущельях теремов» было: «в угцельях падших стен»; вариант ст. 29: «Все его совета ждали» был зачеркнут, и появилось: «Все его руки страшились». Любопытна работа Жуковского над подбором имени «прекрасного рыцаря» — Святослав, Венеслав, Славостан и, наконец, — Рютомир (стремящийся к миру). Всё это были подходы к «русским балладам» Жуковского, и в этом смысле «Романс»—своеобразный пролог к «Людмиле» и «Свет-лане».

И. Айзикова

Описание крючка удочки, по-русски и по-французски

(«Вот ясный толк для вас...») (С. 360)

Автограф (ПД. Р. I, оп. 9, № 13, л. 1 об.— 2), белой, без заглавия. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 117–118.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 1805–1810 г.

Датировка предположительная. Н. В. Соловьев, публикуя текст стихотворения под произвольным заглавием, сохраненным в наст. изд. в конъектурных скобках, счел его адресованным Е. А. и А. А. Воейковым—дочерям А. А. Протасовой—Воейковой (Соловьев. Т. 2. С. 117). Это представляется маловероятным, поскольку в таком случае оно должно было быть написано в первой половине 1820-х гг. (Е. А. Воейкова родилась в 1815; А. А. Воейкова—в 1817 г.). Между тем текст

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский стихотворения записан на листке бумаги с водяным знаком 1801 г., а на л. 1 рукописи расположен французский текст, записанный рукой одной из сестер Протасовых (скорее всего, Саши).

Типологически текст стихотворения, в котором чередуются русские и французские куплеты, представляется более близким к образцам «домашней поэзии» Жуковского 1810-х гг. (таких, например, как баллада «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста» –1811 г.). Отнести стихотворение к 1805–1810 г. позволяют и ст. 37–38: «Недавно Дон Кишот II На Русь его закинул...», в которых, возможно, имеется в виду перевод романа Сервантеса «Дон Кихот», выполненный Жуковским по французской переделке Флориана (первый том перевода вышел в свет в 1804 г.; последующие – в 1805 г.). Более точно датировать стихотворение не представляется возможным.

Ст. 9–16. *Ce signe est un crochet ~ Qu'on ne lui voit d'attrait...* – Перевод:

Это всего-навсего крючок,
Который мужчина и женщина
Готовы погрузить до дна души,
Чтобы выудить тайну;
При виде его можно было бы подумать,
Что он ее поймает беспрепятственно,
Но он попадает по такому адресу,
Который вовсе не имеет привлекательности (фр.).

Ст. 25–28. *Un autre a ce crochet ~ Cherche en vain le loquet...* – Перевод:

Другой, желая поймать
На этот крючок славу,
Тщетно ищет задвижку [па двери, ведущей]
В храм памяти (фр.).

Ст. 29. Осиплый граф Хвостов... – Имеется в виду поэт граф Д. И. Хвостов (1757–1835), излюбленный объект пародий и иронических выпадов поэтов карамзинской школы. Хотя апогей «хвостовианы» приходится на период «Арзамаса» (1815–1817 гг.), пародии на стихи Хвостова начали появляться уже в первой половине 1800-х гг. (см.: Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX века: В 2 т. / Сост. В. Орлов. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 155–159; Арзамас–2. Кн. 1. С. 21–22).

Ст. 33–36. *Un autre met du sang ~ Il remet dans son rang...* – Перевод:

Другой проливает кровь На крючок, который он наживляет,
Но часто искажение [замысла] Возвращает его на свое место (фр.).

Ст. 41–48. *Mais vous qui m'écoutez ~ Ijéroisson est content...* – Перевод:

Но вы, которые меня слушаете, Создания всегда пленительные,
Ваши крючки – просто черти, И когда вы их бросаете, Безусловно, в тот же момент Рыбка на них ловится,
Но вот что поразительно: Рыбка этим довольна (фр.).

(Начало поэмы: Вельмира)

(«Вам скучно? Разложите...») (С. 361)

Автограф (РНБ, он. 1, №14, л. 106) – белой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые в вые: Бумаги Жуковского. С. 37 (ст. 1–5).

Впервые полностью: РА. 1900. Ч. 3. С. 194 – Публикация И. А. Бычкова, с указанием: «Писано в 1812 г.»

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: вторая половина 1812 г.

Основанием для датировки является положение рукописи в альбоме: ей предшествует начало баллады «Ахилл», датированное 1812 г., после нее записано стихотворение «Нина к своему супругу в день его рождения» – с датой: «1812 года 1 июня».

Набросок сделан в балладный период творчества Жуковского, характеризующийся экспериментами в области лироэпических жанров. Любопытно в связи с этим отметить, что в небольшом фрагменте самим Жуковским дважды снято его собственное жанровое определение задуманного произведения, вынесенное к тому же в заглавие: повествователь обещает «сказать друзьям» «чудесную сказку». Однако при этом с самого начала программным оказывается отрицание явной фантастики, одного из важнейших художественных приемов сказки, который активно осваивается поэтом в балладах.

И. Айзикова

(К. Н. Батюшкову)

(«С холодных невских берегов...») (С. 362)

Автограф (РНБ, он. 1, № 15, л. 70 об.) – черновой набросок.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые в вые: Бумаги Жуковского. С. 47 (ст. 1–7).

Печатается впервые полностью.

Датируется: вторая половина марта 1814 г.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
По всей вероятности, послание обращено к К. Н. Батюшкову и связано с его пребыванием в составе русской армии в Париже (с 19 марта по 17 мая 1814 г.). Уже ст. 3–4: «Посылка другу пук стихов // На память старины священной» вызывают в памяти начало послания Жуковского «К Батюшкову» (май 1812 г.): «А ми-лому собрату // В подарок пук стихов». Сам характер наброска (стихотворный раз-мер, образная система) перекликается с посланием Батюшкова «К Дашкову». Ср. характеристику Москвы у Батюшкова и Жуковского: «И новой славы наших дней...» – «И славной жертвы наших дней...»; «Трикраты прах ее священной...» – «На память старины священной...» и т. д.
Наиболее реальное время датировки–вторая половина марта, после 19 чис-ла, так как речь идет о вьюгах, снегах, которые еще естественны в это время в средней полосе России: Жуковский жил тогда в Муратове. К сожалению, не сохра-нилась переписка Жуковского и Батюшкова этого периода, поэтому публикуемый набросок послания восполняет в определенной мере этот пробел во взаимоотно-шениях поэтов. Скорее всего, Жуковский не завершил и не обработал этот набро-сок, так как никаких следов знакомства с ним Батюшкова не обнаружено.

А. Янушкевич

«Остатки доброго в сей гроб положены!..»

(С. 362)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, он. 1, № 15, л. 24)–рукою В. И. Губарева. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: ПСС. Т. 11. С. 134. Печатается по тексту первой публикации. Датируется: предположительно конец 1814 г.

Впервые указав на это стихотворение, А. И. Бычков определил его как «Над-гробие». Действительно, содержание вполне подтверждает установку на создание эпитафии. На вопрос о том, кто был ее «адресатом» и когда она была создана (а эти вопросы взаимосвязаны), ответить гораздо сложнее. Эпитафия находится в пачке стихотворений долбинской осени 1814 г., когда Жуковский поселился в имении своей племянницы А. П. Киреевской и пережил взлет творческого вдох-новения (см. преамбулу к «Долбинским стихотворениям» в т. 1. наст. изд.). А. П. Киреевская в это время переживала тяжелый кризис, связанный с памя-тью о муже и отце ее трех малолетних детей – В. И. Киреевском, который умер в 1812 г., спасая больных и раненых русских и французов в Орле. В. И. Киреевский был старше своей жены на 16 лет и много сделал для ее просвещения, читая с ней исторические книги и Библию. Дружеские отношения связывали Жуковского с отцом будущих деятелей русской общественной мысли и литературы–Ивана и Петра Киреевских. Можно предположить, что «эпитафия» посвящена памяти В. И. Киреевского и предназначена для его надгробного памятника, поэтому и написана она была в Долбине в конце 1814 г.

Н. Вётшева

К Ваничке

(«В час добрый! Для тебя, мой милый Ваня, жить...») (С. 363)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 99, Елагины, он. 1, карт. 22, №12, л. 13 об.)–рукою М. А. Мойер. При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется: между 4 октября 1814 и 6 января 1815 г.

Основанием для датировки служит местоположение копии текста в рукописи. В архиве Елагиных сохранилась переплетенная тетрадь с копиями стихотворе-ний Жуковского 1814–1819 гг., заполненная рукою М. А. Протасовой-Мойер. На титульном листе тетради запись: «Часть 2. Дерпт», бумага с водяным знаком «1817». Этот сборник стихотворений Жуковского, переписанных М. А. Мойер, от-крывается долбинскими стихотворениями 1814 г. («Эолова арфа», «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям», «Добрый совет. В альбом В. А. А. (збукину)», «Теон и Эсхин», «Росписка Маши» и др.), расположенными на лл. 2–16. Среди этих стихотворений, на л. 13 об., находится и текст ранее неизвестного стихотвор-ного обращения Жуковского к И. В. Киреевскому, старшему сыну его племянни-цы А. П. Юшковой (в первом браке Киреевской, во втором–Елагиной), которому посвящено стихотворение «Младенец» (1806; см.: Т. 1. С. 113, 510) и который упо-минается в долбинском стихотворении «Прощание» (1815; см.: Там же. С. 400, 743). Более точно датировать стихотворение «К Ваничке» не представляется воз-можным: копии текстов Жуковского в тетради не расположены в строгом хроно-логическом порядке по числам и месяцам, хотя годовая хронология в них сохра-няется. Таким образом, приблизительное время создания стихотворения опреде-ляется датами так называемой «долбинской осени» – от начала октября 1814 до 6 января 1815 г.

Подробнее об отношении Жуковского и И. В. Киреевского см. примечания к стих. «Младенец» и «Прощание» в т. 1 наст. изд., а также: Жуковский в воспоми-наниях современников. М.: Наука: языки русской культуры, 1999. С. 616–617.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
О. Лебедева

(К А. А. Прокоповичу–Антонскому)

(«Хранитель, друг моих весенних дней...») (С. 363)

Автограф (РНБ, он. 1, №26, л. 90) – черновой набросок, с датой сверху лис-та: «Генваря 8. 1815»).

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 60 (ст. 1–7). Печатается впервые полностью. Датируется: 8 января 1815 г.

Адресатом этого незаконченного послания, но всей вероятности, является ди-ректор Московского университетского благородного пансиона, бывший в годы учебы там Жуковского инспектором и его наставником в поэтической деятельно-сти,–А. А. Антонский–Прокопович (1762–1848). В его квартире при Благород-ном пансионе, в комнате, которая помещалась во флигеле, выходящем в Газетный переулок (см.: Осокин В. «Его стихов пленительная сладость...»: В. А. Жуковский в Москве и Подмосковье. М., 1984. С. 59, 63), Жуковский жил в предвоенные го-ды, во время редактирования журнала ВЕ, приезжая в Москву. Этот дом, где жу-ковский занимал сначала тесную каморку, а потом три комнаты, был ему дорог как воспоминание о поэтической юности. Столь же дорог был ему и образ настав-ника. Стремление Антонского–Прокоповича–воспитывать литературные интере-сы пансионеров–оказало безусловное воздействие на формирование поэтическо-го творчества Жуковского (см.: Загарин. С. 11–12). «Теперь еще одна просьба. Одна об общем нашем благодетеле Антонском. (...) Я всегда храню к нему в серд-це благодарное уважение»,– писал Жуковский А. И.Тургеневу 21 июня 1814г. (ПЖТ. С. 121).

Замысел написания послания к Антонскому–Прокоповичу относится уже к концу 1814 г. В списке задуманных произведений читаем: «Послание к Антонско-му», «К Антонскому» (см.: РНБ, он. 1, №77, л. 25–25 об.). Однако работа над по-сланием, вероятно, началась по приезде Жуковского в Москву в самом начале ян-варя 1815 г. Это была первая встреча Жуковского со столицей после пожара 1812 г. «Теперь нишу из священной нашей столицы, покрытой прахом славы, в которую въехал я с гордостью Русского и с каким-то особенным чувством, мне од-ному принадлежащим, как певцу ее величия»,– сообщал он 25 января А. И. Тур-геневу (ПЖТ. С. 135). Послепожарная Москва вызвала в сознании поэта память о юности, о наставнике, о доме, который был для него родным и который уже боль-ше не существовал. Характерно, что на обороте листа с черновым наброском (л. 90 об.) имеется запись: «К Антонскому».

В архиве поэта (РНБ, он. 1, №78, л. 44) сохранился план этого послания, на-чинающийся словами: «Мы свиделись в Москве. Я искал тебя в том месте, где моя молодость была облагодтворена тобою. Его нет–пепел развалины и молчание...»

А. Янушкевич

(В альбом Императрице Марии Федоровне 2-ое сентября 1815)

(«Что пышные сады Царей...») (С. 364)

Автограф неизвестен.

Копия (РГАЛИ, он. 1, № 1, л. 1, 1 об., 2)–рукою неизвестного лица, с под-писью: «Жуковский».

При жизни Жуковского не печаталось. Печатается впервые. Датируется: 2 сентября 1815 г.

В архивном описании единицы хранения, содержащей копию этого стихотво-рения, авторство Жуковского точно не установлено и дается предположительно, хотя после текста есть указание: «Жуковский». К первым словам заглавия: «В аль-бом» имеется следующее зачеркнутое примечание, с выносным астериском и под-писью «В»: «Находящийся в Розовом павильоне Павловского сада. Каждый посе-тителъ имеет право вписывать в него свои мысли и чувствования, родившиеся в прогулке по живописным здешним садам».

Розовый павильон в Павловске был местом литературных чтений и музициро-вания при императрице Марии Федоровне (см. примеч. к стихотворению «О див-ной розе без шипов...» в наст. изд.). По воспоминаниям современников, в альбом Розового павильона вписывали свои стихи известные поэты того времени, в том числе и Жуковский. «Лет десять тому назад,–сообщает мемуаристка,–я посети-ла эти места. Партер заглож, и розанов не было; но всё оставалось в прежнем виде внутри Розового павильона. Известный мне альбом лежал на том же столике. В нём писали Жуковский и Крылов» (Муханова М. С. Записки // РА 1878. № 3. С. 307).

По всей вероятности, стихи были переписаны из этого альбома автором при-мечания (как правило, так подписывался при публикации текстов Жуковского П. А. Вяземский), а копия сделана рукою В. Ф. Вяземской (в архиве Вяземского находятся копии других стихотворений Жуковского, переписанные ею).

Как известно из свидетельств самого Жуковского, его представление императ-рице Марии Федоровне произошло 4–5 сентября 1815 г. (скорее всего, 5-го, так как речь идет о воскресенье). Ср.: «Теперь о свидании с Императрицею. Уваров, на другой день моего приезда [из Дерита; 24 августа.–А. Я.], написал к ней, что я в

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu...
Петербурге, и получил приказ представить меня в следующее воскресенье. (...) и мы с Уваровым отправились в воскресенье во втором часу во дворец» (УС. С. 15). Зная заранее об этой встрече с императрицей, Жуковский приготoвил, по всей вероятности, накануне (2-го сентября) стихотворение для ее альбома.

Альбомный мадригал, несмотря на некоторую заданность поэтической уста-новки, имеет очевидные переключки со стилем павловских стихотворений Жуков-ского, обращенных к императрице Марии Федоровне. С одной стороны, он про-должает мотив возвращения из заграничных походов сына императрицы Алек-сандра I, заявленный еще в послании «Государыне Императрице Марии Федоров-не» (см. т. 1 наст. изд. С. 257–259). Ср.: послание – «Придёт, придёт, свершив за правду битвы, // Защитник Царств, любовь Царей, Твой Сын...»; «В альбом...» – «Придёт, придёт Он в отчий дом, // К Ея стонам положит гром...»

С другой стороны, предвосхищает лексико-стилистическую и образную систе-му элегии «Славянка» и «Отчетов о луне», обращенных к императрице Марии Фе-доровне. В этом отношении стихотворение «В альбом Императрице Марии Фе-доровне. 2-ое сентября 1815» является прологом к павловским стихотворениям 1815–1820 гг.

А. Янушкевич

«Вот Пушкин, добрый наш поэт!..»

(С. 366)

Автограф (ПД. № 27773, л. 1)–беловой. При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые. Датируется: предположительно 1816 г.

Четверостишие Жуковского обращено к поэту Василию Львовичу Пушкину (1766–1830), дяде А. С. Пушкина, автору поэмы «Опасный сосед» (1811), которая из-за своего фривольного содержания могла быть напечатана в Мюнхене лишь в 1815 г.

(литографическое издание).

Эта поэма, заглавие которой и обыгрывается в экспромте Жуковского, стала своеобразной визитной карточкой В. Л. Пушкина. Современники отмечали в ней яркость бытовых сцен, стремительность повествования, выразительность сатири-ческих образов. Не случайно они увидели в ней «Гогартов оригинал, с которого копию снять невозможно» (Московские ведомости. 1830. № 70. 30 августа. С. 3120). «Вот стихи! Какая быстрота, какое движение! И это написала вялая муза Василия Львовича!» – восклицал К. Н. Батюшков (Батюшков. Т. 2. С. 174).

Подробнее см.: Михайлова Н. И. Василий Львович Пушкин // Василий Пушкин. Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 12–14.

В первой половине марта 1816 г. Василий Львович Пушкин становится арза-масцем под прозвищем «Вот» (из баллады Жуковского «Светлана»), а вскоре ему была оказана честь стать старостой «Арзамаса», «с приобщением к его титулу двух односложных слов я и вас»– «Вот я вас!» В протоколе «Арзамаса», рассказываю-щем об этом событии, говорилось: «Вытребовать у него список известной его про-казы с веселою Музою, именуемой Опасный сосед, переписать ее чистым почерком, переплести в бархат и признать ее арзамасскою кормчею книгою» (Арзамас–2. Кн. 1. С. 345–346). Жуковский, по всей вероятности, посвятил свое четверости-шие приезду В. Л. Пушкина в Петербург вместе с Н. М. Карамзиным и П. А. Вя-земским в начале 1816 г. Это было время его славы как автора «Опасного соседа», и сама церемония его приема в «Арзамас» (подробнее см.: Гиллельсон М. И. Мо-лодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 80–88) подчеркивала это. Своим четверостишием Жуковский как бы устраивал его «презентацию» в «Ар-замасе».

А. Янушкевич

(Послание к П. А. Вяземскому)

(«Хоть мы в такие дни живем...») (С. 366)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, ф. 550, он. НІ. Q. XIV. 153, л. 20–23 об.) –рукою неустанов-ленного лица, без подписи.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ИОРЯС. 1911. Т. 16. Кн. 2. С. 33–38. Публикация И. А. Бычкова.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии. Датируется: сентябрь 1816 г.

Датировка и атрибуция адресата предположительны. В стихотворении идет речь о лете, проведенном Жуковским в Дерите. Известно, что поэт провел в Дер-нте два лета: июль–август 1815 г. и почти весь 1816 г. (с апреля по декабрь). Об этом см.: ПЖТ. С. 146–171; Петухов. С. 71; РС. 1883. №9. С. 535–536.

И. А. Бычков, впервые опубликовавший стихотворение под условным загла-вием «Послание» (ИОРЯС. 1911. Т. 16, кн. 2. С. 33–38) и давший описание его рукописной копии (Отчет ими. Публичной библиотеки за 1902 г. СПб., 1910. С. 188–191), отнес его к лету 1815 г.

Однако некоторые реалии текста свидетельствуют о том, что он был создан позже, скорее всего, в сентябре 1816 г. В частности, это первые четыре стиха по-слания, которые явно имеют в виду конкретные судьбы известных Жуковскому поэтов (ср.:

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
«Хоть мы в такие дни живем, // Что нашу братью, стиходеев, // Сажают в крепость как злодеев // И как безумных в желтый дом...»). За 1815 г. не известно никаких крупных политических дела поэтов (тина процесса В. Ф. Раевского, заключенного в Тирасиольскую крепость в 1822 г.) или слухи о безумии (подобно известию о безумии К. Н. Батюшкова, распространившемуся в том же 1822 г.). Но вот 17 сентября (но ст. ст.) 1816 г. умер В. А. Озеров, о безумии которого много говорили в дружеском кругу Жуковского (см. примеч. к стих. «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» в т. 1 наст. изд.). Кроме того, известно, что в начале 1817 г. Жуковский вел активную переписку с Н. М. Карамзиным и А. И. Тургеневым (см.: РА. 1869. Стб. 1386; ПЖТ. С. 169–171–175, 179, 189) об облегчении участи навечно разжалованного и заключенного в крепость Оренбургского военного гарнизона поэта А. И. Мещёвского (ок. 1792 – ок. 1820). Вероятно, Мещёвский был знаком Жуковскому еще со времени обучения первого в Московском университетском благородном пансионе; несколько стихотворений Мещёвского вошли в изданные Жуковским поэтические антологии: СРС (1810–1815) и «Собрание образцовых русских сочинений и переводов» (1815–1817). Подробнее о Мещёвском и его отношениях с Жуковским см.: Роскина Н. А. Новое о поэте А. И. Мещёвском // ЛН. М., 1956. Т. 60. С. 537–540; письма Мещёвского к Жуковскому и Вяземскому – РГАЛИ, он. 1, № ПО; ф. 195, №2308. И хотя все вышеупомянутые источники относятся к первым месяцам 1817 г., другие эпистолярные материалы свидетельствуют о том, что Жуковский узнал об участии Мещёвского и принял меры для ее облегчения раньше: в письме к А. П. Киреевской от 15 сентября 1816 г. Жуковский передал ей какое-то несохранившееся письмо об участии Мещёвского: «... посылаю вам письмо, полученное из Сибири. (...) Вам же, мои милые сестры, посылается оно только для того, чтобы вы со своей стороны подали также помощь М.» (РС. 1883. №9. С. 537). фамилия, обозначенная буквой «М.», раскрывается в письме тому же адресату от 7 ноября 1816 г.: «Благодарствуйте за Мещёвского!» (Там же. С. 541). Кроме того, сохранилось письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 27 сентября 1816 г., в котором адресант уведомляет последнего о том, что «... получил несколько писем от Жуковского» после его продолжительного молчания. Вероятно, в этих письмах содержалась информация о судьбе Мещёвского, поскольку далее Вяземский обращается к адресату с просьбой похлопотать о ссыльном поэте: «Он [Жуковский] писал тебе о Мещёвском. Приложим однодушные старания. (...) Надобно вытащить его из бездны». Наконец, в этом же самом письме Вяземский сообщает Тургеневу о своем намерении издавать сочинения покойного Озерова (2-я часть этого издания вышла в СПб. в 1816 г.; 1-я – биографией Озерова, написанной Вяземским, – в 1817 г.). И далее именованного Мещёвского и безумного Озерова сближены в контексте письма, предельно реми-нисцентного первому четверостишию комментируемого послания, по своей общей мысли о невыносимой участи русских поэтов вообще: «... государство, где Озеровы принуждены для куска хлеба служить в лесном департаменте и где найдешь не одного Мещёвского, а сотни...» (ОА. Т. I. С. 53–54). Все это позволяет предположительно атрибутировать послание Жуковского как обращенное к П. А. Вяземскому и отнеси время его создания к сентябрю 1816 г. Ст. 9. Ты имя мудрого мне дал... – Этот стих можно рассматривать как косвенное подтверждение того, что послание Жуковского обращено к П. А. Вяземскому. Хотя ни в одном из известных стихотворных посвящений последнего Жуковскому эпитет «мудрый» прямо не присутствует, но в стихотворении Вяземского «К Батюшкову» (1815) «почетный наш поэт» – Жуковский отождествлен с Горацием, символическим воплощением житейской мудрости, и Эпиктетом, столь же устойчивым выражением мудрости философической: «Почетный наш Поэт, // (...) Жуковский в ранни годы // Гораций-Эпиктет» (Вяземский. Т. 3. С. 103–104). Ст. 11. На диком Гохланде скучал... – Гохланд (Hogland, Suursaari) – скалистый остров в Финском заливе, ближе к эстонскому берегу; принадлежал к Выборгской губернии. Гохланд весь состоит из гранитных утесов, покрытых сосновым и еловым лесом. На эстонском побережье напротив Гохланда расположен город Вызу (Войзек, Выйзика), где находилась мыза одного из ближайших дерптских друзей Жуковского, Тимофея фон Бока, который в августе 1816 г. договорился с Жуковским о его приезде в Выйзику, однако этот визит, видимо, состоялся позже (см. примеч. к стих. «Т. Е. Боку» («Мой милый Бок...»)). Ст. 61–62. Что ехать я хотел, хотел, II Да лето в Дерпте просидел... – Во второй половине июня 1816 г. Жуковский писал А. И. Тургеневу о своем скором отъезде в Ревель (ПЖТ. С. 157) и о планах в течение июля и августа, после морских купаний в Ревеле, совершить поездку по Лифляндской Швейцарии (округ г. Вендена, ныне Цесиса – ПЖТ. С. 158). Однако в письме А. П. Киреевской, датированном «летом 1816», эти две поездки упомянуты в обратном порядке – сначала путешествие по Лифляндской Швейцарии, предпринятое, скорее всего, в одиночку, а потом – морские купания в Ревеле, куда Жуковский ездил вместе с Протасовыми и И. Ф. Мойером (РС.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh 1883. №9. С. 535–536); так что к середине июля Жуковский, вероятно, был уже в Дерпте.

Ст. 75---77. И между тем как в телескоп ~ Смотрели наши астрономы...– Знаком-ство Жуковского с известным астрономом Ф. В. Струве, экстраординарным про-фессором Дерптского университета, удостоверено письмом Жуковского к Л. И. Тур-геневу от 12 апреля 1815 г. (ПЖТ. С. 146).

Ст. 115. К пункту последнему, к портретам...– Этот стих, как и ст. 12–15: «Ты говоришь, что два портрета ~ Тебе пришлю я дружбы ради...», является ответом на просьбу, высказанную, видимо, Вяземским, прислать портреты М. А. Протасовой и А. А. Воейковой, рисованные Жуковским. Как известно, в 1816 г. Жуковский брал уроки рисования и гравирования у дерптского художника Зенфа (Петухов. С. 74).

Ст. 132–133. Заочно рисовать кого-то II Я раз пятнадцать начинал...– Косвен-ное подтверждение даты создания послания: в течение 1816 г. семейство Воейко-вых в Дерпте отсутствовало. А. А. и А. Ф. Воейковы путешествовали по югу России (см.: РС. 1883. №8. С. 228; ПЖТ. С. 157). А. А. Воейкова вернулась в Дерпт лишь к октябрю 1816 г., о чем свидетельствует ее приписка к письму Жуковского А. П. Киреевской от 23 октября 1816 г. (РС. 1883. № 9. С. 539).

О. Лебедева

«Аглая грация, в России потаскушка...»

(С. 370)

Автограф неизветен. Копии:

1) ПД, ф. 588, № 9625, л. 10 – рукою А. П. Зонтаг в ее альбоме.

2) РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 16–рукою М. А. Мойер, с да-той: «1816 ноябрь».

При жизни Жуковского не печаталось. Печатается впервые. Датируется: ноябрь 1816г.

В тетради рукописей из архива Елагиных, содержащей копии стихотворений Жуковского, вероятно переписанных для А. П. Киреевской–Елагиной ее родст-венницей и подругой М. А. Протасовой–Мойер, кроме даты: «1816 ноябрь», есть еще помета: «Дерпт». Жуковский в это время действительно находился в Дерпте, но утверждать с полной уверенностью, что эпиграмма на Шаликова родилась именно здесь в ноябре 1816 г., вряд ли возможно, хотя исключить такое предпо-ложение тоже нельзя. Она могла возникнуть как отклик на сатирическую харак-теристику А. Ф. Воейкова из «Дома сумасшедших», в одну из палат которого был заключен и Шаликов: он «(...) кличет граций здешних мест// И, мяуча сладостра-стно, // Размазню без масла ест» (Арзамас–2. Кн. 2. С. 169).

Несомненно одно: эпиграмма на поэта-сентименталиста и издателя альманаха «Аглая» князя П. И. Шаликова (1767 или 1768–1852) была создана в атмосфере «Арзамаса», где его личность имела знаковый характер как выражение ложной чувствительности и эпигонства. Альманах Шаликова «Аглая» (1808–1812) рождал естественные ассоциации с одноименным альманахом Н. М. Карамзина, издавав-шимся в 1794–1795 гг., и воспринимался как плагиат. Здесь можно указать на эпиграмму некоего Гартмана, созданную между 1808 и 1812 гг. и, вероятно, из-вестную в литературных кругах: О Карамзин! Твоя младая, Любезна, кротка дочь Аглая Повсюду умницей слыла; Но лишь с князьями стала знаться И в красной ута.ту к нам являться, Она, увы! с ума сошла.

(Русская эпиграмма: XVIII – начало XIX века.

л., 1988. С. 160)

(Курсив автора, намекающий не только на красную обложку журнала, но и на женщину легкого поведения.)

Каламбурное обыгрывание заглавия шаликовского альманаха через соотноше-ние с именем одной из трех харит (граций) присутствовало уже в арзамасской са-тире К. Н. Батюшкова «Видение на берегах Леты». К стихам, адресованным Ша-ликову: «Увы, я пастушок (...) Вот мой Амур, моя Аглая», было сделано примечание: «Аглая, несчастная Грация, вовсе не дева, а журн(ал) кн. Шаликова» (Батюшков. Т. 1. С. 374). Жуковский лишь заострил эту характеристику, хотя можно предпо-ложить, что Батюшков был знаком с эпиграммой Жуковского и прибавил приме-чание позднее.

Ст. 2. О Шаликов Петрушка...– Каламбурное обыгрывание имени князя Шали-кова–Петр через соотношение с известным героем народного кукольного театра.

А. Янушкевич

«За множество твоих картин...»

(С. 371)

Автограф неизвестен. Ко и и и:

1) ПД, ф. 588, № 9625, л. 20 об.– рукою А. А. Воейковой в альбоме А. П. Зонтаг.

2) РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 16–рукою М. А. Мойер. При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые. Датируется: ноябрь 1816г.

Текст эпиграммы в копии № 2 идет вслед за эпиграммой «Аглая грация, в Рос-сии

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh по-таскушка...» и имеет ту же творческую историю и основания для датировки (см. примеч.).

Героями эпиграммы выступают два объекта арзамасской сатиры – стихотворец граф Д. И. Хвостов (1756–1835), член «Беседы любителей русского слова», символ графоманства, и писатель, историк, собиратель древностей, издатель, художник-дилетант П. П. Свинын (1787–1839), склонный к сенсационным вымыслам и отличавшийся плодовитостью в своих многочисленных «Путешествиях...» и в живописи. В 1815 г. вышел его «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», вызвавший отклики в арзамасских выступлениях (см.: Арзамас–2. Кн. 1. С. 269, 310). По всей вероятности, Жуковскому была знакома сатирическая характеристика Свинына из «Дома сумасшедших» А. Ф. Воейкова:

Вот чужих статей писатель
И маляр чужих картин, книг безграмотных издатель,
Северный орел – Сейм ним. Он фальшивую монетой
Целый век перебивал И, оплеванный всем светом,
На цени приют сыскал

(Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX-го века. М.; Л.: Аса-demia, 1931. Т. 1. С. 526).

Эпиграмма Жуковского своей параллельной характеристикой Хвостова и Свинына закрепляла арзамасскую традицию высмеивания графоманства и эпи-гонства.

А. Янушкевич

В. А. Жуковский в день рождения своего нашел перстень, Аполлонову голову; при оном была записочка, в которой объяснено, что перстень не ему, а его мизенцу [1] «Нельзя ль вам моего решить недоуменья?..»

[2] «Нашелся ль, дайте мне ответ...»

(С. 371)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, ф. 550, он. НИ. Q XIV. 153, л. 14–15) – рукою М. Н. Дириной, с подписью: «Ж.»

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ИОРЯС. СПб., 1911. Т. XVI. Кн. 2. С. 38–40. Публикация И. А. Бычкова. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии. Датируется: конец января – начало февраля 1817 г.

Датировка предположительная. И. А. Бычков, при первой публикации этих текстов, поступивших в Имп. Публичную библиотеку в составе архива М. Н. Дириной-Рейц, деритской знакомой Н. М. Языкова и посетительницы салона А. А. Воейковой, счел Дерит наиболее вероятным местом их создания (Отчет ИПБ за 1902 г. СПб., 1910. С. 188–191; ср.: ИОРЯС. Т. XVI. С. 38).

В таком случае они могли быть написаны только в 1817 г. – единственный день рождения, который Жуковский провел в Дерите, приходится на 1817 г., время после свадьбы М. А. Протасовой и И. Ф. Мойера (венчание состоялось 14 января; день рождения Жуковского – 29 января, а уехал он из Дерпта лишь в сентябрь 1817 г. – см.: ПЖТ. С. 179). Таким образом, если предположить, что эти стихотворения были написаны в Дерпте, так как находятся в дерптском альбоме М. Н. Дириной, то время их создания определяется днем рождения Жуковского – 29 января 1817 г.

Точно установить, кто был адресатом послания, не удалось, но можно предположить, что оно адресовано А. А. Воейковой, которая и подарила «мизенцу» Жуковского перстень с Аполлоновой головой, поскольку в ст. 40–45 упоминается близкое соседство с дарителем перстня: известно, что местопребыванием Жуковского в Дерите была так называемая «чердачная горница» в доме Воейковых. О. Лебедева

«Варвара Павловна, Графиня и княжна!..»

(С. 373)

Автограф (пд. № 27807. Книга Александры Воейковой, л. 48) – черновой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется: между 14 и 24 марта 1818 г.

Основанием для датировки незавершенного наброска послания служат, во-первых, его положение в рукописи (в контексте стихотворений «Горная дорога», «Тленность», «Деревенский сторож в полночь», над которыми Жуковский работал весной 1818 г.), а во-вторых, реалии самого текста, свидетельствующие о его тесной сюжетной связи с тремя посланиями «к Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой...», созданными в течение кратковременного пребывания Жуковского в Гатчине с царским двором (вторая половина марта 1818 г. – см. примеч. к этим посланиям).

Публикуемый набросок послания, адресованного тем же фрейлинам (какая «княжна» имеется в виду, установить не удалось, но, скорее всего, это Е. Г. Волконская (Лизета), которая является адресатом последующих посланий), содержит и сюжетные

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh переключки с тремя вышеупомянутыми текстами: здесь также фигурируют герои романа М. Коттен «Матильда, или Крестовые походы», который Жуковский читал в Гатчине: Малек-Адель, Матильда, Гильом, Лузиньян. Это позво-ляет хронологически соотнести публикуемый набросок с периодом работы Жуковского над тремя гатчинскими посланиями к В. П. Ушаковой и П. А. Хилковой.

Ст. 4, 10–11. Той сказки, где герой прелестный Сатана? (...); Он вздумал грешника навек отнять от рая II И отнял, хитростью безумц оболыцая!..– Вероятно, в этих стихах речь идет о балладе «Громобой», первой части старинной повести в двух балладах «Двенадцать спящих дев», только что вышедшей первым отдельным изданием в полном текстовом составе (СПб., 1817). Ср. характеристики Сатаны в балладе «Громобой»: «С хвостом, когтьми, рогами»–«Страшный мой герой с рогами и хвостом» – в публикуемом наброске; «И оболыстителю душой // За злато поклонился» («Громобой»)–«Хитростью безумца оболыцая» (публикуемый текст). Ср. также именование жертвы оболыщения «грешником» в обоих текстах. Сам факт того, что Жуковский приглашает фрейлин послушать чтение давно завер-шенной баллады «Громобой» в связи с общим интересом к роману М. Коттен и в контексте своих опытов иронического предложения романной прозы в «домашней» поэзии, свидетельствует о тесной эстетической соотнесенности в поэтиче-ском сознании Жуковского образцов «домашней» и профессиональной «повество-вательной» поэзии (как известно, источником баллады «Двенадцать спящих дев» был прозаический роман немецкого писателя Х. Г. Шииса «Die zwölf schlafenden Jungfrauen, eine Geister Geschichte»).

Н. Вётшева, О. Лебедева

Всевысочайшему существу Подражание Гердеру, написавшему сии стихи в последний день своей жизни

(«Господь мой, Бог–Бог сил несчетных...») (С. 373)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, №16, л. 1–1 об.)–рукою М. А. Протасовой, на отдельном двойном листке. При жизни Жуковского не печаталось. Печатается впервые. Датируется: предположительно 1810–е гг.

Атрибуция текста Жуковскому предположительна. Никаких свидетельств его работы над стихотворением не обнаружено, хотя известно, что в 1810–1816 гг. он читал философские и историко–литературные труды И. Г. Гердера и намеревался переводить его стихотворения (ПЖТ. С. 88, 164; Арзамас. С. 70). Поэтому целесо–образно было бы включить этот текст в раздел «Dubia».

В пользу авторства Жуковского можно выдвинуть следующие аргументы: ус–тойчивый интерес русского поэта к наследию немецкого просветителя И. Г. Гердера (подробнее см.: Реморова. С. 125–234), отсутствие в копии указания имени автора перевода–все тексты Жуковского, переписанные сестрами Протасовыми, имеют эту особенность, тогда как их копии стихотворений других поэтов обяза–тельно снабжены указанием автора текста. Наконец, в пользу авторства Жуков–ского говорит и то обстоятельство, что текст перевода из Гердера имеет явные пе–реключки со стихотворением «Гимн» Дж. Томсона, над переводом которого поэт работал в 1808 г., а также содержит один из излюбленных лейтмотивов лирики Жуковского–непостижимости творения и невыразимости лирической эмоции. Текст Гердера, явившийся источником перевода Жуковского, напечатан в од–ном из томов Полного собрания сочинений немецкого поэта, частью которого располагал Жуковский (J. G. von Herder's sammtliche werke. Bd. 23. Tubingen, 1809. S. 457–458; см. также: Описание, № 1279). В этом томе опубликована одна из последних историко–литературных работ немецкого просветителя «Fruchte aus den sogenannt goldnen Zeiten des achtzehnten Jahrhundert» («Плоды так называе–мого золотого века XVIII столетия»; 1801–1803), к которой приложен своеобраз–ный издательский некролог под заглавием «Tod Herders» («Смерть Гердера»). В нем процитирован текст, послуживший источником перевода. В некрологе имеет–ся указание, выделенное жирным шрифтом, на то, что это стихотворение стало последним поэтическим произведением Гердера: «In prophetischem Geist schrieb er diese Strophen–die letzten seines Lebens» («В пророческом восторге написал он эти строфы – последние в своей жизни»).

Не исключено, что по смерти Гердера (1803) этот некролог мог быть напеча–тан отдельно и стал известен Жуковскому до того, как он обзавелся Полным соб–ранием сочинений немецкого поэта. Поскольку текст стихотворения Гердера не является широко известным, приводим его в подлиннике, с нашим подстрочным переводом: «Kг miet den Hiininel, stillt die Moego; Gericht iiki keeht isl tun ihn her! Er ist dor Horr! Dor Got! der Heerc! Er ist! –wo ist oin Gott, wie Er?

In пене Gegenden eitziickt

Sehatit inein begeistertes Aug' uinher – erblickt

Den Abglanz hoher Gottheit, ihre welt,

Und dicscn Hiininel, ihr Gezelt!

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu

Mein schwacher Geist, in Staub gebeugt,
Faßt ihre Wunder nicht und schweigt.

(Он измеряет небеса, умиротворяет моря; // Суд и Право предстоят Ему! // Он Гос-подь! Бог воинств! // Он есть Сущий! Где есть Бог, подобный ему? // Восхищенный в новые области, // Мой восторженный взгляд замечает окрест // Отблеск всевыш-него Божества, его мир, // И это небо, его шатер! // Мой слабый дух, склоненный во прах, // Не постигает его чуда и молчит).

Жуковский в целом точно передает содержание подлинника, в отдельных слу-чаях лишь дополняя и распространяя его (10 стихов Гердера он перелагает в 16). Сохраняет он и общий рисунок стиха Гердера–разностопный ямб, хотя изменя-ет строфику и систему рифм.

Отсутствие каких-либо конкретных свидетельств о времени создания перевода побудило составителей принять ту датировку, с которой текст был описан в архи-ве РГБ,–1810–е гг.

О. Лебедева

«Спеша без всякого роптанья...»

(С. 374)

Автограф (РНБ, он. 1, № 29, л. 54 об.)–беловой. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 87 (ст. 1–10).

Впервые полностью: С 10. С. 996–с подзаголовком: «Княжне ***».

Печатается по тексту С 10, со сверкой по автографу. Датируется: конец июля 1820 г.

Датировка предположительная: на основании местоположения в рукописи (на л. 54–дата: «27 июля», а контекст рукописи – павловские послания 1820 г.).

По всей вероятности, адресат послания–фрейлина, гр. Е. П. Шувалова, участ-ница многочисленных спектаклей и «живых картин» в Павловске (см. примеч. к стих. «К графине Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца»).

Н. Вётгиева

«Согласен я: мой мирт уныл!..»

(С. 375)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 55)–черновой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 88 (ст. 1–3).

Впервые полностью: С 10. С. 996–с заглавием: «Мирт».

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: конец июля–август 1820 г.

Черновой незавершенный текст датируется по местоположению в рукописи, что представляется возможным благодаря последовательной хронологии текстов в «павловской тетради» (№ 29).

Адресат послания – возможно, фрейлина, графиня С. А. Самойлова, увлечение которой пришлось на 1819 г. Летом 1820 г. становится ясно, что на любовь Жу-ковского Самойлова не ответила взаимностью, а осенью этого же года стала невес-той гр. А. А. Бобринского, за которого и выходит в апреле следующего года замуж.

Стихотворение, точнее его набросок, отражает расставание Жуковского с ил-люзиями и объектом этих иллюзий.

Ст. 1. (...) мой мирт уныл!..– Мирт (мирта)–род вечнозеленых кустарников и деревьев. В библейской традиции–эмблема для обозначения славы и благоден-ствия Церкви Христовой. Но, вероятно, Жуковский использует символику мирта, связанную с брачным украшением на Востоке (см.: Библейская энциклопедия. М., 1990. С. 475–476). Эпитет «уныл» подчеркивает разрушение упований Жу-ковского на брак с С. А. Самойловой.

Н. Вётгиева

«И Феб и музы известились...»

(С. 375)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 55 об.)–черновой. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 88 (ст. 1–4). Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 135.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: конец июля–август 1820 г.

Датировка предположительная–по местоположению в рукописи (см. примеч. к стих.

«Согласен я: мой мирт уныл!..»). Содержание наброска также связано с ат-мосферой павловских посланий 1820 г., обращенных к фрейлинам.

Ст. 16. Княжна Хованская, Хилкова...–фрейлины ими. Марии Федоровны – княжна Софья Сергеевна Хованская (в замуж, кн. Гагарина) и княжна Прасковья Александровна Хилкова.

И. Вётгиева

«Оставьте вы свою привычку...»

(С. 376)

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Автограф (РНБ, он. 1, №29, л. 59)–черновой.
При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: С 10. С. 996–в разделе: «Дополнения».
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: июль–август 1820 г.
Основание для датировки – местоположение автографа в контексте летних павловских посланий 1820 г. и шуточный характер содержания, связанный с общей атмосферой стихотворений этого времени, адресованных фрейлинам.
По всей вероятности, послание обращено к фрейлине вел. княгини Александры Федоровны, гр. Е. П. Шуваловой (в замуж, гр. Шлиффен; 1801–1858), адресату нескольких посланий Жуковского, написанных на смерть ее чижиков (см. примеч. к стих. «Эпитафия Мими», «На смерть чижики»).

Н. Вётгиева
«Гельвеция, приветствую тебя...»
(С. 376)

Автограф (РНБ, он. 1, № 26, л. 99)–черновой. При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 63 (ст. 1–4)–с примечанием: «Набросок небольшого стихотворения, относящегося, но всему вероятно, ко времени первого путешествия Жуковского по Швейцарии, т. е. к 1821 г.»
Печатается впервые полностью.
Датируется: конец июля 1821 г.
Набросок стихотворения находится в отдельной тетрадке в 8-ю долю листа; на л. 99–100–программа путешествия по Швейцарии.
В дневнике Жуковского периода первого заграничного путешествия 1821– 1822 гг. записи от 25 июля н. ст. предшествует заголовок: «Швейцария» (Дневники. С. 121). Это была первая встреча поэта со страной, ее природой и культурой, хотя заочное литературное знакомство, выразившееся в чтении произведений Бонне, Зульцера, Циммермана, увлечении творчеством А. Галлера и С. Геснера, произошло значительно раньше (см.: Резанов. Вып. 2. С. 243–248, 254, 486–490).
Но именно во время путешествия 1821 г. Жуковский открыл визуально Швейцарию и, по справедливому замечанию исследователя, «главным „собеседником“ Жуковского в Швейцарии оставалась альпийская природа, в которой он ио-ка-рамзински искал философский смысл и уже по-своему–источник поэтических образов и настроений» (Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984. С. 143). В дневниковых записях и письмах к вел. княгине Александре Федоровне свои впечатления от картин швейцарской природы Жуковский насыщает настроением тихой печали, что нашло отражение в наброске стихотворения. Естественным дополнением этих впечатлений стали его швейцарские рисунки (см.: РБ. 1912. Ноябрь–декабрь. С. 57–58).
По всей вероятности, стихотворный набросок был лишь фрагментом большого замысла произведения о путешествии по Швейцарии и Италии. Его подробный план сохранился в архиве поэта. Вот его начало, совпадающее с наброском: «При-ветствую тебя, Гельвеция–барка плывет–воды зеленые–вдали за туманом...» и т. д. (РНБ, он. 1, №26, л. 1).
Ст. 1. Гельвеция, приветствую тебя...– Helvetia–лат. название Швейцарии, до сих пор сохранившееся на почтовых марках.

Л. Янушкевич
(Послание к И. И. Козлову)
(«Меня ты, друг, предупредил...») (С. 377)

Автограф (РГАЛИ, он. 1, № 17) – белой, без заглавия. Копия (ПД. Р. I, он. 9, №55, л. 1) – рукою неустановленного лица, с заглавием: «Ответ Жуковского поэту Козлову». При жизни Жуковского не печаталось. Печатается впервые.
Датируется: предположительно конец 1823 г.
В жизни поэта Ивана Ивановича Козлова (1779–1840) Жуковский занимал совершенно особое место. Прикованный к постели, ослепший, Козлов не только постоянно ощущал моральную и материальную его поддержку, но и видел в нем своего «ангела-хранителя», поэтического вдохновителя. В сохранившихся дневниках Козлова за 1819–1820, 1825, 1830, 1833, 1837–1838, 1840 гг. имя Жуковского всегда связано с рождением новых поэтических замыслов, чтением новых произведений, освобождением от физических страданий. Вот лишь несколько характерных записей: «Пришел Жуковский: мы беседовали чрезвычайно интересно– я был очень взволнован»; «Читал с Жуковским „Гяура“. Как я люблю этого милого Жуковского»; «Я страдал. Столь любимый мною Жуковский прибыл из Павловска. Я ему читал мой перевод „Bride of Abydos“ [„Абидосской невесты“ Байрона]. Он мне дал прекрасные стихи, которые он написал для Великокнягини по поводу цветка»; «Жуковский оставался у меня долго... Он мне сообщил, что Императрица пожаловала мне перстень» и т.д. (Син. СПб., 1906. кн. 11. С. 40–41).
Как справедливо заметил К. Я. Грот, «с В. А. Жуковским Козлов (...) был в са-мой

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
нежной дружбе, которая основывалась не только на взаимной симпатии ха-рактеров и
сходстве душевного склада, но и на общности вкусов и поэтического настроения, на
единомыслии в главных вопросах жизни. Поэтому частое общение с нашим славным
поэтом было потребностью и источником духовных наслажде-ний для Козлова» (Там
же. С. 40). В своем обзоре русской литературы 1823 г., предназначенном для
царственных особ, Жуковский дал развернутую характери-стику «слепца Козлова»,
подчеркнув, что «для него открылся внутренний богатый мир в то время, когда
исчез внешний», и обращал внимание на его тяжелое мате-риальное положение
(Эстетика и критика. С. 312–313).

Жуковский не только закрыл глаза умирающему другу, проводил его в послед-ний
путь, но и сделал все возможное для издания его произведений и материаль-ного
обеспечения его семьи. Статья «О стихотворениях И. И. Козлова» стала
свое-образным памятником Жуковского на могилу поэта-страдальца.

Переписка поэтов дает представление об их человеческих отношениях и твор-ческих
связях. Известны поэтические послания Козлова, обращенные к Жуков-скому, в
частности его обширное стихотворное послание «К другу В(асилию) А(нд-реевичу)
Ж(уковскому) по возвращении его из путешествия». Впервые публикуе-мое «Послание
к И. И. Козлову» дополняет картину этих отношений.

К сожалению, о времени создания этого небольшого стихотворного послания говорить
можно только предположительно. Никаких документальных свиде-тельств об этой
встрече ни в письмах, ни в дневниках поэтов не зафиксировано, да и характер
автографа и копии не вносит никакой ясности в этот вопрос. Мож-но только
гипотетически, на основании содержания самого текста, сказать, что, вероятно,
речь идет о времени написания стихотворения «Я Музу юную, быва-ло...», т. е. о
конце 1823 г. Ср.: «Приду яс музой молодою...»; «Хочу я с музой со-греться...»
Это стихотворение Жуковский считал своей эстетической программой (см. примеч. к
стих.), и поэтому было естественным его желание познакомиться с ним друга-поэта.
Встречи поэтов в это время были довольно регулярны.

А. Янушкевич

«Перу, княжна, я отдаю...»

(С. 377)

Автограф (РНБ, он. 1, №30, л. 16)–черновой. При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 90 (ст. 1–4)–с указанием: «Неконченный набросок
стихотворения, в альбоме». Печатается впервые полностью. Датируется: лето 1823
г.

В рукописи альбомный экспромт находится в контексте черновых автографов
павловских стихотворений лета 1823 г. Даты: «12 мая 1822 г. в Павловске» (л. 3),
наброски стихотворной повести «Замок Смальгольм» (июль 1822), черновики
сти-хотворений «Ангел и Певец» и «Я Мру юную, бывало...», которые окружают
сти-хотворение, и «Прощальной песни, петой воспитанницами Общества благород-ных
девиц, при выпуске 1824 года» (л. 19), идущей вслед за ним,–позволяют го-ворить
о лете 1823 г. как наиболее вероятном для датировки этого наброска.

Тематически и стилистически стихотворение перекликается с посланием «(Гр. А. Е.
Комаровской)», с эстетическим манифестом «Я Музу юную, бывало...» и, вероятно,
обращено к одной из фрейлин.

Н. Вётгиева

Послание к Тутолмжну

(«Давно уж знает свет...») (С. 378)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 15, л. 3, 4 об.)–черновой, без заглавия. При жизни
Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 43 (ст. 1–6).

Печатается впервые полностью. Датируется: февраль (не позднее 19-го) 1825 г.

20 февраля 1825 г. А. И. Тургенев сообщает П. А. Вяземскому: «Жуковский мне дал
вчера два послания: одно к Тутолмину о карете, а другое к фрейлине гра-фине
Комаровской {...}» (ОА. Т. 3. С. 98). Нет никаких сомнений: речь идет имен-но об
этом стихотворении, что и позволяет его датировать первой половиной фев-раля.
Учитывая, что Жуковский свои стихотворные экспромты, записки, просьбы писал
непосредственно накануне описываемого события, можно уточнить эту да-тировку и
говорить о 19 февраля 1825 г.

Адресат послания–Иван Васильевич Тутолмин (1761–1839), камергер, член
Государственного совета, был также председателем совета в Екатерининском
ин-ституте (см.: Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. ГИХЛ, 1955. Т. I С. 114). Так
как выпускные экзамены в Екатерининском институте обычно происходили в февра-ле,
а Жуковский традиционно писал для них свои «Прощальные песни...», то мож-но
предполагать, что его просьба об экипаже могла быть связана с этим событием.

Я. Вётгиева

«Забавляйтесь, как хотите...»

(С. 379)

Автограф (ПД. Р. I, оп. 9, № 18, л. 1)–беловой. При жизни Жуковского не

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu печаталось. Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 121.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: середина 1822–апрель 1826 г.

Датировка предположительная. Основание для нее дает запись на обороте ли-стка с текстом экспромта: «Екатерине Александровне Воейковой», имеющая в ви-ду адресата–старшую дочь А. А. и А. Ф. Воейковых–Катю (1815–1844). Скорее всего, стихотворная записка Жуковского была написана в тот период жизни Жу-ковского, когда он делил квартиру с семейством Воейковых в Петербурге, куда Воейковы переехали из Дерпта в 1820 г. (в доме купца Меншикова на углу Нев-ского проспекта и Караванной улицы; современный адрес–Невский пр., №64. См.: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 176–177).

Жуковский прожил в этой квартире, расположенной неподалеку от места его службы, Аничкова дворца, примерно с середины 1822 г. (квартира была нанята вскоре после возвращения Жуковского из первого заграничного путешествия – в Петербург поэт приехал 6 (18) февраля 1822 г.; см.: Дневники. С. 178) по первую декаду мая 1826 г., когда он отправился во второе заграничное путешествие (11 мая 1826 г.; Дневники. С. 178).

Хотя стихотворение адресовано Е. А. Воейковой, но множественное число лич-ного местоимения «вы» свидетельствует о том, что оно обращено к обеим дочерям Воейковых–Кате и Саше (А. А. Воейкова родилась в 1817 г., умерла в 1893 г.), которым в указанный промежуток времени было от 7 до 11 и от 5 до 9 лет; так что они вполне могли читать сказки Шарля Перро (1628–1723), упомянутого в ст. 2 экспромта: «Перед вами ваш Перо».

О. Лебедева

«По милости своей...»

(С. 379)

Автограф (РНБ, оп. 1, №30, л. 36 об.)–беловой, с исправлением одного слова.

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 92.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 1826–1828 гг.

Основанием для датировки является положение этого стихотворного экспром-та в рукописи: между «Хором девиц Екатерининского института (...)» 1826 года февраля 20 дня» и автографом стихотворения «У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны» (октябрь 1828 г.). Других хронологических ориентиров для датировки стихотворения не обнаружено.

Адресат стихотворения–граф Матвей Юрьевич Виельгорский (1794–1866), камергер, виолончелист. «Знавшие его артисты и придворные, сенаторы и живо-писцы с редким единодушием вспоминали о возвышенной душе, просвещенном уме, добросердечии графа» (Щербакова Т. Михаил и Матвей Виельгорские. М., 1990. С. 69). Жуковский был частым посетителем музыкально–литературного сало-на брата Матвея Виельгорского–Михаила Юрьевича, в доме которого на Италья-янской площади он жил. По точному замечанию, «общение с Жуковским было ду-шевной потребностью» Матвея Юрьевича Виельгорского (Там же. С. 73).

По форме стихотворение представляет собой благодарственную шутивную за-писку о полученном для лотереи благотворительном призе. Первоначально вме-сто «глины горской» было «глины курской», по местонахождению родового име-ния Виельгорских. Датировка ориентировочная, но вероятнее всего, стихотворение написано в конце 1827 г., когда Жуковский возвратился из заграничного путешествия (Днев-ники. С. 205).

Я. Вётгиева

«Тому блаженства будет на год...»

(С. 380)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 30, л. 36 об.)–беловой. При жизни Жуковского не

печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 92.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 1826–1828 г.

И по своему характеру, и местоположению автографа–это характерный экс-промт для лотереи (об этом см. примеч. к «Стихам, написанным для лотереи в пользу бедных».

Я. Вётгиева

(Альбом)

(«Тот истинный мудрец, кто выдумал альбом!..») (С. 380)

Автограф (ПД. Р. I, он. 9, №45)–на отдельном листке, без заглавия и даты. Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), он. 2, карт. 25, № 22, л. 12 об –13)–рукою А. А. Воейковой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 1. С. 10–11–с пояснением: «В бумагах „Светланы“ [А. А. Воейковой] мы нашли черновое неотделанное стихотворение, написанное его рукою, дающее любопытную характеристику модных тогда, дружеских аль-бомов».

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
Печатается по тексту первой публикации, с уточнением по автографу. Датируется:
предположительно серединой 1820-х гг.

О датировке стихотворения можно говорить достаточно условно. Во всяком случае, оно было создано до смерти А. А. Воейковой в феврале 1829 г. По всей вероятности, стихи написаны по просьбе А. А. Воейковой для альбома ее подруги Прасковьи (Полины) Васильевны Толстой (урожд. Барыковой; 1796–1879), о чем свидетельствует их копия. Эта копия сделана в «Альбоме Полины», и ей предшествует французский текст стихотворения, который послужил источником для экс-промта Жуковского. Приводим его целиком:

L'invention des albums n'est pas un badinage;
Gloire a l'inventeur dont l'oeil percent et sage
A vu que dans ce siecle ой l'on a tant d'amis
On les oublie parfois, ce qui est bien permis,
Vu qu'ils sont trop nombreux; mais qu'un ami resiste
Quelque temps a l'album lorsqu'il est sur la liste.
Moyennant un album, quand on est oisif,
On fait appel d'amis, c'est un plaisir bien vif.
Mais je l'entends d'ici, ce misanthrop austere
Qui me crie: ah! Monsieur, cependant nos grands peres,
Qui n'avoient point d'albums, ayant un moyen meilleur,
Les noms de leurs amis s'ecrivoient sur le coeur.
Ils etoient plus heureux.— Oh, le plaisant rep roc he!
Des amis dans le coeur; pourquoi pas dans sa poche?
Mais un album se perd et les amis —et bien
C'est un inconvenient, tout doit avoir le sien.

Как нетрудно убедиться, Жуковский достаточно свободно обошелся с текстом-источником. Он сжал 16 строк французского текста до 10 стихов и сделал их экс-позицией для поэтической рефлексии о характере современного альбома. Не исключено, что французские стихи были творчеством самой П. В. Толстой и Жуковский писал на заданную ею тему.

Так как дружеские отношения П. В. Толстой и А. А. Воейковой приходятся на последние годы жизни Александры Андреевны, то написание альбомного экс-промта можно датировать серединой 1820-х гг.

Жуковский называл П. В. Толстую «Полиной»; вместе с ней после смерти племянницы (А. А. Протасовой-Воейковой) заботился о ее детях (см.: ПЖТ. С. 253–254; УС. С. 49), сохранились его письма к ней от 1831–1851 гг. (см.: РВ. 1889. № 2. С. 855–856; РС. 1889. № 3. С. 581; Записки ОР РГБ. М., 1952. Вып. 14. С. 41), что позволяет говорить о неслучайности появления этого стихотворения именно в «Альбоме Полины».

О. Лебедева, А. Янушкевич
(Филоктет)

(«Мрачен Лемнос, хромоногий бог Ифеста обитель...») (С. 381)

Автографы:

1) РГАЛИ, оп. 1, № 30, л. 1, 8 об.—черновой (ст. 1–17).

2) РНБ, он. 1, № 26, л. 126—беловой, без заглавия. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 71 (ст. 1–4).

25 – 295

777

Впервые полностью: БЖ. Ч. 3. С. 536–537. Публикация О. Б. Лебедевой. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по беловому автографу.

Датируется: конец марта – начало апреля 1831 г.

Основание для датировки текста дает его черновой автограф, записанный в тетрадке из восьми сшитых листов желтой линованной бумаги без водяных знаков (идентичной той бумаге, на которой записан и беловой автограф стихотворения), в которой находится также беловой автограф баллады «Покаяние»—с датами: «29 марта–5 апреля 1831 г.»).

Отрывок «Филоктет» представляет собою, скорее всего, незавершенный опыт эпического переложения трагедии Софокла «Филоктет», перевод которой Жуковский предпринял приблизительно в это время (см.: БЖ. Ч. 3. С. 527–532). Об обширности замысла Жуковского свидетельствуют наброски плана будущей повести, расположенные на л. 8 об. чернового автографа и крайне плохо поддающиеся расшифровке. О соотношении драматургического перевода трагедии «Филоктет» и комментируемого отрывка см. подробнее: БЖ. Ч. 3. С. 537–541.

О. Лебедева

«Прочь отсель, Меланхолия, дочь Цербера и темной...»

(С. 381)

Автограф (РНБ, он. 1, № 37, л. 26)—черновой. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: ПСС. Т. 11. С. 136 (ст. 1–6)—с неточностями в прочтении автографа.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zh
Печатается впервые полностью.

Датируется: конец февраля – начало марта 1833 г.

Как установлено И. Ю. Виницким в его книге «Утехи меланхолии», отрывок является переводом первых 16 стихов лирической поэмы английского поэта Джона Мильтона (Milton, 1608–1674) «L'Allegro» (Ученые записки Московского культурологического лицея. М., 1997. Вып 2. № 1310. С. 131–132). Время создания перевода – конец февраля – начало марта 1833 г., что связано с четвертой годовщиной со дня смерти Александры Воейковой, умершей в Ливорно 14 (26) февраля 1829 г. (Там же. С. 135). Мысли о Саши, о ее могиле сопровождают поэта в течение всего путешествия по Швейцарии и Италии. 19 (31) октября 1832 г. он пишет надгробную надпись на могилу племянницы (ПЖТ. С. 267); 14 (26) марта 1833 г. он вновь обращается с просьбой к А. И. Тургеневу «положить доску с надписью сверху» могилы А. А. Воейковой (Там же. С. 276). 14 (26) апреля он записывает в дневнике при посещении Ливорно: «Я отправился на кладбище. Долг свой милому праху Саши заплатил только биением сердца при приближении. Остальное смущено иосиешностью, помехою; я срисовал милой гроб наш» (Дневники. С. 274).

Первое обращение Жуковского к лирическому диптиху Мильтона «L'Allegro» и «II Penseroso» относится еще к 1811 г. в «Стихах, присланных с комедиями, которые К*** хотели играть» (см. примеч. к этому стих, в т. 1 наст. изд.), где в образах «милой, веселой, как радость» Аллегро и «пленительной» Пенсерозы Жуковский воссоздал духовный облик сестер Саши и Маши Протасовых, а также свой идеал гармонии земной и небесной жизни.

Замысел задуманного (о чем говорит запись «Allegro» и «Penseroso» на обороте верхней обложки тетради) и начатого в Швейцарии перевода связан с особым настроением поэта, включающим воспоминания о прошедшей юности, любви к Ма-ше, смерти Саши и невозможности посетить ее могилу в Ливорно, наконец, раздумья о жизни и поэзии, о единстве радостного и грустного содержания его религиозно-поэтического мироощущения. «Перевод мильтоновского диптиха (...) мог стать не только реквиемом умершим, но и символическим портретом самой души поэта» (Виницкий И. Ю. Указ. соч. С. 137). Перевод отрывка из поэмы Мильтона гекзаметром во многом связан с эпическими замыслами Жуковского, с чтением «Паломничества Чайльда Гарольда» Байрона, планами поэмы «Италия» (подробнее см.: БЖ. ч. 2. С. 448).

Тема Меланхолии – сквозная для русской сентиментальной и романтической поэзии – занимает важное место в творчестве Жуковского и связана с философским осмыслением особого типа отношения к жизни, сопряженного с настроением грусти, скорби но утратам, просветления в печали. Развитие этой темы от начала 1800-х гг. восходит прежде всего к английской традиции, в частности к Мильтону, предвосхитившему разработку этой темы Голдсмитом, Попом, Драйденом, Греем и оказавшему особое влияние на всю европейскую предромантическую литературу (см.: Топоров. С. 276).

Ст. 1. Прочь отсель, Меланхолия, дочь Цербера... – Цербер (Кербер), в греческой мифологии пёс, страж Аида, чудовище с тремя головами, символ мрака.

Ст. 2. Ночи, рожденна во мраке Стигийской пещеры... – Пещера на берегу Стикса в царстве Аида.

Ст. 6. Там под Эбеновой тенью... – Эбеновое дерево; поэт.: черный, темный.

Ст. 7. ...во мгле Киммерийской... – Киммерийская мгла от названия легендарного народа (см. «Одиссею» Гомера), живущего на крайнем Западе у океана, куда никогда не проникают лучи солнца.

Ст. 9. Ты в небесах Эфрозиной сльвугца... – Благоразумная богиня, воплощающая вечное, радостное и доброе начало.

Э. Жилыкова

«Какая хитрая обманщица надежда!..»

(С. 382)

Автограф (РНБ, он. 1, №26, л. 123) – черновой набросок. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 70 (ст. 1–6). Печатается впервые полностью. Датируется: предположительно конец 1836 г.

Никаких точных свидетельств о времени создания этого стихотворения нет. Его автограф находится в архивном конволюте произведений разных лет, что не позволяет датировать его по положению в рукописи.

Известно, что одна из «героинь» этого шуточного экспромта поэтесса Е. П. Рос-топчина (о ней подробнее см. примеч. к стих. «(Из альбома, подаренного графине Ростопчиной)») приехала в Петербург осенью 1836 г. и именно в конце этого года была в центре внимания литературной общественности Петербурга. По воспоминаниям ее брата С. П. Сушкова, «от зимы с 1836 на 1837 г. сохранились в моей памяти неизгладимые воспоминания о происходивших нередко у Ростопчиных обедах, на которые собирались Жуковский, Пушкин, князь Вяземский, А. И. Тургенев* князь Одоевский, Плетнев, графы Виельгорские, Мятлев, Соболевский,

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu... граф В. Соллогуб и еще некоторые другие лица. (...) Все эти наши литературные знаменитости относились с искренним теплым сочувствием и лестными похвалами к молодой талантливой писательнице» (цит. по: Ростопчина Е. П. Талисман. Л., 1987. С. 269). По всей вероятности, в это время и было написано стихотворение Жуковского, так как впоследствии он относился к поэтессе более серьезно и уважительно, видя в ней едва ли не преемницу Пушкина. Сам стиль стихотворения напоминает «макаронический язык» Мятлева, читавшего отрывки из своих шуточных произведений, предвосхищавших «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границую, дан л'этранже».

Ст. 9. (...) Дьеиммортель...– От фр.: Dieux immortels–о бессмертные боги! В автографе Жуковский рядом с русской транскрипцией дает параллельно французское выражение, которое зачеркивает.

Ст. 10–11. ... коза, медведь, мужик Долбила, II Иван Гвоздила... Жуковский перечисляет героев лубочных картинок «Коза и медведь», «Ратник Гвоздила», «Милицейский Долбила» (см.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки: в 5 т. СПб., 1881–1893. Т. 1. № 179 б.; Т. 2. С. 452. Стб. 315–316). Заметим, кстати, что И. П. Мятлев незадолго до этого сочинил басню «Медведь и Коза», которая пользовалась большим успехом. Так, И. И. Козлов записывает в своем дневнике 1 июня 1834 г.: «Иван Мятлев (...) мне читал прелестные свои вещи и смешную басню „Медведь и Коза"» (СН. 1906. кн. 11. С. 53).

Ст. 12. И де зепу тре ле...–От фр.: Deux ёроих tres laids–два очень уродливых супруга. Первоначально в автографе рядом с русской транскрипцией был дан и французский текст. Сюжет восходит также к лубочной картинке.

Ст. 17. Herr Jesus!..–о Боже! Боже мой! (нем).

Ст. 18. Она картинка с Каменного моста...– Вероятно, имеется в виду Каменный мост в Петербурге, где продавались лубочные картинки, о которых идет речь выше.

А. Янушкевич
«Есть в русском царстве граф Орлов...»
(С. 382)

Автограф (РНБ, он. 1, №26, л. 119)–черновой набросок. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 68 (ст. 1–8). Печатается впервые полностью. Датируется: вторая половина 1837 г.

Стихотворение–шарада адресовано графу Алексею Федоровичу Орлову (1786– 1861), участнику Отечественной войны 1812 г., с 1817 г. генерал–майору, с 1836– члену Государственного совета, с 1844–шефу жандармов и начальнику III отделения, генерал–адъютанту. По долгу своей службы при дворе Жуковский постоянно общался с Орловым, находился с ним в свите наследника во время путешествий по России и Европе.

По всей вероятности, стихотворение относится ко времени после путешествия с наследником по России в мае–октябре 1837 г. На об. л. 119, где набросано стихотворение, находятся чернильные эскизы видов Муратова с окрестностями. Судя по дневниковым записям, в Муратово Жуковский приезжал 19 августа (Дневники. С. 350). Предположительная датировка основывается только на этом свидетельстве, так как автограф стихотворной шарady находится в составе рукописи, включающей произведения разных лет и не имеющей хронологической последовательности.

А. Янушкевич
«Прими, России верный сын...»
(С. 383)

Автограф не обнаружен. При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Гофман. С. 172–173. Печатается по тексту первой публикации. Датируется: около 20 октября 1838 г.

Публикуя текст этого стихотворного экспромта по черновому автографу, М. Л. Гофман заметил: «Это стихотворение мы предположительно датировем 1838–1839 гг. Относится оно, но всей вероятности, к графу Виельгорскому» (Гофман. С. 172). К сожалению, в Онегинском собрании, хранящемся в настоящее время в ПД (ф. 244), в составе которого автограф был описан, текст стихотворения не обнаружен. Выдвинутое предположение исследователя не лишено оснований, хотя и требует уточнений. Речь в стихотворении идет о графе Матвее Юрьевиче Виельгорском (1794–1866), известном виолончелисте и певце, шталмейстере, а с 1839 г. управляющем двором великой княгини Марии Николаевны, приятеле Жуковского. 6 октября 1838 г. по ст. стилю он приезжает в итальянский город Комо, известный своим мягким климатом и великолепными ландшафтами, где находились в это время его брат Михаил Юрьевич и тяжелобольной племянник Иосиф, соученик наследника цесаревича Александра Николаевича. Морально поддержав их, он из–за простуды 20 октября уезжает в Рим, откуда возвращается в Россию. 14 октября в Комо приезжает Жуковский, и буквально сразу же в его дневнике появляется запись: «Видел Вьельгорских» (Дневники. С. 424). Именно к этому времени относится публикуемое послание.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy

В Риме Жуковский не мог провожать Матвея Виельгорского, так как из Комо его путь в свите наследника лежал в Милан, поэтому послание передает атмосферу комских впечатлений и написано на отъезд приятеля. Дневниковые записи Жуковского от 3 (15)–13 (25) октября воссоздают настроение пребывания в Комо, где в связи с прибытием наследника собрался «караван» русских. Торжественные обеды, прогулки на пароходе по озеру, рисование на вилле, где остановились Виельгорские, беседы, встреча с Ф. И. Тютчевым (Дневники. С. 424–429) естественно вписываются в события этих дней.

Организатором всех увеселений был русский генеральный консул в Венеции Василий Иванович Фрейганг (1783–1849), который, по словам Жуковского, «угощал нас солнцем, горами и озером, как своим добром» (Там же. С. 429). Далее поэт цитирует «замечательные стихи», обращенные к консулу:

О Фрейганг, комский господин, Цвети со всем своим ты домом; Ты нам испёк прекрасный блин, Но чуть твой блин не вышел Комом.

(Там же. Запись от 14 (26) октября).

По всей вероятности, это был экспромт самого Жуковского, так как его отзвуки слышны в послании к Матвею Виельгорскому. Каламбурное обыгрывание русской поговорки «первый блин комом» через название итальянского города Комо вновь возникает в этом стихотворении.

А. Янушкевич

«Всесилен Бог. Пред Ним всесильна вера...»

(С. 384)

Автограф (РНБ, оп. 1, №40, л. 6) – белой, с датой: «8 (20) октября 1841. Дюссельдорф».

При жизни Жуковского не печаталось. Впервые: Бумаги Жуковского. С. 107.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: 8 (20) октября 1841 г.

В апреле 1831 г. А. С. Пушкин писал П. А. Плетневу о Жуковском: «Если все еще его несет вдохновение, то присоветуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах; прелесть простоты и вымысла!» (Пушкин. Т. 14. С. 163).

Жуковский совету последовал и спустя десять лет избрал сюжет из «Пролога», сборника житий и поучений, использованный Н. С. Лесковым в повести «Гора» (1888), написанной вскоре после публикации стихотворения в «Бумагах Жуковского» (1887).

Ст. 7. Черновой вариант: «я, иннок недостойный, Поликарп...»

Н. Серебренников

«Помнишь ли, друг мой, Егора Петровича Щетку?...»

(С. 384)

Автограф (РНБ, оп. 1, №40, л. 6) – черновой набросок. При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 107 (ст. 1–3); ПСС. Т. 11. С. 137 (ст. 1–4).

Печатается впервые полностью. Датируется: конец 1841 г.

Черновой наброску этого стихотворения предшествует автограф стихотворения «Всесилен Бог. Пред Ним всесильна вера», точно датированный: «8 (20) октября 1841. Дюссельдорф». Следом идет набросок стихотворения «Друг мой, жизни смысл терпенье...», относящийся к концу 1841 г. Все это позволяет предположительно датировать и этот набросок концом 1841 г.

Стихотворение повествует о петербургской жизни Жуковского осени 1818 г., когда он вместе с овдовевшим А. А. Плещеевым поселился в доме вблизи Кашина моста, расположенном на углу Крюкова канала и Екатерингофского проспекта (ныне проспект Римского-Корсакова, 43), из окон которого открывался вид на Никольский Морской Богоявленский собор («у Николы Морского»). На «субботы» Жуковского в этом доме собирался весь литературный Петербург (См.: Иезуито-ва Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 145–146).

По всей вероятности, набросок, рассказывающий о молодости поэта, обращен к П. А. Плетневу, который был посетителем этого дома в 1818 г. и переписка с которым была постоянной после отъезда поэта за границу.

О герое стихотворения (если это лицо реальное) сведений обнаружить не удалось.

А. Янушкевич

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://zhukovskyvasily.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

сочинений и писем в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. Василий Андреевич Жуковский zhu
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!